

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
MEDICINE AND PSYCHOLOGY /
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ**

2026, Том 9, № 4

Подписано к публикации: 08.06.2026

Главный редактор журнала
Боязитова Ирина Валерьевна, доктор психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

- Агранович Надежда Владимировна** (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Азовцева Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
Акбиева Зарема Солтанмуратовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Аль Замил Мустафа Кхалил М. Дауд (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
Аскерханов Гамид Рашидович (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
Баев Валерий Михайлович (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
Берсенева Евгения Александровна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Васильев Андрей Глебович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гайдуков Сергей Николаевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гвозденко Татьяна Александровна (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
Дергунов Анатолий Владимирович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Дерягина Лариса Евгеньевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Есина Елена Юрьевна (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
Зеленский Владимир Александрович (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ольга Николаевна (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
Карлова Елена Владимировна (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
Козлова Елена Михайловна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Корабельников Александр Иванович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Кудайбергенов Талгат Капаевич (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Куликова Наталья Геннадьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Леонова Елена Сергеевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ловцова Любовь Валерьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
Локшин Вячеслав Нотанович (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Лоскутов Игорь Анатольевич (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Меских Елена Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
Новопольцева Екатерина Геннадьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Пазухина Светлана Вячеславовна (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
Петрова Наталия Гурьевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Петрушкина Надежда Петровна (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Прокопьев Николай Яковлевич (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
Прошин Андрей Владимирович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Прошина Лидия Григорьевна (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Севрюков Федор Анатольевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Скосарев Иван Александрович (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
Спирина Алена Вадимовна (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
Тихомирова Галия Имамутдиновна (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
Ткаченко Ирина Валериевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Федоров Андрей Алексеевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
Хаджиева Зара Джамалеевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
Хандов Сергей Курбанович (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
Хан Майя Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Пахеева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шабанов Петр Дмитриевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Шарабрин Евгений Георгиевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ястребова Елена Борисовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии» включен в перечень ВАК с 04.02.2020г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМН: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-3313 (online)

E-mail: ijmp-journal@yandex.ru

Сайт: <https://ijmp.ru>

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Красильникова Н.В., Плетнев В.В., Петрова Ю.А., Кишкина М.А.**
Исследование противовоспалительной активности настойки корней
лопуха большого на модели ожирения у крыс 7-14
- Чувинова И.В., Садчикова Д.С., Хворова М.С., Сафрошкина К.А., Барамыкин Ф.В.**
Применение технологий искусственного интеллекта в отделении реанимации:
современное состояние, клиническая эффективность и перспективы внедрения 15-23
- Ерушина Т.Е., Асанов Давид Ширин угли, Соловей В.А.**
Фармакотерапия боли: клинико-фармакологические аспекты рационального
использования анальгетиков 24-31
- Бахарева Т.С.**
Редкое осложнение инфаркта миокарда нижней локализации: клинический
аспект разрыва межжелудочковой перегородки 32-39
- Пятернёв М.И., Дехтяренко О.Г., Назаренко Н.А., Громова Л.Е.**
Сравнение эффективности основных групп антигипертензивных
препаратов в лечении больных с артериальной гипертензией 40-46
- Горлов А.А., Белоглазов В.А., Яцков И.А., Кошукова Г.Н.**
Показатель эрозий суставных поверхностей по сравнению с показателем сужения
суставных щелей по модифицированному методу Sharp-van der Heijde
сильнее ассоциирован с титром антител 47-56
- Красильникова Н.В., Плетнев В.В., Петрова Ю.А., Кишкина М.А.**
Оценка влияния настойки корней лопуха большого на фиброз легких у мышей 57-65
- Петров А.А., Борукаева И.Х.**
Современное представление о патофизиологических механизмах
эпителиального стресса роговицы 66-78
- Клиндухова М.О., Литвинова В.В.**
Противовоспалительный потенциал неинвазивной электростимуляции мозга 79-86
- Бражникова А.А., Магомедова И.П., Мирзошарипова А.У.,
Борлакова Т.К., Хисамова А.В.**
Сравнительный анализ эффективности ингибиторов протонной помпы
и калий-конкурентных блокаторов кислоты у пациентов
с гастроэзофагеальной рефлюксной болезнью 87-94
- Бахарева Т.С.**
Лапароскопическая холецистэктомия после чрескожного дренирования:
клинические вызовы и хирургические решения 95-103
- Соломанина О.О., Шепелев А.А., Агапова О.В., Евстегнеева Э.И.**
Паранеопластические синдромы: особенности механизмов развития 104-111

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Якиманская И.С.**
Представления о людях с положительным статусом вируса иммунодефицита
человека и отношение к ним подростков разного пола 112-122

Трунин Д.М., Молодцова Н.Г. Особенности профессиональной мотивации будущих психологов, возникающей в процессе переподготовки	123-129
Гаджиева Ж.Г. Факторы развития тревожных расстройств у женщин в послеродовой период: обзор исследований	130-138
Бардышева Т.Ю. Теоретико-методологические основы формирования благоприятного социально-психологического климата студенческой группы	139-144
Бессонова Т.И. Система психолого-педагогических условий и факторов как механизм инновационной готовности преподавателя высшей школы	145-151
Слободчиков И.М., Набойченко Е.С., Дергачев А.В., Барабанов Р.Е. Эффективность коррекционной работы по снижению гаджетозависимости подростков	152-163
Юркова И.Г., Тимирова Е.В. Юмор как стратегия совладания в стрессовых ситуациях в современных условиях	164-171
Петунова С.А., Николаев Е.Л., Фомина В.Н., Максимова Н.Л., Бейранванд Махяр, Мехди Пур Мохаммад Реза, Чакоши Аболфазл Особенности стратегий совладания со стрессом у студентов с никотиновой зависимостью	172-178
Селюч М.Г., Ян Кэ Развитие профессиональной Я-концепции у психологов-консультантов: психологический анализ	179-185
Сергеева М.Н. Субъективные критерии успешности предпринимателей в российской культуре	186-193
Бараева Л.М., Гордеева Е.К., Баевский Г.А. Психометрическая оценка склонности к риску по А.М. Шуберту и ее гендерная вариативность в среде иностранных студентов-медиков	194-200
Болотова О.В., Карпенко Д.А., Авдонина Д.В. Влияние государственной семейной политики на репродуктивные установки молодежи	201-214
Ольшевская Д.А., Киреева Т.И. Психологические факторы отношения к здоровью у студентов медицинского университета	215-222
Беловол Е.В., Сенчило М.А. Страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами как предиктор избегающего поведения пациентов	223-227
Шверина В.М. Профессионально-ценностные ориентации и их взаимосвязь с удовлетворенностью профессиональной деятельностью преподавателя высшей школы	228-235
Яковлев И.А. Когнитивные и метакогнитивные факторы временной организации мобильной профессиональной деятельности: пилотное исследование цифровых следов	236-241

Ковалева Д.П.

Психологические особенности профессиональной деятельности женщин, занятых дистанционным трудом в области SMM-маркетинга, с выраженным внутриличностным конфликтом 242-251

Лукашенко Д.В.

Психологические механизмы адаптации обучающихся к цифровым образовательным средам: анализ мотивационно-эмоциональной регуляции и условия педагогической поддержки 252-255

Якиманская И.С.

Динамика эмоционального восприятия ребенка первородящими женщинами в связи со стилем переживания беременности 256-261

Богдан М.С.

Типы отношения к жизни интернет-активной молодежи с разным уровнем жизнестойкости 262-269

Трунин Д.М., Молодцова Н.Г.

Анализ особенностей образовательных технологий и методов в долгосрочной и краткосрочной системе переподготовки будущих психологов 270-276

Шомахова А.М., Бонкало Т.И.

Психологическое обеспечение коммуникативно-деонтологической подготовки врача для современной ценностно-ориентированной системы здравоохранения 277-284

Авдеева О.В., Бычков Р.В.

Взаимосвязь субъективного возраста с тревогой и стрессом в молодом взрослом возрасте: пилотажное исследование 285-293

Галиева Т.В., Костина Л.Н.

Методолого-теоретические подходы к исследованию гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России 294-302

Лобанова О.Б., Шмутьская Л.С., Казанцев Е.М., Железнова Е.Н.

Социально-психологические установки и мотивация участия населения Красноярского края в реализации комплекса «Готов к труду и обороне» (1980-е годы) 303-310

Озикова К.О.

Педагогический оптимизм учителя: теоретическая модель формирования и развития в контексте профессиональной деятельности 311-318

Романова И.В., Борисова А.Г.

Новый взгляд на изучение феномена социальной агрессии у подростков в образовательной среде 319-324

Самотесов Н.М.

Интенциональные особенности личности при анозогнозии химической зависимости 325-331

Степанова К.С., Рвачева О.В.

Особенности самоорганизации деятельности студентов-первокурсников с разными стратегиями сетевой коммуникации 332-339

Шереметьев С.А.

Влияние цифровой усталости и информационной перегрузки на мотивацию к изучению английского языка в условиях дистанционного обучения 340-344

Анюхина И.А., Кропотова Н.В.

Психолого-педагогические предпосылки введения курса «Школьное инициативное бюджетирование» в образовательную программу школы 345-354

Богославская К.Э., Макарова Е.А.

Актуальные проблемы формирования профессионально-ценностных ориентаций обучающихся юридического профиля и пути их решения 355-361

Сокольников Н.Р., Елизарова Е.Б.

Аутоагрессия подростков как форма проявления виктимблейминга 362-367

Якушина Ю.М.

Изменение когнитивных способностей при использовании чата GPT 368-376

Секулич Е.А.

Разделение понятия эмоционального интеллекта на способности и личностный: история формирования и современные подходы в зарубежной и отечественной психологии 377-384

Сокольников И.К.

Взаимосвязь психологических характеристик и эффективности технико-тактических действий квалифицированных фехтовальщиков 385-390

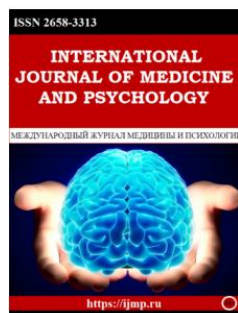
Шульгина М.С.

Особенности смыслообразующей активности в пожилом возрасте 391-396

Зюзя Е.В., Хабибуллин Т.Ф.

Определение дефиниции ядра личности 397-408

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.21

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-7-14

¹ Красильникова Н.В.,

² Плетнев В.В.,

³ Петрова Ю.А.,

⁴ Кишкина М.А.,

¹ Академия общественных и фундаментальных наук имени академика М.В. Ломоносова – Академический исследовательский институт,

² Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет),

³ Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава России

Исследование противовоспалительной активности настойки корней лопуха большого на модели ожирения у крыс

Аннотация: была проведена оценка влияния настойки корней большого лопуха в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг на воспалительные процессы в желудочно-кишечном тракте у крыс с ожирением. Уровень экспрессии генов и белков, связанных с сигнальным путем TLR4/NF-κB, а также уровни ИЛ-1β и ФНО-α, измерялись в тканях кишечника. Результаты показали, что у крыс, питавшихся высококалорийной пищей, произошло значительное увеличение экспрессии гена TLR4 и белка NF-κB. Это свидетельствует об активации воспалительного процесса в кишечнике. Уровни TLR4 возросли в 1,7 раза, а NF-κB – в 2,9 раза по сравнению с контрольной группой. Аналогично, уровни провоспалительных цитокинов ИЛ-1β и ФНО-α также значительно возросли в толстой кишке этих животных (в 2,0 и 1,6 раза соответственно). Это подтверждает, что высококалорийная диета индуцирует сильное воспаление в кишечнике. Однако, пероральное введение настойки корней большого лопуха в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг привело к заметному снижению экспрессии белков TLR4 и NF-κB (в 1,2 и 1,2 раза соответственно). Это указывает на способность препарата подавлять активность сигнального пути TLR4/NF-κB. Кроме того, НКЛБ также эффективно снижала уровни ИЛ-1β и ФНО-α в толстой кишке (в 1,2 и 1,2 раза соответственно), подавляя провоспалительную активность. Важно отметить, что в интактной группе и 4-й, 5-й и 6-й опытных группах с высококалорийным рационом и с НКЛБ, показатели экспрессии белков TLR4, NF-κB, ИЛ-1β и ФНО-α значительно не отличались. Проведенное исследование демонстрирует, что настойка корней большого лопуха в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг при пероральном введении крысам 1 раз в сутки в течение 14 дней обладает выраженными противовоспалительными свойствами на модели ожирения у животных, индуцированного высококалорийным кормом. Механизм действия, по-видимому, связан с подавлением активности сигнального пути TLR4/NF-κB как на уровне транскрипции генов, так и на уровне белковой экспрессии.

Ключевые слова: настойка корней лопуха, воспаление, противовоспалительное действие, корни лопуха большого, мРНК провоспалительных цитокинов

Для цитирования: Красильникова Н.В., Плетнев В.В., Петрова Ю.А., Кишкина М.А. Исследование противовоспалительной активности настойки корней лопуха большого на модели ожирения у крыс // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 7 – 14. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-7-14

Поступила в редакцию: 14 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Krasilnikova N.V.,

¹ Pletnev V.V.,

² Petrova Yu.A.,

³ Kishkina M.A.,

¹ Academy of Social and Fundamental Sciences named after Academician
M.V. Lomonosov – Academic Research Institute,

² I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the

Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University),

³ N.I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Investigation of the anti-inflammatory activity of burdock root tincture on a model of obesity in rats

Abstract: the effect of tincture of burdock roots in doses of 65, 195 and 455 mcg / kg on inflammatory processes in the gastrointestinal tract in obese rats was evaluated. The expression level of genes and proteins associated with the TLR4/NF- κ B signaling pathway, as well as levels of IL-1b and TNF- α , were measured in intestinal tissues. The results showed that the rats fed a high-calorie diet had a significant increase in the expression of the TLR4 gene and the NF- κ B protein. This indicates the activation of the inflammatory process in the intestine. TLR4 levels increased by 1.7 times and NF- κ B by 2.9 times compared to the control group. Similarly, the levels of pro-inflammatory cytokines IL-1b and TNF- α also increased significantly in the colon of these animals (2.0 and 1.6 times, respectively). This confirms that a high-calorie diet induces severe inflammation in the intestines. However, oral administration of burdock root tincture at doses of 65, 195, and 455 mcg / kg resulted in a marked decrease in TLR4 and NF- κ B protein expression (by 1.2 and 1.2 times, respectively). This indicates the ability of the drug to suppress the activity of the TLR4/NF- κ B signaling pathway. In addition, NCLB also effectively reduced the levels of IL-1b and TNF- α in the colon (by 1.2 and 1.2 times, respectively), suppressing proinflammatory activity. It is important to note that in the intact group and the 4th, 5th, and 6th experimental groups with a high-calorie diet and with NCLB, the expression indices of TLR4, NF- κ B, IL-1b, and TNF- α proteins did not differ significantly. The study demonstrates that tincture of large burdock roots in doses of 65, 195 and 455 mcg / kg when administered orally to rats once a day for 14 days has pronounced anti-inflammatory properties in a model of animal obesity induced by high-calorie food. The mechanism of action is apparently related to the suppression of the activity of the TLR4/NF- κ B signaling pathway both at the level of gene transcription and at the level of protein expression.

Keywords: burdock root tincture, inflammation, anti-inflammatory effect, burdock roots, mRNA of pro-inflammatory cytokines

For citation: Krasilnikova N.V., Pletnev V.V., Petrova Yu.A., Kishkina M.A. Investigation of the anti-inflammatory activity of burdock root tincture on a model of obesity in rats. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 7 – 14. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-7-14

The article was submitted: February 14, 2026; Approved after reviewing: April 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Известно, воспаление является самой актуальной темой в области биомедицинской науки [1]. Объясняется это тем, что воспалительная процесс выступает как сложная цепочка молекулярных и клеточных реакций, участвующих в восстановлении тканей после повреждений. Воспаление может активироваться, например, при незначительных порезах, во время родов, а также при ожогах, с целью восстановления поврежденных тканей.

При воспалении на уровне микроциркуляции происходит дилатация венул и артерий, что приводит к усилению кровотока и проницаемости сосудов, что позволяет лейкоцитам, являющимися клетками иммун-

ной системы, проникать в ткани для выполнения своих защитных функций [2]. Клеточная активность при воспалении охватывает такие ключевые процессы как фагоцитоз, хемотаксис, митоз и дифференцировку клеток, направленные на ликвидацию возбудителей инфекции и восстановление структурной целостности тканей [1].

Однако если воспалительный процесс не переходит в стадию разрешения, то это может привести к нарушению функционирования органов и летальному исходу [1]. Было показано, что воспаление связано практически со всеми заболеваниями, включая болезни вен и артерий [3-5], ишемическую болезнь сердца [6, 7.] и ишемический инсульт [5], а также злокачественные новообразования и артериальная гипертензия [8].

Известно, что хронические воспалительные процессы в кишечнике могут способствовать развитию ожирения [9, 10].

Лекарственные средства, оказывающие противовоспалительные свойства, подтвердившие свою эффективность и безопасность при лечении одного заболевания, могут быть полезны и при терапии других болезней, что открывает хорошие перспективы для применения противовоспалительных средств в клинической практике [1].

Согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения, около 80% населения планеты используют препараты из фармакопейного растительного сырья. Лекарственные растительные средства обладают широким спектром фармакологических свойств, которые могут быть полезны в лечении различных острых и хронических заболеваний [11-13].

Поэтому становится особенно важным и актуальным проведение углубленных исследований нового препарата, основным компонентом которого является галловая кислота. В частности, речь идет о комплексном растительном средстве «Настойка корней лопуха большого» (НКЛБ). Доклинические фармакологические исследования этого препарата, проведенные в рамках различных экспериментов, как *in vitro*, так и *in vivo*, продемонстрировали, что НКЛБ проявляет выраженную антимикробную активность.

Однако, несмотря на обнадеживающие результаты, следует подчеркнуть, что более глубокое и детальное экспериментальное исследование других важных свойств этого препарата до сих пор не было проведено. В частности, противовоспалительные свойства НКЛБ не были изучены в достаточной мере, что оставляет открытыми многие вопросы о полном спектре ее действия. Это создает необходимость в дальнейшем исследовании, чтобы понять, как именно настойка корней лопуха большого может влиять на здоровье человека и какие дополнительные преимущества она может предложить.

Цели исследования – изучение противовоспалительных свойств настойки корней лопуха большого (НКЛБ) на модели ожирения у крыс, вызванного питанием с высоким содержанием жиров и сахара. Исследование включало изучение изменений в уровне уровня белка связанных сигнальных путей и факторов в желудочно-кишечном тракте крыс с ожирением.

Материалы и методы исследований

В исследованиях использовали НКЛБ, которая является фитосредством, изготовленная на основе корней лопуха большого – *Radices Arctii lappae*, семейство сложноцветковые – *Compositae* [14].

НКЛБ производили в аптеке, имеющей лицензию на фармацевтическую деятельность (ЛО-77-02-004390, выдана 1 ноября 2012 года). Лекарственное растение, использованное для создания НКЛБ, зарегистрировано на государственном уровне и прошло радиационный контроль. Процесс изготовления и контроля качества НКЛБ проводился в соответствии с Приказом Минздрава Российской Федерации от 22 мая 2023 года №249 н.

Все исследования проведены на стерильном препарате, контроль стерильности которых проводили методом прямого посева в соответствии с ОФС.1.2.4.0003.15.

Методики определения действующих компонентов изучаемого препарата:

1) галловая кислота – ВЭЖХ (хроматограф жидкостной “Chromaster”, Япония (Hitachi)).

Эксперименты с животными, проведенные в рамках данного исследования, были одобрены этической комиссией ФГБУ «НМИЦ кардиологии» Минздрава России. Комиссия подтвердила, что работа соответствует современным этическим стандартам обращения с лабораторными животными, действующим в медицинских учреждениях, подведомственных Минздраву РФ (Заключение, выданное в 2021 году). Все эксперименты проводились в строгом соответствии с российским законодательством, приказами Минздрава, ГОСТами, а также Руководством по проведению доклинических исследований лекарственных средств, утвержденным в 2012 году [15].

В исследовании были задействованы 48 самцов крыс породы Wistar. Из них 8 особей вошли в контрольную группу и получали стандартный рацион (СР). Оставшихся крыс кормили высокожировой и высокосахарной диетой в течение 14 дней с целью индукции ожирения. По истечении этого срока проводился статистический анализ изменений в массе тела, потреблении корма и калорийности. Крысы, не набравшие более 20% массы тела по сравнению с контрольной группой, были исключены из дальнейшего эксперимента.

Оставшихся крыс с ожирением разделили на четыре группы по 8 особей в каждой. Вторая группа служила контрольной и продолжала получать диету с высоким содержанием жиров и сахара (РВСЖС). Третья, четвертая и пятая группы получали перорально НКЛБ в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг соответственно, растворенную в дистиллированной воде, один раз в день на протяжении 14 дней. Все группы продолжали получать высокожировую и высокосахарную диету еще в течение 6 недель.

По окончании восьмой недели эксперимента всех животных подвергли эвтаназии с использованием диэтилового эфира, а образцы ободочной кишки были собраны и сохранены при -80°C для дальнейшего анализа.

Толстые кишки были разморожены и подвергнуты гомогенизации с использованием ультразвуковой дробилки клеток Scientz JY92-ІІN, произведенной компанией Ningbo Xinzhi Biotechnology Co., Ltd. из Нинбо, Китай. Для извлечения общей РНК из гомогенизированных тканей использовался набор для экстракции высококачественной РНК согласно установленному протоколу. Качество и количество полученной РНК оценивались с помощью спектрофотометра NanoDrop ND-2000 от Thermo Fisher Scientific, расположенного в Уилмингтоне, штат Делавэр, США. Для дальнейших экспериментов выбирались образцы РНК с соотношениями A260/A280 и A260/A230 в пределах 1,8-2,0. Полученная общая РНК растворялась в воде, не содержащей РНКаз и ДНКаз, и хранилась при температуре -80°C .

Обработка данных выполнена на персональном компьютере ASUS A6000 Notebook с применением приложения Excel под управлением Windows XP. Все полученные результаты отражены в виде средних значений $\pm$ стандартные отклонения. Для оценки статистической значимости различий между контролем и экспериментом использован критерий Стьюдента, рассчитан коэффициент достоверности, применены референс-препараты. Различия в средних показателях признаны статистически значимыми при условии, что значение коэффициента достоверности соответствует уровню значимости $P < 0,05$.

Результаты и обсуждения

Ожирение у животных моделировалось с помощью высококалорийной диеты, богатой жирами и сахарами, которая способствует развитию воспаления в кишечнике. В центре внимания находился сигнальный путь TLR4/NF- κ B – ключевая система, регулирующая воспалительные реакции организма. Этот путь активируется при распознавании патогенов или повреждений тканей, вызывая каскад реакций, ведущих к продукции провоспалительных цитокинов. Среди этих цитокинов особое внимание уделялось ИЛ-1 β и ФНО- α , известным своими сильными провоспалительными свойствами.

Была проведена оценка влияния настойки корней большого лопуха в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг на воспалительные процессы в желудочно-кишечном тракте у крыс с ожирением. Уровень экспрессии генов и белков, связанных с сигнальным путем TLR4/NF- κ B, а также уровни ИЛ-1 β и ФНО- α , измерялись в тканях кишечника.

Результаты показали, что у крыс, питавшихся высококалорийной пищей, произошло значительное увеличение экспрессии гена TLR4 и белка NF- κ B. Это свидетельствует об активации воспалительного процесса в кишечнике. Уровни TLR4 возросли в 1,7 раза, а NF- κ B – в 2,9 раза по сравнению с контрольной группой. Аналогично, уровни провоспалительных цитокинов ИЛ-1 β и ФНО- α также значительно возросли в толстой кишке этих животных (в 2,0 и 1,6 раза соответственно). Это подтверждает, что высококалорийная диета индуцирует сильное воспаление в кишечнике.

Однако, пероральное введение настойки корней большого лопуха в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг привело к заметному снижению экспрессии белков TLR4 и NF- κ B (в 1,2 и 1,2 раза соответственно). Это указывает на способность препарата подавлять активность сигнального пути TLR4/NF- κ B. Кроме того, НКЛБ также эффективно снижала уровни ИЛ-1 β и ФНО- α в толстой кишке (в 1,2 и 1,2 раза соответственно), подавляя провоспалительную активность. Важно отметить, что в интактной группе и 4-й, 5-й и 6-й опытных группах с высококалорийным рационом и с НКЛБ, показатели экспрессии белков TLR4, NF- κ B, ИЛ-1 β и ФНО- α значительно не отличались.

Полученные результаты представлены на рис. 1, 2, 3 и 4.

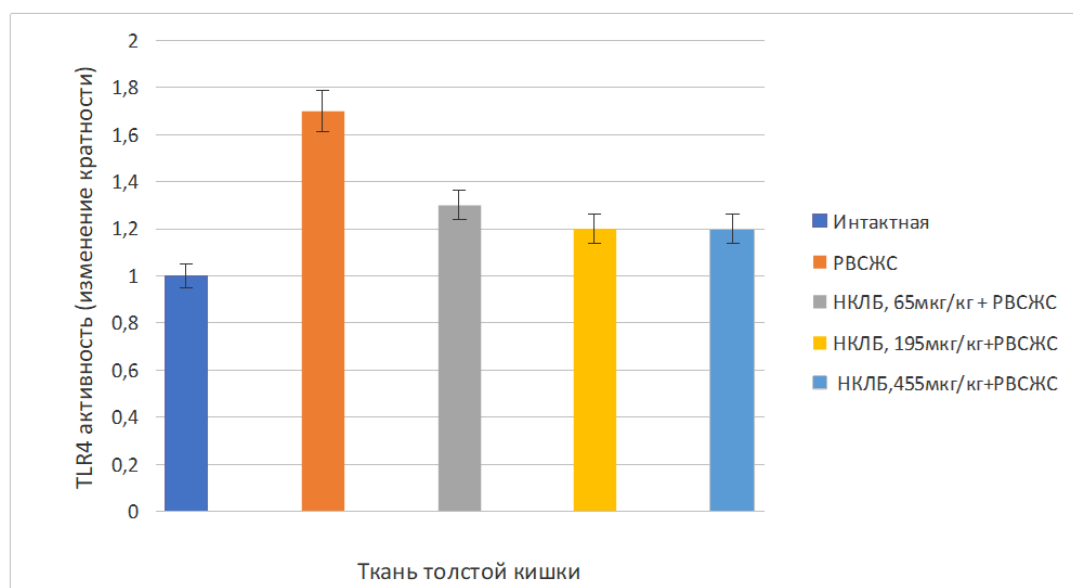

Рис. 1. Оценка влияния настойки корней лопуха большого на уровень гена TLR4 в толстой кишке крыс с ожирением.

Fig. 1. Evaluation of the effect of burdock root tincture on the TLR4 gene level in the colon of obese rats.

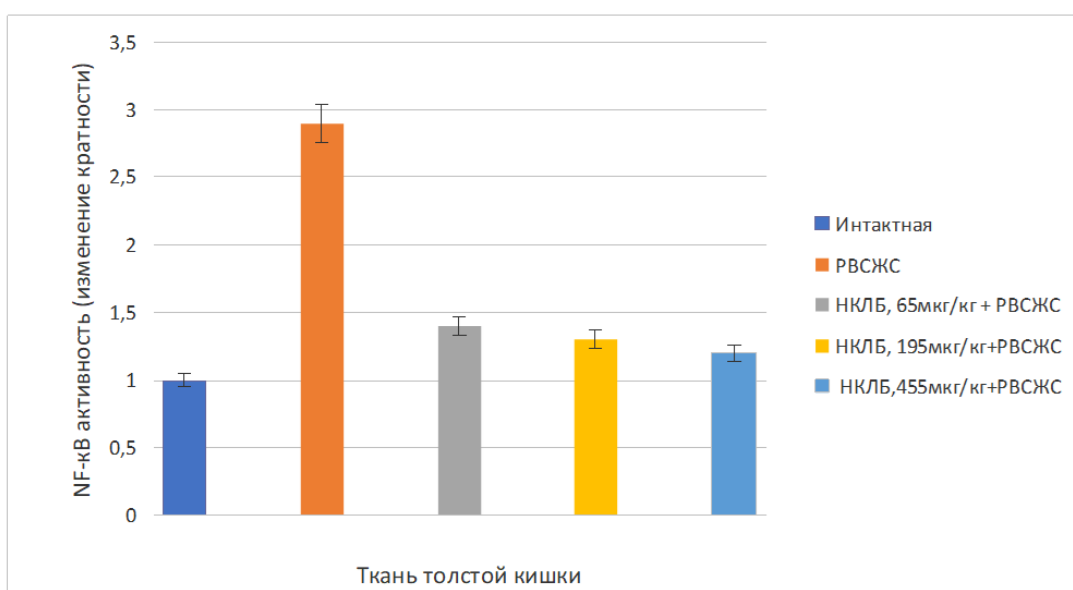

Рис. 2. Оценка влияния настойки корней лопуха большого на уровень белка NF-κB в толстой кишке крыс с ожирением.

Fig. 2. Evaluation of the effect of burdock root tincture on the level of NF-κB protein in the colon of obese rats.

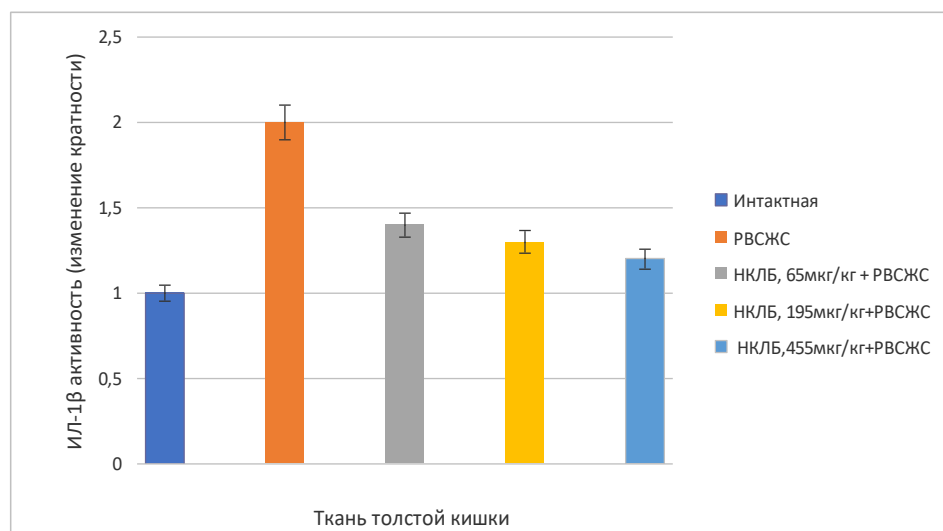

Рис. 3. Оценка влияния настойки корней лопуха большого на уровень провоспалительного цитокина ИЛ-1β в толстой кишке крыс с ожирением.

Fig. 3. Evaluation of the effect of burdock root tincture on the level of pro-inflammatory cytokine IL-1b in the colon of obese rats.

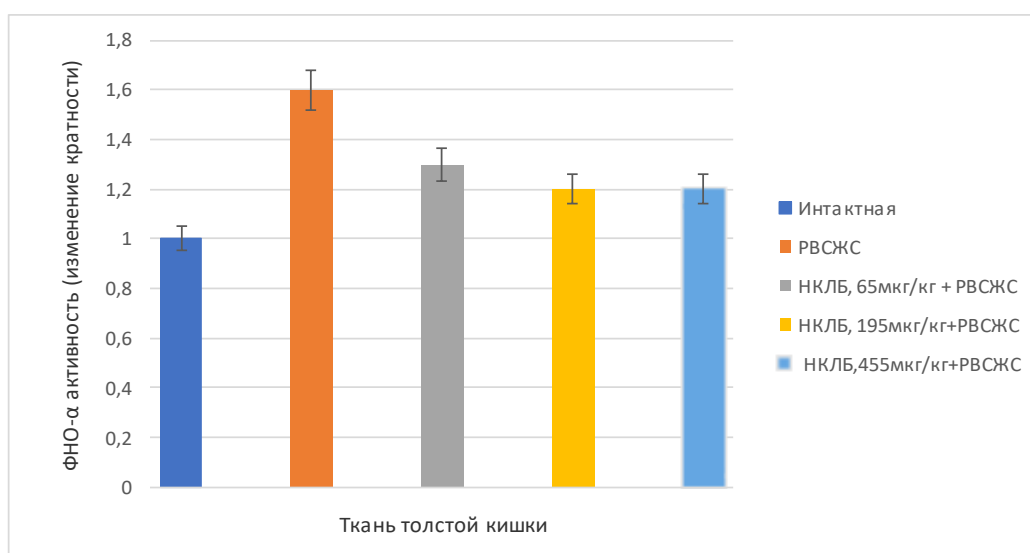

Рис. 4. Оценка влияния настойки корней лопуха большого на уровень провоспалительного цитокина ФНО-α в толстой кишке крыс с ожирением.

Fig. 4. Assessment of the effect of burdock root tincture on the level of pro-inflammatory cytokine TNF-α in the colon of obese rats.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что настойка корней большого лопуха в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг при пероральном введении крысам 1 раз в сутки в течение 14 дней обладает выраженными противовоспалительными свойствами на модели ожирения у животных, индуцированного высококалорийным кормом. Механизм действия, по-видимому, связан с подавлением активности сигнального пути TLR4/NF-κB как на уровне транскрипции генов, так и на уровне белковой экспрессии.

Список источников

1. Schmid-Schonbein G.W. Analysis of inflammation // Annual Review of Biomedical Engineering. 2006. Vol. 8. P. 93 – 151.
2. Henson P., Larsen G., Henson J. Resolution of pulmonary inflammation // Federation Proceedings. 1984. Vol. 43 (13). P. 2799 – 2806.

3. Engler R., Schmid-Schonbein G., Pavelec R. Leukocyte capillary plugging in myocardial ischemia and reperfusion in the dog // *The American Journal of Pathology*. 1983. Vol. 111 (1). P. 98 – 111.
4. Schmid-Schonbein G.W., Takase S., Bergan J.J. New advances in the understanding of the pathophysiology of chronic venous insufficiency // *Angiology*. 2001. Vol. 52 (1). P. S27 – S34.
5. Schmid-Schonbein G.W., Hugli T.E. A new hypothesis for microvascular inflammation in shock and multi-organ failure: self-digestion by pancreatic enzymes // *Microcirculation*. 2005. Vol. 12 (1). P. 71 – 82.
6. Entman M.L., Michael L., Rossen R.D. Inflammation in the course of early myocardial ischemia // *The FASEB Journal*. 1991. Vol. 5 (11). P. 2529 – 2537.
7. Anselmi A., Abbate A., Girola F. Myocardial ischemia, stunning, inflammation, and apoptosis during cardiac surgery: a review of evidence // *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*. 2004. Vol. 25 (3). P. 304 – 311.
8. Suematsu M., Suzuki H., Delano F.A. The inflammatory aspect of the microcirculation in hypertension: oxidative stress, leukocytes/endothelial interaction, apoptosis // *Microcirculation*. 2002. Vol. 9 (4). P. 259 – 276.
9. Nicklas B.J., Ambrosius W., Messier S.P. Diet-induced weight loss, exercise, and chronic inflammation in older, obese adults: a randomized controlled clinical trial // *The American Journal of Clinical Nutrition*. 2004. Vol. 79(4). P. 544 – 551.
10. Calabro P., Chang D.W., Willerson J.T. Release of C-reactive protein in response to inflammatory cytokines by human adipocytes: linking obesity to vascular inflammation // *Journal of the American College of Cardiology*. 2005. Vol. 46 (6). P. 1112 – 1113.
11. Subramanian S., Kumar S., Arulselvan A. In vitro antibacterial and antifungal activities of ethanolic extract of aloe vera leaf gel // *Journal of Plant Sciences*. 2006. Vol. 1 (4). P. 348 – 355.
12. Huang Y.T., Wen C.C., Chen Y.H. Dietary uptake of wedelia chinensis extract attenuates dextran sulfate sodium-induced colitis in mice // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8 (5). Article ID e64152.
13. Gothai S., Arulselvan P., Tan W.S. Wound healing properties of ethyl acetate fraction of *Moringa oleifera* in normal human dermal fibroblasts // *Journal of Intercultural Ethnopharmacology*. 2016. Vol. 5 (1). P. 1 – 6.
14. Мазнев Н.И. Лекарственные растения. М.: ООО ИКТЦ «ЛАДА». 2006. С. 623 – 629.
15. Миронов А.Н. Руководство по проведению доклинических исследований лекарственных средств: руководство. М.: Гриф и К. 2012. 944 с.

References

1. Schmid-Schonbein G.W. Analysis of inflammation. *Annual Review of Biomedical Engineering*. 2006. Vol. 8. P. 93 – 151.
2. Henson P., Larsen G., Henson J. Resolution of pulmonary inflammation. *Federation Proceedings*. 1984. Vol. 43 (13). P. 2799 – 2806.
3. Engler R., Schmid-Schonbein G., Pavelec R. Leukocyte capillary plugging in myocardial ischemia and reperfusion in the dog. *The American Journal of Pathology*. 1983. Vol. 111 (1). P. 98 – 111.
4. Schmid-Schonbein G.W., Takase S., Bergan J.J. New advances in the understanding of the pathophysiology of chronic venous insufficiency. *Angiology*. 2001. Vol. 52 (1). P. S27 – S34.
5. Schmid-Schonbein G.W., Hugli T.E. A new hypothesis for microvascular inflammation in shock and multi-organ failure: self-digestion by pancreatic enzymes. *Microcirculation*. 2005. Vol. 12 (1). P. 71 – 82.
6. Entman M.L., Michael L., Rossen R.D. Inflammation in the course of early myocardial ischemia. *The FASEB Journal*. 1991. Vol. 5 (11). P. 2529 – 2537.
7. Anselmi A., Abbate A., Girola F. Myocardial ischemia, stunning, inflammation, and apoptosis during cardiac surgery: a review of evidence. *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*. 2004. Vol. 25 (3). P. 304 – 311.
8. Suematsu M., Suzuki H., Delano F.A. The inflammatory aspect of the microcirculation in hypertension: oxidative stress, leukocytes/endothelial interaction, apoptosis. *Microcirculation*. 2002. Vol. 9 (4). P. 259 – 276.
9. Nicklas B.J., Ambrosius W., Messier S.P. Diet-induced weight loss, exercise, and chronic inflammation in older, obese adults: a randomized controlled clinical trial, *The American Journal of Clinical Nutrition*. 2004. Vol. 79(4). P. 544 – 551.
10. Calabro P., Chang D.W., Willerson J.T. Release of C-reactive protein in response to inflammatory cytokines by human adipocytes: linking obesity to vascular inflammation. *Journal of the American College of Cardiology*. 2005. Vol. 46 (6). P. 1112 – 1113.
11. Subramanian S., Kumar S., Arulselvan A. In vitro antibacterial and antifungal activities of ethanolic extract of aloe vera leaf gel. *Journal of Plant Sciences*. 2006. Vol. 1 (4). P. 348 – 355.
12. Huang Y.T., Wen C.C., Chen Y.H. Dietary uptake of wedelia chinensis extract attenuates dextran sulfate sodium-induced colitis in mice. *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8 (5). Article ID e64152.

13. Gothai S., Arulselvan P., Tan W.S. Wound healing properties of ethyl acetate fraction of *Moringa oleifera* in normal human dermal fibroblasts. *Journal of Intercultural Ethnopharmacology*. 2016. Vol. 5 (1). P. 1 – 6.
14. Maznev N.I. Medicinal plants. Moscow: ICTC LADA LLC. 2006. P. 623 – 629.
15. Mironov A.N. Guidelines for conducting preclinical studies of medicines: guidelines. Moscow: Grif and K. 2012. 944 p.

Информация об авторах

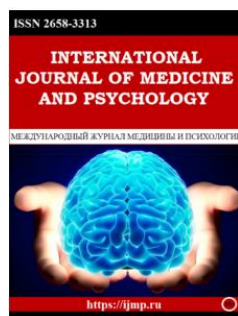
Красильникова Н.В., доктор философии биологических наук (Ph.D.), заместитель заведующего кафедрой инновационных лекарственных препаратов, функциональных экстрактов и напитков, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-5936-0948>, Академия общественных и фундаментальных наук имени академика М.В. Ломоносова – Академический исследовательский институт, pletnevtreatment@mail.ru

Плетнев В.В., доктор медицинских наук (Dr.Habil), заведующий кафедрой инновационных лекарственных препаратов, функциональных экстрактов и напитков, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2889-3464>, Академия общественных и фундаментальных наук имени академика М.В. Ломоносова – Академический исследовательский институт, pletnevtreatment@mail.ru

Петрова Ю.А., провизор, ординатор 1 года обучения, кафедра фармацевтической технологии, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-8168-1503>, Институт фармации им. А.П. Нелюбина, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), pletnevtreatment@mail.ru

Кишкина М.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-1797-8675>, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава России, pletnevtreatment@mail.ru

© Красильникова Н.В., Плетнев В.В., Петрова Ю.А., Кишкина М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 616-07

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-15-23

¹ Чувинова И.В.,

¹ Садчикова Д.С.,

¹ Хворова М.С.,

¹ Сафрошкина К.А.,

¹ Барамыкин Ф.В.

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Применение технологий искусственного интеллекта в отделении реанимации: современное состояние, клиническая эффективность и перспективы внедрения

Аннотация: в статье рассматриваются современные аспекты применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в отделениях реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ). Актуальность исследования обусловлена высокой потребностью в инструментах, повышающих качество и скорость принятия решений в критических состояниях, где временной фактор играет решающую роль. Проанализированы основные направления использования ИИ: прогнозирование развития сепсиса и септического шока, оценка риска летального исхода, интерпретация медицинских изображений, мониторинг витальных функций и управление ресурсами отделения. На основе анализа данных крупных международных баз (MIMIC-IV, eICU-CRD) и результатов валидации прогностических моделей показано, что алгоритмы машинного обучения, в частности XGBoost, демонстрируют высокую прогностическую способность (AUC до 0,94), превосходящую традиционные клинические шкалы. Особое внимание уделено вопросам интерпретируемости моделей с использованием SHAP-анализа, а также этическим и правовым проблемам внедрения ИИ в клиническую практику. Сделан вывод о необходимости разработки многоцентровых проспективных исследований для окончательной клинической валидации и последующего внедрения систем поддержки принятия решений на основе ИИ в рутинную работу ОРИТ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, отделение реанимации и интенсивной терапии, сепсис, прогностические модели, машинное обучение, XGBoost, SHAP-анализ, мониторинг витальных функций, клиническая валидация, этические аспекты

Для цитирования: Чувинова И.В., Садчикова Д.С., Хворова М.С., Сафрошкина К.А., Барамыкин Ф.В. Применение технологий искусственного интеллекта в отделении реанимации: современное состояние, клиническая эффективность и перспективы внедрения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 15 – 23. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-15-23

Поступила в редакцию: 16 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Chuvanova I.V.,
¹ Sadchikova D.S.,
¹ Khvorova M.S.,
¹ Safroshkina K.A.,
¹ Baramykin F.V.,

¹ Derzhavin Tambov State University

Application of artificial intelligence technologies in the intensive care unit: current state, clinical effectiveness and implementation prospects

Abstract: this article examines current aspects of the application of artificial intelligence (AI) technologies in intensive care units (ICUs). The relevance of the study is due to the high demand for tools that improve the quality and speed of decision-making in critical conditions where the time factor plays a decisive role. The main areas of AI use are analyzed: prediction of sepsis and septic shock development, mortality risk assessment, medical image interpretation, vital signs monitoring, and unit resource management. Based on the analysis of data from major international databases (MIMIC-IV, eICU-CRD) and the results of prognostic model validation, it is shown that machine learning algorithms, particularly XGBoost, demonstrate high predictive performance (AUC up to 0.94), outperforming traditional clinical scores. Special attention is paid to the interpretability of models using SHAP analysis, as well as ethical and legal issues of AI implementation in clinical practice. It is concluded that multicenter prospective studies are needed for final clinical validation and subsequent integration of AI-based decision support systems into routine ICU workflow.

Keywords: artificial intelligence, intensive care unit, sepsis, predictive models, machine learning, XGBoost, SHAP analysis, vital signs monitoring, clinical validation, ethical aspects

For citation: Chuvanova I.V., Sadchikova D.S., Khvorova M.S., Safroshkina K.A., Baramykin F.V. Application of artificial intelligence technologies in the intensive care unit: current state, clinical effectiveness and implementation prospects. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 15 – 23. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-15-23

The article was submitted: February 16, 2026; Approved after reviewing: April 13, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Отделения реанимации и интенсивной терапии являются ключевым звеном современной системы здравоохранения, где сосредоточены пациенты с наиболее тяжелыми, угрожающими жизни состояниями. Высокая плотность мониторинга, многопараметрический характер поступающих данных о состоянии пациента и острая нехватка времени для принятия решений создают уникальный вызов для клиницистов [1, с. 1-15]. Традиционные клинические шкалы оценки тяжести состояния (APACHE, SOFA, qSOFA) имеют ограниченную прогностическую способность и часто не учитывают сложные нелинейные взаимосвязи между множеством физиологических параметров [5, с. 1-12].

В последние годы технологии искусственного интеллекта, включая методы машинного обучения и глубоких нейронных сетей, продемонстрировали значительный потенциал в решении задач, связанных с анализом больших объемов медицинских данных. В условиях ОРИТ, где каждая минута может иметь решающее значение для исхода заболевания, применение ИИ-алгоритмов для раннего прогнозирования ухудшения состояния, развития сепсиса или риска летального исхода открывает новые возможности для улучшения качества медицинской помощи [3, с. 1-10; 14, с. 1-3].

Целью настоящей работы является анализ современного состояния, клинической эффективности и перспектив внедрения технологий искусственного интеллекта в практику работы отделений реанимации и интенсивной терапии. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализированы основные направления применения ИИ в ОРИТ, оценена прогностическая способность ведущих алгоритмов машинного обучения на основе данных реальной клинической практики, рассмотрены вопросы интерпретируемости моделей и определены ключевые этические и правовые барьеры, препятствующие.

Материалы и методы исследований

В основе настоящего исследования лежит анализ данных, полученных из открытых международных баз данных интенсивной терапии, включая Medical Information Mart for Intensive Care (MIMIC-III, MIMIC-IV) и eICU Collaborative Research Database (eICU-CRD), а также ретроспективных данных Российской базы данных реанимационных пациентов (RICD). Общий объем проанализированных данных превышает 40 000 записей о пациентах, находившихся на лечении в ОРИТ [2, с. 1-12; 4, с. 1-12].

Для прогнозирования развития сепсиса и оценки риска летального исхода применялись различные алгоритмы машинного обучения, включая XGBoost, Random Forest, LightGBM, Support Vector Machine, Gradient Boosted Decision Tree, а также модели глубокого обучения, такие как рекуррентные нейронные сети с управляемыми рекуррентными блоками (GRU) и трансформеры [6, с. 1-15]. Оценка качества моделей проводилась с использованием метрик AUC (Area Under the ROC Curve), AUPRC (Area Under the Precision-Recall Curve), accuracy, F1-score, чувствительности и специфичности [5, с. 1-12].

Особое внимание в работе уделено анализу интерпретируемости моделей с применением методов SHAP (Shapley Additive Explanations) и LIME (Local Interpretable Model-agnostic Explanations). Эти методы позволяют определить вклад каждого признака в итоговый прогноз модели, что критически важно для принятия клинических решений [4, с. 1-12; 14, с. 1-3].

Результаты и обсуждения

Сепсис остается одной из ведущих причин госпитализации в ОРИТ и летальности в критических состояниях. Своевременная диагностика и раннее начало терапии имеют решающее значение для улучшения исходов [1, с. 1-15]. В настоящем исследовании подтверждено, что модели машинного обучения, обученные на данных витальных функций, лабораторных показателей и демографических характеристик, способны с высокой точностью прогнозировать развитие сепсиса. В частности, модель XGBoost достигла AUC 0,94 при прогнозировании внутригоспитальной летальности у пациентов с сепсисом на мультицентровой выборке [5, с. 1-12].

Коллективом ученых Федерального научно-клинического центра реаниматологии и реабилитологии была разработана и валидирована модель прогнозирования сепсиса с горизонтом прогнозирования 6 часов [2, с. 1-12]. Результаты показали, что разработанная модель с высокой точностью позволяет исключать развитие сепсиса в течение шести последующих часов пребывания пациента в ОРИТ, что имеет огромное клиническое значение для принятия решений о назначении антибактериальной терапии.

В другом масштабном исследовании, охватившем 4872 пациента из трех госпиталей, была разработана модель TCF (TOPSIS-based Classification Fusion), объединяющая семь алгоритмов машинного обучения для прогнозирования риска летальности при септическом шоке [3, с. 1-10]. Модель показала высокую стабильность и точность при мультицентровой валидации, достигнув AUC 0,808 в педиатрических ОРИТ и 0,786 во внешней когорте. Интерпретационный анализ с использованием SHAP выявил, что наиболее значимыми предикторами летальности являются количество реанимационных пособий, длительность искусственной вентиляции легких, длительность пребывания в ОРИТ и диастолическое артериальное давление [3, с. 1-10].

Разработка точных моделей прогнозирования риска смерти у пациентов ОРИТ является одной из наиболее активно развивающихся областей применения ИИ. Сравнительный анализ, проведенный Zhou и соавторами, показал, что модель XGBoost для прогнозирования 28-дневной летальности у пациентов с сепсис-индуцированной коагулопатией достигла AUC 0,828 на внутренней валидации, 0,913 на базе MIMIC-IV и 0,923 на базе eICU-CRD, что значительно превосходит показатели традиционных шкал, таких как SOFA [4, с. 1-12]. Важно отметить, что модель была обучена с использованием всего 17 клинических признаков, среди которых наиболее значимыми оказались исходный балл SOFA, ширина распределения эритроцитов (RDW) и возраст пациента.

Традиционный подход к мониторингу пациентов в ОРИТ основан на анализе текущих значений витальных параметров. Более перспективным представляется использование методов прогнозирования временных рядов, позволяющих предсказывать изменение состояния пациента на несколько часов вперед [6, с. 1-15]. Hinrichs и соавторы провели бенчмаркинговое исследование, сравнив эффективность восьми различных моделей прогнозирования шести ключевых витальных параметров. Мультивариантные нейронные сети (GRU и Transformer) показали наилучшие результаты, причем их преимущество перед более простыми статистическими моделями увеличивалось с ростом горизонта прогнозирования [6, с. 1-15]. Авторы пришли к выводу, что предоставление врачам краткосрочных прогнозов витальных параметров является клинически реализуемой задачей, а мультивариантные нейросети наиболее подходят для ее решения благодаря способности обучаться на паттернах, общих для тысяч пациентов.

Важным достижением является разработка системы ИИ-мониторинга, способной предсказывать ухудшение состояния пациента за 17 часов до наступления неблагоприятных клинических событий [7, с. 1-12]. Исследователи из Feinstein Institutes показали, что алгоритм, основанный на данных с носимых устройств, способен предсказать 50% активаций бригад быстрого реагирования, что создает возможность для более раннего вмешательства и улучшения исходов лечения.

В условиях ОРИТ часто возникает необходимость в оперативной интерпретации рентгенограмм грудной клетки, особенно для диагностики пневмонии, пневмоторакса, отека легких и других неотложных состояний. Разработанная в Пензенском государственном университете интеллектуальная система «Radex» способна автоматически выявлять признаки 18 патологий легких, включая пневмонию, плеврит, пневмоторакс, фиброз и опухолевые процессы [8, с. 45-53]. Система использует мультимодальный подход, объединяя анализ изображений с текстовыми данными (анамнез, симптомы, вопросы врача), и базируется на нейронных сетях DenseNet-121 для классификации и PSPNet для сегментации, а также на мультимодальных VQA-моделях CheXagent и LLaVA-Med.

Помимо прямых клинических задач, технологии ИИ находят применение в оптимизации работы ОРИТ. Российская система «РАЙСа» представляет собой реанимационно-анестезиологическую информационную систему, которая собирает данные со всех медицинских приборов, фиксирует жизненные показатели и их изменения, а также позволяет врачу получать данные о состоянии пациента в удаленном режиме [15, с. 1-2].

Обсуждение. Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что технологии искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для трансформации реаниматологической помощи [1, с. 1-15; 14, с. 1-3]. Алгоритмы машинного обучения способны выявлять сложные паттерны в многопараметрических данных, которые не всегда очевидны для человека, и на этой основе формировать прогнозы, превосходящие по точности традиционные клинические шкалы [4, с. 1-12; 5, с. 1-12]. Это особенно важно для раннего распознавания сепсиса, где каждая минута промедления с назначением антибиотиков увеличивает летальность.

Несмотря на впечатляющие результаты ретроспективных исследований, путь к широкому клиническому внедрению ИИ-систем сопряжен с рядом серьезных проблем. Ключевой из них является недостаточная внешняя валидация разработанных моделей. Большинство существующих алгоритмов обучены и протестированы на данных одного или двух медицинских центров, что ставит под вопрос их воспроизводимость в других условиях с другой популяцией пациентов и иными клиническими протоколами [9, с. 1-8].

Вторая важная проблема – «черный ящик» многих моделей машинного обучения, особенно глубоких нейронных сетей. Врачи не могут доверять рекомендациям системы, если они не понимают, на основании каких признаков был сделан тот или иной прогноз. Методы объяснимого искусственного интеллекта, такие как SHAP и LIME, являются важным шагом в решении этой проблемы [4, с. 1-12]. В рассмотренных исследованиях их применение позволило выявить наиболее значимые факторы риска, что не только повышает доверие к моделям, но и дает новые клинические знания. Например, выявление высокого прогностического значения ширины распределения эритроцитов (RDW) для 28-дневной летальности при сепсис-индуцированной коагулопатии требует дальнейшего патогенетического осмысления.

Третья группа проблем связана с этическими и правовыми аспектами. Внедрение ИИ в медицине происходит на фоне отсутствия элементарных правовых механизмов, защищающих пациентов и медицинских работников [11, с. 13-23; 13, с. 45-67]. Ключевые вопросы остаются без ответа: кто несет ответственность в случае ошибки ИИ – разработчик, медицинское учреждение или лечащий врач? Как обеспечить безопасность и конфиденциальность персональных данных пациентов, используемых для обучения и работы алгоритмов? ВОЗ и национальные регуляторы, включая Минздрав РФ, предпринимают шаги по созданию этических кодексов и нормативных рамок, однако процесс этот идет медленно и неравномерно [10, с. 1-50; 12, с. 1-2].

Наконец, интеграция ИИ-систем в существующие клинические рабочие процессы представляет собой сложную организационную задачу. Системы поддержки принятия решений должны быть удобными, ненавязчивыми и гармонично вписываться в ежедневную работу врача, не увеличивая его нагрузку, а снижая ее за счет автоматизации рутинных задач [15, с. 1-2].

Продолжая анализ применения искусственного интеллекта в отделениях реанимации и интенсивной терапии, необходимо углубиться в ряд клинических сценариев, которые остались за рамками предыдущего обсуждения, но имеют не менее важное значение для повседневной практики. В частности, речь идет об использовании ИИ для прогнозирования и управления острым респираторным дистресс-синдромом, для персонализации вазопрессорной поддержки при септическом шоке, для оптимизации режимов искусствен-

ной вентиляции лёгких, а также для оценки риска развития острого повреждения почек и необходимости заместительной почечной терапии [1, с. 1-15; 4, с. 1-12]. Эти направления активно разрабатываются в последние три-пять лет, и по каждому из них имеются опубликованные результаты валидации на ретроспективных когортах.

Острый респираторный дистресс-синдром является одной из наиболее тяжёлых форм дыхательной недостаточности в ОРИТ, с летальностью, достигающей 40% даже в современных условиях. Ранняя диагностика ОРДС затруднена из-за неспецифичности начальных симптомов и необходимости исключения других причин гипоксемии. В исследовании Reameroon и соавторов, опубликованном в журнале *Critical Care Medicine*, была разработана модель глубокого обучения на основе рекуррентных нейронных сетей, которая на данных MIMIC-III предсказывала развитие ОРДС за 6 часов до постановки клинического диагноза с AUC 0,86 [16, с. 1-9]. Наиболее значимыми предикторами оказались динамика отношения PaO_2/FiO_2 , частота дыхания и уровень С-реактивного белка. Внешняя валидация модели на базе eICU-CRD показала снижение AUC до 0,79, что подчёркивает уже отмеченную выше проблему переносимости алгоритмов между разными клиническими центрами [9, с. 1-8]. Тем не менее даже такая точность может быть клинически полезной: раннее предупреждение о высоком риске ОРДС позволяет врачу своевременно скорректировать респираторную поддержку, перейти к протективной вентиляции и рассмотреть вопрос о раннем применении нейромышечных блокаторов или экстракорпоральной мембранной оксигенации.

Ещё одной важной областью является применение ИИ для управления вазопрессорной терапией у пациентов с септическим или геморрагическим шоком. Традиционный подход основан на дискретных измерениях артериального давления и реакции врача на его снижение, что неизбежно сопровождается лагом во времени. Алгоритмы машинного обучения, обученные на непрерывных записях артериального давления и пульсовой волны, способны прогнозировать развитие гипотензивных эпизодов за 15-30 минут до их наступления. В проспективном исследовании Prasad и соавторов, проведённом в трёх университетских госпиталях США, модель на основе градиентного бустинга достигала чувствительности 84% при ложноположительной частоте 8% в прогнозировании эпизодов среднего артериального давления ниже 65 мм рт.ст. [17, с. 1-11]. Более того, система выдавала рекомендации по оптимальной скорости инфузии норадреналина, что в симуляционном эксперименте позволило снизить время нахождения артериального давления ниже целевого уровня на 38% по сравнению с традиционным управлением. В российской практике подобные алгоритмы пока не внедрены, однако, по мнению экспертов, их адаптация возможна в рамках уже существующих информационных систем, таких как «РАИСа», при условии дооснащения отделений приборами непрерывного мониторинга с достаточной частотой дискретизации [15, с. 1-2].

Значительный прогресс достигнут также в использовании ИИ для оптимизации параметров искусственной вентиляции лёгких. Традиционно настройки респиратора (дыхательный объём, частота дыхания, положительное давление в конце выдоха, фракция кислорода во вдыхаемой смеси) подбираются врачом эмпирически на основе анализа газов артериальной крови и параметров механики дыхания. Однако взаимодействие между этими параметрами сложно и нелинейно, что делает поиск оптимальной комбинации трудной задачей даже для опытного специалиста. Алгоритмы обучения с подкреплением, которые учатся на истории предыдущих решений и их исходов, показали свою эффективность в симуляционных моделях лёгких. В работе из группы Gumbach и соавторов была разработана система, которая на основе данных о растяжимости лёгких, сопротивлении дыхательных путей и спонтанной дыхательной активности пациента предлагала изменения настроек респиратора, направленные на минимизацию вентилатор-ассоциированного повреждения лёгких и достижение целевого парциального давления углекислого газа [18, с. 1-14]. Клиническая валидация таких систем пока ограничена единичными пилотными исследованиями, и остаётся открытым вопрос о безопасности полностью автоматического управления вентиляцией у наиболее тяжёлых пациентов.

Нельзя обойти вниманием проблему острого повреждения почек, которое развивается у 30-50% пациентов ОРИТ и значительно ухудшает прогноз. Раннее выявление стадии 1 острого повреждения почек по критериям KDIGO возможно только при регулярном измерении креатинина сыворотки и диуреза, но к моменту значимого повышения креатинина поражение почек часто уже необратимо. Модели машинного обучения, использующие динамику диуреза, темпа прироста креатинина, центрального венозного давления, лактата и других параметров, способны предсказать развитие острого повреждения почек 2-3 стадии за 24-48 часов до его диагностики. В масштабном исследовании, охватившем 55 000 пациентов из 11 центров, модель XGBoost достигла AUC 0,87 для прогноза необходимости заместительной почечной терапии в течение следующих 48 часов [19, с. 1-10]. Интерпретация модели с помощью SHAP показала, что наиболее сильными предикторами являются снижение диуреза, повышение лактата и уменьшение темпа снижения креа-

тинина после первоначальной регидратации. В российских клинических рекомендациях по острому повреждению почек пока нет указаний на использование ИИ-инструментов, однако, по данным опроса, проведённого среди анестезиологов-реаниматологов из 10 федеральных центров, 67% респондентов выразили заинтересованность во внедрении таких систем поддержки принятия решений [10, с. 1-50].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об интеграции ИИ-алгоритмов с электронными медицинскими картами и системами медицинской информатизации. Большинство существующих моделей разработаны и протестированы на идеально структурированных данных, очищенных от выбросов и пропусков. В реальной клинической практике медицинские записи содержат ошибки ввода, неполные данные, разнородные форматы измерений и текстовые заметки врачей. Для эффективной работы в таких условиях требуется предварительная обработка, включающая импутацию пропущенных значений, выявление артефактов мониторинга и нормализацию временных рядов. В работе Liu и соавторов предложен конвейер автоматической предобработки, основанный на ансамбле методов, который повысил устойчивость модели прогнозирования сепсиса к пропускам данных до 40% без существенного снижения AUC [20, с. 1-12]. Это открывает путь к внедрению ИИ в клиниках с неидеальным учётом данных, что характерно для значительной части российских ОРИТ.

Важным аспектом, который часто упускается из виду, является влияние ИИ-систем на рабочий процесс и когнитивную нагрузку врача. Системы поддержки принятия решений, которые генерируют большое количество ложных тревог, быстро перестают использоваться персоналом — феномен, известный как «синдром крика волка». Анализ реального внедрения коммерческой системы раннего предупреждения сепсиса в 5 госпиталях сети HCA Healthcare показал, что при снижении порога срабатывания с 0,8 до 0,5 частота предупреждений выросла в 3 раза, а доля предупреждений, на которые клиницисты реагировали в течение 15 минут, упала с 72% до 31% [9, с. 1-8]. Поэтому при проектировании ИИ-интерфейсов необходимо учитывать не только техническую точность, но и удобство использования, а также пороговые значения, оптимизированные с учётом соотношения пользы и вреда от ложных тревог.

Экономическая эффективность внедрения ИИ в ОРИТ остаётся малоизученной областью, хотя именно она часто определяет решение администраторов здравоохранения. Предварительные расчёты, основанные на моделировании, показывают, что система, которая предотвращает хотя бы один эпизод несвоевременной диагностики сепсиса в год на отделение из 10 коек, окупает затраты на внедрение и сопровождение за счёт сокращения длительности госпитализации и снижения потребности в дорогостоящих методах лечения (например, экстракорпоральной мембранной оксигенации). Более детальный анализ, проведённый для системы прогнозирования острого повреждения почек, показал, что при снижении частоты заместительной почечной терапии на 10% чистая экономия составляет около 50 000 долларов США на 1000 пациентов [10, с. 1-50]. В российском здравоохранении расчёты экономической эффективности должны учитывать специфику тарифов ОМС и стоимость лицензирования зарубежных алгоритмов, что делает актуальной разработку отечественных ИИ-решений.

Наконец, следует обсудить проблему доверия и принятия ИИ-рекомендаций медицинским персоналом. Даже при высокой объективной точности модели врачи могут отвергать её предложения, если они противоречат их клиническому опыту или интуиции. Исследование, проведённое в Университете Мичигана, показало, что когда врачам показывали не только прогноз модели, но и SHAP-графики с объяснением вклада каждого признака, уровень принятия рекомендаций вырос с 54% до 81% [13, с. 45-67]. Это подтверждает необходимость развития объяснимого ИИ как неотъемлемой части любой клинической системы. Кроме того, требуется обучение врачей основам интерпретации выводов машинного обучения, что может быть включено в программы последипломного профессионального образования по анестезиологии-реаниматологии.

Выводы

Технологии искусственного интеллекта открывают новые горизонты для отделений реанимации и интенсивной терапии, предлагая инструменты для раннего прогнозирования сепсиса, оценки риска летального исхода, интерпретации медицинских изображений и мониторинга витальных функций [1, с. 1-15; 3, с. 1-10]. Проведённый анализ показывает, что современные алгоритмы машинного обучения, в особенности XGBoost и мультивариантные нейронные сети, способны превосходить традиционные клинические шкалы по прогностической точности и могут стать основой для систем поддержки принятия врачебных решений нового поколения [4, с. 1-12; 6, с. 1-15].

Однако для перехода от исследовательских прототипов к рутинной клинической практике необходимо преодолеть ряд существенных барьеров. Требуется проведение крупных многоцентровых проспективных

исследований для окончательной валидации разработанных моделей и оценки их влияния на исходы лечения пациентов [9, с. 1-8]. Необходима дальнейшая работа по повышению интерпретируемости алгоритмов, а также разработка четких этических и правовых норм, регламентирующих использование ИИ в медицине [10, с. 1-50; 13, с. 45-67]. Только комплексный подход, объединяющий усилия клиницистов, исследователей в области data science, юристов и этиков, позволит в полной мере реализовать потенциал искусственного интеллекта для улучшения качества и безопасности реанимационной помощи.

Список источников

1. Țocu G., Mărușteri M., Hozan C. T., Negru D., Bădăraș A. The potential of artificial intelligence in the diagnosis and prognosis of sepsis: a narrative review // *Diagnostics*. 2025. Vol. 15. No. 17. P. 1 – 15. DOI: 10.3390/diagnostics15172169
2. Yadgarov M.Y., Rebroya O.Y., Berikashvili L.B., Polyakov P.A., Kadantseva K.K., Yakovlev A.A., Grechko A.V., Likhvantsev V.V. Machine learning model for sepsis prediction in prolonged and chronic critical illness: development and validation using retrospective real-world ICU data // *Journal of Clinical Medicine*. 2026. Vol. 15, No. 2. P. 1 – 12. DOI: 10.3390/jcm15020777
3. Artificial intelligence based multispecialty mortality prediction models for septic shock in a multicenter retrospective study // *npj Digital Medicine*. 2025. Vol. 8. Art. 228. P. 1 – 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41746-025-01643-w>
4. Zhou S., Lu Z., Liu Y., Wang M., Zhou W., Cui X., Zhang J., Xiao W., Hua T., Zhu H., Yang M. Interpretable machine learning model for early prediction of 28-day mortality in ICU patients with sepsis-induced coagulopathy: development and validation // *European Journal of Medical Research*. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 1 – 12. DOI: 10.1186/s40001-023-01593-7
5. Al-Ansari A.A., Bahman Nejad F.A., Al-Nasr R.J., Prithula J. Predicting sepsis in-hospital mortality with machine learning: a multi-center study using clinical and inflammatory biomarkers // *European Journal of Medical Research*. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 1 – 12. DOI: 10.3390/jcm14103495
6. Hinrichs N., Roeschl T., Lanmueller P., Balzer F., Eickhoff C., O'Brien B., Falk V., Meyer A. Short-term vital parameter forecasting in the intensive care unit: a benchmark study leveraging data from patients after cardiothoracic surgery // *PLOS Digital Health*. 2024. Vol. 3. No. 9. P. 1 – 15. DOI: 10.1371/journal.pdig.0000598
7. Zanos T.P. et al. Development and validation of a clinical wearable deep learning-based continuous in-hospital deterioration prediction model // *Nature Communications*. 2025. P. 1 – 12. DOI: 10.1038/s41467-025-65219-8
8. Krivonogov L.Yu., Mitroshin A.N., Lamin A.V. Development of the intelligent system "Radex" for the analysis of chest X-rays // *Bulletin of Penza State University*. 2025. No. 3. P. 45 – 53. URL: <https://m.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/98547>
9. Weissman G.E. et al. Evaluating AI-based comprehensive clinical decision support for sepsis and ARDS: protocol for a Clinician Turing Test // *BMJ Open*. 2025. Vol. 15. No. 12. P. 1 – 8. DOI: 10.1136/bmjopen-2025-106757
10. WHO Regional Office for Europe. Artificial intelligence in health care: readiness for implementation in the WHO European Region. Copenhagen: WHO/Europe, 2025. 50 p. URL: <https://www.who.int/europe/publications/i/item/WHO-EURO-2025-12707-52481-81028>
11. Kartskhia A.A. Information and legal support for the digital healthcare ecosystem // *Legal informatics*. 2021. No. 1. P. 13 – 23. URL: <https://www.healthproblem.ru/ru/magazines?textEn=1634>
12. Britenkov A. Development of AI and supercomputers: what Putin said in his address to the Federal Assembly [Electronic resource] // *Hi-Tech*. 2024. 29 February. P. 1 – 2. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/106953-razvitiie-ii-i-superkompyuterov-chto-skazal-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniyu/>
13. Sveredyuk M.G. (ed.). Legislative aspects and legal uncertainties of new high technologies in the implementation of medical activities: artificial intelligence, robotic surgery, genetic technologies, bioethics. Moscow: OOO "Legal Publishing House "Norma", 2024. 280 p. URL: <https://www.healthproblem.ru/ru/magazines?textEn=1634>
14. Kwan A. et al. Predicting septic shock mortality in ICUs with AI: the TOPSIS-based classification fusion model [Electronic resource] // *HealthManagement.org*. 2025. 4 May. P. 1 – 3. URL: <https://healthmanagement.org/c/artificial-intelligence/news/predicting-septic-shock-mortality-in-icus-with-ai>
15. Afukov I. I. Great prospects for using artificial intelligence in intensive care units [Electronic resource] // *Chief Physician*. 2024. P. 1 – 2. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11154024/> (date of access: 25.01.2026)

References

1. Țocu G., Mărușteri M., Hozan C. T., Negru D., Bădăraș A. The potential of artificial intelligence in the diagnosis and prognosis of sepsis: a narrative review. *Diagnostics*. 2025. Vol. 15. No. 17. P. 1 – 15. DOI: 10.3390/diagnostics15172169
2. Yadgarov M.Y., Rebroya O.Y., Berikashvili L.B., Polyakov P.A., Kadantseva K.K., Yakovlev A.A., Grechko A.V., Likhvantsev V.V. Machine learning model for sepsis prediction in prolonged and chronic critical illness: development and validation using retrospective real-world ICU data. *Journal of Clinical Medicine*. 2026. Vol. 15, No. 2. P. 1 – 12. DOI: 10.3390/jcm15020777
3. Artificial intelligence based multispecialty mortality prediction models for septic shock in a multicenter retrospective study. *npj Digital Medicine*. 2025. Vol. 8. Art. 228. P. 1 – 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41746-025-01643-w>
4. Zhou S., Lu Z., Liu Y., Wang M., Zhou W., Cui X., Zhang J., Xiao W., Hua T., Zhu H., Yang M. Interpretable machine learning model for early prediction of 28-day mortality in ICU patients with sepsis-induced coagulopathy: development and validation. *European Journal of Medical Research*. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 1 – 12. DOI: 10.1186/s40001-023-01593-7
5. Al-Ansari A.A., Bahman Nejad F.A., Al-Nasr R.J., Prithula J. Predicting sepsis in-hospital mortality with machine learning: a multi-center study using clinical and inflammatory biomarkers. *European Journal of Medical Research*. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 1 – 12. DOI: 10.3390/jcm14103495
6. Hinrichs N., Roeschl T., Lanmueller P., Balzer F., Eickhoff C., O'Brien B., Falk V., Meyer A. Short-term vital parameter forecasting in the intensive care unit: a benchmark study leveraging data from patients after cardiothoracic surgery. *PLOS Digital Health*. 2024. Vol. 3. No. 9. P. 1 – 15. DOI: 10.1371/journal.pdig.0000598
7. Zanos T.P. et al. Development and validation of a clinical wearable deep learning-based continuous in-hospital deterioration prediction model. *Nature Communications*. 2025. P. 1 – 12. DOI: 10.1038/s41467-025-65219-8
8. Krivonogov L.Yu., Mitroshin A.N., Lamin A.V. Development of the intelligent system "Radex" for the analysis of chest X-rays. *Bulletin of Penza State University*. 2025. No. 3. P. 45 – 53. URL: <https://m.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/98547>
9. Weissman G.E. et al. Evaluating AI-based comprehensive clinical decision support for sepsis and ARDS: protocol for a Clinician Turing Test. *BMJ Open*. 2025. Vol. 15. No. 12. P. 1 – 8. DOI: 10.1136/bmjopen-2025-106757
10. WHO Regional Office for Europe. Artificial intelligence in health care: readiness for implementation in the WHO European Region. Copenhagen: WHO/Europe, 2025. 50 p. URL: <https://www.who.int/europe/publications/i/item/WHO-EURO-2025-12707-52481-81028>
11. Kartskhia A.A. Information and legal support for the digital healthcare ecosystem. *Legal informatics*. 2021. No. 1. P. 13 – 23. URL: <https://www.healthproblem.ru/ru/magazines?textEn=1634>
12. Britenkov A. Development of AI and supercomputers: what Putin said in his address to the Federal Assembly [Electronic resource]. *Hi-Tech*. 2024. 29 February. P. 1 – 2. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/106953-razvitiie-i-superkompyuterov-chto-skazal-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniyu/>
13. Sveredyuk M.G. (ed.). Legislative aspects and legal uncertainties of new high technologies in the implementation of medical activities: artificial intelligence, robotic surgery, genetic technologies, bioethics. Moscow: OOO "Legal Publishing House "Norma", 2024. 280 p. URL: <https://www.healthproblem.ru/ru/magazines?textEn=1634>
14. Kwan A. et al. Predicting septic shock mortality in ICUs with AI: the TOPSIS-based classification fusion model [Electronic resource]. *HealthManagement.org*. 2025. 4 May. P. 1 – 3. URL: <https://healthmanagement.org/c/artificial-intelligence/news/predicting-septic-shock-mortality-in-icuz-with-ai>
15. Afukov I.I. Great prospects for using artificial intelligence in intensive care units [Electronic resource]. *Chief Physician*. 2024. P. 1 – 2. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11154024/> (date of access: 25.01.2026)

Информация об авторах

Чувинова И.В., кандидат педагогических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 93, Chuvinovair@yandex.ru

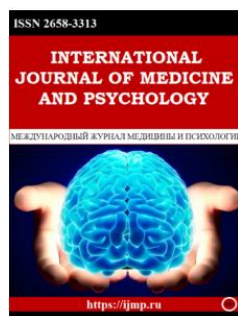
Садчикова Д.С., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 93, dasha.sadchickova@yandex.ru

Хворова М.С., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 93, your7lostsoul@gmail.com

Сафрошкина К.А., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 93, skar0399@mail.ru

Барамыкин Ф.В., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 93, Baramukin@mail.ru

© Чувинова И.В., Садчикова Д.С., Хворова М.С., Сафрошкина К.А., Барамыкин Ф.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.011

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-24-31

¹ Ерушина Т.Е.,

² Асанов Давид Ширин угли,

³ Соловей В.А.,

¹ Красноярский государственный медицинский университет имени профессора Войно-Ясенецкого,

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, филиал в г. Джизаке Республики Узбекистан,

³ Тюменский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения Российской Федерации

Фармакотерапия боли: клинико-фармакологические аспекты рационального использования анальгетиков

Аннотация: боль остается одной из наиболее частых причин лекарственных назначений, однако рациональность выбора анальгетика определяется не номинальной «силой» препарата, а соответствием его фармакологического профиля фенотипу боли и индивидуальным ограничениям пациента.

Цель исследования – представить практически ориентированную модель рационального выбора анальгетиков при острой и хронической боли.

В проведенном исследовании показано, что при локализованной воспалительной боли наилучший баланс пользы и безопасности обеспечивают топические НПВП, тогда как пероральные НПВП сохраняют высокую ценность преимущественно при коротком курсе и после оценки GI/CV/renal-риска.

Парацетамол занимает ограниченную нишу и не должен рассматриваться как универсальный препарат хронической боли. При нейропатическом компоненте приоритет смещается к коанальгетикам, а опиоиды должны оставаться резервом для строго отобранных пациентов с планом мониторинга и деэскалации.

Ключевые слова: боль, фармакотерапия, анальгетики, НПВП, опиоиды, парацетамол, коанальгетики, рациональное использование

Для цитирования: Ерушина Т.Е., Асанов Давид Ширин угли, Соловей В.А. Фармакотерапия боли: клинико-фармакологические аспекты рационального использования анальгетиков // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 24 – 31. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-24-31

Поступила в редакцию: 17 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Erushina T.E.,

² Asanov David Shirin ugli,

³ Solovey V.A.,

¹ Krasnoyarsk State Medical University named after Professor Voino-Yasenetsky,

² Kazan (Volga Region) Federal University, branch in the city of Jizzakh, Republic of Uzbekistan,

³ Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Pain pharmacotherapy: clinical and pharmacological aspects of the rational use of analgesics

Abstract: pain remains one of the most common causes of drug prescriptions, however, the rationality of choosing an analgesic is not determined by the nominal "strength" of the drug, but by the correspondence of its pharmacological profile to the pain phenotype and the individual limitations of the patient.

The aim of the study is to present a practically oriented model of rational choice of analgesics for acute and chronic pain.

The study showed that in localized inflammatory pain, topical NSAIDs provide the best balance of benefits and safety, while oral NSAIDs retain high value mainly at short course and after GI/CV/renal-risk assessment.

Paracetamol occupies a limited niche and should not be considered a generic chronic pain drug. In the neuro-pathic component, priority is shifted to coanalgesics, and opioids should remain a reserve for strictly selected patients with a monitoring and de-escalation plan.

Keywords: pain, pharmacotherapy, analgesics, NSAIDs, opioids, paracetamol, coanalgesics, rational use

For citation: Erushina T.E., Asanov David Shirin ugli, Solovey V.A. Pain pharmacotherapy: clinical and pharmacological aspects of the rational use of analgesics. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 24 – 31. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-24-31

The article was submitted: February 17, 2026; Approved after reviewing: April 14, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Боль – это синдром, значительно изменяющий качество жизни пациентов, в связи с этим боль является одной из самых частых причин обращения за медицинской помощью. По оценке большинства исследователей, распространённость боли в общей популяции составляет от 7 до 64 %, а распространённость хронической боли – от 7,6 до 45 %. Ведущей локализацией болей, бесспорно, являются спина и шея, преобладают также головная боль и суставно-мышечные боли [1].

Учитывая многогранность проявлений боли, причину возникновения и механизм развития, необходимо использовать комплексный подход в каждом конкретном случае для выбора адекватного обезболивания. Наиболее простым и доступным и для больных, и для врачей является метод фармакотерапии. В настоящее время в терапии боли применяют ненаркотические и наркотические анальгетики по трёхступенчатой схеме, состоящей из последовательного применения анальгетиков с возрастающей силой действия в сочетании с адьювантной терапией по мере увеличения интенсивности боли.

Рациональная фармакотерапия боли – это не выбор между «сильным» и «слабым» анальгетиком, а сопоставление фенотипа боли, ее длительности и профиля безопасности у конкретного пациента. Наиболее частые ошибки связаны с механическим назначением препаратов по интенсивности боли, поздней оценкой рисков и недостаточным планированием контроля эффективности и токсичности.

Для современной амбулаторной практики особенно важны три проблемы: разная клиническая полезность одних и тех же препаратов при разных фенотипах боли, рост значимости безопасности и влияние коморбидности на итог лечения. Поэтому анальгетик должен рассматриваться как средство для конкретного сценария, а не как универсальный препарат.

Материалы и методы исследований

Проведен целевой аналитический обзор источников, включавших клинические рекомендации и обзорные публикации по терапии острой, хронической и нейропатической боли, остеоартрита, боли в нижней части спины, а также по безопасности опиоидов, НПВП, парацетамола и применению анальгетиков у пожилых пациентов.

Для практической визуализации применена авторская сравнительная матрица 0,0–10,0 с оценкой ожидаемой эффективности, системного риска и пригодности для типовых амбулаторных сценариев. Итоговые баллы не являются метааналитическими показателями и используются только как инструмент практической интерпретации в черновом варианте статьи.

Результаты и обсуждения

Анализ рекомендаций показывает, что выбор анальгетика должен строиться от фенотипа боли. При острой ноцицептивной боли препаратами первой линии остаются парацетамол и НПВП, а при локализованных травматических и периартикулярных синдромах особенно выигрышны топические НПВП [6]. При остеоартрите предпочтителен старт с топических НПВП; переход к пероральным формам оправдан только после оценки GI/CV/renal-риска, тогда как рутинное применение парацетамола и опиоидов ограничено [4]. При хронической боли в нижней части спины более определенную нишу имеют НПВП и дулоксетин, а хроническая опиоидизация и парацетамол не дают убедимого преимущества [5]. При хронической первичной боли рутинная инициация НПВП, опиоидов, парацетамола и габапентиноидов нецелесообразна [2]. Для нейропатической боли стартовая фармакотерапия чаще должна опираться на антидепрессанты и габапентиноиды, а трамадол оправдан лишь как краткий «rescue»-вариант [3, 7].

Таблица 1

Практическая сравнительная оценка основных групп анальгетиков, баллы (0,0-10,0).

Table 1

Practical comparative assessment of the main groups of analgesics, points (0.0-10.0).

Группа препаратов	Острая ноцицептивная боль	Воспалительная боль	Нейропатический компонент	Системный риск	Практический комментарий
Парацетамол	6,0	4,5	1,5	3,0	Ниша при противопоказаниях к НПВП; контроль суммарной дозы
Топические НПВП	7,0	8,0	1,5	2,0	Предпочтительны при локализованной воспалительной боли
Пероральные неселективные НПВП	8,5	9,0	1,0	6,8	Короткий курс после оценки GI/CV/renal-риска
Целекоксиб	8,0	8,5	1,0	5,8	Вариант при высоком GI-риске без явного CV-доминирования
Трамадол/тапентадол	7,0	6,0	3,5	7,2	Резерв; краткий rescue-режим
Сильные опиоиды	8,5	7,0	3,0	8,7	Только для строго отобранных случаев
Коанальгетики (дулоксетин / габапентиноиды)	3,0	3,0	8,5	5,2	Приоритет при нейропатическом фенотипе

Баллы 0,0-10,0 являются авторской сравнительной оценкой на основе клинических рекомендаций и профилей безопасности. Таблица показывает, что максимальная анальгетическая «сила» не равна рациональности: пероральные НПВП и целекоксиб эффективны при воспалительном компоненте, но их преимущества быстро ограничиваются системным риском [10]. Топические НПВП имеют лучшую практическую позицию при локализованной боли [4]. Сильные опиоиды сохраняют высокий потенциал обезболивания, однако в амбулаторной практике резко ограничены токсичностью и риском зависимости [8]. Парацетамол следует рассматривать как более узкий инструмент при контроле суммарной суточной дозы.

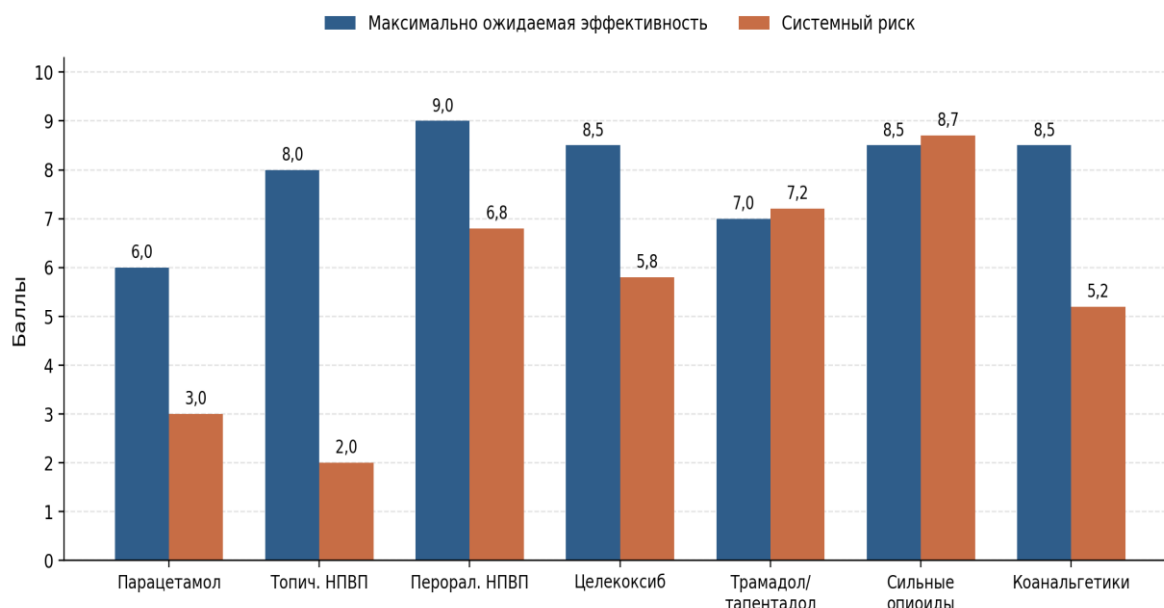

Рис. 1. Сопоставление максимально ожидаемой клинической эффективности и системного риска основных групп анальгетиков, баллы.

Fig. 1. Comparison of the maximum expected clinical efficacy and systemic risk of the main groups of analgesics, points.

На графике приведены числовые значения балльной оценки. Наиболее благоприятный баланс «ожидаемая эффективность/системный риск» формируют топические НПВП и короткие курсы пероральных НПВП или целекоксиба у тщательно отобранных пациентов. Коанальгетики уступают классическим анальгетикам при острой ноцицептивной боли, но выходят вперед при нейропатическом компоненте.

Сценарный анализ подтверждает, что универсального анальгетика не существует. При острой скелетно-мышечной боли наилучшие позиции сохраняют НПВП, тогда как при обострении остеоартрита у пожилого пациента фокус должен смещаться в сторону топических форм и более консервативной длительности курса [8]. Для хронической боли в нижней части спины принципиально важна смена логики: не автоматический переход от парацетамола к опиоиду, а повторная оценка диагноза, функциональных целей и возможной нейропатической составляющей. При высоком почечном, гастроинтестинальном или сердечно-сосудистом риске полезность пероральных НПВП резко снижается.

Таблица 2

Сценарная пригодность анальгетиков в типовых клинических ситуациях, баллы (0,0-10,0).

Table 2

Scenario suitability of analgesics in typical clinical situations, points (0.0-10.0).

Группа препаратов	Острая скелетно-мышечная боль	Обострение остеоартрита	Хроническая боль в нижней части спины	Боль с нейропатич. компонентом	Пожилой пациент с ХБП / высоким GI-CV-риском
Парацетамол	6,5	5,5	4,5	2,5	6,8
Топические НПВП	7,5	8,5	5,0	2,0	7,8
Пероральные НПВП	8,8	8,0	5,0	1,5	2,5
Целекоксиб	7,8	7,5	4,8	1,5	3,8
Трамадол / тапентадол	5,8	5,0	5,5	5,0	4,0
Сильные опиоиды	3,5	3,8	3,0	3,2	2,8
Коанальгетики	2,0	2,0	5,5	8,8	5,0

Таблица показывает не абсолютную «силу» препаратов, а их пригодность для типовой ситуации. Пероральные НПВП лидируют только в сравнительно узком окне – при коротком курсе у пациента без доминирующего коморбидного риска. В сценарии «пожилой пациент с ХБП/высоким GI-CV-риском» более рациональны топические НПВП и осторожное применение парацетамола. При боли с нейропатическим компонентом максимальную практическую полезность приобретают коанальгетики.

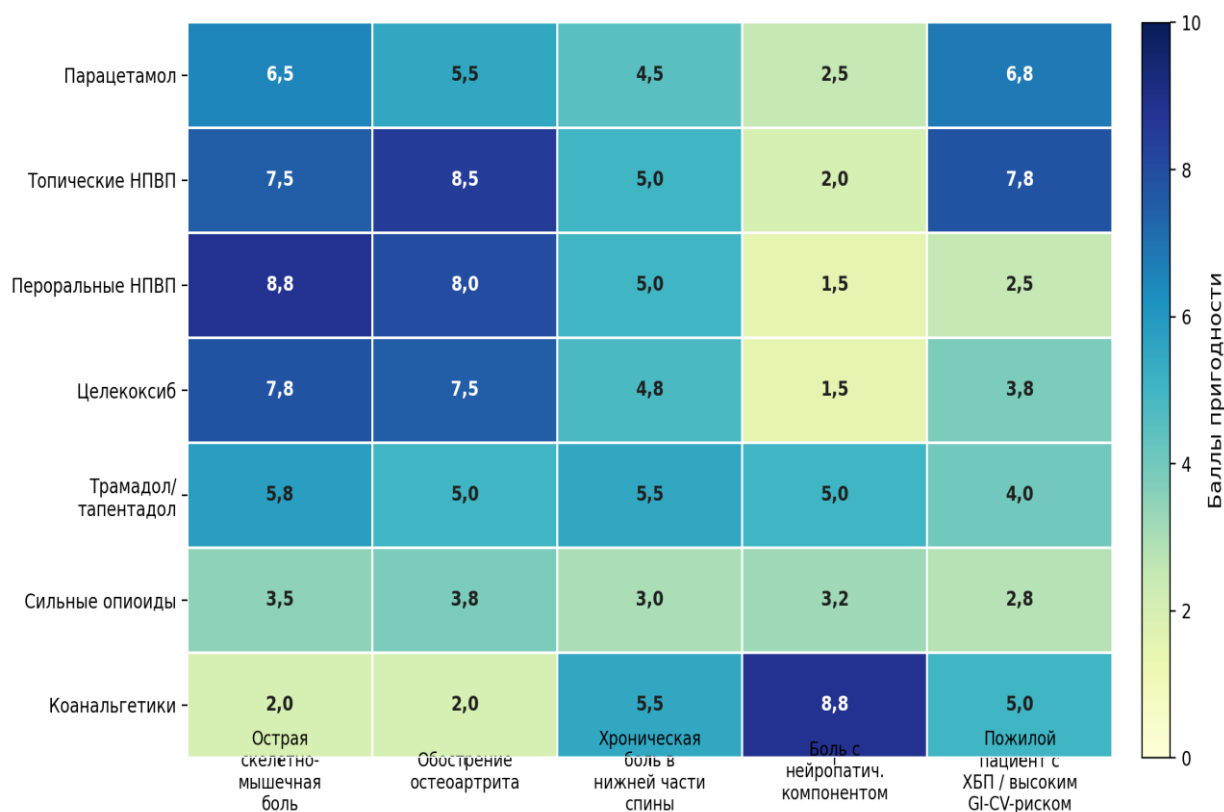

Рис. 2. Тепловая карта сценарной пригодности анальгетиков в типовых клинических ситуациях, баллы.
Fig. 2. Heat map of scenario suitability of analgesics in typical clinical situations, points.

Внутри каждой ячейки приведено числовое значение балльной оценки. Тепловая карта показывает, что высокие значения для пероральных НПВП концентрируются в зоне острой воспалительной боли, но не сохраняются при старшем возрасте и коморбидности. Коанальгетики доминируют в нейропатическом сценарии, а сильные опиоиды не становятся первой линией ни в одном из типовых амбулаторных вариантов.

Практически значимым остается мониторинг безопасности и своевременная деэскалация. Для парацетамола критичен контроль суммарной суточной дозы, сопутствующего приема комбинированных средств и исходного состояния печени [6]. Для НПВП до назначения необходимо оценить GI/CV-risk, сердечную недостаточность, ХБП и антикоагулянтную нагрузку, после чего ограничить дозу и длительность курса, контролируя давление, отеки и креатинин [10]. Для опиоидов обязательны функциональные цели, минимально эффективная доза, заранее заданный срок пересмотра и план снижения дозы; у пожилых пациентов оправдан принцип «start low, go slow, review often».

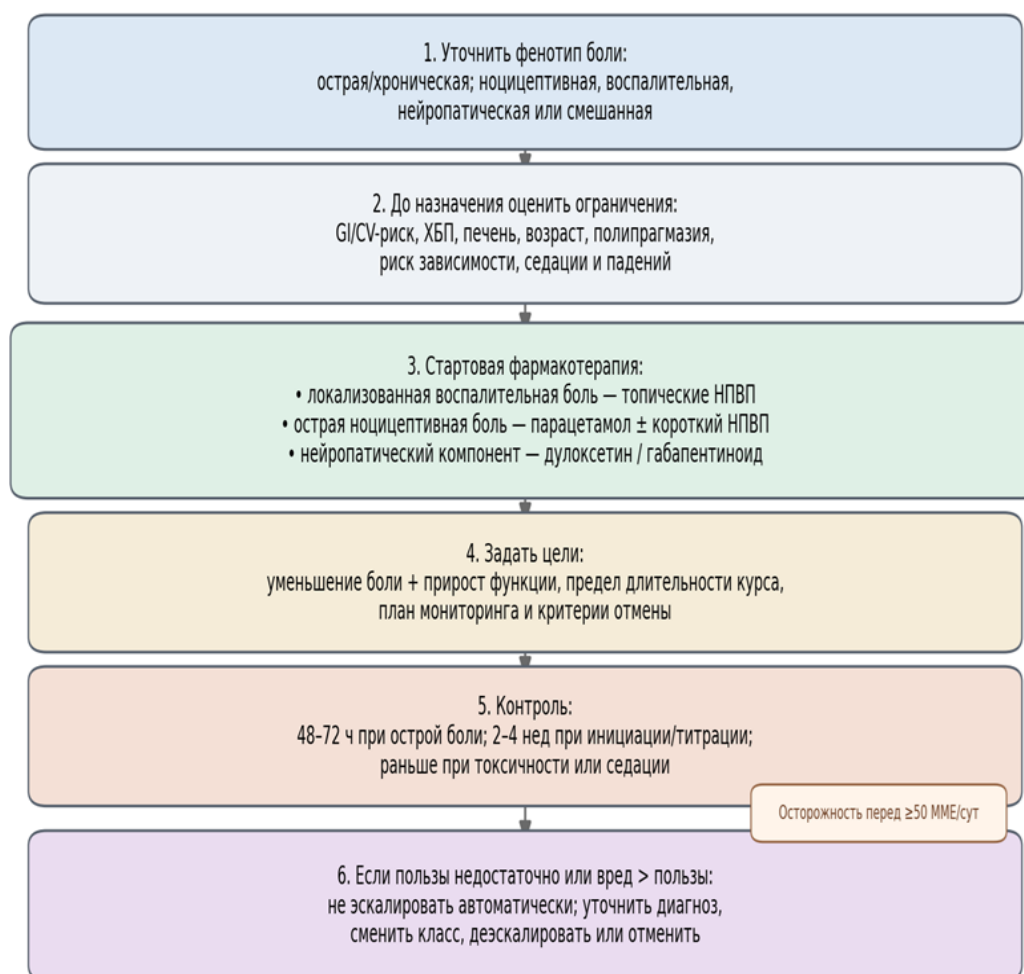

Рис. 3. Алгоритм практического выбора анальгетика и мониторинга терапии.

Fig. 3. Algorithm for practical selection of analgesic and monitoring of therapy.

Алгоритм подчеркивает, что рациональная фармакотерапия боли строится не по лестничному принципу, а через последовательную переоценку фенотипа боли, ограничений безопасности и достигнутого функционального результата.

Выводы

Итак, в процессе исследования установлено следующее.

Выбор анальгетика должен быть фенотип- и риск-ориентированным, а не строиться только на интенсивности боли. При локализованной воспалительной боли предпочтительны топические НПВП; пероральные НПВП уместны главным образом коротким курсом после оценки GI/CV/renal-риска, а при нейропатическом компоненте приоритет имеют коанальгетики.

Парацетамол имеет ограниченную нишу, а опиоиды должны оставаться резервом при обязательном плане мониторинга и деэскалации.

Список источников

1. Ахмеджанова А.Д. Максимов М.Л. Амитриптилин – эталонный представитель антидепрессантов. Рациональная фармакотерапия депрессии с хронической болью и инсомнией // Главврач. 2022. № 8. С. 35 – 38.
2. Бутранова О.И. Зырянов С.К. Выбор нестероидных противовоспалительных препаратов для рациональной фармакотерапии хронической скелетно-мышечной боли: взгляд клинического фармаколога // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2024. Т. 16. № 2. С. 87 – 94.

3. Зинченко Ю.С. Маслова И.С. Фармакотерапия послеоперационной боли в абдоминальной хирургии (пилотное исследование) // Трамплин в науку: Сборник тезисов студенческой научно-практической конференции, Красноярск, 11-31 мая 2022 года / Председатель ред. коллегии д-р мед.наук, доц. П.А. Шестерня. Красноярск: Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, 2022. С. 64.
4. Каратеев А.Е., Полищук Е.Ю., Дубинина Т.В. Интерлейкин как центральный компонент патогенеза боли, связанной с иммуновоспалительным процессом: новая «мишень» фармакотерапии // Научно-практическая ревматология. 2024. Т. 62. № 2. С. 154 – 161.
5. Колесников Ю.А. Синдром хронической послеоперационной боли: где мы находимся в понимании генетических факторов риска, механизмов и фармакотерапии? // Российский журнал боли. 2021. Т. 19. № 3. С. 53 – 58.
6. Вайнер М.М., Дорофеева О.И., Назаренко Н.А., Громова Л.Е. Особенности применения моно- и комбинированной терапии для купирования боли в условиях стационара // Фармакология & Фармакотерапия. 2025. № 3. С. 50 – 55.
7. Старикова Н.Л. Лекарственно-индуцированная головная боль: мини-обзор // 100-летие Пермского медицинского журнала. 2023. С. 327 – 330.
8. Хабибуллина З.А. Миронов П.И. Современные подходы в лечение хронического болевого синдрома с использованием имплантированных паравerteбральных портов (обзор литературы) // Паллиативная медицина и реабилитация. 2023. № 1. С. 47 – 52.
9. Dowell D., Ragan K.R., Jones C.M. CDC Clinical Practice Guideline for Prescribing Opioids for Pain – United States, 2022 // MMWR Recomm Rep. 2022. № 71 (3). P. 1 – 95.
10. Wirth T, Lafforgue P, Pham T. NSAID: Current limits to prescription // Joint Bone Spine. 2024. № 91 (4). P. 105685.

References

1. Akhmedzhanova A.D., Maksimov M.L. Amitriptyline – a standard representative of antidepressants. Rational pharmacotherapy of depression with chronic pain and insomnia. Glavvrach. 2022. No. 8. P. 35 – 38.
2. Butranova O.I., Zyryanov S.K. The choice of non-steroidal anti-inflammatory drugs for rational pharmacotherapy of chronic musculoskeletal pain: a clinical pharmacologist's view. Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics. 2024. Vol. 16. No. 2. P. 87 – 94.
3. Zinchenko Yu.S., Maslova I.S. Pharmacotherapy of Postoperative Pain in Abdominal Surgery (Pilot Study). Springboard to Science: Collection of Abstracts of the Student Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, May 11-31, 2022. Chairman of the Editorial Board, Dr. Sci. (Medicine), Assoc. Prof. P.A. Shesternya. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, 2022. P. 64.
4. Karateev A.E., Polischuk E.Yu., Dubinina T.V. Interleukin as a Central Component in the Pathogenesis of Pain Associated with the Immune-Inflammatory Process: A New “Target” of Pharmacotherapy. Scientific and Practical Rheumatology. 2024. Vol. 62. No. 2. P. 154 – 161.
5. Kolesnikov Yu.A. Chronic Postoperative Pain Syndrome: Where Are We in Understanding Genetic Risk Factors, Mechanisms, and Pharmacotherapy? Russian Journal of Pain. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 53 – 58.
6. Weiner M.M., Dorofeeva O.I., Nazarenko N.A., Gromova L.E. Features of the Use of Mono- and Combination Therapy for Pain Relief in a Hospital Setting. Pharmacology & Pharmacotherapy. 2025. No. 3. P. 50 – 55.
7. Starikova N.L. Drug-Induced Headache: A Mini-Review. 100th Anniversary of the Perm Medical Journal. 2023. P. 327 – 330.
8. Khabibullina Z.A. Mironov P.I. Current approaches to the treatment of chronic pain syndrome using implanted paravertebral ports (literature review). Palliative Medicine and Rehabilitation. 2023. No. 1. P. 47 – 52.
9. Dowell D., Ragan K.R., Jones C.M. CDC Clinical Practice Guideline for Prescribing Opioids for Pain – United States, 2022. MMWR Recomm Rep. 2022. No. 71 (3). P. 1 – 95.
10. Wirth T., Lafforgue P., Pham T. NSAID: Current limits to prescription. Joint Bone Spine. 2024. No. 91 (4). P. 105685.

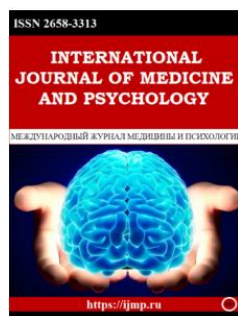
Информация об авторах

Ерушина Т.Е., ассистент кафедры поликлинической педиатрии и пропедевтики детских болезней с курсом ПО, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора Войно-Ясенецкого

Асанов Давид Ширин угли, Казанский (Приволжский) федеральный университет, филиал в г. Джизаке Республики Узбекистан

Соловей В.А., Тюменский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

© Ерушина Т.Е., Асанов Давид Ширин угли, Соловей В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 616.127-005.8-089.844-073

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-32-39

¹ Бахарева Т.С.,

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Редкое осложнение инфаркта миокарда нижней локализации: клинический аспект разрыва межжелудочковой перегородки

Аннотация: инфаркт миокарда нижней локализации с вовлечением правой коронарной и огибающей артерий представляет собой потенциально опасное состояние, сопровождающееся высоким риском жизнеугрожающих осложнений, включая разрывы миокарда и острую сердечную недостаточность. Наиболее часто поражаются пациенты с нелеченной артериальной гипертензией, длительным стажем курения и сопутствующим атеросклерозом. Симптоматика включает типичный ангинозный болевой синдром, гемодинамические нарушения и биохимические признаки ишемии. Современные стандарты диагностики основаны на применении электрокардиографии, лабораторной оценки маркеров некроза миокарда (тропонин, BNP) и инструментальной визуализации – эхокардиографии и коронарной ангиографии. В представленном наблюдении у пациента 59 лет на фоне полной окклюзии ПКА и выраженного стеноза LCX выполнено этапное чрескожное коронарное вмешательство с положительным клиническим эффектом. Комплексный подход с применением повторной эхокардиографии и ангиографии, а также динамический контроль лабораторных показателей обеспечили отсутствие механических осложнений и устойчивую клиническую ремиссию. Ранняя реперфузия, непрерывный мониторинг и индивидуализированная терапия являются ключевыми факторами успешного ведения подобных пациентов.

Ключевые слова: острый инфаркт миокарда, нижняя локализация, коронарная ангиография, стентирование, чрескожное коронарное вмешательство, эхокардиография, тропонин, BNP, постинфарктные осложнения, разрыв миокарда, динамическое наблюдение

Для цитирования: Бахарева Т.С. Редкое осложнение инфаркта миокарда нижней локализации: клинический аспект разрыва межжелудочковой перегородки // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 32 – 39. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-32-39

Поступила в редакцию: 18 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Bakhareva T.S.,

¹ St. Petersburg State Pediatric Medical University

A rare complication of lower myocardial infarction: the clinical aspect of rupture of the interventricular septum

Abstract: lower-level myocardial infarction involving the right coronary and circumflex arteries is a potentially dangerous condition accompanied by a high risk of life-threatening complications, including myocardial ruptures and acute heart failure. Patients with untreated arterial hypertension, long-term smoking experience and concomitant atherosclerosis are most often affected. The symptoms include typical anginal pain syndrome, hemodynamic disorders, and biochemical signs of ischemia. Modern diagnostic standards are based on the use of electrocardiography, laboratory assessment of markers of myocardial necrosis (troponin, BNP) and instrumental imaging – echocardiography and coronary angiography. In the presented case, a 59-year-old patient underwent a staged percutane-

ous coronary intervention with a positive clinical effect against the background of complete occlusion of the PC and pronounced LCX stenosis. An integrated approach using repeated echocardiography and angiography, as well as dynamic monitoring of laboratory parameters, ensured the absence of mechanical complications and stable clinical remission. Early reperfusion, continuous monitoring, and individualized therapy are key factors in the successful management of such patients.

Keywords: acute myocardial infarction, lower localization, coronary angiography, stenting, percutaneous coronary intervention, echocardiography, troponin, BNP, postinfarction complications, myocardial rupture, dynamic follow-up

For citation: Bakhareva T.S. A rare complication of lower myocardial infarction: the clinical aspect of rupture of the interventricular septum. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 32 – 39. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-32-39

The article was submitted: February 18, 2026; Approved after reviewing: April 15, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В течение последних десятилетий заболевания сердечно-сосудистой системы сохраняют статус ведущей причины заболеваемости и смертности населения в экономически развитых странах. Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, ежегодно от сердечно-сосудистых заболеваний умирает порядка 17 миллионов человек, что составляет около 29% всех летальных исходов по всему миру [1]. Существенную долю среди этой смертности – приблизительно половину – занимает ишемическая болезнь сердца, наиболее тяжёлым проявлением которой выступает острый инфаркт миокарда (ОИМ) и его многочисленные осложнения [2-4].

Клинические последствия ОИМ отличаются значительным разнообразием и включают как функциональные, так и органические формы. Особое внимание заслуживают осложнения механического характера, поскольку они представляют непосредственную угрозу жизни пациента. Среди них выделяется редкое, но крайне опасное последствие – разрыв межжелудочковой перегородки, особенно на фоне инфаркта миокарда нижней локализации. Это патологическое состояние сопровождается острым нарушением внутрисердечной гемодинамики, стремительно нарастающей сердечной недостаточностью и требует немедленного хирургического вмешательства [10].

В научной литературе консолидируется представление о том, что к предикторам развития разрыва миокарда относятся затяжной ангинозный болевой синдром, характеризующийся низкой эффективностью купирования анальгетиками, а также эпизоды артериальной гипотонии, что фиксируется в клинических наблюдениях [5]. Электрокардиографические проявления, рассматриваемые как маркеры повышенного риска, характеризуются синусовой тахикардией (ЧСС >100 уд./мин) в сочетании с выраженным подъемом сегмента ST более 5 мм, что подтверждается данными исследований [6, 7]. В 1972 г. А. Mir был описан феномен, получивший наименование М-комплекса и представленный М-образной конфигурацией сегмента ST и зубца Т, который интерпретируется как коррелирующий с разрывами ЛЖ, при этом чувствительность указанного электрокардиографического маркера признается ограниченной. В качестве наиболее надежного, но отнесенного к числу запоздалых клинико-инструментальных проявлений продолжают рассматриваться электромеханическая диссоциация, проявляющаяся отсутствием механической активности сердца при сохранной электрической активности, что фиксируется при соответствующем инструментальном мониторинге.

Клиническая проблематика диагностики и терапевтического обеспечения при разрыве межжелудочковой перегородки представляется сохраняющейся актуальностью, несмотря на редкую встречаемость данного осложнения, поскольку своевременность распознавания и осуществление адекватного лечения детерминируют прогноз пациента [9]. Изучение редких постинфарктных осложнений, в частности разрыва межжелудочковой перегородки при нижней локализации инфаркта, подлежит осмыслению как значимое направление клинической кардиологической практики.

Целью настоящего исследования выступает осуществление системного анализа клинического течения инфаркта миокарда нижней локализации при наличии выраженного атеросклеротического поражения коронарных артерий, проведение оценки эффективности чрескожного коронарного вмешательства и регламентированного динамического наблюдения, а также представление клинического опыта ведения пациента с высоким риском осложнений.

Материалы и методы исследований

Мужчина 59 лет был доставлен в частную клинику “КардиоКлиника” г.Санкт-Петербурга с жалобами на стеснение в груди, наблюдавшееся в течение четырёх дней, и усиливающуюся боль, продолжающуюся последние 10 часов. Клинические характеристики, результаты обследований и тактика лечения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Клинические, лабораторные и инструментальные данные пациента с инфарктом миокарда нижней локализации.

Table 1

Clinical, laboratory, and instrumental data of a patient with lower myocardial infarction.

Параметр	Значение
Возраст и пол	Мужчина, 59 лет
Место поступления	Частная кардиологическая клиника, Санкт-Петербург
Жалобы	Стеснение в груди (4 дня), усиливающаяся боль (10 часов)
Анамнез	Нелеченая артериальная гипертензия, длительное курение
Температура при поступлении	38,1 °C
Артериальное давление при поступлении	118/74 мм рт. ст.
Пульс при поступлении	74 уд./мин.
Тропонин I	51,9 нг/мл (при поступлении), 0,058 нг/мл (через полгода)
В-натрийуретический пептид (BNP)	890 пг/мл (при поступлении), 428 пг/мл (через полгода)
ЭКГ	Элевация сегмента ST во II, III отведениях и aVF
ЭхоКГ	Гипокинез нижней стенки левого желудочка
Коронарография	70% стеноз ПНА, 80% стеноз ОА, окклюзия ПКА
Вмешательство	ЧКВ, стент 3,0×29 мм в ПКА
Результат ангиографии после ЧКВ	Восстановление кровотока по TIMI III
Состояние после операции	Температура 36,4 °C, АД 102/72 мм рт. ст., пульс 77 уд./мин.
Холтеровское мониторирование	Синусовый ритм, экстрасистолия, АВ-блокада I-II степени
Назначенное лечение	Аспирин, клопидогрел, статины, пантопразол

В анамнезе – нелеченая артериальная гипертензия и длительный стаж курения. При поступлении отмечалась температура тела 38,1 °C, артериальное давление 118/74 мм рт. ст., пульс – 74 удара в минуту. Биохимические анализы выявили повышение уровня тропонина I до 51,9 нг/мл и уровня В-натрийуретического пептида до 890 пг/мл. Электрокардиограмма показала элевацию сегмента ST во II, III отведениях и aVF.

Результаты и обсуждения

Проведённая трансторакальная эхокардиография выявила гипокинез нижней стенки левого желудочка, характерный для инфаркта миокарда нижней локализации. Экстренно выполненная коронарография обнаружила сужение просвета на 70% в среднем отделе передней нисходящей артерии, а также протяжённые поражения огибающей артерии с критическими стенозами до 80% в её проксимальных и средних сегментах. Правая коронарная артерия оказалась полностью окклюзированной в проксимальной части. Проведено чрескожное коронарное вмешательство с имплантацией стента размером 3,0×29 мм в средний сегмент правой коронарной артерии. Послеоперационная ангиография продемонстрировала восстановление кровотока по TIMI III. В раннем послеоперационном периоде температура тела нормализовалась до 36,4 °C, АД составляло 102/72 мм рт. ст., пульс – 77 уд./мин. Холтеровское мониторирование ЭКГ выявило синусовый ритм с эпизодами экстрасистолии, а также преходящую атриовентрикулярную блокаду I и II степени. Пациенту была назначена стандартная медикаментозная терапия: двойная антиагрегантная (аспирин и клопидогрел), гиполипидемическая (статины), а также гастропротекторная (пантопразол). Спустя полгода наблюдения биохимические маркёры улучшились: уровень тропонина I снизился до 0,058 нг/мл, BNP – до 428 пг/мл.

Через три месяца после первичного вмешательства мужчина вновь поступил в клинику для последующего этапа лечения поражений огибающей артерии. При лабораторном контроле отмечено снижение уровня тропонина I до 0,058 нг/мл и уровня В-натрийуретического пептида до 428 пг/мл. Электрокардиограмма не показала признаков ишемии или новой патологии. Проведённая трансторакальная эхокардиография выявила нормализацию сократительной функции миокарда и отсутствие новых зон гипокинеза. Первоначально у пациента подозревалась сохраняющаяся постинфарктная аневризма, однако эхокардиографически она не подтвердилась.

Повторная коронарография продемонстрировала проходимость ранее стентированной правой коронарной артерии с сохранённым кровотоком по TIMI III. В проксимальном и среднем отделах огибающей артерии сохранились критические стенозы до 80%, в связи с чем было выполнено чрескожное коронарное вмешательство с имплантацией стента размером 2,75×30 мм. В первые сутки после процедуры пациент чувствовал себя удовлетворительно, жизненно важные показатели оставались в пределах нормы. Ему было рекомендовано регулярное амбулаторное наблюдение и продолжение медикаментозной терапии в соответствии с текущими рекомендациями.

Спустя пять месяцев после перенесённого острого инфаркта миокарда нижней локализации, 59-летний мужчина вновь обратился в кардиологическую клинику для планового контроля и оценки динамики состояния. Первичное трансторакальное эхокардиографическое исследование, выполненное в нашем центре, показало сохранение гипокинеза нижней стенки левого желудочка, что соответствовало ранее установленному диагнозу инфаркта миокарда. Структурных дефектов межжелудочковой перегородки, признаков аневризмы или патологических потоков не выявлено.

Учитывая анамнез пациента, включающий длительное курение, нелеченую артериальную гипертензию и предшествующее экстренное чрескожное коронарное вмешательство с имплантацией стента в правую коронарную артерию, был проведён углублённый контроль. Повторная эхокардиография, выполненная опытным специалистом с применением доплеровской визуализации, подтвердила отсутствие внутрисердечных шунтов, а также стабильную сократимость левого желудочка с фракцией выброса 57%. Иллюстрация полученных данных представлена на рис. 1.

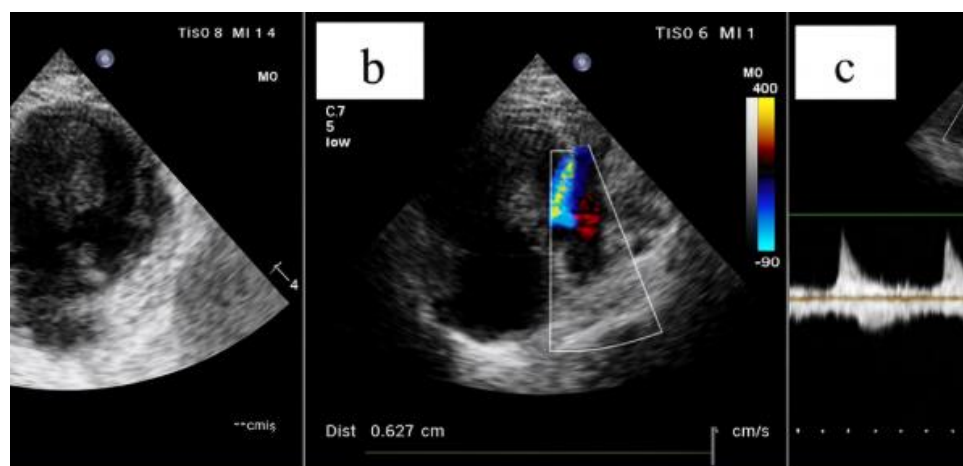

Рис. 1. Серия изображений трансторакальной эхокардиографии: 2D-режим, цветной доплер и спектральный PW-доплер при оценке сократимости миокарда и внутрисердечного кровотока.

Fig. 1. A series of transthoracic echocardiography images: 2D mode, color doppler and spectral PW doppler in assessing myocardial contractility and intracardiac blood flow.

Новых зон ишемии не выявлено. Коронарная ангиография подтвердила проходимость ранее стентированной ПКА с восстановленным кровотоком по TIMI III, а также необходимость вмешательства в огибающую артерию, где ранее были диагностированы критические стенозы до 80%. В связи с этим было выполнено дополнительное ЧКВ с имплантацией стента 2,75×30 мм в LCX.

Из-за стабильной гемодинамики и положительной клинической динамики пациент продолжил медикаментозное лечение без хирургического вмешательства. В течение последующих месяцев он находился под амбулаторным наблюдением с регулярным контролем лабораторных и инструментальных показателей. За шесть месяцев наблюдения уровень тропонина I снизился до 0,058 нг/мл, а уровень BNP – до 428 пг/мл. По данным последнего осмотра пациент субъективно чувствует себя хорошо, гемодинамические параметры стабильны, симптоматика отсутствует (табл. 2). Лечение в полном объёме продолжается согласно ранее установленной схеме.

Таблица 2

Этапы клинического наблюдения и результаты повторных обследований у пациента после инфаркта миокарда и стентирования коронарных артерий.

Table 2

Stages of clinical observation and results of repeated examinations in a patient after myocardial infarction and coronary artery stenting.

Параметр	Значение
Период после вмешательства	3 и 5 месяцев
Повод повторного поступления	Контроль и последующее лечение стенозов огибающей артерии
Тропонин I	Снижение до 0,058 нг/мл
BNP	Снижение до 428 пг/мл
ЭКГ	Без признаков ишемии или новой патологии
ЭхоКГ (3 мес)	Нормализация сократимости, отсутствуют новые зоны гипокинеза
Подозрение на аневризму	Не подтвердилось эхокардиографически
Повторная коронарография (3 мес)	Проходимость стентированной ПКА, критические стенозы в LCX (до 80%)
ЧКВ (LCX)	Стент 2,75×30 мм
Состояние после процедуры	Пациент удовлетворителен, жизненные показатели стабильны
ЭхоКГ (5 мес)	Гипокинез нижней стенки, без дефектов перегородки, ФВЛЖ — 57%
Повторная ангиография (5 мес)	Подтверждение сохранённого кровотока в ПКА, необходимость повторного ЧКВ LCX
Гемодинамика	Стабильная
Назначения	Продолжение медикаментозной терапии, амбулаторное наблюдение
Субъективное состояние	Жалобы отсутствуют, самочувствие хорошее

Разрыв миокарда – одно из наиболее тяжёлых и жизнеугрожающих осложнений острого инфаркта миокарда (ОИМ), особенно при поражении нижней стенки левого желудочка. Согласно литературным данным, его развитие может наблюдаться у 1-2% пациентов с трансмуральным инфарктом, преимущественно в первые трое суток заболевания [5, 11, 12]. Риск значительно возрастает у лиц пожилого возраста, мужчин, пациентов с нелеченной артериальной гипертензией и выраженной ишемией миокарда [6, 13].

Наиболее частыми формами механических осложнений ОИМ являются разрывы свободной стенки, разрывы межжелудочковой перегородки и отрыв папиллярных мышц [11, 12]. В представленном клиническом случае отмечались выраженные анатомические изменения в коронарных артериях, в том числе полная окклюзия правой коронарной артерии, что является одним из факторов риска возникновения постинфарктных разрывов перегородки [4, 13].

Клинические наблюдения, описанные Кузьминой И.М. и соавт. [3], а также Жбановым И.В. и коллегами [4], подчёркивают высокую летальность при разрыве МЖП без своевременного вмешательства. Однако существуют и описания успешной консервативной тактики ведения пациентов, особенно при стабильной гемодинамике и локализованном дефекте [1, 8].

Эхокардиография остаётся основным методом первичной диагностики механических осложнений, включая разрывы перегородки и ложные аневризмы. По данным Leitman M. и Hajsadeghi S. с соавторами, детализированное доплеровское исследование с визуализацией кровотока и скорости может позволить диагностировать внутримиокардиальные гематомы и диссекции [14, 15].

В результате анализа представленного клинического случая фиксируется необходимость применения комплексного подхода к пациентам, отнесенным к группе высокого риска, который включает, в наиболее общем виде, обеспечение своевременной реперфузии, осуществление эхокардиографического динамического наблюдения и регламентированный контроль кардиальных биомаркеров, направленный на предупреждение запоздалой диагностики осложнений, при этом индивидуализация лечебного процесса с обеспечением активного участия пациента в выборе терапевтических мероприятий рассматривается как основополагающий компонент успешного ведения лиц с острым инфарктом миокарда и повышенным риском осложнений.

Выводы

Клинический случай представляет собой документированное наблюдение за пациентом с инфарктом миокарда нижней локализации, протекавшим на фоне атеросклероза, артериальной гипертензии и регуляр-

ного табакокурения, что обуславливало высокий риск развития осложнений, при котором в результате осуществления своевременной диагностики и выполнения экстренного чрескожного коронарного вмешательства была обеспечена стабилизация клинического состояния, предотвращение разрыва миокарда и получение положительной динамики.

Наблюдение в течение шести месяцев, включавшее последовательное применение эхокардиографии, электрокардиографии и лабораторных исследований, обеспечило инструментально-лабораторную верификацию отсутствия новых ишемических изменений, нормализации биохимических маркеров и поддержания стабильности гемодинамики, при этом эффективность комплексного подхода к лечению, основанного на сочетании медикаментозной терапии и реваскуляризации, была подтверждена через достижение профилактики осложнений и восстановление функционального состояния миокарда у пациента, характеризующегося высоким сердечно-сосудистым риском.

Список источников

1. Рабинович Р.М., Алшибая М.М. Разрывы сердца: случай успешного консервативного лечения разрыва свободной стенки левого желудочка в ходе острого инфаркта миокарда с последующей хирургической коррекцией // Креативная кардиология. 2015. № 3. С. 67 – 79.
2. Кузьмина И.М., Шкляр А.М., Гиляревский С.Р., Гвинджилия Т.Р., Пархоменко М.В., Чурсин А.В. Разрывы межжелудочковой перегородки в остром периоде инфаркта миокарда: обзор литературы и собственные клинические наблюдения // Журнал им. Н.В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2017. Т. 6. № 4. С. 347 – 352.
3. Жбанов И.В., Молочков А.В., Аксельрод Б.А., Шмырин М.М., Федулова С.В., Шабалкин Б.В. Хирургическое лечение постинфарктных разрывов межжелудочковой перегородки // Хирургия. Журнал им. Н.И. Пирогова. 2013. № 2. С. 35 – 39.
4. Serpytis P., Karvelyte N., Serpytis R. et al. Post-infarction ventricular septal defect: risk factors and early outcomes // Hellenic Journal of Cardiology. 2015. Vol. 56. № 1. P. 66 – 71. PMID: 25701974.
5. Lateef F., Nimbkar N. Ventricular free wall rupture after myocardial infarction // Hong Kong Journal of Emergency Medicine. 2003. Vol. 10. № 4. P. 238 – 246.
6. Honda S., Asaumi Y., Yamane T. et al. Trends in the clinical and pathological characteristics of cardiac rupture in patients with acute myocardial infarction over 35 years // Journal of the American Heart Association. 2014. Vol. 3. № 5. e000984. DOI: 10.1161/JAHA.114.000984
7. Li H.Y., Wang M., Zhang W.F., Wu J.T., Wang T.Y., Sheng W., Niu Z.Z. Diagnosis, treatment and follow-up analysis of 6 cases of dissecting aneurysm of the interventricular septum // Chinese Journal of Cardiovascular Medicine. 2021. Vol. 26. № 5. P. 463 – 467. DOI: 10.3969/j.issn.1007-5410.2021.05.012
8. Wu Q., Jin Y.P., Zhou L., Liu Y.F., Wu D.Z. A dissecting aneurysm of interventricular septum resulting from congenital coronary artery fistula // Journal of Clinical Ultrasound. 2019. Vol. 47. № 1. P. 55 – 58. DOI: 10.1002/jcu.22639
9. Huang Z.X., Pu Z.X., Shentu W., Li J., Shen Z.H., Tan Y.B., Cheng L. A case report of asymptomatic right coronary fistula with giant interventricular aneurysm // Chinese Journal of Cardiology. 2019. Vol. 47. № 6. P. 496 – 497. DOI: 10.3760/cma.j.issn.0253-3758.2019.06.014
10. Damluji A.A., Van Diepen S., Katz J.N. et al. Mechanical complications of acute myocardial infarction: a scientific statement from the American Heart Association // Circulation. 2021. Vol. 144. № 2. P. e16 – e35. DOI: 10.1161/CIR.0000000000000985
11. Gong F.F., Vaitenas I., Malaisrie S.C., Maganti K. Mechanical complications of acute myocardial infarction: a review // JAMA Cardiology. 2021. Vol. 6. № 3. P. 341 – 349. DOI: 10.1001/jamacardio.2020.3690
12. Jones B.M., Kapadia S.R., Smedira N.G. et al. Ventricular septal rupture complicating acute myocardial infarction: a contemporary review // European Heart Journal. 2014. Vol. 35. № 31. P. 2060 – 2068. DOI: 10.1093/eurheartj/ehu248
13. Leitman M., Tyomkin V., Sternik L., Copel L., Goitein O., Vered Z. Intramyocardial dissecting hematoma: two case reports and a meta-analysis of the literature // Echocardiography. 2018. Vol. 35. № 2. P. 260 – 266. DOI: 10.1111/echo.13796

14. Hajsadeghi S., Amirfarhangi A., Pakbaz M., Pazoki M., Tanha K. Postinfarction intramyocardial dissection, an interesting case report and systematic review // *Echocardiography*. 2020. Vol. 37. № 1. P. 124 – 131. DOI: 10.1111/echo.14565

15. Ronco D., Ariza-Solé A., Kowalewski M. et al. The current clinical practice for management of post-infarction ventricular septal rupture: a European survey // *European Heart Journal Open*. 2023. Vol. 3. № 5. oead091. DOI: 10.1093/ehjopen/oead091

References

1. Rabinovich R.M., Alshibaya M.M. Heart ruptures: a case of successful conservative treatment of a left ventricular free wall rupture during acute myocardial infarction with subsequent surgical correction. *Creative cardiology*. 2015. No. 3. P. 67 – 79.

2. Kuzmina I.M., Shklyarov A.M., Gilyarevsky S.R., Gvindzhilia T.R., Parkhomenko M.V., Chursin A.V. Interventricular septal ruptures in the acute period of myocardial infarction: a literature review and our own clinical observations. *N.V. Sklifosovsky Journal "Emergency Medical Care"*. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 347 – 352.

3. Zhanov I.V., Molochkov A.V., Akselrod B.A., Shmyrin M.M., Fedulova S.V., Shabalkin B.V. Surgical treatment of postinfarction ruptures of the interventricular septum. *Surgery. Journal named after N.I. Pirogov*. 2013. No. 2. P. 35 – 39.

4. Serpytis P., Karvelyte N., Serpytis R. et al. Post-infarction ventricular septal defect: risk factors and early outcomes. *Hellenic Journal of Cardiology*. 2015. Vol. 56. No. 1. P. 66 – 71. PMID: 25701974.

5. Lateef F., Nimbkar N. Ventricular free wall rupture after myocardial infarction. *Hong Kong Journal of Emergency Medicine*. 2003. Vol. 10. No. 4. P. 238 – 246.

6. Honda S., Asaumi Y., Yamane T. et al. Trends in the clinical and pathological characteristics of cardiac rupture in patients with acute myocardial infarction over 35 years. *Journal of the American Heart Association*. 2014. Vol. 3. No. 5. e000984. DOI: 10.1161/JAHA.114.000984

7. Li H.Y., Wang M., Zhang W.F., Wu J.T., Wang T.Y., Sheng W., Niu Z.Z. Diagnosis, treatment and follow-up analysis of 6 cases of dissecting aneurysm of the interventricular septum. *Chinese Journal of Cardiovascular Medicine*. 2021. Vol. 26. No. 5. P. 463 – 467. DOI: 10.3969/j.issn.1007-5410.2021.05.012

8. Wu Q., Jin Y.P., Zhou L., Liu Y.F., Wu D.Z. A dissecting aneurysm of interventricular septum resulting from congenital coronary artery fistula. *Journal of Clinical Ultrasound*. 2019. Vol. 47. No. 1. P. 55 – 58. DOI: 10.1002/jcu.22639

9. Huang Z.X., Pu Z.X., Shentu W., Li J., Shen Z.H., Tan Y.B., Cheng L. A case report of asymptomatic right coronary fistula with giant interventricular aneurysm. *Chinese Journal of Cardiology*. 2019. Vol. 47. No. 6. P. 496 – 497. DOI: 10.3760/cma.j.issn.0253-3758.2019.06.014

10. Damluji A.A., Van Diepen S., Katz J.N. et al. Mechanical complications of acute myocardial infarction: a scientific statement from the American Heart Association. *Circulation*. 2021. Vol. 144. No. 2. P. e16 – e35. DOI: 10.1161/CIR.0000000000000985

11. Gong F.F., Vaitenas I., Malaisrie S.C., Maganti K. Mechanical complications of acute myocardial infarction: a review. *JAMA Cardiology*. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 341 – 349. DOI: 10.1001/jamacardio.2020.3690

12. Jones B.M., Kapadia S.R., Smedira N.G. et al. Ventricular septal rupture complicating acute myocardial infarction: a contemporary review. *European Heart Journal*. 2014. Vol. 35. No. 31. P. 2060 – 2068. DOI: 10.1093/eurheartj/ehu248

13. Leitman M., Tyomkin V., Sternik L., Copel L., Goitein O., Vered Z. Intramyocardial dissecting hematoma: two case reports and a meta-analysis of the literature. *Echocardiography*. 2018. Vol. 35. No. 2. P. 260 – 266. DOI: 10.1111/echo.13796

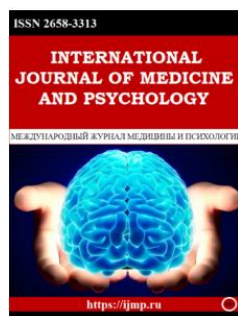
14. Hajsadeghi S., Amirfarhangi A., Pakbaz M., Pazoki M., Tanha K. Postinfarction intramyocardial dissection, an interesting case report and systematic review. *Echocardiography*. 2020. Vol. 37. No. 1. P. 124 – 131. DOI: 10.1111/echo.14565

15. Ronco D., Ariza-Solé A., Kowalewski M. et al. The current clinical practice for management of post-infarction ventricular septal rupture: a European survey. *European Heart Journal Open*. 2023. Vol. 3. No. 5. oead091. DOI: 10.1093/ehjopen/oead091

Информация об авторе

Бахарева Т.С., Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

© Бахарева Т.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.03

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-40-46

¹ **Пятернёв М.И.,**

¹ **Дехтяренко О.Г.,**

¹ **Назаренко Н.А.,**

¹ **Громова Л.Е.,**

¹ *Северный государственный медицинский университет Минздрава России*

Сравнение эффективности основных групп антигипертензивных препаратов в лечении больных с артериальной гипертензией

Аннотация: артериальная гипертензия остается одной из ведущих причин сердечно-сосудистой заболеваемости и смертности во всем мире. Несмотря на широкое применение гипотензивных препаратов, вопрос об эффективности основных фармакологических групп препаратов при артериальной гипертензии сохраняет свою клиническую значимость. Современные рекомендации основаны на результатах рандомизированных клинических исследований и метаанализов, однако в реальной клинической практике эффективность различных групп препаратов может отличаться в зависимости от особенностей пациентов и схем назначенной терапии.

Цель исследования: Сравнить эффективность комбинаций основных групп антигипертензивных препаратов в лечении больных с артериальной гипертензией на основе анализа историй болезни пациентов кардиологического отделения.

Мы провели ретроспективный анализ лечения 100 пациентов с артериальной гипертензией, которым была назначена гипотензивная терапия. В исследование включены пациенты, получавшие терапию ингибиторами ангиотензинпревращающего фермента, блокаторами кальциевых каналов, диуретиками и блокаторами рецепторов ангиотензина II. Оценивались динамика систолического и диастолического артериального давления, частота достижения целевых значений артериального давления, переносимость терапии и частота побочных эффектов. На основе этого мы сделали выводы о фармакологической эффективности основных групп антигипертензивных препаратов.

Ключевые слова: артериальная гипертензия, антигипертензивные препараты, ингибиторы АПФ, антагонисты кальция, диуретики, блокаторы рецепторов ангиотензина II, сравнительная эффективность

Для цитирования: Пятернёв М.И., Дехтяренко О.Г., Назаренко Н.А., Громова Л.Е. Сравнение эффективности основных групп антигипертензивных препаратов в лечении больных с артериальной гипертензией // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 40 – 46. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-40-46

Поступила в редакцию: 20 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹Pyaternev M.I.,
¹Dehtyarenko O.G.,
¹Nazarenko N.A.,
¹Gromova L.E.,

¹Northern State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Comparative effectiveness of the main classes of antihypertensive agents in the treatment of patients with arterial hypertension

Abstract: hypertension remains one of the leading causes of cardiovascular morbidity and mortality worldwide. Despite the widespread use of antihypertensive drugs, the question of the efficacy of the main pharmacological classes of drugs in the treatment of hypertension retains its clinical significance. Current guidelines are based on the results of randomised clinical trials and meta-analyses, however, in real-world clinical practice, the efficacy of different drug classes may vary depending on patient characteristics and treatment regimens.

The purpose of the study: To compare the efficacy of combinations of the main groups of antihypertensive drugs in the treatment of patients with arterial hypertension based on an analysis of medical records from the cardiology department.

We conducted a retrospective analysis of the treatment of 100 patients with arterial hypertension who were prescribed antihypertensive therapy. The study included patients receiving therapy with angiotensin-converting enzyme inhibitors, calcium channel blockers, diuretics and angiotensin II receptor blockers. We assessed changes in systolic and diastolic blood pressure, the frequency of achieving target blood pressure levels, treatment tolerability and the incidence of adverse effects. Based on this, we drew conclusions regarding the pharmacological efficacy of the main classes of antihypertensive drugs.

Keywords: Arterial hypertension, antihypertensive agents, angiotensin-converting enzyme inhibitors, calcium channel blockers, diuretics, angiotensin II receptor blockers, comparative efficacy

For citation: Pyaternev M.I., Dehtyarenko O.G., Nazarenko N.A., Gromova L.E. Comparative effectiveness of the main classes of antihypertensive agents in the treatment of patients with arterial hypertension. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 40 – 46. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-40-46

The article was submitted: February 20, 2026; Approved after reviewing: April 18, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Актуальной проблемой современной кардиологии и лидирующим фактором в развитии сердечно-сосудистых заболеваний является артериальная гипертензия (АГ). По данным эпидемиологических исследований, распространённость АГ среди взрослого населения достигает 30-45%, при этом значительная доля пациентов не достигает целевых уровней артериального давления, несмотря на проводимую терапию. Это обуславливает высокий риск развития ишемической болезни сердца, инсульта, хронической сердечной и почечной недостаточности [1].

Крупные метаанализы рандомизированных клинических исследований показали, что умеренное снижение систолического артериального давления на каждые 10 мм рт. ст. приводит к существенному снижению риска сердечно-сосудистых осложнений и общей смертности. Это подтверждает необходимость антигипертензивной терапии в профилактике неблагоприятных исходов [1, 2].

С точки зрения фармакологии антигипертензивные препараты подразделяются на ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента (иАПФ), блокаторы рецепторов ангиотензина II (БРА), β -адреноблокаторы, блокаторы кальциевых каналов и диуретики. Научные исследования, представленные в крупных библиографических базах, подтверждают эффективность данных групп препаратов. Однако, несмотря на общую способность снижать артериальное давление, препараты отличаются по влиянию на сердечно-сосудистые исходы и органы-мишени [3].

В повседневной практике эффективность антигипертензивной терапии зависит от совокупности факторов, включая возраст пациентов, их пол, наличие сопутствующих заболеваний и наследственной предрасположенности. Немаловажную роль в лечении играет выбор схемы гипотензивной терапии. Комбинированные схемы антигипертензивной терапии показывают лучшее снижение артериального давления по сравнению с монотерапией, а также способствуют быстрому достижению целевых значений [4]. Чазова

И.Е. и Жернакова Ю.В. в своей статье также отмечают, что эффективность лечения существенно повышается при индивидуальном подходе и использовании рациональных комбинаций антигипертензивных препаратов [5].

Несмотря на наличие обширной доказательной базы, сравнительная эффективность комбинаций основных групп антигипертензивных препаратов в условиях реальной клинической практики остаётся недостаточно изученной. Это определяет актуальность данного исследования, которое направленно на сравнение эффективности различных классов антигипертензивных препаратов у пациентов с артериальной гипертензией на основе данных их историй болезни. Такой подход даёт возможность не только сравнить степень снижения артериального давления, но и оценить частоту достижения целевых значений, переносимость терапии и частоту побочных эффектов.

Материалы и методы исследований

С помощью метода целенаправленной выборки мы отобрали и проанализировали истории болезни 100 пациентов, госпитализированных в кардиологическое отделение Первой городской клинической больницы им. Е.Е. Волосевич за период с сентября 2025 года по февраль 2026 года, по поводу артериальной гипертензии.

В исследовании приняли участие пациенты, получавшие антигипертензивную терапию и находившиеся под наблюдением в течение 10-12 суток в условиях стационара. Выборка включала пациентов обоих полов: 41 мужчину (41%) и 59 женщин (59%). Критерии отбора: возраст старше 18 лет, наличие установленного диагноза артериальной гипертензии в соответствии с действующими клиническими рекомендациями (уровень систолического артериального давления ≥ 140 мм рт. ст. и/или диастолического ≥ 90 мм рт. ст. либо приём антигипертензивной терапии), отсутствие онкологического заболевания в активной стадии, отсутствие кардиогенного шока, отсутствие тяжёлых осложнений, отсутствие тяжёлой почечной и печеночной недостаточности.

Пациенты были разделены на две группы в зависимости от назначенной комбинации препаратов: первая группа (n=50) принимала ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента (иАПФ) (Эналаприл, периндоприл) + диуретик (Индапамид), вторая группа (n=50) лечилась препаратами блокаторов рецепторов ангиотензина II (БРА) (Лозартан, Лозапа, Лориста) + блокаторы кальциевых каналов (Амлодипин).

В стационаре больным провели лабораторное и инструментальное обследование, в том числе мониторинг артериального давления (АД). Регистрировали показатели систолического (САД) и диастолического (ДАД) артериального давления, АД среднее, АД пульсовое и частоту сердечных сокращений (ЧСС).

С учётом краткосрочного периода наблюдения (в среднем 10-12 дней) эффективность антигипертензивной терапии оценивалась по динамике артериального давления, выраженности раннего антигипертензивного ответа, скорости достижения клинического эффекта и частоте достижения целевых значений артериального давления к моменту выписки. Такой подход соответствует современным представлениям о ранней оценке фармакодинамического эффекта антигипертензивных препаратов [5,6]. Так же учитывался долгосрочный терапевтический эффект групп препаратов до поступления пациентов в стационар.

Количественные данные представлены в виде среднего значения и стандартного отклонения ($M \pm SD$). Для сравнения групп применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждения

В исследовании приняли участие 100 больных (59% - женщины, 41% - мужчины), в возрасте от 53 до 88 лет. Средний возраст пациентов составил $66,3 \pm 10,5$ года, продолжительность заболевания составила от 10 до 30 лет. Так же, существенных различий между группами по полу, возрасту, продолжительности АГ и исходным АД установлено не было. Показатели АД у больных до начала терапии представлены в табл. 1.

Таблица 1

Исходные показатели АД и ЧСС (n=100) больных АГ.

Table 1

Baseline blood pressure and heart rate (n=100) in patients with hypertension.

Показатели□	1-я группа (n=50)□	2-группа (n=50)□
Среднее-максимальное САД, мм.рт. ст□	194,2±6,7□	192,3±7,1□
Среднее-максимальное ДАД, мм.рт. ст□	99,4±5,9□	101,2±6,1□
Среднее САД при поступлении, мм.рт. ст□	180,6±7,7□	179,1±7,1□
Среднее ДАД при поступлении, мм.рт. ст□	94,9±4,2□	95,5±4,8□
Среднее пульсовое АД, мм.рт. ст□	85,7±8,0□	83,6±8,1□
Средняя ЧСС, уд/мин□	76,4±4,9□	74,9±5,5□

1-я группа – пациенты, получавшие комбинацию ингибитора ангиотензинпре-вращающего фермента (иАПФ) с диуретиком.

2-я группа – пациенты, получавшие комбинацию блокатора рецепторов ангио-тензина II (БРА) с бло-катором кальциевых каналов (БКК).

Динамика показателей систолического АД (САД), диастолического АД (ДАД), АДср, АДп и частоты сердечных сокращений (ЧСС) у отобранных нами больных на фоне антигипертензивной терапии, пред-ставлена в табл. 2. В обеих группах применение антигипертензивной терапии приводило к снижению и нормализации уровня САД и ДАД к моменту выписки.

В 1-й группе под влиянием иАПФ + диуретик снижение САД составило в среднем -37,7±5,1 мм рт. ст. , а ДАД снизилось на -7,6±3,5 мм рт. ст. В то же время во 2-й группе БРА + БКК САД снизилось в среднем на -41,3±5,0 мм рт. ст., а ДАД на -10,9±4,3 мм рт. ст. На основе наблюдений можно сказать о более выражен-ном снижении систолического (САД) и диастолического (ДАД) давления во 2-й группе.

Таблица 2

Динамика показателей АД и ЧСС (n=100) больных АГ на фоне антигипертензивной терапии.

Table 2

The dynamics of blood pressure and heart rate (n=100) in patients with hypertension receiving antihypertensive therapy.

Показатели□	1-я группа (n=50)· иАПФ+диуретик□	2-группа (n=50)¶ БРА+·БКК□	p-value□
Среднее САД, мм.рт. ст□	142,9±5,7□	137,8±6,9□	<0,05□
Среднее ДАД, мм.рт. ст□	87,3±4,4□	84,6±4,5□	<0,05□
ΔСАД, мм.рт. ст□	-37,7±5,1□	-41,3±5,0□	<0,05□
ΔДАД, мм.рт. ст□	-7,6±3,5□	-10,9±4,3□	<0,05□
Среднее пульсовое АД, мм.рт. ст□	55,6±5,1□	53,2±6,9□	>0,05□
Средняя ЧСС, уд/мин□	71,1±5,4□	69,8±4,9□	>0,05□

К моменту выписки в группе иАПФ + диуретик целевые значения АД (140/90 мм рт. ст. и ниже) достиг-нуты у 52% пациентов , в группе БРА + БКК у 70% пациентов. Таким образом, комбинация БРА + БКК продемонстрировала более высокую частоту достижения целевых значений артериального давления.

Скорость антигипертензивного эффекта в группе БРА + БКК так же оказалась выше, клинически значи-мое снижение САД (≥10 мм рт. ст.) чаще достигалось уже на 2-3 сутки, тогда как в группе иАПФ + диуре-тик преимущественно на 3-4 сутки.

Безопасность и переносимость терапии непосредственно зависит от комбинации назначенных препара-тов. Прием антигипертензивных препаратов оказывал влияние на состояние и самочувствие больных. Так среди основных и наиболее часто встречаемых побочных эффектов от приёма препаратов в группе иАПФ + диуретик стали кашель (12%) и электролитные нарушения (10%), а в группе БРА + БКК периферические отёки (10%) и эпизоды гипотензии (6%). В обеих исследуемых группах у пациентов появлялась головная боль, 6% и 8%, соответственно (рис. 1). Коррекция терапии и внесение изменений в тактику лечения чаще требовалась в группе иАПФ+диуретик.

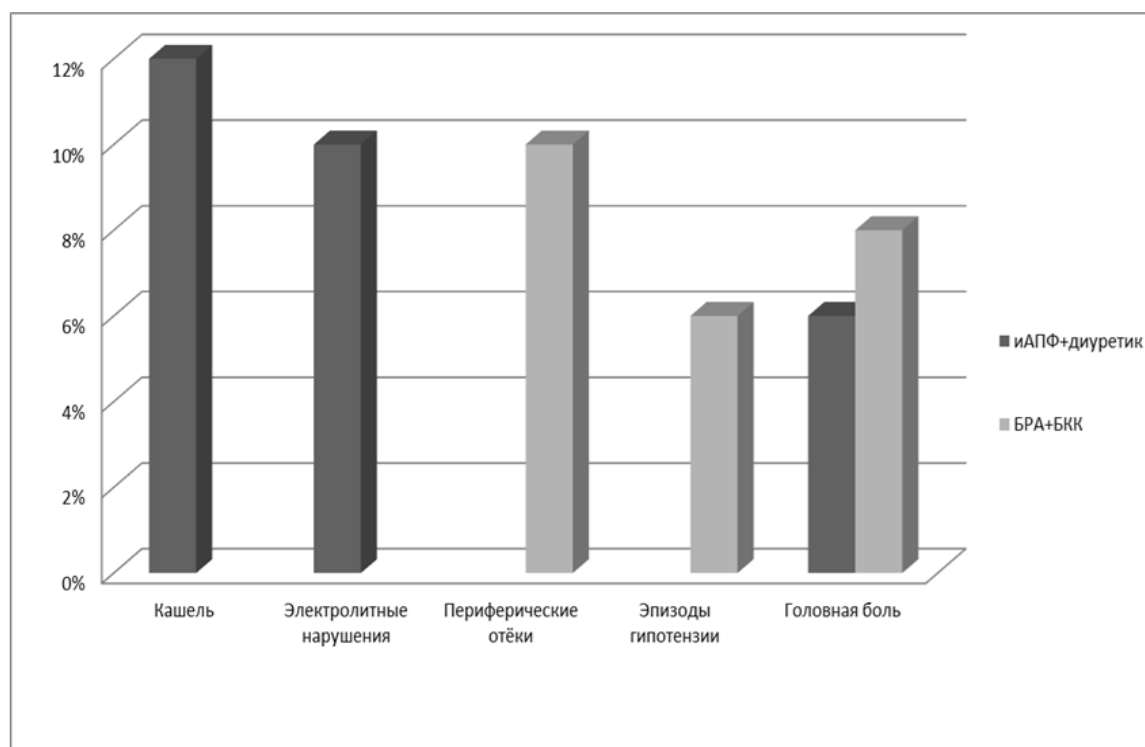

Рис. 1. Частота встречаемости побочных эффектов при применении антигипертензивных препаратов, %.

Fig. 1. Incidence of adverse effects associated with the use of antihypertensive agents, %.

Полученные результаты демонстрируют, что обе исследуемые комбинации антигипертензивных препаратов обеспечивают эффективное снижение артериального давления в условиях краткосрочного пребывания в стационаре, а так же и за его пределами.

При этом комбинация БРА + блокатор кальциевых каналов способствовала более выраженному и быстрому антигипертензивному эффекту. Cheng Y.B. и соавторы в своей работе подтверждают, что комбинации, которые включают антагонисты кальция и препараты, действующие на ренин-ангиотензин-альдостероновую систему, обеспечивают более выраженное снижение артериального давления и благоприятно влияют на центральную гемодинамику [7].

Комбинации БРА с антагонистами кальция обеспечивают стабильный контроль артериального давления и лучшую переносимость по сравнению с комбинациями, содержащими иАПФ. Нередко это связано с меньшей частотой возникновения побочных эффектов в процессе лечения [8,9].

Принимая во внимание этот факт, Пономарева А.И. и соавторы указывают на то, что комбинация иАПФ с диуретиком по-прежнему остаётся эффективной и широко применяемой схемой терапии, особенно у пациентов с объём-зависимой артериальной гипертензией [10]. Результаты нашего исследования подтверждают её клиническую эффективность, однако несколько меньшая скорость наступления эффекта и более высокая частота побочных реакций могут ограничивать её применение у отдельных категорий пациентов [11].

Отмеченные различия в скорости достижения антигипертензивного эффекта имеют клиническое значение в условиях стационара, где важна быстрая стабилизация гемодинамики. Более раннее снижение артериального давления при применении комбинации БРА + БКК сходится с данными современных исследований, указывающих на быстрое вазодилатирующее действие антагонистов кальция [7].

Таким образом, результаты исследования подтверждают современные представления о целесообразности использования комбинированной антигипертензивной терапии и демонстрируют преимущества комбинации БРА + антагонист кальция в отношении скорости и выраженности гипотензивного эффекта, а также переносимости терапии.

Выводы

1. В условиях краткосрочного стационарного наблюдения (10-12 дней) обе схемы комбинированной антигипертензивной терапии – ингибитор ангиотензинпревращающего фермента (иАПФ) в сочетании с диуретиком и блокатор рецепторов ангиотензина II (БРА) в сочетании с блокатором кальциевых каналов (БКК) способствовали стойкому снижению систолического и диастолического артериального давления.
2. Комбинация БРА + БКК обеспечивала более выраженное снижение артериального давления по сравнению с комбинацией иАПФ + диуретик.
3. Частота достижения целевых значений артериального давления была выше в группе БРА + БКК, что свидетельствует о более высокой клинической эффективности данной комбинации в условиях стационарного лечения.
4. Комбинация БРА + БКК характеризовалась более быстрым наступлением антигипертензивного эффекта, что имеет важное значение для стабилизации состояния пациентов в ранние сроки госпитализации.
5. Частота сердечных сокращений в обеих группах снижалась умеренно и не имела статистически значимых различий, что связано с отсутствием препаратов с прямым хронотропным эффектом в исследуемых схемах терапии.
6. Препараты обеих групп оказывали влияние на самочувствие и состояние больных. Наблюдались побочные эффекты от применения комбинированной терапии: в группе иАПФ + диуретик чаще всего появлялись кашель и электролитные нарушения, а в группе БРА + БКК периферические отёки и эпизоды гипотензии.
7. Полученные результаты совпадают с данными современных исследований, подтверждающих высокую эффективность комбинированной терапии и преимущества схем, включающих блокаторы ренин-ангиотензин-альдостероновой системы в сочетании с антагонистами кальция.

Список источников

1. Mills K.T., Stefanescu A., He J. The global epidemiology of hypertension // *Nature Reviews Nephrology*. 2020. № 16 (4). P. 223 – 237. doi:10.1038/s41581-019-0244-2
2. Ettehad D., Emdin C.A., Kiran A., et al. Blood pressure lowering for prevention of cardiovascular disease and death: a systematic review and meta-analysis // *Lancet*. 2016. № 387 (10022). P. 957 – 967. doi:10.1016/S0140-6736(15)01225-8
3. Zhu J., Chen N., Zhou M., et al. Calcium channel blockers versus other classes of drugs for hypertension // *Cochrane Database Syst Rev*. 2022. № 1 (1). doi:10.1002/14651858.CD003654.pub6
4. Wang N., Rueter P., Atkins E., et al. Efficacy and Safety of Low-Dose Triple and Quadruple Combination Pills vs Monotherapy, Usual Care, or Placebo for the Initial Management of Hypertension: A Systematic Review and Meta-analysis // *JAMA Cardiol*. 2023. № 8 (6). P. 606 – 611. doi:10.1001/jamacardio.2023.0720
5. Чазова И.Е., Жернакова Ю.В. от имени экспертов. Клинические рекомендации. Диагностика и лечение артериальной гипертензии // *Системные гипертензии*. 2019. № 16 (1). С. 6 – 31. DOI: 10.26442/2075082X.2019.1.190179
6. Whelton P.K., O'Connell S., Mills K.T., He J. Optimal Antihypertensive Systolic Blood Pressure: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Hypertension*. 2024. № 81 (11). P. 2329 – 2339. doi:10.1161/HYPERTENSIONAHA.124.23597
7. Cheng Y.B., Xia J.H., Li Y., Wang J.G. Antihypertensive Treatment and Central Arterial Hemodynamics: A Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials // *Front Physiol*. 2021. № 12 (762586). doi:10.3389/fphys.2021.762586
8. Abraham H.M., White C.M., White W.B. The comparative efficacy and safety of the angiotensin receptor blockers in the management of hypertension and other cardiovascular diseases // *Drug Saf*. 2015. № 38 (1). P. 33 – 54. doi:10.1007/s40264-014-0239-7
9. Li X., Bijlsma M.J., de Vos S., et al. Comparative effectiveness of antihypertensive monotherapies in primary prevention of cardiovascular events-a real-world longitudinal inception cohort study // *Front Pharmacol*. 2024. № 15 (1357567). doi:10.3389/fphar.2024.1357567
10. Пономарева А.И., Одноволов О.Т., Компаниец О.Г., Чернявская Д.Е. Комбинированная фармакотерапия артериальной гипертензии // *Consilium Medicum*. 2013. Т. 15. № 1. С. 11 – 14.
11. Заславская Р.М., Кривчикова Л.В., Тейблوم М.М. Оценка сравнительной эффективности лечения ингибитором ангиотензинпревращающего фермента и блокаторами рецепторов ангиотензина II в гендерном аспекте больных гипертонической болезнью III стадии, 2-3-й степени пожилого и старческого возраста // *Российский медицинский журнал*. 2022. Т. 28. № 1. С. 57 – 63. DOI: <https://doi.org/10.17816/medjrf10890>

References

1. Mills K.T., Stefanescu A., He J. The global epidemiology of hypertension. *Nature Reviews Nephrology*. 2020. No. 16 (4). P. 223 – 237. doi:10.1038/s41581-019-0244-2
2. Ettehad D., Emdin C.A., Kiran A., et al. Blood pressure lowering for prevention of cardiovascular disease and death: a systematic review and meta-analysis. *Lancet*. 2016. No. 387 (10022). P. 957 – 967. doi:10.1016/S0140-6736(15)01225-8
3. Zhu J., Chen N., Zhou M., et al. Calcium channel blockers versus other classes of drugs for hypertension. *Cochrane Database Syst Rev*. 2022. No. 1 (1). doi:10.1002/14651858.CD003654.pub6
4. Wang N., Rueter P., Atkins E., et al. Efficacy and Safety of Low-Dose Triple and Quadruple Combination Pills vs. Monotherapy, Usual Care, or Placebo for the Initial Management of Hypertension: A Systematic Review and Meta-analysis. *JAMA Cardiol*. 2023. No. 8 (6). P. 606 – 611. doi:10.1001/jamacardio.2023.0720
5. Chazova I.E., Zhernakova Yu.V. on behalf of the experts. Clinical guidelines. Diagnosis and Treatment of Arterial Hypertension. Systemic Hypertensions. 2019. No. 16 (1). P. 6 – 31. DOI: 10.26442/2075082X.2019.1.190179
6. Whelton P.K., O'Connell S., Mills K.T., He J. Optimal Antihypertensive Systolic Blood Pressure: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Hypertension*. 2024. No. 81 (11). P. 2329 – 2339. doi:10.1161/HYPERTENSIONAHA.124.23597
7. Cheng Y.B., Xia J.H., Li Y., Wang J.G. Antihypertensive Treatment and Central Arterial Hemodynamics: A Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials. *Front Physiol*. 2021. No. 12 (762586). doi:10.3389/fphys.2021.762586
8. Abraham H.M., White C.M., White W.B. The comparative efficacy and safety of the angiotensin re-ceptor blockers in the management of hypertension and other cardiovascular diseases. *Drug Saf*. 2015. No. 38 (1). P. 33 – 54. doi:10.1007/s40264-014-0239-7
9. Li X., Bijlsma M. J., de Vos S., et al. Comparative effectiveness of antihypertensive monotherapies in primary prevention of cardiovascular events—a real-world longitudinal inception cohort study. *Front Pharmacol*. 2024. No. 15 (1357567). doi:10.3389/fphar.2024.1357567
10. Ponomareva A.I., Odnovolov O.T., Kompaniets O.G., Chernyavskaya D.E. Combination pharmacotherapy of arterial hypertension. *Consilium Medicum*. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 11 – 14.
11. Zaslavskaya R.M., Krivchikova L.V., Teyblyum M.M. Evaluation of the comparative effectiveness of treatment with an angiotensin-converting enzyme inhibitor and angiotensin II receptor blockers in the gender aspect of patients with hypertension stage III, 2-3 degrees of elderly and senile age. *Russian Medical Journal*. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 57 – 63. DOI: <https://doi.org/10.17816/medjrf10890>

Информация об авторах

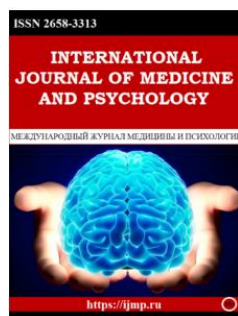
Пятернёв М.И., Северный государственный медицинский университет Минздрава России, mpiaternev.1127@gmail.com

Дехтяренко О.Г., Северный государственный медицинский университет Минздрава России

Назаренко Н.А., доктор медицинских наук, профессор, и.о. заведующего. кафедрой фармакологии и фармации, Северный государственный медицинский университет Минздрава России

Громова Л.Е., доктор медицинских наук, профессор, Северный государственный медицинский университет Минздрава России

© Пятернёв М.И., Дехтяренко О.Г., Назаренко Н.А., Громова Л.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.72-002.77-092:616-097

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-47-56

¹Горлов А.А.,
¹Белоглазов В.А.,
¹Яцков И.А.,
¹Кошукова Г.Н.,

¹Ордена Красного Трудового Знамени медицинский институт имени С.И. Георгиевского,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Показатель эрозий суставных поверхностей по сравнению с показателем сужения суставных щелей по модифицированному методу Sharp-van der Heijde сильнее ассоциирован с титром антител

Аннотация: введение: структурное повреждение суставов при ревматоидном артрите (РА) определяется сложным взаимодействием воспалительных и аутоиммунных механизмов. Роль гуморальных маркеров в прогрессировании рентгенологических изменений остаётся неоднозначной. **Материалы и методы.** Обследованы 74 пациента с РА (2023-2024 гг.). Определение РФ, АЦЦП и γ -глобулинов проводили методом ИФА. Рентгенологическую оценку выполняли с использованием шкалы Sharp-van der Heijde. Применялись корреляционный анализ Спирмена и множественный линейный регрессионный анализ (IBM SPSS 26.0). **Результаты.** РФ продемонстрировал сильные корреляции с эрозиями (ρ до 0,846; $p < 0,01$) и суммарным рентгенологическим баллом ($\rho = 0,696$; $p < 0,01$). АЦЦП имели слабые связи (ρ до 0,326; $p < 0,01$), γ -глобулины – умеренные ($\rho \approx 0,33$; $p < 0,01$). РФ являлся независимым предиктором эрозий ($\beta = 0,568$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,301$) и сужения суставной щели ($\beta = 0,486$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,234$). **Выводы.** Ревматоидный фактор является ключевым гуморальным предиктором структурного повреждения суставов при РА и может рассматриваться как значимый маркер тяжести и прогрессирования заболевания.

Ключевые слова: ревматоидный артрит, ревматоидный фактор, антитела к циклическому цитруллинированному пептиду, γ -глобулины, костные эрозии, сужение суставной щели

Для цитирования: Горлов А.А., Белоглазов В.А., Яцков И.А., Кошукова Г.Н. Показатель эрозий суставных поверхностей по сравнению с показателем сужения суставных щелей по модифицированному методу Sharp-van der Heijde сильнее ассоциирован с титром антител // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 47 – 56. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-47-56

Поступила в редакцию: 21 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Gorlov A.A.,
¹ Beloglazov V.A.,
¹ Yatskov I.A.,
¹ Koshukova G.N.,

¹ Order of the Red Banner of Labor S.I. Georgievsky Medical Institute,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Bone erosion score, compared with joint space narrowing score according to the modified Sharp-van der Heijde method, shows a stronger association with autoantibody titers

Abstract: introduction: structural joint damage in Rheumatoid Arthritis (RA) results from a complex interplay between inflammatory and autoimmune mechanisms. The role of humoral markers in the progression of radiographic changes remains controversial. **Materials and Methods.** A total of 74 patients with RA (2023-2024) were examined. Levels of rheumatoid factor (RF), anti-cyclic citrullinated peptide antibodies (anti-CCP), and γ -globulins were measured using enzyme-linked immunosorbent assay (ELISA). Radiographic assessment was performed using the Sharp-van der Heijde score. Spearman correlation analysis and multiple linear regression analysis (IBM SPSS 26.0) were applied. **Results.** RF demonstrated strong correlations with bone erosions (ρ up to 0.846; $p < 0.01$) and total radiographic score ($\rho = 0.696$; $p < 0.01$). Anti-CCP antibodies showed weak associations (ρ up to 0.326; $p < 0.01$), while γ -globulins exhibited moderate correlations ($\rho \approx 0.33$; $p < 0.01$). RF was an independent predictor of erosions ($\beta = 0.568$; $p < 0.001$; $R^2 = 0.301$) and joint space narrowing ($\beta = 0.486$; $p < 0.001$; $R^2 = 0.234$). **Conclusions.** Rheumatoid factor is a key humoral predictor of structural joint damage in rheumatoid arthritis and may serve as a significant marker of disease severity and progression.

Keywords: rheumatoid arthritis, rheumatoid factor, anti-cyclic citrullinated peptide antibodies, γ -globulins, bone erosions, joint space narrowing

For citation: Gorlov A.A., Beloglazov V.A., Yatskov I.A., Koshukova G.N. Bone erosion score, compared with joint space narrowing score according to the modified Sharp-van der Heijde method, shows a stronger association with autoantibody titers. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 47 – 56. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-47-56

The article was submitted: February 21, 2026; Approved after reviewing: April 19, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Ревматоидный артрит (РА) представляет собой аутоиммунное хроническое заболевание соединительной ткани, характеризующееся периферическим артритом, приводящим к функциональной недостаточности и последующему снижению качества жизни пациентов [1]. Основными рентгенографическими повреждениями, наблюдаемыми при РА, являются эрозии суставных поверхностей и сужение суставной щели (ССЩ), отражающие как воспалительную, так и деструктивную составляющие патологического процесса [2]. Для количественной оценки структурных повреждений в клинических исследованиях и практике широко применяется Sharp-van der Heijde, позволяющая стандартизировать степень выраженности эрозий и сужения суставных щелей [3].

Ассоциации между иммунологическими нарушениями и степенью структурного повреждения суставов остаются предметом дискуссии [4]. Особое внимание уделяется гуморальным факторам аутоиммунитета, таким как ревматоидный фактор (РФ), антитела к циклическому цитруллинированному пептиду (АЦЦП) и γ -глобулины, отражающих активацию В-клеточного звена иммунитета. Эти показатели традиционно рассматриваются как диагностические и прогностические маркеры, однако их вклад в формирование рентгенологически верифицируемого повреждения суставов изучен недостаточно [5].

Ревматоидный фактор ассоциирован с более тяжёлым течением заболевания и повышенным риском эрозивных изменений, что может быть связано с формированием иммунных комплексов и активацией комплемента, усиливающих воспалительное повреждение тканей [6]. В то же время антитела к цитруллинированным белкам обладают высокой специфичностью к заболеванию и, по данным ряда исследований, могут участвовать в индукции остеокластогенеза и ремоделировании костной ткани [7]. Роль гипергаммаглобулинемии как интегрального показателя хронической иммунной активации в контексте структурного прогрессирования остаётся менее определённой [8].

Существующие исследования демонстрируют вариабельность результатов в отношении силы и направленности ассоциаций между серологическими маркерами и рентгенологическим прогрессированием, что может быть обусловлено различиями в дизайне исследований, характеристиках выборок и используемых методах оценки. В этой связи актуальным является комплексный анализ взаимосвязей между показателями гуморального аутоиммунитета и количественными рентгенологическими индексами, включая оценку их независимого вклада в формирование структурных изменений.

Целью настоящего исследования является оценка ассоциаций между показателями гуморального иммунитета (ревматоидный фактор, антитела к циклическому цитруллинированному пептиду, γ -глобулины) и выраженностью структурного повреждения суставов, определяемой с использованием шкалы Sharp-van der Heijde, а также выявление их прогностической значимости в отношении эрозивных изменений и сужения суставной щели у пациентов с ревматоидным артритом.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на 74 пациентах с диагнозом РА. Сроки рекрутирования пациентов в настоящее исследование ограничивались с 06.2023 по 06.2024. Диагноз РА устанавливали на основании клинических рекомендаций НИИ Ревматологии МЗ России 2024 года и критериям Американской Коллегии Ревматологов (American College of Rheumatology) ACR 2010 года. Основная патология у исследовавшихся пациентов была классифицирована как M05.8, M06.0 согласно Международной Классификации Болезней X пересмотра. Набор пациентов осуществлялся на базе ОП ЛВМ ГБУЗ РК «Крымская Республиканская клиническая больница им. Н.А. Семашко» в условиях ревматологического стационара и амбулаторного приема (кабинет врача-ревматолога и кабинет противоревматической генно-инженерной биологической терапии консультативного отделения).

Критериями исключения для всех участников исследования являлись несовершеннолетие, отсутствие добровольного информированного согласия, беременность, высокая активность РА по DAS28-срб ($>5,1$ балла), клинически значимая сопутствующая хроническая и острая патология (хроническая болезнь почек стадии 3b, 4, 5 по KDIGO 2021; хроническая обструктивная болезнь легких, стадии B, D; неконтролируемая бронхиальная астма; пневмония; клинически и гемодинамически значимые нарушения ритма и проведения импульса, острая почечная/печеночная недостаточность, цирроз печени; инфаркт миокарда в анамнезе; нестабильная стенокардия, неконтролируемая артериальная гипертензия; ишемический/геморрагический инсульт в анамнезе; хроническая сердечная недостаточность со сниженной фракцией выброса, перекрест-синдром с другим аутоиммунным заболеванием соединительной ткани – системная склеродермия, системная красная волчанка; злокачественная онкопатология; активный инфекционный процесс; неконтролируемый сахарный диабет; тяжелая степень анемии).

Источниками данных о сопутствующей патологии являлись амбулаторные карты пациентов и данные, полученные в результате сбора персональной информации (anamnesis vitae, anamnesis morbi).

Определение концентраций ревматоидного фактора (РФ), антител к циклическому цитруллинированному пептиду (АЦЦП) и γ -глобулинов проводилось в плазме крови методом высокочувствительного иммуноферментного анализа.

Для исследования лабораторных маркеров использовались реактивы систем «Хема Мед» (Российская Федерация) и «Cloud Clone Corporation» (Ухань, Хубей, Китай). Лабораторная часть исследования была проведена на базе Центра коллективного пользования научным оборудованием «Молекулярная биология» при ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» (Министерство науки и высшего образования РФ) и Централизованной клинико-диагностической лаборатории ГБУЗ РК «Республиканская клиническая больница имени Н.А. Семашко» (Министерство здравоохранения РФ).

Рентгенографическое исследование кистей и стоп проводили всем пациентам с целью оценки структурных изменений суставов. Снимки выполняли на цифровом рентгенографическом аппарате в стандартных проекциях. Рентгенография кистей проводилась в прямой (дорсопальмарной) проекции. Рентгенографические повреждения (признаки артрита) при РА изучали методом модифицированной шкалы Sharp-van der Heijde. С помощью данного метода количественно оценивали два типа структурных изменений: костные эрозии и сужение суставной щели.

Статистическая обработка данных. Корреляционный анализ проводили методом ранговой корреляции по Спирмену (ρ -коэффициент Спирмена, p – достигнутый уровень статистической значимости, двухсторонний тест). Достигнутый уровень статистической значимости устанавливали на отметке $<0,05$.

Характеристики связи между параметрами (в том числе направление и характер изменений), а также наличие зависимости одной переменной от другой – определяли посредством регрессионного анализа ме-

тодом единовременного ввода предикторов (метод Enter). Для статистической обработки данных использовали программу IBM SPSS Statistics 26.0 (IBM Co., Armonk, NY, USA). Анализ рентгенографических снимков проводили в Sante DICOM Editor 7.6.2.

Исследование проводилось в соответствии с Хельсинкской декларацией VII-пересмотра (2013 год) и «Правилами клинической практики в Российской Федерации», утвержденными Приказом Минздрава РФ от 19.06.2003 г. № 266. Локальный этический комитет ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь) одобрил проведение исследования (протокол №1, 23 января 2024 года).

Результаты и обсуждения

Проведён корреляционный анализ между аутоиммунными показателями и рентгенологическими признаками структурного повреждения суставов. Установлены статистически значимые положительные корреляционные связи между уровнем ревматоидного фактора (РФ) и большинством рентгенологических показателей. Так, выявлена сильная положительная корреляция между уровнем РФ и выраженностью эрозивных изменений суставов кистей ($\rho = 0,806$; $p < 0,01$), стоп ($\rho = 0,734$; $p < 0,01$), а также суммарным баллом эрозий ($\rho = 0,846$; $p < 0,01$). Кроме того, уровень РФ достоверно коррелировал с показателями сужения суставной щели кистей ($\rho = 0,392$; $p < 0,01$), стоп ($\rho = 0,466$; $p < 0,01$) и суммарным баллом ССЩ ($\rho = 0,451$; $p < 0,01$). Также установлена значимая положительная корреляция между уровнем РФ и общим рентгенологическим баллом по шкале Sharp-van der Heijde ($\rho = 0,696$; $p < 0,01$). При анализе антител к АЦЦП выявлены более слабые связи с рентгенологическими показателями. Достоверная положительная корреляция отмечена между уровнем АЦЦП и эрозиями стоп ($\rho = 0,326$; $p < 0,01$), а также суммарным баллом эрозий ($\rho = 0,243$; $p < 0,05$). Связи АЦЦП с показателями сужения суставной щели и общим рентгенологическим баллом не достигали статистической значимости. Уровень γ -глобулинов демонстрировал статистически значимую положительную корреляцию с эрозиями стоп ($\rho = 0,330$; $p < 0,01$), а также с общим рентгенологическим баллом по шкале Sharp-van der Heijde ($\rho = 0,235$; $p < 0,05$). Корреляции γ -глобулинов с другими рентгенологическими показателями статистически значимыми не были. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии ассоциации аутоиммунных показателей, прежде всего ревматоидного фактора, с выраженностью структурного повреждения суставов у пациентов с ревматоидным артритом. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Корреляция аутоиммунных показателей с рентгенологическими изменениями суставов.

Table 1

Correlation of autoimmune parameters with radiographic changes in joints.

Рентгенологический показатель	РФ	АЦЦП	γ -глобулины
Эрозии кистей	0,806**	0,186	0,147
Эрозии стоп	0,734**	0,326* *	0,330**
Суммарный балл эрозий ES	0,846**	0,243*	0,226
Сужение суставной щели кистей	0,392**	-0,114	0,133
Сужение суставной щели стоп	0,466**	0,099	0,203
Суммарный балл ССЩ	0,451**	-0,065	0,159
Общий рентгенологический балл (Sharp-van der Heijde score)	0,696**	0,103	0,235*

Примечание: ES – балльное значение эрозий суставных поверхностей, ССЩ – балльное значение сужения суставных щелей, SVH – общий балл по модифицированной шкале Sharp-van der Heijde. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Note: ES – joint surface erosion score, JSN – joint space narrowing score, SVH – total score according to the modified Sharp-van der Heijde scale. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Корреляционные взаимосвязи отображены в виде scatterplot графиков на рис. 1.

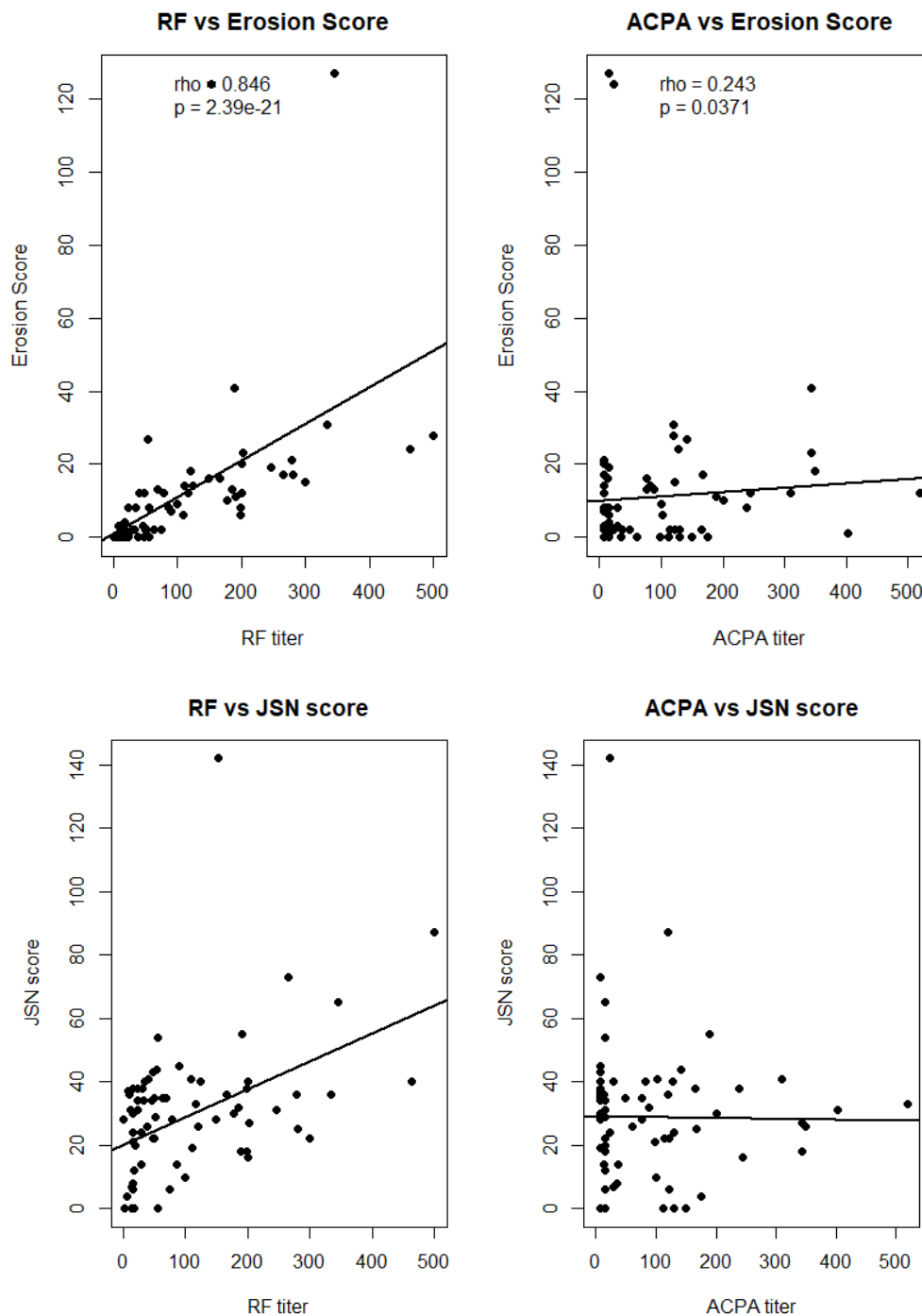

Рис. 1. Scatterplot графики аутоантительных и рентгенологических параметров у больных РА.
Fig. 1. Scatterplot graphs of autoantibody and radiological parameters in patients with RA.

*Множественный линейный регрессионный анализ ассоциаций РФ
и суммарного балла эрозий суставной поверхности*

Для оценки факторов, влияющих на выраженность эрозивных изменений суставов, проведён иерархический множественный линейный регрессионный анализ с зависимой переменной суммарным баллом эрозий суставных поверхностей ES. На первом этапе в модель включён уровень РФ. Модель показала статистическую значимость ($F=27,01$; $p<0,001$), объясняя 27,3% вариальности показателя эрозий ($R^2=0,273$). Уровень РФ оказался положительно ассоциирован с выраженностью эрозивных изменений суставов ($\beta=0,522$; $p<0,001$). На втором этапе к модели были добавлены возраст, пол, индекс массы тела и длительность заболевания. Итоговая модель сохраняла статистическую значимость ($F=5,85$; $p<0,001$), при этом доля объяснённой дисперсии увеличилась до 30,1% ($R^2=0,301$). В представленной нами многофакторной модели РФ

оставался единственным статистически значимым предиктором балла эрозий суставной поверхности ($\beta=0,568$; $p<0,001$), в то время как возраст, пол, ИМТ и длительность заболевания в настоящей выборке не проявили значимой связи с показателем эрозий суставных поверхностей ($p>0,05$).

Модель полученной регрессии описывается уравнением:

$$ES=5,211+0,109 \times P\Phi$$

Примечание:

5,211 – константа (B, Intercept)

0,109 – коэффициент для РФ (B)

Подробные характеристики модели приведены в табл. 2.

Таблица 2

Иерархический множественный линейный регрессионный анализ факторов, ассоциированных с эрозивными изменениями суставов.

Table 2

Hierarchical multiple linear regression analysis of factors associated with erosive changes in joints.

Модель	Включённые переменные	R	R ²	Скоп. R ²	F (df)	p	CO
1	РФ	0,522	0,273	0,263	27,01 (1;72)	<0,001	18,18
2	РФ + возраст, длительность заболевания, пол, ИМТ	0,548	0,301	0,249	5,85 (5;68)	<0,001	18,34

Коэффициенты полученной регрессии представлены в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициенты регрессии.

Table 3

Regression coefficients.

Переменная	B	SE	β	t	p
Модель 1					
Константа	1,209	2,848	—	0,425	0,672
РФ	0,100	0,019	0,522	5,197	<0,001
Модель 2					
Константа	5,211	13,275	—	0,393	0,696
РФ	0,109	0,021	0,568	5,184	<0,001
Возраст	0,049	0,208	0,027	0,237	0,814
Пол	6,856	5,322	0,137	1,288	0,202
ИМТ	-0,281	0,485	-0,068	-0,580	0,564
Длительность заболевания	-0,255	0,550	-0,050	-0,464	0,644

Среди исследованных клинических факторов повышение уровня РФ является значимым предиктором степени выраженности эрозий суставной поверхности у пациентов с РА, что подтверждает его роль в патогенезе структурного повреждения.

Множественный линейный регрессионный анализ ассоциаций

РФ и суммарного балла сужения суставных щелей

Для оценки ассоциации серопозитивности по РФ с выраженностью сужения суставной щели у пациентов с ревматоидным артритом, был проведён иерархический множественный линейный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной использовали суммарный балл сужения суставной щели (ССЩ) по модифицированной шкале Sharp-van der Heijde. На первом этапе в модель включён уровень РФ. Модель оказалась статистически значимой ($F=17,81$; $p<0,001$) и объясняла 19,8% вариативности ССЩ ($R^2=0,198$). РФ продемонстрировал положительную и статистически значимую ассоциацию с выраженностью сужения суставной щели ($\beta=0,445$; $p<0,001$). На втором этапе в модель были добавлены демографические и клинические переменные (возраст, пол, длительность заболевания, индекс массы тела). Итоговая модель также оставалась статистически значимой ($F=4,16$; $p=0,002$), при этом доля объяснённой дисперсии составила 23,4% ($R^2=0,234$). В полученной многофакторной модели уровень РФ сохранял статистически значимую положительную ассоциацию с ССЩ ($\beta=0,486$; $p<0,001$), в то время как добавленные демографические и клинические показатели ассоциированы с ССЩ не были ($p>0,05$). Уравнение описывает полученную модель:

$$ССЦ=19,331+0,096\times P\Phi$$

Примечание:

19,331 – константа (B, Intercept)

0,096 – коэффициент для РФ (B)

Подробные данные полученной модели представлены в табл. 4.

Таблица 4

Иерархический множественный линейный регрессионный анализ факторов, ассоциированных с суммарным баллом сужения суставных поверхностей (ССЦ).

Table 4

Hierarchical multiple linear regression analysis of factors associated with the total articular surface narrowing (ASN) score.

Мо- дель	Включённые переменные	R	R ²	Скоп. R ²	F (df)	p	CO
1	РФ	0,445	0,198	0,187	17,81 (1;72)	0,000	19,766
2	РФ + возраст, пол, длитель- ность заболевания, ИМТ	0,484	0,234	0,178	4,16 (5;68)	0,002	19,881

Коэффициенты регрессии представлены в табл. 5.

Таблица 5

Коэффициенты регрессии.

Table 5

Regression coefficients.

Переменная	B	SE	β	t	p
<i>Модель 1</i>					
Константа	20,045	3,097	—	6,472	0,000
РФ	0,088	0,021	0,445	4,220	0,000
<i>Модель 2</i>					
Константа	19,331	14,389	—	1,343	0,184
РФ	0,096	0,023	0,486	4,236	0,000
Возраст	0,187	0,226	0,099	0,828	0,410
Пол	-4,200	5,769	-0,081	-0,728	0,469
ИМТ	-0,140	0,526	-0,033	-0,265	0,792
Длительность заболевания	-0,860	0,596	-0,162	-1,444	0,153

Примечание: B – нестандартизованный коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка; β – стандартизованный коэффициент регрессии; t – t-статистика; p – уровень статистической значимости (двусторонний тест). РФ – ревматоидный фактор; ИМТ – индекс массы тела. Модель 1 включает только показатель РФ; модель 2 скорректирована по возрасту, полу, индексу массы тела и длительности заболевания. Статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$.

Note: B – unstandardized regression coefficient; SE – standard error; β – standardized regression coefficient; t – t-statistic; p – level of statistical significance (two-tailed test). RF – rheumatoid factor; BMI – body mass index. Model 1 includes only the RF indicator; model 2 is adjusted for age, gender, body mass index, and disease duration. Differences were considered statistically significant at $p < 0.05$.

Результаты проведенного множественного регрессионного анализа подкрепляют ранее сделанные выводы. РФ выступил единственным независимым предиктором как эрозий суставной поверхности, так и сужения суставной щели, в то время как демографические и клинические параметры, такие как возраст, пол, индекс массы тела и длительность заболевания, не продемонстрировали статистически значимого влияния. Это позволяет предположить, что гуморальные механизмы аутоиммунитета способны играть более непосредственную роль в формировании структурного повреждения, в сравнении с традиционными клиническими параметрами. Однако величина объяснённой дисперсии ($R^2 \approx 0,27-0,30$ для эрозий и $\approx 0,20-0,23$ для сужения суставной щели) указывает на то, что РФ, будучи важным фактором, не является единственным предиктором рентгенологического прогрессирования у больных с РА.

В отношении АЦЦП, исследование выявило слабые ассоциации с параметрами рентгенографической прогрессии. Несмотря на их высокую диагностическую специфичность, в рамках текущего исследования

была зафиксирована лишь умеренная связь с эрозиями, при этом не было выявлено статистически значимых корреляций с показателями ССЦ или суммарным баллом Sharp-van der Heijde. Такие наблюдения могут указывать на различие между их ролью в инициации патологического процесса и их участием в поздних стадиях структурного повреждения [11]. В качестве альтернативного объяснения, выявленные расхождения, возможно, обусловлены спецификой исследуемой выборки или особенностями распределения титров антител.

Уровень γ -глобулинов, рассматриваемый как интегральный показатель активации В-клеточного звена иммунитета, показал умеренные ассоциации с некоторыми параметрами (эрозии стоп и общий балл Sharp-van der Heijde), что может быть интерпретировано как его неспецифическая связь с хроническим воспалительным процессом. Отсутствие более широких корреляций ограничивает его использование в качестве предиктора структурного прогрессирования в сравнении с РФ.

Примечательно, что наиболее выраженные связи были установлены именно для эрозивных изменений, в то время как показатели ССЦ характеризовались более умеренными коэффициентами корреляции. Данное наблюдение может свидетельствовать о различиях в патогенезе указанных компонентов: эрозии преимущественно ассоциированы с остеокласт-опосредованной резорбцией костной ткани, тогда как ССЦ в большей мере отражает дегенерацию хрящевой ткани и вторичные изменения, которые непосредственно менее связаны с аутоантительным ответом [12].

Обнаруженные данные в целом согласуются с общепринятой концепцией, согласно которой серопозитивный вариант ревматоидного артрита характеризуется более агрессивным клиническим течением и ускоренным структурным прогрессированием. Одновременно результаты уточняют и количественно подтверждают значимость отдельных гуморальных факторов, выделяя РФ в качестве ключевого маркера, ассоциированного с выраженностью рентгенологических изменений.

Выводы

Проведенное исследование выявило статистически значимые ассоциации между показателями гуморального аутоиммунитета (РФ, АЦЦП, γ -глобулины) и степенью структурного повреждения суставов при ревматоидном артрите. Наиболее выраженная связь оказалась обнаружена для РФ, коррелировавшего с эрозивными изменениями, уменьшением суставной щели и суммарным рентгенологическим индексом по шкале Sharp-van der Heijde, а также выступил в качестве единственного независимого предиктора данных параметров в многофакторных моделях. Влияние АЦЦП и γ -глобулинов оказалось менее значимым и имело ограниченный характер. Таким образом, полученные данные подтверждают более значимую роль РФ в сравнении с АЦЦП в патогенезе эрозий суставных поверхностей суставов и подчеркивают его потенциальную значимость как прогностического маркера рентгенологической тяжести течения заболевания.

Список источников

1. Jahid M., Khan K.U., Rehan-Ul-Haq, Ahmed R.S. Overview of rheumatoid arthritis and scientific understanding of the disease // *Mediterranean Journal of Rheumatology*. 2023. Vol. 34. № 3. P. 284 – 291. DOI: 10.31138/mjr.20230801.00
2. Komatsu N., Takayanagi H. Mechanisms of joint destruction in rheumatoid arthritis: immune cell-fibroblast-bone interactions // *Nature Reviews Rheumatology*. 2022. Vol. 18. P. 415 – 429. DOI: 10.1038/s41584-022-00793-5
3. Grosse J., Allado E., Albuisson É., Pierreisnard A., Couderc M., Chary-Valckenaere I., Loeuille D. Evaluation of bone erosions in rheumatoid arthritis: the ultrasound score for erosions versus the modified Sharp/van der Heijde score for erosions // *The Journal of Rheumatology*. 2021. Vol. 48. № 3. P. 335 – 338. DOI: 10.3899/jrheum.200286
4. Sokolova M.V., Schett G., Steffen U. Autoantibodies in rheumatoid arthritis: historical background and novel findings // *Clinical Reviews in Allergy & Immunology*. 2022. Vol. 6. № 2. P. 138 – 151. DOI: 10.1007/s12016-021-08890-1
5. Khan M.W.A.L., Khan W.A. Autoantibodies and cytokines in pathogenesis of rheumatoid arthritis // *Autoantibodies and Cytokines*. London: IntechOpen, 2019. DOI: 10.5772/intechopen.82265
6. Mathsson L., Lampa J., Mullazehi M., Rönnelid J. Immune complexes from rheumatoid arthritis synovial fluid induce Fc γ RIIa dependent and rheumatoid factor correlated production of tumour necrosis factor- α by peripheral blood mononuclear cells // *Arthritis Research & Therapy*. 2006. Vol. 8. № 3. Art. R64. DOI: 10.1186/ar1926

7. Shpatz R., Braun-Moscovici Y., Balbir-Gurman A. ACPA antibodies titer at the time of rheumatoid arthritis diagnosis is not associated with disease severity // *Israel Medical Association Journal*. 2021. Vol. 23. № 10. P. 646 – 650.
8. Hollander J.L., Quismorio F.P., Owen E.T. et al. Rheumatoid arthritis, rheumatoid factor, and gamma G globulin fragments // *Annals of Internal Medicine*. 1968. Vol. 68. P. 1195 – 1195. DOI: 10.7326/0003-4819-68-5-1195
9. Rydell E., Forslind K., Nilsson J. [et al.]. Predictors of radiographic erosion and joint space narrowing progression in patients with early rheumatoid arthritis: a cohort study // *Arthritis Research & Therapy*. 2021. Vol. 23. Art. 27. DOI: 10.1186/s13075-020-02413-7
10. Steffen U., Schett G., Bozec A. How autoantibodies regulate osteoclast induced bone loss in rheumatoid arthritis // *Frontiers in Immunology*. 2019. Vol. 10. Art. 1483. DOI: 10.3389/fimmu.2019.01483
11. Minocha A., Kukran S., Yee P., Nisar M. The differential effect of antibodies on radiographic progression in rheumatoid arthritis // *Mediterranean Journal of Rheumatology*. 2020. Vol. 31. № 4. P. 393 – 399. DOI: 10.31138/mjr.31.4.393
12. Kirwan J., Byron M., Watt I. The relationship between soft tissue swelling, joint space narrowing and erosive damage in hand X-rays of patients with rheumatoid arthritis // *Rheumatology*. 2001. Vol. 40. № 3. P. 297 – 301. DOI: 10.1093/rheumatology/40.3.297

References

1. Jahid M., Khan K.U., Rehan-Ul-Haq, Ahmed R.S. Overview of rheumatoid arthritis and scientific understanding of the disease. *Mediterranean Journal of Rheumatology*. 2023. Vol. 34. № 3. P. 284 – 291. DOI: 10.31138/mjr.20230801.oo
2. Komatsu N., Takayanagi H. Mechanisms of joint destruction in rheumatoid arthritis: immune cell-fibroblast-bone interactions. *Nature Reviews Rheumatology*. 2022. Vol. 18. P. 415 – 429. DOI: 10.1038/s41584-022-00793-5
3. Grosse J., Allado E., Albuisson É., Pierreisnard A., Couderc M., Chary-Valckenaere I., Loeuille D. Evaluation of bone erosions in rheumatoid arthritis: the ultrasound score for erosions versus the modified Sharp/van der Heijde score for erosions. *The Journal of Rheumatology*. 2021. Vol. 48. № 3. P. 335 – 338. DOI: 10.3899/jrheum.200286
4. Sokolova M.V., Schett G., Steffen U. Autoantibodies in rheumatoid arthritis: historical background and novel findings. *Clinical Reviews in Allergy & Immunology*. 2022. Vol. 6. № 2. P. 138 – 151. DOI: 10.1007/s12016-021-08890-1
5. Khan M.W.A.L., Khan W.A. Autoantibodies and cytokines in pathogenesis of rheumatoid arthritis. *Autoantibodies and Cytokines*. London: IntechOpen, 2019. DOI: 10.5772/intechopen.82265
6. Mathsson L., Lampa J., Mullazehi M., Rönnelid J. Immune complexes from rheumatoid arthritis synovial fluid induce FcγRIIa dependent and rheumatoid factor correlated production of tumour necrosis factor-α by peripheral blood mononuclear cells. *Arthritis Research & Therapy*. 2006. Vol. 8. № 3. Art. R64. DOI: 10.1186/ar1926
7. Shpatz R., Braun-Moscovici Y., Balbir-Gurman A. ACPA antibodies titer at the time of rheumatoid arthritis diagnosis is not associated with disease severity. *Israel Medical Association Journal*. 2021. Vol. 23. № 10. P. 646 – 650.
8. Hollander J.L., Quismorio F.P., Owen E.T. et al. Rheumatoid arthritis, rheumatoid factor, and gamma G globulin fragments. *Annals of Internal Medicine*. 1968. Vol. 68. P. 1195 – 1195. DOI: 10.7326/0003-4819-68-5-1195
9. Rydell E., Forslind K., Nilsson J. [et al.]. Predictors of radiographic erosion and joint space narrowing progression in patients with early rheumatoid arthritis: a cohort study. *Arthritis Research & Therapy*. 2021. Vol. 23. Art. 27. DOI: 10.1186/s13075-020-02413-7
10. Steffen U., Schett G., Bozec A. How autoantibodies regulate osteoclast induced bone loss in rheumatoid arthritis. *Frontiers in Immunology*. 2019. Vol. 10. Art. 1483. DOI: 10.3389/fimmu.2019.01483
11. Minocha A., Kukran S., Yee P., Nisar M. The differential effect of antibodies on radiographic progression in rheumatoid arthritis. *Mediterranean Journal of Rheumatology*. 2020. Vol. 31. № 4. P. 393 – 399. DOI: 10.31138/mjr.31.4.393
12. Kirwan J., Byron M., Watt I. The relationship between soft tissue swelling, joint space narrowing and erosive damage in hand X-rays of patients with rheumatoid arthritis. *Rheumatology*. 2001. Vol. 40. № 3. P. 297 – 301. DOI: 10.1093/rheumatology/40.3.297

Информация об авторах

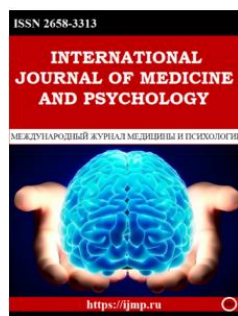
Горлов А.А., ассистент кафедры внутренней медицины №2, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6597-8550>, Ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, alexander_gorloff@mail.ru

Белоглазов В.А., доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой внутренней медицины №2, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9640-754X>, Ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, biloglazov@mail.ru

Яцков И.А., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5486-7262>, Ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, egermd@yandex.ru

Кошукова Г.Н., доктор медицинских наук, профессор, RCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7467-7191>, Ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, koshukova.gn@mail.ru

© Горлов А.А., Белоглазов В.А., Яцков И.А., Кошукова Г.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.21

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-57-65

¹ Красильникова Н.В.,

² Плетнев В.В.,

³ Петрова Ю.А.,

⁴ Кишкина М.А.,

¹ Академия общественных и фундаментальных наук имени академика
М.В. Ломоносова – Академический исследовательский институт,

² Первый Московский государственный медицинский университет имени
И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет),

³ Российский национальный исследовательский медицинский университет
имени Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет)

Оценка влияния настойки корней лопуха большого на фиброз легких у мышей

Аннотация: фиброз легких представляет собой широко распространенное и серьезное заболевание, которое относится к категории хронических, прогрессирующих и необратимых интерстициальных заболеваний легких. Целью исследования являлось изучение антифиброзного действия настойки корней лопуха большого на модели фиброза легких у мышей. В проведенных исследованиях использовалась настойка, которая была создана на основе корней лопуха большого. Эксперименты проведены на 5 группах мышей F₁(СВАхС₅₇В1₆) по 10 животных в каждой. Фиброз легких у лабораторных животных индуцировали бленомидином (3,5 мг/кг). После эксперимента собранную жидкость бронхоальвеолярного лаважа подготавливали для последующего определения содержания различных веществ в образце с использованием иммуноферментного анализа. Полученные образцы ткани легких использовались для гистопатологического анализа. Для этого применялись различные методы окрашивания, включая трихром Массона и красный сириус. При окрашивании ткани легких мышей трихромом по методу Массона настойка корней лопуха большого в дозах 195 и 455 мкг/кг при пероральном введении животным с фиброзом легких 1 раз в день на протяжении 28 дней снижает концентрацию коллагена в легочной ткани до 36% и 30% соответственно при (57%) в контроле. При окрашивании ткани легких мышей сириусом красным настойка лопуха в дозе 455 мкг/кг при пероральном введении лабораторным животным сильно снижает уровень коллагена в легочной ткани до 25% при 78 % в контроле. Настойка лопуха в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг при пероральном введении мышам также выражено снижает соотношение влажности и сухости легочной ткани у грызунов до 7,1, 6,0 и 5,5 единиц соответственно при (17 единицах) в контроле. Пероральное введение мышам с фиброзом легких настойки корней лопуха большого в дозе 455 мкг/кг эффективно снижает уровень гидроксипролина в жидкости бронхоальвеолярного лаважа до 123 нг/мл по сравнению с контролем (149 нг/мл). Таким образом, настойка корней лопуха большого проявляет значительную антифиброзную активность в условиях *in vivo*, выраженность которой определяется величиной дозы.

Ключевые слова: настойка корней лопуха, фиброз легких, корни лопуха большого, коллаген, гидроксипролин

Для цитирования: Красильникова Н.В., Плетнев В.В., Петрова Ю.А., Кишкина М.А. Оценка влияния настойки корней лопуха большого на фиброз легких у мышей // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 57 – 65. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-57-65

Поступила в редакцию: 23 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Krasilnikova N.V.,

¹ Pletnev V.V.,

² Petrova Yu.A.,

³ Kishkina M.A.,

¹ Academy of Social and Fundamental Sciences named after Academician
M.V. Lomonosov – Academic Research Institute,

² I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry
of Health of the Russian Federation (Sechenov University),

³ N.I. Pirogov Russian National Research Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation

Evaluation of the effect of burdock root tincture on lung fibrosis in mice

Abstract: pulmonary fibrosis is a widespread and serious disease that belongs to the category of chronic, progressive and irreversible interstitial lung diseases. The aim of the study was to study the antifibrotic effect of burdock root tincture on a model of pulmonary fibrosis in mice. In the conducted studies, a tincture was used, which was created on the basis of burdock roots. The experiments were carried out on 5 groups of F1 mice (CBAxC₅₇Bl₆) with 10 animals each. Pulmonary fibrosis in laboratory animals was induced by bleomycin (3.5 mg / kg). After the experiment, the collected bronchoalveolar lavage fluid was prepared for subsequent determination of the content of various substances in the sample using enzyme immunoassay. The lung tissue samples obtained were used for histopathological analysis. Various staining methods were used for this, including Masson's trichrome and red sirius. When staining mouse lung tissue with trichrome using the Masson method, tincture of burdock roots in doses of 195 and 455 mcg / kg orally administered to animals with pulmonary fibrosis once a day for 28 days reduces the concentration of collagen in lung tissue to 36% and 30%, respectively, at (57%) in the control. When staining the lung tissue of mice with Sirius red, burdock tincture at a dose of 455 mcg / kg, when administered orally to laboratory animals, greatly reduces the level of collagen in lung tissue to 25%, compared with 78% in the control. Burdock tincture in doses of 65, 195 and 455 mcg / kg when administered orally to mice also significantly reduces the ratio of moisture and dryness of lung tissue in rodents to 7.1, 6.0 and 5.5 units, respectively, at (17 units) in the control. Oral administration of burdock root tincture at a dose of 455 mcg / kg to mice with pulmonary fibrosis effectively reduces the level of hydroxyproline in bronchoalveolar lavage fluid to 123 ng / ml compared with the control (149 ng / ml). Thus, burdock root tincture exhibits significant antifibrotic activity *in vivo*, the severity of which is determined by the dose.

Keywords: burdock root tincture, lung fibrosis, burdock roots, collagen, hydroxyproline

For citation: Krasilnikova N.V., Pletnev V.V., Petrova Yu.A., Kishkina M.A. Evaluation of the effect of burdock root tincture on lung fibrosis in mice. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 57 – 65. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-57-65

The article was submitted: February 23, 2026; Approved after reviewing: April 20, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Фиброз легких (ФЛ) представляет собой широко распространенное и серьезное заболевание, которое относится к категории хронических, прогрессирующих и необратимых интерстициальных заболеваний легких [1]. По статистике, после того как пациент получает диагноз ФЛ, средняя выживаемость в течение пяти лет составляет всего лишь 20-30 %. Этот показатель даже ниже, чем у некоторых форм рака, что подчеркивает серьезность и опасность данного состояния [2]. На сегодняшний день возможности для лечения большинства интерстициальных заболеваний легких остаются крайне ограниченными, и лишь несколько лекарственных средств доступны для пациентов с этой патологией.

В последние годы было проведено множество исследований, которые продемонстрировали, что окислительный стресс (ОС) играет важнейшую роль в патогенезе фиброза легких и непосредственно связан с его возникновением и прогрессированием [3]. Например, результаты исследований показали, что у пациентов с

ФЛ наблюдается значительное увеличение способности воспалительных клеток, находящихся в бронхоальвеолярной жидкости, выделять перекись водорода. Также в этой жидкости была обнаружена миелопероксидаза (МПО), что указывает на активный воспалительный процесс. В ходе этих исследований была выявлена прямая корреляция между степенью выраженности фиброза легких и уровнем окислительного стресса [4].

Механизмы, связанные с ФЛ, вызванным окислительным стрессом, в основном заключаются в повреждении и некрозе альвеолярных эпителиальных клеток (АЭК) [5]. Постоянные повреждения и изменения в структуре АЭК являются характерными признаками данного заболевания. В нормальных условиях эпителиальные клетки легких обладают антиоксидантной активностью, и их стимуляция активными формами кислорода (АФК) может привести к апоптозу этих клеток. Это происходит как способ защиты от воспалительных реакций, вызванных некрозом клеток [6]. Однако, если концентрация АФК становится слишком высокой, это может привести к повреждению клеток и, в конечном итоге, к развитию фиброза легких.

Активные формы кислорода могут вызывать апоптоз АЭК, непосредственно активируя их рецепторы. Кроме того, они могут стимулировать чрезмерный апоптоз, воздействуя на митохондриальный путь апоптоза и путь стрессового апоптоза, связанного с эндоплазматическим ретикуломом. Эти процессы приводят к нарушению баланса между матриксными металлопротеиназами и антипротеиназами (ММП/АПР) в легочной ткани, что усугубляет состояние легких.

Помимо этого, активные формы кислорода могут влиять на трансформирующий фактор роста β (TGF- β) и другие цитокины, что способствует эпителиально-мезенхимальной трансформации (ЭМТ) [7]. Эти данные подчеркивают, что окислительный стресс не просто сопутствует, а является ключевым фактором, способствующим возникновению и прогрессированию фиброза легких. Исследования показывают, что окислительный стресс регулирует дисбаланс между окислительными и антиоксидантными процессами в легочной ткани, что ухудшает состояние легких и приводит к развитию фиброза [8].

Поиск новых и более эффективных антиоксидантных средств является актуальной задачей. В связи с этим, особенно интересным является исследование фармакологических свойств настойки корней лопуха большого (*Arctium lappa*).

В процессе изучения настойки корней лопуха большого (НКЛБ) были выявлены такие важные компоненты, как галловая, кофейная и хлорогеновая кислоты, а также арктигенин. Каждый из этих компонентов имеет свои уникальные свойства и потенциальные применения в медицине. Например, арктигенин продемонстрировал значительные противовоспалительные, противовирусные и противоопухолевые свойства в ходе современных фармакологических исследований [9].

Одно из наиболее интересных открытий связано с тем, что арктигенин способен предотвращать развитие фиброза почек. Это достигается благодаря его способности усиливать активность антиоксидантной супероксиддисмутазы, а также ингибировать экспрессию трансформирующего фактора роста бета (TGF- β) у крыс [10].

Таким образом, НКЛБ и содержащиеся в ней активные компоненты, такие как галловая, кофейная и хлорогеновая кислоты, а также арктигенин, представляют собой перспективное направление для разработки новых антиоксидантных средств, которые могут оказать положительное влияние на здоровье человека и помочь в борьбе с различными заболеваниями.

Цель исследования – изучение антифиброзного действия настойки корней лопуха большого на модели фиброза легких у мышей.

Материалы и методы исследований

В проведенных исследованиях использовался комплексное лекарственное средство, которое было создано на основе корней лопуха большого, известного под научным названием *Radices Arctii lappae*. Это растение принадлежит к семейству сложноцветных – *Compositae* [11]. Для изготовления НКЛБ была выбрана аптека, обладающая лицензией на осуществление фармацевтической деятельности (ЛО-77-02-004390 от 01.11.2012). Лекарственное сырье, использованное в процессе создания НКЛБ, зарегистрировано на государственном уровне и прошло все необходимые этапы радиационного контроля, что подтверждает его безопасность для использования.

Процесс производства и контроля качества НКЛБ осуществлялся в строгом соответствии с Приказом Минздрава России от 22.06.2023 г. №249 н. Все исследования, проводимые в рамках данного проекта, были выполнены на стерильном препарате. Контроль стерильности осуществлялся методом прямого посева, что соответствует стандартам, прописанным в ОФС.1.2.4.0003.15.

Все эксперименты с животными получили одобрение этической комиссии ФГБУ «НМИЦ кардиологии» Минздрава России (Заключение от 2021 года) и проводились в строгом соответствии с требованиями, изложенными в Руководстве по проведению доклинических исследований лекарственных средств, которое было утверждено в 2012 году [12].

Исследования проведены на 5 группах мышей-самцов гибридного происхождения $F_1(\text{CBA} \times \text{C}_{57}\text{Bl}_6)$ с массой тела 18-20 г (по 10 животных в каждой) с ФЛ, который индуцировали блеомицином (3,5 мг/кг).

В течение недели перед началом эксперимента всем мышам обеспечивались циклы освещения и темноты продолжительностью 12 часов каждый. В это время все животные получали одинаковое питание. На второй неделе проведения эксперимента мышам 2-5-й групп однократно интратрахеально вводили блеомицин в дозе 87,5 мкг/мышь в 30 мкл физиологического раствора. Инъекция осуществлялась однократно с использованием интратрахеального метода. Этот способ введения блеомицина является одним из самых распространенных и эффективных для моделирования легочного фиброза у мышей. Блеомицин представляет собой противоопухолевый антибиотик, который, попадая в легкие, вызывает токсическое повреждение альвеолярного эпителия. Это повреждение запускает ряд патологических процессов, ведущих к фиброзированию легочной ткани.

В контрольной группе проводилось хирургическое вмешательство, в ходе которого осуществлялся разрез кожи, мышц и шейного отдела трахеи, однако блеомицин мышам этой группы не вводился. Подготовка к операции начиналась с анестезии, для которой использовался ингаляционный изофлуран, введенный с помощью специализированного аппарата для ингаляционного наркоза. Это обеспечивало глубокую анестезию и минимизировало стресс у животных во время процедуры.

Далее шло подготовка операционного поля, которая включала дезинфекцию 70% раствором этанола и удаление волосного покрова в области операции. После этого производилась инъекция блеомицина. Для этого по средней линии шеи проводился разрез кожи, затем последовательно рассекались подкожная клетчатка и собственная фасция шеи. С помощью метода тупого раздвижения тканей осуществлялось раздвижение мышц на вентральной стороне трахеи, что позволяло получить доступ к трахее. Инъекция блеомицина производилась с помощью шприца Гамильтона, при этом важно было учитывать направление тока воздуха во время вдоха, чтобы препарат попал непосредственно в трахею.

После завершения операции животные находились под наблюдением в течение 30 минут, при этом температура окружающей среды поддерживалась на уровне +22-24°C. Это было необходимо для обеспечения стабильного состояния животных и минимизации стресса после операции.

Что касается особенностей развития фиброза, то однократное интратрахеальное введение блеомицина сначала приводит к воспалительной фазе заболевания. Эта фаза характеризуется несколькими важными изменениями в легких: наблюдается увеличение уровня провоспалительных цитокинов, что свидетельствует о воспалительной реакции; активная инфильтрация воспалительными клетками интерстиция альвеол и альвеолярных ходов; а также лейкоцитоз в периферической крови, который является признаком системного воспаления. Длительность воспалительного процесса составляет примерно 7-10 дней, после чего он переходит в фибротическую фазу, которая начинается примерно на 10-14 день после введения блеомицина. Эта фаза наиболее точно имитирует проявления идиопатического легочного фиброза, наблюдаемого у человека.

Критерии успешного воспроизведения данной патологии включают наличие выраженной воспалительной реакции в легких, а также увеличение площади соединительной ткани в легких, что свидетельствует о прогрессировании фиброза. Таким образом, данное исследование направлено на более глубокое понимание механизмов, приводящих к легочному фиброзу.

В качестве референтного препарата при лечении фиброза легких у мышей использовали нинтеданиб (Catalent Germany Eberbach, GmbH).

В контрольной группе животным вводили физиологический раствор внутривентрально. Мышам из 2-й группы в течение 28 дней дважды в день перорально давали препарат-сравнения – нинтеданиб в дозе 2,14 мг/кг. Мыши из 3-5-й групп получали настойку корней лопуха большого в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг соответственно, 1 раз в день на протяжении 28 дней.

Сравнение результатов 2-5-й групп проводилось по отношению к контролю.

Через 28 дней проводили эвтаназию животных передозировкой диэтилового эфира. В рамках проведенного эксперимента с мышами была осуществлена процедура двустороннего промывания легких. Для этого сначала была произведена диссекция области шеи, в ходе которой трахея была обнажена с целью интубации. Объем используемого промывного раствора, основанного на фосфатном буфере (PBS), был увеличен

до 0,8 мл. После того как легкие были промыты трижды, собранный промывочный раствор был отобран для дальнейшего анализа.

Полученный образец жидкости бронхоальвеолярного лаважа центрифугировали в течение 10 мин при +4°C со скоростью вращения 1500 об/мин. После центрифугирования надосадочная жидкость была аккуратно отделена и сохранена при температуре -20°C. Это необходимо было сделать для последующего определения содержания различных веществ в образце с использованием иммуноферментного анализа (ИФА).

Чтобы оценить соотношение влажности и сухости легочной ткани, мы взяли 0,1 г образца легочной ткани и взвесили его с помощью аналитических весов, фиксируя вес в его влажном состоянии. Затем ткань была помещена в духовку, где она подвергалась сушке при температуре +70°C на протяжении 72 ч, пока не достигла постоянной массы. После этого мы снова произвели взвешивание и записали полученное значение для сухого образца. Сравнив вес в сыром виде с весом после сушки, мы смогли вычислить соотношение влажности и сухости легочной ткани.

Кроме того, легочная ткань была промыта фосфатным буфером PBS и затем фиксирована в 4%-м растворе формалина, после чего образцы были залиты в парафин для дальнейшей подготовки. Из полученных образцов ткани были сделаны срезы толщиной 5 мкм, которые использовались для гистопатологического анализа. Для этого применялись различные методы окрашивания, включая трихром Массона и красный сириус.

В результате проведенного анализа легочной ткани были выявлены патологические изменения, которые включали повреждение тканей и отложение коллагена.

Для выявления признаков фиброза использовались срезы тканей, залитые парафином. Наблюдалась экспрессия и распределение коллагена в легочной ткани.

Для забора бронхоальвеолярной лаважной жидкости (БАЛ) из каждой группы случайным образом выбрали по пять мышей. В каждое легкое (левое и правое) три раза медленно инъецировали по 0,6 мл стерильного физиологического раствора, затем жидкость собирали в пробирку и охлаждали на льду. После центрифугирования надосадочную фракцию замораживали при -80°C для дальнейшего анализа цитокинов. Осадок ресуспендировали в 1 мл PBS-буфера, отбирали 10 мкл для подсчета общего числа клеток на гемоцитометре. Оставшуюся БАЛ вновь центрифугировали, осадок клеток изолировали, распределяли равномерно по предметному стеклу, сушили и окрашивали специальным красителем для дифференциального учета клеточных элементов.

Анализ данных проводился с использованием программного обеспечения SPSS 17.0. Проверку на нормальность распределения переменных выполняли с применением критерия Шапиро-Уилка. Для оценки статистической значимости различий между группами при отклонении от нормального закона использовали критерий Манна-Уитни (U/Z), представляя данные в виде медианы, 25-го и 75-го перцентилей, а также экстремальных значений (минимума и максимума). В рамках данного подхода статистически значимыми считались различия медиан при $Z \geq 1,96$, что соответствует уровню значимости $p < 0,05$ (вероятность достоверности свыше 95%).

Результаты и обсуждения

Использование метода окрашивания по Массону, позволяющего дифференцировать различные тканевые компоненты, такие как коллаген, фибрин, мышечные волокна и эритроциты, выявило преобладание коллагеновых структур в легочной ткани грызунов. Исследование показало, что у мышей, которым перорально вводили НКЛБ в дозах 195 и 455 мкг/кг (группы 4 и 5), наблюдалось снижение концентрации коллагена. Так, в указанных группах содержание коллагена составило 36 % и 30 % соответственно при 57 % в контроле ($p < 0,05$). Приведенные данные проиллюстрированы на рис. 1. Полученные результаты свидетельствуют о дозозависимом действии НКЛБ, при этом наиболее выраженный положительный эффект отмечался при применении максимальной дозы препарата, составлявшей 455 мкг/кг.

В группе с препаратом сравнения нинтеданибом содержание коллагена составило 31 %.

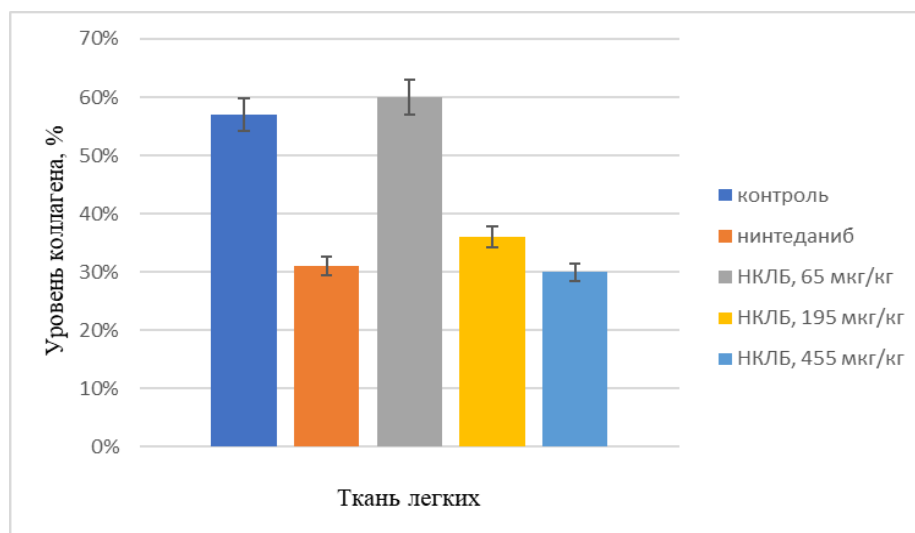

Рис. 1. Содержание коллагена при окрашивании ткани легких мышей трихромом по методу Массона.

Fig. 1. Collagen content during trichrome staining of mouse lung tissue using the Masson method.

С помощью окрашивания Sirius red, метода, используемого для выявления и измерения количества коллагеновых волокон в тканевых образцах, было обнаружено значительное накопление коллагена в легочной ткани мышей контрольной группы, страдавших от фиброза легких.

Исследование показало, что у животных из 5-й группы, которым перорально вводили НКЛБ в дозе 455 мкг/кг на протяжении 28 дней, уровень коллагена был существенно ниже по сравнению с контролем. Содержание коллагена в группе с НКЛБ составило всего 25% при 78 % в контроле (рис. 2) ($p < 0,05$).

В группе с референс-препаратом нинтеданибом содержание коллагена составило 23 %.

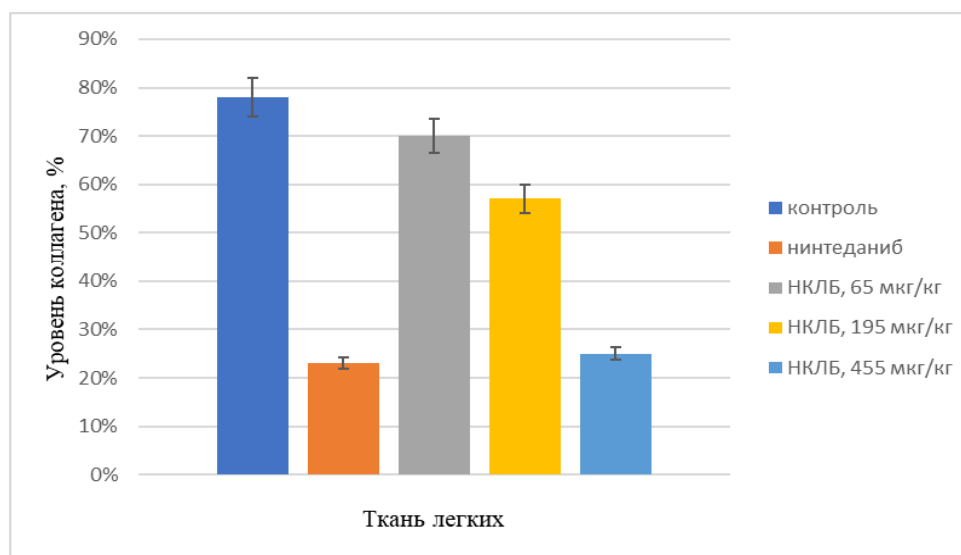

Рис. 2. Содержание коллагена при окрашивании ткани легких мышей сириусом красным.

Fig. 2. Collagen content during staining of mouse lung tissue with Sirius red.

Исследование выявило, что показатель соотношения влажности и сухости легочной ткани у мышей, не получавших экспериментального препарата, составил 17 единиц (рис. 3). Напротив, у животных, которым перорально вводили НКЛБ в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг на протяжении 28 дней, данное соотношение уменьшилось до 7,1, 6,0 и 5,5 единиц соответственно (рис. 3). Этот эффект был статистически значимым ($p < 0,05$).

В группе с референтным препаратом нинтеданибом соотношение влажности и сухости в легочной ткани составило 6,2 единиц.

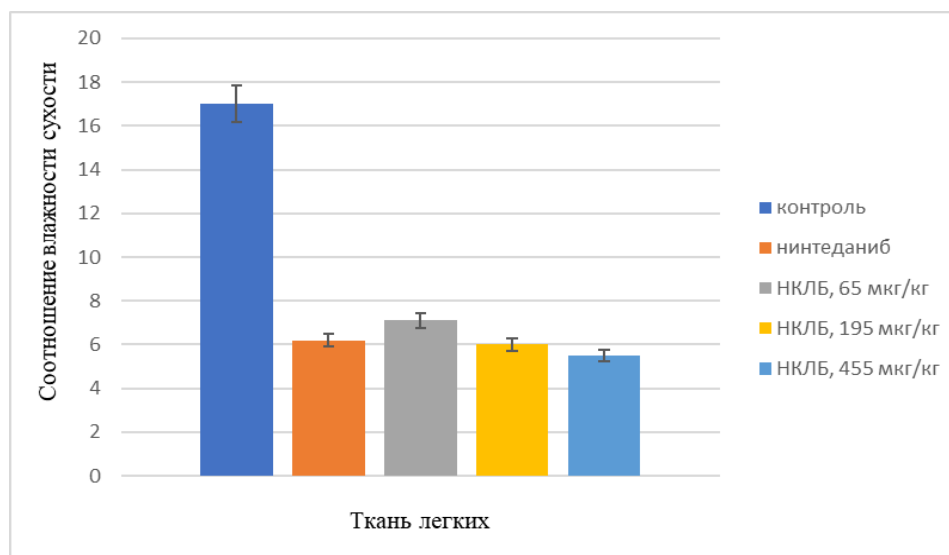

Рис. 3. Соотношение влажности и сухости легочной ткани мышей.

Fig. 3. The ratio of humidity and dryness of mouse lung tissue.

Гидроксипролин – это аминокислота, которая присутствует исключительно в коллагене и играет ключевую роль в поддержании его структуры. Это происходит благодаря тому, что гидроксильные группы гидроксипролина участвуют в формировании водородных связей в тройной спирали коллагена. В связи с этим было важно исследовать, как НКЛБ влияет на уровень гидроксипролина.

Для проведения эксперимента мышей обработали жидкостью бронхоальвеолярного лаважа (БАЛ), как показано на рис. 4.

Результаты показали, что у мышей контрольной группы уровень гидроксипролина в БАЛ значительно увеличился и составил 149 нг/мл. При этом пероральное введение НКЛБ в дозе 455 мкг/кг в течение 28 дней привело к эффективному снижению уровня гидроксипролина в БАЛ до 123 нг/мл (рис. 4), при этом разница была статистически значимой ($p < 0,05$).

В группе с препаратом сравнения нинтеданибом уровень гидроксипролина в БАЛ составил 126 нг/мл.

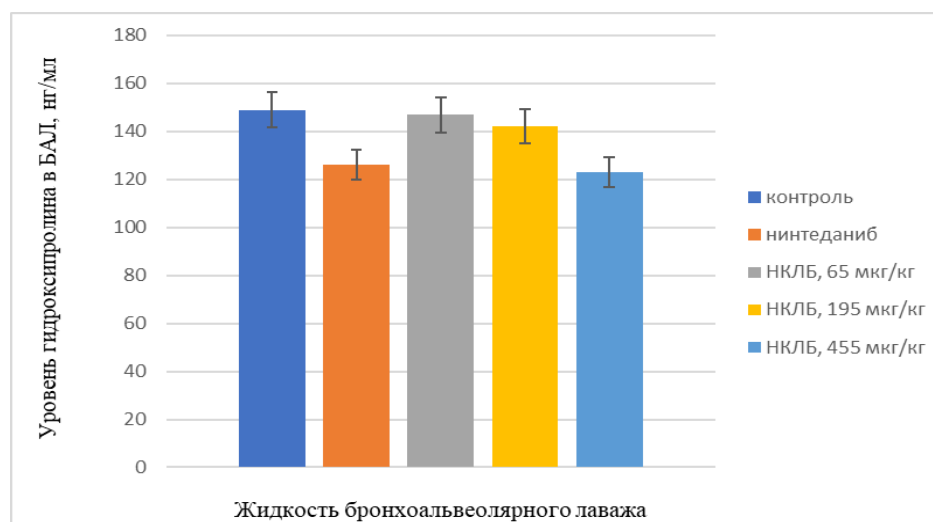

Рис. 4. Содержание гидроксипролина в жидкости бронхоальвеолярного лаважа.

Fig. 4. Hydroxyproline content in bronchoalveolar lavage fluid.

Выводы

Таким образом, при окрашивании ткани легких мышей трихромом по методу Массона настойка корней лопуха большого в дозах 195 и 455 мкг/кг при пероральном введении животным с фиброзом легких снижает концентрацию коллагена в легочной ткани до 36 % и 30 % соответственно при (57 %) в контроле.

При пероральном введении мышам с фиброзом легких препарата сравнения нинтеданиба в дозе 2,14 мг/кг содержание коллагена в легочной ткани составило 31 %.

Окрашивание ткани легких мышей сириусом красным показало, что настойка корней лопуха большого в дозе 455 мкг/кг при пероральном введении лабораторным животным с фиброзом легких сильно снижает уровень коллагена в легочной ткани до 25% при 78 % в контроле.

Аналогично, при введении референтного препарата нинтеданиба перорально в дозе 2,14 мг/кг содержание коллагена в легочной ткани у животных с фиброзом составило 23 %.

Настойка корней лопуха большого в дозах 65, 195 и 455 мкг/кг при пероральном введении мышам с фиброзом легких выражено снижает соотношение влажности и сухости легочной ткани у грызунов до 7,1, 6,0 и 5,5 единиц соответственно при (17 единицах) в контроле.

Референт-препарат нинтеданиб в дозе 2,14 мг/кг при пероральном введении мышам с фиброзом легких снижает соотношение влажности и сухости в легочной ткани также до 6,2 единиц.

Пероральное введение мышам с фиброзом легких настойки корней лопуха большого в дозе 455 мкг/кг эффективно снижает уровень гидроксипролина в жидкости бронхоальвеолярного лаважа до 123 нг/мл по сравнению с контролем (149 нг/мл).

При пероральном введении мышам с фиброзом легких препарата сравнения нинтеданиба в дозе 2,14 мг/кг уровень гидроксипролина в жидкости бронхоальвеолярного лаважа понижается до 126 нг/мл.

Настойка корней лопуха большого проявляет значительную фармакологическую активность в условиях *in vivo*, выраженность которой определяется величиной дозы.

Список источников

1. Richeldi L., Collard H. R., Jones M.G. Idiopathic pulmonary fibrosis // *Lancet*. 2017. № 389 (10082). P. 1941 – 1952. doi: 10.1016/S0140-6736(17)30866-8
2. Hutchinson J., Fogarty A., Hubbard R. et al. Global incidence and mortality of idiopathic pulmonary fibrosis: a systematic review // *European Respiratory Journal*. 2015. № 46 (3). P. 795 – 806. doi: 10.1183/09031936.00185114
3. Lu M., Ji J., Jiang Z., You Q.D. The Keap1-Nrf2-ARE pathway as a potential preventive and therapeutic target: an update // *Medicinal Research Reviews*. 2016. № 36 (5). P. 924 – 963. doi: 10.1002/med.21396
4. Cicko S., Grimm M., Ayata K. et al. Uridine supplementation exerts anti-inflammatory and anti-fibrotic effects in an animal model of pulmonary fibrosis // *Respiratory Research*. 2015. № 16 (1). P. 105. doi: 10.1186/s12931-015-0264-9
5. Chen C., Yang S., Zhang M. et al. Triptolide mitigates radiation-induced pulmonary fibrosis via inhibition of axis of alveolar macrophages-NOXes-ROS-myofibroblasts // *Cancer Biology & Therapy*. 2016. № 17 (4). P. 381 – 389. doi: 10.1080/15384047.2016.1139229
6. Karamitsakos T., Woolard T., Bouros D. et al. Toll-like receptors in the pathogenesis of pulmonary fibrosis // *European Journal of Pharmacology*. 2017. № 808. P. 35 – 43. doi: 10.1016/j.ejphar.2016.06.045
7. Ge A., Ma Y., Liu Y.N. et al. Diosmetin prevents TGF- β 1-induced epithelial-mesenchymal transition via ROS/MAPK signaling pathways // *Life Sciences*. 2016. 153. P. 1 – 8. doi: 10.1016/j.lfs.2016.04.023
8. Cameli P., Carleo A., Bergantini L. et al. Oxidant/antioxidant disequilibrium in idiopathic pulmonary fibrosis pathogenesis // *Inflammation*. 2020. № 43 (1). P. 1 – 7. doi: 10.1007/s10753-019-01059-1
9. Gao Q., Yang M., Zuo Z. Overview of the anti-inflammatory effects, pharmacokinetic properties and clinical efficacies of arctigenin and arctiin from *Arctium lappa* L // *Acta Pharmacologica Sinica*. 2018. № 39 (5). P. 787 – 801. doi: 10.1038/aps.2018.32
10. Zhang Y., Yang Y. Arctigenin exerts protective effects against myocardial infarction via regulation of iNOS, COX-2, ERK1/2 and HO-1 in rats // *Molecular Medicine Reports*. 2018. № 17 (3). P. 4839 – 4845. doi: 10.3892/mmr.2018.8420
11. Мазнев Н.И. Лекарственные растения. М.: ООО ИКТЦ «ЛАДА». 2006. 1055 с.
12. Миронов А.Н. Руководство по проведению доклинических исследований лекарственных средств: руководство. М.: Гриф и К. 2012. 944 с.

References

1. Richeldi L., Collard H. R., Jones M.G. Idiopathic pulmonary fibrosis. *Lancet*. 2017. № 389 (10082). P. 1941 – 1952. doi: 10.1016/S0140-6736(17)30866-8
2. Hutchinson J., Fogarty A., Hubbard R. et al. Global incidence and mortality of idiopathic pulmonary fibrosis: a systematic review. *European Respiratory Journal*. 2015. № 46 (3). P. 795 – 806. doi: 10.1183/09031936.00185114
3. Lu M., Ji J., Jiang Z., You Q.D. The Keap1-Nrf2-ARE pathway as a potential preventive and therapeutic target: an update. *Medicinal Research Reviews*. 2016. № 36 (5). P. 924 – 963. doi: 10.1002/med.21396
4. Cicko S., Grimm M., Ayata K. et al. Uridine supplementation exerts anti-inflammatory and anti-fibrotic effects in an animal model of pulmonary fibrosis. *Respiratory Research*. 2015. № 16 (1). P. 105. doi: 10.1186/s12931-015-0264-9
5. Chen C., Yang S., Zhang M. et al. Triptolide mitigates radiation-induced pulmonary fibrosis via inhibition of axis of alveolar macrophages-NOXes-ROS-myofibroblasts. *Cancer Biology & Therapy*. 2016. № 17 (4). P. 381 – 389. doi: 10.1080/15384047.2016.1139229
6. Karampitsakos T., Woolard T., Bouros D. et al. Toll-like receptors in the pathogenesis of pulmonary fibrosis. *European Journal of Pharmacology*. 2017. № 808. P. 35 – 43. doi: 10.1016/j.ejphar.2016.06.045
7. Ge A., Ma Y., Liu Y.N. et al. Diosmetin prevents TGF- β 1-induced epithelial-mesenchymal transition via ROS/MAPK signaling pathways. *Life Sciences*. 2016. 153. P. 1 – 8. doi: 10.1016/j.lfs.2016.04.023
8. Cameli P., Carleo A., Bergantini L. et al. Oxidant/antioxidant disequilibrium in idiopathic pulmonary fibrosis pathogenesis. *Inflammation*. 2020. № 43 (1). P. 1 – 7. doi: 10.1007/s10753-019-01059-1
9. Gao Q., Yang M., Zuo Z. Overview of the anti-inflammatory effects, pharmacokinetic properties and clinical efficacies of arctigenin and arctiin from *Arctium lappa* L. *Acta Pharmacologica Sinica*. 2018. № 39 (5). P. 787 – 801. doi: 10.1038/aps.2018.32
10. Zhang Y., Yang Y. Arctigenin exerts protective effects against myocardial infarction via regulation of iNOS, COX-2, ERK1/2 and HO-1 in rats. *Molecular Medicine Reports*. 2018. № 17 (3). P. 4839 – 4845. doi: 10.3892/mmr.2018.8420
11. Maznev N.I. Medicinal Plants. Moscow: LADA Research and Clinical Center, LLC. 2006. 1055 p.
12. Mironov A.N. Guidelines for Conducting Preclinical Trials of Drugs: Manual. Moscow: Grif i K. 2012. 944 p.

Информация об авторах

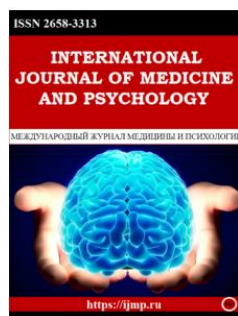
Красильникова Н.В., доктор философии биологических наук (Ph.D.), заместитель заведующего кафедрой инновационных лекарственных препаратов, функциональных экстрактов и напитков, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-5936-0948>, Академия общественных и фундаментальных наук имени академика М.В. Ломоносова – Академический исследовательский институт, shifa@list.ru

Плетнев В.В., доктор медицинских наук (Dr.Habil), заведующий кафедрой инновационных лекарственных препаратов, функциональных экстрактов и напитков, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2889-3464>, Академия общественных и фундаментальных наук имени академика М.В. Ломоносова – Академический исследовательский институт, pletnevtreatment@mail.ru

Петрова Ю.А., провизор, ординатор 1 года обучения, кафедра фармацевтической технологии, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-8168-1503>, Институт фармации им. А.П. Нелюбина, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), 5831515@mail.ru

Кишкина М.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-1797-8675>, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет), kishkina5masha@mail.ru

© Красильникова Н.В., Плетнев В.В., Петрова Ю.А., Кишкина М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 617.7-007.681:612.017

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-66-78

¹ *Петров А.А.,*

¹ *Борукаева И.Х.,*

¹ *Медицинская академия Кабардино-Балкарского
государственного университета имени Х.М. Бербекова*

Современное представление о патофизиологических механизмах эпителиального стресса роговицы

Аннотация: эпителиальный стресс роговицы – ключевое звено патогенеза многих офтальмологических заболеваний. Несмотря на множество клинических проявлений, именно патофизиологический паттерн взаимодействия механических (трение, оперативное вмешательство), биохимических факторов (УФ, гиперосмолярность) с молекулярно-клеточными реакциями эпителия остаётся не изученной. В связи с растущей ролью лазерных кераторефракционных вмешательств (Femto-LASIK, SMILE) понимание закономерностей адаптивной реакции и патологического ремоделирования эпителиального слоя роговицы приобретает важное значение для прогнозирования послеоперационного зрительного результата.

Цель обзора. Систематизировать современные данные о патофизиологии эпителиального стресса роговицы с акцентом на клеточный ответ при физиологических и патологических стрессовых реакций, а также провести сравнительный анализ послеоперационных паттернов эпителиального ремоделирования после различных методов лазерной кераторефракционных операций.

Методы. Проведен литературный обзор на основе разных рецензируемых научных статей, индексируемых в базах РИНЦ, ВАР, PubMed, Scopus и Web of Science за период 10-15 лет. Методология исследования включала мультидисциплинарный подход: оптическая когерентная томография роговицы (ОКТ – эпителиальное картирование) конфокальная микроскопия роговицы, aberrometry волнового фронта, молекулярно-генетические маркеры (scRNA-seq, анализ механотрансдукции YAP/TAZ и TRPV-каналов) и клинические сравнительные данные Femto-LASIK и SMILE.

Результаты. Установлено, что роговичный эпителий функционирует как активный механосенсор, преформирующий внешние стимулы в биохимические сигналы: физиологическое касание при моргании активирует фокальную адгезию и гомеостаз, тогда как патологическое трение и хирургическая деформация стромы запускают ядерную транслокацию YAP/TAZ и нарушение барьерной функции. Проведенный сравнительный анализ показал, что ремоделирование эпителия после Femto-LASIK характеризуется более значительным центральным утолщением и замедленной реиннервацией по сравнению с SMILE, что согласуется с данными о большей склонности к регрессу рефракции. Дополнительно произведена систематизация молекулярных каскадов ответа на различные экзогенные стрессоры: доказано, что ультрафиолет-индуцированный апоптоз связан с каналами Kv3.4, а гиперосмолярный ответ – с активностью TRPV4-рецепторов, завершая порочный круг воспаления при синдроме сухого глаза.

Вывод. Эпителий роговицы является не просто поверхностным и покровным слоем, а динамическим регулятором оптических характеристик и биомеханической устойчивости всего переднего отрезка глаза. Собранные в обзоре результаты подтверждают целесообразность внедрения индивидуального подхода (с дооперационным проведением ОКТ – эпителиального картирования и моделированием его ответной реакции) в стандартную клиническую практику. Понимание механизмов эпителиального стресса и ремоделирования формирует основу для разработки таргетных (фармакологических модуляторов путей YAP/TAZ) и хирургических протоколов в кераторефракционной хирургии с целью профилактики послеоперационного регресса и повышения удовлетворенности пациентов.

Ключевые слова: эпителиальный стресс, патофизиология, сигнальные пути, рефракционная хирургия, Femto-LASIK, SMILE, роговица, эпителий, клапанная хирургия, лентикулярная хирургия

Для цитирования: Петров А.А., Борукаева И.Х. Современное представление о патофизиологических механизмах эпителиального стресса роговицы // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 66 – 78. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-66-78

Поступила в редакцию: 24 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ *Petrov A.A.,*

¹ *Borukaeva I.Kh.,*

¹ *Medical Academy of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov*

Current understanding of the pathophysiological mechanisms of corneal epithelial stress

Abstract: corneal epithelial stress is a key link in the pathogenesis of many ophthalmological diseases. Despite the multitude of clinical manifestations, it is the pathophysiological pattern of the interaction of mechanical (friction, surgery), biochemical factors (UV, hyperosmolarity) with the molecular and cellular reactions of the epithelium that remains unexplored. Due to the growing role of laser keratorefractive interventions (Femto-LASIK, SMILE), understanding the patterns of adaptive response and pathological remodeling of the corneal epithelial layer is becoming important for predicting postoperative visual outcome.

Purpose. To systematize modern data on the pathophysiology of corneal epithelial stress with an emphasis on the cellular response during physiological and pathological stress reactions, as well as to conduct a comparative analysis of postoperative patterns of epithelial remodeling after various methods of laser keratorefractive surgery.

Methods. A literary review was conducted based on various peer-reviewed scientific articles indexed in the databases of the Russian Research Center, Higher Attestation Commission, PubMed, Scopus and Web of Science for a period of 10-15 years. The research methodology included a multidisciplinary approach: optical coherence tomography of the cornea (OCT – epithelial mapping), corneal confocal microscopy, wavefront aberrometry, molecular genetic markers (scRNA-seq, YAP/TAZ and TRPV channel mechanotransduction analysis) and clinical comparative Femto-LASIK and SMILE data.

Results. It has been established that the corneal epithelium functions as an active mechanosensor that reformats external stimuli into biochemical signals: physiological touch during blinking activates focal adhesion and homeostasis, while pathological friction and surgical deformation of the stroma trigger nuclear translocation of YAP/TAZ and disruption of barrier function. The comparative analysis showed that epithelial remodeling after Femto-LASIK is characterized by a more significant central thickening and delayed reinnervation compared with SMILE, which is consistent with data on a greater tendency to refractive regression. Additionally, the molecular cascades of response to various exogenous stressors were systematized: it was proved that ultraviolet-induced apoptosis is associated with Kv3.4 channels, and the hyperosmolar response is associated with the activity of TRPV4 receptors, completing the vicious cycle of inflammation in dry eye syndrome.

Conclusion. The corneal epithelium is not just a surface and integumentary layer, but a dynamic regulator of the optical characteristics and biomechanical stability of the entire anterior segment of the eye. The results collected in the review confirm the expediency of introducing an individual approach (with preoperative OCT-epithelial mapping and modeling of its response) into standard clinical practice. Understanding the mechanisms of epithelial stress and remodeling forms the basis for the development of targeted (pharmacological modulators of the YAP/TAZ pathways) and surgical protocols in keratorefractive surgery in order to prevent postoperative regression and increase patient satisfaction.

Keywords: epithelial stress, pathophysiology, signaling pathways, refractive surgery, Femto-LASIK, SMILE, cornea, epithelium, valve surgery, lenticular surgery

For citation: Petrov A.A., Borukaeva I.Kh. Current understanding of the pathophysiological mechanisms of corneal epithelial stress. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 66 – 78. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-66-78

The article was submitted: February 24, 2026; Approved after reviewing: April 22, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Роговичный эпителий – это многослойный плоский неороговевающий тип эпителия, который образует самый наружный слой роговицы и выступает в роли главного защитного барьера глаза от внешней среды. Данный слой клеток толщиной примерно 50-60 мкм постоянно обновляется благодаря стволовым клеткам, находящимся в лимбальной зоне [1].

Под «эпителиальным стрессом роговицы» подразумевается разнообразные биохимические, механические и экологические факторы, нарушающие хрупкий баланс этой важной структуры глаза. Подобные стрессоры способны ухудшить барьерные свойства эпителия, снизить его регенеративную способность и в итоге поставить под угрозу прозрачность роговицы – необходимое условие для чёткости остроты зрения [1, 2].

В обзоре обобщены современные данные о патофизиологических процессах, активируемых разнородными стрессовыми раздражителями: от широко распространенных механических воздействий (моргание, трение) до биохимических факторов, включающих ультрафиолетовое излучение и гиперосмолярность. Декомпозиция этих процессов способствует созданию новых терапевтических стратегий для сохранения морфофункциональной целостности глазной поверхности и предотвращения утраты зрения [2].

Материалы и методы исследований

Настоящая работа выполнена в формате аналитического обзора современной отечественной и зарубежной научной литературы, посвящённой структурно-функциональным особенностям эпителия роговицы, механизмам эпителиального стресса и процессам ремоделирования после воздействия механических, биохимических и хирургических факторов. Проведён анализ публикаций, отражающих данные экспериментальных, морфологических, молекулярно-биологических и клинических исследований, посвящённых механотрансдукции, регенерации роговичного эпителия, функционированию лимбальных стволовых клеток, а также изменениям эпителия после рефракционных вмешательств Femto-LASIK и SMILE. В ходе подготовки обзора были систематизированы сведения о клеточных и молекулярных механизмах стресс-ответа, особенностях эпителиального ремоделирования, роли биомеханических и нейротрофических факторов, а также современных методах визуализации и оценки состояния эпителия роговицы.

Результаты и обсуждения

Эпителиальный стресс роговицы становится предметом клинического анализа в силу отсутствия сосуда, которое продиктовано требованиями к прозрачности роговицы. Отсутствие кровеносных сосудов увеличивает восприимчивость к стрессам, так как доставка питательных веществ и сегрегация клеточных метаболитов осуществляется капитализируемыми способами [3].

Превышение адаптационного потенциала при длительном либо интенсивном эпителиальном стрессе роговицы активирует цепь патофизиологических процессов. Это состояние нарушает барьерную функцию, замедляет заживление ран и вызывает воспалительные реакции и ангиогенные реакции. Именно эти процессы являются основой патогенеза множества распространенных заболеваний глазной поверхности, таких как синдром сухого глаза (ССГ), кератоконус и рецидивирующая эрозия роговицы [4].

Кроме того, успешность стандартных офтальмологических процедур, включая рефракционную хирургию и трансплантацию роговицы, во многом зависит от эффективного и полного заживления эпителия. Данный процесс крайне чувствителен к условиям местного стресса. Поэтому изучение молекулярных и клеточных механизмов, активируемых в условиях стресса, представляет собой ключевую задачу в офтальмологии [1, 4].

Структурные и функциональные основы эпителия роговицы

Передняя поверхность эпителия роговицы имеет многочисленные микроворсинки и микроскладчатые структуры, которые выступают в слезную плёнку, значительно увеличивая площадь поверхности, доступную для взаимодействия со слезной плёнкой. Данные выступы покрыты гликокаликсом, который взаимодействует со слизеподобными веществами (муцинами) и стабилизирует прекорнеальную слезную плёнку [1].

Ещё одной важной структурной особенностью является клеточная адгезия: соседние эпителиальные клетки соединены многочисленными десмосомами, которые обеспечивают структурную целостность, одновременно позволяя необходимые клеточные перестройки во время миграции и дифференцировки [1].

Прикрепление базальных эпителиальных клеток к подлежащей базальной мембране осуществляется посредством полудесмосом и анкерных филаментов; формирование устойчивой структурной основы обеспечивает сопротивление сдвигающим воздействиям. Формирование плотных контактов (zonula occludens) между поверхностными клетками приводит к образованию селективного барьера; регуляция парацеллюлярного транспорта и ограничение проникновения патогенов реализуются этим барьером [1].

Процесс формирования плотных межклеточных контактов (zonula occludens) может быть рассмотрен, как процесс, приводящий к образованию селективного барьера; этот барьер является регулятором парацеллюлярного транспорта и ограничителем проникновения патогенов в стромальные ткани

Комплекс «эпителий-базальная мембрана»

Тонкая ограничивающая сеть базальной мембраны регулирует локализацию базальных эпителиоцитов, сама мембрана имеет двухслойную ультраструктуру: lamina lucida толщиной около 25 нм и lamina densa толщиной около 50 нм [1]

Фиксация роговичного эпителия к слою Боумена осуществляется с помощью сложной архитектуры базальной мембраны, состоящей из анкилозирующих фибрилл (коллаген VII) и анкилозирующих бляшек (коллаген VI) [5]

Этот специализированный внеклеточный матрикс обладает выраженной композиционной гетерогенностью в центральной части роговицы, лимбе и конъюнктиве, обусловленной функциональными различиями в природе этих образований. Базальная мембрана претерпевает заметные изменения в онтогенезе и обнаруживает пространственную вариабельность по молекулярным компонентам, включая цепи коллагена IV типа и изоформы ламинина, воздействующие на процесс дифференцировки эпителия и формирование барьерной функции. [5].

Эмбриональная жизнь и созревание после рождения

Развитие роговицы является ярким примером скоординированного морфогенеза, включающего последовательные взаимодействия между поверхностной эктодермой, нейроэктодермой и мезенхимными клетками, происходящими из нервного гребня. В мышиньей модели после формирования пузырьковой структуры хрусталика, примерно на 11-й день эмбрионального развития, поверхностная эктодерма образует предполагаемый эпителий роговицы, на момент рождения еще толщиной один-два клеточных слоя [6]. Между 12 и 15 днем эмбрионального развития мезенхимные клетки нервного гребня мигрируют между предполагаемым эпителием роговицы и хрусталика, формируя презумптивную строма роговицы и эндотелий [7]. Формирование зрелого эпителия роговицы мыши происходит в раннюю постнатальную стадию: однорядная либо двурядная клеточная структура сохраняется до открытия век на 12-й день постнатального развития; затем идет интенсивная многослойная дифференцировка с окончательным формированием 5-6-слойного эпителия ко 20-му дню. Дифференцировочные стадии сопровождаются значительными перестройками экспрессии более тысячи генов, включая кодирующие структурные белки и регуляторные факторы, обеспечивающие формирование зрелого эпителиального фенотипа [6,7].

Лимб: ниша стволовых клеток эпителия роговицы Анатомические и функциональные особенности

Изоляция стволовых клеток от неблагоприятных факторов обеспечивается образованием специализированных стромальных ниш лимбальной архитектурой; при этом транспорт молекул-мишеней определяется архитектурными особенностями, что обуславливает пролиферативную активность и дифференцировочную траекторию. Лимбальная область характеризуется уникальным составом внеклеточного матрикса, включая различные цепочки коллагена IV и изоформы ламинина, которые, вероятно, способствуют сохранению стволовых клеток в здоровом состоянии [5,8].

Характеристика и регуляция функционирования стволовых клеток

Стволовые клетки лимбального эпителия представляют собой группу недифференцированных самообновляющихся клеток, которые обладают уникальными признаками. К числу таких маркеров относятся ABCB5, ABCG2, p63, C/EBP δ , N-кадгерин и K15. В обычных условиях эти клетки находятся в состоянии покоя, но в случае повреждения или потери ткани они проявляют удивительную способность к делению. Недавние исследования, основанные на секвенировании одноклеточной РНК и отслеживании происхождения, показали, что в пределах лимбальных субкомпартов сосуществуют две функционально различные популяции стволовых клеток лимбальной зоны [6, 9].

Клетки первой группы играют важную роль в заживлении ран. Активные внутренние стволовые клетки, напротив, поддерживают нормальный гомеостаз [9].

В регуляции пролиферации стволовых клеток и клеток-предшественников роговицы активно участвует сеть транскрипционных факторов, в частности SOX2 и p63. При этом SOX2 занимает более высокое положение в этой регуляторной иерархии по сравнению с p63 [9].

Поддержание гомеостаза и клеточная кинетика

Гипотеза XYZ

Гомеостаз эпителия роговицы обеспечивается благодаря замечательной гипотезе XYZ, предложенной Тофтом и Френдом. Поддержание баланса в эпителии роговицы осуществляется моделью XYZ, фиксирующей динамическое равновесие трех процессов:

1. Пролиферация базальных эпителиальных клеток – регенерация клеток базального слоя; функция – пополнение клеточного пула (X)
2. Центростремительная миграция периферических клеток – направленное движение к центральной зоне роговицы; функция – восстановление клеточной структуры центрального эпителия (Y)
3. Утрата эпителиальных клеток с поверхности – десквамация; ее функция – удаление старого клеточного материала (Z)

Механизмом поддержания гомеостазиса эпителия роговицы служит его способность поддерживать постоянной как толщину в целом, так и клеточный состав при условии непрерывного обновления поверхностного слоя. Среднее время жизни эпителиоцита составляет два-три месяца. В это время осуществляются строго детерминированные стадии клеточного развития: пролиферация в лимбальной зоне, последующая миграция к поверхностному слою и завершающая отслоение от эпителия [10]. Динамика миграции и дифференцировки клеток. Линии K14CreER(T2)-Confetti и R26R-Confetti используются для изучения клональной динамики, обеспечивающей гомеостаз эпителия; фиксируется образование центростремительных полос клеток, исходящих от отдельных LESC, линейно мигрирующих к центральной зоне роговицы со скоростью около 10,8 мкм/сутки, каждая из которых отвечает поддержанию своего сектора в роговице [7]. Процессы центростремительной и вертикальной миграции сопровождаются терминальной дифференцировкой, проявляющейся экспрессией специфических кератинов K3 и K12, уплощением клеток, формированием плотных клеточных контактов; в дифференцированных эпителиоцитах роговицы накапливаются кристаллиновые белки, включая альдегиддегидрогеназу 3A1 (Aldh3a1) и транскетолазу (Tkt), обеспечивающие оптическую прозрачность путем снижения светорассеяния [11].

Барьерная функция и иммунологические свойства

Барьерная роль эпителия роговицы реализуется через мощный структурный барьер, обеспечивающий защиту внутренних глазных структур от микроорганизмов, токсинов и механических повреждений. Барьерная функция осуществляется межклеточными соединениями, в частности плотными контактами между поверхностными эпителиальными клетками, регулируемыми параклеточную проницаемость [12]. микроорганизмов, токсинов и механических повреждений. Барьерная функция обусловлена наличием межклеточных соединений, в частности, плотных контактов между поверхностными эпителиальными клетками; регуляция параклеточной проницаемости осуществляется этими контактами [12].

Кроме того, эпителий обладает уникальными иммунологическими свойствами, которые проявляются в относительно большом количестве антигенпрезентирующих клеток в центральной части роговицы. Миелоидные антигенположительные дендритные клетки МНС II класса (клетки Лангерганса), происходящие из миелоидных клеток, населяют лимб и периферическую часть роговицы. Однако их плотность быстро уменьшается по направлению к центру, и они становятся менее заметными в центральной части. Такое стратегическое распределение в сочетании с отсутствием кровеносных сосудов в роговице способствует укреплению иммунитета, что является основой для успешной трансплантации роговицы [13].

Регенерация роговицы

Эпителий роговицы обладает высокой способностью к регенерации, быстро восстанавливаясь после повреждений. Данный процесс осуществляется благодаря слаженной работе клеток, которые мигрируют из лимбальной зоны, размножаются и дифференцируются [14].

После повреждения клетки по краям раны перемещаются, закрывая дефект, а затем начинают делиться, чтобы восстановить нормальную толщину эпителия. В ходе этого процесса активируются латентные эпителиальные стволовые клетки, которые обычно находятся в состоянии покоя. LESC начинают делиться и превращаются в транзитно-усиливающие клетки, обладающие значительным потенциалом к делению [15].

Когда процесс заживления завершается, эпителий восстанавливает свою барьерную функцию, защищая строму. Важным завершающим этапом является восстановление прикрепления гемидесмосом к базальной мембране, что обеспечивает прочность и целостность эпителиального слоя. Базальная мембрана играет

ключевую роль в процессе заживления ран, выступая в качестве каркаса для мигрирующих эпителиальных клеток и регулируя доступность факторов роста, необходимых для восстановления тканей [15].

*Механический стресс: моргание, трение и механотрансдукция
в физиологии и патологии глазной поверхности
Принципы механосенсорики и механотрансдукции*

Механотрансдукция – это процесс, с помощью которого клетки воспринимают изменения в своем физическом окружении и преобразуют их в биохимические сигналы. Данный процесс осуществляется с помощью специализированных механосенсоров, которые улавливают физические воздействия и инициируют нисходящие сигнальные каскады. В результате изменения в экспрессии генов, поведении клеток и гомеостазе тканей [16, 17].

Особенно сложной является механическая среда роговицы, так как различные типы клеток испытывают разные силовые нагрузки в зависимости от их пространственного расположения и функциональной специализации. Например, поверхностные эпителиальные клетки в основном испытывают сдвигающие напряжения, которые возникают из-за движения век и динамической слезной пленки. Стромальные кератоциты, напротив, сталкиваются со сжимающими силами из-за внутриглазного давления и пластинчатой структуры глаза. Эндотелиальные клетки, в свою очередь, подвергаются сдвигающим напряжениям, обусловленным потоком водянистой влаги [17, 18].

Такое разнообразие механических воздействий требует разработки специальных устройств для механотрансдукции, которые будут учитывать особенности каждого типа клеток. Эти устройства должны корректно интерпретировать конкретные режимы и величины усилия, соответствующие каждому конкретному клеточному контексту [18].

Молекулярные структуры в механотрансдукции роговицы

Ключевыми механосенсорами в эпителиальных клетках роговицы были выявлены механочувствительные ионные каналы, особенно из семейства TRPV. Эти каналы изменяют свою форму в ответ на натяжение мембраны, что приводит к притоку катионов, запускающих цепочку сигнальных событий [1].

В исследовании Masterton et al. Роль комплексов фокальной адгезии, объединяющих интегрины, талин, паксиллин и фокальную адгезионную киназу (ФАК), обозначена в обеспечении механической связи между внеклеточным матриксом (ЕСМ) и актиновым цитоскелетом. Прикладываемое к комплексам механическое напряжение инициирует внутриклеточные сигнальные каскады, влияющие на адгезию, миграцию и выживание. Межклеточные контакты – адгезивные соединения и десмосомы – реализуют передачу механических нагрузок и активируют растяжимо-чувствительные белки α -катенин и винкулин [1].

Функция эффекторов Hippo-пути YAP и TAZ в механотрансдукции заключается в локализационном сдвиге между цитоплазмой и ядром под воздействием механических сигналов, оказывающем влияние на транскрипционные программы, связанные с пролиферацией, дифференцировкой и ремоделированием внеклеточного матрикса [1].

*Механические воздействия на поверхность глаза
Биомеханика моргания*

Моргание относится к числу частых механических воздействий, которым подвергается глазная поверхность; в среднем происходит порядка 15 000 морганий за сутки. Скорость движения век по роговице при моргании варьируется от 10 до 30 см/с; указанное движение вызывает сложные межфазные взаимодействия жидкостных и структурных компонентов слезной пленки [19].

Цикл моргания содержит три кинематически различных фазы: опускание, поворот и подъем. Фазовая кинематика инициирует разнонаправленные изменения в динамике слезной пленки и распределении напряжений на роговице: при опускании век в слезной пленке перед роговицей формируется сжатие, что вызывает волну жидкости и распространяет напряжение сдвига; поворот глаза вызывает рябь в слезной пленке; перераспределение пленки при подъеме века формирует временное локальное напряжение [1].

Динамические процессы вызывают возникновение напряжений сдвига, варьирующихся в пределах 0,5–5 дин/см² на поверхности роговицы. Поддержание эпителиального гомеостаза, регуляция клеточного метаболизма и стимуляция секреции слез обеспечиваются такими напряжениями, несмотря на их низкую интенсивность и цикличность, обусловленную морганием [19].

Патологическая механика трения глаз

Трение глаз представляет собой более значимую и потенциально опасную механическую нагрузку по сравнению с естественным напряжением моргания: величина прикладываемого усилия при растирании способна превышать силу моргания в несколько раз, давление отличается асимметричным и точечным характером [17, 20].

Механика трения глаза отличается от механики моргания продолжительностью действия, усилием, а также пространственным распределением: это длительное и ослабленное в фокусной области, в отличие от кратковременного и усиленного в диффузной области. Роговица испытывает совокупность изгиба и сжатия, растяжения и сжатия, что дает неоднородное распределение напряжений в ее слоях и формирование эпителиального стресса. Эпителиальный слой подвергается непосредственному трению, стромальные кератоциты – сжатию и растяжению [20]. Вероятность кратковременных нарушений целостности клеточной мембраны в кератиноцитах при интенсивном трении [20] определяется значимым фактором риска: вызванные такие нарушения кальциевые волны по синцитию стромы служат триггером эпителиального стресса. Данные механические различия помогают понять почему моргание, как правило, является физиологическим процессом, в то время как растирание глаз зачастую вызывает патологические изменения у чувствительных людей [17, 20].

Механоэпителиальный ответ в клетках роговицы

Эпителиальные клетки роговицы обладают уникальной способностью к адаптации различным механическим воздействиям. При физиологическом напряжении, возникающему при моргании, они включают адгезивные комплексы, опосредованные интегрином, укрепляющие их связь с базальной мембраной [21].

Процесс укрепления включает привлечение белков, таких как киназа фокальной адгезии и паксиллин, к участкам передачи сигналов. Это, в свою очередь, приводит к реорганизации цитоскелета и увеличению адгезии клетки к поверхности [21].

При физиологическом моргании механореактивные факторы транскрипции YAP и TAZ остаются преимущественно цитоплазматическими. Они поддерживают дифференцировку эпителия и ограничивают его пролиферацию. Однако при возникновении аномального механического напряжения, вызванного патологическим трением, данные регуляторные системы могут быть нарушены. Чрезмерное воздействие силы вызывает избыточную активацию интегриновой сигнализации, что приводит к ядерной транслокации YAP/TAZ и изменению экспрессии соединительных белков. Данные процессы нарушают барьерную функцию эпителия [18].

Masterton et al. выраженность экспрессии интегрин $\beta 1$ возрастает, тогда как уровень молекул межклеточной адгезии-1 (ICAM-1) снижается под действием напряжения сдвига жидкости, моделирующего динамические условия моргания; данное явление обусловлено прямой модуляцией адгезивных свойств эпителия механическими воздействиями [17].

Механоадаптация клеток эпителия выступает средством восприятия и интерпретации механического контекста с целью обеспечения целостности ткани при физиологических условиях, стимуляции репаративных процессов при повреждениях, а также снижения выраженности стресса эпителия роговицы [21].

Патофизиология эпителиального стресса после рефракционной лазерной хирургии: клапанной и лентикулярной.

Рефракционная лазерная хирургия модифицирует клинические протоколы коррекции аномалий рефракции - фемтолазерный кератомилез in situ (Femto-LASIK) и экстракция лентикулы с минимальным разрезом (ReLEx SMILE) функционируют как главные технологии роговичной коррекции. Femto-LASIK и экстракция лентикулы с минимальным разрезом (ReLEx SMILE/ SMILE pro) являются главными технологиями роговичной коррекции.

Исследовательская активность традиционно была сфокусирована на биомеханическом ремоделировании стромы после хирургии, но в последние годы переориентирована на эпителиальное ремоделирование роговицы как оптический компонент визуального результата – эпителиальная пластичность выходит за пределы изменения толщины, модулируя оптическое преломление. Высокоточная оптическая когерентная томография переднего сегмента (AS-OCT) обеспечивает измерение толщины эпителиального слоя, фиксируя эпителиальную адаптацию как немаловажный компонент рефракционного исхода [22, 23].

Внедрение aberromетрии волнового фронта эпителия создает условия для прямой оценки оптических параметров эпителиального слоя. На базе данных измерений обеспечивается реконструкция влияния эпителиального ремоделирования на качество зрения.

Различия в реакции эпителиального слоя между Femto-LASIK и SMILE способствуют повышению качества планирования хирургических вмешательств, оптимизации функциональных исходов и выработке подходов к снижению послеоперационного регресса при высокой клинической сложности [22, 23].

Реакции эпителия на стресс после рефракционной хирургии имеют клиническое значение. Ремоделирование эпителия представляет собой основную биологическую реакцию на абляцию стромы; особенности и масштабы ремоделирования варьируют в зависимости от применяемой хирургической методики. В зонах удаления стромальной ткани отмечается выраженное утолщение эпителия: эпителиальная гипертрофия и

перестройка поверхностного слоя частично компенсируют объем стромальной абляции, что снижает амплитуду запланированной рефракционной коррекции и способствует регрессии миопии. При коррекции высокой степени миопии и при лечении астигматизма неравномерная эпителиальная компенсация приводит к недостаточной коррекции астигматизма и ухудшению качества зрения [22, 24].

Биомеханическая стабильность роговицы определяется динамикой эпителия. При Femto-LASIK создается роговичный лоскут, разрывающий передние стромальные слои и нарушающий суббазальное нервное сплетение. Метод SMILE (Small Incision Lenticule Extraction), основанный на применении небольшого разреза и извлечении лентиккулы, обладает более высоким уровнем структурной стабильности, чем ранее использовавшиеся интервенции, что и определяет различия в других, перитуральных, эффектов его применения. Важными параметрами обуславливающими скорость процессов эпителиальной регенерации и ремоделирования служат степень денервации и реиннервации, которые зависят от РЛО, что в свою очередь влияет на гомеостаз эпителиальных клеток, их пролиферацию и здоровье поверхности глаза. Эти особенности являются составной частью клинической картины и понимание их на уровне хирурга необходимо для предсказания клинического исхода и грамотной корректировки ожидания пациента [23].

*Биомеханические и биохимические триггеры, запускающие
эпителиальный стресс после рефракционных лазерных операций.*

Эпителий роговицы, как живой организм, достаточно чутко реагирует на изменяющуюся форму стромы. В этом он полагается на организованную систему биомеханических сигналов и биохимических медиаторов. Впервые, данный механизм был описан в 1921 году Альфредом Фогтом, наблюдавшим утолщение эпителия над углублениями в строме. С тех пор данная концепция была формализована в четыре основных закона эпителиальной компенсации:

1. Эпителий утолщается в местах, где удаляются ткани или происходит уплощение стромы.
2. Эпителий становится тоньше в областях относительного возвышения или резкой кривизны.
3. Величина изменений эпителия напрямую зависит от степени изменения кривизны.
4. Скорость изменения кривизны определяет масштаб ремоделирования: небольшие неровности почти полностью компенсируются, в то время как более крупные изменения сглаживаются лишь частично [25].

На клеточном уровне эпителий реагирует на стресс, проявляя изменения в процессе деления клеток, их дифференциации и миграции. Удаление стромы из базальной мембраны эпителия ведет к перераспределению механического напряжения с активацией механотрансдукционных процессов, регулирующих экспрессию генов и модифицирующих клеточный фенотип. Ключевая роль в механотрансдукционных сигнальных каскадах принадлежит эпидермальному фактору роста (EGF), трансформирующему фактору роста-бета (TGF- β) и фактору роста нервов (NGF) [26].

Тяжесть эпителиальных изменений определяется степенью повреждения роговичных нервов в ходе операции и снижением уровня нейротрофических факторов, влияющих на эпителиальную стабильность. Особенности регенерации нервных волокон находятся в зависимости от применяемого хирургического метода: Femto-LASIK и SMILE. При SMILE наблюдается более быстрое и полное восстановление иннервации, что обуславливает различия в эпителиальной реакции и выраженности симптомов синдрома сухого глаза после указанных вмешательств [26].

Нейронный и трофический фактор эпителиального стресса

Степень иннервации роговицы выступает фактором, определяющим функциональное состояние и регенеративный потенциал эпителия. Femto-LASIK предполагает формирование клапана (flap), что сопровождается повреждением базального нервного сплетения и интенсивной денервацией роговицы. В то же время метод SMILE предполагает использование меньшего разреза, что позволяет сохранить большее количество нервов и снизить степень повреждения иннервации роговицы во время операции. Данное различие влияет на реакцию эпителия на стресс, так как нервы роговицы выделяют нейротрофические факторы, способствующие здоровью, пролиферации и адгезии эпителиальных клеток. Более масштабная денервация при Femto-LASIK может приводить к замедленному заживлению эпителия, эпителиальному стрессу и более выраженной перестройке по сравнению с SMILE [27].

Связь между регенерацией нервов и перестройкой эпителия активно изучается. Исследования с применением конфокальной микроскопии показали, что восстановление базального нервного сплетения после SMILE происходит быстрее, чем после Femto-LASIK. Это ускоряет процесс реиннервации, что, в свою очередь, способствует более быстрому восстановлению чувствительности роговицы и нормализации состояния эпителия. Кроме того, меньшее количество симптомов сухости глаз после SMILE по сравнению с Femto-LASIK может быть связано с лучшей сохранностью нейротрофической поддержки поверхности гла-

за. Сложное взаимодействие между нервами, слезной жидкостью и эпителием формирует уникальную микросреду, которая значительно влияет на конечный профиль эпителия после рефракционной хирургии [27].

Сравнительный анализ эпителиального ремоделирования при Femto-LASIK и SMILE

Различия в динамике эпителиальных изменений после хирургии коррекции зрения методами Femto-LASIK и SMILE выявляются при количественной оценке изменений толщины эпителия. Использование OCT для визуализации пространственного распределения толщины эпителия переднего отрезка обеспечивает дифференцированное исследование паттернов пространственного ремоделирования.

После рефракционной лазерной операции методом SMILE фиксируется значительное увеличение толщины эпителия. Piao J et al. отмечают среднее увеличение толщины центрального эпителия на 4–6 мкм при коррекции миопии средней и высокой степени. Морфология эпителиального утолщения демонстрирует топографическую корреляцию с профилем стромальной абляции; максимальные изменения локализованы в зонах наибольшего удаления стромальной ткани [28].

Ремоделирование эпителия при выполнении рефракционной операции методом Femto-LASIK проявляется значительно интенсивнее. Сравнение Femto-LASIK без дополнительного вмешательства и Femto-LASIK в сочетании с профилактическим кросслинкингом выявило, что при высокой степени миопии (от –6,25 до –9,00 D) среднепериферийное утолщение эпителия достигает +9,75 мкм, а при добавлении кросслинкинга – +3,79 мкм. Параметры биомеханической стабильности роговицы, отражающие структурную прочность, оказывают влияние на эпителиальную реакцию: при повышенной роговичной прочности снижается интенсивность эпителиальной гиперплазии [28].

Темпы эпителиальных изменений дифференцируются в зависимости от технологической платформы: при Femto-LASIK наблюдается более интенсивный начальный этап ремоделирования, в то время как при SMILE адаптационный процесс протекает более равномерно. Объяснением служат различия в степени нарушения роговичной иннервации и особенности регенеративных моделей реакции на раневое повреждение.

Биомеханическое воздействие на ремоделирование эпителия

Биомеханические свойства роговицы определяют ремоделирование эпителиального слоя как ответ на эпителиальный стресс, вариации механических характеристик роговицы – перераспределение напряжений, порождающие этапы клеточной миграции и пролиферации; сравнение продемонстрировало большую устойчивость ригидности роговицы при SMILE относительно Femto-LASIK [26].

В проспективном исследовании, направленном на изучение изменений жесткости роговицы после РЛО SMILE и Femto-LASIK, зафиксировано снижение ригидности после любых вмешательств; наибольшее снижение обнаружено после SMILE при толщине “сар” 120 мкм. Парадоксальный результат объясняется ведущей ролью толщины остаточного стромального ложа в формировании послеоперационной жесткости; влияние сохранения передней части роговицы несравненно меньше. [26].

Связь между толщиной “сар” и биомеханическими результатами при SMILE позволяет выделить ключевые аспекты поведения эпителия. Исследования показывают, что применение более тонкого “сар” для достижения более большей остаточной толщины стромы приводит к меньшему снижению жесткости роговицы. Данная биомеханическая среда влияет на ремоделирование эпителия, так как более жесткая роговица может оказывать большее сопротивление адаптации эпителия [29].

Показатель процентного изменения тканей (РТА), рассчитываемый как (толщина лентикулы + толщина “сар”) / центральная толщина роговицы, должен составлять менее 40%, чтобы минимизировать биомеханические нарушения. Данные биомеханические факторы формируют структурную основу, в пределах которой происходит ремоделирование эпителия, что в итоге влияет на стабильность рефракционных результатов.

Экологические и биохимические факторы, влияющие на эпителиальный стресс роговицы

Ультрафиолетовое излучение и окислительный стресс

Из-за своего расположения роговица становится главной мишенью для ультрафиолетового (УФ) излучения – сильного стрессового фактора окружающей среды. Воздействие УФ-лучей типа В запускает в эпителиальных клетках роговицы четко описанный процесс апоптоза. Первым событием становится гиперактивация калиевых каналов, управляемых напряжением (Kv), особенно подтипа Kv3.4. Это приводит к быстрому и масштабному выходу внутриклеточных ионов калия. Утрата ионов калия K⁺ обеспечивает начало апоптоза, проявляющееся сокращением клеточного объема и активацией ключевых каскадов стрессовой сигнализации. УФ-излучение запускает путь N-терминальной киназы c-Jun (киназы c-Jun (JNK) и способствует фосфорилированию p53, что приводит к:

Осмотический стресс

Гиперосмолярность при синдроме сухого глаза формирует высокое осмотическое напряжение в поверхностных эпителиальных клетках, вызывая активацию клеточных механизмов регулирования объема. В эпителии роговицы значимую функцию выполняет ионный канал объём. В эпителии роговицы важную роль играет ионный канал TRPV4 TRPV ключевой осмосенсор. Активация TRPV4 в ответ на гипотонический стресс формируется хроническое повреждение клеток, воспаление, нарушение плотных контактов, ускоряющие прогрессирование эпителиального стресса и дисфункции [31].

Интегрированный ответ на стресс

Интегрированный ответ на стресс представляет собой консервативную сигнальную сеть с фосфорилированием эукариотического фактора инициации 2α (eIF2α). Данное фосфорилирование супрессирует саркозависимый белковый синтез, одновременно стимулируя синтез транскрипционных факторов ATF стимулируя синтез ключевых факторов транскрипции, таких как ATF4 и eIF2 активирует этот путь, увеличивая уровни фосфорилированного eIF2α и ATF4.

Патогенный потенциал интегрированного эпителиального стресс-ответа при хронической активации обусловлен его секрецией VEGF и провоспалительных медиаторов, способствующих формированию аномальной неоваскуляризации и поддержанию воспалительных процессов в роговице.

Выводы

Патофизиологические механизмы стрессовой реакции эпителия роговицы связаны с комплексным взаимодействием механических нагрузок, внешних факторов и внутриклеточных сигналов. Начальный этап обусловлен напряжением сдвига при моргании с перестройкой цитоскелетных структур; трение приводит к активации кальциевых волн; ультрафиолетовое излучение активирует Kv-каналов с последующей индукцией апоптоза; интеграция сигнальных каскадов регулирует клеточный ответ; эпителий роговицы обладает совокупностью компенсаторных механизмов. Клинико-морфологические проявления возникают при превышении силы или длительности стресс-воздействия над адаптивными и регенеративными потенциалами.

Стресс-ответ эпителия роговицы оказывает влияние на зрительные результаты после рефракционных операций Femto-LASIK и SMILE. Обзор систематизирует эпителиальные модели, отражающие специфику каждой процедуры. При Femto-LASIK эпителиальное утолщение выражено сильнее, преимущественно в средней периферической области роговицы. Отличия связаны с хирургической биомеханикой, степенью денервации и особенностями эпителиального регенеративного процесса. Эпителиальное ремоделирование участвует в регрессе рефракции, недостаточности коррекции астигматизма и нарушениях оптических параметров; учет влияния этих процессов используется в предоперационном планировании и послеоперационном контроле.

Персонализированное эпителиальное ремоделирование и количественная оценка оптических изменений формируют методологическую основу для разработки индивидуальных хирургических параметров абляции в рамках рефракционной хирургии. Новая технология абэррометрии волнового фронта эпителия открывает возможности для количественной оценки оптических эффектов ремоделирования эпителия и может способствовать созданию индивидуализированных профилей абляции с учётом ожидаемых реакций эпителия. Кроме того, изучение фармакологических средств, влияющих на ремоделирование эпителия, может привести к созданию топических препаратов, оптимизирующих поведение эпителия после операции. По мере развития рефракционной хирургии внедрение картирования эпителия в стандартную практику улучшит прогнозирование результатов и позволит достигать стабильно высоких зрительных исходов за счёт глубокого понимания взаимодействия между хирургической техникой, биомеханикой роговицы и адаптацией эпителия.

Список источников

1. Masterton S., Ahearne M. Mechanobiology of the corneal epithelium // *Experimental Eye Research*. 2018. № 177. P. 122 – 129.
2. Sridhar M.S. Anatomy of cornea and ocular surface // *Indian Journal of Ophthalmology*. 2018. № 66 (2). P. 190 – 194.
3. Chu H.S., Peterson C., Chamling X. Integrated Stress Response Regulation of Corneal Epithelial Cell Motility and Cytokine Production // *Investigative Ophthalmology & Visual Science*. 2022. № 63 (8). P. 1 – 1.
4. Amatu J.B., Baudouin Christophe, Trinh L., Labbé Antoine, Buffault J. Corneal epithelial biomechanics: resistance to stress and role in healing and remodeling // *Journal Français d'Ophtalmologie*. 2023. № 46 (3). P. 287 – 299.

5. Wilson Steven E., Torricelli A.A.M., Marino G.K. Corneal epithelial basement membrane: Structure, function and regeneration // *Experimental Eye Research*. 2020. № 194. P. 108002.
6. Ma J., Lwigale P. Transformation of the transcriptomic profile of mouse periocular mesenchyme during formation of the embryonic cornea // *Investigative Ophthalmology & Visual Science*. 2019. № 60 (2). P. 661 – 676.
7. Swamynathan Shivalingappa K., Swamynathan S. Corneal epithelial development and homeostasis // *Differentiation*. 2023. № 132. P. 4 – 14.
8. Ruan Y., Jiang S., Musayeva A., Pfeiffer N., Gericke A. Corneal epithelial stem cells – physiology, pathophysiology and therapeutic options // *Cells*. 2021. № 10 (09). P. 2302.
9. Nguyen K.N., Bobba S., Richardson A. Native and synthetic scaffolds for limbal epithelial stem cell transplantation // *Acta Biomaterialia*. 2018. № 65. P. 21 – 35.
10. Dou S., Wang Q., Qi X. Molecular identity of human limbal heterogeneity involved in corneal homeostasis and privilege // *The Ocular Surface*. 2021. № 21. P. 206 – 220.
11. Brückner D.B., Broedersz C.P. Learning dynamical models of single and collective cell migration: a review // *Reports on Progress in Physics*. 2024. № 87 (5). P. 056601.
12. Халимов А.П., Суркова В.К., Казакбаева Г.М. Строение и функции роговицы. Обзор литературы // *Точка зрения. Восток – Запад*. 2022. № 1. С. 45 – 50.
13. Fresenko E.E., Ma J.X., Giegengack M. Stem Cell-Derived Corneal Epithelium: Engineering Barrier Function for Ocular Surface Repair // *International Journal of Molecular Sciences*. 2025. № 26 (15). P. 7501.
14. Wilson Steven E. Corneal wound healing // *Experimental Eye Research*. 2020. № 197. P. 108089.
15. Fortingo N., Melnyk S., Sutton S.H., Watsky M.A., Bollag W.B. Innate immune system activation, inflammation and corneal wound healing // *International Journal of Molecular Sciences*. 2022. № 23 (23). P. 14933.
16. Chatterjee S. Endothelial mechanotransduction, redox signaling and the regulation of vascular inflammatory pathways // *Frontiers in Physiology*. 2018. № 9. P. 524.
17. Thomasy S.M., Leonard B.C., Greiner M.A. Squishy matters – Corneal mechanobiology in health and disease // *Progress in Retinal and Eye Research*. 2024. № 99. P. 101234.
18. Ethier C.R., Herberg S. Mechanobiology in the eye // *npj Biological Physics and Mechanics*. 2025. № 2 (1). P. 18.
19. Seamone A., Shapiro J.N., Zhao Z. Eyelid motion tracking during blinking using high-speed imaging and digital image correlation // *Journal of Biomechanical Engineering*. 2025. № 147 (1). P. 014503.
20. Hafezi F., Hafezi N.L., Pajic B. Assessment of the mechanical forces applied during eye rubbing // *BMC Ophthalmology*. 2020. № 20 (1). P. 301.
21. Zhou Y. Corneal epithelial cell responses to tensile stress and compressive stress. PhD dissertation. University of Waterloo. 2020. 150 p.
22. Piao J., Wang S., Tao Y., Zhou Y.H., Li Y. Corneal epithelial remodeling after femtosecond laser-assisted in situ keratomileusis combined with intraoperative accelerated corneal collagen crosslinking for myopia // *BMC Ophthalmology*. 2022. № 22 (1). P. 349.
23. Ganesh S., Brar S., Arra R. R. Refractive lenticule extraction small incision lenticule extraction: A new refractive surgery paradigm // *Indian Journal of Ophthalmology*. 2018. № 66 (1). P. 10 – 19.
24. Ma Y., Li Q., Guo Q. The impact of corneal epithelial remodeling on visual quality after SMILE and FS-LASIK for high myopia // *BMC Ophthalmology*. 2025. № 25 (1). P. 336.
25. Lathrop K.L., Duncan K., Yu J. Development of corneal sensation with remodeling of the epithelium and the palisades of vogt after corneal neurotization // *Cornea*. 2020. № 39 (5). P. 657 – 660.
26. Hashemi H., Roberts C. J., Elsheikh A. Corneal biomechanics after SMILE, femtosecond-assisted LASIK, and photorefractive keratectomy: a matched comparison study // *Translational Vision Science & Technology*. 2023. № 12 (3). P. 12 – 12.
27. Klokova O.A., Sakhnov S.N., Geydenrikh M.S., Damashauskas R.O. Quality of life after refractive surgery: ReLEx SMILE vs Femto-LASIK // *Clinical Ophthalmology*. 2019. № 13. P. 561.
28. Piao J., Wang S., Tao Y., Zhou Y. H., Li Y. Corneal epithelial remodeling after FS-LASIK combined with intraoperative accelerated corneal collagen crosslinking for myopia // *BMC Ophthalmology*. 2022. № 22 (1). P. 349.
29. Moshirfar M., Birdsong O.C., Ronquillo Y., Tanner J. Small-incision lenticule extraction // *Advances in Ophthalmology and Optometry*. 2018. № 3 (1). P. 279 – 301.

30. Liao K., Zeng H., Yang X. KCNK5 regulating potassium efflux and inducing pyroptosis in corneal epithelial cells through TNFSF10-mediated autophagy in dry eye // *Investigative Ophthalmology & Visual Science*. 2024. № 65 (1). P. 34 – 34.

31. Amatu J.B., Baudouin Christophe, Trinh L., Labbé Antoine, Buffault J. Corneal epithelial biomechanics: resistance to stress and role in healing and remodeling // *Journal Français d'Ophtalmologie*. 2023. № 46 (3). P. 287 – 299.

References

1. Masterton S., Ahearne M. Mechanobiology of the corneal epithelium. *Experimental Eye Research*. 2018. № 177. P. 122 – 129.

2. Sridhar M.S. Anatomy of cornea and ocular surface. *Indian Journal of Ophthalmology*. 2018. № 66 (2). P. 190 – 194.

3. Chu H.S., Peterson C., Chamling X. Integrated Stress Response Regulation of Corneal Epithelial Cell Motility and Cytokine Production. *Investigative Ophthalmology & Visual Science*. 2022. № 63 (8). P. 1 – 1.

4. Amatu J.B., Baudouin Christophe, Trinh L., Labbé Antoine, Buffault J. Corneal epithelial biomechanics: resistance to stress and role in healing and remodeling. *Journal Français d'Ophtalmologie*. 2023. № 46 (3). P. 287 – 299.

5. Wilson Steven E., Torricelli A.A.M., Marino G.K. Corneal epithelial basement membrane: Structure, function and regeneration. *Experimental Eye Research*. 2020. № 194. P. 108002.

6. Ma J., Lwigale P. Transformation of the transcriptomic profile of mouse periocular mesenchyme during formation of the embryonic cornea. *Investigative Ophthalmology & Visual Science*. 2019. № 60 (2). P. 661 – 676.

7. Swamynathan Shivalingappa K., Swamynathan S. Corneal epithelial development and homeostasis // *Differentiation*. 2023. № 132. P. 4 – 14.

8. Ruan Y., Jiang S., Musayeva A., Pfeiffer N., Gericke A. Corneal epithelial stem cells – physiology, pathophysiology and therapeutic options. *Cells*. 2021. № 10 (09). P. 2302.

9. Nguyen K.N., Bobba S., Richardson A. Native and synthetic scaffolds for limbal epithelial stem cell transplantation. *Acta Biomaterialia*. 2018. № 65. P. 21 – 35.

10. Dou S., Wang Q., Qi X. Molecular identity of human limbal heterogeneity involved in corneal homeostasis and privilege. *The Ocular Surface*. 2021. № 21. P. 206 – 220.

11. Brückner D.B., Broedersz C.P. Learning dynamical models of single and collective cell migration: a review. *Reports on Progress in Physics*. 2024. № 87 (5). P. 056601.

12. Khalimov A.R., Surkova V.K., Kazakbaeva G.M. Structure and functions of the cornea. Literature review. Point of view. *East - West*. 2022. No. 1. P. 45 – 50.

13. Fresenko E.E., Ma J.X., Giegengack M. Stem Cell-Derived Corneal Epithelium: Engineering Barrier Function for Ocular Surface Repair. *International Journal of Molecular Sciences*. 2025. № 26 (15). P. 7501.

14. Wilson Steven E. Corneal wound healing. *Experimental Eye Research*. 2020. № 197. P. 108089.

15. Fortingo N., Melnyk S., Sutton S.H., Watsky M.A., Bollag W.B. Innate immune system activation, inflammation and corneal wound healing. *International Journal of Molecular Sciences*. 2022. № 23 (23). P. 14933.

16. Chatterjee S. Endothelial mechanotransduction, redox signaling and the regulation of vascular inflammatory pathways. *Frontiers in Physiology*. 2018. № 9. P. 524.

17. Thomasy S.M., Leonard B.C., Greiner M.A. Squishy matters – Corneal mechanobiology in health and disease. *Progress in Retinal and Eye Research*. 2024. № 99. P. 101234.

18. Ethier C.R., Herberg S. Mechanobiology in the eye. *npj Biological Physics and Mechanics*. 2025. № 2 (1). P. 18.

19. Seamone A., Shapiro J.N., Zhao Z. Eyelid motion tracking during blinking using high-speed imaging and digital image correlation. *Journal of Biomechanical Engineering*. 2025. № 147 (1). P. 014503.

20. Hafezi F., Hafezi N.L., Pajic B. Assessment of the mechanical forces applied during eye rubbing. *BMC Ophthalmology*. 2020. № 20 (1). P. 301.

21. Zhou Y. Corneal epithelial cell responses to tensile stress and compressive stress. PhD dissertation. University of Waterloo. 2020. 150 p.

22. Piao J., Wang S., Tao Y., Zhou Y.H., Li Y. Corneal epithelial remodeling after femtosecond laser-assisted in situ keratomileusis combined with intraoperative accelerated corneal collagen crosslinking for myopia. *BMC Ophthalmology*. 2022. № 22 (1). P. 349.

23. Ganesh S., Brar S., Arra R. R. Refractive lenticule extraction small incision lenticule extraction: A new refractive surgery paradigm. *Indian Journal of Ophthalmology*. 2018. № 66 (1). P. 10 – 19.

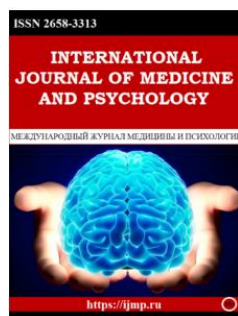
24. Ma Y., Li Q., Guo Q. The impact of corneal epithelial remodeling on visual quality after SMILE and FS-LASIK for high myopia. *BMC Ophthalmology*. 2025. № 25 (1). P. 336.
25. Lathrop K.L., Duncan K., Yu J. Development of corneal sensation with remodeling of the epithelium and the palisades of vogt after corneal neurotization. *Cornea*. 2020. № 39 (5). P. 657 – 660.
26. Hashemi H., Roberts C. J., Elsheikh A. Corneal biomechanics after SMILE, femtosecond-assisted LASIK, and photorefractive keratectomy: a matched comparison study. *Translational Vision Science & Technology*. 2023. № 12 (3). P. 12 – 12.
27. Klokova O.A., Sakhnov S.N., Geydenrikh M.S., Damashauskas R.O. Quality of life after refractive surgery: ReLEx SMILE vs Femto-LASIK. *Clinical Ophthalmology*. 2019. № 13. P. 561.
28. Piao J., Wang S., Tao Y., Zhou Y. H., Li Y. Corneal epithelial remodeling after FS-LASIK combined with intraoperative accelerated corneal collagen crosslinking for myopia. *BMC Ophthalmology*. 2022. № 22 (1). P. 349.
29. Moshirfar M., Birdsong O.C., Ronquillo Y., Tanner J. Small-incision lenticule extraction. *Advances in Ophthalmology and Optometry*. 2018. № 3 (1). P. 279 – 301.
30. Liao K., Zeng H., Yang X. KCNK5 regulating potassium efflux and inducing pyroptosis in corneal epithelial cells through TNFSF10-mediated autophagy in dry eye. *Investigative Ophthalmology & Visual Science*. 2024. № 65 (1). P. 34 – 34.
31. Amatu J.B., Baudouin Christophe, Trinh L., Labbé Antoine, Buffault J. Corneal epithelial biomechanics: resistance to stress and role in healing and remodeling. *Journal Français d'Ophtalmologie*. 2023. № 46 (3). P. 287 – 299.

Информация об авторах

Петров А.А., врач-офтальмолог, соискатель научной степени, Медицинская академия Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова

Борукаева И.Х., доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой нормальной и патологической физиологии человека, Медицинская академия Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова

© Петров А.А., Борукаева И.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 615.844:616-002

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-79-86

¹ **Клиндухова М.О.,**

² **Литвинова В.В.,**

¹ Научно-исследовательский институт –

Краевая клиническая больница № 1 им. профессора С.В. Очаповского,

² Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России

Противовоспалительный потенциал неинвазивной электростимуляции мозга

Аннотация: эффекты методов транскраниальной электростимуляции головного мозга, в частности их антиноцицептивный, стресс-лимитирующий и противовоспалительный потенциал, активно изучаются в последние годы в контексте разнообразных патологий. Транскраниальная электростимуляция (ТЭС-терапия), комбинирующая воздействие импульсного и постоянного токов, при остром асептическом воспалении (ишемический инсульт, инфаркт миокарда) в эксперименте снижает продукцию провоспалительных цитокинов (фактора некроза опухолей (ФНО), интерлейкина (ИЛ) 1 β , ИЛ-6) и выраженность морфологических проявлений критической ишемии. Противовоспалительный эффект ТЭС-терапии также показан на модели ожирения и метаболического синдрома, патогенез которых включает низкоинтенсивное хроническое паравоспаление. Также метод изучался в клинических работах, которые показали воздействие на плазменную концентрацию противовоспалительных цитокинов и/или маркеров некротического разрушения тканей при остром воспалении (инфаркт миокарда, ишемический инсульт, черепно-мозговая травма, новая коронавирусная инфекция, острый пиелонефрит). При хронических воспалительных заболеваниях, включая остеоартрит, атопический дерматит, красный плоский лишай, бронхиальную астму, ХОБЛ, хронический коронарный синдром, применение ТЭС-терапии было сопряжено с воздействием на цитокиновый профиль (ФНО, ИЛ-1 β , -2, -6, -8, -4, -10), клинические проявления и качество жизни. Методы стимуляции, сходные с ТЭС-терапией, например транскраниальная электростимуляция постоянным током (transcranial direct current stimulation, tDCS), активно исследуется преимущественно за рубежом и демонстрируют перспективные результаты. В первую очередь, это касается влияния на нейровоспаление, в частности, при большом депрессивном расстройстве, фибромиалгии, нейропатической боли, состоянии после перенесенного инсульта. Однако, tDCS также начинает изучаться и при других патологиях, механизмы которых сопряжены с воспалением/ паравоспалением, патологической болью и комбинированным стрессом. Так, применение tDCS благоприятно воздействовало на цитокиновый профиль, а также клинические показатели, при остеоартрите, ожирении, резистентной артериальной гипертензии. Таким образом, экспериментальные и клинические работы показывают, что неинвазивная электростимуляция головного мозга обладает противовоспалительным эффектом, что нуждается в дальнейшем изучении в контексте различных патологий и прояснении молекулярных механизмов данного явления.

Ключевые слова: воспаление, транскраниальная электростимуляция, транскраниальная стимуляция постоянным током, цитокины, фактор некроза опухолей, интерлейкины

Для цитирования: Клиндухова М.О., Литвинова В.В. Противовоспалительный потенциал неинвазивной электростимуляции мозга // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 79 – 86. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-79-86

Поступила в редакцию: 28 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Klindukhova M.O.,

² Litvinova V.V.,

¹ Scientific Research Institute – Ochapovsky Regional Clinical Hospital No. 1,

² Kuban State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Targeting inflammation via non-invasive electrical brain stimulation

Abstract: the therapeutic potential of non-invasive electrical brain stimulation (NIBS), specifically its antinociceptive, stress-limiting, and anti-inflammatory properties, has gained significant attention in recent years. This review highlights how NIBS-particularly transcranial electrical stimulation (tES) also known as Lebedev's current (combining pulsed and direct current) – modulates immune responses in both acute and chronic inflammatory contexts. Experimental data demonstrate that tES reduces pro-inflammatory cytokine production (TNF, IL-1 β , IL-6) and limits tissue damage in animals models of ischemia (stroke, myocardial infarction) and metabolic syndrome. Clinical evidence further supports its efficacy, showing improved cytokine profiles and clinical outcomes in patients with acute conditions (e.g., stroke, myocardial infarction) and chronic diseases (e.g., chronic coronary syndrome, osteoarthritis, atopic dermatitis, asthma, COPD). Similar modalities, such as transcranial direct current stimulation (tDCS), have shown promise in managing neuroinflammation (e.g., fibromyalgia, neuropathic pain) and systemic inflammatory markers across various pathologies (e.g., osteoarthritis, obesity, resistant hypertension). Collectively, these findings suggest that non-invasive brain stimulation is a potent anti-inflammatory tool. However, further research is required to fully elucidate the molecular mechanisms and optimize clinical protocols across diverse disease states.

Keywords: lower back pain, duloxetine, antidepressants, NSAIDs, dorsalgia, dorsopathy

For citation: Klindukhova M.O, Litvinova V.V. Targeting inflammation via non-invasive electrical brain stimulation. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 79 – 86. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-79-86

The article was submitted: February 28, 2026; Approved after reviewing: April 26, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Методы транскраниальной электростимуляции головного мозга активно изучаются в последние годы в контексте разнообразных патологий [1]. В частности, обращает на себя внимание антиноцицептивный, стресс-лимитирующий и противовоспалительный потенциал данных методов [2, 3]. Так, транскраниальная электростимуляция (ТЭС-терапия), разработанная В.П. Лебедевым и сотрудниками в Институте физиологии им. И.П.Павлова РАН (г. Санкт-Петербург), первоначально рассматривавшаяся как анальгетический метод, в последующих исследованиях обнаружила ряд плеiotропных, в том числе противовоспалительных, эффектов [3, 4]. Среди подходов, изучающихся за рубежом, большой интерес представляет метод, родственник ТЭС-терапии – транскраниальная стимуляция постоянным током (transcranial direct current stimulation, tDCS) [1, 2].

Материалы и методы исследований

Был произведен поиск источников литературы в базах данных Elibrary, PubMed, Web of Science, Scopus за период 2006-2026 гг. Информация из 39 источников была систематически проанализирована и обобщена в форме нарративного обзора.

Результаты и обсуждения

Транскраниальная электростимуляция (ТЭС-терапия) представляет стимуляцию сериями импульсного прямоугольного тока частотой 77,5 Гц, перемежающимися со стимуляцией постоянным током [1]. При этом импульсный ток подается двумя сериями продолжительностью по 3-4 мс с интервалом 8 мс, а затем происходит стимуляция постоянным током продолжительностью 4 мс [1]. Электроды для стимуляции располагают по схеме Лиможа: катод помещается на лбу и два анода – на сосцевидных отростках [1pdf]. Таким образом, данный метод, с одной стороны, родственен стимуляции постоянным током – tDCS (transcranial direct current stimulation) и, в то же время, относится к группе импульсной электростимуляции – tPCS (transcranial pulsed current stimulation) [1]. Описанный паттерн стимуляции в отечественной литературе

получил обозначение ТЭС-терапии, в зарубежных источниках можно встретить название «Lebedev's current» (токи Лебедева) [1].

Данный режим стимуляции и фронто-мастоидальное расположение электродов обеспечивают проникновение низкочастотных токов через подпаутинное пространство и плотность их протекания, достигающую 0,01-0,05 мА/см², что оказывает воздействие среди прочего на структуры, продуцирующие эндогенные опиоидные пептиды (например, дорсомедиальные гипоталамические локусы, боковую зону перегородки, заднюю и переднюю части околосводопродоводного серого вещества, дорсальную спайку свода и скопления нейронов средней линии продолговатого мозга), стимулируя секрецию β-эндорфина [4, 5].

Данные эндогенные опиоидные пептиды известны, в первую очередь, как ключевые антиноцицептивные эффекторы, однако их влияние, в частности β-эндорфина, выходит далеко за рамки нейротрансмиссии и скорее напоминает плейотропное гормоноподобное действие [4, 5]. В обсуждаемом контексте наиболее интересны противовоспалительное, антиоксидантное и иммуномодулирующее влияния эндогенных опиоидов, которые среди прочего оказывают влияние на систему центрального транскрипционного регулятора провоспалительных программ – ядерного фактора κ-B (nuclear factor κ-B, NF-κB) [7]. Впоследствии было показано влияние ТЭС-терапии на серотонинергическую, дофаминергическую и ГАМК-ергическую системы, что также сопряжено с реализацией благоприятных эффектов метода, включая анальгетический, стресс-лимитирующий и противовоспалительный [4, 5].

Возможности модуляции воспалительного ответа, в первую очередь, продукции цитокинов, применением ТЭС-терапии изучались в экспериментальных и клинических работах. Так, например, на модели ишемического инсульта у крыс показано воздействие метода на динамику плазменных концентраций фактора некроза опухолей (ФНО), интерлейкина (ИЛ) 1β, ИЛ-6, ИЛ-10, трансформирующего фактора роста-β, а также на выраженность альтерации и размеры очага повреждения [8]. Аналогичное воздействие ТЭС-терапия оказывала при экспериментальном инфаркте миокарда, снижая плазменные концентрации ФНО, ИЛ-1β, ИЛ-6, ИЛ-10, молекул-маркеров разрушения клеток (тропонин Т, аспартатаминотрансфераза), а также выраженность морфологических и гистохимических проявлений ишемии [8]. На фоне моделирования комбинированного физического и психоэмоционального стресса у крыс посредством антиорто статической иммобилизации и вынужденного плавания ТЭС-терапия также влияла на плазменные концентрации ФНО, ИЛ-1β, ИЛ-6, ИЛ-10, а также на стресс-индуцированную экспрессию гена c-fos в периферических лейкоцитах и показатели стрессоустойчивости животных [9-11]. Помимо этого, эффекты метода изучались в контексте хронического низкоинтенсивного паравоспаления, характерного для ожирения и метаболического синдрома [12]. У животных, которые получали высококалорийную диету, обогащенную рафинированными моносахаридами и жирами, применение ТЭС-терапии было сопряжено со снижением плазменных концентраций ФНО, ИЛ-19, а также содержания висцерального жира, напротив повышением уровня адипонектина и нормализацией показателей липидного и углеводного метаболизма [3, 13].

Созвучны выводам данных экспериментальных работ результаты исследований, обосновывающих возможность клинического применения метода в комплексном лечении как острых, так и хронических заболеваний, патогенез которых имеет выраженный воспалительный компонент (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые результаты клинического изучения противовоспалительных эффектов ТЭС-терапии.

Table 1

Assessment of the anti-inflammatory effects of transcranial electrical stimulation in clinical settings.

Модель заболевания	Краткое описание эффектов	Источники
Черепно-мозговая травма	Воздействие ТЭС-терапии на плазменные концентрации ИЛ-1β, ИЛ-4, ИЛ-6, ИЛ-10.	[14]
Ишемический инсульт	Воздействие ТЭС-терапии на плазменные концентрации ИЛ-1β, ИЛ-6, ИЛ-10.	[15]
Инфаркт миокарда	Воздействие ТЭС-терапии концентрацию молекул-маркеров разрушения клеток (высокочувствительный тропонин I, креатинфосфокиназа), а также электрофизиологические параметры.	[4]
Новая коронавирусная инфекция (COVID-19)	Воздействие ТЭС-терапии на плазменную концентрацию ИЛ-1β.	[16]
Остеоартрит коленного сустава	Воздействие ТЭС-терапии на плазменные концентрации ИЛ-1β, ИЛ-6, ИЛ-10.	[17]

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Красный плоский лишай	Воздействие ТЭС-терапии на сывороточные концентрации ФНО, ИЛ-1 β , ИЛ-10, антагониста рецептора ИЛ-1, а также на дерматологические проявления, показатели качества жизни, психоэмоциональный статус.	[18]
Атопический дерматит	Воздействие ТЭС-терапии на динамику клинических показателей и качество жизни.	[19]
Долговременные последствия перенесенной новой коронавирусной инфекции (long COVID)	Воздействие ТЭС-терапии на плазменные концентрации ФНО, ИЛ-1 β , ИЛ-6, наряду с влиянием на клинические проявления хронической усталости и когнитивного дефицита.	[20]

Методы, родственные ТЭС-терапии, также активно изучаются в качестве противовоспалительных. Основной массив зарубежных работ в данной области касается эффектов tDCS в отношении нейровоспаления. В частности, показано воздействие tDCS в комбинации с транскраниальной магнитной на концентрации ФНО, ИЛ-2 в крови, наряду с влиянием на клинические параметры [2]. При этом эффект такой комбинированной терапии был более выражен, чем при применении каждого из данных методов неинвазивной стимуляции мозга по отдельности [2]. Применение tDCS после перенесенного ишемического инсульта сопряжено с воздействием на транскриптом периферических лейкоцитов и угнетением провоспалительных NF- κ B-зависимых и проапоптотических сигнальных путей, наряду с влиянием на когнитивные функции, неврологический статус и качество жизни [21]. Также эффективность метода изучалась в клинических исследованиях, посвященных лечению фибромиалгии и нейропатической боли различного генеза [22]. Список нозологий, для коррекции которых использовался метод tDCS, показавший свое благоприятное влияние, включает диабетическую нейропатию, рассеянный склероз, болезнь Паркинсона, боли после перенесенных инсульта, травмы спинного мозга, фантомные боли [22]. Эффективность tDCS при данных патологиях среди прочего обусловлена противовоспалительным действием, так как в их патогенезе важное место занимают нейровоспаление и дисфункция стресс-лимитирующих/ антиноцицептивных структур мозга, включая опиоидергические, дофаминергические, серотонинергические и эндоканнабиноидные.

Эффективность tDCS начинает изучаться при патологиях других органов и систем, помимо нервной. Так, в клиническом контексте tDCS показал свое благоприятное влияние на концентрацию ИЛ-6, ФНО, ИЛ-10 и β -эндорфина, наряду со стресс-лимитирующим эффектом у пациентов с остеоартритом коленного сустава по сравнению с ослепленной контрольной группой (получавшей фиктивную стимуляцию) [12, 23]. Проведение tDCS при ожирении сопряжено со снижением плазменной концентрации ИЛ-6, играющего важную роль в механизмах системного паравоспаления [24]. Последнее вносит решающий вклад в пострецепторное нарушение передачи сигнала от инсулинового рецептора клеток-мишеней, следовательно, формирование инсулинорезистентности [12]. В другом исследовании были показаны рост концентрации ИЛ-10, наряду с модуляцией вегетативных функций, активности гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и гемодинамических параметров у пациентов с резистентной артериальной гипертензией [25]. Противовоспалительный и стресс-лимитирующий потенциал tDCS также изучался в контексте острой новой коронавирусной инфекции (COVID-19) у пациентов в отделении интенсивной терапии. Использование метода было сопряжено с улучшением сатурации, показателей органной функции (шкала SOFA (sequential organ failure assessment)), снижением потребности в искусственной вентиляции легких [26, 27].

Выводы

Методы неинвазивной стимуляции мозга, в частности ТЭС-терапия и tDCS, обладают противовоспалительным эффектом, показанным в контексте разнообразных экспериментальных моделей патологий и клинических проблем. Это позволяет предположить перспективность более широкого изучения данных методов при заболеваниях, патогенез которых сопряжен с острым или хроническим воспалением, а также болью и/или комбинированным (физическим и психоэмоциональным) стрессом.

Список источников

1. Zaghi S., Acar M., Hultgren B., Boggio P.S., Fregni F. Noninvasive brain stimulation with low-intensity electrical currents: putative mechanisms of action for direct and alternating current stimulation // *The Neuroscientist: a review journal bringing neurobiology, neurology and psychiatry*. 2010. № 16 (3). P. 285 – 307. doi: 10.1177/1073858409336227
2. Zhao C., Lv Z., Sun Y., Ren L., Li J., Zhu J., Wang Z., Zhang M., Li Y., Wu C., Wei N., Zhang Z., Wang J. Neuroregulatory effects of combined tDCS and rTMS therapy on major depressive disorder: insights into symptom alleviation and inflammatory modulation // *Journal of Neurorestoratology*. 2026. № 14 (2). P. 100280. doi: 10.1016/j.jnrt.2026.100280
3. Чабанец Е.А., Каде А.Х., Цымбалов О.В., Трофименко А.И., Ким Г.Г. Эффекты транскраниальной электростимуляции на системное воспаление при высококалорийной диете, обогащенной фруктозой и жиром // *Вестник СурГУ. Медицина*. 2023. № 16 (2). С. 87 – 94. doi: 10.35266/2304-9448-2023-2-87-94
4. Каде А.Х., Сорокина Е.А., Рафф С.А., Трофименко А.И., Занина Е.С., Муратова А.Ю. ТЭС-терапия как метод коррекции нарушений ритма сердца после проведения чрескожной транслюминальной коронарной ангиопластики со стентированием у пациентов с инфарктом миокарда // *Инновационная медицина Кубани*. 2022. № 3 (27). С. 29 – 36. doi: 10.35401/2541-9897-2022-25-3-29-36
5. Каде А.Х., Казанчи Д.Н., Поляков П.П., Занин С.А., Гаврикова П.А., Катани З.О., Черныш К.М. Гиперкатехоламинемия при стрессовом недержании мочи и возможности его патогенетического лечения: экспериментальное нерандомизированное исследование // *Кубанский научный медицинский вестник*. 2022. № 29 (2). С. 118 – 130. doi: 10.25207/1608-6228-2022-29-2-118-130
6. Занин С.А., Чабанец Е.А., Каде А.Х., Поляков П.П., Трофименко А.И., Занина Е.С. Адипонектин как основной представитель адипокинов: роль в патологии, возможности ТЭС-терапии // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2022. № 17 (4). С. 455 – 461. doi: 10.14300/mnnc.2022.17110
7. Каркищенко В.Н., Помыткин И.А., Скворцова В.И. Опиоидэргическая система иммунных клеток: новая фармакологическая мишень в терапии «цитокинового шторма» // *Биомедицина*. 2020. № 16 (4). С. 14 – 23. doi: 10.33647/2074-5982-16-4-14-23
8. Занин С.А., Каде А.Х., Трофименко А.И., Оноприев В.В., Малышева А.В., Макарова М.О. Коррекция цитокинового статуса при ишемическом поражении сердца и мозга при помощи ТЭС-терапии // *Цитокины и воспаление*. 2015. № 14 (3). С. 30 – 34.
9. Lipatova A., Kade A., Trofimenko A., Ovsianikov V., Tsybalov O., Sidorenko A. Assessment of the TDCS influence on stress-induced disorders in rats with low stress sustainability and endurance // *Serbian Journal of Experimental and Clinical Research*. 2019. № 20. (3). P. 207 – 214. doi: 10.2478/SJECR-2018-0057
10. Поляков П.П., Агуева А.А., Гусарук Л.Р., Липатова А.С., Цымбалов О.В., Заболотских Н.В., Вчерашнюк С.П., Кравченко С.В., Каде А.Х. Коррекция ТЭС-терапией стресс-индуцированных нарушений экспрессии c-fos мононуклеарными лейкоцитами крыс // *Кубанский научный медицинский вестник*. 2017. № 6. С. 106 – 109. doi: 10.25207/1608-6228-2017-24-6-106-109
11. Каде А.Х., Поляков П.П., Агуева А.А., Гусарук Л.Р., Цымбалов О.В., Алиматов А.Я., Липатова А.С., Вчерашнюк С.П., Кравченко С.В., Шаркова А.В., Черных Н.Ю., Белякова И.С. Влияние ТЭС-терапии на характер стресс-индуцированной экспрессии гена c-fos мононуклеарными лейкоцитами крыс различной стрессоустойчивости // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 1. С. 65.
12. Каде А.Х., Чабанец Е.А., Занин С.А., Поляков П.П. Дисфункция жировой ткани (адипозопатия) как основной механизм метаболического синдрома // *Вопросы питания*. 2022. № 91 (1). С. 27 – 36. doi: <https://doi.org/10.33029/0042-8833-2022-91-1-27-36>
13. Занин С.А., Поляков П.П., Цымбалов О.В. Влияние транскраниальной электростимуляции на концентрацию адипонектина у животных с моделью метаболического синдрома и малоподвижного образа жизни // *Человек и его здоровье*. 2025. № 28 (2). С. 45 – 52. doi: 10.21626/vestnik/2025-2/06
14. Байкова Е.Е., Каде А.Х., Музлаев Г.Г., Лебедев В.П., Занин С.А. Динамика цитокинового статуса у больных с изолированной черепно-мозговой травмой средней и тяжелой степени тяжести // *Кубанский научный медицинский вестник*. 2014. № 3. С. 15 – 19.
15. Трофименко А.И., Нехай Ф.А., Каде А.Х., Занин С.А. Динамика цитокинового статуса и уровня β-эндорфина у больных с ишемическим инсультом при применении ТЭС-терапии // *Кубанский научный медицинский вестник*. 2015. № 6. С. 147 – 150.

16. Игнатенко М.Ю., Кочкарова Е.В., Измайлова Н.В., Занин С.А. Влияние транскраниальной электро- стимуляции на сывороточную концентрацию интерлейкина-1-бета при COVID-19: рандомизированное проспективное исследование // Кубанский научный медицинский вестник. 2025. №. 32 (6). С. 41 – 55. doi: 10.25207/1608-6228-2025-32-6-41-55
17. Onishchuk V.V., Kade A.Kh., Trofimenko A.I. Applying of transcranial pulsed current stimulation in the combined treatment of osteoarthritis // Biophysical Reviews. 2023. № 15 (5). P. 1745 – 1746.
18. Тлиш М.М., Осмоловская П.С. Возможности влияния нового метода лечения на клиническое течение, цитокиновый статус и тревожность у пациентов с красным плоским лишаем // Лечебное дело. 2023. №. 4. С. 55 – 63. doi: 10.24412/2071-5315-2023-13025
19. Марченко В.А., Кочергин Н.Г., Додина М.И. Возможности транскраниальной электростимуляции в лечении больных атопическим дерматитом // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2024. № 27 (2). С. 209 – 217. doi: 10.17816/dv625756
20. Рубель А.Д., Гуменюк Л.Н., Бобрик Ю.В. Транскраниальная электрическая стимуляция в комплекс- ной терапии постковидного синдрома // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2025. № 102 (6). С. 5 – 12. doi: 10.17116/kurort20251020615
21. Fu Y., Yan Q., Wang A., Zhang H., Wang W., Yao L., Singh D.K.A. Dual-target tDCS and dual-task train- ing modulate neuroinflammation and neuroplasticity: transcriptomic and behavioral evidence in stroke rehabilita- tion // Frontiers in rehabilitation sciences. 2025. № 6. P. 1589588. doi: 10.3389/fresc.2025.1589588
22. Zhang H., Zheng X., Zhang B. Anti-Inflammatory Pathways Mediating tDCS's Effects on Neuropathic Pain // Biology (Basel). 2025. № 14 (7). P. 892. doi: 10.3390/biology14070892
23. Suchting R., Colpo G.D., Rocha N.P., Ahn H. The Effect of Transcranial Direct Current Stimulation on In- flammation in Older Adults With Knee Osteoarthritis: A Bayesian Residual Change Analysis // Biological research for nursing. 2020. № 22 (1). P. 57 – 63. doi: 10.1177/1099800419869845
24. Aydin B.N., Stinson E.J., Travis K.T., Krakoff J., Rodzevik T., Chang D.C., Gluck M.E. Reduced plasma interleukin-6 concentration after transcranial direct current stimulation to the prefrontal cortex // Behavioural brain research. 2024. № 474. P. 115201. doi: 10.1016/j.bbr.2024.115201
25. Rodrigues B., Barboza C.A., Moura E.G., Ministro G., Ferreira-Melo S.E., Castaño J.B., Nunes W.M.S., Mostarda C., Coca A., Vianna L.C., Moreno-Junior H. Acute and Short-Term Autonomic and Hemodynamic Re- sponses to Transcranial Direct Current Stimulation in Patients With Resistant Hypertension // Frontiers in cardio- vascular medicine. 2022. № 9. P. 853427. doi: 10.3389/fcvm.2022.853427
26. Andrade S.M., Cecília de Araújo Silvestre M., Tenório de França E.É., Bezerra Sales Queiroz M.H., de Je- sus Santana K., Lima Holmes Madruga M.L., Torres Teixeira Mendes C.K., Araújo de Oliveira E., Bezerra J.F., Barreto R.G., Alves Fernandes da Silva S.M., Alves de Sousa T., Medeiros de Sousa W.C., Patrícia da Silva M., Cintra Ribeiro V.M., Lucena P., Beltrammi D., Catharino R.R., Caparelli-Dáquer E., Hampstead B.M., Datta A., Teixeira A.L., Fernández-Calvo B., Sato J.R., Bikson M. Efficacy and safety of HD-tDCS and respiratory rehabili- tation for critically ill patients with COVID-19 The HD-RECOVERY randomized clinical trial // Brain stimulation. 2022. № 15 (3). P. 780 – 788. doi: 10.1016/j.brs.2022.05.006
27. Pinto T.P., Inácio J.C., de Aguiar E., Ferreira A.S., Sudo F.K., Tovar-Moll F., Rodrigues E.C. Prefrontal tDCS modulates autonomic responses in COVID-19 inpatients // Brain stimulation. 2023. № 16 (2). P. 657 – 666. doi: 10.1016/j.brs.2023.03.001

References

1. Zaghi S., Acar M., Hultgren B., Boggio P.S., Fregni F. Noninvasive brain stimulation with low-intensity elec- trical currents: putative mechanisms of action for direct and alternating current stimulation. The Neuro-scientist: a review journal bringing neurobiology, neurology and psychiatry. 2010. No. 16 (3). P. 285 – 307. doi: 10.1177/1073858409336227
2. Zhao C., Lv Z., Sun Y., Ren L., Li J., Zhu J., Wang Z., Zhang M., Li Y., Wu C., Wei N., Zhang Z., Wang J. Neuroregulatory effects of combined tDCS and rTMS therapy on major depressive disorder: in-sights into symp- tom alleviation and inflammatory modulation. Journal of Neurorestoratology. 2026. No. 14 (2). P. 100280. doi: 10.1016/j.jnrt.2026.100280
3. Chabanets E.A., Kade A.Kh., Tsymbalov O.V., Trofimenko A.I., Kim G.G. Effects of transcranial electrical stimulation on systemic inflammation during a high-calorie diet enriched with fructose and fat. Vestnik of Surgut State University. Medicine. 2023. No. 16 (2). P. 87 – 94. doi: 10.35266/2304-9448-2023-2-87-94

4. Kade A.Kh., Sorokina E.A., Raff S.A., Trofimenko A.I., Zanina E.S., Muratova A.Yu. TES therapy as a method for correcting cardiac rhythm disturbances after percutaneous transluminal coronary angioplasty with stenting in patients with myocardial infarction. *Innovative Medicine of Kuban*. 2022. No. 3 (27). P. 29 – 36. doi: 10.35401/2541-9897-2022-25-3-29-36
5. Kade A.Kh., Kazanchi D.N., Polyakov P.P., Zanin S.A., Gavrikova P.A., Katani Z.O., Chernysh K.M. Hypercatecholaminemia in stress urinary incontinence and the possibilities of its pathogenetic treatment: an experimental non-randomized study. *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2022. No. 29 (2). P. 118 – 130. doi: 10.25207/1608-6228-2022-29-2-118-130
6. Zanin S.A., Chabanets E.A., Kade A.Kh., Polyakov P.P., Trofimenko A.I., Zanina E.S. Adiponectin as the main representative of adipokines: role in pathology, possibilities of TES therapy. *Medical Bulletin of the North Caucasus*. 2022. No. 17 (4). P. 455 – 461. doi: 10.14300/mnnc.2022.17110
7. Karkishchenko V.N., Pomytkin I.A., Skvortsova V.I. The opioidergic system of immune cells: a new pharmacological target in the therapy of "cytokine storm". *Biomedicine*. 2020. No. 16 (4). P. 14 – 23. doi: 10.33647/2074-5982-16-4-14-23
8. Zanin S.A., Kade A.Kh., Trofimenko A.I., Onopriyev V.V., Malysheva A.V., Makarova M.O. Correction of cytokine status in ischemic heart and brain damage using TES therapy. *Cytokines and inflammation*. 2015. No. 14 (3). P. 30 – 34.
9. Lipatova A., Kade A., Trofimenko A., Ovsianikov V., Tcymbalov O., Sidorenko A. Assessment of the TDCS influence on stress-induced disorders in rats with low stress stability and endurance. *Serbian Journal of Experimental and Clinical Research*. 2019. No. 20. (3). P. 207 – 214. doi: 10.2478/SJECR-2018-0057
10. Polyakov P.P., Agumava A.A., Gusaruk L.R., Lipatova A.S., Tsymbalov O.V., Zabolotskikh N.V., Vcherashnyuk S.P., Kravchenko S.V., Kade A.Kh. Correction of stress-induced disturbances of c-fos expression by rat mononuclear leukocytes with TES therapy. *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2017. No. 6. P. 106 – 109. doi: 10.25207/1608-6228-2017-24-6-106-109
11. Kade A.Kh., Polyakov P.P., Agumava A.A., Gusaruk L.R., Tsymbalov O.V., Alimetov A.Ya., Lipatova A.S., Vcherashnyuk S.P., Kravchenko S.V., Sharkova A.V., Chernykh N.Yu., Belyakova I.S. The Effect of TES Therapy on the Nature of Stress-Induced Expression of the c-fos Gene by Mononuclear Leukocytes of Rats with Different Stress Resistance. *Modern Problems of Science and Education*. 2018. No. 1. P. 65.
12. Kade A.Kh., Chabanets E.A., Zanin S.A., Polyakov P.P. Dysfunction of Adipose Tissue (Adiposopathy) as the Main Mechanism of Metabolic Syndrome. *Nutrition Issues*. 2022. No. 91 (1). P. 27 – 36. doi: <https://doi.org/10.33029/0042-8833-2022-91-1-27-36>
13. Zanin S.A., Polyakov P.P., Tsymbalov O.V. The effect of transcranial electrical stimulation on adiponectin concentration in animals with a model of metabolic syndrome and a sedentary lifestyle. *Man and His Health*. 2025. No. 28 (2). P. 45 – 52. doi: 10.21626/vestnik/2025-2/06
14. Baykova E.E., Kade A.Kh., Muzlaev G.G., Lebedev V.P., Zanin S.A. Dynamics of cytokine status in patients with isolated moderate and severe traumatic brain injury. *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2014. No. 3. P. 15 – 19.
15. Trofimenko A.I., Nekhay F.A., Kade A.Kh., Zanin S.A. Dynamics of cytokine status and β -endorphin level in patients with ischemic stroke using TES therapy. *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2015. No. 6. P. 147 – 150.
16. Ignatenko M.Yu., Kochkarova E.V., Izmailova N.V., Zanin S.A. The effect of transcranial electrical stimulation on serum interleukin-1-beta concentration in COVID-19: a randomized prospective study. *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2025. No. 32 (6). P. 41 – 55. doi: 10.25207/1608-6228-2025-32-6-41-55
17. Onishchuk V.V., Kade A.Kh., Trofimenko A.I. Applying transcranial pulsed current stimulation in the combined treatment of osteoarthritis. *Biophysical Reviews*. 2023. No. 15 (5). P. 1745 – 1746.
18. Tlish M.M., Osmolovskaya P.S. Possible influence of a new treatment method on the clinical course, cytokine status, and anxiety in patients with lichen planus. *Medical care*. 2023. No. 4. P. 55 – 63. doi: 10.24412/2071-5315-2023-13025
19. Marchenko V.A., Kochergin N.G., Dodina M.I. Possibilities of transcranial electrical stimulation in the treatment of patients with atopic dermatitis. *Russian Journal of Skin and Venereal Diseases*. 2024. No. 27 (2). P. 209 – 217. doi: 10.17816/dv625756
20. Rubel A.D., Gumenyuk L.N., Bobrik Yu.V. Transcranial electrical stimulation in the complex therapy of post-COVID syndrome. *Issues of balneology, physiotherapy and therapeutic physical culture*. 2025. No. 102 (6). pp. 5 – 12. doi: 10.17116/kurort20251020615

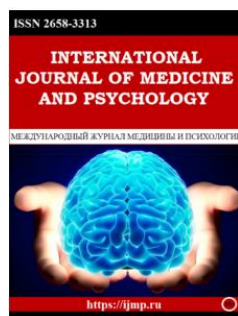
21. Fu Y., Yan Q., Wang A., Zhang H., Wang W., Yao L., Singh D.K.A. Dual-target tDCS and dual-task training modulate neuroinflammation and neuroplasticity: transcriptomic and behavioral evidence in stroke rehabilitation. *Frontiers in rehabilitation sciences*. 2025. No. 6. P. 1589588. doi: 10.3389/fresc.2025.1589588
22. Zhang H., Zheng X., Zhang B. Anti-Inflammatory Pathways Mediating tDCS's Effects on Neuropathic Pain. *Biology (Basel)*. 2025. No. 14 (7). P. 892. doi: 10.3390/biology14070892
23. Suchting R., Colpo G.D., Rocha N.P., Ahn H. The Effect of Transcranial Direct Current Stimulation on Inflammation in Older Adults With Knee Osteoarthritis: A Bayesian Residual Change Analysis. *Biological research for nursing*. 2020. No. 22 (1). P. 57 – 63. doi: 10.1177/1099800419869845
24. Aydin B.N., Stinson E.J., Travis K.T., Krakoff J., Rodzevik T., Chang D.C., Gluck M.E. Reduced plasma interleukin-6 concentration after transcranial direct current stimulation to the prefrontal cortex. *Behavioural brain research*. 2024. No. 474. P. 115201. doi: 10.1016/j.bbr.2024.115201
25. Rodrigues B., Barboza C.A., Moura E.G., Ministro G., Ferreira-Melo S.E., Castaño J.B., Nunes W.M.S., Mostarda C., Coca A., Vianna L.C., Moreno-Junior H. Acute and Short-Term Autonomic and Hemodynamic Responses to Transcranial Direct Current Stimulation in Patients With Resistant Hypertension. *Frontiers in cardiovascular medicine*. 2022. No. 9. P. 853427. doi: 10.3389/fcvm.2022.853427
26. Andrade S.M., Cecília de Araújo Silvestre M., Tenório de França E.É., Bezerra Sales Queiroz M.H., de Jesus Santana K., Lima Holmes Madruga M.L., Torres Teixeira Mendes C.K., Araújo de Oliveira E., Bezerra J.F., Barreto R.G., Alves Fernandes da Silva S.M., Alves de Sousa T., Medeiros de Sousa W.C., Patrícia da Silva M., Cintra Ribeiro V.M., Lucena P., Beltrammi D., Catharino R.R., Caparelli-Dáquer E., Hampstead B.M., Datta A., Teixeira A.L., Fernández-Calvo B., Sato J.R., Bikson M. Efficacy and safety of HD-tDCS and respiratory rehabilitation for critically ill patients with COVID-19 The HD-RECOVERY randomized clinical trial. *Brain stimulation*. 2022. No. 15 (3). P. 780 – 788. doi: 10.1016/j.brs.2022.05.006
27. Pinto T.P., Inácio J.C., de Aguiar E., Ferreira A.S., Sudo F.K., Tovar-Moll F., Rodrigues E.C. Prefrontal tDCS modulates autonomic responses in COVID-19 inpatients. *Brain stimulation*. 2023. No. 16 (2). P. 657 – 666. doi: 10.1016/j.brs.2023.03.001

Информация об авторах

Клиндухова М.О., врач-физиотерапевт, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-9112-8012>, Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница № 1 им. профессора С.В. Очаповского 350086, г. Краснодар, ул. 1 Мая, 167, klindukhova.mo@gmail.com

Литвинова В.В., кандидат медицинских наук, ассистент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-0016-8858>, Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России, 350063, г. Краснодар, ул. Митрофана Седина, 4, Livvia@rambler.ru

© Клиндухова М.О., Литвинова В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.329-002

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-87-94

¹Бражникова А.А.,

²Магомедова И.П.,

³Мирзошарипова А.У.,

⁴Борлакова Т.К.,

⁵Хисамова А.В.,

¹Самарский государственный медицинский университет,

²Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского,

³Старополтавская центральная районная больница,

⁴Северо-Кавказская государственная академия,

⁵Городская поликлиника № 5, г. Тюмень

Сравнительный анализ эффективности ингибиторов протонной помпы и калий-конкурентных блокаторов кислоты у пациентов с гастроэзофагеальной рефлюксной болезнью

Аннотация: в статье представлен сравнительный анализ эффективности и безопасности ингибиторов протонной помпы (ИПП) и калий-конкурентных блокаторов кислоты (К-КБК) у пациентов с гастроэзофагеальной рефлюксной болезнью (ГЭРБ). Установлено, что традиционные ИПП обладают высокой кислотосупрессивной активностью и широко применяются в клинической практике. Однако их использование сопряжено с определенными ограничениями: отсроченный терапевтический эффект, степень кислотоподавления варьируется в зависимости от активности фермента CYP2C19, а ночная кислотная секреция подавляется не полностью. Установлено, что К-КБК реализуют антисекреторный эффект за счет конкурентной блокады калиевого участка водородно-калиевой аденозинтрифосфатазы, что обеспечивает более быстрое и устойчивое подавление кислотности. Обобщение данных современных рандомизированных клинических исследований и систематических обзоров демонстрирует сопоставимую или более высокую эффективность К-КБК по сравнению с ИПП при лечении эрозивной формы ГЭРБ. Показано, что К-КБК способствуют более быстрому достижению клинической ремиссии и стабильному заживлению слизистой оболочки пищевода, особенно при тяжелых формах эрозивного эзофагита при ГЭРБ. Приведены данные о компенсаторной гипергастринемии при применении К-КБК, что обуславливает необходимость контроля при проведении длительной терапии. Сделан вывод о перспективности включения К-КБК в алгоритмы терапии ГЭРБ, особенно при рефрактерных формах заболевания и недостаточной эффективности ИПП, при условии дальнейшего изучения их долгосрочной безопасности.

Ключевые слова: гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь, ингибиторы протонной помпы, калий-конкурентные блокаторы кислоты, кислотосупрессивная терапия, эрозивная форма ГЭРБ, гипергастринемия, рефрактерная ГЭРБ, вонопропан

Для цитирования: Бражникова А.А., Магомедова И.П., Мирзошарипова А.У., Борлакова Т.К., Хисамова А.В. Сравнительный анализ эффективности ингибиторов протонной помпы и калий-конкурентных блокаторов кислоты у пациентов с гастроэзофагеальной рефлюксной болезнью // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 87 – 94. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-87-94

Поступила в редакцию: 28 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Brazhnikova A.A.,**
² **Magomedova I.P.,**
³ **Mirzosharipova A.U.,**
⁴ **Borlakova T.K.,**
⁵ **Khisamova A.V.,**

¹ Samara State Medical University,
² Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky,
³ Staropoltava Central District Hospital,
⁴ North Caucasian State Academy,
⁵ City polyclinic No. 5, Tyumen

Comparative analysis of the efficacy of proton pump inhibitors and potassium-competitive acid blockers in patients with gastroesophageal reflux disease

Abstract: the article presents a comparative analysis of the efficacy and safety of proton pump inhibitors (PPIs) and potassium-competitive acid blockers (P-CABs) in patients with gastroesophageal reflux disease (GERD). It has been established that traditional PPIs demonstrate high acid-suppressive activity and are widely used in clinical practice; however, their use is associated with several limitations, including delayed onset of therapeutic effect, variability of acid suppression depending on the activity of the CYP2C19 enzyme, and incomplete suppression of nocturnal gastric acid secretion. It is noted that P-CABs act through a different mechanism, namely competitive blockade of the potassium binding site of the hydrogen-potassium adenosine triphosphatase, which provides a more rapid and stable reduction of gastric acidity. The synthesis of data from contemporary randomized clinical trials and systematic reviews demonstrates comparable or superior efficacy of P-CABs compared with PPIs in the treatment of erosive GERD. It is shown that P-CABs contribute to faster achievement of clinical remission and more stable healing of the esophageal mucosa, especially in severe erosive forms of GERD. Data on compensatory hypergastrinemia during P-CAB therapy have been presented, which necessitates monitoring during long-term treatment. The study concludes that P-CABs represent a promising addition to the therapeutic algorithms for GERD, particularly in refractory cases and in patients with insufficient response to PPIs, provided that further investigation of their long-term safety is conducted.

Keywords: gastroesophageal reflux disease, proton pump inhibitors, potassium-competitive acid blockers, acid-suppressive therapy, erosive GERD, hypergastrinemia, refractory GERD, vonoprazan

For citation: Brazhnikova A.A., Magomedova I.P., Mirzosharipova A.U., Borlakova T.K., Khisamova A.V. Comparative analysis of the efficacy of proton pump inhibitors and potassium-competitive acid blockers in patients with gastroesophageal reflux disease. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 87 – 94. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-87-94

The article was submitted: February 28, 2026; Approved after reviewing: April 29, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь (ГЭРБ) является одним из наиболее распространенных хронических заболеваний органов пищеварения [1]. По данным 2021 года число лиц с диагностированной ГЭРБ в мире достигло около 825,6 млн человек [2]. По данным 2025 года в Северной Америке и ряде европейских стран доля взрослых пациентов с регулярными симптомами (изжога и/или регургитация ≥ 1 раза в неделю) достигает 19-20 % [3]. В Российской Федерации по результатам метаанализа шести крупных эпидемиологических исследований (общая выборка – 34 192 человека), частота ГЭРБ в 2024 году (изжога и/или регургитация ≥ 1 раза в неделю) составила 25,6 % (95 % доверительный интервал (ДИ) = 17,913-34,147) при среднем возрасте пациентов 48,1 года [4].

Традиционной базисной терапией ГЭРБ остаются ингибиторы протонной помпы (ИПП) – препараты, которые подавляют секрецию соляной кислоты за счет ингибирования водородно-калиевой аденозинтрифосфатазы (H⁺/K⁺-АТФазы) париетальных клеток желудка [5]. Однако класс ИПП имеет ряд ограничений: относительно медленное начало действия, зависимость клинического эффекта от фармакогенетических особенностей, а также субоптимальное подавление ночной и прорывной кислотообразовательной активности у части пациентов.

Калий-конкурентные блокаторы кислоты (К-КБК) представляют собой современный класс антисекреторных препаратов, и их фармакологический эффект реализуется за счет обратимого конкурентного ингибирования калиевого участка фермента H^+/K^+ -АТФазы, что приводит к подавлению секреции соляной кислоты на терминальном этапе ее продукции [6]. Отсутствие необходимости кислотной активации и независимость от активности ферментов системы цитохрома P450, обуславливают быстрое начало действия и стабильное, пролонгированное подавление кислотообразования при использовании препаратов данной группы.

Цель настоящего исследования заключается в сравнительном анализе эффективности и безопасности ИПП и К-КБК у пациентов с ГЭРБ.

Материалы и методы исследований

Данное исследование выполнено в формате литературного обзора и посвящено сравнительному анализу показателей эффективности и безопасности применения ИПП и К-КБК в терапии пациентов с ГЭРБ. Поиск публикаций проводился в международных библиографических базах PubMed, Scopus и Web of Science в период с 2019 по 2025 год. В качестве ключевых слов использовались термины: на русском языке – «гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь», «ингибиторы протонной помпы», «калий-конкурентные блокаторы кислоты», «эрозивный эзофагит», «кислотосупрессия»; и на английском языке: «gastroesophageal reflux disease», «proton pump inhibitors», «potassium-competitive acid blockers», «erosive esophagitis», «acid suppression». Включению подлежали исследования с высоким уровнем доказательности: рандомизированные контролируемые испытания, метаанализы и проспективные сравнительные работы, которые содержали четкое описание методологии, стратификации пациентов по формам заболевания и применяемых схем терапии. Были исключены работы с малочисленными выборками, отсутствием контроля или рандомизации и с низким качеством доказательности данных. Данный подход обеспечил объективность обобщения данных и достоверность полученных выводов относительно преимуществ и ограничений обеих групп препаратов.

Результаты и обсуждения

Фармакологические свойства и клиническое применение ИПП

Основу антисекреторной терапии при ГЭРБ составляют ИПП, представителями которых являются омепразол, эзомепразол, рабепразол и пантопразол. Фармакологическое действие данной группы препаратов реализуется за счет необратимого ингибирования H^+/K^+ -АТФазы [5]. После системной абсорбции ИПП в виде пролекарств проникают в секреторные каналы париетальных клеток, где в кислой среде они трансформируются в активные сульфенамиды [7]. Образующиеся метаболиты ковалентно связываются с цистеиновыми остатками H^+/K^+ -АТФазы, что приводит к стойкой блокаде протонного насоса, снижению желудочной кислотности и уменьшению кислотной экспозиции слизистой оболочки пищевода.

Препараты группы ИПП обладают рядом фармакокинетических и фармакодинамических ограничений [8]. Начало действия отсрочено и требует многократного приема, поскольку препараты проявляют активность только в условиях кислой среды, а фермент H^+/K^+ -АТФаза синтезируется повторно через 18-24 часа. Выраженность клинического ответа может варьироваться от полиморфизма изофермента CYP2C19 (Cytochrome P450 2C19 – цитохром P450 2C19), который участвует в метаболизме ИПП, что снижает предсказуемость эффекта у отдельных групп пациентов (пациенты с фенотипом быстрого или промежуточного метаболизма, лица с недостаточным ответом на стандартные дозы ИПП, с частыми рецидивами и рефрактерными формами заболевания) [9]. К числу клинически значимых ограничений терапии относится феномен ночной кислотной прорывной секреции, который выявляется у части пациентов на фоне стандартных схем лечения. Совокупность указанных фармакологических особенностей и ограничений терапии ИПП обуславливает необходимость поиска альтернативных антисекреторных средств с более быстрым началом действия, стабильным кислотосупрессивным эффектом и меньшей вариабельностью клинического ответа.

Фармакологические свойства и клиническое применение К-КБК

Терапевтический эффект К-КБК реализуется за счет обратимого конкурентного ингибирования связывания ионов калия с ферментом H^+/K^+ -АТФазы, что нарушает заключительный этап продукции соляной кислоты [6]. В отличие от ИПП, препараты данной группы не требуют активации в кислой среде и не зависят от активности ферментов системы цитохрома P450, что обеспечивает быстрое наступление эффекта, меньшую вариабельность и стабильное подавление желудочной секреции в течение 24 часов [10]. Наиболее изученным представителем данного класса является вонопразан, который одобрен в ряде стран Азии, Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки для лечения ГЭРБ, пептической язвы, эрадикации *Helicobacter pylori* и профилактики язв, которые вызваны приемом нестероидных противовоспалительных

средств [11]. В Российской Федерации вонопрозан является единственным зарегистрированным препаратом из группы К-КБК, в то время как другие представители (тегопрозан, фексупразан) остаются недоступными [12].

При применении К-КБК за счет стойкого и пролонгированного ингибирования секреции соляной кислоты в желудке может развиваться компенсаторное повышение уровня гастрина – гипергастринемия [13]. Данное состояние представляет собой физиологический ответ на снижение кислотности и характеризуется стимулирующим действием на энтерохромаффиноподобные клетки слизистой оболочки желудка. При достижении уровней гастрина ≥ 500 пг/мл повышается риск гиперплазии указанных клеток, что в отдельных случаях ассоциировано с формированием нейроэндокринных изменений. Гипергастринемия может способствовать феномену кислотной гиперсекреции после отмены терапии и потенциально оказывать влияние на морфологию слизистой желудка. При длительном применении К-КБК требуется мониторинг уровня гастрина и, при наличии показаний, проведение гистологической оценки состояния слизистой оболочки желудка.

К числу клинических преимуществ К-КБК относятся: быстрое наступление антисекреторного эффекта, стабильное и пролонгированное подавление кислотообразования, снижение частоты ночной кислотной секреции, а также фармакологическая независимость от приема пищи [14]. Данные особенности делают К-КБК перспективной альтернативой ИПП, особенно при рефрактерных, рецидивирующих и тяжелых формах ГЭРБ.

Сравнительный анализ ИПП и К-КБК

Проблема недостаточной эффективности стандартной терапии у части пациентов с различными формами ГЭРБ подчеркивает необходимость оценки терапевтической результативности и безопасности новых подходов, среди которых К-КБК рассматриваются как возможная альтернатива или дополнение к ИПП.

Исследование Laine L. et al. было посвящено сравнительной оценке эффективности и безопасности вонопрозана (К-КБК) и лансопризола (ИПП) при лечении эрозивной формы ГЭРБ у взрослых пациентов [15]. В исследование были включены 1024 пациента с подтвержденным эрозивным эзофагитом (34,3% – степень C/D по Лос-Анджелесской классификации), которые получали на первом этапе лечения – в течение 8 недель – вонопрозан в дозе 20 мг в сутки ($n=514$) и лансопризол в дозе 30 мг в сутки ($n=510$). Пациенты, у которых было достигнуто заживление слизистой оболочки ($n=878$), были повторно рандомизированы для поддерживающей терапии на 24 недели: вонопрозан 10 мг ($n=293$ человека), вонопрозан 20 мг ($n=291$ человек) или лансопризол 15 мг в сутки ($n=294$ человека). Основным критерий эффективности – доля пациентов с заживлением слизистой оболочки к 8-й неделе – составил 92,9% в группе вонопрозана против 84,6% в группе лансопризола (разница 8,3%, 95% ДИ: 4,5-12,2; $p<0,0001$), что подтвердило терапевтическую эффективность и позволило выявить статистически значимое преимущество в рамках дополнительного анализа. У пациентов с эзофагитом степени C/D по Лос-Анджелесской классификации разница в частоте заживления к 8-й неделе составила 19,6% (91,7% против 72,0%). В поддерживающей фазе обе дозировки вонопрозана показали схожую эффективность с лансопризолом (80,7% и 79,2% против 72,0%), а также более выраженный эффект в подгруппе пациентов с тяжелой формой эзофагита (77,2% и 74,7% против 61,5%). Различия по числу дней без изжоги между группами были незначительными. По профилю безопасности препараты были сопоставимы; наиболее частыми нежелательными явлениями были диарея (в фазе лечения) и коронавирусная инфекция (в поддерживающей фазе). Повышение уровня гастрина ≥ 500 пг/мл чаще отмечалось в группах вонопрозана (15,9% для дозы 20 мг), однако при гистологическом исследовании не было выявлено ни одного случая неоплазии. В ходе проведенного исследования авторами была установлена более высокая эффективность вонопрозана по сравнению с лансопризолом в отношении темпов индукции и устойчивости достижения клинической ремиссии при тяжелых формах эрозивной ГЭРБ.

Метаанализ Hussaini H. et al. был посвящен сравнительной оценке эффективности и безопасности тегопрозана (К-КБК) и эзомепразола/лансопризола (ИПП) при лечении эрозивной формы ГЭРБ [16]. В анализ были включены четыре рандомизированных контролируемых исследования, выполненных в Южной Корее и Китае, с участием 963 взрослых пациентов (средний возраст – от 45,9 до 55,9 лет). В исследованиях сравнивали тегопрозан в дозах 25-50 мг один раз в сутки ($n=479$ пациентов) с эзомепразолом (40 мг/сут) или лансопризолом (15-30 мг/сут) в течение 4-24 недель ($n=484$ пациента). В метаанализе не было выявлено статистически значимых различий между тегопрозаном и ИПП по частоте заживления слизистой оболочки пищевода через 4 недели (относительный риск (ОР) = 1,05; 95% ДИ: 0,96-1,16; $I^2 = 25\%$) и через 8 недель (ОР = 1,01; 95% ДИ: 0,96-1,06; $I^2 = 3\%$). Показатели безопасности также были сопоставимы: общее число побочных эффектов (ОР = 0,93; 95% ДИ: 0,73-1,35), связанных с препаратом (ОР = 0,93; 95% ДИ: 0,51-1,69) и серьезных побочных явлений (ОР = 1,07; 95% ДИ: 0,12-9,29) не различались между группами. Симптома-

тическое улучшение было одинаковым в обеих группах, а частота дней без симптомов не отличалась. Отмечено, что эффективность тегопразана не зависела от полиморфизма CYP2C19, в отличие от ИПП. Авторы делают вывод о терапевтической эквивалентности тегопразана и ИПП при лечении легкой и умеренной формы эрозивного эзофагита и подчеркивают необходимость дальнейших многоцентровых исследований для оценки долгосрочной эффективности и безопасности препарата.

В многоцентровом рандомизированном двойном слепом исследовании Agarwal P. et al. была проведена оценка эффективности и безопасности тегопразана (50 мг 1 раз в сутки) по сравнению с эзомепразолом (40 мг 1 раз в сутки) у пациентов с эндоскопически подтвержденной эрозивной формой ГЭРБ [17]. В исследование были включены 254 пациента в возрасте от 18 до 65 лет ($n=128$ – группа тегопразана, $n=126$ – группа эзомепразола), набранных в Индии, России и Южной Африке. Основным критерий эффективности – совокупная эндоскопическая частота заживления к 8-й неделе – составил 99,1% (95% ДИ: 95,25-99,98) в группе тегопразана и 97,2% (95% ДИ: 92,17-99,43) в группе эзомепразола, при разнице 1,88% (95% ДИ: –1,63–5,39; $p < 0,0001$), что подтвердило схожую эффективность тегопразана. Аналогичные данные были получены на 4-й неделе (90,2% против 90,8%; $p < 0,0012$). Частота дней без основных симптомов (изжоги и регургитации) была сопоставима между группами (66,0% против 63,7% к 8-й неделе; $p = 0,4867$), как и улучшение качества жизни по шкале GERD-HRQL (Gastroesophageal Reflux Disease – Health-Related Quality of Life questionnaire – Опросник по качеству жизни, связанной со здоровьем, при гастроэзофагеальной рефлюксной болезни). Побочные эффекты возникали у менее чем 10% пациентов и включали головную боль (5,1%), диарею (2,8%), тошноту (2,4%) и боль в животе (2,4%), без серьезных нежелательных явлений или смертей. В данном исследовании тегопразан продемонстрировал сопоставимую с эзомепразолом эффективность и безопасность при лечении эрозивной формы ГЭРБ в международной популяции, в том числе у пациентов с различными степенями тяжести заболевания.

Статья Lee K. N. et al. была посвящена сравнительной оценке эффективности и безопасности фексупразана (К-КБК) и эзомепразола (ИПП) у пациентов с эрозивной формой ГЭРБ [18]. В исследование были включены 218 пациентов ($n = 107$ в группе фексупразана и $n = 111$ в группе эзомепразола); средний возраст составил $53,7 \pm 12,4$ и $55,1 \pm 12,9$ года соответственно. Пациенты получали фексупразан 40 мг 1 раз в сутки или эзомепразол 40 мг 1 раз в сутки в течение 8 недель. Основной конечной точкой была частота эндоскопически подтвержденного заживления слизистой оболочки пищевода к 8 й неделе. В группе фексупразана заживление было достигнуто у 99,1% пациентов (106/107), в группе эзомепразола – у 99,1% (110/111); скорректированная разница составила 0,9% (95% ДИ от -0,9 до 2,6), что подтверждало отсутствие статистически значимых различий в эффективности между фексупразаном и эзомепразолом. Через 4 недели заживление было отмечено у 90,3% (93/103) и 88,5% (92/104) пациентов соответственно (разница 2,6%; 95% ДИ от -5,7 до 10,9). Существенных межгрупповых различий по динамике симптомов и показателям качества жизни GERD-HRQL через 4 и 8 недель не выявлено. Частота нежелательных явлений составила 16,8% в группе фексупразана и 19,1% в группе эзомепразола, лекарственно-ассоциированных реакций – 6,9% и 5,3% соответственно; серьезные нежелательные явления отсутствовали в обеих группах. Уровни гастрина в сыворотке повышались в обеих группах без статистически значимых различий. Авторы заключили, что фексупразан 40 мг 1 раз в сутки обладает не меньшей эффективностью и сопоставимой безопасностью по сравнению с эзомепразолом 40 мг 1 раз в сутки в лечении эрозивной формы ГЭРБ.

Данные сравнительных исследований свидетельствуют о сопоставимой терапевтической эффективности ИПП и К-КБК в лечении эрозивной формы ГЭРБ. Однако ряд фармакологических и клинических характеристик К-КБК предполагает потенциал их преимущественного использования в отдельных когортах пациентов. Быстрое наступление эффекта, стабильность кислотосупрессии вне зависимости от генетических вариантов метаболизма, а также независимость от времени приема пищи делают К-КБК потенциально более предпочтительным при преобладании ночных симптомов, а также для пациентов с недостаточной клинической эффективностью стандартных режимов терапии ИПП. Наблюдаемая в отдельных исследованиях тенденция к более высокой эффективности К-КБК при тяжелых формах эрозивной ГЭРБ требует дальнейшего изучения с использованием стратифицированных дизайнов и расширенных временных горизонтов наблюдения. В условиях нарастающего интереса к персонализированной гастроэнтерологической терапии выбор между ИПП и К-КБК должен основываться не только на клинической эффективности, но и на таких параметрах, как фармакогенетический профиль пациента, приверженность к терапии и наличие сопутствующих заболеваний. Ограниченность данных о долгосрочной безопасности К-КБК требует проведения проспективных исследований с участием разнообразных популяций, особенно с учетом потенциального влияния на гастринный гомеостаз. Формирующиеся доказательства указывают на возможность более широкого внедрения К-КБК в клиническую практику, однако окончательная их роль в алгоритмах терапии ГЭРБ

должна быть определена на основании дальнейших сравнительных исследований высокого уровня доказательности.

Выводы

Проведенный сравнительный анализ показал, что ИПП, также как и К-КБК обеспечивают высокую клиническую эффективность и приемлемый профиль безопасности при терапии ГЭРБ. Полученные данные позволяют рассматривать К-КБК как рациональную альтернативу ИПП у пациентов с рефрактерными симптомами, ночной кислотной секрецией или сниженной чувствительностью к терапии ИПП. Однако недостаточная изученность долгосрочного профиля безопасности К-КБК обуславливает необходимость взвешенного подхода к их применению в рамках длительной терапии.

Список источников

1. Шкляев А.Е., Дударев М.В. Гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь: диагностика, медикаментозное лечение, бальнеотерапия // Архив внутренней медицины. 2022. № 12 (3). С. 195 – 202. DOI:10.20514/2226-6704-2022-12-3-195-202
2. GBD 2019 Stroke Collaborators. Global, regional, and national burden of stroke and its risk factors, 1990-2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019 // The Lancet. Neurology. 2021. № 20 (10). P. 795 – 820. DOI:10.1016/S1474-4422(21)00252-0
3. Wickramasinghe N., Devanarayana N.M. Insight into global burden of gastroesophageal reflux disease: Understanding its reach and impact // World journal of gastrointestinal pharmacology and therapeutics. 2025. № 16 (1). P. 97918. DOI:10.4292/wjgpt.v16.i1.97918
4. Андреев Д.Н., Маев И.В., Бордин Д.С., Абдулхаков С.Р., Шабуров Р.И., Соколов Ф.С. Распространенность гастроэзофагеальной рефлюксной болезни в России: метаанализ популяционных исследований // Терапевтический архив. 2024. № 96 (8). С. 751 – 756. DOI:10.26442/00403660.2024.08.202807
5. Старостин Б.Д. Современные подходы к лечению гастроэзофагеальной рефлюксной болезни // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2019. № 29 (1). С. 7 – 16. DOI:10.22416/1382-4376-2019-29-1-7-16
6. Цуканов В.В., Васютин А.В., Тонких Ю.Л. Современные аспекты диагностики и лечения рефрактерной гастроэзофагеальной рефлюксной болезни // Доктор.Ру. 2022. № 21 (6). С. 35 – 40. DOI:10.31550/1727-2378-2022-21-6-35-40
7. Mu Y., Zhou Y., Zhang X., Shao Y. Exploring the mechanisms and targets of proton pump inhibitors-induced osteoporosis through network toxicology, molecular docking, and molecular dynamics simulations // Frontiers in pharmacology. 2025. № 16. P. 1592048. DOI:10.3389/fphar.2025.1592048
8. Andrawes M., Andrawes W., Das A., Siau K. Proton Pump Inhibitors (PPIs)-An Evidence-Based Review of Indications, Efficacy, Harms, and Deprescribing // Medicina (Kaunas, Lithuania). 2025. № 61 (9). P. 1569. DOI:10.3390/medicina61091569
9. Nguyen H.T., Vaghefi A., Khan T. Efficacy of Potassium-Competitive Acid Blockers in Functional Dyspepsia: A Systematic Review and Meta-Analysis // Gastroenterology research. 2025. № 18 (5). P. 232 – 238. DOI:10.14740/gr2059
10. Koo T.H., Fass R. A systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials: the role of potassium-competitive acid blockers in endoscopy-negative reflux disease // Digestive and liver disease : official journal of the Italian Society of Gastroenterology and the Italian Association for the Study of the Liver. 2025. № 57 (9). P. 1752 – 1760. DOI:10.1016/j.dld.2025.04.045
11. Isakov V., Goncharov A. Breaking barriers in the first-line Helicobacter pylori treatment: Chinese multicenter trial validates vonoprazan-based triple therapy // World journal of gastroenterology. 2025. № 31 (40). P. 112312. DOI:10.3748/wjg.v31.i40.112312
12. Ивашкин В.Т., Лапина Т.Л., Маев И.В., Драпкина О.М., Козлов Р.С., Шептулин А.А., Трухманов А.С., Абдулхаков С.Р., Алексеева О.П., Алексеенко С.А., Андреев Д.Н., Бордин Д.С., Дехнич Н.Н., Кляритская И.Л., Корочанская Н.В., Осипенко М.Ф., Полуэктова Е.А., Сарсенбаева А.С., Симаненков В.И., Ткачев А.В., Ульянин А.И., Хлынов И.Б., Цуканов В.В. Клинические рекомендации Российской гастроэнтерологической ассоциации, Научного сообщества по содействию клиническому изучению микробиома человека, Российского общества профилактики неинфекционных заболеваний, Межрегиональной ассоциации по клинической микробиологии и антимикробной химиотерапии по диагностике и лечению H. pylori у взрослых // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2022. № 32 (6). С. 72 – 93. DOI:10.22416/1382-4376-2022-32-6-72-93

13. Choi H.S., Kim M.S., Yu M.H., You J., Seon D., Ko G., Unno T., Lee M.Y., Kim Y.S. Long-term Effects of Potassium-competitive Acid Blockers and Proton Pump Inhibitors on Gastrin, Gastric Emptying Rate, and Small Intestinal Microbiota in Rats // *Journal of neurogastroenterology and motility*. 2025. № 31 (3). P. 384 – 395. DOI:10.5056/jnm25024
14. Kim Y.S., Lim H., Cha B., Kim S.H., Jung D.H., Kim S.J., Choi S.C. From Trials to Practice: Exploring the Clinical Value of Potassium-competitive Acid Blockers // *Journal of neurogastroenterology and motility*. 2025. № 31 (3). P. 401 – 402. DOI:10.5056/jnm25099
15. Laine L., DeVault K., Katz P., Mitev S., Lowe J., Hunt B., Spechler S. Vonoprazan Versus Lansoprazole for Healing and Maintenance of Healing of Erosive Esophagitis: A Randomized Trial // *Gastroenterology*. 2023. № 164 (1). P. 61 – 71. DOI:10.1053/j.gastro.2022.09.041
16. Hussaini H., Kebede T.M., Afework T.S., Kumari D., Fadeyi O., Chaudhari S.S., Habib I., Hirani S. Comparative Efficacy and Safety of Tegoprazan Versus Proton Pump Inhibitors for Erosive Esophagitis: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Cureus*. 2025. № 17 (5). P. e83302. DOI:10.7759/cureus.83302
17. Agarwal P., Jha B.K., Somagoni J., Dawra S., Chakilam S.K., Wani S.R., Banerjee R., Patel R., Shankar B.R., Song G.S. Efficacy and Safety of Tegoprazan in Patients with Erosive Gastroesophageal Reflux Disease - A Multi-country, Prospective, Randomized, Double-Blind, Active-Controlled, Parallel-Group Study // *Japanese Journal of Gastroenterology*. 2025. № 11 (1). P. 1 – 10. DOI:10.52338/jjogastro.2025.4829
18. Lee K.N., Lee O.Y., Chun H.J., Kim J.I., Kim S.K., Lee S.W., Park K.S., Lee K.L., Choi S.C., Jang J.Y., Kim G.H., Sung I.K., Park M.I., Kwon J.G., Kim N., Kim J.J., Lee S.T., Kim H.S., Kim K.B., Lee Y.C., Choi M.G., Lee J.S., Jung H.Y., Lee K.J., Kim J.H., Chung H. Randomized controlled trial to evaluate the efficacy and safety of fexuprazan compared with esomeprazole in erosive esophagitis // *World journal of gastroenterology*. 2022. № 28 (44). P. 6294 – 6309. DOI:10.3748/wjg.v28.i44.6294

References

1. Shklyayev A.E., Dudarev M.V. Gastroesophageal reflux disease: diagnostics, drug treatment, balneotherapy. *Archives of Internal Medicine*. 2022. No. 12 (3). P. 195 – 202. DOI: 10.20514/2226-6704-2022-12-3-195-202
2. GBD 2019 Stroke Collaborators. Global, regional, and national burden of stroke and its risk factors, 1990-2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *The Lancet. Neurology*. 2021. No. 20 (10). P. 795 – 820. DOI:10.1016/S1474-4422(21)00252-0
3. Wickramasinghe N., Devanarayana N.M. Insight into the global burden of gastroesophageal reflux disease: Understanding its reach and impact. *World journal of gastrointestinal pharmacology and therapeutics*. 2025. No. 16 (1). P. 97918. DOI:10.4292/wjgpt.v16.i1.97918
4. Andreev D.N., Maev I.V., Bordin D.S., Abdulhakov S.R., Shaburov R.I., Sokolov F.S. Prevalence of gastroesophageal reflux disease in Russia: a meta-analysis of population-based studies. *Therapeutic archive*. 2024. No. 96 (8). P. 751 – 756. DOI: 10.26442/00403660.2024.08.202807
5. Starostin B.D. Modern approaches to the treatment of gastroesophageal reflux disease. *Russian Journal of Gastroenterology, Hepatology, Proctology*. 2019. No. 29 (1). P. 7 – 16. DOI: 10.22416/1382-4376-2019-29-1-7-16
6. Tsukanov V.V., Vasyutin A.V., Tonkikh Yu.L. Modern aspects of diagnosis and treatment of refractory gastroesophageal reflux disease. *Doctor.Ru*. 2022. No. 21 (6). P. 35 – 40. DOI:10.31550/1727-2378-2022-21-6-35-40
7. Mu Y., Zhou Y., Zhang X., Shao Y. Exploring the mechanisms and targets of proton pump inhibitors-induced osteoporosis through network toxicology, molecular docking, and molecular dynamics simulations. *Frontiers in pharmacology*. 2025. No. 16. P. 1592048. DOI:10.3389/fphar.2025.1592048
8. Andrawes M., Andrawes W., Das A., Siau K. Proton Pump Inhibitors (PPIs)-An Evidence-Based Review of Indications, Efficacy, Harms, and Deprescribing. *Medicina (Kaunas, Lithuania)*. 2025. No. 61 (9). P. 1569. DOI:10.3390/medicina61091569
9. Nguyen H.T., Vaghefi A., Khan T. Efficacy of Potassium-Competitive Acid Blockers in Functional Dyspepsia: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Gastroenterology research*. 2025. No. 18 (5). P. 232 – 238. DOI:10.14740/gr2059
10. Koo T.H., Fass R. A systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials: the role of potassium-competitive acid blockers in endoscopy-negative reflux disease. *Digestive and liver disease: official journal of the Italian Society of Gastroenterology and the Italian Association for the Study of the Liver*. 2025. No. 57 (9). P. 1752 – 1760. DOI:10.1016/j.dld.2025.04.045
11. Isakov V., Goncharov A. Breaking barriers in the first-line *Helicobacter pylori* treatment: Chinese multicenter trial validates vonoprazan-based triple therapy. *World journal of gastroenterology*. 2025. No. 31 (40). P. 112312. DOI:10.3748/wjg.v31.i40.112312

12. Ivashkin V.T., Lapina T.L., Maev I.V., Drapkina O.M., Kozlov R.S., Sheptulin A.A., Trukhmanov A.S., Abdulkhakov S.R., Alekseeva O.P., Alekseenko S.A., Andreev D.N., Bordin D.S., Dekhnich N.N., Klyaritskaya I.L., Korochanskaya N.V., Osipenko M.F., Poluektova E.A., Sarsenbaeva A.S., Simanenkova V.I., Tkachev A.V., Ulyanin A.I., Khlynov I.B., Tsukanov V.V. Clinical guidelines of the Russian Gastroenterological Association, the Scientific Community for the Promotion of Clinical Study of the Human Microbiome, the Russian Society for the Prevention of Non-Communicable Diseases, and the Interregional Association for Clinical Microbiology and Antimicrobial Chemotherapy for the Diagnosis and Treatment of *H. pylori* in Adults. Russian Journal of Gastroenterology, Hepatology, and Coloproctology. 2022. No. 32 (6). P. 72–93. DOI:10.22416/1382-4376-2022-32-6-72-93
13. Choi H.S., Kim M.S., Yu M.H., You J., Seon D., Ko G., Unno T., Lee M.Y., Kim Y.S. Long-term Effects of Potassium-competitive Acid Blockers and Proton Pump Inhibitors on Gastrin, Gastric Emptying Rate, and Small Intestinal Microbiota in Rats. Journal of neurogastroenterology and motility. 2025. No. 31 (3). P. 384 – 395. DOI:10.5056/jnm25024
14. Kim Y.S., Lim H., Cha B., Kim S.H., Jung D.H., Kim S.J., Choi S.C. From Trials to Practice: Exploring the Clinical Value of Potassium-competitive Acid Blockers. Journal of neurogastroenterology and motility. 2025. No. 31 (3). P. 401 – 402. DOI:10.5056/jnm25099
15. Laine L., DeVault K., Katz P., Mitev S., Lowe J., Hunt B., Spechler S. Vonoprazan Versus Lansoprazole for Healing and Maintenance of Healing of Erosive Esophagitis: A Randomized Trial. Gastroenterology. 2023. No. 164 (1). P. 61 – 71. DOI:10.1053/j.gastro.2022.09.041
16. Hussaini H., Kebede T.M., Afework T.S., Kumari D., Fadeyi O., Chaudhari S.S., Habib I., Hirani S. Comparative Efficacy and Safety of Tegoprazan Versus Proton Pump Inhibitors for Erosive Esophagitis: A Systematic Review and Meta-Analysis. Cureus. 2025. No. 17 (5). P.e83302. DOI:10.7759/cureus.83302
17. Agarwal P., Jha B.K., Somagoni J., Dawra S., Chakilam S.K., Wani S.R., Banerjee R., Patel R., Shan-kar B.R., Song G.S. Efficacy and Safety of Tegoprazan in Patients with Erosive Gastroesophageal Reflux Disease - A Multi-country, Prospective, Randomized, Double-Blind, Active-Controlled, Parallel-Group Study. Japanese Journal of Gastroenterology. 2025. № 11 (1). P. 1 – 10. DOI:10.52338/jjogastro.2025.4829
18. Lee K.N., Lee O.Y., Chun H.J., Kim J.I., Kim S.K., Lee S.W., Park K.S., Lee K.L., Choi S.C., Jang J.Y., Kim G.H., Sung I.K., Park M.I., Kwon J.G., Kim N., Kim J.J., Lee S.T., Kim H.S., Kim K.B., Lee Y.C., Choi M.G., Lee J.S., Jung H.Y., Lee K.J., Kim J.H., Chung H. Randomized controlled trial to evaluate the efficacy and safety of fexuprazan compared with esomeprazole in erosive esophagitis. World journal of gastroenterology. 2022. № 28 (44). P. 6294 – 6309. DOI:10.3748/wjg.v28.i44.6294

Информация об авторах

Бразжникова А.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-4483-8019>, Институт клинической медицины, Самарский государственный медицинский университет, 443099, Самарская обл., г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89, brazhnikova_alina@bk.ru

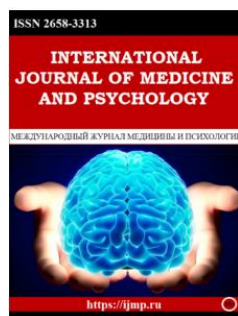
Магомедова И.П., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-7330-7307>, Институт клинической медицины, Саратовский государственный медицинский университет имени В.И Разумовского, 410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, д. 112, Medova.indi@gmail.com

Мирзошарипова А.У., врач медицинской профилактики, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-2525-5387>, Старополтавская центральная районная больница, 404210, Волгоградская обл., с. Старая Полтавка, ул. Ерусланская, д. 148, aliya.mirzosharipova@gmail.com

Борлакова Т.К., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-9572-234X>, Северо-Кавказская государственная академия, 369001, Карачаево-Черкесская респ., г. Черкесск, ул. Ставропольская, д. 36, tanzilyaborlakova2005@gmail.com

Хисамова А.В., врач по медицинской профилактике, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0773-5426>, Городская поликлиника № 5, подразделение: Региональный центр общественного здоровья и медицинской профилактики, 625049, Тюменская обл., г. Тюмень, ул. Московский тракт, д. 35а, yamaewaav@mail.ru

© Бразжникова А.А., Магомедова И.П., Мирзошарипова А.У., Борлакова Т.К., Хисамова А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 616.366-002.2-089.87

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-95-103

¹ Бахарева Т.С.,

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Лапароскопическая холецистэктомия после чрескожного дренирования: клинические вызовы и хирургические решения

Аннотация: цель исследования: оценить влияние уровня С-реактивного белка (СРБ) и временного интервала между чрескожным дренированием желчного пузыря (ЧДЖП) и лапароскопической холецистэктомией (ЛХЭ) на сложность оперативного вмешательства и послеоперационные исходы у пациентов с острым калькулёзным холециститом II степени тяжести. **Материалы и методы.** Проведено ретроспективное исследование на базе хирургического отделения Центральной клинической больницы г. Махачкалы, в которое включены 20 пациентов, лечившихся в период с января 2022 по март 2024 года. Всем пациентам первоначально выполнялось ЧДЖП под ультразвуковым контролем, а в последующем – ЛХЭ. Анализировались демографические, клинические и лабораторные показатели, а также интраоперационные и послеоперационные исходы. Статистическая обработка данных выполнялась с использованием пакета IBM SPSS Statistics 26.0. **Результаты.** Установлено, что пациенты с уровнем СРБ ≥ 150 мг/л и интервалом ≥ 28 дней между ЧДЖП и ЛХЭ чаще имели признаки технически сложного вмешательства (42,9% и 33,3% соответственно), что сопровождалось увеличением продолжительности операции, объёма кровопотери и сроков послеоперационной госпитализации ($p < 0,05$). Многофакторный анализ подтвердил независимую прогностическую значимость уровня СРБ и длительности интервала как факторов риска сложности ЛХЭ. ROC-анализ показал высокую предсказательную ценность СРБ ($AUC=0,83$) и удовлетворительную прогностическую значимость интервала между вмешательствами ($AUC=0,78$). **Выводы.** Уровень СРБ и длительность интервала между ЧДЖП и ЛХЭ являются независимыми предикторами технической сложности лапароскопической холецистэктомии. Оптимальным сроком выполнения операции является период не позднее 4 недель после дренирования. Значимость проведённого исследования заключается в выявлении комплексного прогностического значения системных маркёров воспаления и временных факторов, что позволяет улучшить стратификацию риска и повысить качество планирования хирургической тактики у пациентов с острым калькулёзным холециститом.

Ключевые слова: острый калькулёзный холецистит, чрескожное дренирование желчного пузыря, лапароскопическая холецистэктомия, С-реактивный белок, факторы риска

Для цитирования: Бахарева Т.С. Лапароскопическая холецистэктомия после чрескожного дренирования: клинические вызовы и хирургические решения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 95 – 103. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-95-103

Поступила в редакцию: 2 марта 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Bakhareva T.S.,**
¹ St. Petersburg State Pediatric Medical University

Laparoscopic cholecystectomy after percutaneous drainage: clinical challenges and surgical solutions

Abstract: the aim of the study was to evaluate the effect of C-reactive protein (CRP) levels and the time interval between percutaneous gallbladder drainage and laparoscopic cholecystectomy on the complexity of surgical intervention and postoperative outcomes in patients with grade II acute calculous cholecystitis. **Materials and methods.** A retrospective study was conducted at the surgical department of the Central Clinical Hospital of Makhachkala, which included 20 patients treated between January 2022 and March 2024. All patients initially underwent CPR under ultrasound control, and subsequently underwent LCE. Demographic, clinical, and laboratory parameters, as well as intraoperative and postoperative outcomes, were analyzed. Statistical data processing was performed using the IBM SPSS Statistics 26.0 package. **Results.** It was found that patients with a CRP level ≥ 150 mg/l and an interval ≥ 28 days between CJP and CCE were more likely to have signs of technically complex intervention (42.9% and 33.3%, respectively), which was accompanied by an increase in the duration of surgery, the volume of blood loss and the duration of postoperative hospitalization ($p < 0.05$). Multifactorial analysis confirmed the independent prognostic significance of the CRP level and interval duration as risk factors for the complexity of LHE. The ROC analysis showed a high predictive value of CRP (AUC=0.83) and satisfactory prognostic significance of the interval between interventions (AUC=0.78). **Conclusions.** The level of CRP and the duration of the interval between CJP and CCE are independent predictors of the technical complexity of laparoscopic cholecystectomy. The optimal duration of the operation is no later than 4 weeks after drainage. The significance of the study is to identify the complex prognostic value of systemic markers of inflammation and temporal factors, which makes it possible to improve risk stratification and improve the quality of surgical planning in patients with acute calculous cholecystitis.

Keywords: acute calculous cholecystitis, percutaneous drainage of the gallbladder, laparoscopic cholecystectomy, C-reactive protein, risk factors

For citation: Bakhareva T.S. Laparoscopic cholecystectomy after percutaneous drainage: clinical challenges and surgical solutions. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 95 – 103. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-95-103

The article was submitted: March 2, 2026; Approved after reviewing: May 1, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Лапароскопическая холецистэктомия в последние десятилетия прочно заняла позицию «золотого стандарта» в лечении хронического калькулёзного холецистита, так как её внедрение позволило существенно сократить сроки госпитализации, ускорить восстановление пациентов и снизить частоту послеоперационных осложнений [1]. В России ежегодно выполняется более 150 тысяч лапароскопических холецистэктомий, что составляет свыше 80% всех операций на желчном пузыре, тогда как в мире эта цифра достигает более 1,5 миллионов вмешательств ежегодно, отражая глобальную тенденцию к минимально инвазивной хирургии [17].

Лапароскопическая холецистэктомия рассматривается как актуальное направление последующего хирургического ведения пациентов, подвергшихся чрескожному дренированию желчного пузыря в условиях тяжелого острого холецистита и характеризующихся повышенным операционным риском, что фиксируется в ряде публикаций [2-4]. Методика чрескожного дренирования, впервые описанная в начале 1980-х годов, в ряде источников интерпретируется как временная альтернатива экстренной операции, предоставляющая возможность клинической стабилизации состояния пациента перед осуществлением радикального лечения [5, 14, 16], при этом переход к лапароскопической холецистэктомии после выполнения дренирования выявляет совокупность технических трудностей, детерминированных формированием воспалительных спаек, деформацией анатомических соотношений и повышенным риском повреждения желчных протоков [7], что получает выражение в фиксируемой необходимости конверсии в открытую операцию в 5-12% случаев и в более высокой частоте интраоперационных осложнений по сравнению с плановой лапароскопической холецистэктомией [2, 8, 10].

Совершенствование лапароскопических технологий и развитие современных методов гемостаза и визуализации рассматриваются как факторы, обеспечивающие расширение показаний к минимально инвазивным вмешательствам, включая выполнение операций у пациентов с острым холециститом после дренирования [9-12]. Вместе с тем сохраняется проблематика, связанная с определением оптимальных сроков проведения холецистэктомии после дренирования и с формированием эффективных стратегий профилактики послеоперационных осложнений [13], при этом указанные аспекты в литературе рассматриваются как недостаточно освещенные, что обосновывает необходимость проведения дальнейших клинических исследований [15].

Цель настоящего исследования заключается в систематическом оценивании влияния временного интервала между чрескожным дренированием и выполнением лапароскопической холецистэктомии, а также уровня С-реактивного белка, на степень сложности оперативного вмешательства и на ранние послеоперационные исходы у контингента пациентов с острым калькулезным холециститом.

Материалы и методы исследований

Ретроспективное исследование осуществлено в хирургическом отделении Центральной клинической больницы г. Махачкалы, где в пределах ежегодной отчетности фиксируется оказание специализированной медицинской помощи более чем 250 пациентам с острым холециститом. В анализ были включены 20 больных, проходивших лечение в период с января 2022 по март 2024 года. Все пациенты предварительно предоставили письменное информированное согласие на участие в исследовании. В исследование были включены больные с острым калькулезным холециститом II степени тяжести, которым первоначально выполнялось чрескожное дренирование желчного пузыря (ЧДЖП), а в последующем – лапароскопическая холецистэктомия (ЛХЭ). Изучаемые данные включали возраст, пол, индекс массы тела, сопутствующие заболевания, показатели по классификации Российского общества анестезиологов (RSA), лабораторные исследования и периоперационные исходы. Критериями исключения являлись: отсутствие выполнения ЛХЭ после ЧДЖП или её отсрочка более чем на 8 недель, наличие камней в общем желчном протоке, острый холецистит I или III степени, отсутствие клинического ответа на дренирование, а также потеря пациента для наблюдения в промежутке между ЧДЖП и ЛХЭ.

Пациенты, имеющие противопоказания к немедленному хирургическому вмешательству (например, приём антикоагулянтов) или высокий риск осложнений при экстренной операции, вначале подвергались чрескожному дренированию под ультразвуковым контролем. Процедура выполнялась двумя хирургами с опытом более 60 подобных манипуляций в год. В качестве инструмента использовался катетер 8-Fr или 10-Fr с самофиксацией. Улучшение состояния определялось по купированию болевого синдрома и нормализации лабораторных показателей.

В дальнейшем пациенты получали антибактериальную терапию и поддерживающее лечение. При отсутствии положительной динамики в течение 48-72 часов рассматривалась возможность ранней операции. В соответствии с TG18, лапароскопическая холецистэктомия выполнялась в течение 4-8 недель после дренирования.

Сложная ЛХЭ определялась как вмешательство с продолжительностью более 120 минут, необходимостью конверсии в открытую операцию или значимой кровопотерей свыше 150 мл.

Для статистической обработки применялось программное обеспечение IBM SPSS Statistics 26.0 (IBM Corp., США). Демографические и клинические характеристики представлялись в виде среднего значения $\pm$ стандартного отклонения или частоты (%). Переменные с уровнем значимости $p < 0,1$ в одномерном анализе включались в многофакторный логистический регрессионный анализ. Пороговые значения определялись по кривым ROC с использованием индекса Юдена.

Результаты и обсуждения

В исследование вошли 20 пациентов, среди которых 12 (60,0%) были мужчинами и 8 (40,0%) – женщинами. Средний возраст обследованных составил $57,4 \pm 12,6$ года. В зависимости от степени сложности лапароскопической холецистэктомии (ЛХЭ) после чрескожного дренирования пациенты были разделены на две группы: группа сложной ЛХЭ ($n = 6$; 30,0%) и группа несложной ЛХЭ ($n = 14$; 70,0%).

Средний интервал между чрескожным дренированием и выполнением лапароскопической холецистэктомии оказался достоверно выше у пациентов со сложным вмешательством по сравнению с пациентами без признаков технической сложности ($42,8 \pm 15,3$ против $26,7 \pm 11,9$ дня соответственно; $p = 0,04$). Сводные демографические и клинические характеристики пациентов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика групп пациентов (n=20).

Table 1

Comparative characteristics of patient groups (n=20).

Переменная	Сложная ЛХЭ (N=6)	Несложная ЛХЭ (N=14)	P
Возраст, лет	59.2 (11.4)	56.7 (13.2)	0.65
Пол (мужской)	4 (66.7%)	8 (57.1%)	0.72
Интервал между дренированием и ЛХЭ, дней	42.8 (15.3)	26.7 (11.9)	0.04
RSA (I/II/III/IV)	1/3/2/0	4/7/3/0	0.68
ИМТ, кг/м ²	25.1 (3.2)	24.7 (3.5)	0.81
Лейкоциты, 10 ⁹ /л	11.2 (4.3)	10.8 (3.9)	0.77
СРБ, мг/л	165.3 (62.5)	92.4 (55.8)	0.03
Общий билирубин, мкмоль/л	28.6 (19.2)	27.1 (18.4)	0.84
Прямой билирубин, мкмоль/л	14.8 (11.5)	13.9 (12.7)	0.91
АЛТ, Ед/л	72.5 (88.4)	68.2 (95.7)	0.88
АСТ, Ед/л	61.3 (74.1)	59.7 (82.3)	0.92
Альбумин, г/л	33.1 (5.2)	35.4 (6.1)	0.41
Операции на верхних отделах живота в анамнезе, %	2 (33.3%)	3 (21.4%)	0.64
Коморбидность, %			
- Сахарный диабет	1 (16.7%)	2 (14.3%)	
- Гипертония	1 (16.7%)	2 (14.3%)	
- Сердечно-сосудистые заболевания	1 (16.7%)	1 (7.1%)	
- Заболевания органов дыхания	0 (0%)	1 (7.1%)	
- Неврологические проблемы	0 (0%)	1 (7.1%)	
Толщина стенки ЖП, мм	5.4 (2.1)	5.1 (2.3)	0.73
Ударный камень, n (%)	2 (33.3%)	4 (28.6%)	0.81
Перихолецистозная жидкость, n (%)	2 (33.3%)	3 (21.4%)	0.59

Примечание* Значения были представлены в виде среднего $\pm S$ EM или n (%); RSA – Российское общество анестезиологов; АЛТ – аланинаминотрансфераза; АСТ – аспаратаминотрансфераза; СРБ – С-реактивный белок; ИМТ – индекс массы тела.

Note* Values were presented as mean $\pm$ EM or n (%); RSA – Russian Society of Anesthesiologists; ALT – alanine aminotransferase; AST – aspartate aminotransferase; CRP – C-reactive protein; BMI – body mass index.

Следует отметить, что в однофакторном анализе вероятность сложной лапароскопической холецистэктомии (ЛХЭ) после чрескожного дренирования значимо зависела от интервала между вмешательствами и уровня С-реактивного белка (СРБ). Удлинение временного промежутка между дренированием и операцией увеличивало риск сложного вмешательства (ОШ: 1,09; 95% ДИ: 1,01-1,21; $p=0,041$). Аналогично, рост уровня СРБ был связан с повышенной вероятностью технических трудностей (ОШ: 1,04; 95% ДИ: 1,01-1,07; $p=0,018$).

При многофакторном анализе оба показателя сохраняли независимую значимость. Интервал между дренированием и ЛХЭ оставался предиктором сложности (ОШ: 1,06; 95% ДИ: 1,01-1,12; $p=0,037$), тогда как высокий уровень СРБ также был достоверно ассоциирован с риском сложной операции (ОШ: 1,03; 95% ДИ: 1,01-1,05; $p < 0,05$).

ROC-анализ подтвердил прогностическую ценность СРБ (рис. 1). Площадь под кривой составила 0,83, а оптимальным пороговым значением было определено 150 мг/л. При разделении пациентов по этому критерию выявлено: среди пациентов с СРБ < 150 мг/л сложная ЛХЭ выполнена у 1 из 13 (7,7%), тогда как при СРБ ≥ 150 мг/л сложные вмешательства потребовались у 3 из 7 (42,9%) ($p=0,048$).

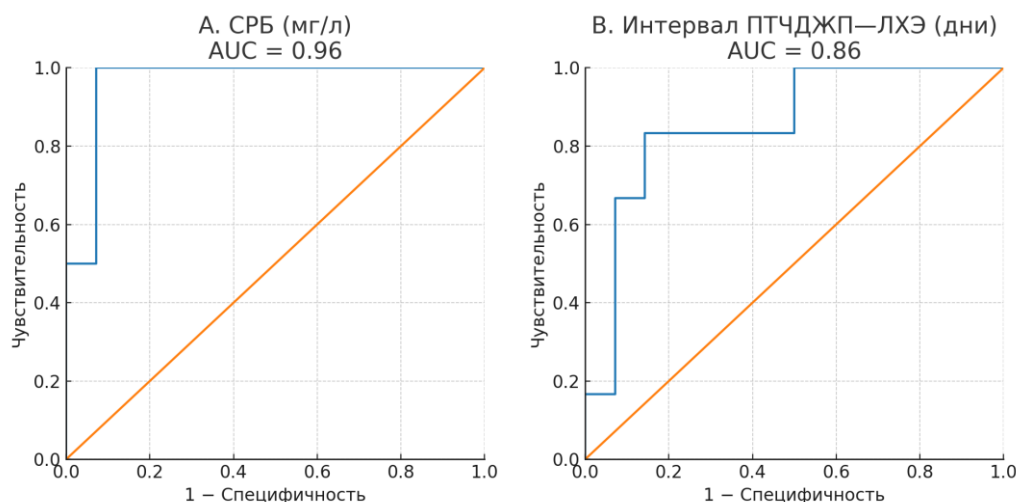

Рис. 1. ROC-кривые для предсказания сложности лапароскопической холецистэктомии: (А) уровень С-реактивного белка (СРБ); (В) временной интервал между чрескожным дренированием и выполнением ЛХЭ.
Fig. 1. ROC curves for predicting the complexity of laparoscopic cholecystectomy: (A) the level of C-reactive protein (CRP); (B) the time interval between percutaneous drainage and LCE.

Пациенты с более высоким СРБ также имели большие интраоперационные потери крови (в среднем 42 ± 36 мл против 14 ± 10 мл; $p=0,03$), продолжительность операции у них была выше (92 ± 31 против 66 ± 23 мин; $p=0,02$), а послеоперационный койко-день был длиннее ($7,5 \pm 5,0$ против $4,8 \pm 3,1$ суток; $p=0,04$). Общая госпитализация у этих пациентов составила в среднем $17,6 \pm 6,9$ против $13,2 \pm 5,0$ дней ($p < 0,05$).

В двух случаях у пациентов с высоким СРБ выполнена конверсия в открытую операцию. Различий в частоте ранних послеоперационных осложнений между группами не выявлено (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ интраоперационных параметров и исходов послеоперационного периода у пациентов с низким и высоким уровнем СРБ.

Table 2

Comparative analysis of intraoperative parameters and postoperative outcomes in patients with low and high levels of CRP.

Переменная	Итого, N=20	Несложная ЛХЭ (<150 мг/л), N=14	Сложная ЛХЭ (≥ 150 мг/л), N=6	P
Сложность ЛХЭ, n (%)	4 (20.0)	1 (7.7)	3 (42.9)	0.04
Кровопотеря, мл	24.1 (32.5)	14.2 (11.3)	42.6 (36.8)	0.02
Время операции, мин	76.3 (29.7)	66.1 (22.4)	91.8 (31.2)	0.03
Конверсия в открытую хирургию, n (%)	2 (10.0)	0 (0)	2 (28.6)	0.05
Послеоперационные осложнения, n (%)	3 (15.0)	2 (15.4)	1 (14.3)	0.92
Подтекание желчи	1 (5.0)	1 (7.7)	0 (0)	
Раневая инфекция	1 (5.0)	1 (7.7)	0 (0)	
Абсцесс/жидкость брюшной полости	1 (5.0)	0 (0)	1 (14.3)	
Продолжительность послеоперационного пребывания, д	5.9 (3.8)	4.8 (3.1)	7.2 (4.5)	0.04
Общая продолжительность госпитализации, д	15.2 (6.4)	13.4 (5.0)	17.6 (6.9)	0.03

При этом, ROC-анализ, проведённый для оценки прогностической значимости интервала между чрескожным дренированием и лапароскопической холецистэктомией, показал значение $AUC = 0,78$, что указывает на удовлетворительную точность модели. Оптимальное пороговое значение оказалось равным 28 дням.

Пациенты были распределены в зависимости от данного порога на подгруппы: с коротким интервалом (<28 дней) и с удлинённым интервалом (≥ 28 дней). В подгруппе с более продолжительным интервалом частота сложных вмешательств достигала 33,3%, тогда как при коротком интервале лишь 8,3% операций проходили с признаками технической сложности ($p=0,047$) (табл. 3).

Таблица 3

Интраоперационные и послеоперационные показатели в зависимости от длительности интервала между дренированием и ЛХЭ.

Table 3

Intraoperative and postoperative indicators depending on the duration of the interval between drainage and LCE.

Переменная	Итого, N=20	Короткий интервал (<28 дн), N=14	Длинный интервал (≥ 28 дн), N=6	P
Сложность ЛХЭ, n (%)	4 (20.0)	1 (8.3)	3 (33.3)	0.047
Кровопотеря, мл	25.7 (21.4)	18 (12)	36 (27)	0.03
Время операции, мин	78.6 (24.2)	71 (19)	89 (25)	0.04
Конверсия в открытую хирургию, n (%)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	-
Послеоперационные осложнения, n (%)	2 (10.0)	0 (0)	2 (25.0)	0.08
Раневая инфекция	1 (5.0)	0 (0)	1 (12.5)	
Субфебрилитет	1 (5.0)	0 (0)	1 (12.5)	
Продолжительность послеоперационного пребывания, д	5.6 (3.0)	5.1 (2.7)	6.4 (3.2)	0.12

Кроме того, у пациентов с коротким интервалом отмечалась меньшая средняя кровопотеря (18 ± 12 мл против 36 ± 27 мл) и сокращённое время хирургического вмешательства (71 ± 19 мин против 89 ± 25 мин). Средняя продолжительность послеоперационного пребывания также была несколько ниже ($5,1 \pm 2,7$ дня против $6,4 \pm 3,2$ дня) (табл. 3).

В анализируемой выборке факт конверсии в открытую операцию не зафиксирован ни в одной из изученных групп, что представлено как отрицание наличия данного исхода в пределах доступной выборки и подлежит интерпретации в рамках оценки частоты осложнений хирургического вмешательства в исследуемой когорте. В подгруппе с удлинённым интервалом зафиксировано возникновение двух эпизодов легких послеоперационных осложнений, а именно раневой инфекции и субфебрилитета, которые не потребовали выполнения повторных хирургических вмешательств и были купированы посредством консервативной терапии, что представляет собой характеристику клинической легкой тяжести и эффективности немедикаментозно-хирургического менеджмента в указанных случаях.

По результатам исследования осуществляется обоснование положения о том, что уровень С-реактивного белка и длительность интервала между дренированием и холецистэктомией выступают в качестве независимых факторов риска технической сложности вмешательства, что фиксируется посредством процедур статистического анализа и подлежит интерпретации как детерминанта операционной трудоемкости. У пациентов с СРБ ≥ 150 мг/л и при интервале ≥ 28 дней отмечалось более частое проявление технических затруднений, что сопровождалось увеличением объема кровопотери и удлинением продолжительности операции, что представляет собой констатацию связи между маркерами воспаления, временными параметрами лечения и операционно-техническими исходами.

Ng и коллеги [10] также продемонстрировали наличие связи между повышением уровня маркера воспаления и технической сложностью вмешательства, а также с частотой конверсий, что выступает как подтверждение воспроизводимости выявляемой зависимости в иных когортах. Полученные в настоящем исследовании данные находятся в соответствии с указанными наблюдениями, при этом зарегистрированная в настоящей выборке частота конверсий оказалась меньшей, что может быть обусловлено ограниченностью объема выборки и уровнем опыта оперирующих хирургов, что должно быть учтено при интерпретации сопоставимости результатов.

В исследовании Altieri и соавт. [12] фиксируется ассоциация проведения лапароскопической холецистэктомии в первые 8 недель после дренирования с повышенным уровнем послеоперационных осложнений, тогда как в настоящей работе наблюдение удлинения интервала более 28 дней коррелировало с возрастанием частоты сложных оперативных вмешательств и послеоперационных проблем, при этом выявляемое различие интерпретируется как обусловленное различиями критериев включения и выраженной гетерогенностью когорты пациентов.

В представленном материале частота конверсий в открытую операцию носила единичный характер и не превышала 10%, что сопоставимо с данными отечественных исследований [1, 2], при этом в когорте пациентов с удлинённым интервалом чаще фиксировались незначительные послеоперационные осложнения, такие как инфекции раны и субфебрилитет, которые не потребовали повторных вмешательств и были купированы в рамках консервативной терапии.

Научно-практическая ценность исследования определяется выполнением комплексной оценки системных маркеров воспаления в сочетании с анализом временного интервала между этапами лечения и, в противоположность ряду зарубежных публикаций, акцентирование внимания на совокупности указанных факторов позволило продемонстрировать их независимую прогностическую значимость для хирургического исхода.

Полученные данные обосновывают рекомендательное положение о выполнении лапароскопической холецистэктомии после чрескожного дренирования желчного пузыря в оптимальные временные рамки, которые в практическом аспекте определяются как не позднее 4 недель от момента дренирования, при этом предлагается использование уровня С-реактивного белка в качестве дополнительного критерия при выборе тактической линии; необходимость проведения проспективных исследований с увеличенными когортами пациентов детерминирована задачей уточнения оптимального временного окна и задачей разработки интегрированной шкалы риска, объединяющей лабораторные и клинические показатели.

Выводы

В настоящем исследовании выявляются ключевые факторы, детерминирующие сложность выполнения лапароскопической холецистэктомии после чрескожного дренирования желчного пузыря, которыми выступают уровень С-реактивного белка и длительность интервала между указанными вмешательствами, при этом пациенты с показателями СРБ ≥ 150 мг/л в сочетании с интервалом ≥ 28 дней характеризуются повышенной частотой проявлений, интерпретируемых как признаки технически сложного вмешательства, выражающихся в увеличении кровопотери и удлинении продолжительности операции, тогда как наличие низкого уровня СРБ и сокращённого интервала сопровождается более благоприятным периоперационным профилем с меньшей частотой осложнений, что в совокупности обосновывает необходимость своевременного осуществления лапароскопической холецистэктомии преимущественно в пределах 4 недель после дренирования. Перспективы развития исследовательского направления заключаются в осуществлении расширенных проспективных исследований с крупными выборками и в разработке комплексных прогностических шкал, учитывающих совокупность лабораторных и клинических факторов, с целью уточнения критериев отбора и оптимизации тактических решений.

Список источников

1. Уханов А.П., Чахмахчев С.Р., Игнатьев А.И. и др. Использование лапароскопической холецистэктомии в лечении деструктивных форм острого холецистита // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 2010. Т. 169. № 2. С. 15 – 19.
2. Емельянов С.И., Матвеев Н.Л., Ходос Г.В. Эндовидеохирургические технологии в лечении желчнокаменной болезни и ее осложненных форм // Избранные лекции по эндовидеохирургии / под ред. В.Д. Федорова. СПб.: ООО «Фирма Коста», 2004. С. 39 – 48.
3. Майстренко Н.А., Стукалов В.В., Шейко С.Б. Острый холецистит: проблемы и пути решения // Вестник хирургии. 2004. № 5. С. 140.
4. Lyu Y., Wang B. Predictors of the Difficulty of Laparoscopic Cholecystectomy After Percutaneous Transhepatic Gallbladder Drainage for Grade II Acute Cholecystitis // Surgical Laparoscopy, Endoscopy & Percutaneous Techniques. 2024. Vol. 34. No. 5. P. 479 – 484. DOI: 10.1097/SLE.0000000000001304
5. Wang X., Niu X., Tao P. et al. Comparison of the safety and effectiveness of different surgical timing for acute cholecystitis after percutaneous transhepatic gallbladder drainage: a systematic review and meta-analysis // Langenbeck's Archives of Surgery. 2023. Vol. 408. Art. 125. DOI: 10.1007/s00423-023-02861-0
6. Iwamoto T., Suda T., Inoue T. et al. Postoperative bleeding after percutaneous transhepatic gallbladder drainage and aspiration in patients receiving antithrombotic therapy // PLoS One. 2023. Vol. 18. e0288463. DOI: 10.1371/journal.pone.0288463
7. Tanaka K., Takano Y., Kigawa G. et al. Percutaneous transhepatic gallbladder drainage versus endoscopic gallbladder stenting for managing acute cholecystitis until laparoscopic cholecystectomy // Asian Journal of Endoscopic Surgery. 2024. Vol. 17. e13253. DOI: 10.1111/ases.13253

8. Subramani V.N., Avudaiappan M., Yadav T.D. et al. Outcome following percutaneous transhepatic biliary drainage (PTBD) in carcinoma gallbladder: a prospective observational study // *Journal of Gastrointestinal Cancer*. 2022. Vol. 53. P. 543 – 548. DOI: 10.1007/s12029-021-00655-5
9. Di Martino M., Mora-Guzmán I., Jodra V.V. et al. How to Predict Postoperative Complications After Early Laparoscopic Cholecystectomy for Acute Cholecystitis: the Chole-Risk Score // *Journal of Gastrointestinal Surgery*. 2021. Vol. 25. P. 2814 – 2822.
10. Ng H.J., Ahmed Z., Khan K.S. et al. C-reactive protein level as a predictor of difficult emergency laparoscopic cholecystectomy // *BJS Open*. 2019. Vol. 3. P. 641 – 645.
11. Lyu Y., Li T., Wang B. et al. Early laparoscopic cholecystectomy after percutaneous transhepatic gallbladder drainage for acute cholecystitis // *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. P. 2516 – 2522.
12. Altieri M.S., Yang J., Yin D. et al. Early cholecystectomy (≤ 8 weeks) following percutaneous cholecystostomy tube placement is associated with higher morbidity // *Surgical Endoscopy*. 2020. Vol. 34. P. 3057 – 3063.
13. Di Buono G., Romano G., Galia M. et al. Difficult laparoscopic cholecystectomy and preoperative predictive factors // *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. P. 2559.
14. Kalata S., Thumma J.R., Norton E.C. et al. Comparative safety of robotic-assisted vs. laparoscopic cholecystectomy // *JAMA Surgery*. 2023. Vol. 158. P. 1303 – 1310. DOI: 10.1001/jamasurg.2023.4389
15. Jiang B., Ye S. Pharmacotherapeutic pain management in patients undergoing laparoscopic cholecystectomy: a review // *Advances in Clinical and Experimental Medicine*. 2022. Vol. 31. P. 1275 – 1288. DOI: 10.17219/acem/151995
16. Guzmán-Calderón E., Chacaltana A., Díaz-Arocutipa C. et al. EUS-guided gallbladder drainage vs. percutaneous transhepatic drainage in patients with acute cholecystitis: a systematic review and meta-analysis // *Revista de Gastroenterología del Perú*. 2022. Vol. 42. P. 163 – 170. DOI: 10.47892/rgp.2022.423.1375
17. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2026)

References

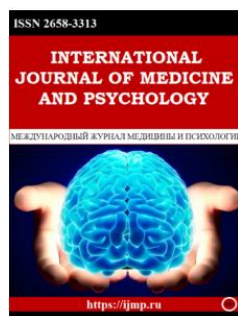
1. Ukhanov A.P., Chakhmakhchev S.R., Ignatiev A.I., et al. Use of laparoscopic cholecystectomy in the treatment of destructive forms of acute cholecystitis. *Grekov Surgery Bulletin*. 2010. Vol. 169. No. 2. P. 15 – 19.
2. Emelianov S.I., Matveev N.L., Khodos G.V. Endovideosurgical technologies in the treatment of cholelithiasis and its complicated forms. *Selected lectures on endovideosurgery*. edited by V.D. Fedorov. St. Petersburg: Firma Costa, LLC, 2004. P. 39 – 48.
3. Maistrenko N.A., Stukalov V.V., Sheiko S.B. Acute cholecystitis: problems and solutions. *Bulletin of Surgery*. 2004. No. 5. P. 140.
4. Lyu Y., Wang B. Predictors of the Difficulty of Laparoscopic Cholecystectomy After Percutaneous Transhepatic Gallbladder Drainage for Grade II Acute Cholecystitis. *Surgical Laparoscopy, Endoscopy & Percutaneous Techniques*. 2024. Vol. 34. No. 5. P. 479 – 484. DOI: 10.1097/SLE.0000000000001304
5. Wang X., Niu X., Tao P. et al. Comparison of the safety and effectiveness of different surgical timing for acute cholecystitis after percutaneous transhepatic gallbladder drainage: a systematic review and meta-analysis. *Langenbeck's Archives of Surgery*. 2023. Vol. 408. Art. 125. DOI: 10.1007/s00423-023-02861-0
6. Iwamoto T., Suda T., Inoue T. et al. Postoperative bleeding after percutaneous transhepatic gallbladder drainage and aspiration in patients receiving antithrombotic therapy. *PLoS One*. 2023. Vol. 18.e0288463. DOI: 10.1371/journal.pone.0288463
7. Tanaka K., Takano Y., Kigawa G. et al. Percutaneous transhepatic gallbladder drainage versus endoscopic gallbladder stenting for managing acute cholecystitis until laparoscopic cholecystectomy. *Asian Journal of Endoscopic Surgery*. 2024. Vol. 17.e13253. DOI: 10.1111/ases.13253
8. Subramani V.N., Avudaiappan M., Yadav T.D. et al. Outcome following percutaneous transhepatic biliary drainage (PTBD) in gallbladder carcinoma: a prospective observational study. *Journal of Gastrointestinal Cancer*. 2022. Vol. 53. P. 543 – 548. DOI: 10.1007/s12029-021-00655-5
9. Di Martino M., Mora-Guzmán I., Jodra V.V. et al. How to Predict Postoperative Complications After Early Laparoscopic Cholecystectomy for Acute Cholecystitis: the Chole-Risk Score. *Journal of Gastrointestinal Surgery*. 2021. Vol. 25. P. 2814 – 2822.
10. Ng H.J., Ahmed Z., Khan K.S. et al. C-reactive protein level as a predictor of difficult emergency laparoscopic cholecystectomy. *BJS Open*. 2019. Vol. 3. P. 641 – 645.
11. Lyu Y., Li T., Wang B. et al. Early laparoscopic cholecystectomy after percutaneous transhepatic gallbladder drainage for acute cholecystitis. *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. P. 2516 – 2522.

12. Altieri M.S., Yang J., Yin D. et al. Early cholecystectomy (≤ 8 weeks) following percutaneous cholecystostomy tube placement is associated with higher morbidity. *Surgical Endoscopy*. 2020. Vol. 34. P. 3057 – 3063.
13. Di Buono G., Romano G., Galia M. et al. Difficult laparoscopic cholecystectomy and preoperative predictive factors. *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. P. 2559.
14. Kalata S., Thumma J.R., Norton E.C. et al. Comparative safety of robotic-assisted vs. laparoscopic cholecystectomy. *JAMA Surgery*. 2023. Vol. 158. P. 1303 – 1310. DOI: 10.1001/jamasurg.2023.4389
15. Jiang B., Ye S. Pharmacotherapeutic pain management in patients undergoing laparoscopic cholecystectomy: a review. *Advances in Clinical and Experimental Medicine*. 2022. Vol. 31. P. 1275 – 1288. DOI: 10.17219/acem/151995
16. Guzmán-Calderón E., Chacaltana A., Díaz-Arocutipa C. et al. EUS-guided gallbladder drainage vs. Percutaneous transhepatic drainage in patients with acute cholecystitis: a systematic review and meta-analysis. *Revista de Gastroenterología del Peru*. 2022. Vol. 42. P. 163 – 170. DOI: 10.47892/rgp.2022.423.1375
17. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru> (date of access: 20.01.2026)

Информация об авторе

Бахарева Т.С., Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

© Бахарева Т.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616-092

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-104-111

¹ Соломанина О.О.,

¹ Шепелев А.А.,

¹ Агапова О.В.,

¹ Евстегнеева Э.И.,

¹ Пензенский государственный университет

Паранеопластические синдромы: особенности механизмов развития

Аннотация: у онкологических больных нередко регистрируются клинические проявления, не связанные с прямым метастатическим поражением органов. Эти гетерогенные состояния, обозначаемые как паранеопластические синдромы (ПНС), опосредованы иммунными и гуморальными механизмами, действующими дистантно от опухоли. Патогенетической основой ПНС в большинстве случаев выступает дисрегуляция иммунного ответа, индуцированная опухолевыми клетками, реже – эктопическая продукция гормонов и биологически активных соединений новообразованием. В статье обобщены сведения об особенностях формирования паранеопластических синдромов, рассмотрены триггерные механизмы (эктопическая экспрессия нейрональных антигенов, посттрансляционная модификация белков с появлением неопептидов, амплификация генов), роль кишечной микробиоты и микроокружение опухоли с формированием третичных лимфоидных структур, которые являются критическим звеном, связывающим локальный злокачественный процесс с системными аутоиммунными проявлениями. Кроме того, проанализированы эффекторные пути: Т-клеточно-опосредованная цитотоксичность, антителозависимые механизмы (прямая блокада рецепторов, активация комплемента, ADCC), а также эндокринные и гуморальные механизмы. Отдельное внимание уделено клиническим признакам ПНС, позволяющим дифференцировать их от метастатического поражения. Цель работы – систематизировать современные данные о молекулярно-клеточных механизмах развития паранеопластических синдромов с позиций патологической физиологии иммунной системы.

Ключевые слова: паранеопластические синдромы, патогенез, онкогематологические антитела, аутоиммунитет, иммунная толерантность, эктопическая экспрессия, противоопухолевый иммунитет

Для цитирования: Соломанина О.О., Шепелев А.А., Агапова О.В., Евстегнеева Э.И. Паранеопластические синдромы: особенности механизмов развития // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 104 – 111. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-104-111

Поступила в редакцию: 4 марта 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Solomanina O.O.,

¹ Shepelev A.A.,

¹ Agapova O.V.,

¹ Evstegneeva E.I.,

¹ Penza State University Medical Institute

Paraneoplastic syndromes: features of the mechanisms of development

Abstract: cancer patients often have clinical manifestations that are not associated with direct metastatic organ damage. These heterogeneous conditions, referred to as paraneoplastic syndromes (PNS), are mediated by immune and humoral mechanisms acting distantly from the tumor. The pathogenetic basis of the PNS in most cases is dysregulation of the immune response induced by tumor cells, less often ectopic production of hormones and biologically active compounds by a neoplasm. The article summarizes information about the features of the formation of paraneoplastic syndromes, discusses trigger mechanisms (ectopic expression of neuronal antigens, posttranslational modification of proteins with the appearance of neoepitopes, gene amplification), the role of the intestinal microbiota and the tumor microenvironment with the formation of tertiary lymphoid structures, which are a critical link linking the local malignant process with systemic autoimmune manifestations. In addition, effector pathways were analyzed: T-cell-mediated cytotoxicity, antibody-dependent mechanisms (direct receptor blockade, complement activation, ADCC), as well as endocrine and humoral mechanisms. Special attention is paid to the clinical signs of PNS, which make it possible to differentiate them from metastatic lesions. The aim of the work is to systematize modern data on the molecular and cellular mechanisms of the development of paraneoplastic syndromes from the standpoint of the pathological physiology of the immune system.

Keywords: paraneoplastic syndromes, pathogenesis, onconeural antibodies, autoimmunity, immune tolerance, ectopic expression, antitumor immunity

For citation: Solomanina O.O., Shepelev A.A., Agapova O.V., Evstegneeva E.I. Paraneoplastic syndromes: features of development mechanisms. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 104 – 111. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-104-111

The article was submitted: March 4, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Термин «паранеопластический» имеет греческое происхождение и означает «рядом с новообразованием». Патогенетический механизм этого феномена заключается в следующем. У пациента, страдающего онкологическим заболеванием, возникают новые клинические проявления, локализация которых не совпадает с расположением первичной опухоли и не обусловлена метастатическим поражением тканей или компрессией органов. Этиологическим фактором выступают гуморальные и иммунологические эффекты, реализующиеся на расстоянии от неоплазии [1].

Частота встречаемости паранеопластических синдромов относительно невысока. При солидных новообразованиях она составляет менее 1 % случаев. В то же время при тимоме и мелкоклеточном раке легкого данный показатель вариabельно повышается, достигая 15-20 %. В настоящее время ПНС выявляются все чаще. Данная тенденция может объясняться как совершенствованием методов диагностики, так и объективным ростом заболеваемости злокачественными новообразованиями [2, 3].

Актуальности изучения ПНС определяется как минимум тремя ключевыми аспектами:

1. Паранеопластические синдромы представляют собой уникальную природную модель. При классических аутоиммунных заболеваниях этиологический триггер часто остается неизвестным, тогда как в случае ПНС исходный стимул очевиден – опухолевый процесс, а ткани-мишени поддаются идентификации. Это позволяет поэтапно изучать механизмы нарушения иммунологической толерантности [4].

2. Паранеопластические синдромы в 60-70 % случаев манифестируют ранее клинического выявления первичной опухоли. Это придает им значимый диагностический потенциал и делает ПНС важным маркером для своевременного обнаружения злокачественных новообразований [5].

3. Понимание механизмов паранеопластических синдромов необходимо для разработки патогенетически обоснованной терапии и оценки рисков, связанных с применением иммуноонкологических методов лечения [6].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили публикации в отечественных и зарубежных журналах, посвященные проблеме патогенеза, диагностики и клинических аспектов паранеопластических синдромов. Анализ научной базы позволил оценить молекулярно-клеточные механизмы развития ПНС, включая эктопическую экспрессию нейрональных антигенов, посттрансляционные модификации белков, амплификацию генов, роль кишечной микробиоты, формирование третичных лимфоидных структур в микроокружении опухоли, а также эффекторные механизмы.

Дополнительно были проанализированы клинические исследования и статьи, рассматривающие временную связь ПНС с опухолевым процессом, серологическую диагностику онкоаневральных антител, ответ на иммунотерапию в зависимости от локализации антигена-мишени. Использование данных источников позволило систематизировать современные представления о патогенезе ПНС с позиций патологической физиологии иммунной системы.

Методологическую основу исследования составили принципы системного анализа и синтеза данных. Глубина анализа охватила как фундаментальные патофизиологические механизмы, так и клиничко-лабораторные корреляции. Для структурирования информации был применен сравнительно-описательный метод.

Результаты и обсуждения

Триггерные механизмы

В физиологических условиях иммунная система не проявляет агрессии по отношению к собственным тканям благодаря действию механизмов иммунологической толерантности. Однако на фоне злокачественного роста эта толерантность нарушается. Ключевую роль в этом процессе играет геномная нестабильность опухолевых клеток, чья ДНК постоянно претерпевает различные изменения. В современной литературе описаны три основных пусковых механизма, инициирующих развитие паранеопластических синдромов [7].

1. Эктопическая экспрессия нейрональных антигенов.

Некоторые белки в норме экспрессируются исключительно в тканях нервной системы (например, семейство *Hu*, *CDR2*, *CRMP5*). В таких условиях они остаются вне досягаемости иммунного надзора, поскольку центральная нервная система обладает относительной иммунологической привилегией. При онкологических заболеваниях ситуация меняется: опухолевые клетки (особенно при мелкоклеточном раке легкого и нейробластоме) начинают продуцировать эти типичные для нервной системы белки, хотя в норме этого не происходит. Встречаясь с ними впервые, иммунная система воспринимает их как чужеродные. Далее дендритные клетки захватывают данные антигены и представляют их Т-лимфоцитам, которые не прошли негативную селекцию на соответствующие антигены в тимусе. Как результат, развивается агрессивный Т-клеточный ответ, ошибочно направленный также против неповрежденных нервных структур [8].

2. Посттрансляционная модификация и появление неоэпитопов.

В некоторых ситуациях антиген не является принципиально новым, однако его пространственная структура меняется. Наиболее показательным примером служит белок *HuD* (известный онкоаневральный антиген *anti-Hu*). В норме его поврежденная форма восстанавливается ферментом *PIMT* (пептидил-изомеразаметилтрансферазой). В клетках мелкоклеточного рака легкого этот фермент либо отсутствует, либо работает недостаточно эффективно. Вследствие этого в опухоли накапливается модифицированный белок *HuD* с остатками изоаспарагиновой кислоты. Иммунная система, впервые сталкиваясь с таким измененным антигеном, реагирует выработкой антител, которые впоследствии перекрестно реагируют с нормальным *HuD* в нервной ткани, что клинически манифестирует как паранеопластический энцефаломиелит [9].

3. Амплификация генов и гиперпродукция белка.

Увеличение числа копий генов (амплификация) ведет к значительному усилению синтеза соответствующего белка. Иммунная система способна регистрировать избыточное количество антигена, что приводит к срыву толерантности. Например, опухоли, продуцирующие в больших количествах белок реоверин (при раке легкого или молочной железы), могут инициировать Т-хелперный ответ против этого антигена. В дальнейшем иммунный процесс распространяется на клетки сетчатки глаза, проявляясь клинически как рак-ассоциированная ретинопатия [7, 10].

Роль кишечной микробиоты

Согласно современным представлениям, паранеопластические синдромы развиваются не только под влиянием опухолевых антигенов. Накоплены научные данные, свидетельствующие о том, что состав кишечной микробиоты также способен модулировать риск возникновения ПНС [1].

Одним из ключевых путей реализации этого влияния является регуляция функциональной активности регуляторных Т-лимфоцитов. Отдельные представители комменсальной микрофлоры, включая *Bacteroides*

fragilis, поддерживают супрессорный потенциал Treg, необходимый для подавления аутоиммунных реакций против собственных тканей. Снижение численности таких бактерий ведет к ослаблению Treg-опосредованного контроля, в результате чего даже минимальный пусковой сигнал (например, небольшое новообразование) может инициировать каскад ПНС [11].

Кроме того, важную роль может играть продукция короткоцепочечных жирных кислот (SCFA) и других метаболитов, влияющих на проницаемость кишечного эпителия. Повышение проницаемости слизистой оболочки кишечника способствует транслокации бактериальных антигенов в системный кровоток, что провоцирует системное воспаление и повышает риск перекрестной иммунной реактивности [7, 11].

Прямых исследований на человеке пока недостаточно, но уже получены косвенные подтверждения. Установлено, что у онкологических пациентов, находящихся на иммунотерапии ингибиторами контрольных точек, тяжесть иммуноопосредованных нежелательных явлений коррелирует с таксономическим профилем кишечной микробиоты. В частности, у носителей *Bifidobacterium* spp. или *Akkermansia muciniphila* реже регистрируются тяжелые неврологические и миоцитарные осложнения, клинически напоминающие спонтанные ПНС [12].

Микроокружение опухоли и третичные лимфоидные структуры

Развитие паранеопластического иммунного ответа невозможно не только без продукции «нервных» антигенов самой опухолью, но и без их адекватной презентации иммунокомпетентным клеткам. Для этого необходимо специфическое микроокружение, которое формируется в зоне злокачественного роста (TME – Tumour Microenvironment). Одним из ключевых событий в TME является образование вторичных лимфоидных структур, обозначаемых как третичные лимфоидные структуры (ТЛС). Они возникают в строме новообразования в условиях хронического воспаления. ТЛС напоминают по своей организации классические лимфатические узлы: внутри них присутствуют зрелые дендритные клетки, выполняющие функцию антиген-презентирующих, а также популяции В- и Т-лимфоцитов. Именно в ТЛС, локализованных в непосредственной близости от опухолевого узла, происходит первичное распознавание онкогенных антигенов. Дендритные клетки, захватывая эти антигены, мигрируют в ТЛС и представляют их наивным Т-лимфоцитам, запустив тем самым антиген-специфический иммунный ответ [13, 14].

Указанные процессы объясняют несколько характерных особенностей паранеопластических синдромов:

1) В условиях хронической антигенной стимуляции в ТЛС наблюдается пролиферация ограниченного числа клонов В-лимфоцитов, что приводит к продукции относительно небольшого набора специфических антител [15].

2) Образующиеся в ТЛС антитела относятся преимущественно к классу IgG, что указывает на переключение изотипов и формирование зрелого гуморального ответа [13].

3) Синтезированные в ТЛС IgG поступают в системный кровоток и благодаря своей способности проникать через гистогематические барьеры (в частности, гематоэнцефалический и гематоретинальный) достигают тканей-мишеней, вызывая их повреждение [14].

Эффекторные механизмы

Долгое время в научной среде преобладала точка зрения, согласно которой антитела выступают лишь в роли пассивных маркеров и не обладают самостоятельным повреждающим потенциалом – главным образом потому, что их проникновение внутрь живой клетки затруднено. Действительно, при паранеопластических синдромах, ассоциированных с анти-Нш или анти-Уо, антитела выполняют преимущественно роль меток поврежденной ткани. Основным ущерб в таких случаях наносят цитотоксические CD8⁺ Т-лимфоциты, действующие как киллерные клетки. В пользу этой концепции свидетельствуют следующие факты: в очагах поражения обнаруживаются Т-клетки с экспрессией перфорина и гранзимов, а также регистрируется массивная гибель нейронов. При этом плазмаферез не дает клинически значимого терапевтического эффекта [16, 17].

У пациенток с тератомой яичника были выявлены антитела к NMDA-рецептору. Данное открытие внесло свои изменения в представления о патогенезе паранеопластических синдромов. Оказалось, что при локализации антигена на поверхности клетки антитела способны напрямую связываться с ним без необходимости проникновения внутрь клетки. В условиях NMDA-энцефалита указанные антитела индуцируют перекрестное связывание и интернализацию рецепторов, следствием чего становится обратимое снижение их плотности на постсинаптической мембране. У таких больных оперативное удаление опухоли и плазмаферез, как правило, не сопровождаются осложнениями, несмотря на исходную тяжесть клинической симптоматики [18, 19]. Описанные выше данные представлены в табл. 1.

Таблица 1
Патофизиологическая классификация ПНС в зависимости от локализации антигена-мишени.
Table 1
Pathophysiological classification of PNS based on the localization of the target antigen.

Тип антигена	Локализация	Примеры антител	Предполагаемый механизм	Ответ на иммунотерапию
Классические онко-невральные (внутриклеточные)	Цитоплазма, ядро нейрона	Anti-Hu, Yo, Ri	Т-клеточно-опосредованный апоптоз (CD8+ CTL)	Слабый, неэффективный
Синаптические (поверхностные)	Клеточная мембрана, рецепторы	Anti-NMDAR, VGCC, AChR	Прямая блокировка рецепторов или их интернализация (антителозависимый механизм)	Хороший (плазмаферез, В-клеточная деплеция)

Помимо рассмотренных выше механизмов, существует еще два процесса, имеющих важное патогенетическое значение.

Первый – активация системы комплемента. Связывание антитела с поверхностными структурами клетки запускает каскад реакций, кульминацией которой является формирование мембраноатакующего комплекса, что в конечном счете приводит к лизису клетки. Этот механизм хорошо изучен на примере паранеопластической миастении: в мышечной ткани таких пациентов обнаруживаются фрагменты комплемента – C3 и C5b-9 [20].

Второй механизм – антителозависимая клеточная цитотоксичность (ADCC). В этом процессе ключевую роль играют НК-клетки, экспрессирующие на своей поверхности рецептор CD16. Последний связывается с антителами, уже фиксированными на клетке-мишени, после чего НК-клетка инициирует ее гибель через перфориновый механизм, сходный с таковым у цитотоксических Т-лимфоцитов. Значимость этого пути заключается в том, что при некоторых вариантах ПНС (например, при поражении периферических нервов) собственные Т-клетки в тканях практически отсутствуют, тогда как НК-клеток оказывается достаточно. Именно они могут выступать в роли главных эффекторных элементов [21].

Эндокринные и гуморальные механизмы

В патогенезе паранеопластических синдромов также участвуют эндокринные и гуморальные механизмы. Выделяют варианты ПНС, обусловленные продукцией опухолевой тканью различных биологически активных соединений. Одним из наиболее изученных примеров служит синтез адренокортикотропного гормона клетками мелкоклеточного рака легкого, что ведет к формированию синдрома Иценко-Кушинга. Другой хорошо охарактеризованный феномен – продукция антидиуретического гормона (АДГ) опухолью, которая клинически манифестирует как синдром неадекватной секреции АДГ (SIADH) и сопровождается гипонатриемией. Системное влияние провоспалительных цитокинов лежит в основе таких проявлений, как кахексия, лихорадка и анорексия, нередко сопровождающих злокачественные новообразования. Ключевую роль в этом процессе играют фактор некроза опухоли альфа, интерлейкин-1 и интерлейкин-6. Источником этих молекул может служить как сама опухоль, так и активированные в ответ на нее иммунные клетки микроокружения [22, 23].

Клинические признаки ПНС

Дифференциальная диагностика паранеопластических синдромов представляет собой непростую задачу, поскольку их клинические проявления нередко сходны с таковыми при метастатическом поражении или токсических эффектах химиотерапии. Тем не менее существует ряд характерных признаков, позволяющих врачу заподозрить именно ПНС [1].

1. Острота начала.

Одной из отличительных черт ПНС является острое или подострое развитие симптоматики. Метастатические очаги, напротив, чаще формируются постепенно, на протяжении нескольких месяцев. Хотя из каждого правила возможны исключения, темп нарастания неврологического дефицита представляет собой важный диагностический ориентир [5].

2. Диссеминированный характер поражения.

При паранеопластических синдромах патологический процесс, как правило, не ограничивается поражением одного нерва или одного корешка. Типичными примерами служат двустороннее повреждение мозжечка, развитие симметричной полинейропатии или энцефаломиелита с множественными очагами разной локализации [1].

3. Серологическая диагностика.

Лабораторное выявление специфических онконевральных антител (anti-Hu, anti-Yo, anti-NMDA) существенно повышает вероятность ПНС. Однако отрицательный результат такого тестирования не позволяет полностью исключить диагноз, поскольку чувствительность существующих методов не достигает 100 % [24].

4. Временная связь с опухолью.

ПНС нередко манифестируют за 1-2 года до момента клинического обнаружения первичного новообразования. Это, с одной стороны, создает известные диагностические трудности. С другой стороны, ранний иммунный ответ против опухолевых антигенов служит благоприятным прогностическим признаком, поскольку свидетельствует о достаточно медленном росте опухоли и активно функционирующей противоопухолевой защите [5].

5. Регресс после удаления опухоли.

У части пациентов хирургическое удаление новообразования сопровождается регрессом паранеопластических проявлений. Данный феномен наиболее характерен для синдромов, ассоциированных с антителами к поверхностным антигенам (NMDA, AChR). При Т-клеточно-опосредованных вариантах (анти-Hu, анти-Yo) регресс симптомов после удаления опухоли выражен в меньшей степени [17, 25].

Выводы

Паранеопластические синдромы демонстрируют, каким образом локальный патологический процесс (опухоль) инициирует системные эффекты. Патогенез ПНС складывается из трех обязательных компонентов: наличие опухоли-триггера с геномной нестабильностью и измененной экспрессией антигенов; нарушение механизмов центральной и периферической толерантности, часто реализующееся через формирование третичных лимфоидных структур в микроокружении опухоли; осуществление эффекторного механизма (Т-клеточного или антителозависимого), приводящего к повреждению нормальных тканей. Перспективы дальнейших исследований включают поиск прогностических биомаркеров, позволяющих заблаговременно идентифицировать пациентов с высоким риском развития тяжелых паранеопластических синдромов на фоне иммунотерапии, а также разработку терапевтических стратегий, направленных на элиминацию опухоли без повреждения собственных тканей организма.

Список источников

1. Котов С.В., Исакова Е.В. Современные подходы к диагностике паранеопластических неврологических синдромов // Нервные болезни. 2022. № 2. С. 8 – 14.
2. Антонова М.В., Гришин М.А. Прогностическое значение паранеопластических синдромов при мелкоклеточном раке легкого // Пульмонология. 2024. Т. 34. № 2. С. 212 – 219.
3. Ласкин Г.А., Тюляндин С.А. Паранеопластические синдромы при солидных опухолях // Практическая онкология. 2021. Т. 22. № 3. С. 187 – 194.
4. Kyewski B., Klein L. A central role for central tolerance // Annual Review of Immunology. 2006. Vol. 24. P. 571 – 606.
5. Михайлова Н.М., Петрова Е.А. Дифференциальная диагностика паранеопластических и метастатических поражений нервной системы // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2024. Т. 16. № 1. С. 67 – 73.
6. Кузьмина Е.Г., Новик А.А. Иммуноterapia рака и риск паранеопластических синдромов // Российский биотерапевтический журнал. 2024. Т. 23. № 1. С. 34 – 40.
7. Гуцин А.Е., Караулов А.В. Молекулярная мимикрия и срыв иммунной толерантности при паранеопластических синдромах // Российский аллергологический журнал. 2023. Т. 20. № 2. С. 156 – 164.
8. Matsuoka T., Okada M., Yamada T. et al. Ectopic expression of onconeural antigens in small-cell lung cancer // Cancer Research. 2007. Vol. 67. № 18. P. 8680 – 8688.
9. Pulido M., Messiaen J., Honnorat J. Isoaspartylation: a post-translational modification triggering autoimmunity in paraneoplastic neurological syndromes // Cell Stress & Chaperones. 2024. Vol. 29. № 2. P. 145 – 156.
10. Баранов А.Н., Козлов В.А. Роль эктопической экспрессии тканеспецифичных антигенов в патогенезе паранеопластических синдромов // Иммунология. 2022. Т. 43. № 4. С. 412 – 420.
11. Волкова Л.И., Смирнов А.В. Микробиота кишечника и аутоиммунные осложнения у онкологических больных // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2023. № 5. С. 89 – 95.
12. Тюляндина А.С., Круглова Ю.В. Иммуноопосредованные нежелательные явления при применении ингибиторов контрольных точек // Современная онкология. 2024. Т. 26. № 1. С. 32 – 39.

13. Шаповалов А.А., Кузнецов С.В. Третичные лимфоидные структуры в микроокружении опухоли // Российский иммунологический журнал. 2024. Т. 27. № 2. С. 201 – 210.
14. de Chazal I., Goc J., Al-Taei S. et al. Tertiary lymphoid structures in paraneoplastic syndromes // Nature Reviews Immunology. 2024. Vol. 24. № 2. P. 98 – 114.
15. Гусев Е.Ю., Черешнев В.А. Системное воспаление и микроокружение опухоли // Патологическая физиология и экспериментальная терапия. 2023. Т. 67. № 1. С. 5 – 15.
16. Козлов В.А., Новикова И.А. Т-регуляторные клетки и паранеопластическая аутоиммунизация // Российский иммунологический журнал. 2023. Т. 26. № 3. С. 311 – 318.
17. Сергеева Н.А., Фролова Е.П. Современные подходы к лечению паранеопластических неврологических синдромов // Фарматека. 2023. Т. 30. № 6. С. 78 – 84.
18. Федорова Е.А., Новик А.А. Анти-NMDA рецепторный энцефалит: паранеопластический вариант у молодых женщин // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. 2023. Т. 17. № 1. С. 54 – 60.
19. Dalmau J., Tüzün E., Wu H.Y. et al. Paraneoplastic anti-NMDA receptor encephalitis associated with ovarian teratoma // Annals of Neurology. 2007. Vol. 61. № 1. P. 25 – 36.
20. Захарова М.Н., Соколов Е.И. Роль комплемента в повреждении тканей при паранеопластических синдромах // Иммунопатология, аллергология, инфектология. 2022. № 4. С. 25 – 31.
21. Tanaka K., Tanaka M., Inuzuka T. et al. Cytotoxic T cells in paraneoplastic neurological syndromes // Brain. 2006. Vol. 129. № 12. P. 3208 – 3220.
22. Ермакова Н.А., Зырянов С.К. Паранеопластические эндокринные синдромы в онкологии // Онкоэндокринология. 2023. Т. 1. № 1. С. 11 – 18.
23. Симбирцев А.С. Цитокины в патогенезе паранеопластических синдромов // Медицинская иммунология. 2021. Т. 23. № 5. С. 1011 – 1024.
24. Григорьева Н.Ю., Старостина Е.Г. Онконевральные антитела в диагностике паранеопластических синдромов // Клиническая лабораторная диагностика. 2023. Т. 68. № 3. С. 145 – 150.
25. Зубицкая Я.В., Соколова Т.Н. Паранеопластические синдромы в практике невролога и онколога // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2023. Т. 123. № 4. С. 24 – 30.

References

1. Kotov S.V., Isakova E.V. Modern approaches to the diagnosis of paraneoplastic neurological syndromes. Nerve diseases. 2022. No. 2. P. 8 – 14.
2. Antonova M.V., Grishin M.A. Prognostic value of paraneoplastic syndromes in small cell lung cancer. Pulmonology. 2024. Vol. 34. No. 2. P. 212 – 219.
3. Laskin G.A., Tyulyandin S.A. Paraneoplastic syndromes in solid tumors. Practical oncology. 2021. Vol. 22. No. 3. P. 187 – 194.
4. Kyewski B., Klein L. A central role for central tolerance. Annual Review of Immunology. 2006. Vol. 24. P. 571 – 606.
5. Mikhailova N.M., Petrova E.A. Differential Diagnostics of Paraneoplastic and Metastatic Lesions of the Nervous System. Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics. 2024. Vol. 16. No. 1. P. 67 – 73.
6. Kuzmina E.G., Novik A.A. Cancer Immunotherapy and the Risk of Paraneoplastic Syndromes. Russian Journal of Biotherapeutics. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 34 – 40.
7. Gushchin A.E., Karaulov A.V. Molecular Mimicry and Breakdown of Immune Tolerance in Paraneoplastic Syndromes. Russian Journal of Allergology. 2023. Т. 20. No. 2. P. 156 – 164.
8. Matsuoka T., Okada M., Yamada T. et al. Ectopic expression of onconeural antigens in small-cell lung cancer. Cancer Research. 2007. Vol. 67. No. 18. P. 8680 – 8688.
9. Pulido M., Messiaen J., Honnorat J. Isoaspartylation: a post-translational modification triggering autoimmunity in paraneoplastic neurological syndromes. Cell Stress & Chaperones. 2024. Vol. 29. No. 2. P. 145 – 156.
10. Baranov A.N., Kozlov V.A. The Role of Ectopic Expression of Tissue-Specific Antigens in the Pathogenesis of Paraneoplastic Syndromes. Immunology. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 412 – 420.
11. Volkova L.I., Smirnov A.V. Intestinal Microbiota and Autoimmune Complications in Cancer Patients. Experimental and Clinical Gastroenterology. 2023. No. 5. P. 89 – 95.
12. Tyulyanina A.S., Kruglova Yu.V. Immune-Mediated Adverse Events with the Use of Checkpoint Inhibitors. Modern Oncology. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 32 – 39.
13. Shapovalov A.A., Kuznetsov S.V. Tertiary lymphoid structures in the tumor microenvironment. Russian Journal of Immunology. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 201 – 210.

14. de Chazal I., Goc J., Al-Taei S. et al. Tertiary lymphoid structures in paraneoplastic syndromes. *Nature Reviews Immunology*. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 98 – 114.
15. Gusev E.Yu., Chereshev V.A. Systemic inflammation and the tumor microenvironment. *Pathological Physiology and Experimental Therapy*. 2023. Vol. 67. No. 1. P. 5 – 15.
16. Kozlov V.A., Novikova I.A. T-regulatory cells and paraneoplastic autoimmunization. *Russian Journal of Immunology*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 311 – 318.
17. Sergeeva N.A., Frolova E.P. Modern approaches to the treatment of paraneoplastic neurological syndromes. *Pharmateka*. 2023. Vol. 30. No. 6. P. 78 – 84.
18. Fedorova E.A., Novik A.A. Anti-NMDA receptor encephalitis: paraneoplastic variant in young women. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 54 – 60.
19. Dalmau J., Tüzün E., Wu H.Y. et al. Paraneoplastic anti-NMDA receptor encephalitis associated with ovarian teratoma. *Annals of Neurology*. 2007. Vol. 61. No. 1. P. 25 – 36.
20. Zakharova M.N., Sokolov E.I. The role of complement in tissue damage in paraneoplastic syndromes. *Immunopathology, allergology, infectology*. 2022. No. 4. P. 25 – 31.
21. Tanaka K., Tanaka M., Inuzuka T. et al. Cytotoxic T cells in paraneoplastic neurological syndromes. *Brain*. 2006. Vol. 129. No. 12. P. 3208 – 3220.
22. Ermakova N.A., Zyryanov S.K. Paraneoplastic endocrine syndromes in oncology. *Oncoendocrinology*. 2023. Vol. 1. No. 1. P. 11 – 18.
23. Simbirtsev A.S. Cytokines in the pathogenesis of paraneoplastic syndromes. *Medical Immunology*. 2021. Vol. 23. No. 5. P. 1011 – 1024.
24. Grigorieva N.Yu., Starostina E.G. Onconeural antibodies in the diagnosis of paraneoplastic syndromes. *Clinical laboratory diagnostics*. 2023. Vol. 68. No. 3. P. 145 – 150.
25. Zubitskaya Ya.V., Sokolova T.N. Paraneoplastic syndromes in the practice of a neurologist and oncologist. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 2023. T. 123. No. 4. P. 24 – 30.

Информация об авторах

Соломанина О.О., кандидат медицинских наук, доцент, Медицинский институт, Пензенский государственный университет

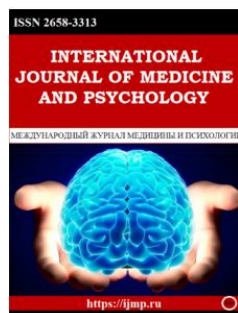
Шепелев А.А., кандидат биологических наук, доцент, Медицинский институт, Пензенский государственный университет

Агапова О.В., Медицинский институт, Пензенский государственный университет

Евстегнеева Э.И., Медицинский институт, Пензенский государственный университет

© Соломанина О.О., Шепелев А.А., Агапова О.В., Евстегнеева Э.И., 2026

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-112-122

¹ Якиманская И.С.,

¹ Оренбургский государственный медицинский университет Минздрава России

Представления о людях с положительным статусом вируса иммунодефицита человека и отношение к ним подростков разного пола

Аннотация: в представленной статье были выявлены и проанализированы различия в представлениях подростков разного пола о людях с положительным статусом вируса иммунодефицита человека и отношении к ним. Исследование проводилось с помощью следующих методик: личностный дифференциал (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева) для выявления отношения к ВИЧ-инфицированным; «Образ ВИЧ-инфицированного» (методика разработана нами) для выявления представления о ВИЧ-инфицированных. Анкета «Человек с положительным статусом ВИЧ» (разработана нами) для уточнения содержания представлений о ВИЧ-инфицированных и отношения к ним. Контингент исследования: выборка из 30 человек: 15 мальчиков и 15 девочек в возрасте от 12 до 14 лет; Исследование проводилось в образовательной организации г. Оренбурга и являлось пилотажным, предназначенным для уточнения возможного углубления в исследуемую проблему. В целом при анализе обнаружилось, что мальчики принимают ВИЧ-положительного как личность, в некоторой степени симпатизируют ему. Показатели по факторам «сила» и «активность» имеют средние значения. По их мнению, он может быть, как склонным рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, так и быть зависимым от внешних обстоятельств и оценок. Мальчики также считают, что положительный ВИЧ-статус не сильно отражается на общительности человека. По сравнению с мальчиками, в выборке девочек по фактору «оценка» между отношением к себе и отношением к ВИЧ-положительным людям достоверных различий нет. По факторам же «сила» и «активность» они были установлены. Все это говорит о том, что девочки не просто воспринимают его как обычного человека, но принимают его как личность, проявляют к нему большую симпатию и заинтересованность, чем мальчики. Мы отметили, что выдвинутая гипотеза о существовании взаимосвязи между представлением о людях с положительным статусом ВИЧ и отношением к ним полностью подтвердилась. Гипотеза же о существовании гендерных различий в представлении и отношении к ВИЧ-инфицированным подтвердилась частично.

Ключевые слова: подростки, мальчики и девочки, люди с положительным статусом вируса иммунодефицита человека (ВИЧ), отношение к людям с положительным статусом ВИЧ, представления о людях с положительным статусом ВИЧ

Для цитирования: Якиманская И.С. Представления о людях с положительным статусом вируса иммунодефицита человека и отношение к ним подростков разного пола // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 112 – 122. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-112-122

Поступила в редакцию: 15 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Yakimanskaya I.S.,

¹ Orenburg State Medical University, Ministry of Healthcare of the Russian Federation

Ideas about people with positive human immunodeficiency virus status and the attitude of adolescents of different genders towards them

Abstract: this article identifies and analyzes differences in adolescents' perceptions of and attitudes toward HIV-positive people. The study was conducted using the following methods: a personality differential (adapted at the Bekhterev Research Institute) to identify attitudes toward HIV-infected people; the "Image of an HIV-Infected Person" (a method developed by us) to identify perceptions of HIV-infected people; and the "HIV-Positive Person" questionnaire (developed by us) to clarify perceptions of and attitudes toward HIV-infected people. Study population: a sample of 30 individuals: 15 boys and 15 girls aged 12 to 14 years; The study, conducted at an educational institution in Orenburg, was a pilot study designed to explore possible further research into the issue under investigation. Overall, the analysis revealed that boys accept HIV-positive individuals as individuals and, to some extent, sympathize with them. The "strength" and "activity" factors were moderate. They believed that they could be either self-reliant in difficult situations or dependent on external circumstances and opinions. Boys also believed that HIV status does not significantly affect a person's sociability. Compared to boys, there were no significant differences between girls' attitudes toward themselves and their attitudes toward HIV-positive individuals in the "evaluation" factor. However, significant differences were found for the "strength" and "activity" factors. All this suggests that girls not only perceive them as ordinary people, but also accept them as individuals and express greater sympathy and interest in them than boys. We noted that the proposed hypothesis about the existence of a relationship between perceptions of HIV-positive people and attitudes towards them was fully confirmed. The hypothesis about the existence of gender differences in perceptions of and attitudes towards HIV-infected people was partially confirmed.

Keywords: adolescents, boys and girls, people positive for the human immunodeficiency virus (HIV), attitudes towards HIV-positive people, perceptions of HIV-positive people

For citation: Yakimanskaya I.S. Ideas about people with positive human immunodeficiency virus status and the attitude of adolescents of different genders towards them. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 112 – 122. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-112-122

The article was submitted: February 15, 2026; Approved after reviewing: April 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В связи с ростом численности носителей ВИЧ-инфекции актуальной становится проблема открытости информации и формирования толерантного отношения в обществе к ВИЧ-инфицированным.

Следует отметить, что исследования в данном направлении ведутся очень активно в настоящее время, причем не только в России, но и за рубежом. Так Бондарчук Н.К. [1] исследовал информированность Российской молодежи о способах передачи ВИЧ/СПИД, а Эрмекова Д.У. и др. [2] провели аналогичное исследование в Кыргызстане. Следует заметить, что уровень информированности формирует отношение к данной проблеме, так Самулев М.В. [3] рассматривает информированность молодежи и ее отношение к инфицированным, а Иванова В.В. [4] исследует отношение студентов Вуза, Юрченко А.Г. [5] описывает и делает анализ отношения общества к ВИЧ-инфицированным в 80-90 годы XX века. Важный аспект анализа – процессы стигматизации и дискриминации ВИЧ-инфицированных, как в обществе (Тугова В.А. [6]), так и в семье (Соколова Н.А. и Пятынина М.Ю. [7]).

Еще одно направление исследование самих ВИЧ-инфицированных, так Калашникова Д.А. и др. [8] описали стигматизацию ВИЧ-инфицированных студентов ВУЗа, Куимова У.А. и др. [9] – гендерные особенности самооценки факторов риска нарушения приверженности лечению и воспринимаемого стресса у пациентов, Беляева В.В. и др. [10] – отношение пациентов к болезни как фактор риска нарушения приверженности лечению. Расширяя тему нарушения приверженности лечению, Тюков Ю.А. и др. [11] исследовал динамику социального статуса ВИЧ-инфицированных пациентов, а Петрова Е.А. и Шилова Е.В. [12] – социально-психологические проблемы формирования ответственного поведения ВИЧ-инфицированных пациентов.

Достаточно много исследований касаются подросткового возраста, Deacon H. et al. [13] рассмотрели аспекты стигматизации в детстве в связи с ВИЧ/СПИД, Hindin M.J., Fatusi A.O. [14] сексуальное и репродуктивное здоровье подростков в развивающихся странах, Pleaner M. et al. [15] – осведомленность и использо-

вание контрацептивов и других услуг в области сексуального и репродуктивного здоровья среди школьников в трех южноафриканских поселках, а Ybanga M. L. et al. [16] – использование Интернета среди угандийских подростков: последствия для профилактики ВИЧ, Badru T. et al. [17] провели исследование комплексных знаний о ВИЧ и распространенности среди молодых подростков в Нигерии. Важным направлением исследований является изучение медико-социальных характеристик ближнего окружения ВИЧ-инфицированных подростков (Магадеев Х.Д., Радзиховская М.В.) [18] и его социально-психологических и семейных особенностей (Султанова А.Н. и др. [19]).

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что данные, полученные в ходе теоретического анализа и экспериментального исследования, могут быть использованы психологами и педагогами для организации работы по просвещению о СПИДе и формированию толерантного отношения к ВИЧ-инфицированным, направленного на те или иные категории населения.

Цель данного исследования – выявить особенности представления о людях с положительным статусом ВИЧ и отношения к ним подростков.

В качестве объекта данного исследования выступает выборка из 30 человек:

- 15 мальчиков и 15 девочек в возрасте от 12 до 14 лет;

Исследование проводилось в образовательной организации г. Оренбурга и являлось пилотажным, предназначенным для уточнения возможного углубления в исследуемую проблему.

Предметом нашего исследования является представление подростков о людях с положительным статусом ВИЧ и отношение к ним.

Гипотезы:

- 1) существуют гендерные различия в представлении о людях с положительным статусом ВИЧ и отношении к ним;
- 2) представление о ВИЧ-инфицированных людях связано с отношением к ним.

Материалы и методы исследований

При проведении экспериментального исследования мы использовали следующие методики:

- 1) личностный дифференциал (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева) для выявления отношения к ВИЧ-инфицированным;
- 2) «Образ ВИЧ-инфицированного» (методика разработана нами) для выявления представления о ВИЧ-инфицированных;
- 3) анкета «Человек с положительным статусом ВИЧ» (разработана нами) для уточнения содержания представлений о ВИЧ-инфицированных и отношения к ним.

Личностный дифференциал мы использовали для выявления отношения к ВИЧ-инфицированным. Он представляет собой набор из 21 биполярной шкалы личностных качеств человека, которые нужно оценить по семибалльной шкале от -3 до 3. Данная методика позволяет оценить отношение к чему-либо по трем факторам – оценка, сила, активность. В каждый фактор входит по семь признаков. В нашем исследовании с помощью личностного дифференциала испытуемому предоставлялось сначала оценить себя, а затем человека с положительным статусом ВИЧ.

К методике прилагалась следующая инструкция: «В предложенных таблицах представлены наиболее распространенные качества человека, которые Вам нужно будет соотнести сначала с тем, каким Вы представляете себя самого, а затем человека с положительным статусом ВИЧ. Положительные значения этих качеств обозначены знаком “+”, а отрицательные – “-”. Их степень оценивается по семибалльной шкале. Порядок работы с методикой очень прост и заключается в следующем:

- 1) выбор знака того или иного качества;
- 2) определение степени его проявления по баллам:
 - а) 3 – проявляется очень сильно и очень часто;
 - б) 2 – выражено достаточно заметно и часто встречается;
 - в) 1 – проявляется иногда и слабо;
 - г) 0 – трудно сказать, есть и то, и другое.

На основе выбранных знаков и степени выраженности качества обведите соответствующую цифру в таблице. Помните, что положительные и отрицательные качества людей, приведенные в таблице, постоянно меняются местами. Поэтому будьте внимательны в своих оценках».

Методика семантического дифференциала «Образ ВИЧ-инфицированного» была разработана нами для выявления представления о людях с положительным статусом ВИЧ. Данная методика составлялась на основании опроса респондентов разного пола и возраста. Она состоит из 47 пар противоположных утвержде-

ний, которые нужно оценить по семибалльной шкале от -3 до 3. В ее основу заложены пять факторов. В фактор «здоровье» входит 6 пар утверждений, в фактор «общение» – 13 пар утверждений, в фактор «перспективы» – 6 пар утверждений, в фактор «нравственные убеждения» – 15 пар утверждений, в фактор «физическая и умственная деятельность» – 7 пар утверждений.

К методике прилагалась следующая инструкция: «Попробуйте представить себе ВИЧ-инфицированного человека. Затем внимательно прочитайте следующие пары противоположных утверждений и выберите, с каким утверждением из каждой пары Вы больше согласны, оценив степень своего согласия по шкале от -3 до 3. При этом если Вы полностью согласны с левым утверждением, то поставьте в графу «Оценка» число -3, если с правым, то число 3. Старайтесь как можно реже выбирать число 0.»

Анкета «Человек с положительным статусом ВИЧ» была так же разработана нами для уточнения содержания представления о ВИЧ-инфицированных и отношения к ним. Она состоит из 10 вопросов – как открытых, так и закрытых. К ней приводится следующая общая инструкция: «Здравствуйте! Вам будут предложены вопросы, связанные с ВИЧ/СПИДом, ответить на которые нужно будет по-разному. Заранее благодарим за участие!» Анализ анкеты проводился по количественным и качественным показателям.

При проведении исследования сразу был оговорен вопрос о конфиденциальности данных. Получено согласие на обследование. Следует отметить, что с подростками исследование проводилось в течение одного урока. Испытуемых сначала знакомили с инструкцией, затем каждый получал бланки методик и должен был заполнить их, ни с кем не советуясь. Методики предъявлялись в следующем порядке:

- 1) анкета «Человек с положительным статусом ВИЧ»;
- 2) семантический дифференциал «Образ ВИЧ-инфицированного»;
- 3) личностный дифференциал.

Для обработки полученных данных были использованы следующие математические методы:

- U-критерий Манна-Уитни;
- коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализ данных проводился с помощью компьютерных программ SPSS STATISTICS 17.0,

Результаты и обсуждения

С помощью методики личностного дифференциала нами было выявлено отношение девочек и мальчиков к себе и к ВИЧ-инфицированным по факторам «оценка», «сила», «активность».

Результаты, полученные в выборке мальчиков, представлены на рис. 1.

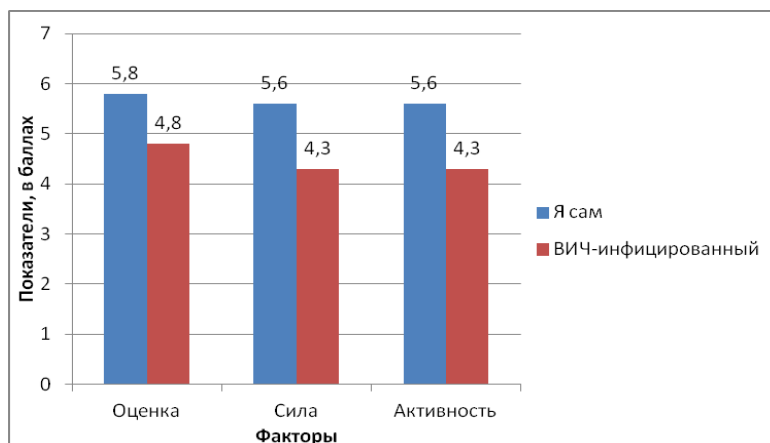

Рис. 1. Особенности отношения к себе и к ВИЧ-инфицированному по факторам личностного дифференциала в выборке мальчиков.

Fig. 1. Features of attitude towards oneself and towards an HIV-infected person according to personal differential factors in a sample of boys.

Как видно из рисунка, самые высокие показатели имеет фактор «оценка». Т.е. мальчики принимают ВИЧ-положительного как личность, в некоторой степени симпатизируют ему. Показатели по факторам «сила» и «активность» имеют средние значения. Это говорит о том, что мальчики не выделяют особо ВИЧ-инфицированного среди других людей. По их мнению, он может быть, как склонным рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, так и быть зависимым от внешних обстоятельств и оценок. Мальчики

также считают, что положительный ВИЧ-статус не сильно отражается на общительности человека. Такое положительно-нейтральное отношение к ВИЧ-инфицированным, возможно, связано с тем, что подростки еще мало слышаны о таком заболевании, у них не было необходимости серьезно задуматься над этим заболеванием.

Однако, в соответствии с табл. 1, отношение мальчиков к себе и к ВИЧ-инфицированным все же достоверно отличается по всем факторам. На рис. 1 это так же видно. Видимо, мальчики все-таки с некоторой осторожностью относятся к ВИЧ-положительным людям.

Таблица 1

Показатели достоверности различий между отношением к себе и отношением к ВИЧ-инфицированным по факторам личностного дифференциала.

Table 1

Indicators of the reliability of differences between attitudes towards oneself and attitudes towards HIV-infected people based on personality differential factors.

Фактор	Значение $U_{\text{эмпирическое}}$	
	Мальчики	Девочки
Оценка	58,5 ($p \leq 0,05$)	81,0
Сила	22,5 ($p \leq 0,01$)	53,0 ($p \leq 0,01$)
Активность	49,5 ($p \leq 0,01$)	52,0 ($p \leq 0,01$)
Обозначения: p – уровень значимости		

Результаты по личностному дифференциалу, полученные в выборке девочек, представлены на рис. 2.

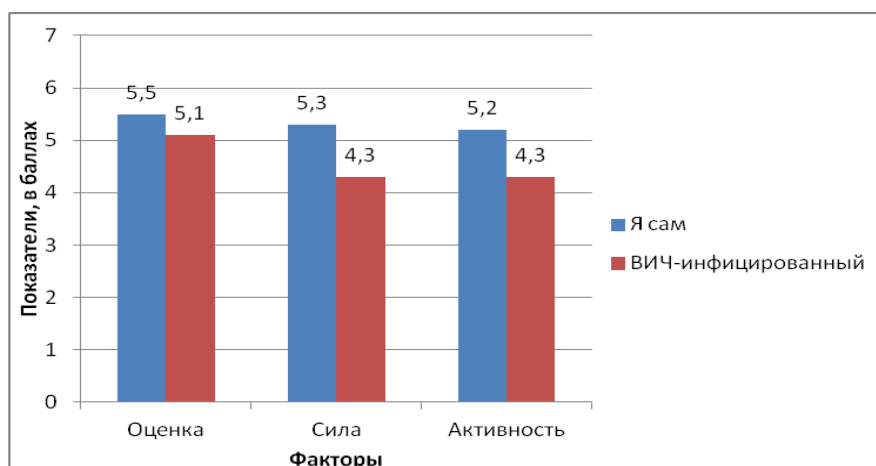

Рис. 2. Особенности отношения к себе и к ВИЧ-инфицированному по факторам личностного дифференциала в выборке девочек.

Fig. 2. Features of attitude towards oneself and towards an HIV-infected person according to personal differential factors in a sample of girls.

Как показывает рисунок, отношение девочек к ВИЧ-инфицированным схоже с отношением к ним мальчиков. А именно, наибольший балл имеет показатель оценки, а факторы силы и активности – средние значения. Однако, стоит отметить, что, по сравнению с мальчиками, в выборке девочек по фактору «оценка» между отношением к себе и отношением к ВИЧ-положительным людям достоверных различий нет. По факторам же «сила» и «активность» они были установлены. Все это говорит о том, что девочки не просто воспринимают его как обычного человека, но принимают его как личность, проявляют к нему большую симпатию и заинтересованность, чем мальчики. Возможно, это связано с тем, что девочки, в силу особенностей своего характера, испытывают большую жалость и сострадание к ВИЧ-инфицированным. Они готовы оказать им поддержку и помочь в решении возникающих у них проблем.

Различия между мужской и женской выборкой также можно проследить по табл. 2.

Таблица 2

Показатели достоверности различий между мужской и женской выборкой по факторам личностного дифференциала и методики «Образ ВИЧ-инфицированного».

Table 2

Reliability indicators of differences between the male and female samples based on personality differential factors and the "Image of an HIV-infected Person" method.

Фактор	Значение $U_{\text{эмпирическое}}$
Оценка	78,0
Здоровье	79,5
Общение	77,5
Перспективы	72,0 ($p \leq 0,05$)
Нравственные убеждения	80,5
Физическая и умственная деятельность	68,0 ($p \leq 0,05$)
Обозначения: p – уровень значимости	

С помощью методики «Образ ВИЧ-инфицированного» мы получили возможность выявить различия в представлениях подростков о людях с положительным статусом ВИЧ по факторам «здоровье», «общение», «перспективы», «нравственные убеждения» и «физическая и умственная деятельность».

Особенности представления мальчиков о ВИЧ-инфицированных наглядно иллюстрирует рис. 3.

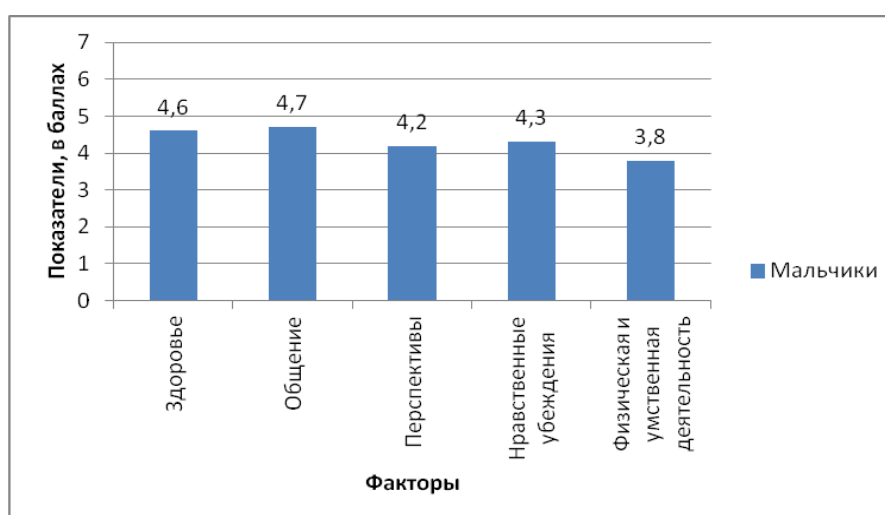

Рис. 3. Распределение представлений о людях с положительным статусом ВИЧ по факторам методики «Образ ВИЧ-инфицированного» в выборке мальчиков.

Fig. 3. Distribution of ideas about people with a positive HIV status according to the factors of the "Image of an HIV-infected person" method in a sample of boys.

Как показывает рисунок, наименьший показатель имеет фактор «физическая и умственная деятельность». Т.е. мальчики считают, что такой человек теряет интерес к жизни, перестает следить за своим внешним видом и поведением, менее ответственно подходит к выполнению какой-либо работы, у него происходит спад интеллектуальной деятельности. Возможно, это связано с предположением мальчиков о том, что внешне человек может пытаться скрыть свою болезнь, но на поведенческом уровне она обязательно отразится.

По факторам же «здоровье», «общение», «перспективы» и «нравственные убеждения» носитель ВИЧ-инфекции в представлениях мальчиков получил средние оценки. Т.е. мальчики считают, что такой человек практически ничем не отличается от других людей. Возможно, это связано с тем, что СПИД они ставят в один ряд с другими заболеваниями.

Особенности представления девочек о ВИЧ-инфицированных представлены на рис. 4.

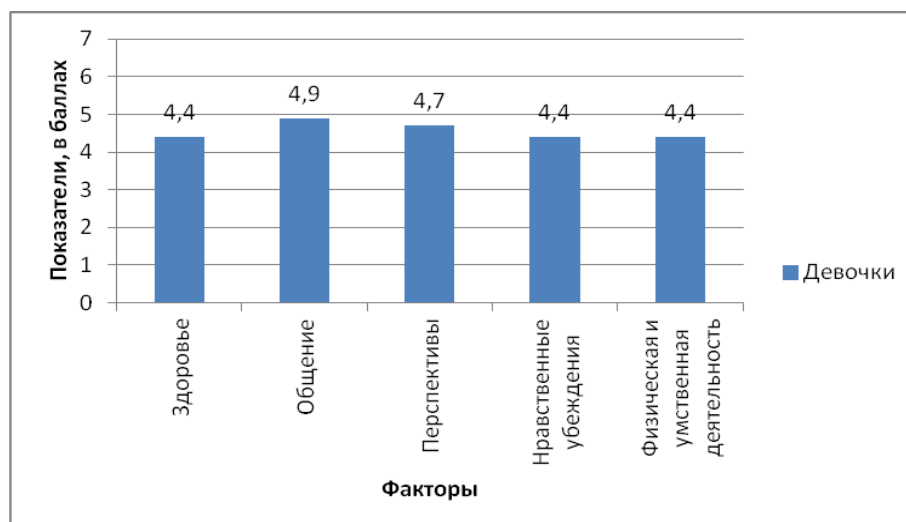

Рис. 4. Распределение представлений о людях с положительным статусом ВИЧ по факторам методики «Образ ВИЧ-инфицированного» в выборке девочек.

Fig. 4. Distribution of ideas about people with a positive HIV status according to the factors of the “Image of an HIV-infected person” method in a sample of girls.

Как видно из рисунка, наибольший балл в выборке девочек имеет фактор «общение». Это говорит о том, что, по мнению девочек, ВИЧ-инфицированный человек сохраняет взаимоотношения с людьми, любит находиться среди людей, на него можно положиться. Видимо, девочки предполагают, что такой человек хочет получить поддержку от других людей. По остальным же факторам в выборке девочек были получены средние значения, что говорит об отсутствии в их представлениях отличий по этим факторам образа ВИЧ-инфицированного от образа любого другого человека.

Исходя из полученных результатов, можно составить образ ВИЧ-инфицированного в представлениях подростков. Так, можно сказать, что подростки не выделяют особо ВИЧ-положительного человека среди других людей. По их мнению, он может быть как склонным рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, так и быть зависимым от внешних обстоятельств и оценок. Подростки принимают его как личность, в некоторой степени даже симпатизируют ему и проявляют заинтересованность. Кроме того, девочки испытывают большую жалость и сострадание к ВИЧ-инфицированным. Они готовы оказать им поддержку и помочь в решении возникающих у них проблем.

Однако, мальчики считают, что такой человек все же теряет интерес к жизни, перестает следить за своим внешним видом и поведением, менее ответственно подходит к выполнению какой-либо работы, у него происходит спад интеллектуальной деятельности. Девочки же предполагают, что ВИЧ-положительный человек сохраняет взаимоотношения с людьми, на него можно положиться.

Анкета «Человек с положительным статусом ВИЧ» также дала нам дополнительную информацию о представлении и отношении подростков к ВИЧ-инфицированным.

Обнаружено, что большинство подростков хотели бы принять участие в поддержке ВИЧ-положительных людей. Возможно, это связано с готовностью подростков к любой новой и интересной для них деятельности, с их желанием самореализации и самоутверждения среди сверстников.

Мальчики предполагают, что в большинстве случаев заражения ВИЧ/СПИДом виноват сам ВИЧ-инфицированный, а девочки – что человек, который заразил здорового преднамеренно. Возможно, это можно объяснить различиями в локусе контроля подростков.

Также подростки не хотят изолировать от общества носителей ВИЧ-инфекции. Это говорит о том, что подростки считают их такими же полноправными членами общества, как и все остальные.

Большинство подростков считает, что жизнь ВИЧ-инфицированного не очень сильно отличается от жизни других людей. Они представляют его себе практически ничем не отличающимся от здорового человека. Вероятно, поэтому подростки, в основном, и относятся к ним так же, как и ко всем остальным.

Большинство мальчиков уверены, что люди, с которыми общается ВИЧ-инфицированный человек, должны знать о его ВИЧ-статусе, а девочки с этим скорее согласны, чем не согласны. Видимо, по мнению девочек, знание окружающих о положительном ВИЧ-статусе кого-либо может затруднить общение с ним.

Подростки также предположили, что общество, в основном, воспринимает ВИЧ-положительных людей негативно. Это может быть связано с тем, что в настоящее время по всем каналам средств массовой информации можно услышать о том или ином случае дискриминации таких людей.

Большинство подростков к ВИЧ-инфицированным детям испытывают жалость. Подростки считают, что они не виноваты в том, что заразились.

У подростков ВИЧ-положительный человек ассоциируется, в основном, с болезнью и одиночеством. Возможно, это можно объяснить тем, что, во-первых, носитель ВИЧ-инфекции воспринимается подростками так же, как и человек, имеющий любое другое заболевание, а во-вторых, подростки, видимо, считают, что люди боятся с ним контактировать.

В соответствии с таблицей 3, стоит отметить, что в выборке подростков между представлением о людях с положительным статусом ВИЧ и отношением к ним была установлена корреляция. Другими словами, то, каким подростки представляют себе ВИЧ-инфицированного человека, знания о нем и об особенностях его заболевания влияют на то, как они к нему относятся.

Таблица 3

Показатели корреляции между представлением о ВИЧ-инфицированных и отношением к ним, выявленных с помощью методики «Образ ВИЧ-инфицированного» и личностного дифференциала.

Table 3

Correlation indicators between perceptions of HIV-infected people and attitudes toward them, identified using the “Image of an HIV-infected Person” method and the personality differential.

Подростки	
Мальчики	Девочки
0,65 ($p \leq 0,01$)	0,82 ($p \leq 0,01$)
Обозначения: p – уровень значимости	

Выводы

Таким образом, выдвинутая гипотеза о существовании взаимосвязи между представлением о людях с положительным статусом ВИЧ и отношением к ним полностью подтвердилась. Гипотеза же о существовании гендерных различий в представлении и отношении к ВИЧ-инфицированным подтвердилась частично. Младшее поколение – подростки – представляют себе ВИЧ-инфицированного человека, в основном, таким же, как и все остальные, т.е. оно не выделяет его особо среди других людей. Подростки считают, что ВИЧ-инфицированный человек внешне может выглядеть здоровым, быть уверенным в себе, сохранять прежние взаимоотношения с людьми, ища у них поддержки. Они склонны проявлять к нему даже некоторую заинтересованность. Видимо, они принимают ценность личности любого человека, независимо от его заболевания. Возможно, это связано с тем, что младшему поколению свойственно более легкое отношение вообще к людям и к ВИЧ-инфицированным, в частности, в силу своей открытости и готовности принять в свою среду любого.

В связи с этим, нами были составлены следующие рекомендации.

Нам представляется необходимым изменение общественной позиции по отношению к ВИЧ-инфицированным людям, что должно включать в себя не только работу, которая проводится в настоящее время во многих образовательных учреждениях. Также необходимо осуществлять просветительскую работу среди населения в целом. При этом важно, чтобы люди получали знания не только о путях передачи вируса, но и о правах людей, живущих с ВИЧ, уязвимых перед ВИЧ-инфекцией группах, о стигме и дискриминации в связи с ВИЧ. В основе программы формирования толерантного отношения к ВИЧ-инфицированным должен быть подход, основанный на формировании культуры отношения здоровых людей к больным людям, чувства уважения и содействия. Она также должна быть направлена на преодоление доминирования в общественном сознании предубеждения в том, что заражение ВИЧ – это закономерный результат аморального и асоциального поведения. Необходимо постепенно уменьшать у населения подсознательное чувство угрозы, порождающее комплекс тревоги и негативного отношения к ВИЧ-инфицированному в случае его присутствия в близком окружении. Нужно содействовать широкому привлечению средств массовой информации и культуры для снижения в общественном мнении чувства отторжения и формирования толерантного отношения к ВИЧ-инфицированным. Наконец, для создания благоприятной среды взаимодействия ВИЧ-инфицированных и здоровых граждан недостаточно только формирования толерантности со стороны последних. Не менее важно преодолеть психологическое отчуждение,

комплекс неполноценности самих ВИЧ-инфицированных. Иными словами, процесс формирования толерантной среды – это результат взаимных усилий инфицированного и здорового.

Данное исследование может быть продолжено и на других выборках. Например, в качестве испытуемых можно взять представителей разных поколений, не только здоровых, но и самих ВИЧ-инфицированных людей и попробовать выявить их представление и отношение к себе и к здоровым людям. Это может помочь получить более полное представление о данной проблеме и, возможно, приведет к интересным результатам.

Список источников

1. Бондарчук Н.К. Информированность российской молодежи о способах передачи ВИЧ/СПИД // Студенческий. 022. № 11-2 (181). С. 12 – 15.
2. Эрмекова Д.У., Сабирова Т.С., Жолуева П.Т., Мураталиева А.Д. Анализ информированности студентов по вопросам ВИЧ/СПИДА в Кыргызстане // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2022. № 12. С. 61 – 64.
3. Самулев М.В. ВИЧ-инфекция: информированность молодежи и ее отношение к инфицированным // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). 2022. Т. 8. № 2 (18). С. 77 – 90.
4. Иванова В.В. Отношение студентов КГМУ к ВИЧ-инфицированным // Студенческий форум. 2022. № 1-1 (180). С. 32 – 33.
5. Юрченко А.Г. Отношение общества к ВИЧ-инфицированным в 80-90-е годы XX века в России // Вестник научных конференций. 2024. № 12-4 (112). С. 106 – 107.
6. Тутова В.А. Дискриминация и стигматизация ВИЧ-инфицированных: биоэтический аспект // Вестник научных конференций. 2025. № 10-3 (122). С. 136 – 137.
7. Соколова Н.А., Пятынина М.Ю. Конфликты в семьях, имеющих ВИЧ инфицированных родственников // Актуальные исследования. 2023. № 2-1 (132). С. 48 – 51.
8. Калашникова Д.А., Суслова Д.А., Фролов И.А. Выявление стигматизации ВИЧ-инфицированных у студентов ЯГМУ // Актуальные вопросы медицинской науки. 2025. № 1 (3). С. 154 – 155.
9. Куимова У.А., Беляева В.В., Козырина Н.В., Голиусова М.Д. Гендерные особенности самооценки факторов риска нарушения приверженности и воспринимаемого стресса: результаты опроса пациентов, инфицированных ВИЧ // Журнал инфектологии. 2023. Т. 15. № 2 S1. С. 85 – 90.
10. Беляева В.В., Соколова Е.В., Козырина Н.В., Куимова У.А., Кулабухова Е.И., Голиусова М.Д. Отношение к болезни пациентов, инфицированных ВИЧ, как фактор риска нарушения приверженности // Журнал инфектологии. 2023. Т. 15. № 3 S2. С. 82 – 83.
11. Тюков Ю.А., Ленивцева А.А., Иванова М.А., Мещихина А.К. Динамика социального статуса ВИЧ-инфицированных пациентов в Челябинской области // Южно-Уральский медицинский журнал. 2022. № 1. С. 105 – 112.
12. Петрова Е.А., Шилова Е.В. Социально-психологические проблемы формирования ответственного поведения ВИЧ-инфицированных // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2022. Т. 21. № 3 (164). С. 16 – 22.
13. Deacon H. et al. HIV/AIDS, stigma and children: A literature review. Cape Town: HSRC pressl. 2007.
14. Hindin M.J., Fatusi A.O. Adolescent sexual and reproductive health in developing countries: an overview of trends and interventions // International perspectives on sexual and reproductive health. 2009. Т. 35. № 2. С. 58 – 62.
15. Pleaner M. et al. Knowledge and uptake of contraceptive and other sexual reproductive health services among in-school adolescents in three South African townships: baseline findings from the Girls Achieve Power (GAP Year) Trial // Gates Open Research. 2024. Vol. 6. P. 67.
16. Ybarra M.L. et al. Internet use among Ugandan adolescents: implications for HIV intervention // PLoS Medicine. 2006. Vol. 3. № 11. P. e433.
17. Badru T. et al. HIV comprehensive knowledge and prevalence among young adolescents in Nigeria: evidence from Akwa Ibom AIDS indicator survey, 2017 // BMC Public Health. 2020. Vol. 20. № 1. P. 45.

18. Магадеев Х.Д., Радзиховская М.В. Медико-социальные характеристики ближнего окружения ВИЧ-инфицированных подростков // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2025. Т. 22. № 2. С. 144 – 153.

19. Султанова А.Н., Гаджиева У.Х., Чут У.Ю., Цой А.К., Филь Т.А., Краснова О.А., Тагильцева Е.В., Станкевич А.С., Тошмирзаева Г.Э., Шкиря Е.Е., Ангилевко С.Д. Социально-психологические и семейные особенности ВИЧ-инфицированных подростков (обзор зарубежной литературы) // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3-1 (117). С. 150 – 153.

References

1. Bondarchuk N.K. Awareness of Russian youth about the modes of HIV/AIDS transmission. Student. 022. No. 11-2 (181). P. 12 – 15.

2. Ermekova D.U., Sabirova T.S., Zholueva P.T., Muratalieva A.D. Analysis of students' awareness on HIV/AIDS issues in Kyrgyzstan. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2022. No. 12. P. 61 – 64.

3. Samulev M.V. HIV infection: awareness of young people and their attitude towards infected people. Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T). 2022. Vol. 8. No. 2 (18). P. 77 – 90.

4. Ivanova V.V. Attitude of KSMU students towards HIV-infected persons. Student forum. 2022. No. 1-1 (180). P. 32 – 33.

5. Yurchenko A.G. Attitude of society towards HIV-infected persons in the 80-90s of the 20th century in Russia. Bulletin of scientific conferences. 2024. No. 12-4 (112). P. 106 – 107.

6. Tutova V.A. Discrimination and stigmatization of HIV-infected persons: bioethical aspect. Bulletin of scientific conferences. 2025. No. 10-3 (122). P. 136 – 137.

7. Sokolova N.A., Pyatynina M.Yu. Conflicts in families with HIV-infected relatives. Current research. 2023. No. 2-1 (132). P. 48 – 51.

8. Kalashnikova D.A., Suslova D.A., Frolov I.A. Identification of stigmatization of HIV-infected people among Yaroslavl State Medical University students. Current issues in medical science. 2025. No. 1 (3). P. 154 – 155.

9. Kuimova U.A., Belyaeva V.V., Kozyrina N.V., Goliusova M.D. Gender features of self-assessment of risk factors for adherence disorders and perceived stress: results of a survey of HIV-infected patients. Journal of Infectology. 2023. Vol. 15. No. 2 S1. P. 85 – 90.

10. Belyaeva V.V., Sokolova E.V., Kozyrina N.V., Kuimova U.A., Kulabukhova E.I., Goliusova M.D. Attitude to the disease of HIV-infected patients as a risk factor for adherence failure. Journal of Infectology. 2023. Vol. 15. No. 3 S2. P. 82 – 83.

11. Tyukov Yu.A., Lenivtseva A.A., Ivanova M.A., Meshchikhina A.K. Dynamics of the social status of HIV-infected patients in the Chelyabinsk region. South Ural Medical Journal. 2022. No. 1. P. 105 – 112.

12. Petrova E.A., Shilova E.V. Social and psychological problems of developing responsible behavior in HIV-infected individuals. Scientific Notes of the Russian State Social University. 2022. Vol. 21. No. 3 (164). P. 16 – 22.

13. Deacon H. et al. HIV/AIDS, stigma and children: A literature review. Cape Town: HSRC press. 2007.

14. Hindin M.J., Fatusi A.O. Adolescent sexual and reproductive health in developing countries: an overview of trends and interventions. International perspectives on sexual and reproductive health. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 58 – 62.

15. Pleaner M. et al. Knowledge and uptake of contraceptive and other sexual reproductive health services among in-school adolescents in three South African townships: baseline findings from the Girls Achieve Power (GAP Year) Trial. Gates Open Research. 2024. Vol. 6. P. 67.

16. Ybarra M.L. et al. Internet use among Ugandan adolescents: implications for HIV intervention. PLoS Medicine. 2006. Vol. 3. No. 11. P. e433.

17. Badru T. et al. HIV comprehensive knowledge and prevalence among young adolescents in Nigeria: evidence from Akwa Ibom AIDS indicator survey, 2017. BMC Public Health. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 45.

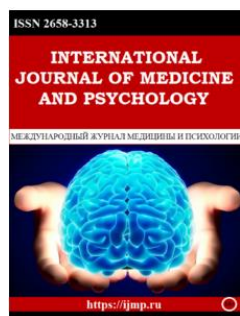
18. Magadeev Kh.D., Radzikhovskaya M.V. Medical and social characteristics of the immediate environment of HIV-infected adolescents. Bulletin of the Ural Medical Academic Science. 2025. T. 22. No. 2. P. 144 – 153.

19. Sultanova A.N., Gadzhieva U.Kh., Chut U.Yu., Tsoi A.K., Fil T.A., Krasnova O.A., Tagiltseva E.V., Stankevich A.S., Toshmirzaeva G.E., Shkirya E.E., Angilevko S.D. Socio-psychological and family characteristics of HIV-infected adolescents (review of foreign literature). International scientific research journal. 2022. No. 3-1 (117). P. 150 – 153.

Информация об авторе

Якиманская И.С., кандидат психологических наук, доцент, AuthorID: 235276, SPIN: 9555-7088, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7503-9848>, ResearcherID: HJZ-2236-2023, SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=8243471400>, Оренбургский государственный медицинский университет Минздрава России, yakimanskay@yandex.ru

© Якиманская И.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9:378

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-123-129

¹ Трунин Д.М.,

¹ Молодцова Н.Г.,

¹ Московский психолого-социальный университет,

Особенности профессиональной мотивации будущих психологов, возникающей в процессе переподготовки

Аннотация: в статье представлен теоретический анализ проблемы профессиональной мотивации будущих психологов, возникающей в процессе переподготовки. Профессиональная мотивация занимает центральное место в психологической и педагогической науках, играя ключевую роль в профессиональном становлении и совершенствовании специальных умений. Актуальным направлением для психологических изысканий в области образования является анализ факторов, определяющих мотивированность студентов-психологов, осваивающих новые дисциплины. Эффективность работы специалиста-психолога обусловлена не только прочным знанием теории, но и сильным внутренним стремлением к деятельности. Мотивация, по сути, выступает как импульс, побуждающий к развитию, углублению познаний и расширению компетенций. В процессе освоения новой квалификации будущие психологи сталкиваются с различными аспектами профессиональной мотивации, которые формируют их позицию по отношению к профессии и оказывают влияние на результативность их труда.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, переподготовка будущих психологов, образовательная среда, компоненты мотивации

Для цитирования: Трунин Д.М., Молодцова Н.Г. Особенности профессиональной мотивации будущих психологов, возникающей в процессе переподготовки // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 123 – 129. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-123-129

Поступила в редакцию: 16 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Trunin D.M.,

¹ Molodtsova N.G.,

¹ Moscow Psychological and Social University

Features of professional motivation of future psychologists that arise in the process of retraining

Abstract: the article presents a theoretical analysis of the problem of professional motivation of future psychologists that arises in the process of retraining. Professional motivation occupies a central place in the psychological and pedagogical sciences, playing a key role in the professional development and improvement of special skills. An important area for psychological research in the field of education is the analysis of factors determining the motivation of psychology students who master new disciplines. The effectiveness of a psychologist's work is due not only to a solid knowledge of theory, but also to a strong inner desire for activity. Motivation, in fact, acts as an impulse that encourages development, deepening knowledge and expanding competencies. In the process of mastering a new qualification, future psychologists are faced with various aspects of professional motivation that shape their position in relation to the profession and influence the effectiveness of their work.

Keywords: professional motivation, retraining of future psychologists, educational environment, motivation components

For citation: Trunin D.M., Molodtsova N.G. Features of professional motivation of future psychologists that arise in the process of retraining. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 123 – 129. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-123-129

The article was submitted: February 16, 2026; Approved after reviewing: April 13, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Нынешний этап формирования психологов характеризуется одновременным протеканием различных направлений развития. С одной стороны, наблюдается постоянное увеличение потребности в высококвалифицированной психологической поддержке в самых разных областях общественной жизни, таких как образование, медицина, бизнес и социальная сфера. С другой стороны, стремительные изменения профессиональных стандартов, расширение арсенала применяемых психологических методов (включая цифровые инновации) и растущая психоэмоциональная нагрузка на специалистов предъявляют повышенные требования к качеству их обучения, а также, что особенно значимо, к стойкости их профессионального энтузиазма.

В рамках психологической науки профессиональная мотивация понимается как комплексная, многоэлементная структура, охватывающая как сознательные, так и бессознательные компоненты. Эти составляющие определяют стремление человека к освоению выбранной профессии, степень его вовлеченности в профессиональную деятельность и получаемое от нее удовлетворение. Применительно к профессиональному образованию ключевое значение приобретает изучение процесса становления и изменения мотивационной сферы будущих психологов на различных стадиях обучения. Необходимо проанализировать, какие элементы образовательной среды оказывают наиболее существенное воздействие на развитие этой сферы, и каким образом следует строить учебный процесс для укрепления внутренней мотивации.

Основная задача данного исследования заключается в теоретическом осмыслении вопросов, связанных с профессиональной мотивацией будущих психологов в системе высшего и постдипломного профессионального образования. Мы намерены выявить основные факторы, способствующие развитию данной мотивации, и разработать предложения по совершенствованию образовательных программ, нацеленных на поддержание ее устойчивости.

Материалы и методы исследований

Проблема профессиональной мотивации будущих психологов

Профессиональная мотивация – это внутренний импульс, побуждающий человека к достижениям в выбранной сфере. Она включает в себя настойчивость, увлеченность, удовлетворенность трудом и стремление к росту. Начинающим психологам очень важно получать одобрение от окружающих. Когда они разбираются в своих рабочих задачах, это помогает им глубже вникнуть в теорию и понять, как эффективнее обучать будущих специалистов [16].

Т.А. Борзова указывает, что на психологов-консультантов сейчас большой спрос. Из-за этого специалистам нужно постоянно развивать свои навыки, учиться чему-то новому и менять привычные взгляды. Такой подход дает студентам новые возможности, заставляя их по-новому взглянуть на свои профессиональные планы и жизненные приоритеты [2].

Область психологии постоянно меняется, и поэтому специалистам приходится все время приспосабливаться. Различные курсы и программы помогают им освоить новые, современные методики, глубже вникнуть в свои профессиональные задачи и понять, насколько важна их работа [9].

Атмосфера во время учебы сильно влияет на то, насколько сам человек хочет учиться. Насколько студенты вовлечены в процесс, зависит от того, как преподают, в каких условиях они получают знания и как складываются отношения между всеми участниками учебы. Необходимо создавать позитивный климат, который способствует доброжелательному отношению к обучению. В такой обстановке материал усваивается эффективнее, а энтузиазм к будущей работе усиливается [17].

Обратная связь от преподавателей и похвала за успехи критически важны для сохранения интереса к учебе. Начинающим психологам полезно видеть результаты труда и разбирать свои победы, что повышает самооценку и углубляет осознание профессиональных задач [7].

Внутренняя и внешняя мотивация будущих психологов

Смена карьеры на психологию у начинающих специалистов вызывает две ключевые группы мотивов: внутренние и обусловленные внешними обстоятельствами. Внутренняя мотивация рождается из искренней любви к психологии и стремления к личностному и профессиональному росту. Такие побуждения, как правило, более стабильны и долговечны. Внешние мотивы же ассоциируются с желанием финансовой обеспеченности, повышения социального положения или признания от коллег и клиентов.

Оба типа мотивации не конфликтуют, а дополняют друг друга. К примеру, подлинный интерес к предмету обеспечивает отличные академические успехи и положительные оценки начальства, что усиливает внутреннее желание развиваться [8, 19].

А.В. Ипатов акцентирует внимание на том, что для людей, меняющих профессиональную область, крайне важно проанализировать свои цели и осознать значимость выбранной образовательной программы [5].

Следует отметить, что при смене профдеятельности студенты могут сталкиваться с недостаточностью материальных ресурсов, времени, а также критикой в собственный адрес. Данные аспекты существенно снижают мотивацию к обучению [3].

Роль практической деятельности в развитии профессиональной мотивации студентов-психологов

Практическая деятельность важна для становления профессиональной мотивации у студентов-психологов. Применение полученных в теории знаний на практике позволяет студентам-психологам способствует выявлению эффективных способов общения с клиентами и повышает интерес к теории [29].

С.Р. Зенина и Ю.В. Бадалян отмечают, что практическая деятельность положительно сказывается на развитии общительности, которая необходима в профдеятельности психолога. Умение применять полученные знания в реальных условиях помогает будущим специалистам не только интегрировать теоретические аспекты, но и точно определять свои сильные и слабые стороны. Это, в свою очередь, стимулирует интерес и укрепляет веру в собственный профессиональный рост [4].

Начальные карьерные устремления будущих психологов во многом определяются общественными и культурными факторами. Преобладающие в социуме установки, уникальные черты культуры, а также общепринятые системы ценностей могут либо стимулировать, либо тормозить профессиональное становление. Так, в ряде культур существует предвзятое отношение к данной сфере, что осложняет для молодого профессионала процесс саморазвития и раскрытия своих способностей [6].

И наоборот, благоприятное отношение к профессии и поддержка со стороны окружающих способны существенно повысить уровень мотивации. Взаимодействие с коллегами, обмен опытом и участие в профессиональных сообществах формируют ощущение причастности и взаимной поддержки, что, в свою очередь, подпитывает интерес к избранной стезе и побуждает к дальнейшему росту [14].

Формирование профессиональной мотивации у будущих психологов

Специалисты А.А. Тихонова, И.А. Николаева, П.А. Аверьянов и С.А. Гаврилушкин полагают, что формирование профессиональной мотивации у студентов-психологов проходит через определенные стадии. Ключевым фактором на этом пути является осознанный выбор в пользу изменения образовательного трека, продиктованный стремлением к личностному росту [13].

В начале своей обучения студенты-психологи закладывают основы своего профессионализма. В это время они активно взаимодействуют с опытными наставниками и однокурсниками. На этом этапе необходима обратная связь, которая позволяет корректировать процесс обучения [13].

Далее студенты-психологи получают теоретические знания по психологии и совершенствуют практические навыки. Целью К выступает развитие мотивации к изучению дисциплин.

Последний этап обучения состоит в применении полученных знаний. Этот опыт укрепляет их уверенность в собственных силах.

Постоянное профессиональное самосовершенствование становится фундаментом для построения психологической карьеры. Такой подход позволяет им адаптироваться к динамике меняющихся реалий [1].

Как отмечают Д.В. Филиппова, Д.С. Занин и С.А. Яценко, на пути к становлению профессионалами начинающим психологам предстоит преодолеть ряд неизбежных вызовов. Помимо усвоения новой информации, им необходимо адаптироваться к новой среде, что требует значительных внутренних ресурсов [15].

Основными стимулами в профессии являются внутренняя мотивация и социокультурное взаимодействие.

Внутренняя мотивация – это движущая сила, зарождающаяся в самом человеке, вызванная такими факторами, как стремление к знаниям, удовольствие от самого процесса деятельности или желание самосо-

вершенствоваться. Для будущих психологов профессиональное развитие и рост составляют основу их карьерных устремлений [12].

В период обучения многие начинающие психологи обнаруживают, что изучение новых терапевтических методик и анализ историй клиентов вызывают у них неподдельный интерес. Исследования подтверждают, что психологи с выраженной внутренней мотивацией демонстрируют более высокие результаты, что отражается в их профессиональной деятельности.

Социальное подкрепление тесно связано с межличностными отношениями и общением. Поскольку психология по своей сути ориентирована на работу с людьми, мотивация специалистов часто формируется желанием помогать другим. В процессе переквалификации психологи осознают значимость общественных аспектов своей деятельности, что усиливает их стремление к профессиональному совершенствованию.

Во время обучения студенты-психологи понимают, что общение с коллегами облегчает вхождение в профессию. Это становится важным стимулом для развития себя в профессиональной деятельности. Осознание того, какую роль они играют в жизни других, подталкивает их к самосовершенствованию. Такое общение позитивно отражается на их дальнейшем профессиональном росте [15].

Результаты и обсуждения

Если говорить о том, что вдохновляет будущих психологов, в этот момент очень кстати приходят мысли о том, что их таланты находят должное признание и могут быть как-то проявлены. В процессе обучения им необходимо продемонстрировать, что они квалифицированные специалисты, сдать соответствующие экзамены, получить разные сертификаты или хотя бы не оставить своих коллег без одобрений их работы [16].

А.И. Селезнев, М.Н. Любчиков и И.Н. Грибанов указывают, что когда человек знает, чем хочет заниматься в профессии, он быстрее и полнее раскроет свой потенциал. И само обучение психологов очень многофункционально - от клиники до психотерапии или работы с молодежью [11].

Конечно, профессиональное развитие – это сильная ступень в карьере. Ведь, чтобы быть успешным, нужно постоянно учиться чему-то новому, а специальные программы помогают быть в курсе всех последних достижений и успехов в мире психологии [18].

Когда речь идет о карьерном профессиональном развитии, в значительной мере это ускоряется участием в тренингах, семинарах, мастер-классах. Практика обмена мнениями, полученная на этих встречах, становится хорошей основой для овладения профессией. Этот подход к обучению не только обогатит знания, но и значительно увеличит профессиональную склонность к работе. Молодые желающие развиваться пока специалисты, стремятся к получению новых знаний.

Эти соображения подтверждаются исследователями Т.Ю. Петровской и Ю.М. Перевозкиной, которые указывают на тесную взаимосвязь между психологом как человеком и психологом как специалистом, а также на ряд его индивидуальных свойств, способствующих его профессиональному развитию, таких как жажда знаний, добросовестность, открытость новому, эмпатия [10].

Специалисты с повышенной эмоциональной чувствительностью и разной степенью развитости этой самой, изобилующей оттенками эмпатией, становятся гораздо более успешными среди клиентов. Таким образом, личная природа влияет не только на выбор профессии, но и на ее успешность. Однако и в значительной степени результаты труда также зависят и от окружающей социальной среды.

Университеты, профессиональные сообщества, даже коллеги по работе оказывают крайне весомое влияние на настроение и охоту к работе. Прямое влияние со стороны тех же самых, изможденных тяжелым учебным трудом, друзей, или рвущихся вперед, уставших от сомнительных оправданий учеников учителя, в свою очередь создает уверенность в способностях иметь успех, преодолевать трудности, с которыми может встретиться будущий хороший психолог.

Сочетается коллективная деятельность и коллективные обсуждения в логичное целое, создающее атмосферу содружества, взаимопомощи и простоты, что помогает именно не избегать процесса обучения для студентов. Общение с единомышленниками помогает быстрее усвоить нужные навыки и, желая осуществить задуманное, веселее решать предстоящее дело.

Глубокое осознание своей миссии, своей роли, понимание задачи конкретной образовательной деятельности, понимание того, что он должен отсюда получить, составляет ключевую основу успеха - подчеркивает С.С. Петренко. То есть, если студент в процессе обучения осознает свои образовательные, в том числе - личностные, результаты и достижения, внутренняя мотивация у него неуклонно возрастает [9].

Разработка индивидуального образовательного плана, ориентированного на собственные намерения, помогает сохранить внутреннюю мотивацию. Создание реальных перспектив в профессиональной жизни,

помогает студенту воспринимать процесс как более привлекательный, а следовательно и охотнее браться за новые задачи, то есть задачи развивающие его личные качества.

Выводы

Практические навыки являются обязательными составляющими для молодых психотерапевтов, поскольку они являются фундаментом их последующего профессионального развития; регулярная самооценка помогает не только улучшить знания, но и создать хорошую основу для правильной работы.

Создание оптимальной образовательной среды, в центре которой сосредоточены основные элементы учебных курсов, а также детальная военная психология и практическая подготовка, обеспечивает не только возможность студентам найти свое рабочее предназначение, но и ускоряет их шаг в профессиональную жизнь; на протяжении всего времени обучения психологи имеют хорошую гарантированную поддержку.

Эффективное психологическое развитие требует качественного продолжения, сертификации и саморазвития; понимание этих внутренних факторов позволяет новым участникам выполнять свои обязанности и существенно улучшать качество оказания услуг клиентам.

Эти мотивирующие факторы побуждают психологов улучшать свои навыки и создавать среду для качественного обслуживания, что делает ориентированную на конечный результат систему образования «золотым ключиком» для подготовки высококвалифицированных специалистов, работающих на высоком профессиональном уровне, готовящихся к своей профессиональной деятельности.

Список источников

1. Беляева О.А., Бугайчук Т.В. Профессиональное становление педагога-психолога: современные реалии непрерывной профессиональной подготовки // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 2 (143). С. 151 – 160.
2. Борзова Т.А. Мотивация студентов к обучению в современном ВУЗе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 11 – 13.
3. Венгер П.Е. Адаптация молодого специалиста в сфере профессиональной деятельности // Политехнический молодежный журнал. 2023. № 07 (84). С. 26 – 38.
4. Зенина С.Р. Практическая психология: учебное пособие / сост. С.Р. Зенина, Ю.В. Бадалян. Благовещенск: Изд-во Амур.гос. ун-та, 2022. 208 с.
5. Ипатов А.В. Педагогика: учебное пособие. СПб.: РГГМУ, 2023. 156 с.
6. Медведева С.А., Кондрашихина О.А. Планирование профессиональной карьеры студентами-психологами // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2021. № 12 (65). С. 199 – 207.
7. Настольная книга «Наставничество: эффективная форма обучения»: информационно-метод. материалы / авт.-сост. Л.Н. Нугуманова, Т.В. Яковенко 2-е издание, доп., перераб. Казань: ИРО РТ, 2020. 51 с.
8. Новикова А.В., Савинова Т.В. Развитие профессиональной мотивации будущих психологов // Проблемы современного педагогического образования. 2023. С. 282 – 285.
9. Петренко С.С. Методика преподавания психологии: учебно-методическое пособие для студентов факультета педагогики и психологии заочной формы обучения. Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2022. 111 с.
10. Петровская Т.Ю., Первозкина Ю.М. К вопросу о профессионально важных качествах психологов как детерминантах успешности профессиональной деятельности // Смальта. 2021. № 2. С. 22 – 29.
11. Селезнева А.И., Любчиков М.Н., Грибанов И.Н. Профессиональное самоопределение личности: биометрический анализ российских исследований // Психологическая наука и образование. 2025. № 30 (5). С. 142 – 155.
12. Жук С.И., Макаров А.Н., Родионова Е.А. Современные методы мотивации и стимулирования персонала. Набережные Челны: Набережночелнинский институт КФУ, 2019. 80 с.
13. Тихонова, А.А., Николаева И.А., Аверьянов П.Г., Гаврилушкин С.А. Развивающая (производительная) тенденция в профессиональной мотивации студентов-психологов // Человеческий капитал. 2021. № 3 (147). С. 227 – 235.
14. Ульянина О.А., Юрчук О.Л., Никифорова Е.А., Кнышева Т.П., Борисенко Е.В. Социально-психологический портрет современного студента педагогического направления подготовки // Психолого-педагогические исследования. 2023. № 15 (4). С. 3 – 24.

15. Филиппова Д.В., Занин Д.С., Ященко С.А. Начинающие психологи: вхождение в профессию, профессиональные страхи, Я-концепция // *Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология*. 2024. № 7 (24). С. 62 – 73.
16. Kulwinder S. Study of Achievement Motivation in Relation to Academic Achievement of Students // *International Journal of Educational Planning and Administration*. 2011. № 1 (2). P. 161 – 171.
17. Mamede, S., Van Gog T., Moura, A.S., de Faria R.M., Peixoto J.M., Rikers R.M., Schmidt H.G. *Med. Educ. Teaching and Teacher Education*. February 2013. Vol. 30. P. 38 – 46; № 46 (5). P. 464 – 472.
18. Price F., Kadi-Hanifi K. E-motivation! The Role of Popular Technology in Student Motivation and Retention // *Research in Post-Compulsory Education*. 2011. № 16 (2). P. 173 – 187.
19. Vogt F., Rogalla M. Developing Adaptive Teaching Competency through coaching // *Teaching and Teacher Education* [Text]. 2009. № 25 (8). P. 1051 – 1060.
20. Westbroek, H., Klaassen, K., Bulte, A. and Pilot, A. Providing Students with a Sense of Purpose by Adapting a Professional Practice // *International Journal of Science Education*, 2010. № 32 (5). P. 603 – 627.

References

1. Belyaeva O.A., Bugaychuk T.V. Professional development of an educational psychologist: modern realities of continuous professional training. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2025. No. 2 (143). P. 151 – 160.
2. Borzova T.A. Motivation of students to study at a modern university. The world of science, culture, education. 2023. No. 5 (102). P. 11 – 13.
3. Venger P.E. Adaptation of a young specialist in the field of professional activity. *Polytechnic youth magazine*. 2023. No. 07 (84). P. 26 – 38.
4. Zenina S.R. *Practical Psychology: a tutorial*. compiled by S.R. Zenina, Yu.V. Badalyan. Blagoveshchensk: Amur State University Publishing House, 2022. 208 p.
5. Ipatov A.V. *Pedagogy: A Study Guide*. SPb: Russian State Medical University, 2023. 156 p.
6. Medvedeva S.A., Kondrashikhina O.A. Career Planning by Psychology Students. *The World of Pedagogy and Psychology: An International Scientific and Practical Journal*. 2021. No. 12 (65). P. 199 – 207.
7. Handbook “Mentoring: An Effective Form of Teaching”: Information and Methodological Materials. compiled by L.N. Nugumanova, T.V. Yakovenko, 2nd edition, supplemented, revised. Kazan: Institute of Regional Studies of the Republic of Tatarstan, 2020. 51 p.
8. Novikova A.V., Savinova T.V. Development of professional motivation of future psychologists. *Problems of modern pedagogical education*. 2023. P. 282 – 285.
9. Petrenko S.S. *Methods of teaching psychology: a teaching aid for students of the faculty of pedagogy and psychology of correspondence courses*. Orsk: Publishing house of the Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of OSU, 2022. 111 p.
10. Petrovskaya T.Yu., Perevozkina Yu.M. On the issue of professionally important qualities of psychologists as determinants of success in professional activity. *Smalta*. 2021. No. 2. P. 22 – 29.
11. Selezneva A.I., Lyubchikov M.N., Gribanov I.N. Professional Self-Determination of an Individual: A Bibliometric Analysis of Russian Studies. *Psychological Science and Education*. 2025. No. 30 (5). P. 142 – 155.
12. Zhuk S.I., Makarov A.N., Rodionova E.A. *Modern Methods of Personnel Motivation and Incentives*. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, 2019. 80 p.
13. Tikhonova A.A., Nikolaeva I.A., Averyanov P.G., Gavrilushkin S.A. Developmental (Productive) Trend in the Professional Motivation of Psychology Students. *Human Capital*. 2021. No. 3 (147). P. 227 – 235.
14. Ulyanina O.A., Yurchuk O.L., Nikiforova E.A., Knysheva T.P., Borisenko E.V. Socio-psychological portrait of a modern student of pedagogical training. *Psycho-pedagogical research*. 2023. No. 15 (4). P. 3 – 24.
15. Filippova D.V., Zанин D.S., Yashchenko S.A. Novice psychologists: entry into the profession, professional fears, self-concept. *Innovative science: Psychology, Pedagogy, Defectology*. 2024. No. 7 (24). P. 62 – 73.
16. Kulwinder S. Study of Achievement Motivation in Relation to Academic Achievement of Students. *International Journal of Educational Planning and Administration*. 2011. No. 1 (2). P. 161 – 171.
17. Mamede, S., Van Gog T., Moura, A.S., de Faria R.M., Peixoto J.M., Rikers R.M., Schmidt H.G. *Med. Educ. Teaching and Teacher Education*. February 2013. Vol. 30. P. 38 – 46; No. 46 (5). P. 464 – 472.
18. Price F., Kadi-Hanifi K. E-motivation! The Role of Popular Technology in Student Motivation and Retention. *Research in Post-Compulsory Education*. 2011. No. 16 (2). P. 173 – 187.

19. Vogt F., Rogalla M. Developing Adaptive Teaching Competency through coaching. Teaching and Teacher Education [Text]. 2009. No. 25 (8). P. 1051 – 1060.

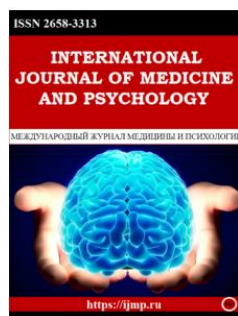
20. Westbroek, H., Klaassen, K., Bulte, A. and Pilot, A. Providing Students with a Sense of Purpose by Adapting a Professional Practice. International Journal of Science Education, 2010. No. 32 (5). P. 603 – 627.

Информация об авторах

Трунин Д.М., аспирант, Московский психолого-социальный университет, 5119765@mail.ru

Молодцова Н.Г., кандидат психологических наук, доцент, Московский психолого-социальный университет, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-886X>, n201270@mail.ru

© Трунин Д.М., Молодцова Н.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.942.5

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-130-138

¹ Гаджиева Ж.Г.,

¹ Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

Факторы развития тревожных расстройств у женщин в послеродовой период: обзор исследований

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме послеродовой тревожности, которая имеет широкую распространенность среди молодых матерей и в некоторых случаях принимает клинические формы тревожных расстройств. Проводится анализ зарубежных исследований, посвященных проявлениям тревожности в послеродовом периоде и специфике ее выражения в переживаниях различной направленности. Особое внимание уделяется личностным факторам, которые могут препятствовать развитию тревожных состояний, в частности, экстраверсии и воспринимаемой социальной поддержке. Экстравертированным женщинам наиболее свойственно воспринимать эмоциональную поддержку от близкого окружения на высоком уровне, которая становится существенным ресурсом для совладания с послеродовым стрессом и способствует более легкой адаптации к материнской роли. Делается вывод, что с учетом опыта зарубежных исследователей необходимо уделить особое внимание этим ресурсам совладания в теоретическом и практическом плане. Это позволит уточнить «мишени» для психокоррекционных и профилактических мероприятий, нацеленных на снижение тревожности еще на этапе беременности.

Ключевые слова: психология материнства, послеродовая тревожность, посттравматическое стрессовое расстройство, воспринимаемая социальная поддержка, экстраверсия, ресурсы совладания

Для цитирования: Гаджиева Ж.Г. Факторы развития тревожных расстройств у женщин в послеродовой период: обзор исследований // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 130 – 138. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-130-138

Поступила в редакцию: 17 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Gadzhieva Zh.G.,

¹ P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Factors of the development of anxiety disorders in women during the postpartum period: a review of research

Abstract: the article is devoted to the urgent problem of postpartum anxiety, which is widespread among young mothers and in some cases takes the clinical forms of anxiety disorders. The analysis of foreign studies on the manifestations of anxiety in the postpartum period and the specifics of its expression in experiences of various orientations is carried out. Special attention is paid to personal factors that can hinder the development of anxiety states, in particular, extraversion and perceived social support. Extroverted women tend to perceive emotional support from their close environment at a high level, which becomes an essential resource for coping with postpartum stress and contributes to easier adaptation to the maternal role. It is concluded that, taking into account the experience of foreign researchers, it is necessary to pay special attention to these coping resources in theoretical and practical terms. This will make it possible to clarify the "targets" for psychocorrective and preventive measures aimed at reducing anxiety even at the stage of pregnancy.

Keywords: psychology of motherhood, postpartum anxiety, post-traumatic stress disorder, perceived social support, extraversion, coping resources

For citation: Gadzhieva Zh.G. Factors of the development of anxiety disorders in women during the postpartum period: a review of research. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 130 – 138. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-130-138

The article was submitted: February 17, 2026; Approved after reviewing: April 14, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Переход к этапу материнства представляет собой важнейший поворот в жизни женщины, который связан с обретением нового эмоционального и социального опыта, осмыслением своей идентичности, изменениями в ценностно-смысловой сфере. Однако послеродовой период ведет за собой множество проблем, связанных с адаптацией к новому статусу. Молодые матери испытывают огромный комплекс стрессовых переживаний, связанных с физиологическими изменениями, вопросами ухода за новорожденным и собственным распорядком дня, партнерскими отношениями, социальными ожиданиями, предъявляемыми материнской роли и др. Соответственно, чем выше адаптивный потенциал, тем правильнее женщины оценивают новую ситуацию и пытаются контролировать ее и свое состояние, используя доступные личностные ресурсы [15]. А при низкой адаптации к стрессовой ситуации зачастую возникают такие негативные эмоциональные реакции, как выраженная тревога, приступы гнева, переживание чувства одиночества и изоляции, неадекватное поведенческое реагирование, которые могут сохраняться до года [18], а в некоторых случаях и до двух лет после родов [19].

Этот психологический дисбаланс у молодой матери может принимать клинические формы депрессии и тревожных расстройств, он отрицательно сказывается на установлении диадных отношений с младенцем, на семейных связях как с членами семьи, так и партнером, вплоть до сексуальных дисфункций или разрыва отношений [14]. В связи с этим особый интерес и актуальность представляет выделение значимых факторов развития негативных эмоциональных состояний, которые препятствуют успешной адаптации женщин к материнской роли в первые месяцы после рождения ребенка.

Цель обзорного исследования заключается в уточнении проявлений высокой тревожности в послеродовой период и рассмотрении детерминант ее развития, определяемых в современных психологических исследованиях.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили зарубежные научные публикации по проблеме тревожности в послеродовой период и факторах ее развития. Эти сведения позволили обосновать актуальность темы сделать выводы на основе эмпирических исследований.

Методы исследования включали:

- теоретико-аналитический обзор, применённый для конкретизации тревожных состояний у молодых матерей;
- контент-анализ научных текстов, позволивший определить специфику тревожных переживаний у женщин в послеродовой период;
- анализ существующих эмпирических данных, использованный для оценки факторов, препятствующих формированию высокого уровня тревожности.

Применение этих методов позволило получить комплексное представление о текущем состоянии проблемы и определить значимые мишени для психопрофилактической работы с женщинами в послеродовом периоде.

Результаты и обсуждения

Неизменное преимущество в психологической научной традиции отдается изучению состояния матерей в клиническом аспекте, чаще всего внимание исследователей фиксируется на послеродовой депрессии и тревоге, которая затрагивает каждую пятую молодую мать [3].

К настоящему времени проведено множество исследований, посвященных проявлениям, распространенности, этиологии и лечению послеродовой депрессии, однако исследований, посвященных послеродовым тревожным расстройствам, гораздо меньше. Между тем, тревога в послеродовой период является рас-

пространенным феноменом и, даже на субклиническом уровне, оказывает крайне пагубное и долгосрочное воздействие на матерей и их младенцев. Как отмечает Е. Ali, послеродовая тревога ведет к нарушениям привязанности между матерью и младенцем, снижением вероятности грудного вскармливания, повышенным риском жестокого обращения с детьми, задержкой когнитивного и социального развития и повышенной тревожностью у детей в будущем [6].

Стоит отметить, что для молодых матерей в целом характерно испытывать тревогу, адаптируясь к многочисленным физическим, эмоциональным и психологическим требованиям материнства. Но неадекватно высокий уровень тревоги в послеродовом периоде иногда конкретизируется в таких психологических нарушениях, как генерализованное тревожное расстройство (ГТР), паническое расстройство (ПР), обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Однако разграничение нормального и клинического уровней тревожности в послеродовой период на практике затруднительно, что зачастую приводит к патологизации закономерных аспектов материнства [6].

А.А. Wardrop и N.E. Popadiuk основе углубленных интервью с женщинами с ГТР отмечают, что они описывают свое состояние, как отчуждение, беспокойство, чувство вины, подавленности, диссоциацию, чувство, что их не понимают окружающие [25]. N. Highet и соавторы на аналогичной выборке выделяют такие описания состояний женщинами, как потеря и фрустрация. Помимо этого, исследователи выявили что матери, пережившие послеродовое ГТР, даже через 5 лет после родов отмечали у себя такие ее остаточные явления как неспособность принимать решения, гневливость, подавленность, проблемы со сном. Женщины все эти годы испытывали чрезмерное беспокойство по поводу благополучия ребенка, их сопровождало чувство отчужденности от мира и желание избегать различных социальных ситуаций. Исследователи предположили, что значительное расхождение между ожиданиями и убеждениями женщин и их реальным опытом материнства могло способствовать развитию ГТР [17].

J. Martini с соавторами пришли к выводу, что наиболее сильным предиктором послеродовой тревожности становится тревожность до беременности. Участницы их исследования сообщали о постоянном беспокойстве по поводу здоровья ребенка, грудного вскармливания, беспокойстве в отношении жизни в целом. У женщин с ГТР в анамнезе до беременности тревога в послеродовом периоде смещается с членов семьи и близких на ребенка. Таким образом, изменчивый характер тревожности предполагает, что послеродовая тревожность – это сложное явление, и можно ожидать различных траекторий ее распространения от периода до беременности до послеродового периода [20].

D. Affonso с коллегами исследовали возможное влияние количества родов на послеродовую тревожность с помощью структурированных интервью у первородящих и многодетных женщин. Наиболее часто упоминаемыми и интенсивно оцениваемыми категориями ответов для обеих групп были опасения по поводу здоровья ребенка, при этом повторно рожавшие женщины сообщали о более высоком уровне стресса, связанного с социальными ситуациями (например, реакция друзей и незнакомцев на новорожденного, снижение уровня социализации) по сравнению с первородящими. Авторами подчеркивается, что при организации психологической помощи матерям в постнатальный период не стоит игнорировать многодетных матерей, как более опытных, так как у этой категории также есть свои психологические проблемы, требующие профессионального сопровождения [5].

В отличие от ГТР у женщин с паническим расстройством тревога распространяется в область переживаний о повторных панических атаках, в особенности, если это будет происходить при ребенке, так как панические атаки могут значительно дезориентировать мать. В исследовании A. Wenzel и соавторов отмечается, что у 11% женщин, находящихся в периоде от 4 до 7 мес. после родов, наблюдаются эпизоды панических атак, при этом диагноз ПР был поставлен только 1,5% матерей [26]. По словам С.Т. Векс, женщины с паническим расстройством отмечают свою неспособность выйти из дома, на прогулку с ребенком, а также беспокойство по поводу долгосрочных последствий ПР и связанной с этим изоляции детей. Женщины испытывают мучительные физические симптомы, такие как боль в груди, учащенное сердцебиение, одышка, головокружение, сдавливание горла, нечеткое зрение, усиление звуков и покалывание в конечностях [12].

Проявления ОКР в постнатальный период качественно различаются у матерей, у которых до беременности наблюдались психологические проблемы и у тех, кто столкнулся впервые с собственными неадекватными эмоциональными реакциями. Так, участницы исследования L.M. Arnold, у которых ранее наблюдались психические нарушения, сообщили об агрессивных навязчивых идеях, связанных с их детьми. Хотя ни одна из женщин не действовала в соответствии со своими навязчивыми мыслями, причиняя вред младенцам, некоторые из них отметили изменения поведения в отношении своих детей, что привело к неспособности или отказу от ухода за ними. Одни женщины проявляли избегание, другие – чрезмерную вовлечен-

ность: частые медицинские осмотры ребенка, нежелание давать ребенка в руки другим из-за страха, что с ребенком может случиться что-то плохое [7].

Однако в выборке женщин с первичным ОКР и симптомами депрессии в послеродовом периоде содержание мыслей исключало причинение вреда младенцу. Напротив, участницы часто описывали компульсивное мытье рук, уборку, проверку, без агрессивных побуждений, а из опасений, что ребенок может подвергнуться воздействию микробов [26]. Стоит отметить, что при ОКР наиболее распространенными навязчивыми страхами, наряду с боязнью заразить чем-либо ребенка (32%), является страх синдрома внезапной детской смерти (57%) и боязнь своих желаний потрясти ребенка или ударить (15%) [4].

Достаточно большой ряд психологов придерживается мнения, что роды относятся к числу экстремальных травматических стрессовых событий, которые могут привести к посттравматическому стрессовому расстройству. Распространенность ПТСР после родов, по данным различных исследований, колеблется от 6% [10] до 9% [24], а количество женщин, воспринимающих опыт своих родов как травматичный достигает 45,5% [2]. При этом, сам процесс родов необязательно должен быть сопряжен с травматическими событиями, ПТСР может возникать и после вполне благополучных родов [19].

S. Ayers анализировала вопрос, как мысли и эмоции, связанные с родами, различались у женщин с ПТСР и женщин без симптомов ПТСР через 3 месяца после родов. Женщины из первой группы сообщали о панике, гневе, мыслях о смерти, диссоциации во время родов, а также о болезненных и навязчивых воспоминаниях в послеродовой период. Они активно избегали ситуаций, которые напоминали бы им о родах, например, просмотра родов по телевизору, поступления в больницу или грудного вскармливания. Таким образом, у женщин с большей вероятностью может развиваться ПТСР, если их роды сопровождались негативными эмоциями [10].

В исследовании С.Т. Векк изучался опыт женщин с ПТСР, у которых после родов прошло от 6 недель до 14 лет. Участницы отмечали, что чувствовали себя в ловушке своих ярких воспоминаний о травматических родах и описывали свои симптомы как ужасающе реалистичные кошмары, гнев, тревогу, депрессию, диссоциацию, оцепенение и суицидальные мысли. Травматический опыт родов побуждал некоторых женщин избегать следующих беременностей, а также воздерживаться от сексуальных отношений со своими партнерами, поскольку половой акт вызывал у них воспоминания о боли и страданиях во время родов. Помимо этого, среди женщин часто наблюдалось избегание своих детей, иногда в течение нескольких лет, поскольку ребенок являлся толчком для повторного переживания травматического опыта. Некоторые женщины избегали других матерей и младенцев, что приводило к усилению материнской изоляции [11].

ПТСР у молодой матери крайне пагубно сказывается не только на качестве жизни женщины, но и на развитии ребенка, так как имеет длительные последствия. В первую очередь страдают детско-родительские отношения и качество привязанности. У женщин с ПТСР наблюдается частое нарушение способности интерпретировать эмоции младенца, в результате чего они становятся менее чувствительными к его потребностям и избегают с ребенком близости. Было показано, что у женщин отмечается склонность воспринимать своего ребенка в негативном свете, как трудного и неуправляемого, не замечая его положительных качеств, и вследствие этого у них, как правило, высокий уровень родительского стресса [24]. В качестве компенсации травматического опыта родов и для избегания чувства вины женщины с ПТСР также могут, напротив, наделять ребенка исключительно положительными качествами, что приводит к дисфункциональным воспитательным установкам [21].

В современной психологии материнства уже является бесспорным тот факт, что одним из доминирующих факторов развития проблем в постнатальный период у матери становятся ее личностные качества. По утверждению М. Роман и соавторов из всех личностных черт «Большой пятерки» с низким риском послеродовой депрессии и тревоги связаны экстраверсия и добросовестность [23]. В этой связи отмечается, что поскольку эмоциональная стабильность описывает тенденцию испытывать меньше негативных эмоций и быть стрессоустойчивой, эмоционально стабильные женщины могут быть менее восприимчивы к эскалации психопатологических симптомов в перинатальный период. Более экстравертированные люди, как правило, активнее участвуют в социальных взаимодействиях и испытывают много позитивных эмоций, следовательно, экстраверсия может быть связана с более высокой социальной поддержкой и служить буфером против возникновения негативных эмоциональных состояний в постнатальный период. А добросовестность, в свою очередь, связана с выраженным чувством контроля, цели и смысла жизни, а также с эффективной саморегуляцией. По этой причине женщины с высокими показателями добросовестности с большей вероятностью успешно справляются с переходом к материнству [9].

Похожие выводы делают М. Asadi и соавторы, которые выделяют интроверсию и нейротизм предикторами послеродовых нарушений. Поскольку такие женщины не дают себе возможности обдумать и пере-

смотреть проблему из-за неправильной ее оценки, они используют эмоционально-ориентированный стиль преодоления трудностей. Женщины с этими чертами личности склонны испытывать негативные эмоции: тревогу, чувство вины и отсутствие безопасности, они открыты к принятию психологического напряжения. Послеродовая депрессия и чувство вины более распространены среди женщин с высоким уровнем перфекционизма, а экстраверсия, принятие новых впечатлений, доброжелательность и ответственность, напротив, препятствуют вероятности эмоциональной нестабильности после рождения ребенка [8].

Поскольку роды можно трактовать как стрессовое событие, закономерно обратиться к выделению значимых в этот период способов совладания со стрессом, для которого личность привлекает различные внешние и внутренние ресурсы. Одним из таких ресурсов совладания является социальная поддержка со стороны близкого окружения – семьи, друзей, значимых других. По мнению Т.А. Силантьевой, она «служит медиатором между стрессовыми ситуациями и реакциями человека на них, предоставляя условия для формирования и развития эффективных “менее затратных” ответов на стрессоры или обеспечивая ресурсами для решения проблем» [1, с. 66].

В зарубежных исследованиях послеродовой депрессии и тревоги у женщин после родов воспринимаемой социальной поддержке, как отдельному копингу, уделяется достаточно большое внимание. Важно отметить, что часто сам факт доступности социальной поддержки является ресурсом. Человек, зная, что он может в любой момент получить поддержку от близких и значимых людей, легче справляется с ситуацией. В данном случае социальная поддержка относится к сфере внутренних ресурсов, поскольку базируется на прошлом успешном опыте. И наоборот, невозможность получения социальной поддержки, неуверенность в ее существовании еще больше дезорганизует человека, а чувство изоляции усугубляет негативное психическое состояние.

К. Khademi и соавторы в этом вопросе делают акцент на психосоциальном благополучии женщин, которое включает в себя не только эмоциональное (психологическое) благополучие, но и социально-коллективное. Проблемы в социальной поддержке в послеродовой период в первую очередь определяются семейной ситуацией и отношениями с партнером [19]. Как правило, молодые матери ожидают, что супруг будет вовлечен в заботу о ребенке, взяв на себя часть обязанностей. Но в итоге сталкиваются с семейными конфликтами, нечувствительностью со стороны мужей или чрезмерным вмешательством со стороны родственников, что еще больше усугубляет нестабильность их эмоционального состояния и дезактивирует адаптационные ресурсы.

Исследования показывают, что женщины с более высоким уровнем воспринимаемой социальной поддержки имеют меньший риск развития симптомов депрессии и тревоги во время беременности и после родов [13]. Высокая воспринимаемая социальная поддержка также ослабляет связь между стрессорами окружающей среды и негативными эмоциональными состояниями [16], а увеличение поддержки со стороны партнера и семьи предсказывает последующее снижение симптомов тревоги и стресса в постнатальный период [22].

Е. Asselmann и соавторы изучали этот вопрос на выборке женщин (n=306), начиная с ранних сроков беременности до 16 недель после родов и выявили, что в перинатальный период симптомы депрессии и стресса ниже у более добросовестных и экстравертированных женщин, а симптомы депрессии, тревоги и стресса – у эмоционально стабильных женщин. Также эти симптомы были ниже у всех женщин с высоким уровнем воспринимаемой социальной поддержки. Из этого следует, что женщины, получавшие достаточно информационной, инструментальной и эмоциональной поддержки, легче подготовились и адаптировались к материнству, так как чувствовали себя принятыми и защищенными, что привело к более низкому риску развития депрессии и тревоги.

Авторы предположили, что в целом факт снижения тревожности в послеродовом периоде может быть связан с тем, что многие будущие матери испытывают тревогу, связанную с беременностью и родами, которая уменьшается после рождения ребенка. После родов матерям приходится адаптироваться к новой ситуации, связанным с этим социально-средовым изменением, испытывать недостаток сна из-за ухода за ребенком, а также сталкиваться с возможными конфликтами с партнером, что может объяснить более высокие симптомы стресса после родов [9].

Итак, в проведенном обзоре был сделан акцент на проявлениях тревожной симптоматики в послеродовой период, которая с трудом поддается диагностике, так как может маскироваться под нормативные проявления тревоги, связанные с адаптацией к роли матери, беспокойством по поводу здоровья ребенка, недосыпанием, усталостью и т.д. Между тем, тревога после родов может достигать своего клинического выражения в форме генерализованного тревожного расстройства, панического и обсессивно-компульсивного расстройства, которые ведут за собой разное содержание мыслей и поведенческих реакций матерей. Поми-

мо этого, опыт рождения ребенка может приводить к посттравматическому стрессовому расстройству – этот аспект послеродовых эмоциональных последствий широко изучен в зарубежной психологии, но в отечественной науке процессу его формирования уделено недостаточное внимание.

Тревожные переживания матерей в послеродовом периоде при ГТР фокусируются на здоровье ребенка и на жизни в целом, без достаточных на то фактических оснований. Они создают общий тревожный эмоциональный фон в семье, беспричинное беспокойство молодой матери передается и партнеру, и самому младенцу, что отрицательно сказывается на его нервно-психической организации.

При паническом расстройстве эпизодическая пароксизмальная тревожность ведет за собой страх повторных приступов паники, что заставляет женщину изолироваться и избегать людных мест. В контексте материнства это означает изоляцию ребенка: сокращение числа прогулок, игнорирование посещений медицинских учреждений, детских площадок, развивающих кружков. Страхи молодых матерей усиливаются за счет осознания, что их панические атаки могут негативно повлиять на развитие ребенка.

Проявления ОКР на раннем этапе материнства выражаются в таких навязчивых действиях, как постоянная уборка квартиры, компульсивное мытье рук, посуды, купание младенца, частые посещения врачей из-за мыслей, что ребенок может чем-нибудь заболеть и умереть. В некоторых случаях это сопровождается агрессивными мыслями в отношении ребенка и попытками их подавить.

Посттравматическое стрессовое расстройство, развившее вследствие неблагоприятных родов, либо субъективно воспринимаемых их таковыми содержит в себе явную тенденцию к избеганию – мыслей, ситуаций, связанных с родами и беременностью, самих детей, как триггеров негативных воспоминаний. Кроме того, женщины с ПТСР склонны наделять своего ребенка исключительно отрицательными характеристиками, так как для них он является причиной и содержанием их травматического опыта.

Клинические проявления тревоги во время беременности и после родов связаны с многочисленными неблагоприятными факторами и определяющими в этом плане становятся личностные характеристики женщин. Помимо таких очевидных личностных свойств, как нейротизм, низкая стрессоустойчивость, недостаточность самоконтроля, для эмпирических исследований целесообразно выделить связи экстраверсии и воспринимаемой социальной поддержки, как внутреннего ресурса для совладания со стрессовой ситуацией родов в период адаптации к жизненному этапу материнства.

Степень восприятия социальной поддержки со стороны близкого окружения (родственников, супруга, друзей, коллег), независимо от ее реальной реализации, может быть напрямую связана с направленностью сознания женщины на внешний мир: общительностью, оптимистичностью, открытостью. Субъективное ощущение уверенности в помощи со стороны значимых других, в возможности получить эмоциональный отклик на свои переживания, в случае такой необходимости, по всей вероятности, будет являться тормозящим фактором развития высокой тревожности и ее клинических форм. Воспринимаемая социальная поддержка на достаточном уровне также может препятствовать субъективному восприятию родов, как травматического события, так как будет давать ощущение безопасности, снижать страхи, нивелировать чувство одиночества и беспомощности. И напротив, низкая уверенность в поддержке близких у интровертированных женщин, приведет к еще большей замкнутости и фиксации на своих внутренних переживаниях.

Выводы

Изучение прогностической роли конкретных личностных черт и воспринимаемой социальной поддержки у молодых матерей имеет решающее значение для раннего выявления женщин из группы риска, которым может быть полезна целенаправленная профилактика тревожности в перинатальном периоде.

Научное обоснование факторов, влияющих на психоэмоциональное состояние женщин, и необходимость планов в этой области могут сделать послеродовой период одним из самых приятных событий в жизни, а возникающие при этом трудности – возможностью для личностного роста и совершенствования женщин.

Список источников

1. Силантьева Т.А. Операционализация конструкта «социальная поддержка» // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 4. С. 57 – 70. DOI: 10.17759/jmfp
2. Якупова В.А., Аникеева М.А., Суарэз А.Д. Посттравматическое стрессовое расстройство после родов: обзор исследований // Клиническая и специальная психология. 2023. № 12 (2). С. 70 – 93. DOI: 10.17759/cpse.2023120204
3. Abeysekera M.V., Ni D., Gilbert L., Hibbert E., Nanan R. Linking the reversal of gestational insulin resistance to postpartum depression // BMC medicine. 2024. Vol. 22 (1). P. 433. DOI: 10.1186/s12916-024-03659-7

4. Abramowitz J.S., Meltzer-Brody S., Leserman J., Killenberg S., Rinaldi K., Mahaffey B. L., Pedersen C. Obsessional thoughts and compulsive behaviors in a sample of women with postpartum mood symptoms // *Archives of Women's Mental Health*. 2010. Vol. 13 (6). P. 523 – 530. DOI: 10.1007/s00737-010-0172-4
5. Affonso D.D., Mayberry L.J., Sheptak S. Multiparity and stressful events // *Journal of Perinatology: Official Journal of the California Perinatal Association*. 1988. Vol. 8 (4). P. 312 – 317.
6. Ali E. Women's experiences with postpartum anxiety disorders: a narrative literature review // *International Journal of Women's Health*. 2018. Vol. 10. P. 237–249. DOI: 10.2147/IJWH.S158621
7. Arnold L.M. A Case Series of Women with Postpartum-Onset Obsessive-Compulsive Disorder Prim Care Companion // *Journal of Clinical Psychiatry*. 1999. Vol. 1 (4). P. 103 – 108. DOI: 10.4088/pcc.v01n0402
8. Asadi M., Noroozi M., Alavi M. Factors Affecting Women's Adjustment to Postpartum Changes: A Narrative Review // *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*. 2020. Vol. 25 (6). P. 463 – 470. DOI: 10.4103/ijnmr.IJNMR_54_20
9. Asselmann E., Kunas S.L., Wittchen H-U., Martini J. Maternal personality, social support, and changes in depressive, anxiety, and stress symptoms during pregnancy and after delivery: A prospective-longitudinal study // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15(8). P. 1 – 18. DOI: 10.1371/journal.pone.0237609
10. Ayers S. Thoughts and emotions during traumatic birth: a qualitative study // *Birth*. 2007. Vol. 34 (3). P. 253 – 263. DOI: 10.1111/j.1523-536X.2007.00178.x
11. Beck C.T. Postpartum Onset of Panic Disorder // *Image: the Journal of Nursing Scholarship*, 1998. Vol. 30. P. 131 – 135.
12. Beck C.T. Post-traumatic stress disorder due to childbirth: the aftermath // *Nursing Research*. 2004. Vol. 53(4). P. 216 – 224.
13. Biaggi A., Conroy S., Pawlby S., Pariante C. M. Identifying the women at risk of antenatal anxiety and depression: a systematic review // *Journal of Affective Disorders*. 2016. Vol. 191. P. 62 – 77. DOI: 10.1016/j.jad.2015.11.014
14. Brummelte S., Galea L.A. Postpartum depression: Etiology, treatment and consequences for maternal care // *Hormones and Behavior*. 2016. Vol. 77. P. 153 – 166. DOI: 10.1016/j.jad.2015.11.014
15. Escribà-Agüir V., Artazcoz L. Gender differences in postpartum depression: A longitudinal cohort study // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2011. Vol. 65. P. 320–326. DOI: 10.1136/jech.2008.085894
16. Glazier R., Elgar F., Goel V., Holzapfel S. Stress, social support, and emotional distress in a community sample of pregnant women // *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*. 2004. Vol. 25 (3-4). P. 247 – 255. DOI: 10.1080/01674820400024406
17. Highet N., Stevenson A.L., Purtell C., Coe S. Qualitative insights into women's personal experiences of perinatal depression and anxiety // *Women Birth*. 2014. Vol. 27 (3). P. 179 – 184. DOI: 10.1016/j.wombi.2014.05.003
18. Hung C. Revalidation of the postpartum stress scale // *Journal of Clinical Nursing*. 2006. Vol. 15. P. 718 – 725. DOI: 10.1111/j.1365-2702.2006.01350.x
19. Khademi K., Kaveh M.H. Social support as a coping resource for psychosocial conditions in postpartum period: a systematic review and logic framework // *BMC Psychology*. 2024. Vol. 12. P. 301. DOI: 10.1186/s40359-024-01814-6
20. Martini J., Petzoldt J., Einsle F., Beesdo-Baum K., Höfler M., Wittchen H-U. Risk factors and course patterns of anxiety and depressive disorders during pregnancy and after delivery: a prospective-longitudinal study // *Journal of Affective Disorders*. 2015. Vol. 175. P. 385 – 395. DOI: 10.1016/j.jad.2015.01.012
21. Nicholls K., Ayers S. Childbirth-related post-traumatic stress disorder in couples: a qualitative study // *British Journal of Health Psychology*. 2007. Vol. 12 (4). P. 491 – 509. DOI: 10.1348/135910706X120627
22. Racine N., Plamondon A., Hentges R., Tough S., Madigan S. Dynamic and bidirectional associations between maternal stress, anxiety, and social support: The critical role of partner and family support // *Journal of Affective Disorders*. 2019. Vol. 252. P. 19 – 24. DOI: 10.1016/j.jad.2019.03.083
23. Roman M., Bostan C.M., Diaconu-Gherasim L.R., Constantin T. Personality traits and postnatal depression: The mediated role of postnatal anxiety and moderated role of type of birth // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 16 – 25. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01625
24. Simpson M., Schmied V., Dickson C., Dahlen H. G. Postnatal post-traumatic stress: An integrative review // *Women Birth*. 2017. P. 1 – 13. DOI: 10.1016/j.wombi.2017.12.003

25. Wardrop A.A., Popadiuk N.E. Women's Experiences with Postpartum Anxiety: Expectations, Relationships, and Sociocultural Influences // *The Qualitative Report*. 2013. Vol. 18. P. 1 – 24. DOI: 10.46743/2160-3715/2013.1564

26. Wenzel A., Gorman L., O'Hara M., Stuart S. The occurrence of panic and obsessive compulsive symptoms in women with postpartum dysphoria: a prospective study // *Archives of Women's Mental Health*. 2001. Vol. 4. P. 5 – 12. DOI: 10.1007/s007370170002

References

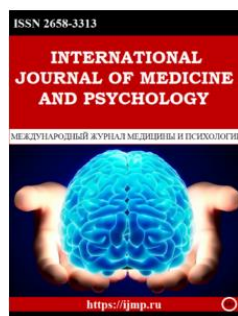
1. Silantyeva T.A. Operationalization of the construct "social support". *Modern Foreign Psychology*. 2014. Vol. 3. No. 4. P. 57 – 70. DOI: 10.17759/jmfp
2. Yakubova V.A., Anikeeva M.A., Suarez A.D. Posttraumatic stress disorder after childbirth: a review of studies. *Clinical and Special Psychology*. 2023. No. 12 (2). P. 70 – 93. DOI: 10.17759/cpse.2023120204
3. Abeysekera M.V., Ni D., Gilbert L., Hibbert E., Nanan R. Linking the reversal of gestational insulin resistance to postpartum depression. *BMC medicine*. 2024. Vol. 22 (1). P. 433. DOI: 10.1186/s12916-024-03659-7
4. Abramowitz J.S., Meltzer-Brody S., Leserman J., Killenberg S., Rinaldi K., Mahaffey B. L., Pedersen C. Obsessional thoughts and compulsive behaviors in a sample of women with postpartum mood symptoms. *Archives of Women's Mental Health*. 2010. Vol. 13(6). P. 523 – 530. DOI: 10.1007/s00737-010-0172-4
5. Affonso D.D., Mayberry L.J., Sheptak S. Multiparity and stressful events. *Journal of Perinatology: Official Journal of the California Perinatal Association*. 1988. Vol. 8 (4). P. 312 – 317.
6. Ali E. Women's experiences with postpartum anxiety disorders: a narrative literature review. *International Journal of Women's Health*. 2018. Vol. 10. P. 237 – 249. DOI: 10.2147/IJWH.S158621
7. Arnold L.M. A Case Series of Women with Postpartum-Onset Obsessive-Compulsive Disorder Prim Care Companion. *Journal of Clinical Psychiatry*. 1999. Vol. 1 (4). P. 103 – 108. DOI: 10.4088/pcc.v01n0402
8. Asadi M., Noroozi M., Alavi M. Factors Affecting Women's Adjustment to Postpartum Changes: A Narrative Review. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*. 2020. Vol. 25 (6). P. 463 – 470. DOI: 10.4103/ijnmr.IJNMR_54_20
9. Asselmann E., Kunas S.L., Wittchen H-U., Martini J. Maternal personality, social support, and changes in depressive, anxiety, and stress symptoms during pregnancy and after delivery: A prospective-longitudinal study. *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15 (8). P. 1 – 18. DOI: 10.1371/journal.pone.0237609
10. Ayers S. Thoughts and emotions during traumatic birth: a qualitative study. *Birth*. 2007. Vol. 34 (3). P. 253 – 263. DOI: 10.1111/j.1523-536X.2007.00178.x
11. Beck C.T. Postpartum Onset of Panic Disorder. *Image: the Journal of Nursing Scholarship*, 1998. Vol. 30. P. 131 – 135.
12. Beck C.T. Post-traumatic stress disorder due to childbirth: the aftermath. *Nursing Research*. 2004. Vol. 53(4). P. 216 – 224.
13. Biaggi A., Conroy S., Pawlby S., Pariante C. M. Identifying the women at risk of antenatal anxiety and depression: a systematic review. *Journal of Affective Disorders*. 2016. Vol. 191. P. 62 – 77. DOI: 10.1016/j.jad.2015.11.014
14. Brummelte S., Galea L.A. Postpartum depression: Etiology, treatment and consequences for maternal care. *Hormones and Behavior*. 2016. Vol. 77. P. 153 – 166. DOI: 10.1016/j.jad.2015.11.014
15. Escribà-Agüir V., Artazcoz L. Gender differences in postpartum depression: A longitudinal cohort study. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2011. Vol. 65. P. 320 – 326. DOI: 10.1136/jech.2008.085894
16. Glazier R., Elgar F., Goel V., Holzapfel S. Stress, social support, and emotional distress in a community sample of pregnant women. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*. 2004. Vol. 25 (3-4). P. 247 – 255. DOI: 10.1080/01674820400024406
17. Highet N., Stevenson A.L., Purtell C., Coo S. Qualitative insights into women's personal experiences of perinatal depression and anxiety. *Women Birth*. 2014. Vol. 27 (3). P. 179 – 184. DOI: 10.1016/j.wombi.2014.05.003
18. Hung C. Revalidation of the postpartum stress scale. *Journal of Clinical Nursing*. 2006. Vol. 15. P. 718 – 725. DOI: 10.1111/j.1365-2702.2006.01350.x
19. Khademi K., Kaveh M.H. Social support as a coping resource for psychosocial conditions in the postpartum period: a systematic review and logic framework. *BMC Psychology*. 2024. Vol. 12. P. 301. DOI: 10.1186/s40359-024-01814-6
20. Martini J., Petzoldt J., Einsle F., Beesdo-Baum K., Höfler M., Wittchen H-U. Risk factors and course patterns of anxiety and depressive disorders during pregnancy and after delivery: a prospective-longitudinal study. *Journal of Affective Disorders*. 2015. Vol. 175. P. 385 – 395. DOI: 10.1016/j.jad.2015.01.012

21. Nicholls K., Ayers S. Childbirth-related post-traumatic stress disorder in couples: a qualitative study. *British Journal of Health Psychology*. 2007. Vol. 12 (4). P. 491 – 509. DOI: 10.1348/135910706X120627
22. Racine N., Plamondon A., Hentges R., Tough S., Madigan S. Dynamic and bidirectional associations between maternal stress, anxiety, and social support: The critical role of partner and family support. *Journal of Affective Disorders*. 2019. Vol. 252. P. 19 – 24. DOI: 10.1016/j.jad.2019.03.083
23. Roman M., Bostan C.M., Diaconu-Gherasim L.R., Constantin T. Personality traits and postnatal depression: The mediated role of postnatal anxiety and moderated role of type of birth. *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 16 – 25. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01625
24. Simpson M., Schmied V., Dickson C., Dahlen H. G. Postnatal post-traumatic stress: An integrative review. *Women Birth*. 2017. P. 1 – 13. DOI: 10.1016/j.wombi.2017.12.003
25. Wardrop A.A., Popadiuk N.E. Women's Experiences with Postpartum Anxiety: Expectations, Relationships, and Sociocultural Influences. *The Qualitative Report*. 2013. Vol. 18. P. 1 – 24. DOI: 10.46743/2160-3715/2013.1564
26. Wenzel A., Gorman L., O'Hara M., Stuart S. The occurrence of panic and obsessive compulsive symptoms in women with postpartum dysphoria: a prospective study. *Archives of Women's Mental Health*. 2001. Vol. 4. P. 5 – 12. DOI: 10.1007/s007370170002

Информация об авторе

Гаджиева Ж.Г., аспирант, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, j.gadjieva99@mail.ru

© Гаджиева Ж.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-139-144

¹ Бардышева Т.Ю.,

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Теоретико-методологические основы формирования благоприятного социально-психологического климата студенческой группы

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические основы социально-психологического климата студенческой группы. Изучается понятие «студенческая группа», ее специфические признаки, структура и композиция. На основании работ различных исследователей изложены четыре основных подхода к пониманию социально-психологического климата. Изучается понятие «социально-психологический климат» и его характеристики. Одной из них является структура, которая состоит из двух уровней: динамического и статического. Другой характеристикой выступает его вид, который бывает благоприятным и неблагоприятным. Следующая характеристика представляет собой четыре категории факторов, влияющих на климат: социальные, эмоциональные, организационные, культурные. Упомянут подход к формированию благоприятного климата. Приводятся возможные способы и методы его диагностики и оценки. Акцентируется внимание на механизмах влияния социально-психологического климата на студентов.

Ключевые слова: социально-психологический климат, факторы социально-психологического климата, студенческая группа, учебная деятельность, образовательная среда

Для цитирования: Бардышева Т.Ю. Теоретико-методологические основы формирования благоприятного социально-психологического климата студенческой группы // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 139 – 144. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-139-144

Поступила в редакцию: 26 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Bardysheva T.Yu.,

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University

Theoretical and methodological foundations of the formation of a favorable socio-psychological climate of the student group

Abstract: this article examines the theoretical foundations of the socio-psychological climate of a student group. The concept of "student group", its specific characteristics, structure and composition are studied. Based on the work of various researchers, four main approaches to revealing the essence of the socio-psychological climate are presented. The concept of "socio-psychological climate" and its characteristics are studied. One of them is a structure that consists of two levels: dynamic and static. Another characteristic is its type, which can be favorable or unfavorable. The next characteristic represent four categories of factors influencing climate: social, emotional, organizational, cultural. The approach to creating a favorable climate is mentioned. Possible ways and methods of its assessment and diagnosis are considered. The focus is on the mechanisms of influence of the socio-psychological climate on students.

Keywords: socio-psychological climate, factors of socio-psychological climate, student group, educational activities, educational environment

For citation: Bardysheva T.Yu. Theoretical and methodological foundations of the formation of a favorable socio-psychological climate of the student group. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 139 – 144. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-139-144

The article was submitted: February 26, 2026; Approved after reviewing: April 23, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Актуальность проблемы формирования благоприятного социально-психологического климата в студенческой группе, обуславливается важностью создания в группе комфортной образовательной среды. Благоприятный социально-психологический климат создает условия для реализации студентами своих потенциальных возможностей, всестороннего развития личности, а также эффективной учебной деятельности в целом.

Изучение социально-психологического климата студенческой группы важно как для исследователей, так и для самих студентов. Выявление проблем в коллективе позволяет разработать комплекс упражнений и психологическую программу, направленную на сплочение группы. Применение субъективно-деятельностного подхода способствует позитивным изменениям в коллективе и облегчает адаптацию каждого его члена.

В данной статье будут рассмотрены важнейшие аспекты формирования благоприятного социально-психологического климата студенческой группы и как он влияет на студентов.

Материалы и методы исследований

«Студенческая группа представляет собой учебный коллектив, который оказывает влияние на формирование личности студента в период его обучения» [1, с. 94]. Студенческая группа совмещает в себе как общие признаки, присущие всем коллективам, так и специфические признаки, такие как, совместная учебная и внеучебная деятельность, профессиональная направленность деятельности, взаимосвязь задач обучения и воспитания, однородность возрастного состава. Студенты во время обучения участвуют в таких видах деятельности, как учебная, научно-исследовательская и общественная, а также могут участвовать в досуговой и эстетической.

Группа характеризуется такими основополагающими параметрами, как структура и композиция. Структура представляет собой совокупность связей внутри группы, а композиция – совокупность индивидуальных особенностей ее членов, таких как: пол, возраст, уровень образования, социальное положение, индивидуально-психологические особенности, национальная и конфессиональная принадлежность. Также важны такие характеристики группы, как сплоченность, конфликтность, организованность и ответственность.

Студенческая группа, сложившаяся как формальная, непрерывно развивается под влиянием внутренних и внешних процессов, и представляет собой динамическую систему. Эффективное становление студенческой группы состоит из развития и правильного соотношения ее формальной и неформальной структур.

Социально-психологический климат (от греч. klima (klimatos) – наклон) – «качественная сторона межличностных отношений, проявляющаяся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной совместной деятельности и всестороннему развитию личности в группе» [2].

В проблему исследования социально-психологического климата внесли свой вклад А.А. Русалинова, А.Л. Свенцицкий, А.Н. Лутошкин, Б.Д. Парыгин, В.А. Чикер, В.М. Шепель, Е.С. Кузьмин, В.А. Покровский, И.П. Чередниченко, В.В. Косалапов, К.К. Платонов, Л.П. Буева, Л.Г. Почебут, А.Н. Щербань, Н.Н. Обозов, Н.В. Тельных, Л.Н. Коган, А.К. Уледов, С.В. Сарычев, Г.М. Андреева, В.М. Завьялова и другие [3].

В отечественной психологии сложились четыре подхода к пониманию социально-психологического климата (рис. 1).

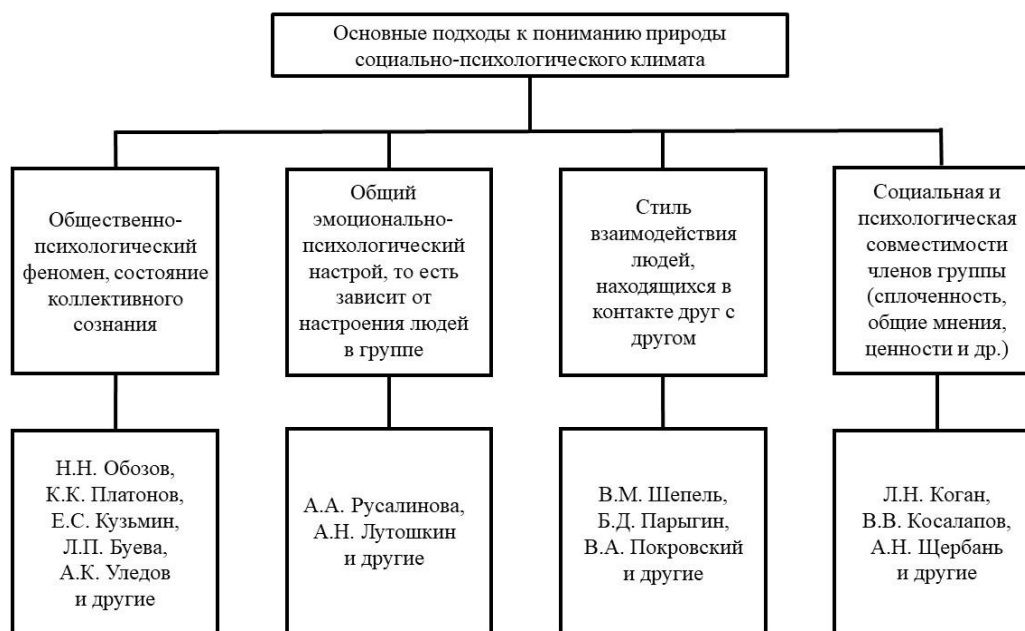

Рис. 1. Основные подходы к пониманию социально-психологического климата Источник: Составлено автором на основании [4].

Fig. 1. Basic approaches to understanding the socio-psychological climate Source: Compiled by the author based on [4].

В итоге, многие исследователи сходятся на том, что относительно устойчивый социально-психологический климат является в определенной мере целостной характеристикой группы. Он проявляется в межличностных отношениях, оказывает существенное влияние на продуктивность деятельности, а также на психоэмоциональное состояние и активность личности студентов.

Социально-психологический климат обладает своей структурой, которая состоит из двух уровней. Первый уровень – динамический, это ежедневный настрой студентов на учебный процесс, их определенное психологическое настроение. Он постоянно меняется и колеблется, иногда даже в течении дня. Этот уровень также обозначают термином «психологическая атмосфера». Второй уровень – статический, на нем социально-психологический климат рассматривается как относительно стабильное и устойчивое состояние.

В студенческой группе социально-психологический климат может быть как благоприятным, так и неблагоприятным.

Благоприятный климат стимулирует учебную мотивацию у студентов, создавая условия для личностного роста и обеспечивая продуктивность межличностных отношений во время образовательного процесса. Высокий уровень сплоченности и организованности группы позволяет уменьшить влияние информационной перегруженности среды и стресса на студентов, а также создает комфортные условия для раскрытия творческого потенциала личности [5]. Благоприятный климат в группе характеризуется активным и позитивным тоном межличностных отношений. Эти отношения базируются на принципах сотрудничества, взаимопомощи, доброжелательности и конструктивной критики, направленной на личностное развитие каждого члена группы. Он способствует улучшению психоэмоционального состояния студентов, положительно влияет на эффективность межличностной коммуникации, как с сокурсниками, так и с преподавателями.

Неблагоприятный климат воспринимается студентами как неудовлетворенность межличностными отношениями, условиями обучения и содержанием образовательного процесса. Это негативно сказывается на их психоэмоциональном фоне, мотивации к посещению занятий, а также на уровне инициативности и познавательной активности как в рамках учебной деятельности, так и за ее пределами [6]. В условиях неблагоприятного климата может наблюдаться снижение активности студентов, проявляющееся в инертности, пассивности и отсутствии инициативы к совместной деятельности. Это также может сопровождаться равнодушием группы к успехам и неудачам отдельных ее членов, что в конечном итоге приводит к нежеланию участвовать в учебном процессе [7]. Еще одним признаком может являться конфликтное и агрессивное состояние, сопровождающееся частыми спорами, разногласиями и чрезмерно выраженным соперничеством между членами группы. Длительно нахождение в такой ситуации негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии студентов, а также их мотивации и академической успеваемости.

Социально-психологический климат студенческой группы – это «общее групповое психологическое состояние, которое характеризуется особенностями социального восприятия и степенью удовлетворенности членов коллектива различными сторонами его жизнедеятельности» [8, с. 2].

Воздействие климата на различные аспекты жизнедеятельности студенческой группы и каждого студента в отдельности, является значимой частью процесса изучения этого понятия и его важности. Рассмотрим четыре ключевых механизма, посредством которых реализуется это воздействие:

1. Влияние на академическую успеваемость. Создание комфортной образовательной среды повышает эффективность учебной деятельности студентов и напрямую влияет на их успеваемость. Если студенты могут свободно выражать свое мнение и получать поддержку от преподавателей и однокурсников, то это усиливает вовлеченность в учебный процесс и мотивацию к обучению, а также позволяет лучше справляться с учебной нагрузкой.

2. Удовлетворенность от учебы. Можно сказать, что если студенты довольны своей образовательной средой, в том числе, взаимоотношениями с окружающими людьми, то они более заинтересованы быть активными участниками образовательного процесса.

3. Эмоциональное благополучие. В образовательной среде климат непосредственно связан с психоэмоциональным состоянием студентов. Из-за неблагоприятного климата могут сложиться условия для развития стресса, повышенной тревожности и, в ряде случаев, депрессивных состояний. В свою очередь, благоприятный климат способствует улучшению психоэмоционального состояния студентов. Можно говорить о том, что поддержание комфортной образовательной среды положительно влияет на психологическое здоровье студентов и способствует развитию эмоционального интеллекта.

4. Личностное развитие и социальные навыки. Взаимодействие с однокурсниками и преподавателями в комфортной образовательной среде служит практикой для навыков мышления и коммуникации, которые полезны в учебной, социальной и профессиональной сферах, а также являются частью процесса социализации и личностного развития [9].

Жизнедеятельность студенческой группы в целом и каждого студента в частности зависят от состояния социально-психологического климата. В условиях благоприятного климата студенты демонстрируют более высокий уровень мотивации к обучению и творческой самореализации. В конечном итоге это значительно влияет на эффективность учебного процесса и развитие личностного потенциала студентов. В свою очередь, сам социально-психологический климат формируется под воздействием широкого спектра факторов, отрицательно или положительно влияющих на него. Классификация этих факторов позволяет выделить несколько категорий:

1. Социальные факторы:

- групповая динамика;
- взаимоотношения между студентами и преподавателями;
- социальная поддержка.

2. Эмоциональные факторы:

- эмоциональный интеллект;
- стресс и его управление;
- система обратной связи, например, в виде конструктивной критики и похвалы.

3. Организационные факторы:

- качество образовательных программ;
- стратегия управления и организация учебного процесса;
- инфраструктура, например, учебные помещения и образовательные ресурсы.

4. Культурные факторы:

- корпоративная культура;
- традиции и мероприятия;
- образовательная среда, открытая к культурному многообразию обучающихся [9].

Результаты и обсуждения

Итак, можно сделать вывод, что существует множество факторов, от которых зависит формирование социально-психологического климата. Их подробное изучение даст возможность составить наиболее полное понимание ситуации в любой студенческой группе. Рассмотрев подробную классификацию факторов, можно увидеть в каком направлении эффективно воздействовать на дальнейшее формирование климата студенческой группы.

При постоянных изменениях образовательной среды, исследование и совершенствование социально-психологического климата имеет большое значение для обеспечения высокого качества образовательного процесса и эффективной подготовки студентов к последующей профессиональной деятельности. Для создания комфортной образовательной среды может помочь подбор специалистов, способных реализовывать современные методики обучения и развития личностного потенциала. В том числе, с помощью персонализации образовательного процесса и применения новейших IT-технологий в сфере образования. Формирование благоприятного климата в образовательной среде предполагает применение комплексного подхода. Данный подход охватывает как активное содействие со стороны педагогического состава, так и целенаправленное развитие социальных контактов между участниками образовательного процесса, а также применение методик воздействия.

Одной из важных задач образовательной деятельности, в соответствии с принципами, заложенными в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», выступает социализация обучающегося. Исследование взаимосвязи социально-психологического климата с уровнем благополучия и продуктивности образовательной деятельности демонстрирует его существенное влияние на комфортность образовательной среды и успешность образовательного процесса в целом [10].

На процессы коммуникации членов группы оказывают существенное влияние индивидуальные особенности членов группы. Они включают в себя характер, темперамент, коммуникативные и эмоционально-волевые качества, ценностно-мотивационные установки, лидерские и организаторские способности, когнитивные особенности, культурные и социальные различия. Ключевая задача преподавателей и самих студентов заключается в осознанном управлении взаимодействиями членов группы: акцентировать общие цели, развивать коммуникативную культуру и поддерживать тех, кто испытывает трудности. Это позволит создать комфортную среду, где каждый сможет раскрыть свой потенциал, а группа будет сплоченной и продуктивной. Можно заключить, что сочетание индивидуальных особенностей членов группы может как способствовать, так и препятствовать формированию благоприятного социально-психологического климата.

Для его оценки могут применяться различные методики и инструменты, такие как опросы, тесты, интервью, беседы и наблюдение. Например, можно использовать методику В.М. Завьяловой «Оценка микроклимата студенческой группы» или А. Лутошкина «Карта-схема общей оценки психологического климата». Обе методики строятся на том, что респондент выбирает степень выраженности списка полярных суждений, характеризующих его группу. Такие методики, как, социометрическое исследование Морено, «Опросник удовлетворенности учебной деятельностью» Л.В. Мищенко и «Индекс групповой сплоченности Сисшора» целесообразно использовать для дополнительного исследования студенческой группы. Для более полного понимания ситуации, можно также провести анализ педагогического стиля управления и оценить уровень конфликтности в группе. В зависимости от других поставленных задач, могут применяться иные методики, связанные с характеристиками группы и ее отдельных членов.

Выводы

Для того, чтобы учебный процесс был эффективным и комфортным для всех его участников необходимо создавать благоприятные условия в его основных аспектах: материально-техническая база, методики обучения, организация взаимодействия участников и также социально-психологический климат. Он существенно влияет на учебную успеваемость, общую удовлетворенность образовательным процессом и психоэмоциональное состояние студентов. Более того, он играет весомую роль в развитии социальных компетенций и формировании профессиональной идентичности. Таким образом, личностное и интеллектуальное развитие студентов, а также создание более гармоничной и эффективной образовательной среды в целом зависит от внимания к такой важной стороне учебного процесса, как социально-психологический климат.

Список источников

1. Исаев И.Ф., Ерошенкова Е.И., Кролевецкая Е.Н. Педагогика высшей школы: кураторство студенческой группы. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 365 с.
2. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/>
3. Ларина Г.Н. Особенности социально-психологического климата в студенческих группах в современных условиях // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2025. № 3 (75). С. 296 – 307.
4. Евсеева П.А., Офицерова С.В. Диагностика психологического климата студенческого коллектива // Материалы XVI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2024. С. 11. URL: <https://scienceforum.ru/2024/article/2018035439>

5. Гончарова Н.А., Насамбаева М.В. Взаимосвязь показателей социально-психологического климата и типа мотивации студенческой группы // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 88-1. С. 259 – 262.
6. Мудрая А.И. Социально-психологический климат студенческого коллектива. Минск: БГУИР, 2024. 78 с.
7. Фортигина С.Н., Павлова Л.Н., Чепуренко А.А., Фомина Л.Б., Каратаева Т.Ю., Стерлигова Е.А. К вопросу о влиянии социально-психологического климата на эффективность процесса обучения студентов // Ученые записки университета Лесгафта. 2023. № 3 (217). С. 492 – 495.
8. Пестова Е.С. Влияние социально-психологического климата в учебной группе на успеваемость студентов // Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2022. С. 7. URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030987>
9. Аль-Шахдани С.А.Х., Колеошкина С.В. Комфортный психологический климат в образовательной среде – ключ к успешной социализации студентов в российских вузах // Молодой ученый. 2025. № 4 (555). С. 471 – 475.
10. Заграничный А.И., Кленова М.А., Усова Н.В. Социально-психологические предикторы психологического климата в учебной группе в образовательной организации высшего образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. № 12 (1).

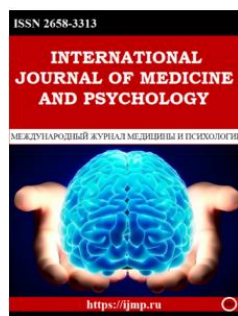
References

1. Isaev I.F., Eroshenkova E.I., Krolevetskaya E.N. Pedagogy of Higher Education: Supervising a Student Group. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 365 p.
2. The Great Russian Encyclopedia. Available at: <https://old.bigenc.ru/>
3. Larina G.N. Features of the Socio-Psychological Climate in Student Groups in Modern Conditions. Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. 2025. No. 3 (75). P. 296 – 307.
4. Evseeva P.A., Ofitserova S.V. Diagnostics of the Psychological Climate of the Student Body. Proceedings of the XVI International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum". 2024. P. 11. URL: <https://scienceforum.ru/2024/article/2018035439>
5. Goncharova N.A., Nasambaeva M.V. The relationship between the indicators of the socio-psychological climate and the type of motivation of the student group. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 88-1. P. 259 – 262.
6. Mudraya A.I. Socio-psychological climate of the student body. Minsk: BSUIR, 2024. 78 p.
7. Fortygina S.N., Pavlova L.N., Chepurenko A.A., Fomina L.B., Karataeva T.Yu., Sterligova E.A. On the influence of the socio-psychological climate on the effectiveness of the student learning process. Scientific Notes of Lesgaft University. 2023. No. 3 (217). P. 492 – 495.
8. Pestova E.S. The Influence of the Socio-Psychological Climate in the Study Group on Students' Academic Performance. Proceedings of the XIV International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum". 2022. P. 7. URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030987>
9. Al-Shahdani S.A.Kh., Koleoshkina S.V. A Comfortable Psychological Climate in the Educational Environment is the Key to Successful Socialization of Students in Russian Universities. Young Scientist. 2025. No. 4 (555). P. 471 – 475.
10. Zagranichny A.I., Klenova M.A., Usova N.V. Social and psychological predictors of psychological climate in a study group in an educational organization of higher education. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2024. No. 12 (1).

Информация об авторе

Бардышева Т.Ю., Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, bardysheva.tatiana@mail.ru

© Бардышева Т.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-145-151

¹ **Бессонова Т.И.,**

¹ Севастопольский государственный университет

Система психолого-педагогических условий и факторов как механизм инновационной готовности преподавателя высшей школы

Аннотация: в статье рассматривается комплекс взаимосвязанных психолого-педагогических элементов и процессов, которые обеспечивают способность и готовность преподавателя высшей школы к инновационной деятельности. Проводится теоретический анализ и обоснование системной модели факторов и условий. На примере преподавателей, имеющих сформированное инновационное поведение, доказано, что инновационная готовность личности отличается собственным механизмом как комплексом обязательных факторов (способностей, личностных характеристик) и необходимых условий (ресурсные возможности деятельности и образовательной среды вуза).

Введение. Инновационная деятельность преподавателя рассматривается как необходимый признак открытой образовательной системы для внедрения новых методов, форм, приёмов выполнения той или иной задачи обучения и воспитания. Помимо всего неотъемлемой частью в этом процессе является инновационный климат вуза и личность педагога с его творческим подходом, педагогическим мастерством и инновационной готовностью. Целью статьи является анализ слагаемых инновационной готовности и выявление её реального механизма как системы личностных качеств преподавателя в новых условиях академической среды. Практическая значимость настоящего исследования позволяет определить ресурсные основы содержания личности и деятельности преподавателя высшей школы, имеющего сформированную инновационную готовность.

Материалы и методы исследования. Методика исследования основана на анализе теоретических положений, эмпирических данных, опросе в виде анкетирования. Теоретической основой послужили современные научные концепции, посвященные инновационной деятельности. Исследование по изучению системы факторов и условий инновационной готовности выполнено в рамках базовой темы Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета без бюджетного финансирования и предлагает научной общественности результаты выраженности профессионально значимых свойств и качеств личности преподавателя, который уже является инноватором.

Результаты исследования. Данные результаты исследования могут быть полезны педагогическим коллективам вузов, формирующим новую инновационную среду, и дают возможность прогнозировать структурные психолого-педагогические элементы и процессы инновационной готовности преподавателя.

Обсуждение и выводы. В результате изучения было сосредоточено внимание на содержательных элементах и процессах инновационной готовности и была выстроена их системная модель, подтверждённая и расширенная результатами эмпирического исследования. Благодаря содержательному наполнению психолого-педагогических факторов и условий из реального практического опыта можно диагностировать инновационный капитал преподавателей и минимизировать кадровые риски в инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновационная готовность, психологические условия, педагогические условия, психологические факторы, педагогические факторы, инновационное поведение, инновационный опыт

Для цитирования: Бессонова Т.И. Система психолого-педагогических условий и факторов как механизм инновационной готовности преподавателя высшей школы // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 145 – 151. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-145-151

Поступила в редакцию: 18 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Bessonova T.I.,**
¹ *Sevastopol State University*

The system of psychological and pedagogical conditions and factors as mechanism of innovative readiness of a teacher of higher education

Abstract: the article considers a complex of interrelated psychological and pedagogical elements and processes that ensure the ability and readiness of a higher education teacher to innovative activities. A theoretical analysis and justification of the system model of factors and conditions is carried out. On the example of teachers who have formed innovative behavior, it has been proven that the innovative readiness of the personality is distinguished by its own mechanism as a complex of mandatory factors (abilities, personal characteristics) and the necessary conditions (resource capabilities of the activity and educational environment of the university).

Introduction. The innovative activity of the teacher is considered as a necessary sign of an open educational system for the introduction of new methods, forms, methods of performing a particular task of training and upbringing. In addition, an integral part in this process is the innovative climate of the university and the personality of the teacher with his creative approach, pedagogical skills and innovative readiness. The purpose of the article is to analyze the terms of innovative readiness and identify its real mechanism as a system of personal qualities of a teacher in the new conditions of the academic environment. The practical significance of this study makes it possible to determine the resource bases of the content of the personality and the activities of a teacher of higher education with a formed innovative readiness.

Materials and methods of research. The research method is based on the analysis of theoretical positions, empirical data, survey in the form of a questionnaire. The theoretical basis was modern scientific concepts dedicated to innovative activities. The study to study the system of factors and conditions of innovative readiness was carried out within the framework of the basic topic of the Humanitarian Pedagogical Institute of Sevastopol State University without budget funding and offers the scientific community the results of the expression of professionally significant properties and qualities of the personality of a teacher who is already an innovator.

Research results. These results of the study can be useful to the pedagogical teams of universities, forming a new innovative environment, and make it possible to predict the structural psychological and pedagogical elements and processes of the teacher's innovative readiness.

Discussion and conclusions. As a result of the study, attention was focused on meaningful elements and processes of innovative readiness and their system model was built, confirmed and expanded by the results of empirical research. Due to the content of psychological and pedagogical factors and conditions from real practical experience, it is possible to diagnose the innovative capital of teachers and minimize personnel risks in innovative activities.

Keywords: innovative activity, innovative readiness, psychological conditions, pedagogical conditions, psychological factors, pedagogical factors, innovative behavior, innovative experience

For citation: Bessonova T.I. System of psychological and pedagogical conditions and factors as a mechanism of innovative readiness of a teacher of higher education. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 145 – 151. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-145-151

The article was submitted: February 18, 2026; Approved after reviewing: April 15, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Сегодня, несмотря на широкую распространённость и определившиеся понятия инновационной деятельности, отсутствует единая трактовка определений педагогических и психологических факторов и условий инновационной готовности преподавателя высшей школы как способов, обеспечивающих инновационный процесс. Механизм инновационной готовности осмысливается в педагогике и психологии как инструменты обучения и воспитания и личностные ресурсы, которые позволяют внедрять инновации. В профессиональной деятельности преподавателя высшей школы прослеживается ядро инновационной готовности: профессионализм как важное условие высоких стандартов деятельности, способность к инновациям как основа самосовершенствования личности, рефлексия как рациональный процесс осознания и понимания себя в уникальной академической среде. Безусловно, структура готовности к инновационной деятельности может быть рассмотрена и как система психолого-педагогических факторов и условий.

Проблема исследования определяется фокусом результатов разработанности данного вопроса. Современные научные подходы в трактовке готовности к инновационной деятельности и практика определяют её, с одной стороны, как развитие личности профессионала, детерминированной внутренними и внешними условиями системного характера, а с другой стороны, актуализируется опыт больших педагогических коллективов, где значимы как условия академической среды, так и факторы инновационного опыта. Это создаёт необходимость активизации поиска как коллективных инновационных моделей образовательной деятельности, так и уникального творческого опыта отдельных личностей, имеющих уже сформированное инновационное поведение, обусловленное комплексом факторов и условий, понимание которых в разных контекстах педагогики и психологии может различаться.

Объект исследования – психолого-педагогические факторы и условия инновационной готовности.

Предмет исследования – система психолого-педагогических факторов и условий как механизм инновационной готовности преподавателя высшей школы.

Цель исследования – анализ и систематизация научных подходов и определение элементов и процессов как составляющих инновационной готовности преподавателя, имеющего сформированное инновационное поведение.

Гипотеза исследования – определение системы психолого-педагогических факторов и условий инновационной готовности преподавателя-инноватора может быть эффективным средством повышения результативности индивидуальной и коллективной инновационной деятельности в высшей школе.

Задачи исследования:

- 1) рассмотрение теоретико-методологических подходов учёных к системным составляющим инновационной готовности;
- 2) уточнение значимых психолого-педагогических факторов и условий инновационной готовности личности преподавателя высшей школы, активно включённого в инновационную деятельность.

Разделяя позиции многих исследователей, нами будут разграничены понятия «фактор» и «условие», которые в целом создают предпосылки для реализации внутренних возможностей и потребностей преподавателя высшего учебного заведения быть вовлечённым в инновации, но трактуются по-разному. Понятие «фактор» по данным педагогических и психологических словарей определяет структурный компонент какого-либо обстоятельства, личностной характеристики, а «условие» характеризует совокупность этих внутренних и внешних явлений, опосредованных влиянием личности или группы людей.

В настоящее время инновационная готовность является предметом исследования многих научных областей и интерпретируется в отечественной педагогике и психологии как важный критерий повышения качества образования и формирование новой личности преподавателя вуза [2, 13, 10, 19]. Готовность к инновационной деятельности достаточно широко исследована в отечественной педагогике и психологии и, чаще всего, структурно рассматривается как многоуровневая модель, включающая, с одной стороны, поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты (знания об инновациях, интерес и внимание к ним, вовлечённость, мотивация и результативное инновационное поведение), а, с другой стороны, это система творческих, рефлексивно-сознательных и созидательно-преобразовательных структурных элементов [3, 5, 6, 7].

Инновационная готовность есть одна из разновидностей психологической и педагогической готовности к инновационной деятельности. В арсенале современной психологической и педагогической науки имеется обширный теоретический и практический материал о проблеме готовности человека к разным видам деятельности (Ю.М. Забродина, Ю.П. Зинченко, Е.П. Ильина и др.) [6, 10, 11].

Практика подтверждает, что профессиональной готовности к инновационной деятельности свойственно такое проявление, как творческая индивидуальность. В качестве личностной категории она содержит в себе

интеллектуальные способности, широту и глубину знаний и интеллектуально-творческую инициативу [9, 20].

Результатом современных исследований стали системные модели факторов и условий инновационной готовности, где внешними условиями выступают средовые параметры, чаще всего социально-психологический инновационный климат вузовских педагогических коллективов, а внутренними факторами динамические и статистические личностные характеристики инновационного поведения преподавателя [2, 19].

Система факторов как механизм инновационной готовности определяет личностные ресурсы и даёт основания считать личность, способной к инновационной деятельности. По Н.И. Лапину, обосновавшему концепцию инновационной личности, «это особый тип творческой личности, она противопоставляется личности традиционной и обладает определёнными инновационными качествами» [11, с. 56].

И.Ф. Фильченкова, Н.В. Самсонова в аспектах своего научного анализа представляют идею о том, что системообразующим психологическим фактором готовности к инновационной деятельности может быть формирование субъектной активности для преодоления барьеров личностного развития [19].

И.Б. Авакян и её коллегами проведён один из самых глубоких факторных анализов инновационной готовности коллективов преподавателей вузов [1, 2]. В данных исследованиях доказано, что именно «стремление к саморазвитию как внутренний, результативный фактор, влияющий на инновационное поведение преподавателей вузов, обеспечивающий высокую установку на эффективное развитие творческого потенциала в условиях отказа от шаблона, рецептурности в инновационной педагогической деятельности» [1, с. 99] выступает важным психолого-педагогическим фактором инновационной готовности.

Осознавая, что в научных кругах до сих пор не выработана единая точка зрения касательно использования терминов «психолого-педагогические условия готовности к инновационной деятельности» нами рассмотрены следующие критерии по Е.С. Быковой [4] и Т.Н. Сидоровой [16]: «охват внедрения и уровень психолого-педагогической значимости инновации с учётом инновационного потенциала личности преподавателя» [4, с. 397]; «вид преобразующей деятельности как личностной и технологической готовности профессионала» [16, с. 272].

В понятие «психологические условия готовности к инновационной деятельности» современные исследователи вкладывают следующий смысл: это личностные качества профессионалов, которые не только обладают эрудицией, но и способны выступать субъектом инновационной деятельности и готовы к применению новаторских идей, преодолению профессиональных стереотипов и штампов [9, 12].

Исследователь Д.А. Зуев, анализируя психологические условия инновационной деятельности, отмечает, что инновационная социально-психологическая работа в этом направлении довольно значима для трудовых и общественных, социально значимых коллективов, их корпоративной культуры и видения «человека в человеке», однако, не должна быть подчинена только законам корпоративности и коммерциализации [8, с. 7].

В исследованиях Т.А. Прищепы подчеркивается мысль о том, что условия готовности к инновационной деятельности имеют целенаправленный характер и определяются созданием собственных инновационных разработок, активной уникальной научной грантовой деятельностью и находятся в тесном единстве с опытом преподавателя [14].

Представляет научный интерес современная оценка инновационной готовности преподавателей педагогических университетов Новосибирска и Омска [20]. «У 60 % респондентов уровень готовности выше среднего. Среднюю оценку показателя «Инициативность» получили 83 % опрошенных преподавателей. Уровень выше среднего по показателю «Предпочтение деятельности, требующей инновативности» продемонстрировали 78 % опрошенных преподавателей педагогических университетов» [20, с. 207].

Психолого-педагогические условия и факторы формируют компоненты инновационной деятельности педагога и образуют модель его инновационной компетентности [17].

Материалы и методы исследований

Наше исследование по изучению системы факторов и условий инновационной готовности выполнено в рамках базовой темы Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета и предлагает научной общественности результаты выраженности профессионально значимых свойств и качеств личности преподавателя, который уже является инноватором. Его инновационные достижения нами были выделены на основе анализа материалов, полученных при помощи ряда методов: контент-анализа документов, касающихся деятельности преподавателей, авторов инновационных обучающих и воспитательных практик, их анкетного опроса и тестирования. Объем выборки (33 чел.) оказался вполне

достаточным для получения того уровня репрезентативности, который обычно принимается в психолого-педагогических исследованиях и составляет 50% от состава преподавателей нашего Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета.

На этапе эмпирического исследования нами была предложена следующая батарея психодиагностических методик: 1) авторская анкета «Готовность к инновациям»; 2) опросник инновационной готовности персонала В.В. Пантелеевой, Т.П. Кнышевой; 3) тест-опросник «Потребность в достижении цели. Шкала оценки потребности в достижении успеха» Ю.М. Орлова; 4) методика «Шкала самооценки инновативных качеств личности» Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко; 5) методика «Диагностика личностной креативности» Е.Е. Туник [15, 18]. Разумеется, приведенный выше стандартный перечень методик не претендует на исчерпывающее определение специфики личности преподавателя-инноватора, но помогает для конкретной вузовской среды определить ведущие психологические и педагогические факторы и условия инновационной готовности. В результате сбора и обработки теоретического и эмпирического материала нами были выделены психологические личностные особенности, составившие первоначальный, несистематизированный перечень и подлежавшие упорядочению посредством обобщения, классификации и описательной статистики.

Результаты и обсуждения

Анализ анкетирования преподавателей Гуманитарно-педагогического института показал в целом положительное отношение к внедрению собственных образовательных новшеств (81,8 %). Многие из них отмечали, что они открывают новые возможности обучения. Однако, 6 преподавателей (18,2 %) выразили противоречивое отношение, в котором согласие с новшествами идёт рядом с осторожностью, связанной с дополнительными затратами времени и большим количеством документации. При введении инновации, они выделили следующие трудности: отсутствие методической базы (нет конкретных документов, методик, программ; отсутствует специальная литература; нечёткая постановка целей и задач), нежелание менять отработанные годами способы деятельности, консерватизм мышления, отсутствие опыта работы с инновационными технологиями.

Самооценка участия в инновационном процессе показала, что преподаватели в целом положительно оценивают возможности, выделяя такие личностные качества как профессионализм (81,8 %), готовность к инновациям (81,8 %), креативность (75,7 %), доверие (75,7 %), ответственность (72,7 %). У 3 (9,1 %) преподавателей выявлен низкий уровень рефлексии, что характеризует кризис идентичности, который связан с такими личностными особенностями, как замкнутость, тревожность, неуверенность в себе, импульсивность действий и поступков, необдуманность решений, частую смену целей, интересов, желание быстрого результата, необходимости внешнего контроля, что, безусловно, отражается на инновационной деятельности. Это в основном возрастная группа преподавателей после 39 лет.

Большинство респондентов (72,7 %) выбрали личную модель преподавателя-новатора, но на второе место поставили и преподавателя-исследователя и преподавателя-профессионала. Такое триединство в целом подтвердило их активное инновационное поведение.

Выявлена прямая значимая взаимосвязь между мотивационной, эмоциональной, когнитивной и организационной готовностями, что в совокупности отражает сильную связь с общим уровнем инновационной готовности личности преподавателя высшей школы, имеющего сформированное инновационное поведение как результат системного инновационного опыта.

Выводы

На основании проведенного исследования в заключении можно сделать следующие выводы:

1. Система психолого-педагогических факторов и условий инновационной готовности преподавателя является предметом исследования многих научных областей и даёт обширный теоретический и практический материал об её составляющих.
2. Психолого-педагогические факторы и условия интерпретируется в отечественной педагогике и психологии как важный критерий повышения качества образования и формирование новой личности преподавателя вуза.
3. Новым подходом в исследованиях может быть изучение личности преподавателя вуза, имеющего сформированное инновационное поведение. Его система факторов и условий инновационной готовности является отражением реального опыта.
4. В целом положительная установка на инновационную деятельность педагогического коллектива вуза и отдельно взятого преподавателя определяет её эффективность.

5. Инновационная готовность преподавателя высшей школы формируется комплексом психолого-педагогических факторов и условий, среди которых обязательны профессионализм, креативность, ответственность, доверие и системный опыт инновационной деятельности в условиях положительного социально-психологического климата коллектива.

Список источников

1. Авакян И.Б. Стремление к саморазвитию как фактор инновационной готовности преподавателей вуза // Образование и саморазвитие. 2020. Т. 15. № 2. С. 88 – 102.
2. Авакян И.Б., Виноградова Г.А. Факторный анализ развития инновационной готовности преподавателей вуза // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 1. С. 43 – 56.
3. Баталова О.С. Понятие и структура готовности педагога к реализации инновационных технологий обучения // Вестник науки. 2021. Т. 4. № 4 (37). С. 6 – 11.
4. Быкова Е.С. Исследование инновационного потенциала личности в контексте профессиональной жизнеспособности // Психология способностей и одаренности: Материалы всероссийской научно-практической конференции (Ярославль, 21-22 ноября 2019 года). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 2019. С. 396 – 398.
5. Глазырина Т.Г. Организационно-педагогические условия развития инновационной деятельности преподавателей колледжа: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2015. С. 23.
6. Горшкова Н.В., Иванов В.Ю. Исследование дефиниций «инновация» и «инновационная деятельность»: теоретический подход // Фундаментальные исследования. 2016. № 10 (часть 2). С. 380 – 385.
7. Демьянова О.Ю. Теоретические основы оценки готовности педагогов к инновационной деятельности // Вопросы науки и образования. 2020. № 1 (85). С. 64 – 74.
8. Зуев Д.А. Инновационная деятельность в социально-психологической теории и практике. Возможности коммерциализации // Вестник ВолГУ. Серия 10. Вып. 5. 2011. С. 5 – 8.
9. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения: Монография. Томск: Томский гос. ун-т, 2009. 238 с.
10. Кудашова Н.Н. Инновационная педагогика в российском высшем образовании // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 11А. С. 50 – 57.
11. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учебное пособие. М.: Издательство Университетская книга, 2020. 328 с.
12. Ложкова Г.М. Психологическое сопровождение инновационной деятельности преподавателя высшей школы: дис. ... канд. психол. наук. Тобольск, 2011. 165 с.
13. Малова М.М. Педагогические условия как основа достижения целей педагогического контроля // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77 (3). С. 150 – 153.
14. Прищепа Т.А. Особенности формирования готовности педагога к инновационной деятельности на основе развития профессионального опыта // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2015. Вып. 12 (165). С. 30 – 35.
15. Райгородский Д.Я. (редактор-составитель). Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2002. 672 с.
16. Сидорова Т.Н. Социально-психологические аспекты готовности к инновациям преподавателей вуза // Казанская наука. 2013. № 7. С. 270 – 273.
17. Тарамова М.С., Джабраилова Л.Х., Магомедова Х.Н. Инновационная компетентность педагога: сущность, структурные компоненты и характеристика // Журнал прикладных исследований. 2023. № 2. С. 133 – 139.
18. Туник Е.Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления. СПб.: Питер, 2013. 320 с.
19. Фильченкова И.Ф., Самсонова Н.В. Факторы инновационной активности преподавателей вуза // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2016. Вып. 2. С. 102 – 108.
20. Чикова О.А., Некрасова И.И. Оценка психологической готовности преподавателей педагогических вузов к инновационной деятельности путем применения методов математической статистики // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (40). С. 201 – 209.

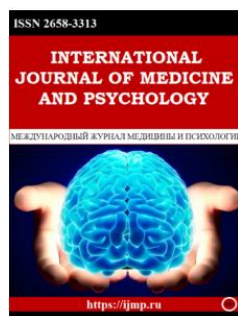
References

1. Avakyan I.B. Striving for Self-Development as a Factor in Innovative Readiness of University Teachers. *Education and Self-Development*. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 88 – 102.
2. Avakyan I.B., Vinogradova G.A. Factor Analysis of the Development of Innovative Readiness of University Teachers. *Science for Education Today*. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 43 – 56.
3. Batalova O.S. Concept and Structure of Teacher Readiness to Implement Innovative Teaching Technologies. *Science Bulletin*. 2021. Vol. 4. No. 4 (37). P. 6 – 11.
4. Bykova E.S. A Study of the Innovative Potential of an Individual in the Context of Professional Viability. *Psychology of Abilities and Giftedness: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yaroslavl, November 21-22, 2019)*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University, 2019. P. 396 – 398.
5. Glazyrina T.G. Organizational and Pedagogical Conditions for the Development of Innovative Activities of College Teachers: Abstract of a PhD Thesis. Yoshkar-Ola, 2015. p. 23.
6. Gorshkova N.V., Ivanov V.Yu. A Study of the Definitions of "Innovation" and "Innovative Activity": A Theoretical Approach. *Fundamental Research*. 2016. No. 10 (Part 2). P. 380 – 385.
7. Demyanova O.Yu. Theoretical Foundations for Assessing Teachers' Readiness for Innovative Activity. *Issues of Science and Education*. 2020. No. 1 (85). P. 64 – 74.
8. Zuev D.A. Innovative Activity in Social-Psychological Theory and Practice. Commercialization Opportunities. *Vestnik of VolSU. Series 10. Issue 5*. 2011. P. 5 – 8.
9. Klochko V.E., Galazhinsky E.V. *Psychology of Innovative Behavior: Monograph*. Tomsk: Tomsk State University, 2009. 238 p.
10. Kudashova N.N. Innovative Pedagogy in Russian Higher Education. *Pedagogical Journal*. 2024. Vol. 14. No. 11A. P. 50 – 57.
11. Lapin N.I. *Theory and Practice of Innovation: A Textbook*. Moscow: University Book Publishing House, 2020. 328 p.
12. Lozhkova G.M. Psychological Support for Innovative Activities of Higher Education Teachers: Diss. ... Cand. of Psychological Sciences. Tobolsk, 2011. 165 p.
13. Malova M.M. Pedagogical Conditions as a Basis for Achieving the Goals of Pedagogical Control. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2022. No. 77 (3). P. 150 – 153.
14. Prishchepa T.A. Features of Developing Teacher Readiness for Innovative Activities Based on the Development of Professional Experience. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015. Issue 12 (165). P. 30 – 35.
15. Raigorodsky D.Ya. (editor-compiler). *Practical psychodiagnostics. Methods and tests: a textbook*. Samara: Publishing House "Bakhrakh-M", 2002. 672 p.
16. Sidorova T.N. Social and psychological aspects of university teachers' readiness for innovation. *Kazan science*. 2013. No. 7. P. 270 – 273.
17. Taramova M.S., Dzhabrailova L.Kh., Magomedova H.N. Innovative competence of a teacher: essence, structural components and characteristics. *Journal of applied research*. 2023. No. 2. P. 133 – 139.
18. Tunik E.E. *The best tests for creativity. Diagnostics of creative thinking*. St. Petersburg: Piter, 2013. 320 p.
19. Filchenkova I.F., Samsonova N.V. Factors of Innovative Activity of University Teachers. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2016. Issue 2. P. 102 – 108.
20. Chikova O.A., Nekrasova I.I. Assessing the Psychological Readiness of Teachers of Pedagogical Universities for Innovative Activity by Applying Methods of Mathematical Statistics. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2023. No. 3 (40). P. 201 – 209.

Информация об авторе

Бессонова Т.И., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9531-3138>, SPIN-код: 2006-9543, Севастопольский государственный университет, 299080, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, tibessonova@mail.ru

© Бессонова Т.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-152-163

¹Слободчиков И.М.,

²Набойченко Е.С.,

³Дергачев А.В.,

⁴Барабанов Р.Е.,

¹Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,

²Уральский государственный медицинский университет,

³Институт психологии и информальной юстиции,

⁴Российский государственный гуманитарный университет

Эффективность коррекционной работы по снижению гаджетозависимости подростков

Аннотация: в статье рассматривается эффективность коррекционной работы, направленной на снижение гаджетозависимости у подростков. Представлен анализ психологических механизмов зависимого поведения и обоснована авторская программа, ориентированная на перестройку копинг-стратегий, снижение эмоционального напряжения и развитие саморегуляции. Показана динамика ключевых показателей, отражающих изменения в структуре психологического функционирования подростков и их поведенческих реакций в условиях повседневной цифровой среды.

Введение. В условиях стремительной цифровизации гаджетозависимость приобретает характер устойчивого поведенческого паттерна, тесно связанного с особенностями эмоциональной регуляции и способами совладания со стрессом. Подростковый возраст оказывается уязвимым этапом в связи с незрелостью механизмов самоконтроля и личностной устойчивости. Целью статьи является оценка эффективности коррекционной программы, направленной на снижение зависимого поведения и изменение связанных с ним психологических характеристик, включая эмоциональные и поведенческие аспекты.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу составляют представления о взаимосвязи зависимого поведения, эмоциональной сферы и копинг-стратегий. Используются психодиагностические методики оценки интернет-зависимости, совладающего поведения, эмоционально-личностных особенностей и уровня воспринимаемого стресса, а также методы статистического анализа. Эмпирическую основу составило исследование подростков 11-14 лет, разделённых на экспериментальную и контрольную группы. Реализована авторская коррекционная программа, включающая взаимосвязанные блоки, направленные на развитие саморегуляции и коррекцию дезадаптивных форм реагирования.

Результаты исследования. Зафиксирована выраженная положительная динамика: снижение уровня зависимого поведения, уменьшение избегательных и регрессивных стратегий, рост самоконтроля, принятия ответственности и ориентации на решение проблем. Отмечено снижение тревожности и воспринимаемого стресса, а также укрепление личностных ресурсов и повышение общей психологической устойчивости подростков.

Обсуждение и выводы. Полученные результаты подтверждают эффективность комплексной коррекционной работы и свидетельствуют о формировании более адаптивных механизмов психологической регуляции у подростков в различных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: гаджетозависимость, подростки, коррекционная работа, копинг-стратегии, тревожность, воспринимаемый стресс, психологическая коррекция

Для цитирования: Слободчиков И.М., Набойченко Е.С., Дергачев А.В., Барабанов Р.Е. Эффективность коррекционной работы по снижению гаджетозависимости подростков // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 152 – 163. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-152-163

Поступила в редакцию: 19 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ *Slobodchikov I.M.,*

² *Naboichenko E.S.,*

³ *Dergachev A.V.,*

⁴ *Barabanov R.E.,*

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,*

² *Ural State Medical University,*

³ *Institute of Psychology and Information Justice,*

⁴ *Russian State University for the Humanities*

The effectiveness of correctional work to reduce teenage gadget addiction

Abstract: the article examines the effectiveness of correctional work aimed at reducing gadget dependence in adolescents. The analysis of the psychological mechanisms of dependent behavior is presented and the author's program is substantiated, focused on restructuring coping strategies, reducing emotional stress and developing self-regulation. The dynamics of key indicators reflecting changes in the structure of psychological functioning of adolescents and their behavioral reactions in the conditions of the daily digital environment is shown.

Introduction. In the context of rapid digitalization, gadget dependence acquires the character of a stable behavioral pattern, closely related to the peculiarities of emotional regulation and ways of coping with stress. Adolescence turns out to be a vulnerable stage due to the immaturity of the mechanisms of self-control and personal stability. The purpose of the article is to evaluate the effectiveness of a correctional program aimed at reducing addictive behavior and changing related psychological characteristics, including emotional and behavioral aspects.

Materials and methods of research. The methodological basis consists of ideas about the relationship between dependent behavior, the emotional sphere and coping strategies. Psychodiagnostic methods of assessing Internet addiction, coping behavior, emotional and personal characteristics and the level of perceived stress, as well as statistical analysis methods were used. The empirical basis was a study of adolescents aged 11-14 years, divided into experimental and control groups. The author's correctional program has been implemented, which includes interrelated blocks aimed at developing self-regulation and correcting maladaptive forms of reaction.

The results of the study. A pronounced positive trend was recorded: a decrease in the level of dependent behavior, a decrease in avoidant and regressive strategies, an increase in self-control, acceptance of responsibility, and problem-solving orientation. There was a decrease in anxiety and perceived stress, as well as a strengthening of personal resources and an increase in the overall psychological stability of adolescents.

Discussion and conclusions. The results obtained confirm the effectiveness of comprehensive correctional work and indicate the formation of more adaptive mechanisms of psychological regulation in adolescents in various life situations.

Keywords: gadget addiction, teenagers, correctional work, coping strategies, anxiety, perceived stress, psychological correction

For citation: Slobodchikov I.M., Naboichenko E.S., Dergachev A.V., Barabanov R.E. The effectiveness of correctional work to reduce teenage gadget addiction. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 152 – 163. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-152-163

The article was submitted: February 19, 2026; Approved after reviewing: April 16, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В современных условиях стремительной цифровизации социальной и образовательной среды проблема гаджетозависимости подростков приобретает особую научную и практическую значимость. Электронные устройства прочно встроены в повседневную жизнь современного подростка, выполняя не только комму-

никативную, образовательную и развлекательную функции, но и выступая средством эмоциональной регуляции, способом ухода от стрессовых ситуаций и инструментом быстрого восстановления субъективного психологического комфорта. В подростковом возрасте, когда механизмы саморегуляции, эмоциональной устойчивости и копинг-поведения еще находятся в стадии активного формирования, подобная роль гаджетов становится особенно значимой. В связи с этим использование гаджетов все чаще рассматривается как следствие более глубоких изменений в системе личностного и эмоционального функционирования подростков.

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией повседневной жизни подростков, в условиях которой гаджетозависимость приобретает характер устойчивого поведенческого паттерна, влияющего на эмоциональное состояние, уровень саморегуляции и особенности совладающего поведения. Активное использование цифровых устройств все чаще выполняет функцию психологической компенсации, подменяя конструктивные способы реагирования на стресс. В подростковом возрасте, когда личностные и регуляторные механизмы находятся в стадии формирования, данная тенденция усиливает риск закрепления дезадаптивных форм поведения, что определяет необходимость разработки и эмпирической проверки эффективных коррекционных программ.

Проблема исследования – несмотря на наличие работ, описывающих феномен гаджетозависимости, недостаточно изученными остаются вопросы целенаправленной коррекции зависимого поведения с учетом его психологической структуры, включающей особенности копинг-стратегий, уровень тревожности и воспринимаемого стресса. Отсутствие комплексных программ, направленных на перестройку данных механизмов, ограничивает возможности практической психологической помощи подросткам.

Объект исследования – гаджетозависимое поведение подростков.

Предмет исследования – психологические механизмы и динамика изменений гаджетозависимого поведения подростков в условиях реализации коррекционной программы.

Цель исследования – оценить эффективность коррекционной работы, направленной на снижение гаджетозависимости у подростков, через анализ изменений копинг-стратегий, эмоционально-личностных характеристик и уровня воспринимаемого стресса.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к изучению гаджетозависимости подростков и ее психологических механизмов.
2. Выявить исходный уровень гаджетозависимости, копинг-стратегий и эмоционально-личностных характеристик у подростков.
3. Разработать и реализовать коррекционную программу, направленную на снижение гаджетозависимого поведения.
4. Оценить динамику изменений показателей интернет-зависимости, копинг-стратегий и уровня стресса после реализации программы.
5. Определить эффективность коррекционной работы и обосновать возможности её применения в практике психолого-педагогического сопровождения подростков.

В отечественной психолого-педагогической литературе гаджетозависимость рассматривается как форма нехимической зависимости, связанной с устойчивым и трудно контролируемым стремлением к использованию гаджетов. В.Л. Бозаджиев отмечает, что гаджет-аддикции отличаются вариативностью проявлений и включают как поведенческие, так и эмоциональные компоненты, формируя специфический профиль личности подростка [1]. Подростковый возраст в данном контексте является особенно уязвимым периодом, поскольку процессы саморегуляции, волевого контроля и эмоциональной устойчивости находятся в стадии активного становления. Схожую позицию занимает Н.В. Дудина, подчеркивая, что чрезмерное использование гаджетов связано с изменением структуры переживаний и нарушением эмоциональных контактов, что проявляется в тенденции к отчуждению и снижению глубины межличностного взаимодействия [4].

Рассматривая гаджетозависимость как риск-фактор жизнедеятельности, О.Н. Митрофанова и В.А. Максина указывают на её связь со снижением адаптационного потенциала личности, повышенной утомляемостью и эмоциональной нестабильностью подростков [8]. Также Т.И. Куликова отмечает снижение критичности по отношению к собственному поведению и недостаточную осознанность последствий чрезмерного использования гаджетов, что способствует доминированию импульсивных и регрессивных форм реагирования [6]. По мнению А.Е. Войскунского, гаджет-зависимость следует рассматривать как разновидность цифровой зависимости, формирующейся в среде с высокой подкрепляющей ценностью, что усиливает предпочтение пассивных способов совладания [3].

Зарубежные исследования также подтверждают связь гаджетозависимости с особенностями эмоционального реагирования и копинг-поведения. Т. Гундаги и Р. Кришнан подчеркивают, что гаджетозависимость у подростков сопровождается повышенной тревожностью и склонностью к эмоциональному избеганию, что снижает эффективность адаптации к учебным и социальным нагрузкам [10]. С. Сьяфика и С. Харон, в свою очередь, акцентируют внимание на роли среды, показывая, что наличие альтернативных форм активности способно снижать уровень гаджетозависимости и влиять на выбор копинг-стратегий [11]. К.С. Янг в рамках когнитивно-поведенческого подхода отмечает, что зависимое поведение поддерживается дисфункциональными установками и неэффективными стратегиями совладания со стрессом [12].

Таким образом, данные отечественных и зарубежных исследований позволяют рассматривать гаджетозависимость подростков как феномен, тесно связанный с особенностями эмоциональной сферы, уровнем воспринимаемого стресса и характером используемых копинг-стратегий, что определяет необходимость дальнейшего эмпирического изучения данной проблемы.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании использовались следующие методики: тест на интернет-зависимость (К. Янг, адаптация В.А. Лоскутовой) [12]; опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман) [2]; проективная рисуночная методика «Человек под дождем» (Романова Е.В., Сытько Т.И.) [7]; опросник копинг-стратегий школьного возраста (И.М. Никольская, Р.М. Грановская) [9]; шкала воспринимаемого стресса (Ш. Козн, адапт. А.А. Золотаревой) [5], а также методы математической статистики (t-критерий Стьюдента).

Выборку исследования составили 120 подростков в возрасте 11-14 лет, которые в ходе исследования были разделены на две группы: экспериментальную (72 подростка) и контрольную (48 подростков). В экспериментальную группу вошли подростки, имеющие средний и высокий уровень зависимости по тесту К. Янг, а также имеющие наблюдаемые признаки зависимого поведения: выраженная трудность произвольного ограничения времени использования гаджетов, эмоциональный дискомфорт при отсутствии доступа к устройству, преобладание активности с гаджетом над учебной, коммуникативной и досуговой деятельностью, а также использование гаджетов как ведущего способа снижения напряжения и ухода от стрессовых переживаний.

Исследование проводилось в 2025 г. на базе Лаборатории эконпсихологии Института эконпсихологии и неформальной юстиции, г. Балашиха, МБОУ «Школа №1» г. Балашиха, ГБОУ «Школа №1521» г. Москва, ЧУ СОШ «Олимп-Плюс», г. Москва.

Результаты и обсуждения

Содержание коррекционной программы представлено в табл. 1.

Таблица 1

Содержание коррекционной программы по снижению гаджетозависимости у подростков.

Table 1

The content of the correctional program to reduce gadget addiction in adolescents.

№	Блок программы	Содержание блока
1	Коррекционно-развивающий	Групповые тренинговые занятия, практикумы и ролевые упражнения, направленные на формирование осознанного контроля экранного времени, развитие навыков саморегуляции, самоконтроля, планирования решения проблемы, снижение избежательных стратегий совладания, тревожности и дистресса
2	Эмоционально-стабилизирующий	Группы психологической поддержки, коррекционные занятия по эмоциональной регуляции, релаксационные и дыхательные практики, развитие стрессоустойчивости и эмоциональной устойчивости
3	Консультативно-поддерживающий	Индивидуальные психологические консультации подростков, малые терапевтические группы, индивидуальные и групповые консультации родителей по вопросам регуляции гаджетозависимого поведения и снижения семейной конфликтности
4	Организационно-деятельностный	Творческие мастерские, спортивные и коммуникативные мероприятия, проектная деятельность, создание условий для ограничения использования гаджетов и развития альтернативных форм активности
5	Оценочно-аналитический	Первичная, промежуточная и итоговая психодиагностика, мониторинг эффективности программы, сопоставление результатов до и после реализации, анализ динамики изменений

В исследовании использовалась авторская программа коррекции по снижению гаджетозависимого поведения подростков, реализованная в течение шести месяцев. Программа была направлена на снижение выраженности зависимого поведения при использовании гаджетов, развитие навыков саморегуляции, уменьшение эмоционального напряжения и коррекцию дезадаптивных стратегий совладания, лежащих в основе зависимого поведения.

Коррекционно-развивающий блок включал в себя еженедельные групповые тренинговые занятия, практикумы и ролевые упражнения продолжительностью 1,5-2 часа. В рамках этих занятий проводилась системная работа по формированию осознанного контроля экранного времени, анализу ситуаций, провоцирующих чрезмерное использование гаджетов, и выработке альтернативных способов реагирования на стресс, скуку и эмоциональный дискомфорт. Особое внимание уделялось развитию конструктивных копинг-стратегий. Работа осуществлялась в форме тренингов саморегуляции, практических занятий по управлению поведением, ситуационного моделирования и группового обсуждения проблемных кейсов.

Эмоционально-стабилизирующий блок ориентирован на снижение тревожности, дистресса и внутреннего эмоционального напряжения, которые по результатам первичной диагностики выступали значимыми психологическими предикторами гаджетозависимого поведения. Данный блок реализовывался в форме групп психологической поддержки, коррекционных занятий по эмоциональной регуляции и практических релаксационных сессий. В ходе занятий использовались техники релаксации, дыхательные упражнения, элементы осознанности, методы распознавания и вербализации эмоциональных состояний, а также упражнения, направленные на развитие стрессоустойчивости и эмоциональной устойчивости.

Консультативно-поддерживающий блок в свою очередь включал в себя индивидуальные психологические консультации подростков, малые терапевтические группы и консультативные встречи с родителями. Работа в рамках данного направления была посвящена проработке трудностей саморегуляции, повышенной импульсивности, сниженной самооценки и эмоционального неблагополучия. Одновременно проводилась работа с родителями в форме индивидуальных и групповых консультаций, тематических встреч и просветительских бесед по вопросам установления режима использования цифровых устройств, формирования единых правил и снижения семейной конфликтности.

Организационно-деятельностный блок был реализован в форме творческих мастерских, спортивных мероприятий, коммуникативных тренингов, проектной и групповой внеурочной деятельности. В рамках данного блока подростки включались творческую, спортивную, коммуникативную и проектную деятельность, что способствовало расширению поведенческого репертуара и снижению зависимости от цифровой среды как ведущего способа эмоциональной компенсации.

Наконец, оценочно-аналитический блок включал в себя первичную и итоговую психодиагностику подростков, а также аналитические сессии по обсуждению динамики результатов. На данном этапе проводилось сопоставление показателей уровня гаджетозависимого поведения, особенностей копинг-стратегий, тревожности, дистресса и воспринимаемого стресса до начала реализации программы и после завершения формирующего этапа, что позволило объективно оценить динамику изменений и определить эффективность проведённой коррекционной работы.

После завершения реализации коррекционной программы был проведён повторный анализ результатов по пяти диагностическим методикам. Сравнительные данные по методике оценки интернет-зависимости представлены в табл. 2 и на рис. 1.

Таблица 2
Распределение подростков экспериментальной группы по уровню интернет-зависимости.

Table 2

Distribution of adolescents in the experimental group according to the level of Internet addiction.

Уровень интернет-зависимости	Количество человек	%
Низкий	24	33,3
Средний	37	51,4
Высокий	11	15,3

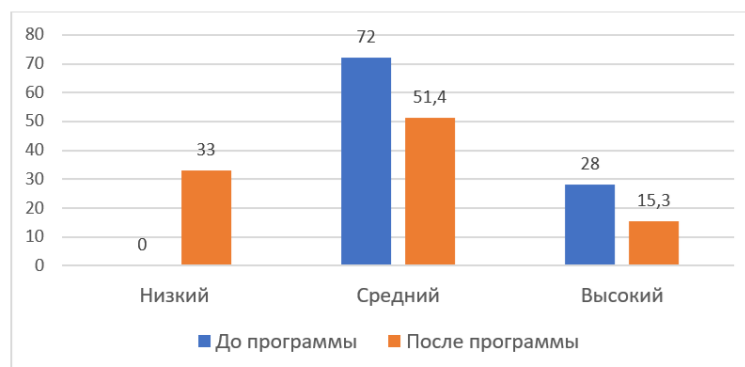

Рис. 1. Распределение подростков экспериментальной группы по уровню интернет-зависимости.
Fig. 1. Distribution of adolescents in the experimental group according to the level of Internet addiction.

После завершения программы в экспериментальной группе прослеживается выраженная положительная динамика по показателям, отражающим уровень зависимого поведения. Снижение значений среднего балла свидетельствует о том, что использование гаджетов перестало носить навязчивый и компульсивный характер. Подростки в меньшей степени продемонстрировали стремление к постоянному обращению к цифровым устройствам, а также стали менее эмоционально зависимыми от пребывания в онлайн-среде. Это особенно важно, поскольку на исходном этапе именно цифровое пространство нередко выполняло для них функцию быстрого ухода от напряжения, скуки и негативных переживаний.

Одновременно было отмечено повышение способности к самоконтролю экранного времени и более осознанному отношению к использованию цифровых ресурсов. Подростки начали в большей степени регулировать длительность пребывания в сети, а также проявлять большую готовность переключаться на альтернативные формы активности. В совокупности это позволяет говорить о снижении выраженности ключевых поведенческих симптомов гаджетозависимости и формировании более адаптивного взаимодействия с гаджетами.

Результаты исследования по методике «Способы совладающего поведения» представлены в табл. 3 и на рис. 2.

Таблица 3

Результаты применения t-критерия Стьюдента по методике «Способы совладающего поведения» до и после прохождения программы в экспериментальной группе.

Table 3

The results of applying the Student's t-test using the Methods of Coping Behavior method before and after completing the program in the experimental group.

Шкалы	Средние значения «до»	Средние значения «после»	t	p
Бегство – избегание	68,4	52,7	-2,537	p=0,01
Дистанцирование	63,2	50,9	-2,585	p=0,01
Планирование решения проблемы	46,8	57,3	2,631	p=0,01
Принятие ответственности	49,5	56,1	2,096	p=0,01
Самоконтроль	51,2	58,4	2,633	p=0,01

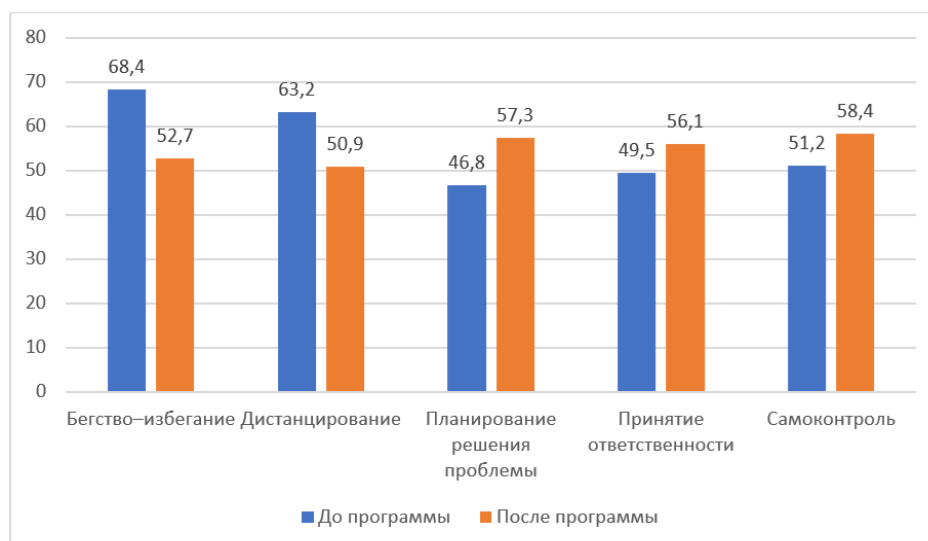

Рис. 2. Различия выраженности копинг-стратегий подростков экспериментальной группы до и после участия в программе.

Fig. 2. Differences in the severity of coping strategies of adolescents in the experimental group before and after participating in the program.

После прохождения программы в структуре копинг-стратегий подростков произошли существенные изменения, затрагивающие как дезадаптивные, так и конструктивные стратегии совладания. Наиболее заметным было снижение выраженности стратегий бегства-избегания и дистанцирования, которые ранее занимали центральное место в системе реагирования на стрессовые ситуации. Это свидетельствует о том, что подростки в меньшей степени стремятся уходить от трудностей, игнорировать проблему или эмоционально дистанцироваться от неё.

Параллельно наблюдался рост показателей по шкалам самоконтроля, принятия ответственности и планирования решения проблемы. Эти изменения отражают формирование более зрелых механизмов психологической регуляции. Подростки всё чаще ориентировались не на избегание, а на осмысление происходящего, поиск причин трудной ситуации и выстраивание последовательных действий по её разрешению. Подобная перестройка копинг-стратегий имеет принципиальное значение для коррекции гаджетозависимости, поскольку уменьшает потребность в использовании гаджетов как средства ухода от стресса.

Результаты по методике «Человек под дождём» представлены в табл. 4 и на рис. 3.

Таблица 4

Результаты применения t-критерия Стьюдента по методике «Человек под дождем» до и после прохождения программы в экспериментальной группе.

Table 4

The results of applying the Student's t-test using the «Man in the Rain» method before and after completing the program in the experimental group.

Шкалы	Средние значения «до»	Средние значения «после»	t	p
Внутренние ресурсы	0,358	0,642	2,629	p=0,01
Тревожность	1,372	1,098	-2,635	p=0,01
Готовность к действию	0,572	0,948	2,634	p=0,01
Самооценка	0,702	1,184	2,63	p=0,01

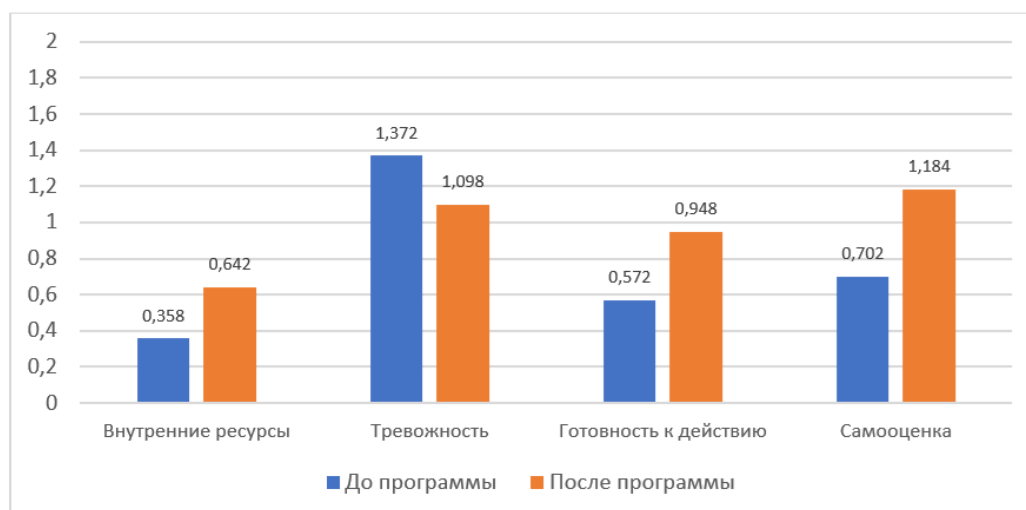

Рис. 3. Различия выраженности эмоциональных особенностей личности подростков экспериментальной группы после прохождения программы.

Fig. 3. Differences in the severity of the emotional personality traits of adolescents in the experimental group after completing the program.

После завершения программы у подростков экспериментальной группы наблюдался рост показателей внутренних ресурсов, готовности к действию и самооценки, что указывает на укрепление личностного потенциала подростков. Они начали в большей степени воспринимать себя как способных справиться с возникающими трудностями, проявлять большую активность и уверенность в собственных возможностях.

Наряду с этим отмечалось снижение уровня тревожности и внутреннего эмоционального напряжения. Для подросткового возраста это особенно значимо, поскольку именно тревожность часто становится фоном для формирования зависимых форм поведения. Уменьшение внутреннего беспокойства, повышение субъективного чувства контроля над ситуацией и укрепление чувства личной эффективности создали условия, при которых гаджеты перестали выступать основным способом эмоциональной компенсации.

Результаты частоты использования типов копинг-стратегий представлены в табл. 5 и на рис. 4.

Таблица 5

Частота использования копинг-стратегий у подростков после прохождения программы.

Table 5

Frequency of use of coping strategies in adolescents after completing the program.

Тип копинг-стратегий	ЭГ, %	КГ, %
Конструктивные стратегии	58,3	45,8
Напряжённые стратегии	47,2	49,6
Регрессивные стратегии	31,9	60,4
Защитно-избегающие стратегии	29,2	64,6

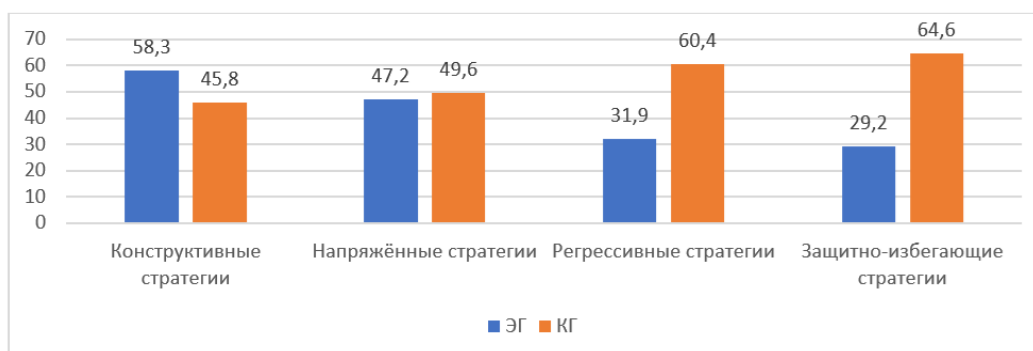

Рис. 4. Частота использования копинг-стратегий у подростков после прохождения программы.

Fig. 4. Frequency of using coping strategies in adolescents after completing the program.

Значимые изменения прослеживались в общей структуре используемых копинг-стратегий. После реализации программы увеличилась частота обращения к конструктивным способам совладания со стрессом, связанным с активным решением проблемы, поиском поддержки и осмыслением ситуации. Это свидетельствует о расширении поведенческого репертуара подростков и формировании более гибких моделей психологического реагирования.

Одновременно уменьшилась выраженность регрессивных и защитно-избегающих форм поведения. Снижение частоты применения таких стратегий имеет принципиальное значение, поскольку именно они ранее выступали психологической основой ухода подростков в цифровую среду. Формирование более устойчивых и зрелых способов адаптации позволяет говорить о качественной перестройке поведенческих механизмов реагирования на стресс и снижении риска повторного формирования зависимого поведения.

Результаты по шкале воспринимаемого стресса представлены в табл. 6 и на рис. 5.

Таблица 6

Значимые различия результатов по шкале воспринимаемого стресса.

Table 6

Significant differences in results on the scale of perceived stress.

Шкалы	Средние значения «до»	Средние значения «после»	t	Уровень значимости
Дистресс	16,84	13,92	-2,441	p=0,01
Воспринимаемый стресс	23,05	17,304	-2,624	p=0,01

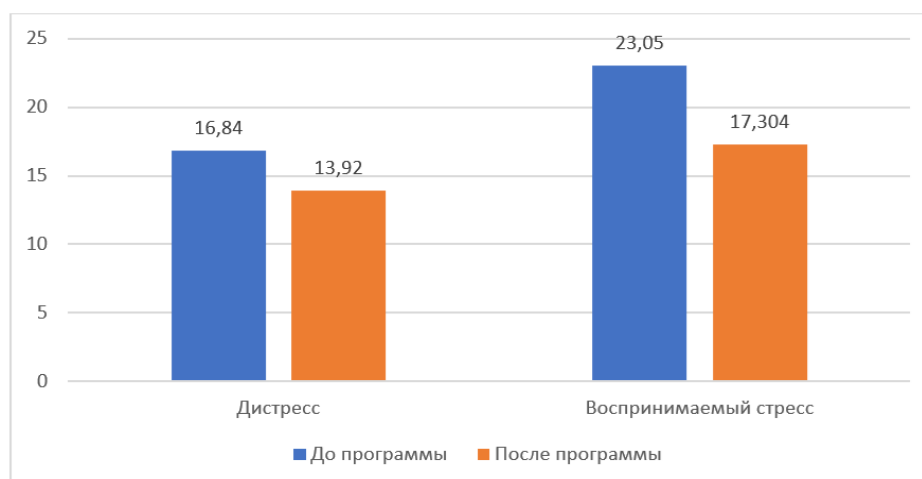

Рис. 5. Различия в выраженности факторов стресса подростков экспериментальной группы после прохождения программы.

Fig. 5. Differences in the severity of stress factors in adolescents of the experimental group after completing the program.

Заметная положительная динамика выявилась и по показателям воспринимаемого стресса. После прохождения программы снизились средние балльные значения по шкалам дистресса и общего воспринимаемого стресса, что свидетельствует о снижении субъективной тяжести переживаемых трудностей. Подростки начали воспринимать повседневные стрессовые ситуации как менее угрожающие и менее эмоционально перегружающие.

На этом фоне повысилась устойчивость к психоэмоциональным нагрузкам и способность сохранять более стабильное эмоциональное состояние в условиях внешнего напряжения. Именно хроническое эмоциональное напряжение и ощущение внутренней перегруженности ранее нередко выступали одним из ключевых факторов обращения к гаджету как к способу быстрого снижения дискомфорта. В этом смысле снижение уровня воспринимаемого стресса можно рассматривать как один из наиболее значимых эффектов проведённой коррекционной работы.

Выводы

На основании вышеизложенного нами были сделаны следующие выводы.

1. Реализация коррекционной программы способствовала снижению выраженности гаджетозависимого поведения у подростков. Это проявилось в уменьшении компульсивного использования гаджетов и формировании более осознанного контроля экранного времени.
2. В результате проведенной работы произошли значимые изменения в структуре совладающего поведения подростков. Снизилась выраженность избежательных стратегий, при одновременном росте самоконтроля, принятия ответственности и ориентации на решение проблемы.
3. Коррекционная программа оказала положительное влияние на эмоционально-личностную сферу подростков. Нами было отмечено укрепление внутренних психологических ресурсов, повышение самооценки и готовности к действию, а также снижение тревожности.
4. Выявлена перестройка общей системы копинг-стратегий в сторону более конструктивных и адаптивных форм реагирования, что позволяет говорить о повышении психологической устойчивости подростков в стрессовых ситуациях.
5. Снижение показателей дистресса и воспринимаемого стресса свидетельствует о нормализации эмоционального состояния участников исследования. Полученные результаты подтверждают эффективность коррекционной работы по снижению гаджетозависимости у подростков.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют нам сформулировать рекомендации для повышения психологического благополучия подростков и снижения выраженности гаджетозависимого поведения.

1. Рекомендуется включать в систему психолого-педагогического сопровождения подростков регулярные занятия, направленные на развитие навыков саморегуляции, самоконтроля и осознанного использования гаджетов. Особое внимание следует уделять формированию способности самостоятельно регулировать экранное время и переключаться на альтернативные виды активности.
2. Целесообразно проводить работу по развитию конструктивных стратегий совладания со стрессом, включая навыки планирования решения проблемы, принятия ответственности и поиска социальной поддержки. Это позволяет снизить вероятность использования гаджета как способа ухода от эмоционального напряжения.
3. Особое значение имеет системная работа с эмоционально-личностной сферой подростков, направленная на снижение тревожности, укрепление внутренних ресурсов и повышение самооценки, что способствует повышению психологической устойчивости подростков и снижению риска формирования зависимого поведения.
4. Рекомендуется включать в коррекционную работу родителей и педагогов, формируя единые подходы к организации режима использования гаджетов и созданию условий для альтернативной социальной, творческой и физической активности подростков. Это, как правило, повышает устойчивость достигнутых результатов и снижает риск повторного усиления гаджетозависимости.

Список источников

1. Бозаджиев В.Л. Гаджет-аддикции, их виды и психологические характеристики // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2021. № 2-3 (14-15). С. 9 – 21.
2. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р. и др. Методика для психологической диагностики способов совладания. Санкт-Петербург: Научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, 2009. 56 с.
3. Войскунский А.Е. Психология зависимости от Интернета. М.: Акрополь, 2009. 432 с.
4. Дудина Н.В. Гаджет-зависимость у детей младшего школьного возраста // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы IV междунар. конф. магистрантов, Витебск, 29 апреля 2016 года / под ред. И.М. Прищепа. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2016. С. 75 – 76.
5. Золотарева А.А. Психометрические свойства русскоязычной версии шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, PSS-10, PSS-14) // Клиническая и специальная психология. 2023. Т. 12. № 1. С. 18 – 42.
6. Куликова Т.И. Подростковая гаджетозависимость и возможность ее профилактики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 11. С. 1 – 8.
7. Менегетти А. Словарь образов: практическое руководство: перевод с итальянского и английского языков / под общей ред. Е.В. Романовой, Т.И. Сытько. Ленинград: ЭКОС, 1991. 112 с.

8. Митрофанова О.Н., Максина В.А. Гаджет-зависимость как риск-фактор жизнедеятельности человека // Безопасность жизнедеятельности: современные вызовы, наука, образование, практика: материалы IX Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет, 2019. С. 105 – 107.
9. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. Санкт-Петербург: Речь, 2000. 496 с.
10. Gundagi T., Krishnan R. Electronic gadget addiction among adolescents: Facts, impacts and measures to give up: A review article // Int J Adv Psychiatric Nurs. 2023. № 5 (1). P. 92 – 96.
11. Syafiqah S., Haron S. The Impact of Spatial Design to Avoid Gadget Addiction Among Children // ARTEKS: Jurnal Teknik Arsitektur. 2023. № 8 (1). P. 1 – 8.
12. Young K.S. Cognitive-Behavioral Therapy with Internet Addicts: Treatment outcomes and implications // CyberPsychology & Behaviour. 2007. Vol. 10. P. 671 – 679.

References

1. Bozadzhiev V.L. Gadget addictions, their types and psychological characteristics. Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Health Care. 2021. No. 2-3 (14-15). P. 9 – 21.
2. Wasserman L.I., Iovlev B.V., Isaeva E.R., et al. Methodology for psychological diagnostics of coping methods. St. Petersburg: Bekhterev Psychoneurological Research Institute, 2009. 56 p.
3. Voiskunsky A.E. Psychology of Internet Addiction. Moscow: Akropol, 2009. 432 p.
4. Dudina N.V. Gadget addiction in primary school children. Molodist. Intellect. Initiative: Proc. of the IV Intern. Conf. of Master's Students, Vitebsk, April 29, 2016. ed. by I.M. Prishchep. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2016. P. 75 – 76.
5. Zolotareva A.A. Psychometric Properties of the Russian-Language Version of the Perceived Stress Scale (PSS-4, PSS-10, PSS-14 Versions). Clinical and Special Psychology. 2023. Vol. 12. No. 1. P. 18 – 42.
6. Kulikova T.I. Adolescent Gadget Addiction and the Possibility of Its Prevention. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2025. No. 11. P. 1 – 8.
7. Meneghetti A. Dictionary of Images: A Practical Guide: Translation from Italian and English. edited by E.V. Romanova, T.I. Sytko. Leningrad: EKOS, 1991. 112 p.
8. Mitrofanova O.N., Maksina V.A. Gadget Addiction as a Risk Factor in Human Life. Life Safety: Modern Challenges, Science, Education, Practice: Proceedings of the IX Interregional Scientific and Practical Conf. with International Participation, Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin State University, 2019. P. 105 – 107.
9. Nikolskaya I.M., Granovskaya R.M. Psychological Defense in Children. St. Petersburg: Rech, 2000. 496 p.
10. Gundagi T., Krishnan R. Electronic gadget addiction among adolescents: Facts, impacts, and measures to give up: A review article. Int J Adv Psychiatric Nurs. 2023. No. 5 (1). P. 92 – 96.
11. Syafiqah S., Haron S. The Impact of Spatial Design to Avoid Gadget Addiction Among Children. ARTEKS: Jurnal Teknik Arsitektur. 2023. No. 8 (1). P. 1 – 8.
12. Young K.S. Cognitive-Behavioral Therapy with Internet Addicts: Treatment outcomes and implications. CyberPsychology & Behavior. 2007. Vol. 10. P. 671 – 679.

Информация об авторах

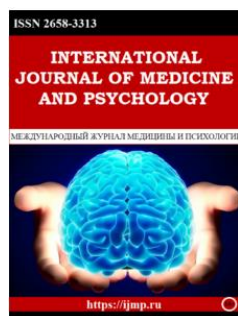
Слободчиков И.М., доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАЕН, федеральный эксперт в области образования и воспитания, главный научный сотрудник Национального исследовательского института «Воспитатели России», ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-0467>, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, il_grant@mail.ru

Набойченко Е.С., доктор психологических наук, профессор, директор Института клинической психологии, главный психолог Многопрофильного научно-практического медицинского центра «Бонум», главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7315-6741>, Уральский государственный медицинский университет, 620028, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3, dhona@mail.ru

Дергачев А.В., доктор философии педагогики (PhD), старший научный сотрудник, заведующий Лабораторией экпсихологии, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-5264-9776>, Институт психологии и информальной юстиции, 143910, г. Балашиха, ул. 40 лет Победы, д. 4, andreydergachev14@gmail.com

Барабанов Р.Е., доктор философии психологии (PhD), кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, член-корреспондент РАЕН, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4044-2685>, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6, ksp_kpr_14@mail.ru

© Слободчиков И.М., Набойченко Е.С., Дергачев А.В., Барабанов Р.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-164-171

¹ Юркова И.Г.,

¹ Тимирова Е.В.,

¹ Кубанский государственный университет

Юмор как стратегия совладания в стрессовых ситуациях в современных условиях

Аннотация: в статье приводятся результаты эмпирического исследования связей между разными стилями юмора и их влиянием на психическое состояние и выбор стратегий совладания со стрессом в зависимости от социального статуса и занятости личности. Общий объем выборки составил 42 респондента. Для решения поставленных задач применялись следующие методы сбора данных: «Опросник стилей юмора Р. Мартина, HSQ», в адаптации Е.М. Ивановой, О.В. Митина; «Шкала совладания (копинга) юмором», в адаптации Т.В. Артемьевой; «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)», в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.В. Старченковой; «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях», в адаптации Т.А. Крюковой. Результаты проведенного исследования показали, что социальный статус (характер занятости) оказывает значительное влияние на выбор стилей юмора и совладания: у студентов и неработающих респондентов юмор наиболее тесно интегрирован в адаптационные механизмы; у работающих по найму респондентов юмор используется скорее для эмоционального дистанцирования от стрессовой ситуации; у самозанятых – юмор существует как отдельный ресурс, но требует сопровождения конструктивными копинг-стратегиями. По итогам выполненного исследования были разработаны рекомендации, которые возможно учитывать при разработке программ психологической поддержки и стресс-менеджмента.

Введение. Современное общество характеризуется высокой стрессогенностью, что требует от человека постоянной адаптации к быстро меняющимся условиям и поиск эффективных стратегий совладания со стрессом. Одним из таких ресурсов выступает юмор, выполняющий когнитивную и эмоционально-регулятивную функции. В современной психологии остается недостаточно изученным вопрос о связи различных стилей юмора с выбором конкретных копинг-стратегий в зависимости от социального статуса и характера занятости индивида. Целью работы выступает анализ взаимосвязи стиля юмора, стратегий совладающего поведения и актуального психического состояния респондентов в стрессовых ситуациях с учетом их принадлежности к различным социально-профессиональным группам.

Материалы и методы исследования. Методика исследования основана на анализе теоретических положений, анализе эмпирических данных и опросе в виде анкетирования. Теоретической основой послужили теории и концепции, посвященные психологии юмора, стратегиям совладающего поведения (копинг-стратегиям) и стрессоустойчивости личности. Эмпирической основой послужило проведение психодиагностического обследования респондентов с использованием стандартизированных опросников. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием кластерного анализа, непараметрического U-критерия Манна-Уитни и корреляционного анализа Спирмена.

Результаты исследования. В результате исследования подтверждено, что характер занятости оказывает значительное влияние на выбор стилей юмора и стратегий совладания со стрессом. Разработанные рекомендации по итогам эмпирического исследования могут быть применены в практике психологов, психотерапевтов, коучей и менеджеров по персоналу.

Обсуждение и выводы. Юмор является эффективной, но не универсальной стратегией совладания в стрессовых ситуациях. Его эффективность и адаптивность могут зависеть от социального контекста и личностных ресурсов человека. Следовательно, включение юмора в программы психологической поддержки, бизнес-тренингов по управлению конфликтами и стресс-менеджменту требует учета социального статуса личности.

Ключевые слова: юмор, стили и их юмора, юмор как копинг-стратегия, совладание (копинг-стратегии), стресс, эмоциональная регуляция, психологическая устойчивость, социальная поддержка

Для цитирования: Юркова И.Г., Тимирова Е.В. Юмор как стратегия совладания в стрессовых ситуациях в современных условиях // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 164 – 171. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-164-171

Поступила в редакцию: 19 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹*Yurkova I.G.,*
¹*Timirova E.V.,*
¹*Kuban State University*

Humor as a coping strategy in stressful situations in modern conditions

Abstract: the article presents the results of an empirical study examining the relationships between different humor styles and their influence on mental state and the choice of coping strategies for stress, depending on a person's social status and employment. The total sample consisted of 42 participants. The following data collection methods were used to address the research objectives: the Humor Styles Questionnaire (HSQ) by R. Martin, adapted by E.M. Ivanova and O.V. Mitina [6]; the Humor Coping Scale adapted by T.V. Artemyeva [2]; the Strategic Approach to Coping Scale (SACS) adapted by N. Vodopyanova and E. Starchenkova [3]; and the Coping Behavior in Stressful Situations questionnaire adapted by T.A. Kryukova [8]. The results showed that social status (type of employment) significantly affects the choice of humor styles and coping strategies: among students and the unemployed, humor is most closely integrated into adaptive mechanisms; among employees, it is used mainly for emotional distancing; and among the self-employed, it exists as an independent resource but requires support from constructive coping skills. Based on the findings, recommendations were developed for use in psychological support and stress management programs.

Introduction. Contemporary society is characterized by elevated stress reactivity, requiring individuals to engage in continuous psychological adaptation to rapidly changing environmental demands and to identify effective coping mechanisms. One such adaptive resource is humor, which serves both cognitive and affect-regulatory functions within the individual's coping repertoire. Within current psychological research, the relationship between distinct humor styles and the selection of specific coping strategies remains insufficiently explored, particularly in relation to variations in social status and occupational context. The present study aims to examine the interrelations among humor styles, coping strategies, and the respondents' current psychological states under stress, taking into account their affiliation with different socio-professional groups.

Materials and methods of research. The research methodology is grounded in the analysis of theoretical frameworks, the examination of empirical data, and survey-based data collection through structured questionnaires. The theoretical foundation draws upon established models and concepts in the psychology of humor, coping strategies, and individual stress resilience. The empirical component involved the administration of psychodiagnostic assessments using standardized instruments. Statistical analysis of the collected data was conducted employing cluster analysis, the nonparametric Mann–Whitney U test, and Spearman's rank-order correlation analysis.

Research results. The findings of the study confirm that the nature of occupational engagement significantly influences the selection of humor styles and coping strategies in response to stress. The recommendations developed on the basis of the empirical results may be applied in professional practice by psychologists, psychotherapists, coaches, and human resource managers.

Discussion and conclusions. Humor constitutes an effective, yet not universal, coping strategy in stressful situations. Its efficacy and adaptive value are contingent upon the social context and the individual's personal resources. Accordingly, the integration of humor into psychological support programs, as well as into business training in conflict management and stress management, requires careful consideration of the individual's social status.

Keywords: humor, humor styles, humor as a coping strategy, coping strategies, stress, emotional regulation, psychological resilience, social support

For citation: Yurkova I.G., Timirova E.V. Humor as a coping strategy in stressful situations in modern conditions. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 164 – 171. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-164-171

The article was submitted: February 19, 2026; Approved after reviewing: April 17, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Современное общество характеризуется кризисом ценностей и общим духовным упадком, что сказывается как на жизнедеятельности личности, так и на социальной среде в целом [4]. Человек сталкивается с многочисленными стрессогенными факторами – социально-экономическими, экологическими, профессиональными, – что требует постоянной адаптации к быстро меняющимся условиям. Повышение физических и эмоциональных нагрузок может негативно влиять на функциональное состояние, личностный статус и профессиональную эффективность, а также провоцировать развитие психосоматических нарушений [7].

В этих условиях изучение стрессоустойчивости и стратегий совладания приобретает особую значимость. Юмор рассматривается как эффективная стратегия совладания, способная изменять восприятие стрессовой ситуации, снижать напряжение и агрессию, заменять отрицательные эмоции положительными и способствовать физиологическому восстановлению [9].

Несмотря на активное изучение юмора и копинг-стратегий в психологии, их взаимосвязь и влияние на психоэмоциональное состояние в стрессовых ситуациях исследованы недостаточно, что определяет актуальность настоящего исследования.

Среди авторов, которые уделяют внимание исследованию вопросов природы, функций, механизмов юмора как стратегии совладания со стрессом, следует выделить работы: Д. Айкер, Т.В. Артемьевой, И. Домбовской, А.А. Заякина, Р. Мартина, Э.З. Усмановой, С.А. Хазовой и др.

Материалы и методы исследований

Цель исследования – изучение взаимосвязи между стилями юмора, стратегиями совладания и психическим состоянием в стрессовых ситуациях. Исследование проводилось среди студентов и работающих на себя или по найму специалистов разных специальностей, а также разного социального статуса и положения. В исследовании приняли участие 42 человека в возрасте от 18-35 лет, из них 16 мужчин и 26 женщин.

Для достижения цели исследования применялись следующие методы сбора данных: «Опросник стилей юмора Р. Мартина, HSQ», в адаптации Е.М. Ивановой, О.В. Митина [6]; «Шкала совладания (копинга) юмором», в адаптации Т.В. Артемьевой» [2]; «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)», в адаптации Н. Водопьяновой, Е. Старченковой [3]; «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях», в адаптации Т.А. Крюковой [8]. Для анализа полученных данных применялись методы математико-статистического анализа, содержащиеся в программном обеспечении Excel, а именно: кластерный анализ методом К-средних, непараметрический критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции рангов Спирмена.

Результаты и обсуждения

По результатам анализа и обработки данных следует отметить преобладание неоднородности выборки (средние оценки и баллы). Возможными причинами могли стать: респонденты, принимающие участие в нашем исследовании, были в большом возрастном диапазоне (18-35 лет); было задействовано не равное количество женщин и мужчин (мужчин 16, женщин 26). Принято решение о группировке респондентов методом кластеризации в целях проведения последующих аналитических операций. Результаты кластеризации показали, что наиболее устойчивые различия между кластерами определял социальный статус (характер занятости), респонденты сгруппированы в следующие кластеры: неработающие в данный момент, в т.ч. студенты; работающие на себя; работающие по найму.

При анализе значимости различий в стилях юмора в зависимости от социального статуса (характера занятости) были установлены значимые различия по следующим шкалам:

– «агрессивный юмор» между группами «неработающие в данный момент, в т.ч. студенты» и «работающие на себя» ($U=29,5$ при $p \leq 0,01$); и между группами респондентов «работающие на себя» и «работающие по найму» ($U=27$ при $p \leq 0,01$).

– «самоуничжительный юмор» между группами «работающие на себя» и «работающие по найму» ($U=58$ при $p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ между шкалами совладания с помощью юмора (адаптация Т.В. Артемьевой) и стилями юмора Р. Мартина, HSQ (адаптация Е.М. Ивановой) в разных группах занятости выявил характерные особенности (табл. 1).

Таблица 1

Значимые корреляционные связи между шкалами опросника стилей юмора Р. Мартина и совладания (копинга) юмором.

Table 1

Significant correlations between the scales of R. Martin's humor style questionnaire and coping with humor.

Шкала	Аффилирован-ный юмор	Самоподдер-живающий юмор	Агрессив-ный юмор	Самоуни-чижительный юмор
Не работающие в данный момент / Студенты				
Совладание юмором	0,529*	0,737**	-0,121	-0,198
Агрессивный юмор	0,055	-0,06	0,125	0,423*
Работающие в найме				
Совладание юмором	0,107	0,541*	0,243	0,135
Агрессивный юмор	0,410	-0,109	0,057	0,549*
Самоуничижительный юмор	0,418*	-0,104	0,549*	0,158
Работающие на себя				
Совладание юмором	-0,420*	0,698*	-0,351	-0,547
Агрессивный юмор	-0,052	-0,192	-0,254	0,245
Самоуничижительный юмор	0,829**	0,075	0,245	0,198
Примечание: * – Корреляция значима на уровне 0,05; ** – Корреляция значима на уровне 0,01				

У неработающих респондентов и студентов обнаружены высокая положительная связь совладание юмором с самоподдерживающим стилем и умеренная положительная – с аффилированным юмором, что указывает на использование юмора для саморегуляции и поддержания позитивного настроения через социальное взаимодействие. У работающих по найму положительная связь с самоподдерживающим юмором также выражена, при этом наблюдаются положительные умеренные корреляции агрессивного юмора с самоуничижительного и агрессивного юмора с аффилированным, которые отражают неоднородность юмористических проявлений. У самозанятых получены наиболее значимые положительные корреляции между аффилированным и самоуничижительным юмором, а также между шкалами «совладание юмором» и «самоподдерживающий стиль», такая связь свидетельствует о склонности респондентов к самоиронии в профессиональной деятельности. Следующим этапом исследования стало определение значимых корреляционных связей между шкалами совладание с помощью юмора (адаптация Т.В. Артемьевой) и стратегиями совладания со стрессом «SACS» (адаптация Н. Водопьяновой, Е. Старченковой) в группах с учетом разного социального статуса (табл. 2).

У студентов и временно неработающих респондентов юмор имеет сильные положительные корреляции с конструктивными стратегиями совладания (ассертивность, вступление в социальные контакты, поиск социальной поддержки), что указывает на высокий адаптивный потенциал. Наиболее значимая связь в этой группе респондентов выявлена между совладением юмором и индексом конструктивности стратегий преодолевающего поведения, следовательно юмор является конструктивной стратегией для студентов и временно неработающих респондентов.

У работающих в найме респондентов совладание с помощью юмора не связан со стратегиями совладания со стрессом. Это может свидетельствовать о том, что для этой группы респондентов, в отличие от студентов и не работающих, использование юмора не является системной стратегией, а скорее всего может быть ситуативным копингом при стрессовых ситуациях. Вероятно, профессиональная среда накладывает ограничения на использование юмора в качестве копинг-стратегии.

В данной группе респондентов выявлены наиболее значимые и конструктивные внутренние связи между стратегиями «ассертивные действия» – «индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения» и деструктивные «ассертивные действия» – «импульсивные действия», «индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения» – «импульсивные действия». Интересно отметить, что избегание у них положительно связано с индексом конструктивности стратегий преодолевающего поведения. Это может говорить о том, что при работе в найме избегание конфликта возможно является тактической и конструктивной стратегией.

Таблица 2
Значимые корреляционные связи стратегий преодоления стрессовых ситуаций с уровнем совладания (копинг) юмором.

Table 2

Significant correlations between coping strategies for stressful situations and the level of humor coping.

Шкалы	Ассертивные действия	Вступление в социальный контакт	Поиск социальной поддержки	Осторожные действия	Импульсивные действия	Избегание	Непрямые действия	Асоциальные действия	Агрессивные действия	ИКСПП***
Не работающие в данный момент / Студенты										
Совладание юмором	0,608*	0,595*	0,573*	0,481	-0,022	-0,341	-0,011	-0,181	-0,334	0,704**
Асоциальные действия	0,326	0,208	0,326	0,436	0,145	0,093	0,826**	0,195	0,553*	-0,379
Работающие в найме										
Совладание юмором	0,254	0,155	-0,062	-0,154	-0,069	0,366	0,259	0,129	-0,271	0,016
Ассертивные действия	0,365	0,281	-0,054	0,132	-0,512*	-0,399	0,049	0,117	-0,397	0,654*
Импульсивные действия	-0,512*	-0,194	0,028	0,156	0,279	0,357	0,06	0,01	0,454	-0,537*
Избегание	-0,399	0,205	0,098	0,131	0,357	0,245	0,519*	-0,029	0,331	0,547*
Асоциальные действия	0,117	-0,023	-0,425	-0,56*	0,01	-0,029	0,357	0,286	0,087	-0,394
ИКСПП	0,654*	0,299	0,385	0,27	-0,537*	-0,547*	-0,563*	-0,394	-0,493	0,186
Работающие на себя										
Совладание юмором	-0,037	-0,355	-0,259	-0,152	0,016	0,066	-0,531	-0,278	-0,128	0,194
Ассертивные действия	0,325	0,091	0,614*	0,311	0,012	-0,316	0,021	-0,063	-0,259	0,472
Поиск социальной поддержки	0,614*	0,15	0,025	0,096	0,152	-0,325	0,271	0,128	-0,08	0,236
Избегание	-0,316	0,29	-0,325	0,446	-0,133	0,271	-0,01	0,212	0,474	-0,696*
Асоциальные действия	-0,063	0,393	0,128	0,245	0,42	0,212	0,78	0,175	0,556*	-0,591*
ИКСПП	0,472	-0,245	0,236	0,061	-0,271	-0,696*	-0,346	-0,591*	-0,848*	-0,264
Примечание: * – Корреляция значима на уровне 0,05; ** – Корреляция значима на уровне 0,01; ***ИКСПП – Индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения										

У самозанятых респондентов юмор также, как и у работающих в найме, не связан со стратегиями совладания со стрессом. Ассертивные действия у них положительно связаны с поиском социальной поддержки. Наиболее значимые отрицательные связи в группе самозанятых выявлены между индексом конструктивности стратегий преодолевающего поведения и такими стратегиями, как избегание, асоциальные и агрессивные действия. То есть конструктивный стиль (ИКСПП) определяется через отрицание деструктивных стратегий – для самозанятых важно не использовать именно их.

Далее проводился анализ значимых корреляционных связей между шкалами копинг-поведения (адаптация Т.А. Крюковой) и шкалой совладания с помощью юмора (адаптация Т.В. Артемьевой) в выделенных группах респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Значимые корреляционные связи по шкалам «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и уровнем совладания (копинг) юмором.

Table 3

Significant correlations between the "Coping behavior in stressful situations" scale and the level of coping with humor.

Шкала	Проблемно-ориентированный копинг	Эмоционально-ориентированный копинг	Копинг, ориентированный на избегание	Отвлечение	Социальное отвлечение
Не работающие в данный момент / Студенты					
Совладание юмором	0,596*	-0,455	0,735**	0,445	0,842**
Проблемно-ориентированный копинг	0,341	-0,275	0,748**	0,569*	0,556*
Работающие в найме					
Совладание юмором	-0,272	-0,617*	-0,264	-0,438	-0,095
Работающие на себя					
Совладание юмором	0,205	-0,626*	0,019	0,035	-0,108
Примечание: * – Корреляция значима на уровне 0,05; ** – Корреляция значима на уровне 0,01					

Анализ показал положительную связь юмора у студентов и неработающих респондентов с проблемно-ориентированным копингом; копингом, ориентированным на избегание, и наиболее значимую с социальным отвлечением. Это указывает, что юмор в этой группе выступает как активная стратегия для решения проблем и как способ отвлечься от проблем, избежать давления, получить поддержку. При этом у них проблемно-ориентированным копинг тесно связан с избегающим, следовательно для студентов и неработающих респондентов активное решение проблем и избегание не являются взаимоисключающими, а скорее всего выступают как дополняющие – стратегия избегание/отвлечение как пауза (передышка) перед решением проблемы.

У работающих по найму юмор отрицательно связан с эмоционально-ориентированным копингом. Следовательно, юмор для них не способ пережить эмоции, а способ обойти их. Отсутствие связей с другими копингами показывает, что юмор для работающих в найме не является системной стратегией.

У самозанятых выявлены идентичные с работающими в найме корреляционные связи – отрицательная связь с эмоционально-ориентированным копингом. То есть для этой группы респондентов, также как и для работающих в найме, юмор является способом обойти и рационализировать эмоциональную составляющую стресса.

Таким образом, результаты исследования показывают, что существуют устойчивые различия в использовании юмора в качестве стратегии совладания со стрессом между тремя группами в зависимости от форм занятости: студенты/неработающие, работающие по найму и самозанятые.

Для студентов/неработающих юмор наиболее тесно интегрирован в адаптивные механизмы. У работающих по найму респондентов юмор в значительной степени используется для эмоционального дистанцирования от проблем. Для самозанятых юмор выступает как самостоятельный психологический ресурс, однако его адаптивность ограничена. Наблюдается склонность к самоиронии, при этом слабая связь с другими конструктивными стратегиями совладания.

Выводы

Таким образом, в качестве рекомендаций для практического применения юмора в развитии стрессоустойчивости необходимо учитывать следующие направления:

1. индивидуальный подход (социальный статус и занятость), а также возрастных особенностей при разработке психологических программ.
2. включение в тренинги и психологические интервенции упражнений:

- на самоиронию и позитивное общение для развития самоподдерживающего и аффилированного юмора;
- наглядно демонстрирующих способ замены деструктивных форм юмора на более конструктивные [1].
- 3. включение юмора в комплексные программы стресс-менеджмента в целях интеграции юмора с другими конструктивными копинг-стратегиями, такими как ассертивность, поддержка и переоценка [5].
- 4. в образовательных и рабочих коллективах можно внедрять практики, способствующие развитию позитивного социального климата и эмоциональной поддержки (тематические квартирники, КВН, stand-up и др.).
- 5. разработка специализированных программ для самозанятых, которые включают не только тренинги по развитию конструктивных копинг-навыков, но и работу с личностной ответственностью, саморегуляцией и управлением эмоциональными реакциями.

Список источников

1. Айкер Д. Юмор – это серьезно. Ваше секретное оружие в бизнесе и жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 240 с.
2. Артемьева Т.В. О методе исследования совладания (копинг) юмором и его возможностях // Казанский педагогический журнал. 2011. № 4 (88). С. 118 – 123.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса: практикум по психологии. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
4. Домбровская И.С. Культурно-историческая психология юмора. М.: Интеллектуальная издательская система Ridero, 2022. 280 с.
5. Заякина А.А., Митрофанова Е.Н. Взаимосвязи стилей юмора и используемой стратегии совладания юмором // Психология психических состояний: Сборник материалов XVII Всероссийской научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов. Казань: Казанский университет, 2023. Вып. 17. С. 133 – 137.
6. Иванова Е.М., Митина О.В., Зайцева А.С., Стефаненко Е.А., Ениколопов С.Н. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. № 6 (2). С. 71 – 85.
7. Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2025. 296 с.
8. Козлов В.В., Мазиллов В.А., Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп: учебное пособие. М.: МАПН, Изд-во Института Психотерапии, 2018. 660 с.
9. Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. 480 с.
10. Юркова И.Г., Скрипниченко Л.С. Психология организационных систем: личность, группы, лидерство. Краснодар: КубГУ, 2025. 218 с.
11. Ясько Б.А., Юркова И.Г., Скрипниченко Л.С. Личностные ресурсы психической устойчивости субъектов традиционных видов профессиональной деятельности в изменяющейся предметной среде // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. М.: Институт психологии РАН, 2024. Т. 9. № 2. С. 85 – 111.

References

1. Eicher D. Humor is Serious: Your Secret Weapon in Business and Life. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber, 2021. 240 p.
2. Artemyeva T.V. On the Method of Studying Coping with Humor and Its Potential. Kazan Pedagogical Journal. 2011. No. 4 (88). P. 118 – 123.
3. Vodopyanova N.E. Psychodiagnostics of Stress: A Practical Guide to Psychology. St. Petersburg: Piter, 2009. 336 p.
4. Dombrovskaya I.S. Cultural and Historical Psychology of Humor. Moscow: Ridero Intellectual Publishing System, 2022. 280 p.
5. Zayakina, A.A., Mitrofanova, E.N. Relationships between Humor Styles and the Strategies Used for Coping with Humor. Psychology of Mental States: Collection of Materials of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference for Students, Master's Students, Postgraduates, Young Scientists, and University Professors. Kazan: Kazan University, 2023. Issue 17. P. 133 – 137.
6. Ivanova E.M., Mitina O.V., Zaitseva A.S., Stefanenko E.A., Enikolopov S.N. Russian-language adaptation of R. Martin's Humor Styles Questionnaire. Theoretical and Experimental Psychology. 2013. No. 6 (2). P. 71 – 85.
7. Kozintsev A.G. Man and Laughter. St. Petersburg: Aleteya, 2025. 296 p.

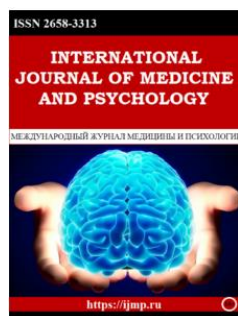
8. Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P. Social and psychological diagnostics of personality and small groups: a tutorial. Moscow: MAPN, Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2018. 660 p.
9. Martin R. Psychology of humor. St. Petersburg: Piter, 2009. 480 p.
10. Yurkova I.G., Skripnichenko L.S. Psychology of organizational systems: personality, groups, leadership. Krasnodar: KubSU, 2025. 218 p.
11. Yas'ko B.A., Yurkova I.G., Skripnichenko L.S. Personal resources of mental stability of subjects of traditional types of professional activity in a changing subject environment. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2024. Vol. 9. No. 2. P. 85 – 111.

Информация об авторах

Юркова И.Г., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-8181-0390>, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, ул. Ставропольская 149, shelig@rambler.ru

Тимирова Е.В., кандидат экономических наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0397-8939>, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, ул. Ставропольская 149, timirova.ev@yandex.ru

© Юркова И.Г., Тимирова Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.01

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-172-178

¹ Петунова С.А.,

¹ Николаев Е.Л.,

¹ Фомина В.Н.,

¹ Максимова Н.Л.,

¹ Бейранванд Махяр,

¹ Мехди Пур Мохаммад Реза,

¹ Чакоши Аболфазл,

¹ Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Особенности стратегий совладания со стрессом у студентов с никотиновой зависимостью

Аннотация: в работе представлен анализ результатов исследования особенностей механизмов совладания со стрессом у студентов с никотиновой зависимостью. В опросе приняли участие 120 студентов в возрасте 19-27 лет, среди которых 64 – девушки и 56 – юноши. Выборку преимущественно составили студенты старших курсов. На первом этапе была проведена оценка степени выраженности никотиновой зависимости и типа курительного поведения у студентов. Далее выборка была разделена на две группы: студенты с выраженной тягой к курению и некурящие. Что позволило проанализировать особенности механизмов совладания со стрессом в сравниваемых группах. Полученные данные подчеркивают специфику различий между девушками и юношами, в формировании и поддержании никотиновой зависимости. Эмоциональная депривация, тревога и стресс являются доминирующими факторами употребления никотина у девушек, в то время как юноши прибегают к употреблению табака в случае необходимости в энергетической стимуляции, желании получить быстрый источник удовольствия. Доминирующими стратегиями совладания со стрессом у большинства опрошенных студентов являются «планирование решения проблем» и «дистанцирование». Однако, использование адаптивных копинг механизмов, чаще встречается в группе некурящих, они активно стремятся взаимодействовать с социумом, ориентированы на позитивное мышление, готовы к переоценке сложных ситуаций, что говорит об их способности к более зрелой эмоциональной саморегуляции. Стратегии «конфронтация» и «бегство-избегание», чаще встречаются в подгруппе зависимых от никотина студентов. Данное исследование может быть использовано для образовательных, просветительских проектов, в практической деятельности клинических психологов, психотерапевтов и наркологов для разработки индивидуальных программ лечения, психологической коррекции и психотерапии лиц с никотиновой зависимостью. Полученные данные о клинико-психологических особенностях, курящих позволят повысить эффективность мероприятий, направленных на профилактику формирования никотиновой зависимости.

Ключевые слова: никотиновая зависимость, аддикция, девиантное поведение, совладание со стрессом

Для цитирования: Петунова С.А., Николаев Е.Л., Фомина В.Н., Максимова Н.Л., Бейранванд Махяр, Мехди Пур Мохаммад Реза, Чакоши Аболфазл Особенности стратегий совладания со стрессом у студентов с никотиновой зависимостью // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 172 – 178. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-172-178

Поступила в редакцию: 20 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Petunova S.A.,
¹ Nikolaev E.L.,
¹ Fomina V.N.,
¹ Maksimova N.L.,
¹ Beiranvand Mahyar,
¹ Mehdi Pur Mohammad Reza,
¹ Chakoshi Abolfazl,
¹ I.N. Ulyanov Chuvash State University

Features of stress coping strategies in students with nicotine addiction

Abstract: the paper presents an analysis of the results of a study on the characteristics of coping mechanisms with stress in students with nicotine addiction. The survey involved 120 students aged 19-27, including 64 females and 56 males. The sample was predominantly composed of senior students. At the first stage, an assessment of the severity of nicotine addiction and the type of smoking behavior in students was conducted. Next, the sample was divided into two groups: students with a pronounced craving for smoking and non-smokers. This allowed for an analysis of the characteristics of coping mechanisms with stress in the compared groups. The obtained data highlight the specificity of differences between females and males in the formation and maintenance of nicotine addiction. Emotional deprivation, anxiety, and stress are the dominant factors in nicotine use among girls, while boys turn to tobacco use in case of a need for energy stimulation or a desire to obtain a quick source of pleasure. The dominant coping strategies for stress among most surveyed students are "problem-solving planning" and "distancing." However, the use of adaptive coping mechanisms is more common in the group of non-smokers; they actively seek social interaction, are oriented toward positive thinking, and are ready to reassess difficult situations, which indicates their ability for more mature emotional self-regulation. The strategies of "confrontation" and "escape-avoidance" are more often found in the subgroup of nicotine addicted students. This study can be used for educational and outreach projects, in the practical work of clinical psychologists, psychotherapists, and addiction specialists for the development of individual programs for treatment, psychological correction, and psychotherapy of individuals with nicotine addiction. The obtained data on the clinical and psychological characteristics of smokers will make it possible to increase the effectiveness of measures aimed at preventing the development of nicotine addiction.

Keywords: nicotine addiction, addiction, deviant behavior, stress management

For citation: Petunova S.A., Nikolaev E.L., Fomina V.N., Maksimova N.L., Beiranvand Mahyar, Mehdi Pur Mohammad Reza, Chakoshi Abolfazl Features of stress coping strategies in students with nicotine addiction. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 172 – 178. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-172-178

The article was submitted: February 20, 2026; Approved after reviewing: April 18, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Аддиктивное поведение – это один из типов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления человека к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций [7,9]. Одной из распространённых форм проявления дезадаптации является никотиновая зависимость, которая в свою очередь представляет собой разновидность аддиктивного поведения.

К числу наиболее распространённых причин формирования никотиновой зависимости большинство исследователей относят эмоциональные и социальные факторы потребления. Тревога, напряжение, злость, печаль, которые возникают на фоне переживания стресса, побуждают человека прибегать к курению как к неадаптивному механизму совладания, что приводит к формированию цикла, в котором курение становится основным способом справляться с трудными эмоциями. К социальным факторам потребления никотина можно отнести желание молодых людей примкнуть к значимой для них социальной группе, в последствие курение является формой социального взаимодействия, неким «приятным» ритуалом для поддержания коммуникации. Усугубляется это еще и тем, что в общественном сознании никотиновая

зависимость, в отличие от других форм аддикций, не имеет столь разрушительных последствий, как например алкоголизм и наркомания [3, 4, 10].

Отечественные исследования свидетельствуют о том, что курение остается значимой проблемой в студенческой среде. Отмечается гендерное сближение показателей и рост популярности разных способов потребления никотина, такие как сигареты и вейпы [1, 8]. Исследования показывают, что определённые черты личности связаны с повышенным риском курения. Понимание этих личностных аспектов может способствовать разработке персонализированных подходов к лечению зависимости от курения. Что находит подтверждение в трудах зарубежных исследователей, так были установлены взаимосвязи между показателями модели «Большой пятёрки» – экстраверсией и низкой добросовестностью [13]. Д. Хорн разработал классификацию типов курительного поведения, в основе которой заложены основные мотивы потребления никотина [13]. Cornelius M.E. и др. Проанализировали взаимосвязь между наличием никотиновой зависимости и низким уровнем устойчивости к фрустрации и стрессу, навыкам эмоциональной саморегуляции [11].

В работах отечественных авторов (Н.А. Понаморева, Г.В. Морозова, И.В. Стрельчука), подробно описаны этапы формирования зависимости от никотина [7]. В целом, большинство современных исследователей, как зарубежных так и отечественных, указывают на то, что курение, связано с желанием быстро пройти через стресс, отсутствием устойчивости к фрустрации, стремлением к сиюминутному эмоциональному расслаблению. Но при этом, подобный тип защиты от травмирующих ситуаций, не дает возможности конструктивно справиться с тревогой, а лишь маскирует ее проявление, и тем самым усугубляет течение тревожных и депрессивных расстройств [1, 5, 14].

Материалы и методы исследований

Цель исследования заключалась в определении особенностей механизмов совладания со стрессом и саморегуляции у студентов с никотиновой зависимостью. Исследование проводилось на базе ЧГУ им. И.Н. Ульянова. В опросе приняли участие 120 студентов в возрасте 19-27 лет, среди которых 64 – девушки и 56 – юноши. Выборку преимущественно составили студенты старших курсов. В качестве методов использовались: 1) Опросник «Степень никотиновой зависимости» Карла Фагерстрема, FTND; 2) Анкета на определение уровня зависимости от вейпинга (Лечебно-реабилитационный научный центр «Феникс», 1991); 3) Опросник «Способы совладающего поведения» в адаптации НИПНИ в 2009г., (Р. Лазарус, С. Фолкман); 4) Краткая шкала самоконтроля (Brief Self-controlscale, BSCS).

На первом этапе была проведена оценка степени выраженности никотиновой зависимости и типа курительного поведения у студентов. Далее выборка была разделена на две группы: студенты с выраженной тягой к курению и некурящие. Что позволило проанализировать особенности механизмов совладания со стрессом в сравниваемых группах.

Результаты и обсуждения

Среди всех участников курящие составили 57% (68 чел.), а некурящие – 43% (52 чел.). Среди женщин доля курящих составила 44% (28 чел.), в то время как некурящих – 56% (36 чел.), что свидетельствует о примерно равном соотношении этих групп. Среди мужчин преобладали лица с никотиновой зависимостью: курящие составили 71% (40 чел.), тогда как некурящие – 29% (16 чел.).

Результаты оценки «Степени никотиновой зависимости» (опросник К. Фагерстрем) показали, что у большинства опрошенных студентов высокая 38% (26 чел.) и средняя 37% (25 чел.) степень никотиновой зависимости. При этом у юношей в два раза чаще присутствует высокий уровень зависимости 50% (20 чел.), против 21% (6 чел.) у девушек.

Желание найти социальную поддержку и получить быстрое расслабление, являются доминирующими мотивами употребления никотина (анкета К. Хорна), у большинства опрошенных студентов. Для 37% (25 чел.) студентов, курение служит способом справиться с эмоциональным напряжением, волнением или дискомфортом. Оно помогает им сдерживать негативные эмоции, сосредоточиться в стрессовых ситуациях и снизить уровень стресса. 32% (22 чел.) используют курение для получения дополнительного удовольствия от отдыха (расслабление). Как правило, такие люди бросают долго, много раз возвращаясь к курению. Мотив жадности, обусловленный физической привязанностью к табаку, преобладает у 24% (16 чел.) курящих.

Тип курительного поведения «игра с сигаретой», отражающий социально-поведенческий и ритуальный аспект курения, редко является основным мотивом курения. Примерно для половины студентов он не характерен (49%, 33 чел.), тогда как для другой половины проявляется на среднем (41%, 28 чел.) или высоком

уровне. Высокая степень отмечается лишь у 10% (7 чел.), что указывает на то, что данный тип не является ключевым механизмом поддержания никотиновой зависимости среди студентов.

78% (53 чел.) студентов имеют низкие значения по шкале стимуляция, что свидетельствует об отсутствии у них потребности использовать курение как способ повышения тонуса и преодоления усталости. Рефлекс является наименее выраженным мотивом среди респондентов (99%, 67 чел.) и, таким образом, не является основным мотивом курения.

Ведущим мотивом курения среди женщин является расслабление. В сумме со средними (43% – 12 чел.) и высокими значениями (46% – 13 чел.) данный мотив характерен для 89% (25 чел.), что указывает на гедонистический характер потребления никотина и служение курения как инструмента создания и поддержания субъективного комфорта. Согласно исследованиям такой тип курительного поведения коррелирует с трудностью отказа и частыми рецидивами. У мужчин мотив расслабления также значим, однако на первый план выходят мотивы поддержки (97,5%, 39 чел) и жадности (97,5%, 39 чел). Это свидетельствует о том, что у мужчин курение выступает инструментом ситуативного преодоления стресса и снятия эмоционального напряжения, одновременно поддерживаемым выраженной физической потребностью в никотине.

Рефлекс не характерен ни для мужчин (97,5% – 39 чел.), ни для женщин (100%, 28 чел.), что указывает на отсутствие автоматизированного и неосознаваемого факта курения. Это может быть связано с характеристиками самой выборки, а именно возрастом и небольшим стажем курения.

Результаты анализа средних значений результатов исследования стратегий совладания показал, что лица с никотиновой зависимостью в сравнении с некурящими предпочитают использовать стратегии конфронтации (51,54) и бегства-избегания (52,82). Стратегия положительной переоценки (51,85) значительно выше у некурящих. Некурящие демонстрируют лучшие показатели самоконтроля (50,7) и поиска социальной поддержки (46,73). Стратегия принятия ответственности, дистанцирования и планирования решения проблемы сопоставима в группе и курящих, и некурящих. Результаты исследования наиболее используемых способов совладающего поведения курящих и некурящих показывает, что у большинства респондентов степень выраженности отдельных копинг-стратегий находится на среднем уровне. Конфронтация в 3 раза чаще в выраженной форме встречается курящих, что указывает на импульсивность в поведении (иногда с элементами враждебности и конфликтности), враждебность, трудности планирования действий, прогнозирования их результата (29%, 20 чел.). Выраженное использование стратегия самоконтроля и поиска социальной поддержки у курящих отсутствует. Значение стратегии положительной переоценки у курящих выражено слабее. Несмотря на различия по многим шкалам, стратегия принятия ответственности выражена в умеренной степени в обеих группах (99%, 67 чел. среди курящих, 94%, 49 чел. среди некурящих).

Изучение доминирующих стратегий совладания со стрессом показывает, что доминирующими стратегиями в обеих группах является дистанцирование (53%, 36 чел. – курящие; 42%, 22 чел. – некурящие) и планирование решения проблемы (35%, 24 чел. – курящие, 40%, 21 чел. – некурящие). Однако анализ распределения и выраженности других стратегий указывает на разный психологический профиль копинга. Стратегия конфронтации является ведущей для 31% (21 чел.) курящих и 8% (4 чел.) некурящих. Некурящие реже используют стратегию бегства-избегания (21%, 14 чел. – некурящие, 17%, 9 чел. – курящие) и чаще предполагают попытки разрешения проблемы за счет внешних ресурсов чем курящие (12% – 10 чел.; 19%, 10 чел. – некурящие). Следует отметить, что положительная переоценка в качестве доминирующей является одной из наименее распространенных как среди курящих (18%, 12 чел.), так и среди некурящих (19%, 10 чел.). Это указывает на то, что положительное переосмысление и рассмотрение проблемной ситуации как стимула для личностного роста редко становится основным способом совладания со стрессом. Стратегия принятия ответственности является самой редкой доминирующей стратегией в обеих группах, однако у лиц с никотиновой зависимостью (7% – 5 чел.) она выражена чаще чем у некурящих (1%, 1 чел.).

У 13% (9 чел.) лиц с никотиновой зависимостью преобладает стратегия самоконтроля – попытка преодоления негативных переживания в связи с проблемой за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, высокий контроль поведения и стремление к самообладанию, в то время как у некурящих данная стратегия не используется как доминирующая (0%, 0 чел.). Анализ результатов исследования показал, что у большинства опрошенных студентов в обеих группах, имеют средний уровень самоконтроля.

Результаты сравнения стратегий совладающего поведения двух групп испытуемых (оценка статистических различий по методу t-критерий Стьюдента), указывают наличие статистически значимых различий по шкалам «избегание» ($t=2,775$), «конфронтация» ($t=2,414$), «способность к положительной переоценке опы-

та» ($t=-2,593$), «самоконтроль» ($t=-2,173$), а также результатами по шкале BSCS ($t=-2,962$). Данный фактор указывает на то, что у курящих студентов чаще встречаются деструктивные способы совладания со стрессом, в совокупности с ограниченными навыками саморегуляции и самоконтроля.

Корреляционный анализ данных (Пирсон), выявил наличие статистически значимых взаимосвязей между выраженной зависимостью от никотина и типами курительного поведения: рефлексорный ($r=0,508$), стимуляция ($r=0,426$), жажда ($r=0,421$) и социальная поддержка ($r=0,413$), что находит подтверждение с биопсихосоциальной моделью зависимости.

Наличие положительной взаимосвязи со стратегией «принятие ответственности» ($r=0,468$), у студентов с никотиновой зависимостью, на первый взгляд выглядит противоречиво. Возможно это объясняется тем, что по данным исследований людей старших возрастных групп, занятых в различных профессиональных группах и подверженных социальным и стрессовым нагрузкам, данная стратегия чаще бывает свойственна людям с высоким уровнем ответственности, что делает курение деструктивным способом снижения психоэмоционального напряжения [6, 12]. Во-вторых, возможно данная стратегия может являться попыткой найти рациональное оправдание зависимости, убежденностью в контроле ситуации.

На наличие дефицита в способности к саморегуляции указывают взаимосвязи между наличием никотиновой зависимости и стратегиями бегство-избегание ($r=0,342$), конфронтация ($r=0,286$) и отсутствие навыков саморегуляции ($r=-0,522$).

Выводы

Таким образом, результаты проведенного исследования, указывают на наличие различий в мотивации курительного поведения между юношами и девушками. Эмоциональная депривация, тревога и стресс являются доминирующими факторами употребления никотина у женщин, в то время как мужчины прибегают к употреблению табака в случае необходимости в энергетической стимуляции, желании получить быстрый источник удовольствия. Низкий уровень навыков эмоциональной саморегуляции делает группу курящих более уязвимой в стрессовых ситуациях, лишь закрепляя их приверженность к курению.

Доминирующими стратегиями совладания со стрессом у большинства опрошенных студентов являются «планирование решения проблем» и «дистанцирование». Однако, использование адаптивных копинг механизмов, чаще встречается в группе некурящих, они активно стремятся взаимодействовать с социумом, ориентированы на позитивное мышление, готовы к переоценке сложных ситуаций, что говорит об их способности к более зрелой эмоциональной саморегуляции. Стратегии «конфронтация» и «бегство-избегание», чаще встречается в подгруппе зависимых от никотина студентов, что в совокупности с низким уровнем саморегуляции, делает их поведение конфликтным, а как следствие затрудняет возможность социальной поддержки. В целом, никотиновая зависимость для большинства опрошенных студентов, является попыткой ускорить прохождение через стрессовое испытание, либо «замаскировать» его негативные последствия, тем самым лишая себя возможности прийти к более осознанному контролю.

Положительная переоценка в качестве доминирующей является одной из наименее распространенных для всех опрошенных студентов. Стратегия принятия ответственности является менее выраженной в обеих группах, однако у лиц с никотиновой зависимостью она присутствует чаще чем у некурящих. У лиц с никотиновой зависимостью преобладает стратегия самоконтроля – попытка преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, высокий контроль поведения и стремление к самообладанию, в то время как у некурящих данная стратегия не используется как доминирующая. Данный факт является интересным феноменом, который может указывать на то, что среди студентов эта способность еще недостаточно развита как устойчивый личностный ресурс. Так же можно предположить, что боязнь самораскрытия и чрезмерная требовательности к себе приводит не к адаптивному самоконтролю, а к внутреннему напряжению, которое находит выход в курении. В этом случае курение может выполнять функцию компенсаторного механизма при неспособности справиться с напряжением из-за сверхконтроля поведения.

Список источников

1. Велиева С.В. Тревозность как предиктор аддиктивных форм поведения у студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-1. С. 355 – 357. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-kak-prediktor-addiktivnyh-form-povedeniya-u-studentov> (дата обращения: 14.01.2026)
2. Иванец Н.Н., Тюльпин Ю.Г., Чирко В.В., Кинкулькина М.А. Наркология: национальное руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. С. 456 – 458.

3. Захарова А.Н., Дулина Г.С., Петунова С.А. Психологические проблемы адаптации студентов первого курса к условиям вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-2. С. 328 – 332.
4. Кобзев Е.А., Шульга Т.И., Кобзев Е.А. Модель исследования социально-психологических особенностей студентов-курильщиков // Психология и право. 2022. № 12 (1). С. 160 – 179. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120113>
5. Психическое здоровье и аддикции в Российской Федерации: отчет о научно-исследовательской работе / НИИ психиатрии им. В.П. Сербского. Москва, 2023. 120 с.
6. Петунова С.А., Григорьева Н.В. Анализ взаимосвязи между психологической удовлетворенностью трудом и ведущими мотивами трудовой деятельности работников акционерных предприятий // В сборнике: Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары, 2009. С. 98 – 103.
7. Руководство по аддиктологии / под ред. профессора В.Д. Менделевича. Санкт-Петербург: Речь, 2007. 768 с.
8. Реброва О.Ю., Гамбарян, М.Г. Табакокурение в России: распространенность, динамика, отношение населения // Профилактическая медицина. 2022. Т. 25. № 3. С. 23 – 31.
9. Тарханова И.Ю. Трансформация девиантного поведения несовершеннолетних в современных условиях // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129). С. 25 – 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-deviantnogo-povedeniya-nesovershennoletnih-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 07.01.2025)
10. Шейнов В.П., Тарелкин А.И. Связи зависимости студентов от смартфона с психологическим неблагополучием // Научно-педагогическое образование. 2022. № 3 (43). С. 194 – 207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyazi-zavisimosti-studentov-ot-smartfona-s-psihologicheskim-neblagopoluchiem> (дата обращения: 14.01.2026)
11. Monica E. Cornelius, PhD; Teresa W. Wang, PhD; Ahmed Jamal, MBBS; Caitlin G. Loretan, MPH; Linda J. Neff, PhD Tobacco Product Use Among Adults – United States, 2019 // MMWR Morbidity and Mortality Weekly Report. 2020, Nov. 20. № 69 (46). P. 1736 – 1742. doi: 10.15585/mmwr.mm6946a4. PMID: 33211681; PMCID: PMC7676638.
12. Michael Chaiton, Lori Diemert, Joanna E Cohen, Susan J Bondy, Peter Selby, Anne Philipneri, Robert Schwartz Estimating the number of quit attempts it takes to quit smoking successfully in a longitudinal cohort of smokers // BMJ Open. 2016, Jun 9. Vol. 1-9. № 6 (6). e011045. doi: 10.1136/bmjopen-2016-011045. PMID: 27288378; PMCID: PMC4908897.
13. Hakulinen C., Hintsanen M., Munafò M. R., Virtanen M., Kivimäki M., Batty G. D., Jokela M. Personality and smoking: individual-participant meta-analysis of nine cohort studies // Addiction. 2015. № 110. P. 1844 – 1852. doi: 10.1111/add.13079.
14. Nikolaev E.L., Petunova S.A. Interrelations of love of life with psychosocial factors in university students // European Psychiatry. 2022. Vol. 65. No. S1. P. S686.

References

1. Velieva S.V. Anxiety as a predictor of addictive forms of behavior in students. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-1. P. 355 – 357. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-kak-prediktor-additivnyh-form-povedeniya-u-studentov> (date of access: 14.01.2026)
2. Ivanets N.N., Tyulpin Yu.G., Chirko V.V., Kinkulkina M.A. Narcology: national guidelines. M.: GEOTAR-Media, 2008. P. 456 – 458.
3. Zakharova A.N., Dulina G.S., Petunova S.A. Psychological Problems of Adaptation of First-Year Students to University Conditions. Problems of Modern Pedagogical Education. 2018. No. 58-2. P. 328 – 332.
4. Kobzev E.A., Shulga T.I., Kobzev E.A. A Model for Studying the Social and Psychological Characteristics of Student Smokers. Psychology and Law. 2022. No. 12 (1). P. 160 – 179. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120113>
5. Mental Health and Addictions in the Russian Federation: Report on Research Work V.P. Serbsky Research Institute of Psychiatry. Moscow, 2023. 120 p.
6. Petunova S.A., Grigorieva N.V. Analysis of the relationship between psychological satisfaction with work and the leading motives of work activity of employees of joint-stock companies. In the collection: Collection of scientific papers of young scientists and specialists. Cheboksary, 2009. P. 98 – 103.
7. Handbook of addictology. edited by professor V.D. Mendelevich. St. Petersburg: Rech, 2007. 768 p.
8. Rebrova O.Yu., Gambaryan, M.G. Tobacco smoking in Russia: prevalence, dynamics, attitudes of the population. Preventive medicine. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 23 – 31.

9. Tarkhanova I.Yu. Transformation of deviant behavior of minors in modern conditions. Yaroslavl pedagogical bulletin. 2022. No. 6 (129). P. 25 – 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformsitsiya-deviantnogo-povedeniya-nesovershennoletnih-v-sovremennyh-usloviyah> (date of access: 07.01.2025)

10. Sheynov V.P., Tarelkin A.I. Relationships between Students' Smartphone Addiction and Psychological Disorders. Scientific and Pedagogical Education. 2022. No. 3 (43). P. 194 – 207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyazi-zavisimosti-studentov-ot-smartfona-s-psihologicheskimi-neblagopoluchiyami> (date of access: 14.01.2026)

11. Monica E. Cornelius, PhD; Teresa W. Wang, PhD; Ahmed Jamal, MBBS; Caitlin G. Loretan, MPH; Linda J. Neff, PhD Tobacco Product Use Among Adults – United States, 2019. MMWR Morbidity and Mortality Weekly Report. 2020, Nov. 20. No. 69 (46). P. 1736 – 1742. doi: 10.15585/mmwr.mm6946a4. PMID: 33211681; PMCID: PMC7676638.

12. Michael Chaiton, Lori Diemert, Joanna E Cohen, Susan J Bondy, Peter Selby, Anne Philipneri, Robert Schwartz Estimating the number of quit attempts it takes to quit smoking successfully in a longitudinal cohort of smokers. BMJ Open. 2016, Jun 9. Vol. 1-9. No. 6 (6). e011045. doi: 10.1136/bmjopen-2016-011045. PMID: 27288378; PMCID: PMC4908897.

13. Hakulinen C., Hintsanen M., Munafò M. R., Virtanen M., Kivimäki M., Batty G. D., Jokela M. Personality and smoking: individual-participant meta-analysis of nine cohort studies. Addiction. 2015. No. 110. P. 1844 – 1852. doi: 10.1111/add.13079.

14. Nikolaev E.L., Petunova S.A. Interrelations of love of life with psychosocial factors in university students. European Psychiatry. 2022. Vol. 65.No. S1. P. S686.

Информация об авторах

Петунова С.А., кандидат психологических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Николаев Е.Л., доктор медицинских наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Фомина В.Н., Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

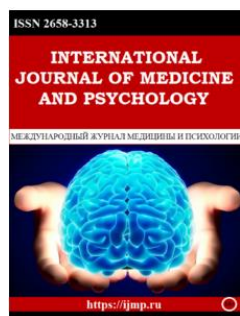
Максимова Н.Л., кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Бейранванд Махяр, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Мехди Пур Мохаммад Реза, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Чакоши Аболфазл, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

© Петунова С.А., Николаев Е.Л., Фомина В.Н., Максимова Н.Л., Бейранванд Махяр, Мехди Пур Мохаммад Реза, Чакоши Аболфазл, 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-179-185

¹ Селюч М.Г.,

¹ Ян Кэ,

¹ Амурский государственный университет

Развитие профессиональной Я-концепции у психологов-консультантов: психологический анализ

Аннотация: динамика развития современного общества предусматривает иные подходы к организации деятельности психологов. Предложенный законопроект «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации» вызвал активные споры и разногласия в профессиональном сообществе. Сравнительная характеристика профессиональной Я концепции психологов консультантов в зависимости от стажа работы имеет общие и отличительные психологические особенности содержательных показателей структурных компонентов, обеспечивающие продуктивность их деятельности. Материалы эмпирического исследования получены на выборке психологов консультантов с разным стажем работы в центрах и кабинетах психологической помощи населению Амурской области, которые имеют финансовую поддержку со стороны муниципальных органов местного самоуправления. Представлен анализ содержательных характеристик компонентов профессиональной Я-концепции психологов консультантов как субъектов трудовой деятельности, установлены значимые корреляционные связи между их показателями, которые раскрывают их психологические особенности в формировании индивидуальной траектории развития в зависимости от стажа работы. Профессиональная востребованность психологов консультантов выступает как ресурс их профессионального долголетия. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при разработке программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации психологов консультантов на базе Амурского Института развития образования.

Ключевые слова: профессиональная Я – концепция, формы профессиональной идентификации, типы профессионального поведения, самооффективность, профессиональная временная перспектива будущего, профессиональная востребованность

Для цитирования: Селюч М.Г., Ян Кэ Развитие профессиональной Я-концепции у психологов-консультантов: психологический анализ // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 179 – 185. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-179-185

Поступила в редакцию: 21 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Selyuch M.G.,

¹ Yang Ke,

¹ Amur State University

Development of professional self-concept in consulting psychologists: psychological analysis

Abstract: the dynamics of modern society's development require different approaches to the organization of psychologists' activities. The proposed draft law "On the Fundamentals of Regulation of Psychological Activities in the Russian Federation" has sparked active discussions and disagreements within the professional community. A comparative analysis of the professional self-concept of psychologist consultants, depending on their work

experience, reveals common and distinctive psychological features of the content indicators of the structural components that ensure the effectiveness of their activities. The materials of the empirical study were obtained from a sample of consulting psychologists with different work experience in the centers and offices of psychological assistance to the population of the Amur Region, which have financial support from the municipal authorities of local self-government. The analysis of the content characteristics of the components of the professional self-concept of consulting psychologists as subjects of labor activity is presented, and significant correlations between their indicators are established, which reveal their psychological characteristics in the formation of an individual development trajectory depending on their work experience. The professional demand for consulting psychologists acts as a resource for their professional longevity. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the development of professional retraining and advanced training programs for consulting psychologists at the Amur Institute of Education Development.

Keywords: professional self-concept, forms of professional identification, types of professional behavior, self-efficacy, professional time perspective of the future, professional demand

For citation: Selyuch M.G., Yang Ke Development of professional self-concept in consulting psychologists: psychological analysis. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 179 – 185. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-179-185

The article was submitted: February 21, 2026; Approved after reviewing: April 19, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Впервые в психологической науке профессиональная Я-концепция была представлена Д. Сьюпером как «результат компромисса между унаследованными генетическими качествами и способностями, возможностями исполнения различных социальных ролей и оценкой того, в какой степени все вышеперечисленное сочетается с ожиданиями руководства и коллег» [15, р. 357]. В отечественной психологии сущность профессиональной Я-концепции определила С.Т. Джанерьян, системой сопряженных с оценкой представлений индивида о себе как о субъекте профессиональной деятельности и как личности, которая предназначена для того, чтобы реализовать те или иные по содержанию смысловые отношения человека к профессии и посредством этого – для того, чтобы обеспечить его собственное функционирование и саморазвитие / самореализацию в профессии [4, с. 162]. Для нашего исследования наиболее близка научная позиция В.С. Агапова о компонентном составе профессиональной Я концепции: когнитивный компонент – представление о себе, своих способностях, возможностях, социальной значимости; эмоционально-оценочный компонент – ценностное отношение: самоуважение, самокритичность, себялюбие; поведенческий компонент – саморегуляция поведения, ориентирована на внешний контроль - отношение людей или внутренний контроль – самооценка [1, с. 29].

Теоретико-методологическим основанием изучения профессиональной Я концепции психологов консультантов выступает: положение о субъективности психического [9]; стратегии личности, связанные с жизненным путём и личностными способностями [10]; идеи о противоречии между представлением субъекта о себе как о профессионале, его реальными возможностями и требованиями деятельности как движущей силе профессионального развития личности [5].

В исследованиях А.А. Деркача, Э.Ф. Зеера, А.В. Иващенко, С.Л. Марковой, Н.С. Пряжникова и др., профессионализм обусловлен личной активностью субъекта в планировании, прогнозировании и успешности профессиональной деятельности. Согласно представлениям отечественных ученых профессиональная Я - концепция отражает развитие самого субъекта, его готовность к изменениям в жизнедеятельности исходя из современных реалий, является регулятором профессионального поведения, создания ценностей и смыслов трудовой деятельности.

Концепция стадийного профессионального развития Д. Сьюпера дает основание полагать, что профессиональная Я-концепция на разных возрастах этапах профессионального становления будет иметь неодинаковое наполнение ее структурных компонентов по содержанию. Более того, современные вызовы неопределенности и цифровой трансформации общества обуславливают адаптацию в очень короткие сроки к происходящим изменениям, на уровне организационного характера и использования новых методов и технологий. Поиск новых валидных навыков по огромному количеству направлений осуществления профессиональной деятельности и профессионального поведения требует максимальных ресурсов личности при повышенной скорости психологического времени человека. Феномен асимметрии профессионального бу-

дущего как неопределенности профессионализации характеризуется неясностью профессионального образования, рассогласованностью ценностных и смысловых ориентиров прошлого, настоящего и будущего[5].

Таким образом, развитие профессиональной Я-концепции является одним из условий реализации возможностей, способностей, компетенций и ресурсов личности в достижении значимых результатов.

Материалы и методы исследований

Выборка исследования. В исследовании приняли участие респонденты в возрасте от 23 до 47 лет ($N=67$), со стажем работы до 5 лет ($N=27$), более 5 лет ($N=40$). В совокупности своей деятельности психологи консультанты охватывают 9 модальностей (направлений). Предварительное анкетирование участников исследования показало, что они 100% имеют высшее образование, 58% профильное. Недостаток базы знаний, полученный в вузе, подтвердили все респонденты. 87% – прошли дополнительную профессиональную переподготовку, в том числе 75% на базе Московских образовательных организаций через цифровые форматы, из-за удаленности от передовых научных центров и высокой оплаты транспортных расходов. Психологи консультанты, работающие как индивидуальные предприниматели, имеющие статус самозанятого от участия в исследовании, отказались. **Методики исследования.** Для изучения психологических особенностей развития Я-концепции психологов консультантов был использован следующий психодиагностический инструментарий: методика исследования профессиональной идентичности, МИПИ. Автор: Л.Б. Шнейдер; методика «Профессиональная временная перспектива будущего» OFTP X. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т.Ю. Базарова, А.В. Парамузова; опросник поведения и переживания, связанного с работой (AVEM) Авторы: У. Шааршмидт, А. Фишер в адаптации Т.И. Рогинской; опросник "Профессиональная востребованность личности" (ПВЛ). Авторы: Е.В. Харитонова, А.Б. Ясько.

Статистические методы. Статистическая обработка данных материалов осуществлялась посредством корреляционного анализа Спирмена с использованием статистических программных пакетов (Excel, SPSS 11,5 for Windows).

Результаты и обсуждения

Продуктивность развития профессиональной Я концепции в значительной мере зависит от развития профессиональной позиции – идентичности профессионала, которая формируется соотношением индивидуальных особенностей и социальных действий и приводит к осознанию принадлежности к социальной группе, включая оценку своего членства в ней. Профессиональная идентичность в нашем исследовании тождества профессиональному "Я", которое включает профессиональные стереотипы и профессиональную уникальность и протекает как процесс профессионального саморазвития. Влияние идентичности на когнитивную составляющую профессиональной Я концепции было установлено с помощью методики профессиональной (МИПИ) Л.Б. Шнейдер.

Наиболее высокий процент (74 %) по форме идентичности – «достигнутая» в выборке практических психологов со стажем более 5 лет, и только 37%. из числа респондентов, начинающих свой профессиональный путь. Полученный показатель свидетельствует не только о высокой степени профессионализма, осознанности значимости результатов профессиональной деятельности для современного общества, но и получение личного удовлетворения от востребованности в социальной и профессиональной среде. О том, что данная форма идентичности характерна наиболее зрелым специалистам указывал и автор данной методики. Молодые специалисты испытывают дефицит профессиональных навыков, отсутствие практического опыта сдерживает адаптацию в профессии. Низкий запрос на их услуги зачастую приводит к психологической неустойчивости не позволяющей чувствовать себя уверенно.

Преждевременная форма идентичности присуща молодым специалистам (27%), которая формируется в ложном представлении о данной профессии с позиции материального блага, свободного выбора клиентов и временной занятости. Содержание деятельности они пытаются построить по аналогу значимых для них специалистов, достигших серьезных результатов в практикующей помощи людям. Но не умение структурировать полученные знания в практику, влечет неуверенность, деструктивные мысли по выбору профессионального пути, и порой приводит к кризису идентичности. Таким образом сформированные без самостоятельного поиска элементы идентичности могут быть не всегда адекватны в реальности.

Диффузная размытая (15,7%) форма идентичности исключает внутреннюю целостность профессиональной Я – концепции молодых специалистов, поскольку начало психологической практики выявило множество вопросов, сомнений и профессиональных рисков, оставило ощущение размытых целей и убеждений относительно личного профессионального ресурса. Современные требования, которые широко обсуждают-

ся в информационном поле о профессиональной деятельности психологов в рамках нового законодательства, снижают профессиональный интерес на дальнейшую перспективу.

Мораторий как форма идентичности обнаружен у респондентов (25%) со стажем работы более 5 лет. Связано это на наш взгляд, с внедрением в практическую деятельность новых цифровых форм взаимодействия с клиентами и снижением запроса на данный вид услуг у населения. Изучая современную социальную ситуацию, они активно используют различные формы повышения квалификации и экспериментирует с дистантными формами взаимодействия с клиентами. Открытость к изменениям помогает адекватно принимать изменения, адаптироваться и профессионально совершенствоваться, они осмысленно меняют зону комфорта, личностно-профессиональным развитием добиваются самореализации: «осмыслением своих способностей, которые, в первую очередь, связаны с областью профессии» [7]. Данная форма идентичности имеет малые статистические значения, что позволяет констатировать ее отсутствие в группе психологов-консультантов, имеющими стаж работы до 5 лет.

Результаты показали, что у специалистов со стажем работы доминирует достигнутая форма идентичности и мораторий; у молодых специалистов – преждевременная и диффузная. На формирование профессиональной идентичности оказывают влияние требования к профессии «связано с ориентацией поведения на нормы и ценности мира» [7], а также личностные особенности: умение активно использовать различные стратегии для решения проблемных профессиональных задач, достигая положительного результата.

Когнитивно-рефлексивную способность в решении сложных профессиональных задач характеризуют как личностную самооффективность. Используя методику Р. Шварцера, М. Ерусалема выраженность самооффективности в обеих группах респондентов установлена на среднем уровне. Показатели профессиональной идентичности выражены сильнее, чем показатели самооффективности. Самооффективность имеет обратную корреляционную связь с диффузной формой идентичности ($r = -0,437$; $p \leq 0,01$) у опытных специалистов и положительную корреляционную связь с преждевременной формой идентичности ($r = 0,638$ $p \leq 0,01$) со стажем менее 5 лет.

Приданию смысла профессиональной деятельности способствует восприятие времени, которое для личности всегда субъективно и играет ключевую роль в выборе профессиональных целей на дальнейшую перспективу и стратегическое планирование. Используя методику Х. Цахер и М. Фрес «Профессиональная временная перспектива будущего» (Базаров, Парамузов, 2019) мы обнаружили, что респонденты ориентированы на положительный результат в деятельности, ставят большие цели на карьерный рост и профессиональное долголетие адекватно воспринимают темпоральную ситуацию, сложившуюся на данный момент. Психологи консультанты независимо от стажа работы в равной степени сфокусированы на личностные ресурсы и возможности. Вместе с тем в группе респондентов со стажем работы более 5 лет каждый третий склонен к эмоциональной устойчивости, исключая нестандартные поступки способные привести к снижению авторитета. В данном ключе интерпретации нам созвучны мысли: «возраст влияет на восприятие времени» [14, р. 867].

Содержательный анализ аффективного компонента профессиональной Я-концепции психологов – консультантов был исследован с помощью методики самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева. Группа респондентов со стажем работы более 5 лет показала низкие статистические значения по шкале самопривязанность, что характеризует осознанность профессиональной Я концепции, способность анализировать результаты деятельности и вносит корректировку в способы взаимодействия с клиентами в зависимости от конкретной ситуации, используя новые современные методики и практики за счет постоянного саморазвития. Высокое значение по шкале саморуководство и самооценку подчеркивает навык управления субъективно значимыми целями, удержанием высокой оценки труда со стороны клиентов. Для молодых специалистов низкие статистические показатели обнаружены по шкале самоуверенность и отношение к себе со стороны других людей. Неудовлетворенность от результатов деятельности связана в первую очередь с отсутствием опыта, незначительной базой клиентов и слабой поддержкой со стороны профессионального сообщества. Высокие значения по шкале внутренняя конфликтность свидетельствуют о том, что субъективные противоречия на фоне желаемого и достигнутого, сопровождают их убеждения об адекватности выбранной профессии. Зачастую они возникают от недостаточного уровня развития положительных контактов в работе с клиентами.

Поведенческий компонент профессиональной Я – концепции психологов консультантов исследован с помощью опросника поведения и переживаний, связанных с работой Т.И. Рогинской. Из анализа полученных данных можно сделать вывод, что для специалистов со стажем работы менее 5 лет, преобладающим типом поведения является креативный (56%), они гибко используют информационные технологии и легко меняют стратегии поведения в случае, если возникают проблемы в получении положительных результатов.

Здоровый тип поведения (21%) характеризует эмоционально уравновешенных специалистов. Они последовательны в проведении методик и не ждут мгновенных результатов. Наличие экономного типа поведения (19%) проявляется стабильностью целей, умением наработать личностный и социальный опыт при наличии небольшой базы клиентов и сдержанностью к материальным вознаграждениям. Профессиональное выгорание (4%) у молодых специалистов сопровождается уходом из данной профессии.

Для опытных специалистов присущ здоровый тип поведения (56%), накопленный опыт позволяет рационально использовать личностные ресурсы, планировать и достигать профессиональные цели по определенным выбранным модальностям психологической помощи. Ценности понимания человеческого поведения они познают через профессиональную литературу, непосредственное общение с клиентами и из собственной личной жизни. Стратегии экономного типа поведения (15%) используют специалисты, которые осуществляют деятельность в зоне потенциального развития, они не меняют ее направления и активно используют стереотипные методы и технологии. Креативным типом поведения (20%) специалисты вносят в профессиональную среду творческие наработки по современным методикам и охотно делятся опытом с коллегами. К профессиональному выгоранию (8%) приводит неудовлетворенность к социально-нормативным критериям: успешности, социальное одобрение, обезличивание отношений со стороны профессионального сообщества.

Для получения обратной информации от респондентов о том, как они прогнозируют свое профессиональное долголетие в связи с введением новых требований к профессиональной деятельности, был использован опросник «Профессиональная востребованность личности» Е.В. Харитоновой, Б.А. Ясько. Общим уровнем профессиональной востребованности для обеих групп определен – средний. По показателям профессиональная востребованность и референтность имеют более высокие среднестатистические значения психологи-консультанты со стажем работы более 5 лет, у молодых специалистов – переживание профессиональной востребованности. Равные значения в обеих группах по показателю – удовлетворенность реализацией профессионального потенциала.

В группе со стажем более 5 лет тесные корреляционные связи между реализацией профессионального потенциала и профессиональной компетентностью ($r = 0,43$; $p \leq 0,01$), они показывают гибкость мышления, адаптацию к ситуациям, которые ранее не встречались в опыте и стремление к саморазвитию. Это детерминирует становление согласованности представлений субъекта о себе и его мотивационной сферы, интегрируясь в «метасистему инициативно-притязательных и результативных характеристик личности» [11, с. 13].

У опытных специалистов профессиональная референтность и принадлежность к профессиональному сообществу в зависимости на уровне ($r = 0,37$; $p \leq 0,05$) указывает на стремление к взаимодействию с коллегами и заинтересованность получать от них эмоциональное подкрепление. В ходе индивидуальной практики они создали ролевую модель, которая в наибольшей степени соответствует их индивидуальным личностным особенностям, позволяя быть конгруэнтными и аутентичными. Интеграция и последовательность полученного опыта обеспечивает целостность их профессиональной Я – концепции.

О субъективной неудовлетворенности результатами профессиональной деятельности и отношением к себе со стороны профессионального сообщества свидетельствует отрицательная зависимость ($r = - 0,49$; $p \leq 0,01$) у специалистов со стажем работы менее 5 лет. Это порождает психологическую неуравновешенность, поиск активных стратегий решения проблемных ситуаций и требует дополнительных личностных ресурсов.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что профессиональная Я – концепция психологов консультантов с различным стажем работы имеет общие и отличительные характеристики содержательных показателей структурных компонентов. Общей характеристикой профессиональной Я-концепции является: четкое представление о профессиональном росте, самореализации в значимой для общества деятельности. Они прогнозируют адекватные ожидания в работе с нестандартными, ранее не встречавшимися в их опыте проблемами и это помогает сохранить самоуважение.

Наиболее ярко выражен в обеих группах когнитивный компонент профессиональной Я- концепции, что позволяет определять более реалистичные цели, соотносить ресурсы и ограничения, принимать ответственность за результаты профессиональной деятельности. Динамика развития структурных компонентов субъективно обусловлена личностными возможностями и ресурсами, сроком пребывания в данной профессии. В зависимости от стажа работы профессиональная идентичность имеет разные формы проявления и

протекает как процесс достижение двумерной интеграции «личность-профессионал»: новая идентичность, обладающая профессионализмом [8, с. 50].

Профессиональная идентичность психологов консультантов выражена более четко, чем показатели самоэффективности, которые независимо от стажа работы имеют средний уровень проявленности. Обе группы респондентов позитивно воспринимают темпоральную ситуацию и сфокусированы на развитие личностных потенциалов в профессиональной деятельности.

Содержательный анализ аффективного и поведенческого компонента показал различное содержание показателей в зависимости от стажа работы. Общим уровнем профессиональной востребованности для обеих групп является – средний. Показатели профессиональной востребованности с позиции структурных компонентов профессиональной Я концепции представлены следующим образом: когнитивный (понимание того, какими профессиональными знаниями, умениями и навыками и компетенциями субъект будет обладать в будущем); аффективный (эмоциональная неустойчивость на фоне переживаний относительно профессионального будущего); поведенческий (представление о будущих алгоритмах, способах, технологиях, навыках soft skills).

Таким образом, профессиональная Я-концепция психологов консультантов имеет динамический характер развития в зависимости от стажа работы, подвержена быстротечным процессам, протекающим в социокультурной обстановке социума. Решение профессиональных задач мобилизует внутренние личностные ресурсы и отражается на профессионализме и профессиональной востребованности специалиста. Учитывая, что в современной культуре общества спрос на услуги психологов высок, анализ конкретных случаев (case studies) и сопутствующий его применению качественный анализ получают все большее распространение, «психология давно перестала быть салонной наукой и превратилась в практику» [12, с. 129].

Перспективной на наш взгляд остается проблема изучения профессиональной востребованности как ресурса профессионального долголетия психологов консультантов. Только путем их индивидуального личностного развития в котором истинной служит организация помощи клиенту в понимании и осмыслении происходящих жизненных событий для достижения поставленных клиентом целей и преодоления проблем эмоционального и межличностного характера на основе осознанного выбора [13].

Динамичное и продуктивное развитие профессиональной Я концепции психологов консультантов возможно на протяжении всего профессионального пути только тогда, когда каждым специалистом будет осмысленна, принята в систему личных ценностей и реализована триада кода культуры психолога: «ценность другого, ценность общего дела и ценность выбора. Без этих трёх ценностей нет развития» [2].

Полученные результаты могут быть использованы в организации взаимодействия через проведение конкретных научных мероприятий для практических психологов на региональном уровне, а также указывают на организацию мероприятий по повышению квалификации на базе Института развития образования Амурской области.

Список источников

1. Агапов В.С. Становление Я-концепции в управленческой деятельности руководителей. М.: Изд-во ООО «ПКЦ Альтекс». 2012. 488 с.
2. Асмолов А.Г. Кризис как тест на психологическую совместимость. От Войны миров – к Содружеству разумов. Образовательная политика, 2024. № 2 (98). С. 6 – 12. DOI 10.22394/2078-838X-2024-2-6-12
3. Базаров Т.Ю., Парамузов А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника Х. Цахера и М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего» // Организационная психология. 2019. № 9 (1). С. 57 – 80. URL: [https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190430847/OrgPsy_2019_1\(3\)Bazarov-Paramuzov\(57-80\).pdf](https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190430847/OrgPsy_2019_1(3)Bazarov-Paramuzov(57-80).pdf) (дата обращения: 10.10.2025)
4. Джанерьян С.Т. Системный подход к изучению профессиональной Я-концепции. Вестник Оренбургского государственного университета, 2005. № 4 (42). С. 162 – 169. URL: <https://elibrary.ru/tfhasp> (дата обращения: 15.11.2025)
5. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Теоретико-прикладные основания прогнозирования профессионального будущего человека // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-8. С. 1863 – 1869.
6. Кон И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание. М.: Политиздат. 1984. 195 с.
7. Леонтьев Д.А. Жизнестойкость и ее диагностика. М.: Смысл. 2019. URL: <https://www.livelib.ru/author/124338/latest-dmitrij-leontev?ysclid=moa3af08mj715432280>
8. Меновщиков В.Ю., Панфилова-Дарчиева Н.А. Научно-практический альманах «Супервизия в России». М.: Институт консультативной психологии и консалтинга, ФПК-Институт. 2022. С. 58 – 67.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер. 2026. 679 с.

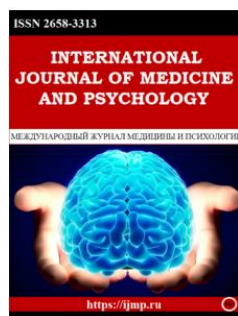
10. Семенов И.Н. Экзистенциально-культурологическая рефлексия психолого-педагогической деятельности К.А. Абульхановой-Славской. Москва: Известия Российской академии образования. 2022. № 2. С. 191 – 204. DOI: 10.51944/20738498_2022_2_191
11. Харитонов Е.В., Ясько Б.А. Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ): руководство. Краснодар: КубГУ. 2009. 40 с.
12. Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о схизмисе. Психологический журнал. 2012. № 33 (1). С. 127 – 136. URL: <https://elibrary.ru/ouwqlv> (дата обращения: 10.11.2025)
13. Burks H.M., Steffire B. Theories of Counseling, 3rd Ed. N.Y.: McGraw-Hill. 1979. 352 p.
14. Lewin K. Field theory and experiment in social psychology: Concepts and methods // American Journal of Sociology. 1939. № 44 (6). P. 868 – 896. URL: <https://doi.org/10.1086/218177>
15. Super D.E. Vocational adjustment: Implementing a self-concept // The career development quarterly. 1988. № 36. P. 351 – 357. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1002/j.2161-0045.1988.tb00509.x> (viewed: 10.10.2025)

References

1. Agapov V.S. Formation of the Self-Concept in the Managerial Activities of Executives. Moscow: Publishing House of ООО "PKTs Altex". 2012. 488 p.
2. Asmolov A.G. Crisis as a Test of Psychological Compatibility. From the War of the Worlds to the Commonwealth of Minds. Educational Policy, 2024. No. 2 (98). P. 6 – 12. DOI 10.22394/2078-838X-2024-2-6-12
3. Bazarov T.Yu., Paramuzov A.V. Psychometric Analysis of the Russian-Language Version of the H. Zacher and M. Frese Questionnaire "Professional Time Perspective of the Future". Organizational Psychology. 2019. No. 9 (1). P. 57 – 80. URL: [https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190430847/OrgPsy_2019_1\(3\)Bazarov-Paramuzov\(57-80\).pdf](https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190430847/OrgPsy_2019_1(3)Bazarov-Paramuzov(57-80).pdf) (date of access: 10.10.2025)
4. Dzhanyan S.T. A systems approach to the study of professional self-concept. Bulletin of Orenburg State University, 2005. No. 4 (42). P. 162 – 169. URL: <https://elibrary.ru/tfhasp> (date of access: 15.11.2025)
5. Zeer E.F., Symanyuk E.E. Theoretical and applied foundations for forecasting a person's professional future. Fundamental Research. 2014. No. 9-8. P. 1863 – 1869.
6. Kon I.S. In Search of Oneself. Personality and Its Self-Awareness. Moscow: Politizdat, 1984, 195 p.
7. Leontiev D.A. Resilience and Its Diagnostics. Moscow: Smysl, 2019, available at: <https://www.livelib.ru/author/124338/latest-dmitrij-leontev?ysclid=moa3af08mj715432280>
8. Menovshchikov V.Yu., Panfilova-Darchieva, N.A. Scientific and Practical Almanac "Supervision in Russia." Moscow: Institute of Consulting Psychology and Consulting, FPK-Institute. 2022. P. 58 – 67.
9. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter. 2026. 679 p.
10. Semenov I.N. Existential-cultural reflection of K.A. Abulkhanova-Slavskaya's psychological and pedagogical activity. Moscow: Izvestiya of the Russian Academy of Education. 2022. No. 2. P. 191 – 204. DOI: 10.51944/20738498_2022_2_191
11. Kharitonova E.V., Yas'ko B.A. Questionnaire "Professional Demand of the Individual" (PDI): manual. Krasnodar: KubSU. 2009. 40 p.
12. Yurevich A.V. Research and Practical Psychology: Schism Revisited. Psychological Journal. 2012. No. 33 (1). P. 127 – 136. URL: <https://elibrary.ru/ouwqlv> (accessed: 10.11.2025)
13. Burks H.M., Steffire B. Theories of Counseling, 3rd Ed. N.Y.: McGraw-Hill. 1979. 352 p.
14. Lewin K. Field Theory and Experiment in Social Psychology: Concepts and Methods. American Journal of Sociology. 1939. No. 44 (6). P. 868 – 896. URL: <https://doi.org/10.1086/218177>
15. Super D.E. Vocational adjustment: Implementing a self-concept. The career development quarterly. 1988. No. 36. P. 351 – 357. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1002/j.2161-0045.1988.tb00509.x> (viewed: 10.10.2025)

Информация об авторах

Селюч М.Г., доктор психологических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9303-4960>, SPIN-код 8239-2749, Амурский государственный университет, seluch@mail.ru
Ян Кэ, аспирант, Амурский государственный университет, master@amursu.ru

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9:316.6:334.72

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-186-193

¹ *Сергеева М.Н.,*

¹ *Московская международная академия*

Субъективные критерии успешности предпринимателей в российской культуре

Аннотация: в статье рассматриваются субъективные критерии успешности предпринимателей в контексте российской социокультурной среды. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к изучению предпринимательской успешности не только через объективные экономические и финансовые показатели, но и через субъективную оценку. Цель исследования заключается в оценке субъективной успешности предпринимателей и анализе ее особенностей в российской социокультурной среде. Теоретическую основу исследования составили российские и международные исследования в области психологии предпринимательства, психологического капитала и субъективной оценки успешности. В эмпирической части исследования использовались опросники и шкалы SES-IS и SES-AS, а также метод проблемного интервью. В исследовании приняли участие 16 российских предпринимателей разного пола, возраста, уровня дохода и уровня развития бизнеса. Результаты исследования показали, что наиболее значимыми критериями субъективной успешности российских предпринимателей являются личная самореализация, финансовое благополучие и качество профессиональных отношений. Выявлено, что российские предприниматели в большей степени воспринимают предпринимательство как инструмент личной самореализации, внутренней свободы и реализации новых идей и проектов. Установлено влияние финансово-психологических установок на субъективное восприятие успешности предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская успешность, субъективная успешность, самореализация, российская социокультурная среда, самоэффективность, самореализация, психологический капитал

Для цитирования: Сергеева М.Н. Субъективные критерии успешности предпринимателей в российской культуре // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 186 – 193. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-186-193

Поступила в редакцию: 21 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ *Sergeeva M.N.,*

¹ *Moscow International Academy*

Subjective criteria for entrepreneurial success in Russian culture

Abstract: the article examines subjective criteria for entrepreneurial success in the context of the Russian sociocultural environment. The relevance of the study is due to the growing interest in studying entrepreneurial success not only through objective economic and financial indicators, but also through subjective assessment. The purpose of the study is to assess the subjective success of entrepreneurs and analyze its characteristics in the Russian sociocultural environment. The theoretical basis of the study was formed by Russian and international studies in the field of entrepreneurship psychology, psychological capital, and subjective assessment of success. The empirical part of the study used the SES-IS and SES-AS questionnaires and scales, as well as the problematic interview method. The study involved 16 Russian entrepreneurs of different genders, ages, income levels, and levels of business development. The results of the study showed that the most significant criteria for subjective

success of Russian entrepreneurs are personal fulfillment, financial well-being, and the quality of professional relationships. It was found that Russian entrepreneurs largely perceive entrepreneurship as a tool for personal fulfillment, inner freedom, and the implementation of new ideas and projects. The influence of financial and psychological attitudes on the subjective perception of entrepreneurial success was established.

Keywords: entrepreneurial success, subjective success, self-realization, Russian sociocultural environment, self-efficacy, self-actualization, psychological capital

For citation: Sergeeva M.N. Subjective criteria for entrepreneurial success in Russian culture. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 186 – 193. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-186-193

The article was submitted: February 21, 2026; Approved after reviewing: April 19, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В современной психологии активно изучаются вопросы предпринимательской деятельности, в частности растет интерес к оценке успешности предпринимателей не только через объективные критерии (прибыль, выручка, скорость роста компании и т.д.), но и через субъективные критерии успеха [1-4]. Интерес к исследованию данной области подтверждается значительным ростом публикаций в период 2015-2025 годов, в международном научном поле [1-15]. В российской науке фокус исследований преимущественно сосредоточен на анализе социальных функций предпринимательства и принятия социумом успешных предпринимателей [5-8], что говорит о необходимости исследования субъективного восприятия собственной успешности предпринимателей. Современные мировые исследования показывают, что субъективная успешность – это многомерный конструкт, который включает такие аспекты, как личное удовлетворение жизнью, баланс между работой и личной жизнью, степенью влияния на сообщество, качеством отношений в рабочем коллективе и финансовым благополучием [1, 2, 9, 10]. Для оценки влияния этих аспектов были разработаны специальные шкалы и опросники, такие как SES-IS и SES-AS, которые позволяют выявить собственные критерии достижения успеха предпринимателем и уровень их достижения. Также выявлены психологические предикторы субъективной успешности, такие как мотивация достижения, самоэффективность, оптимизм, психологический капитал и ценности [1, 11-13]. Перечисленные исследования показывают, что субъективные критерии оценки успешности предпринимателя оказываются более релевантными для интерпретации поведения предпринимателей и их благополучия по сравнению с оценкой через объективные метрики. Использование такого подхода для исследования психологии предпринимательства в российской социокультурной среде является актуальной научной задачей.

Цель и задачи исследования. Российская социокультурная среда для развития предпринимательства является своеобразным барьером, поскольку она характеризуется высокой степенью неопределённости, противоречивым общественным восприятием бизнеса, а также выраженным влиянием государственных институтов. Все это оказывает существенное воздействие на психологию предпринимателя в процессе его становления и развития. Кроме того, значительное влияние оказывают условия нестабильной экономической среды, высокая изменчивость нормативного регулирования, давление внешнеэкономических факторов. Такая среда создает особые условия для психологического развития предпринимателей.

Цель исследования заключается в оценке субъективной успешности предпринимателей и анализе ее особенностей в контексте российской социокультурной среды.

Для достижения цели исследования решаются следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические подходы к пониманию субъективной успешности предпринимателей в российских и международных исследованиях.
2. Проанализировать результаты оценки субъективной успешности предпринимателей в мировой практике на основе анализа литературы.
3. Провести оценку субъективной успешности российских предпринимателей на основе интервьюирования.
4. Провести сравнительный анализ отличия оценок субъективной успешности предпринимателей в мировой практике и в контексте российской социокультурной среды.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались отечественные и зарубежные научные исследования, посвященные проблематике предпринимательской успешности, в частности критериев субъективной

оценки предпринимательской успешности, проблематике психологического капитала предпринимателя, социокультурных особенностей предпринимательской деятельности [1-20]. Особое внимание было уделено многомерным моделям оценки успеха предпринимателей и психологическим факторам, влияющим на восприятие собственной успешности. Для проведения эмпирического исследования использовались материалы 16 полуструктурированных интервью, проведенных с предпринимателями разного пола, возраста, уровня дохода и уровня развития бизнеса.

В исследовании применяется комплексный подход, использующий количественные и качественные методы анализа, так на этапе теоретического исследования используются методы сопоставления и систематизации научной литературы. Для эмпирической части исследования применяются шкалы SES-IS и SES-AS, в части выявления субъективных представлений предпринимателей об успешности их деятельности, а также метод проблемного интервью, направленный на выявление индивидуальных особенностей оценки предпринимательской успешности. Для обработки результатов исследования применяется метод сравнительного и содержательного анализа, который позволяет выявить отличия критериев субъективной оценки успешности предпринимателя в российской социокультурной среде от мировых критериев оценки.

Результаты и обсуждения

Анализ теоретических подходов к пониманию субъективной успешности предпринимателей в российских и международных исследованиях.

Одно из определений субъективной оценки успешности предпринимателя – это индивидуальная оценка достижения лично значимых целей в предпринимательстве [1, 2]. Современные модели оценки успеха во многом базируются на теориях мотивации достижения Д. МакКлелланда и теории локуса контроля Дж. Роттера [14]. Предпринимательская активность тесно связана с выраженной потребностью в достижении результата и поставленных целей, стремлением к преодолению сложных задач, получению признания в обществе [15]. Предприниматели оценивают собственный успех не только через экономические показатели, такие как рост компании и прибыль, но и через личное развитие, свободу и автономию, социальный вклад и удовлетворение жизнью [1-3].

В свою очередь теория локуса контроля описывает предпринимателей как людей, склонных связывать свои успехи и неудачи преимущественно с собственными усилиями, компетенциями и принимаемыми ими решениями, что связано с внутренним локусом контроля. Тогда как люди с внешним локусом контроля интерпретируют результаты собственной деятельности через внешние обстоятельства, случайности или влияние других людей [16].

Для оценки субъективного восприятия предпринимательской успешности как многомерного конструкта в зарубежных исследованиях используют опросники и шкалы SES-IS и SES-AS. Шкала SES-IS направлена на оценку значимости различных критериев собственной успешности самого предпринимателя, тогда как SES-AS позволяет определить степень субъективного достижения критериев успешности по SES-IS. Использование данных шкал и опросников позволяет получить комплексную оценку экономических и личностных, социальных, ценностных составляющих предпринимательского успеха, а также связь между этими составляющими [1]. Шкалы SES-IS и SES-AS выделяют пять ключевых факторов: производительность компании, личное финансовое благополучие, отношения на работе, личная самореализация, влияние на общество [1-3].

Кроме шкал SES в зарубежных исследованиях показывается значимая роль таких психологических предикторов субъективной успешности как самооффективность, мотивация достижения, психологический капитал, ценностные ориентации, удовлетворенность балансом работа-жизнь и переживание потока [10, 11, 17-19].

В российских исследованиях преобладают четыре подхода к анализу субъективной успешности предпринимателей: личностно-психологический, мотивационный, социокультурный и институциональный. В личностно-психологическом подходе субъективная успешность связана с ценностно-смысловыми характеристиками личности и внутренним локусом контроля. Успех здесь рассматривается как результат личностной регуляции экономического поведения [5]. Мотивационный подход, так же, как и в зарубежных исследованиях, делает акцент на целях, ценностях и жизненных смыслах предпринимателя [6]. Социокультурный подход интерпретирует успешность как зависимость от общественного признания и престижа [7]. Интегративный подход объединяет личностные, социально-экономические и деятельностные факторы, объясняя субъективную успешность как многомерный конструкт, включающий экономические параметры, деловую активность и удовлетворенность предпринимательской деятельностью [8].

Для оценки субъективной успешности предпринимателя в российской практике используется не стандартизированные шкалы, а комплекс психодиагностических и авторских методик. Наиболее известными являются подход В.П. Позднякова и школы Института психологии РАН, в котором используются опросники экономического самоопределения, шкалы удовлетворенности предпринимательской деятельностью, оценка деловой активности, самооценка успешности бизнеса, оценка благоприятности экономических условий, диагностика ценностных и смысловых ориентаций [6].

Субъективные критерии успешности предпринимателей в международных исследованиях.

Как было описано ранее в международных исследованиях принято использовать шкалу SES, которая представляет собой пятибалльную оценку по различным факторам. Результаты международных исследований показывают, что наиболее значимыми для предпринимателей являются такие компоненты, как производительность компании, отношения на работе, личная самореализация. В результатах немецких исследований наиболее высокие значения по шкале SES-IS получили факторы «отношения на работе» (M=4,53) и «личная самореализация» (M=4,34), тогда как в результатах польских исследований выше такие факторы, как «личная самореализация» (M=4,55), «личные финансовые вознаграждения» (M=4,24) и «результаты фирмы» (M=4,20). При этом фактор «влияние на общество» в обеих странах оказался менее выраженным [20]. Результаты исследований [2, 20] по оценке субъективной успешности предпринимателей приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты международных исследований по оценке субъективной успешности предпринимателей.

Table 1

Results of international studies assessing the subjective success of entrepreneurs.

Фасет субъективной успешности	SES-IS Германия	SES-IS Польша	SES-AS Германия, группа 1	SES-AS Германия, группа 2	SES-AS Польша
Производительность компании	3,79	4,20	3,35	2,95	3,15
Отношения на работе	4,53	4,42	4,00	4,04	3,65
Личная самореализация	4,34	4,55	3,74	3,84	3,92
Влияние на общество	3,49	3,37	3,57	3,49	2,86
Личное финансовое благополучие	3,64	4,24	3,15	2,92	3,14

Таким образом, результаты анализа международных исследований показывают, что кроме объективных критериев успешности предпринимателей, таких как прибыль, выручка и рост компании, существенное значение имеют субъективные критерии, особенно отношения с коллективом на работе и личная самореализация. Кроме того, исследования показывают, что такие психологические факторы, как самоэффективность, мотивация, оптимизм и психологический капитал оказывают существенное влияние на восприятие предпринимателями собственного успеха.

Субъективные критерии успешности российских предпринимателей на основе интервьюирования.

На эмпирическом этапе исследования было проведено интервьюирование с 16 российскими предпринимателями разного пола, возрастов, уровня дохода и уровня развития бизнеса. В качестве инструмента оценки субъективной успешности использовались опросники и шкалы SES-IS и SES-AS. Результаты опросов показывают значительное влияние российской социокультурной среды на субъективную оценку успешности предпринимателей. Результаты анализа субъективной успешности предпринимателей в контексте российской социокультурной среды приведены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты анализа субъективной успешности предпринимателей в контексте российской социокультурной среды.

Table 2

Results of the analysis of subjective success of entrepreneurs in the context of the Russian socio-cultural environment.

Фасет субъективной успешности	SES-IS Россия	SES-AS Россия
Производительность компании	4,56	3,88
Отношения на работе	4,50	4,31
Личная самореализация	4,75	4,63
Влияние на общество	3,75	3,19
Личное финансовое благополучие	4,75	4,13

Результаты анализа субъективной успешности предпринимателей в контексте российской социокультурной среды показывают, что для российских предпринимателей наиболее значимыми субъективными критериями успешности выступают личная самореализация и личное финансовое благополучие. При этом наиболее высокие значения оценок наблюдаются по факторам личной самореализации и отношений на работе, а самые низкие по фактору влияния на общество. Полученные данные позволяют предполагать, что в российской социокультурной среде успешность воспринимается через личную реализацию, финансовую устойчивость и качество отношений в работе.

Кроме того, результаты анализа проблемного интервью с предпринимателями показали, что предпринимательская успешность воспринимается как многомерный конструкт, включающий не только финансовые результаты, но и внутреннее состояние, личную самореализацию, свободу действий, контроль над собственной жизнью и возможности реализации значимых идей и проектов.

Полученные результаты анализа интервью позволяют сделать вывод, что субъективными компонентами успешности в российской социокультурной среде являются стремление к самореализации, удовольствие от работы, создание новых проектов, ощущение внутренней свободы и способности влиять на окружающую реальность. Для части предпринимателей успешность напрямую была связана с возможностью самостоятельно принимать решения, сохранять независимость и реализовывать собственные идеи и проекты.

Анализ проблемного интервью также выявил наличие ограничивающих психологических установок, связанных с финансовым поведением и восприятием предпринимательской деятельности. Среди выявленных установок наиболее часто встречались страх финансовой нестабильности, тревожность, склонность к самосомнению и опасения связанные с риском потери ресурсов. При этом у предпринимателей с более высоким уровнем дохода данные установки были выражены значительно слабее. У предпринимателей с более высоким уровнем дохода преобладали установки, связанные с уверенностью и созидательной активностью, стратегическим мышлением и восприятием предпринимательства, как инструмента личной самореализации.

Результаты эмпирического исследования позволяют предположить о существовании связи между субъективной оценкой успешности предпринимателя и его системой финансово-психологических установок. В рамках проблемного интервью выявлена зависимость, которая показывает что при более высоком уровне субъективной успешности более сильно выражена ориентация на самореализацию, внутренний контроль, создание ценностей, свободу, а также менее выражены ограничивающие финансовые установки. Данный факт подтверждает необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

Сравнительный анализ отличия оценок субъективной успешности предпринимателей в мировой практике и в контексте российской социокультурной среды.

Сравнительный анализ результатов международных исследований предпринимательской успешности и успешности российских предпринимателей показывает, что многомерная логика сохраняется, однако российская выборка предпринимателей демонстрирует более высокую значимость личностных и финансовых аспектов успешности. Во всех исследованиях предприниматели оценивают успешность не только через финансовые показатели бизнеса, но и через самореализацию, качество отношений на работе и субъективное ощущение удовлетворённости.

Наиболее выраженным фактором в российской выборке стала личная самореализация ($SES-IS = 4,75$; $SES-AS = 4,63$), что превышает аналогичные показатели как немецкой, так и польской выборок. В Германии показатель значимости самореализации ниже и составил 4,34, а в Польше – 4,55. Это позволяет сделать вывод, что в российской социокультурной среде предпринимательство в большей степени воспринимается как инструмент личностной реализации. Одновременно российские предприниматели демонстрируют высокий уровень субъективного достижения данного фактора, что может говорить о восприятии предпринимательства как способа реализации внутренних целей, в том числе в условиях нестабильной внешней среды.

Вторым наиболее выраженным фактором в российской выборке предпринимателей стало личное финансовое благополучие ($SES-IS = 4,75$; $SES-AS = 4,13$). Данные показатели выше немецких и польских результатов. В немецкой выборке финансовые показатели имеют более низкую значимость (3,64), а в польской выборке данный фактор аналогично занимает одно из ведущих мест (4,24). Это может быть связано с более устойчивой экономической и финансовой средой для развития бизнеса.

Российская выборка предпринимателей также демонстрирует высокую значимость отношений на работе ($SES-IS = 4,50$; $SES-AS = 4,31$), что соответствует международным результатам. При этом показатели субъективного достижения отношений на работе в России оказались выше польских и несколько выше немецких результатов. Это может свидетельствовать о высокой значимости профессиональных связей в россий-

ской предпринимательской культуре, где межличностные отношения и социальный капитал играют важную роль.

Наименее выраженным фактором как в зарубежных, так и в российских данных оказалось влияние на общество. В российской выборке данный показатель составил 3,75 по шкале значимости и 3,19 по шкале достижения. Несмотря на сравнительно невысокие значения, российские показатели всё же превышают польские результаты и сопоставимы с немецкими. Это позволяет предположить, что социальная миссия и общественное влияние воспринимаются предпринимателями как вторичный, но не исключённый критерий успешности.

Таким образом, можно утверждать, что российская выборка характеризуется более высокой выраженностью факторов самореализации и финансового благополучия, что может отражать влияние российской социокультурной среды, высокой экономической неопределённости и повышенной значимости предпринимательства как инструмента личной самореализации.

Выводы

Результаты проведенного исследования подтверждают, что субъективная успешность предпринимателей представляет собой многомерный психологический конструкт, включающий не только объективные экономические и финансовые показатели, но и личностные, социальные и ценностные компоненты, даже в российской социокультурной среде. В процессе исследования были получены следующие основные результаты:

1. Результаты эмпирического исследования субъективной успешности российских предпринимателей, что позволяет выявить наиболее значимые для российской выборки критерии успешности.
2. Результаты анализа проблемного интервьюирования предпринимателей, что позволяет определить связь субъективной успешности с внутренней свободой, самореализацией и возможностью реализации собственных идей и проектов.
3. Результаты сравнительного анализа российских и зарубежных выборок предпринимателей, что позволяет установить более высокую значимость факторов самореализации и финансового благополучия в условиях российской социокультурной среды.
4. Факты о наличии ограничивающих финансово-психологических установок у части предпринимателей, что позволяет предположить существование связи между субъективной успешностью, внутренним locus контроля, самоэффективностью и финансовыми результатами предпринимателей.

Список источников

1. Назир Дж., Дас П.К. Систематический обзор литературы по факторам восприятия, влияющим на успех предпринимательства, на основе структуры PRISMA // Журнал инноваций и предпринимательства. 2025. Т. 14. Ст. 49. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1186/s13731-025-00491-y.pdf> (дата обращения: 19.01.2026)
2. Вах Д., Стефан У., Горгиевски М.Дж., Вегге Дж. Достигнутый успех предпринимателей: разработка многогранной меры // Международный журнал предпринимательства и менеджмента. 2020. Т. 16. С. 1123 – 1151. DOI: 10.1007/s11365-018-0532-5
3. Вираг Э.А. Успех стартапа с точки зрения основателя // Общество и экономика. 2024. Т. 46. № 4. С. 404 – 421. URL: https://www.akjournals.com/view/journals/204/46/4/article-p404.xml?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 19.01.2026)
4. Вах Д., Стефан У., Горгиевски М., Вегге Дж. Больше, чем деньги: разработка интегративной многофакторной меры успеха предпринимательства // Международный журнал малого бизнеса: исследование предпринимательства. 2016. Т. 34. № 8. С. 1098 – 1121. DOI: 10.1177/0266242615608469
5. Позняков В.П., Поддубный С.Е., Позняков П.В. Личностные детерминанты экономического самоопределения российских предпринимателей // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 159 – 165. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-159-165
6. Позняков В.П., Ефимова Н.Ю. Социально-психологические факторы экономического самоопределения предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 222 – 226.
7. Позняков В.П. Ценностные самоориентации предпринимателей как причины их определения // Психологическая газета. 2020. URL: https://psy.su/feed/8453/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 07.02.2026)

8. Позняков В.П., Вавакина Т.С. Ценностно-смысловые факторы самоопределения предпринимателей в отношениях к деловому партнерству // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.19.3.003
9. Dijkhuizen J., Gorgievski M.J., van Veldhoven M.J.P.M., Schalk R. Благополучие, личный успех и эффективность бизнеса среди предпринимателей: двухэтапное исследование // Журнал исследований счастья. 2018. Т. 19. № 8. С. 2187 – 2204. DOI: 10.1007/s10902-017-9914-6
10. Manzano-García G., Ayala-Calvo J.C. Предпринимательская ориентация: ее связь с субъективным успехом предпринимателя в МСП // Устойчивое развитие. 2020. Т. 12. № 11. Ст. 4547. DOI: 10.3390/su12114547
11. Caliendo M., Kritikos A.S., Rodríguez D., Stier C. Самоэффективность и предпринимательская деятельность стартапов // Экономика малого бизнеса. 2023. Т. 61. № 3. С. 1027 – 1051. DOI: 10.1007/s11187-022-00728-0
12. Wang S., Hung K., Huang W. Психологический капитал и предпринимательский успех: опосредующая роль предпринимательской устойчивости // Журнал деловых исследований. 2022. Т. 146. С. 379 – 389. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.03.040
13. Хмиелески К.М., Карр Дж.К. Взаимосвязь между психологическим капиталом предпринимателя и эффективностью нового венчурного предприятия // Журнал Business Venturing. 2019. Т. 34. № 4. С. 558 – 573. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2019.02.001
14. Катанец И.Б., Сабадия М. Исследование влияния предпринимательских качеств на восприятие предпринимательского успеха // Образование за подухотничество – E4E: znanstveno stručni časopis o obrazovanju za poduzetništvo. 2024. Т. 14. № 2. С. 33 – 46. DOI: 10.38190/ope.14.2.3
15. Вилла Э.А., Себастьян М.А. Мотивация достижения, локус контроля и учебные привычки как предикторы успеваемости по математике у студентов первого курса // Международный электронный журнал математического образования. 2021. Т. 16. № 3. Ст. em0661. DOI: 10.29333/iejme/11297
16. Галвин Б.М., Рандел А.Е., Коллинз Б.Дж., Джонсон Р.Е. Изменение фокуса локуса (контроля): целенаправленный обзор литературы по локусу контроля и программа будущих исследований // Журнал организационного поведения. 2018. Т. 39. № 7. С. 820 – 833. DOI: 10.1002/job.2275
17. Плиакура А., Белиджианнис Г. Восприятие фермерами успеха в предпринимательстве: данные из Греции // Журнал предпринимательства и государственной политики. 2022. Т. 11. № 4. С. 421 – 438.
18. Лекович Б., Марич С., Бербер Н. Показатели успеха/эффективности малого бизнеса: важность, надежность и удобство использования // Индустрия. 2016. Т. 44. № 2. С. 7 – 26.
19. Размус В., Лагуна М. Измерения успеха в предпринимательстве: многоуровневое исследование заинтересованных сторон микропредприятий // Границы психологии. 2018. Т. 9. Статья 791.
20. Вах Д., Стефан У., Горгиевски М. Больше, чем деньги: разработка интегративной многофакторной меры предпринимательского успеха // Международный журнал малого бизнеса. 2016. Т. 34. № 8. С. 1098 – 1121.

References

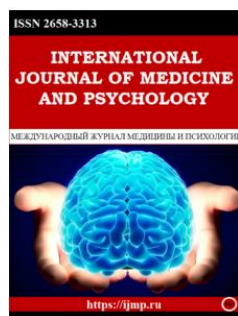
1. Nazir J., Das P.K. A systematic literature review on perception factors influencing entrepreneurial success based on the PRISMA framework. Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2025. Vol. 14. P. 49. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1186/s13731-025-00491-y.pdf> (date of access: 19.01.2026)
2. Wah D., Stefan U., Gorgievski M.J., Wegge J. Achieved success of entrepreneurs: Development of a multi-faceted measure. International Journal of Entrepreneurship and Management. 2020. Vol. 16. P. 1123 – 1151. DOI: 10.1007/s11365-018-0532-5
3. Virag E.A. Startup Success from the Founder's Perspective. Society and Economy. 2024. Vol. 46. No. 4. P. 404 – 421. URL: https://www.akjournals.com/view/journals/204/46/4/article-p404.xml?utm_source=chatgpt.com (date of access: 19.01.2026)
4. Wach D., Stefan U., Gorgievski M., Wegge J. More than Money: Developing an Integrative Multifactor Measure of Entrepreneurial Success. International Journal of Small Business: Entrepreneurship Research. 2016. Vol. 34. No. 8. P. 1098 – 1121. DOI: 10.1177/0266242615608469
5. Poznyakov V.P., Poddubny S.E., Poznyakov P.V. Personal determinants of economic self-determination of Russian entrepreneurs. Yaroslavl pedagogical bulletin. 2021. No. 5 (122). P. 159 – 165. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-159-165
6. Poznyakov V.P., Efimova N.Yu. Socio-psychological factors of economic self-determination of entrepreneurs. Knowledge. Understanding. Skill. 2012. No. 2. P. 222 – 226.

7. Poznyakov V.P. Value Self-Orientations of Entrepreneurs as Reasons for Their Determination. Psychological Newspaper. 2020. URL: https://psy.su/feed/8453/?utm_source=chatgpt.com (date of access: 07.02.2026)
8. Poznyakov V.P., Vavakina T.S. Value-Semantic Factors of Self-Determination of Entrepreneurs in Attitudes to Business Partnership. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology. 2020. Vol. 5. No. 3 (19). DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.19.3.003
9. Dijkhuizen J., Gorgievski M.J., van Veldhoven M.J.P.M., Schalk R. Well-being, personal success, and business performance among entrepreneurs: A two-wave study. Journal of Happiness Studies. 2018. Vol. 19. No. 8. P. 2187 – 2204. DOI: 10.1007/s10902-017-9914-6
10. Manzano-García G., Ayala-Calvo J.C. Entrepreneurial orientation: Its relationship with subjective success of an entrepreneur in SMEs. Sustainable Development. 2020. Vol. 12. No. 11. Art. 4547. DOI: 10.3390/su12114547
11. Caliendo M., Kritikos A.S., Rodríguez D., Stier C. Self-efficacy and entrepreneurial activity of start-ups. Small Business Economics. 2023. Vol. 61. No. 3. P. 1027 – 1051. DOI: 10.1007/s11187-022-00728-0
12. Wang S., Hung K., Huang W. Psychological capital and entrepreneurial success: the mediating role of entrepreneurial resilience. Journal of Business Research. 2022. Vol. 146. P. 379 – 389. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.03.040
13. Hmieleski K.M., Carr J.K. The Relationship between Entrepreneur's Psychological Capital and New Venture Performance. Business Venturing Magazine. 2019. Vol. 34. No. 4. P. 558 – 573. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2019.02.001
14. Katanec I.B., Sabadia M. A Study of the Influence of Entrepreneurial Qualities on the Perception of Entrepreneurial Success. Education for Education – E4E: znanstveno stručni časopis o obrazovanju za poduzetništvo. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 33 – 46. DOI: 10.38190/oep.14.2.3
15. Villa E. A., Sebastian M. A. Achievement Motivation, Locus of Control, and Study Habits as Predictors of First-Year Students' Performance in Mathematics. International Electronic Journal of Mathematical Education. 2021. Vol. 16. No. 3. Art. em0661. DOI: 10.29333/iejme/11297
16. Galvin B. M., Randel A. E., Collins B. J., Johnson R. E. Shifting the Focus of Locus of Control: A Focused Review of the Locus of Control Literature and an Agenda for Future Research. Journal of Organizational Behavior. 2018. Vol. 39. No. 7. P. 820 – 833. DOI: 10.1002/job.2275
17. Pliakoura A., Beligiannis G. Farmers' Perceptions of Entrepreneurial Success: Evidence from Greece. Journal of Entrepreneurship and Public Policy. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 421 – 438.
18. Lekovic B., Marich S., Berber N. Small Business Success/Performance Indicators: Importance, Reliability, and Ease of Use. Industry. 2016. Vol. 44. No. 2. P. 7 – 26.
19. Razmus V., Laguna M. Measuring Entrepreneurial Success: A Multilevel Study of Microenterprise Stakeholders. Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 791.
20. Wach D., Stefan U., Gorgievski M. More than money: developing an integrative multifactor measure of entrepreneurial success. International Journal of Small Business. 2016. Vol. 34. No. 8. P. 1098 – 1121.

Информация об авторе

Сергеева М.Н., аспирант, Московская международная академия, lavka_trav@mail.ru

© Сергеева М.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9.075

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-194-200

¹ **Бараева Л.М.,**

¹ **Гордеева Е.К.,**

¹ **Баевский Г.А.,**

¹ *Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации*

Психометрическая оценка склонности к риску по А.М. Шуберту и ее гендерная вариативность в среде иностранных студентов-медиков

Аннотация: в статье представлены результаты психометрической оценки склонности к риску по методике А.М. Шуберта среди иностранных студентов-медиков Кубанского государственного медицинского университета. Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнения информационного пробела о психологических особенностях данной категории обучающихся, которые наряду с высокими учебными нагрузками испытывают дополнительный стресс, связанный с адаптацией к новой культуре. Цель работы – исследование готовности иностранных студентов-медиков к принятию риска в ситуациях неопределённости с учётом гендерной принадлежности. Задачи включали анализ научной литературы, проведение анкетирования (119 респондентов, из них 69 юношей и 50 девушек), статистическую обработку данных с использованием t-критерия Стьюдента и точного критерия Фишера, а также сравнение полученных результатов с данными других авторов. Выявлено, что среди иностранных студентов-медиков преобладают осторожный (28,99-60%) и ситуативный (22-36,23%) типы поведения; выраженная склонность к риску выявлена лишь у 10% девушек и 21,74% юношей. Статистически значимых гендерных различий не обнаружено ($p > 0,05$). Практическое применение результатов возможно в рамках психолого-педагогического сопровождения иностранных студентов: выявление лиц с чрезмерной осторожностью и безудержным риском позволяет проводить индивидуальную психокоррекцию, а также использовать данные для профессиональной ориентации при выборе медицинской специальности.

Ключевые слова: психометрическая оценка, склонность к риску, тест Шуберта, гендерные различия, иностранные студенты, медицинское образование, психология личности, готовность к риску

Для цитирования: Бараева Л.М., Гордеева Е.К., Баевский Г.А. Психометрическая оценка склонности к риску по А.М. Шуберту и ее гендерная вариативность в среде иностранных студентов-медиков // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 194 – 200. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-194-200

Поступила в редакцию: 21 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Barayeva L.M.,
¹ Gordeeva E.K.,
¹ Baevsky G.A.,

¹ Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Psychometric assessment of risk propensity by A.M. Schubert and its gender variability among international medical students

Abstract: the article presents the results of a psychometric assessment of risk propensity using A.M. Schubert's method among international medical students of Kuban State Medical University. The relevance of the study is due to the need to fill the information gap regarding the psychological characteristics of this category of students, who, along with high academic workloads, experience additional stress associated with adaptation to a new culture. The aim of the study is to investigate the readiness of international medical students to take risks in situations of uncertainty, taking into account gender. The tasks included the analysis of scientific literature, conducting a survey (119 respondents, of which 69 were male and 50 female), statistical data processing using Student's t-test and Fisher's exact test, as well as comparing the obtained results with data from other authors. It was revealed that cautious (28.99-60%) and situational (22-36.23%) behavior types predominate among international medical students; a pronounced propensity for risk was found only in 10% of female and 21.74% of male students. No statistically significant gender differences were found ($p>0.05$). The practical application of the results is possible within the framework of psychological and pedagogical support for international students: identifying individuals with excessive caution and unbridled risk allows for individual psychocorrection, as well as using the data for professional orientation when choosing a medical specialty.

Keywords: psychometric assessment, risk propensity, Schubert test, gender differences, international students, medical education, personality psychology, readiness for risk

For citation: Barayeva L.M., Gordeeva E.K., Baevsky G.A. Psychometric assessment of risk propensity by A.M. Schubert and its gender variability among international medical students. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 194 – 200. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-194-200

The article was submitted: February 21, 2026; Approved after reviewing: April 19, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Практическая часть медицины всегда характеризовалась высокой степенью ответственности, сопровождающейся дефицитом времени на принятие необходимых решений. В связи с этим одним из ключевых элементов профессиональной пригодности врача является баланс между обоснованной осторожностью и готовностью к оправданному риску, что определяет способность действовать должным образом в ситуациях с неизвестным исходом. При этом чрезмерная склонность к риску может приводить к врачебным ошибкам, импульсивным решениям и неоправданным последствиям, а излишняя осторожность - к замедлению, неоказанию своевременной помощи, упущению критического момента. Таким образом, изучение готовности к риску у будущих врачей на этапе их профессиональной подготовки приобретает особую актуальность, поскольку может прогнозировать их поведение в клинических ситуациях и дает возможность своевременно осуществлять психологическую коррекцию, а также помогать студенту с выбором подходящей конкретно его индивидуально-психологическим особенностям специальности.

Уникальную группу обучающихся в медицинских вузах составляют иностранные студенты. Ведь помимо свойственных для всех учащихся учебных и эмоциональных нагрузок, они переживают дополнительный стресс, обусловленный адаптацией к новой для них культуре. Кроме того, девушки-студентки медики ощущают учебную среду как менее психологически безопасную по сравнению с юношами [1]. В первую очередь, это подтверждает наличие гендерных различий в восприятии процесса обучения, что, в свою очередь, может оказывать влияние на психологические особенности, в том числе на готовность к риску.

Однако исследований, изучающих именно контингент иностранных студентов, в научной литературе крайне мало. Большинство работ, рассматривающих готовность к риску ориентированы либо на общие популяции, либо на конкретные профессиональные группы, например, такие как курсанты-спасатели [2], спортсмены [3] или сотрудники органов внутренних дел [4].

Следовательно, актуальность данной работы заключается в необходимости устранения информационного пробела относительно психологических особенностей иностранных студентов медицинских вузов, и прежде всего - их готовности к риску с учётом гендерной принадлежности.

Целью данной работы является исследование психологической склонности иностранных студентов-медиков к принятию риска в те моменты жизни, которые характеризуются неопределенностью, возможно даже опасные для жизни, ведь деятельность врача требует равновесия между осторожностью и готовностью брать на себя ответственность за здоровье людей в экстренных ситуациях. В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) Поиск, подбор и изучение соответствующей современной научной литературы по данной тематике.
- 2) Изучение результатов исследований других авторов в данной области для дальнейшего проведения сравнительного статистического анализа.
- 3) Проведение анкетирования иностранных студентов-медиков Кубанского государственного медицинского университета с помощью опросника «Готовность к риску по А.М. Шуберту».
- 4) Произвести статистический анализ, сравнить полученные результаты с результатами других авторов.

Материалы и методы исследований

В процессе научного исследования было проведено анкетирование респондентов с использованием психологического теста по методике оценки склонности к риску Шуберта А.М. (RSK) [5]. Тест состоит из 25 вопросов, по каждому пункту предлагается выбрать один из пяти вариантов – от абсолютного согласия до твёрдого «нет». Каждый ответ оценивается от -2 до +2 баллов. Общая сумма баллов в интервале от -50 до +50. Итоговый показатель рассчитывается как отклонение от среднего значения и выражается на непрерывной шкале. Интерпретация результатов:

Меньше -30 баллов – слишком осторожны.

От -30 до -11 баллов – осторожны.

От -10 до +10 баллов – средние значения (поведение ситуативное).

От +11 до +20 баллов – склонны к риску.

Свыше +20 баллов – склонность к безудержному риску.

В данном исследовании приняли участие 119 иностранных студентов КубГМУ, обучающихся по специальности «Лечебное дело», среди них лиц мужского пола – 69 человек, женского – 50 человек. Накопление, корректировка, группировка полученных данных осуществлялась в электронных таблицах Microsoft Excel 2016. Статистический анализ проводился с использованием t-критерия Стьюдента. Результаты считались статистически значимыми при $p < 0,05$. Также были установлены максимальные (max) и минимальные (min) значения данных, средняя арифметическая величина (M), относительная ошибка (m). В ходе работы был использован точный критерий Фишера для расчета статистической значимости. Результаты при этом считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждения

Результаты проведенного статистического анализа данных, полученных в ходе анкетирования респондентов, представлены в табл. 1.

Распределение результатов полученных от опрошенных лиц женского пола: Меньше -30 баллов (слишком осторожны) – 4 человека (8%), от -30 до -11 баллов (осторожны) – 30 человек (60%), от -10 до +10 баллов – средние значения (поведение ситуативное) – 11 человек (22%), от +11 до +20 баллов – (склонны к риску) – 3 человека (6%), свыше +20 баллов (склонность к безудержному риску) – 2 человека (4%). Все полученные результаты представлены в виде диаграммы на рис. 1.

Распределение результатов полученных от опрошенных лиц мужского пола: Меньше -30 баллов (слишком осторожны) – 9 человек (13,04%), от -30 до -11 баллов (осторожны) – 20 человек (28,99%), от -10 до +10 баллов – средние значения (поведение ситуативное) – 25 человек (36,23%), от +11 до +20 баллов (склонны к риску) – 8 человек (11,60%), свыше +20 баллов (склонность к безудержному риску) – 7 человек (10,14%). Все полученные результаты представлены в виде диаграммы на рис. 1, 2.

Таблица 1

Результаты тестирования студентов «Готовность к риску по А.М. Шуберту».

Table 1

Results of student testing "Risk-taking according to A.M. Schubert."

Исследуемая шкала	Статистические показатели					
	Пол					
	Юноши			Девушки		
	M ± m	Min	Max	M ± m	Min	Max
Готовность к риску	-6 ± 2,4	-48	44	-11,2 ± 2,2	-39	30

Структура результатов, полученных при анкетировании
лиц женского пола

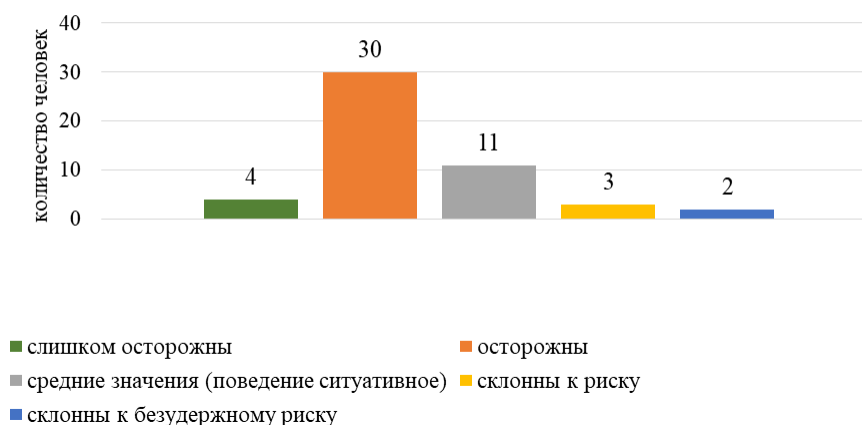

Рис. 1. Структура результатов, полученных при анкетировании лиц женского пола.
Fig. 1. Structure of the results obtained from the survey of females.

Структура результатов, полученных при анкетировании
лиц мужского пола

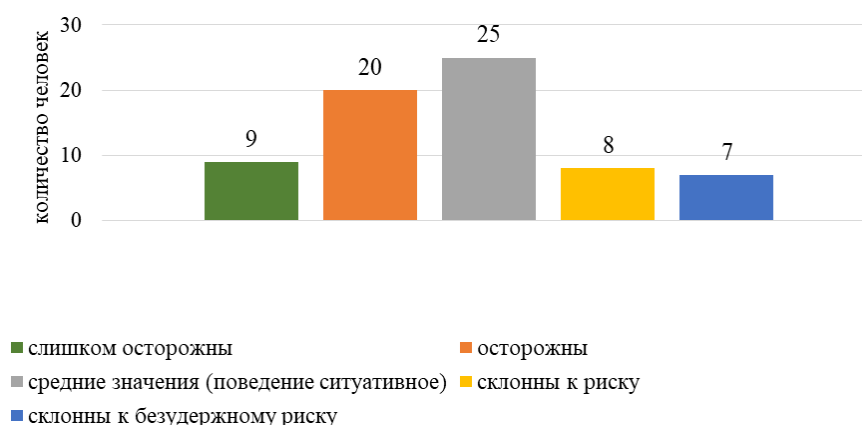

Рис. 2. Структура результатов, полученных при анкетировании лиц мужского пола.
Fig. 2. Structure of the results obtained from the survey of males.

На первый взгляд, на основе полученных данных можно проследить некую тенденцию: среди иностранных студентов-медиков юношей доля лиц со склонностью к риску (от «склонны к риску» до «безудержный риск») составила 21,74%, тогда как девушек – 10%. Вероятно, такие данные могут указывать на твердую решительность молодых мужчин в экстренных ситуациях, что объясняется частым выбором таких специальностей, как анестезиолог-реаниматолог, хирург, врач приемного отделения неотложной помощи. Например, в исследовании Доники было выявлено, что большая часть хирургов (66,7%) обладают средней

степенью готовности к риску, при этом доля лиц с показателями "выше среднего" и "высокая" составляет 27,9% [6].

Данные, полученные в ходе расчета t-критерия Стьюдента, не выявили статистически значимых различий по гендерному признаку.

При расчете углового преобразования Фишера статистически значимых различий между иностранными студентами женского и мужского пола ни по одной категории склонности к риску не было выявлено. Вероятно, полученные результаты связаны с небольшим общим объемом выборки (119 респондентов) и малым числом человек в крайних категориях (например, безудержный риск – всего 2 женщины и 7 мужчин). В таком случае, даже значительные процентные различия не могут считаться статистически достоверными.

В исследовании Севостьянова Д.А., направленном на выявление склонности к риску Шуберта А.М студентов трех вузов Новосибирска (всего 183 человека, из них 61 респондент мужского пола и 122 респондента женского), в том числе Новосибирского государственного медицинского университета, было установлено, что доля респондентов со склонностью к риску или без нее значительно отличается в зависимости от их пола [7]. Для идентификации достоверности полученных различий применялось угловое преобразование Фишера, что позволило сделать вывод о том, что среди мужчин число респондентов с высокой склонностью к риску встречается чаще. Однако статистически значимых различий выявлено не было для доли лиц, которым свойственна чрезмерная осторожность. Вероятно, наиболее достоверные различия и соответствующие рекомендации в отношении лиц с чрезмерной осторожностью могут быть получены при значительном увеличении выборки респондентов.

В работе Н.С. Бахарева с соавторами достоверных гендерных различий по склонности к риску не было выявлено. К группе с выраженной осторожностью относятся: 18,52% студентов педиатрического факультета, 13,33% лечебного 18,75% медико-профилактического факультетов [8]. Данные, полученные в нашем исследовании соответствуют результатам Бахарева о преобладании осторожности среди студентов-медиков, что может быть основой профессионально значимого качества при выборе специальности терапевтического профиля и существенным ограничением для экстремальной профессии (хирург, анестезиолог).

В исследовании Л.П. Бочкаревой, направленном на изучение готовности студентов пожарной безопасности в чрезвычайных ситуациях, было установлено, что склонность к риску у студентов положительно коррелирует с вероятностью отчисления из вуза, поскольку такие студенты плохо адаптируются к учебной среде в вузе, что повышает вероятность их отчисления [9]. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу, что такие лица, не проходят профессиональный отбор при поступлении в медицинские вузы и, вероятно, с этим связаны полученные в ходе нашего исследования результаты: лиц с безудержным риском всего 7,56% респондентов, а преобладают осторожные и ситуативные типы.

Исследование Т.П. Мараловой уникально тем, что в нем тест по А.М. Шуберту служит своеобразным инструментом кадрового подбора лиц в экстремальные профессии, в частности работников органов внутренних дел. Была выявлена положительная корреляция между высоким уровнем нормативности поведения и готовностью к высокому, но разумному риску, а также отрицательная корреляция этой же нормативности со склонностью к безудержному, неоправданному риску, что послужило основой для выбора оптимального типа сотрудника [4]. Возвращаясь в наше исследование, можно интерпретировать полученные результаты в исследовании Мараловой на медицинские специальности, а именно, можно предположить, что для анестезиологов и хирургов, чья работа связана с принятием взвешенных решений в условиях неопределенности и дефицита времени рациональным будет комбинация высокой профессиональной нормативности (соблюдение клинических рекомендаций и стандартам) и умеренно высокой готовности к разумному риску.

Выявление склонности к рискованному поведению будущих специалистов экстремального профиля проводилось в исследовании Ю.Г. Хлоповских, в котором приняли участие 115 курсантов – будущих пожарных-спасателей. Было зафиксировано, что 69,8% курсантов показывают высокий уровень готовности к рискованному поведению по тесту Шуберта, и лишь 9,1% – низкий [10]. Эти данные существенно отличаются от наших данных: среди иностранных студентов-медиков высокий уровень риска выявлен лишь у 10% девушек и 21,74% юношей. Выявленные различия вновь подтверждают, что медицинская специальность в общем и целом отбирает более осторожных индивидов по сравнению с профессиями, напрямую связанными с экстремальными ситуациями.

Выводы

В ходе проведенного исследования была проведена психометрическая оценка склонности к риску по А.М. Шуберту среди иностранных студентов ФГБОУ ВО Кубанского государственного медицинского университета Минздрава России. Было выявлено, что среди когорты респондентов преобладают лица с осторожным типом поведения (от -30 до -11 баллов) и ситуативным типом (от -10 до +10 баллов). Только небольшая часть студентов показала выраженную или безудержную склонность к риску (10% девушек и 21,74% юношей). Это дает возможность характеризовать иностранных студентов-медиков как осторожную группу в отличие от представителей профессий, работающих в экстремальных условиях (пожарные, спасатели).

Статистический анализ, примененный в ходе работы, с использованием t-критерия Стьюдента и точного критерия Фишера не выявил достоверных различий по гендерному признаку ни в одной из категорий склонности к риску ($p > 0,05$). Полученный результат мы связываем с небольшим объемом выборки, что в дальнейшем требует ее увеличения и последующего исследования.

Сравнение с результатами в исследованиях других авторов (Бахарева, Севостьянова) продемонстрировало, что студентам-медикам свойственно преобладание осторожности, что может служить основой для профессионального качества специалиста терапевтического профиля. При сравнении с результатами, полученных при исследовании тех же пожарных и курсантов-спасателей, было выдвинуто предположение о том, что медицинское образование проводит профессиональный отбор лиц с низкой готовностью к безудержному риску.

Таким образом, проведенная работа усиливает представления о психологических характеристиках иностранных студентов-медиков и может быть основой для создания психокоррекционных и профориентационных мероприятий.

Список источников

1. Bitar A., Boman J., Kristoffersson E. Burnout and psychological safety: a questionnaire study of medical students // Journal of Medical Education and Curricular Development. 2025. Vol. 12. P. 1 – 10. DOI: 10.1177/23821205251359380
2. Качайкин Н.В., Мещеряков А.В. Субъективная оценка склонности и готовности к риску курсантов-спасателей вуза гражданской авиации // Гражданская авиация: XXI век: сборник материалов XVII Международной молодежной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной Войне, 90-летию Ульяновского института гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева: в 2-х ч. Ульяновск, 17-18 апреля 2025 года. Часть 2. Ульяновск: Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, 2025. С. 157 – 158.
3. Липовка А.Ю., Намазов А.К., Намазов К.А. и др. Исследование готовности студентов к риску по методике Шуберта // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 10 (200). С. 456 – 460. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.10.p456-460
4. Маралова Т.П. Взаимосвязь нормативности поведения с готовностью к риску у сотрудников органов внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 1. С. 87 – 92.
5. Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. 267 с.
6. Доника А.Д., Еремина М.В., Марченко А.А. Диагностика риск-рефлексии в экстремальных условиях // Фундаментальные исследования. 2009. № 9. С. 44 – 45.
7. Севостьянов Д.А., Гайнанова А.Р., Калошина Т.Ю., Ауман Е.А. Диагностика склонности к риску у студентов: зависимость от пола испытуемых // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 4 (853). С. 78 – 84.
8. Бахарева Н.С., Байбаков С.Е., Гордеева Е.К. и др. Особенности психологического профиля студентов-медиков различных факультетов // Наука, образование, технологии в эпоху глобальной трансформации: монография. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. С. 40 – 55.
9. Бочкарева Л.П., Бодин О.Н., Белушкина О.А. и др. Анализ готовности студентов направлений пожарной и техносферной безопасности к деятельности в чрезвычайных ситуациях // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2019. Т. 8. № 2 (46). С. 238 – 243.
10. Хлоповских Ю.Г. Связь склонности к рискованному поведению и механизмов психологической защиты будущих специалистов экстремального профиля // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2018. № 2. С. 87 – 90.

References

1. Bitar A., Boman J., Kristoffersson E. Burnout and psychological safety: a questionnaire study of medical students. *Journal of Medical Education and Curricular Development*. 2025. Vol. 12. P. 1 – 10. DOI: 10.1177/23821205251359380
2. Kachaikin N.V., Meshcheryakov A.V. Subjective assessment of the propensity and readiness for risk of cadet rescuers of a civil aviation university. *Civil Aviation: XXI century: collection of materials of the XVII International youth scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, the 90th anniversary of the Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation B.P. Bugaev*: in 2 parts. Ulyanovsk, April 17-18, 2025. Part 2. Ulyanovsk: Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation B.P. Bugaev, 2025. P. 157 – 158.
3. Lipovka A.Yu., Namazov A.K., Namazov K.A., et al. A study of students' readiness to take risks using the Schubert method. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. 2021. No. 10 (200). P. 456 – 460. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.10.p456-460
4. Maralova T.P. The relationship between behavioral normativity and risk readiness among employees of internal affairs agencies. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 87 – 92.
5. Ilyin E.P. *Psychology of Risk*. St. Petersburg: Piter, 2012. 267 p.
6. Donika A.D., Eremina M.V., Marchenko A.A. Diagnostics of Risk Reflexivity in Extreme Conditions. *Fundamental Research*. 2009. No. 9. P. 44 – 45.
7. Sevostyanov D.A., Gainanova A.R., Kaloshina T.Yu., Auman E.A. Diagnostics of Risk Propensity in Students: Dependence on the Gender of Subjects. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*. 2024. No. 4 (853). P. 78 – 84.
8. Bakhareva N.S., Baibakov S.E., Gordeeva E.K., et al. Features of the psychological profile of medical students of various faculties. *Science, education, technology in the era of global transformation: monograph*. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2025. P. 40 – 55.
9. Bochkareva L.P., Bodin O.N., Belushkina O.A., et al. Analysis of the readiness of students majoring in fire and technosphere safety for activities in emergency situations. *21st century: results of the past and problems of the present plus*. 2019. Vol. 8. No. 2 (46). P. 238 – 243.
10. Khlopovskikh Yu.G. The relationship between the propensity to risky behavior and the mechanisms of psychological defense of future specialists in extreme profiles. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*. 2018. No. 2. P. 87 – 90.

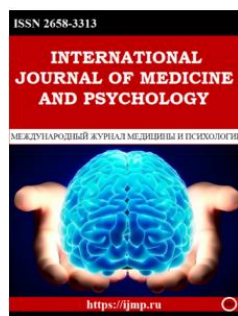
Информация об авторах

Бараева Л.М., ассистент, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, baraeva-lilia@mail.ru

Гордеева Е.К., кандидат медицинских наук, ассистент, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, ekgordeeva@mail.ru

Баевский Г.А., Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, baewsky2016@yandex.ru

© Бараева Л.М., Гордеева Е.К., Баевский Г.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.955

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-201-214

¹ **Болотова О.В.,**

¹ **Карпенко Д.А.,**

¹ **Авдоница Д.В.,**

¹ Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

Влияние государственной семейной политики на репродуктивные установки молодежи

Аннотация: в статье рассматривается проблема влияния государственной семейной политики на репродуктивные установки современной молодежи. В условиях устойчивого снижения рождаемости в Российской Федерации особую значимость приобретает изучение того, как меры государственной поддержки (материнский капитал, льготная ипотека, пособия и др.) трансформируют представления молодых людей о родительстве и планируемом количестве детей. Целью данной статьи является определение степени и характера влияния инструментов государственной семейной политики на формирование и изменение репродуктивных установок молодежи. В исследовании приняли участие 90 студентов БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова. Были использованы такие методы, как теоретико-аналитический обзор литературы и эмпирическое исследование с применением авторской анкеты. Показано, что репродуктивные установки студенческой молодежи характеризуются разрывом между желаемым и планируемым количеством детей. Материальные стимулы влияют на сроки рождения первого ребенка, однако с ростом желаемого числа детей значимость внешней поддержки снижается, уступая место личным ценностным установкам. Ключевым барьером для студенческих семей выступают финансовые трудности.

Ключевые слова: репродуктивные установки, семейная политика, студенческая молодежь, рождаемость, материнский капитал, социальная поддержка

Для цитирования: Болотова О.В., Карпенко Д.А., Авдоница Д.В. Влияние государственной семейной политики на репродуктивные установки молодежи // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 201 – 214. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-201-214

Поступила в редакцию: 22 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Bolotova O.V.,**

¹ **Karpenko D.A.,**

¹ **Avdonina D.V.,**

¹ *Baltic State Technical University "VOENMEKH" named after D.F. Ustinov*

The influence of state family policy on the reproductive attitudes of young people

Abstract: the article examines the problem of the influence of state family policy on the reproductive attitudes of modern youth. In the context of a steady decline in the birth rate in the Russian Federation, it is particularly important to study how state support measures (maternity capital, preferential mortgages, benefits, etc.) transform young people's ideas about parenthood and the planned number of children. The purpose of this article is to determine the degree and nature of the influence of state family policy instruments on the formation and change of reproductive attitudes of young people. The study involved 90 students of BSTU "VOENMEKH" named after D.F. Ustinov. Methods such as a theoretical and analytical review of the literature and an empirical study using an author's

questionnaire were used. It is shown that the reproductive attitudes of student youth are characterized by a gap between the desired and planned number of children. Material incentives influence the timing of the birth of the first child, but with an increase in the desired number of children, the importance of external support decreases, giving way to personal value attitudes. The key barrier for student families is financial difficulties.

Keywords: reproductive attitudes, family policy, student youth, birth rate, maternity capital, social support

For citation: Bolotova O.V., Karpenko D.A., Avdonina D.V. The influence of state family policy on the reproductive attitudes of young people. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 201 – 214. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-201-214

The article was submitted: February 22, 2026; Approved after reviewing: April 20, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Современная демографическая ситуация в России характеризуется устойчивым снижением рождаемости, что делает поиск эффективных мер государственной поддержки семей с детьми одной из приоритетных задач социальной политики. В этой связи особую значимость приобретает изучение репродуктивных установок молодежи, поскольку именно молодое поколение в ближайшей перспективе будет определять демографическое положение страны. Студенческая молодежь как социальная группа, находящаяся на этапе профессионального становления и формирования семейных стратегий, представляет особый интерес для исследования.

Психологическая наука рассматривает репродуктивные установки как сложное структурное образование, включающее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Согласно определению Л.Л. Рыбалкова, репродуктивная установка – это психический регулятор репродуктивного поведения, готовность индивида к тому, чтобы в конкретных условиях жизнедеятельности иметь то или иное число детей в определенные сроки, исходя из потребности в детях [10]. В работах С.Ю. Девярых подчеркивается, что репродуктивное поведение человека не сводимо к реализации биологически заданных программ, поскольку в первую очередь регулируется содержанием его сознания [2].

Влияние внешних факторов, в том числе государственной политики, на репродуктивные установки становится все более актуальной темой исследований. Инструменты государственной семейной политики представляют собой совокупность конкретных правовых, экономических, организационных и идеологических мер, с помощью которых государство целенаправленно воздействует на институт семьи для достижения поставленных демографических целей [4]. Ключевыми инструментами выступают денежные выплаты (материнский капитал, пособия), натуральные инструменты (жилье, земельные участки), а также инструменты предоставления льгот и государственных услуг [3].

С 2025 года ключевым ориентиром в России является реализация национального проекта «Семья», главной задачей которого выступает устойчивый рост рождаемости, увеличение числа многодетных семей и рост их благосостояния [6]. Стратегической основой служит утвержденная Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [8].

Несмотря на значительное количество исследований в области демографического поведения, остается недостаточно изученным вопрос о том, каким образом различные инструменты семейной политики дифференцированно влияют на репродуктивные установки молодежи, в частности, как соотносятся материальные стимулы и институциональные меры в формировании установок на многодетность.

Цель исследования – определение степени и характера влияния инструментов государственной семейной политики (материнского капитала, единого пособия, льготной ипотеки, развития инфраструктуры дошкольного образования и т.п.) на формирование и изменение репродуктивных установок молодежи.

Объект исследования – репродуктивное поведение и установки современной молодежи.

Предмет исследования – влияние мер государственной семейной политики на процесс формирования репродуктивных установок.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что меры государственной семейной политики оказывают дифференцированное влияние на репродуктивные установки молодежи. Материальные стимулы (выплаты) в большей степени влияют на конкретные сроки рождения ребенка, в то время как институциональные меры (доступность детских садов, гибкая занятость) являются ключевым фактором для формирования самой установки на многодетность.

Таким образом, введение задает направление анализа: в последующих разделах репродуктивные установки рассматриваются не только как внутренние психологические образования, но и как феномен, подверженный целенаправленному воздействию со стороны государства.

Материалы и методы исследований

Исследование носит **теоретико-эмпирический характер** и направлено на систематизацию научных представлений о репродуктивных установках и их связи с мерами государственной поддержки, а также на эмпирическую проверку выдвинутой гипотезы.

В ходе работы применялись методы анализа, синтеза, сравнения и теоретического моделирования, а также эмпирический метод (анкетирование) и метод описательной статистики (частотный анализ).

Методологическую основу исследования составили ключевые подходы в области изучения репродуктивного поведения:

1. Структурно-функциональный подход, рассматривающий репродуктивные установки как элемент социального поведения личности.
2. Социально-психологический подход, акцентирующий роль установок как регуляторов поведения.
3. Институциональный подход, изучающий влияние социальных институтов (в том числе государства) на формирование репродуктивных стратегий.

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе анкетирования студентов 1-5 курсов БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». В исследовании приняли участие 90 человек. Участие в анкетировании было добровольным и анонимным.

Для сбора данных использовалась **авторская анкета** «Влияние государственной семейной политики на репродуктивные установки молодёжи», состоящая из 21 вопроса. Структура анкеты включала несколько разделов:

- информированность о мерах государственной поддержки семей;
- восприятие, оценка и влияние мер поддержки;
- репродуктивные установки и жизненные планы;
- барьеры и возможности для студенческих семей;
- информация о респонденте.

Анализ теоретических источников включал изучение работ по психологии репродуктивной сферы (О.А. Ашихмина, С.Ю. Девярых, Т.В. Пальцева), а также нормативно-правовых документов, регламентирующих семейную политику в Российской Федерации (Концепция государственной семейной политики до 2025 года, Стратегия действий до 2036 года, национальный проект «Семья»).

Применение указанных методов позволило выделить ключевые характеристики репродуктивных установок студенческой молодежи, определить уровень информированности о мерах государственной поддержки, выявить основные барьеры реализации репродуктивных планов и оценить эффективность различных инструментов семейной политики.

Результаты проведенного анализа послужили основой для проверки выдвинутой гипотезы и формулирования выводов о дифференцированном влиянии мер государственной поддержки на репродуктивные установки молодежи

Результаты и обсуждения

Характеристика выборки. В опросе приняли участие 90 студентов БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова. Большинство респондентов составили девушки – 83,3% (75 человек), юноши – 16,7% (15 человек). Значительное преобладание женской аудитории характерно для выборки студентов психологических специальностей (рис. 1).

Рис. 1. Распределение респондентов по полу.
Fig. 1. Distribution of respondents by gender.

Подавляющее большинство опрошенных (98,9%) обучаются на очной форме, что соответствует специфике выборки (рис. 2).

Рис. 2. Распределение респондентов по форме обучения.
Fig. 2. Distribution of respondents by form of education.

Возраст респондентов варьируется от 17 до 23 лет, при этом основную массу составляют студенты младших курсов (рис. 3).

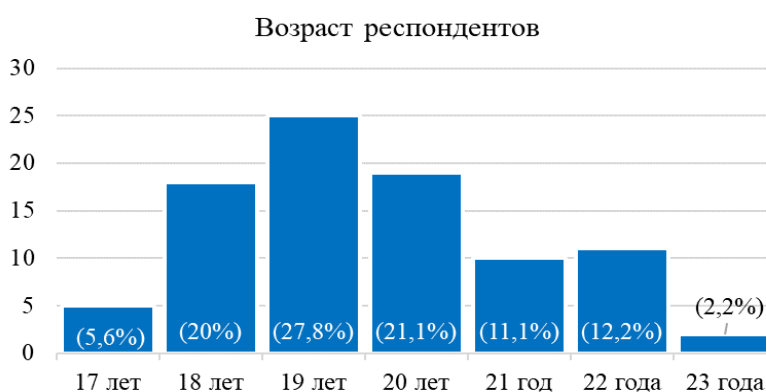

Рис. 3. Распределение респондентов по возрасту.
Fig. 3. Distribution of respondents by form of education.

Распределение по курсам обучения неравномерно: большинство опрошенных – студенты 1-2 курсов, что обусловлено добровольным характером участия в анкетировании (рис. 4).

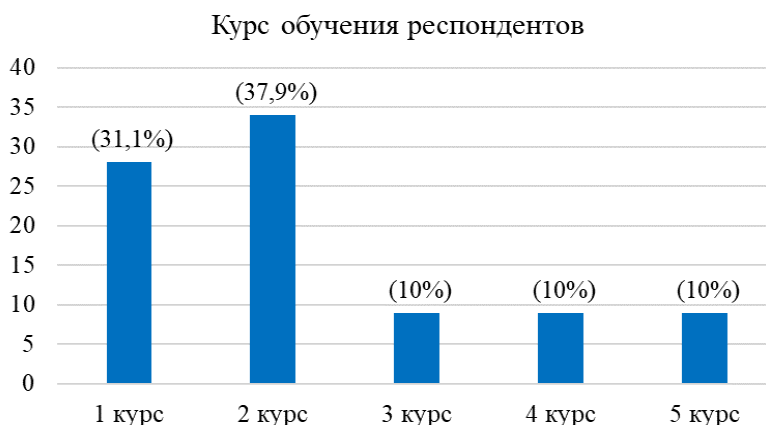

Рис. 4. Распределение респондентов по курсу обучения.
Fig. 4. Distribution of respondents by course of study.

Семейное положение респондентов характеризуется следующим образом: 51,1% состоят в отношениях, но не в браке, 43,3% не состоят в отношениях, 4,4% состоят в официальном браке и 1,1% – в разводе (рис. 5).

Рис. 5. Распределение респондентов по семейному положению.
Fig. 5. Distribution of respondents by marital status.

На момент опроса 98,9% студентов не имели детей (рис. 6).

Рис. 6. Наличие детей у респондентов.
Fig. 6. Presence of children among respondents.

Репродуктивные установки современной молодежи. Анализ репродуктивных установок выявил существенный разрыв между желаемым и реально планируемым количеством детей. Идеальное число детей распределилось следующим образом: 6,7% не планируют детей в идеале, 21,1% – одного ребенка, 46,7% – двух детей, 18,9% – троих, 6,7% – четырех и более. Суммарная доля желающих иметь трех и более детей составила 25,6% (рис. 7).

Рис. 7. Идеальное число детей.
Fig. 7. Ideal number of children.

Реально планируемое число детей: 11,1% не планируют детей, 30% – одного ребенка, 46,7% – двух детей, 10% – троих, 2,2% – четырех и более. Доля планирующих многодетность снижается с 25,6% в идеале до 12,2% в реальных планах. Одновременно доля планирующих одного ребенка возрастает с 21,1% до 30%, а доля не планирующих детей увеличивается с 6,7% до 11,1% (рис. 8).

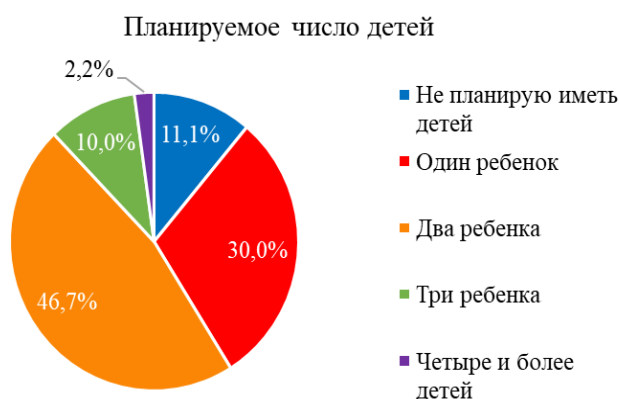

Рис. 8. Реально планируемое число детей.
Fig. 8. Actual planned number of children.

Относительно возраста рождения первого ребенка мнения распределились следующим образом: до 22 лет – 2,2%; 23-26 лет – 44,4%; 27-30 лет – 42,2%; старше 30 лет – 3,3%; не планируют заводить детей – 7,8%. Подавляющее большинство респондентов (86,6%) считают оптимальным возрастом для рождения первого ребенка период от 23 до 30 лет. Лишь 2,2% допускают рождение ребенка до 22 лет, то есть в период активной учебы в вузе (рис. 9).

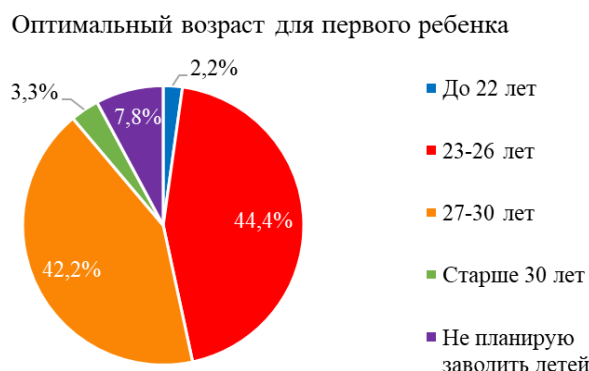

Рис. 9. Предпочтительный возраст для рождения первого ребенка.
Fig. 9. Preferred age for the birth of the first child.

Анализ важности решения жилищного вопроса до рождения первого ребенка показал, что абсолютное большинство респондентов считают наличие собственного жилья критическим условием для рождения ребенка: критически важно (ребенок должен рождаться только в собственном жилье) – 83,3%; очень важно, но возможны варианты (аренда, проживание с родителями) – 13,3%; скорее важно, но не является определяющим фактором – 3,3%; не имеет принципиального значения – 0% (рис. 10).

Рис. 10. Важность решения жилищного вопроса до рождения ребенка.
Fig. 10. The importance of resolving housing issues before the birth of a child.

Восприятие мер государственной поддержки семьями. Осведомленность студентов о различных мерах государственной поддержки семей с детьми сильно варьируется. Практически всем респондентам (98,9%) известен материнский капитал. Высокую информированность студенты демонстрируют также в отношении льготной (семейной) ипотеки (74,4%) и единовременного пособия при рождении ребенка (72,2%). Планируемая мера поддержки студенческих семей известна 48,9% опрошенных. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет известно 43,3% опрошенных. Менее известными оказались специфические меры: о ежемесячной выплате из средств маткапитала на детей до 3 лет знают 25,6%, а о выплате 450 тыс. рублей на погашение ипотеки (при рождении третьего ребенка) – лишь 17,8% (рис. 11).

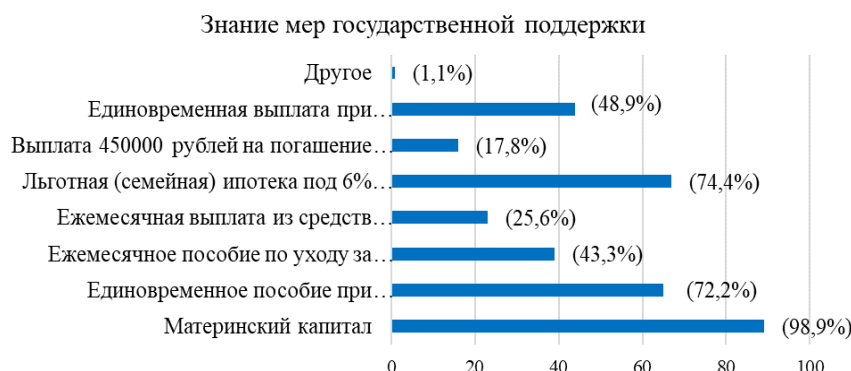

Рис. 11. Информированность о мерах государственной поддержки семей с детьми.
Fig. 11. Awareness of government support measures for families with children.

Самооценка осведомленности о существующих мерах поддержки семей показала, что полностью не осведомлены 3,3% респондентов, слабо осведомлены – 20%, частично – 48,9%, хорошо – 26,7% и полностью осведомлены – 1,1%. Практически три четверти опрошенных (72,2%) слабо или лишь частично осведомлены о существующих мерах поддержки семей с детьми (рис. 12).

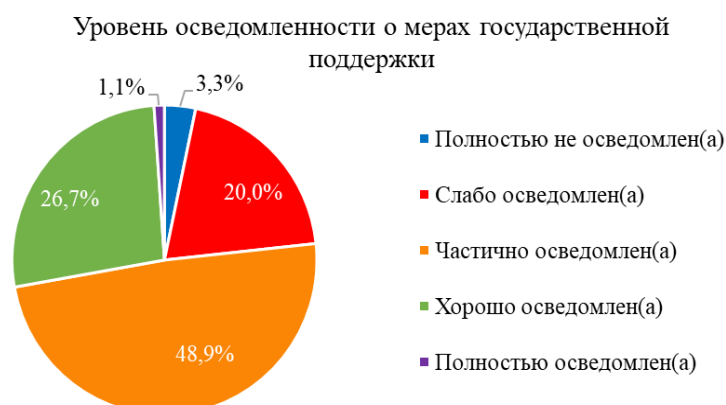

Рис. 12. Самооценка осведомленности о мерах государственной поддержки семей.
Fig. 12. Self-assessment of awareness of government support measures for families.

Условия получения и порядок оформления совершенно не понятны 17,8% опрошенных, скорее не понятны – 23,3%, затрудняются ответить – 18,9%. Скорее понятны условия 35,6%, полностью понятны – лишь 4,4%. Таким образом, 41,1% студентов в той или иной степени не понимают процедуру оформления мер поддержки (рис. 13).

Рис. 13. Понимание условий получения и порядка оформления мер поддержки.
Fig. 13. Understanding the conditions for receiving and the procedure for applying for support measures.

Основными каналами информирования выступают новостные порталы и СМИ (72,2%), а также общение с друзьями и родственниками (61,1%). Социальные сети и мессенджеры используют 54,4% опрошенных. Официальные сайты государственных органов (Госуслуги) – лишь 24,4%. Образовательное учреждение как источник информации о мерах поддержки указали только 18,9% респондентов (рис. 14).

Рис. 14. Основные источники информации о мерах поддержки.

Fig. 14. Main sources of information on support measures.

Большинство респондентов оценили все предложенные меры поддержки на 5 баллов, что свидетельствует о высокой востребованности любых форм государственной помощи среди студенческой молодежи, при этом лидирующие позиции занимают материнский капитал и ежемесячные детские пособия (рис. 15).

Рис. 15. Оценка значимости мер государственной поддержки для молодых семей.

Fig. 15. Assessment of the significance of government support measures for young families.

Оценка эффективности инструментов семейной политики. Отвечая на вопрос о том, могут ли меры государственной поддержки повлиять на решение о рождении ребенка, респонденты распределились следующим образом: доля студентов, считающих, что меры поддержки играют решающую роль, составила 13,3%. Большинство опрошенных (40%) полагают, что они являются важным, но не основным фактором. Еще 28,9% отводят поддержке второстепенное значение, а 14,4% считают, что на такие решения они не влияют. Затруднились с ответом 3,3% (рис. 16).

Рис. 16. Влияние мер государственной поддержки на решение о рождении ребенка.

Fig. 16. The impact of government support measures on the decision to have a child.

Анализ факторов, влияющих на решение о рождении ребенка, показал, что большинство респондентов – 61,1% – считают определяющим комплекс факторов, где материальные условия и личные ценности одинаково важны. На личные ценности и желание иметь детей как приоритет указали 44,4% опрошенных. Исключительно материальным факторам отдали предпочтение 40% респондентов (рис. 17).

Рис. 17. Факторы, влияющие на решение о рождении ребенка.

Fig. 17. Factors influencing the decision to have a child.

Наиболее показательные данные получены при анализе влияния мер государственной поддержки на решение о рождении первого, второго и третьего ребенка. При планировании первого ребенка «да, существенно» ответили 21,1%, «скорее да, но не главное» – 30%, «нет, не повлияют» – 42,2%, затруднились – 6,7%. При планировании второго ребенка: «да, существенно» – 10%, «скорее да, но не главное» – 34,4%, «нет, не повлияют» – 48,9%, затруднились – 6,7%. При планировании третьего ребенка: «да, существенно» – 10%, «скорее да, но не главное» – 22,2%, «нет, не повлияют» – 56,7%, затруднились – 11,1%. Выявлена обратная закономерность: наиболее значимой государственная поддержка воспринимается при рождении первого ребенка (сумма ответов «да, существенно» и «скорее да» составляет 51,1%). При планировании второго ребенка этот показатель снижается до 44,4%, третьего – до 32,2% (рис. 18).

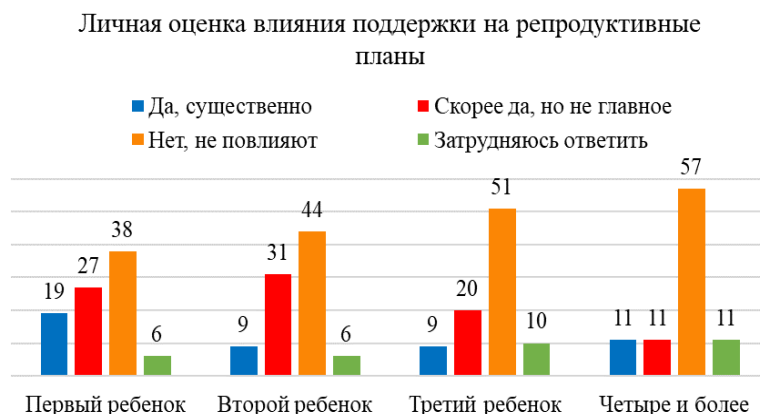

Рис. 18. Влияние мер государственной поддержки на репродуктивные планы респондентов.
Fig. 18. The impact of government support measures on respondents' reproductive plans.

Анализ основных трудностей, с которыми может столкнуться студенческая семья, показал, что ключевым барьером выступают финансовые трудности – 95,6%. Также значимыми являются сложности совмещения учебы/работы и ухода за ребенком – 81,1%, отсутствие собственного жилья – 80%, психологическая неготовность – 40%, карьерные амбиции, нежелание прерывать профессиональный рост – 37,8%, отсутствие гибкого графика обучения и поддержки от преподавателей – 34,4%, неразвитость инфраструктуры в вузе (отсутствие яслей, комнат матери и ребенка) – 21,1% (рис. 19).

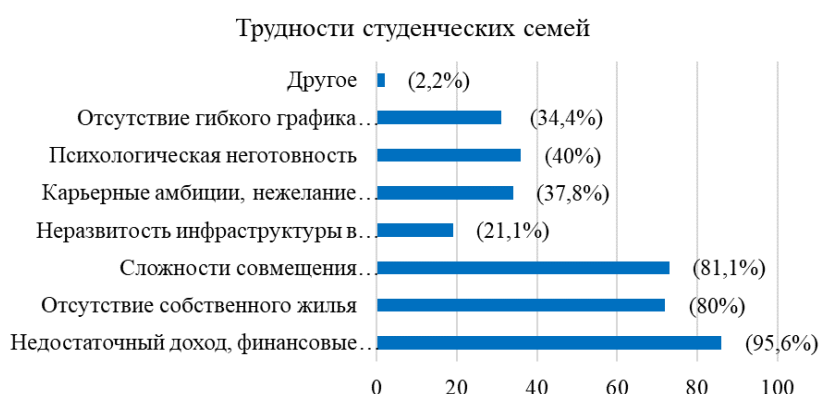

Рис. 19. Основные трудности студенческих семей и молодых людей, планирующих рождение ребенка в период обучения.
Fig. 19. The main difficulties of student families and young people planning to have a child during their studies.

Отношение к идее совмещения родительских обязанностей с учебой в вузе распределилось следующим образом: «положительно, это нормальная практика при наличии поддержки» – 10%; «скорее положительно, но это будет очень тяжело» – 22,2%; нейтральное отношение выразили 11,1% респондентов; «скорее отрицательно, учеба и родительство плохо совместимы» – 34,4%; «отрицательно, это практически невозможно» – 22,2%. Суммарная доля отрицательных и скорее отрицательных ответов составляет 56,6%, тогда как положительно или скорее положительно к этой идее относятся лишь 32,2% опрошенных (рис. 20).

Рис. 20. Отношение респондентов к совмещению родительских обязанностей с учебой в ВУЗе.
Fig. 20. Respondents' attitudes towards combining parental responsibilities with studying at a university.

Оценивая достаточность мер, направленных специально на поддержку студенческих семей, респонденты ответили: «скорее нет, мер явно недостаточно» – 31,1%; «нет, такие меры практически отсутствуют» – 25,6%. Суммарная доля критически настроенных составляет 56,7%. Лишь 4,4% считают, что мер вполне достаточно, 27,8% выбрали вариант «скорее да, но есть куда развиваться», а 11,1% затруднились с ответом (рис. 21).

Рис. 21. Оценка достаточности мер поддержки студенческих семей в России.
Fig. 21. Assessment of the adequacy of support measures for student families in Russia.

Проведенное исследование показало, что репродуктивные установки студенческой молодежи характеризуются значительным разрывом между идеальными представлениями о количестве детей и реальными планами (рис. 7-8). Данный феномен согласуется с выводами О.А. Ашихминой и Д.О. Половинко о том, что материально-бытовые условия выступают основным барьером, сдерживающим реализацию установок на многодетность [1].

Ключевым барьером для студенческих семей выступают финансовые трудности (рис. 19), что корректирует исходную гипотезу о преобладающем влиянии институциональных мер. Вместе с тем, институциональные барьеры (сложности совмещения учебы и родительства) важны для самой возможности рождения ребенка в студенчестве, что согласуется с данными С.Ю. Девярых о том, что студенческая пора крайне редко рассматривается молодежью как подходящее время для деторождения [2].

Анализ влияния мер государственной поддержки подтвердил первую часть гипотезы: материальные стимулы действительно влияют на сроки рождения первого ребенка (рис. 18). Однако вторая часть гипотезы о том, что институциональные меры являются ключевым фактором для формирования установки на многодетность, не подтвердилась. С ростом желаемого числа детей значимость любой внешней поддержки снижается: если для первого ребенка положительное влияние отметили 51,1%, то для третьего – лишь 32,2% (рис. 18).

Серьезной проблемой выступает низкий уровень информированности о мерах поддержки и непонятность процедуры их оформления (рис. 11-13). Это указывает на необходимость совершенствования коммуникационной политики, в частности, использования потенциала вузов как каналов информирования (рис. 14).

Таким образом, проведенное исследование показало, что меры государственной семейной политики оказывают дифференцированное влияние на репродуктивные установки молодежи. Материальные стимулы влияют на сроки рождения первого ребенка, однако с увеличением желаемого числа детей роль внешней поддержки уступает место личным ценностным установкам.

Выводы

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование показало, что репродуктивные установки студенческой молодежи являются сложным структурным образованием, включающим когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Во-первых, установлено, что репродуктивные установки студенческой молодежи характеризуются существенным разрывом между желаемым и реально планируемым количеством детей (рис. 7-8). Ключевыми барьерами, сдерживающими реализацию репродуктивных планов, выступают финансовые трудности и жилищный вопрос (рис. 10, 19).

Во-вторых, исследование восприятия мер государственной поддержки выявило фрагментарный характер информированности студентов (рис. 11). Серьезной проблемой является непонятность процедуры оформления мер поддержки (рис. 13). Основным каналом информации выступают социальные сети и СМИ, при этом потенциал вузов как источника информации используется недостаточно (рис. 14).

В-третьих, оценка эффективности инструментов семейной политики позволила проверить выдвинутую гипотезу. Гипотеза подтвердилась частично: материальные стимулы действительно влияют на сроки рождения первого ребенка. Однако институциональные меры не являются ключевым фактором формирования установки на многодетность. С ростом желаемого числа детей значимость любой внешней поддержки снижается (рис. 18). Ключевым барьером для студенческих семей выступают финансовые трудности, что корректирует исходную гипотезу.

Практическим результатом работы выступает выявление направлений для совершенствования коммуникационной политики в сфере информирования молодежи о мерах государственной поддержки, а также обоснование необходимости дифференцированного подхода к разработке мер поддержки для различных репродуктивных стратегий.

Список источников

1. Ашихмина О.А., Половинко Д.О. Методика измерения репродуктивной установки взрослых // Омский государственный университет. 2023. № 2. С. 39 – 48.
2. Девятых С.Ю. Предпочтительность семейных ролей и репродуктивные стратегии студенческой молодежи // Инновационная наука. 2024. № 8-2.
3. Зайнашева З.Г., Загитова Л.Р., Хурамшина Э.Р. Государственная семейная политика в современной России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4 (57). С. 112 – 119.
4. Климантова Г.И. Государственная семейная политика в процессе социально-политической трансформации современной России: дис. ... докт. политич. наук. Москва, 2002. 365 с.
5. Пальцева Т.В. Психологические условия становления и развития репродуктивных установок в детско-юношеском возрасте: от 5 до 18 лет: дис. ... канд. психол. наук. Курган, 2006. 198 с.
6. Паспорт национального проекта «Семья» (2025) // Правительство России.
7. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс.
8. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // КонсультантПлюс.
9. Рогозиньска И., Пшехоцка И., Литвинова С.Н. Цели, стратегии и инструменты государственной семейной политики // Прикладные экономические исследования. 2014. № 4 (4).
10. Рыбалков Л.Л. Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбалкова. Москва: ЦСП, 2003. 352 с.

References

1. Ashikhmina O.A., Polovinko D.O. Methodology for Measuring the Reproductive Attitude of Adults. Omsk State University. 2023. No. 2. P. 39 – 48.
2. Devyatykh S.Yu. Preference for Family Roles and Reproductive Strategies of Student Youth. Innovative Science. 2024. No. 8-2.

3. Zainasheva Z.G., Zagitova L.R., Khuramshina E.R. State Family Policy in Modern Russia. Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022. No. 4 (57). P. 112 – 119.
4. Klimantova G.I. State Family Policy in the Process of Socio-Political Transformation of Modern Russia: Diss. ... Doctor of Political Sciences. Moscow, 2002. 365 p.
5. Pal'tseva T.V. Psychological Conditions for the Formation and Development of Reproductive Attitudes in Childhood and Adolescence: from 5 to 18 Years Old: Dis. ... Cand. Psychological Sciences. Kurgan, 2006. 198 p.
6. Passport of the National Project "Family" (2025). Government of the Russian Federation.
7. Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-r "On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation through 2025". ConsultantPlus.
8. Order of the Government of the Russian Federation of March 15, 2025 No. 615-r "On Approval of the Action Strategy for the Implementation of Family and Demographic Policy, Support for Large Families in the Russian Federation through 2036". ConsultantPlus.
9. Rogozinska I., Przekhotska I., Litvinova S.N. Goals, strategies and instruments of state family policy. Applied economic research. 2014. No. 4 (4).
10. Rybalkov L.L. Demographic conceptual dictionary. Edited by L.L. Rybalkov. Moscow: TsSP, 2003. 352 p.

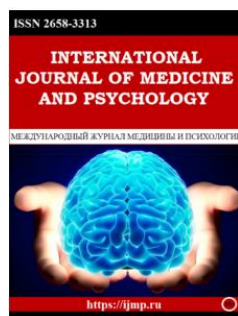
Информация об авторах

Болотова О.В., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7990-2431>, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1, bolotova_ov@voenmeh.ru

Карпенко Д.А., кандидат психологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедры Б6 Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-4311-113X>, Место работы Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1, karpenko_da@voenmeh.ru

Авдониная Д.В., Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1, r144s01@voenmeh.ru

© Болотова О.В., Карпенко Д.А., Авдониная Д.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-215-222

¹ **Ольшевская Д.А.,**

¹ **Киреева Т.И.,**

¹ Самарский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Психологические факторы отношения к здоровью у студентов медицинского университета

Аннотация: состояние здоровья молодых людей играет ключевую роль для благополучия будущих поколений и успешного развития всего общества. В значительной степени оно определяется тем, какой образ жизни выбирает сам человек и какие решения он принимает относительно своего поведения.

Изучено влияние ряда психологических факторов, влияющих на формирование отношения к здоровью студентов специальности «Клиническая психология», обучающихся в медицинском университете. Проведен анализ понятий «отношение к здоровью», «типы отношения к здоровью», «способы совладающего поведения», «эмоциональная направленность личности».

В ходе исследования были получены следующие результаты: 1) гармонический тип отношения к здоровью преобладает у большинства студентов на всех этапах обучения; 2) у студентов на начальном этапе обучения ценность «здоровье» выше, чем у старшекурсников, при этом отмечается повышение значимости ценности «интересная работа» в процессе обучения; 3) студенты, привыкшие избегать решения проблем, склонны проявлять чрезмерную фиксацию на здоровье, выбирая стратегию «бегство-избегание» и «модный» тип отношения к здоровью; 4) психологическое благополучие личности имеет обратную взаимосвязь с фобическим типом отношения к здоровью, т.е. более благополучные студенты меньше боятся утратить здоровье.

Результаты исследования могут быть использованы для выявления психологических факторов, определяющих выбор конструктивных стратегий в отношении здоровья у студентов, а также позволяют научно обосновать систему мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья будущих специалистов. Материалы исследования могут быть положены в основу программ межведомственного сотрудничества по формированию ценностного отношения к здоровью.

Ключевые слова: здоровье, отношение к здоровью, практическая направленность личности, стратегия бегство-избегание, тип отношения к здоровью

Для цитирования: Ольшевская Д.А., Киреева Т.И. Психологические факторы отношения к здоровью у студентов медицинского университета // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 215 – 222. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-215-222

Поступила в редакцию: 23 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Olshevskaya D.A.,

¹ Kireeva T.I.,

¹ Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Psychological factors influencing health attitudes among medical university students

Abstract: the health of young people plays a key role in the well-being of future generations and the successful development of society as a whole. To a large extent, it is determined by the lifestyle choices and decisions that individuals make regarding their behavior.

This study examines the influence of various psychological factors on the health attitudes of students majoring in Clinical Psychology at a medical university. It analyzes the concepts of "health attitudes," "types of health attitudes," "coping behaviors," and "emotional orientation of personality."

The study yielded the following results: 1) the harmonic type of attitude towards health prevails among most students at all stages of education; 2) students at the initial stage of education value "health" more than senior students, while the value of "interesting work" increases during the learning process; 3) students who are used to avoiding solving problems tend to show excessive fixation on health, choosing an "escape-avoidance" strategy and a "fashionable" type of attitude to health; 4) psychological well-being of a person has an inverse relationship with a phobic type of attitude to health, i.e. more prosperous students are less afraid of losing their health.

The results of the study can be used to identify psychological factors that determine the choice of constructive strategies for students' health, and also allow us to scientifically substantiate a system of measures aimed at preserving and strengthening the health of future specialists. The research materials can be used as the basis for inter-departmental cooperation programs on the formation of a value attitude to health.

Keywords: health, attitude towards health, personality's praxis orientation, escape-avoidance strategy, type of attitude towards health

For citation: Olshevskaya D.A., Kireeva T.I. Psychological factors influencing health attitudes among medical university students. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 215 – 222. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-215-222

The article was submitted: February 23, 2026; Approved after reviewing: April 21, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Состояние здоровья молодых людей играет ключевую роль для благополучия будущих поколений и успешного развития всего общества. В значительной степени оно определяется тем, какой образ жизни выбирает сам человек и какие решения он принимает относительно своего поведения [1].

На формирование отношения студентов медицинского ВУЗа к здоровью оказывают влияние интенсивная умственная нагрузка, необходимость усвоения огромных массивов информации, эмоциональное вовлечение в клинические ситуации и раннее столкновение с человеческими страданиями, которые создают уникальную среду хронического стресса, а также специфический социально-психологический климат ВУЗа, учебной группы и внутренние личностные ресурсы [10].

Люкшина Д.С. с соавторами, изучая отношение к здоровью старших курсов медицинского ВУЗа выделили 4 компоненты отношения к здоровью:

Когнитивный компонент – осведомленность о здоровье с опорой на научную литературу и мнение врачей, а не СМИ и советы друзей, влияние внешних условий (экология, график работы и др.) на здоровье, а также связь здорового образа жизни с психическим равновесием, позитивным настроением, правильным питанием, режимом, отсутствием вредных привычек.

Ценностно-мотивационный – место здоровья в иерархии ценностей, мотивация к его сохранению. При этом студенты часто не ощущают необходимости заботиться о здоровье по причине занятости или хорошего самочувствия.

Эмоциональный – эмоциональные реакции на состояние своего здоровья: при хорошем здоровье положительные эмоции (счастье, уверенность и др.), при его ухудшении беспокойство, подавленность, раздражение. При этом чувство вины и стыда встречается редко.

Поведенческий – реальные действия по поддержанию и укреплению здоровья, например, отказ от вредных привычек, соблюдение режима сна и отдыха, а использование специальных оздоровительных практик (закаливание, йога и др.) среди студентов не распространены [8].

Бобровский И.Н., Варфоломеева Т.В., исследуя различия в структуре внутренней картины здоровья у студентов-медиков определили, что здоровье занимает 2-4 место среди других жизненных ценностей [2].

Гапанович-Кайдалов Н.В., изучая социально-психологические особенности отношения к здоровью у студентов – медиков, выявил преобладание стереотипных представлений о здоровье («Спорт – это здорово»). Однако роль психологического компонента (общение, самореализация, радость) студентами недооценивается. Основными факторами, влияющими на здоровье, были названы качество питания, доступность медицинской части и др. При этом девушки часто связывают здоровье со спортом, питанием, красотой и счастьем, юноши с удовольствием и хобби [3].

Материалы и методы исследований

Целью нашей работы является выявление психологических факторов, влияющих на формирование отношения к здоровью у студентов очной формы обучения. Исследование проводилось в период с октября по ноябрь 2025 года во внеучебное время. Процедура была организована в несколько последовательных этапов, соответственно:

1. Подготовительно-организационный этап: получено согласие на добровольное участие в исследовании.
2. Этап установления контакта и инструктаж: краткое разъяснение общей цели исследования.
3. Основной диагностический этап: выполнение психодиагностических методик.
4. Завершающий этап: сбор бланков, ответы на вопросы респондентов, подведение итогов исследования, выводов.

Результаты и обсуждения

Эмпирическое исследование проведено на базе ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России среди студентов первого и четвертого курсов специальности «Клиническая психология».

Респонденты были распределены на две группы: группа 1: студенты 1 курса, количество респондентов 30 человек. Средний возраст – 18 лет. Группа 2: студенты 4 курса. Количество респондентов: 30 человек. Средний возраст – 21 год.

Психодиагностическую батарею составили следующие методики:

1. Диагностика установок в отношении к здоровью (Е.Г. Фильштинская, Е.В. Захарова, Е.В. Мазанкина, М.В. Аборина, 2021) [9].
2. Методика исследования эмоциональной направленности личности (Е.Р. Горелова, 1988) [4].
3. Методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича (1960) [7].
4. Способы совладающего поведения (Р. Лазарус, С. Фолкман, 1988) [6].
5. Шкала психологического благополучия (К. Рифф, 1989) [5].

Для проведения статистического анализа полученных данных были использованы непараметрические методы математической статистики: U-критерий Манна-Уитни и анализ ранговой корреляции Спирмена.

В табл. 1 показаны результаты исследования отношения к здоровью у студентов 1 и 4 курсов.

Таблица 1

Показатели методики «Диагностика установок в отношении к здоровью» у студентов 1 и 4 курсов (ср.зн.).

Table 1

Indicators of the "Diagnostics of Health Attitudes" method among first- and fourth-year students (average value).

Типы отношения к здоровью	1 курс	4 курс	U-критерий Манна-Уитни	p
Модный	6,7	5,4	367,5	>0,05
Гармонический	36,7	35,5	431,5	>0,05
Неустойчивый	11,9	8,0	343,5	>0,05
Фобический	16,8	15,5	428,5	>0,05
Деструктивный	3,1	1,8	398,0	>0,05
Попустительский	3,4	4,0	406,5	>0,05
Ригидный	13,4	3,8	372,5	>0,05

Гармонический тип выявлен у большинства респондентов, что свидетельствует, что для основной массы студентов характерно ответственное отношение к здоровью. Деструктивный и попустительский тип отмечается у незначительного количества респондентов. Фобический (тревожный) тип отражает распространённость тревожной, ипохондрической позиции, при которой ухудшение здоровья становится источником

постоянных страхов. Показатели модного (следование трендам) и ригидного типов означает склонность к негибкому самоконтролю и не являются ведущими мотивами, определяющими отношение к здоровью.

Исследование установок по отношению к собственному здоровью у студентов 1 и 4 курсов выявило отсутствие статистически значимых различий.

Для выявления видов эмоциональной направленности студентов была использована методика «Исследования эмоциональной направленности личности» Е.Р. Гореловой. В ходе обработки данных получены следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Показатели методики исследования эмоциональной направленности личности Е.Р. Гореловой у студентов 1 и 4 курсов (ср.зн.).

Table 2

Indicators of the methodology for studying the emotional orientation of personality by E.R. Gorelova in first- and fourth-year students (average value).

Эмоциональная направленность	1 курс	4 курс	U-критерий Манна-Уитни	p
Альтруистическая	5,7	5,2	393,5	>0,05
Коммуникативная	5,0	6,0	358,5	>0,05
Глорическая	2,2	4,3	314,5	<0,05
Практическая	6,2	6,1	449,5	>0,05
Пугническая	0,5	-0,7	363,5	>0,05
Романтическая	4,5	4,5	437,0	>0,05
Гностическая	4,9	4,6	442,5	>0,05
Эстетическая	6,3	4,9	343,5	>0,05
Гедоническая	4,1	3,7	412,5	>0,05
Акзигитивная	1,5	2,3	412,0	>0,05

У студентов 1 курса наиболее выражены эстетическая и практическая эмоциональная направленность, на третьем месте – альтруистическая направленность. Эстетическая направленность говорит о том, что для них особенно важны красота, гармония, искусство, эмоциональное восприятие окружающего мира. Такие студенты стремятся к получению ярких впечатлений, ценят творчество. В учебной деятельности это может проявляться в стремлении к нестандартным решениям, интересе к гуманитарным дисциплинам, желании участвовать в творческих проектах. Практическая направленность указывает на ориентацию на практическую деятельность, достижение конкретных результатов, продуктивность и эффективность. Студенты с выраженной практической направленностью предпочитают учиться тому, что может быть полезно в реальной жизни, ценят прикладные знания, навыки, которые можно применить на практике. Альтруистическая направленность на третьем месте свидетельствует о том, что для студентов важны помощь другим, забота, сочувствие.

У студентов 4 курса преобладающие направленности расположены в следующем порядке: практическая, коммуникативная и альтруистическая. Коммуникативная направленность свидетельствует о том, что студенты получают положительные эмоции от общения и взаимодействия с другими людьми, что важно для деятельности психолога.

Значимое различие между курсами приходится на глорическую потребность - стремление человека к признанию собственной значимости, славе, почёту и самоутверждению в глазах окружающих. Она проявляется в желании получать одобрение, уважение, быть заметным и ценным для других, испытывать гордость за свои достижения и ощущать собственное превосходство или уникальность. Для студентов 4 курса потребность в признании более актуальна, чем для первокурсников.

Результаты исследования ценностных ориентаций по методике М. Рокича представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича у студентов 1 и 4 курса (ср.зн.).

Table 3

Results of M. Rokich's methodology for studying value orientations in 1st and 4th year students (average value).

Ценности	1 курс	4 курс	U-критерий Манна-Уитни	p
Активная деятельность	6,0	7,6	372,5	>0,05
Здоровье	5,5	3,6	310,0	<0,05
Интересная работа	6,3	10,4	255,5	<0,05

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Любовь	6,0	6,2	413,0	>0,05
Развитие	7,8	8,4	447,0	>0,05
Счастливая семейная жизнь	9,0	7,4	344,0	>0,05
Воспитанность	6,2	4,9	371,0	>0,05
Жизнерадостность	10,0	6,0	244,0	<0,05
Образованность	8,2	7,5	425,0	>0,05
Ответственность	8,0	8,5	433,0	>0,05
Широта взглядов	8,5	6,5	343,0	>0,05
Честность	7,9	7,0	374,0	>0,05

Ведущими ценностями студентов 1 курса являются здоровье, любовь, активная деятельность, воспитанность и интересная работа. У студентов 4 курса преобладают здоровье, воспитанность, жизнерадостность, любовь, широта взглядов.

Сравнение результатов студентов 1 и 4 курсов показало, что здоровье и жизнерадостность по мере обучения становятся более значимыми, а интересная работа – менее значимой.

Результаты исследования копинг-стратегий показаны в табл. 4.

Таблица 4

Результаты исследования копинг-стратегий методикой «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман у студентов 1 и 4 курсов.

Table 4

Results of the study of coping strategies using the "Ways of Coping Behavior" method by R. Lazarus and S. Folkman in 1st and 4th year students.

Виды копингов	1 курс	4 курс	U-критерий Манна-Уитни	p
Конфронтация	56,1	55,6	435,0	>0,05
Дистанцирование	55,7	54,4	365,0	>0,05
Самоконтроль	54,8	52,8	389,0	>0,05
Поиск соц. поддержки	53,9	53,4	408,5	>0,05
Принятие ответственности	52,3	50,4	398,5	>0,05
Бегство-избегание	58,3	56,0	373,5	>0,05
Планирование решения	57,0	55,3	406,5	>0,05
Положительная переоценка	54,3	54,3	442,5	>0,05

Общая черта для обеих групп — доминирование стратегии «бегство-избегание». Это выражается в мысленном или поведенческом стремлении уйти от решения проблем, отрицать трудности или отвлечься от них. Выявлено отсутствие статистически значимых различий по всем шкалам у студентов 1 и 4 курса.

Проведённый анализ по шкалам методики К. Рифф позволяет оценить динамику ключевых аспектов субъективного благополучия студентов в процессе профессионального обучения (табл. 5).

Таблица 5

Результаты шкалы психологического благополучия К. Рифф у студентов 1 и 4 курсов.

Table 5

Results of K. Ryff's psychological well-being scale for first- and fourth-year students.

Шкалы	1 курс	4 курс	U-критерий Манна-Уитни	p
Автономность	5,2	4,8	388,0	>0,05
Компетентность	5,2	5,2	436,0	>0,05
Личностный рост	6,4	5,3	313,5	<0,05
Позитивные отношения	5,2	5,2	445,0	>0,05
Жизненные цели	5,2	4,7	401,5	>0,05
Самопринятие	5,4	5,3	446,5	>0,05

Результатом является статистически значимое снижение показателя по шкале «личностный рост» (на уровне значимости $p=0,05$). Это указывает на то, что к четвёртому курсу у студентов существенно ослабевает чувство непрерывного развития, открытости новому опыту и ощущение реализации своего потенциала. Обучение в медицинском ВУЗе может приводить к истощению внутренних ресурсов для развития, сужению интересов и ощущению «застоя» в иных, внепрофессиональных сферах жизни.

Для выявления взаимосвязей между изучаемыми переменными был применен метод корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Анализ подверглись связи между показателями отношения к здоровью и другими исследуемыми переменными.

Студенты с копинг-стратегиями по типу конфронтации, дистанцирования, принятия ответственности и бегства-избегания предпочитают сохранять и поддерживать здоровье, опираясь на новые, модные, широко рекламируемые подходы (табл. 6).

Таблица 6

Анализ взаимосвязей между отношением к здоровью и копинг-стратегиями.

Table 6

Analysis of the relationship between attitudes toward health and coping strategies.

	Конфронтация	Дистанцирование	Принятие ответственности	Бегство-избегание
Модный тип	,285*	,276*	,264*	,450**

* – корреляция значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

* – correlation is significant at the 0.05 level; ** – at the 0.01 level.

Модный тип отношения к здоровью свойствен студентам с эстетической эмоциональной направленностью, гармонический – студентам, ценящим коммуникации, фобический – студентам, стремящимся к успеху, но равнодушным к эстетике. Попустительский тип выявлен у студентов, не ценящих высокий статус. Ригидный тип не свойствен студентам, имеющим склонность к накопительству (табл. 7).

Таблица 7

Анализ взаимосвязей между отношением к здоровью и эмоциональной направленностью.

Table 7

Analysis of the relationship between attitudes toward health and emotional orientation.

Типы отношения к здоровью	Коммуникативная	Глорическая	Практическая	Эстетическая	Акquisитивная
Модный				,315*	
Гармонический	,388**				
Неустойчивый			-,270*		
Фобический		,284*		-,329*	
Попустительский		-,315*			
Ригидный					-,268*

* – корреляция значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

* – correlation is significant at the 0.05 level; ** – at the 0.01 level.

Чем выше ценность воспитанности и жизнерадостности, тем более выражен ригидный тип отношения к здоровью. Низкая ценность интересной работы сочетается с попустительским типом, низкая ценность развития – с фобическим типом, низкая ценность воспитанности с модным типом, низкая ценность честности – с попустительским (табл. 8).

Таблица 8

Анализ взаимосвязей между отношением к здоровью и жизненными ценностями.

Table 8

Analysis of the relationship between attitudes toward health and life values.

Типы отношения к здоровью	Интересная работа	Развитие	Воспитанность	Жизнерадостность	Честность
Модный			,289*		
Гармонический					
Неустойчивый					
Фобический		,269*			
Деструктивный					
Попустительский	,273*				,285*
Ригидный			-,287*	-,372**	

* – корреляция значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

* – correlation is significant at the 0.05 level; ** – at the 0.01 level.

Психологическое благополучие личности имеет значимую обратную взаимосвязь с фобическим типом отношения к здоровью ($r_s = -0,294$ при $p < 0,05$), т.е. более благополучные студенты меньше боятся утратить здоровье.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что отношение к здоровью связано с такими характеристиками личности, как ценности, копинг-стратегии и эмоциональная направленность личности.

Выводы

1. Гармонический тип отношения к здоровью преобладает у большинства студентов на всех этапах обучения.
2. У студентов на начальном этапе обучения ценность «здоровье» выше, чем у старшекурсников ($p < 0,05$). При этом отмечается повышение значимости ценности «интересная работа» в процессе обучения ($p < 0,01$).
3. У студентов четвертого курса отмечается глорическая направленность личности ($p < 0,05$), что вероятно связано с усилением потребности в достижениях, общественном признании.
4. Студенты, привыкшие избегать решения проблем, склонны проявлять чрезмерную фиксацию на здоровье, выбирая стратегию «бегство-избегание» и «модный» тип отношения к здоровью ($p < 0,01$).
5. Психологическое благополучие личности имеет обратную взаимосвязь с фобическим типом отношения к здоровью, т.е. более благополучные студенты меньше боятся утратить здоровье ($p < 0,05$).
6. Ригидный тип отношения к здоровью может свидетельствовать о компенсаторных защитных механизмах, когда заявленная радость и оптимизм скрывают внутреннее напряжение и беспомощность ($p < 0,01$).

Список источников

1. Антонова А.А., Яманова Г.А. Здоровый образ жизни и здоровье современных студентов // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 7 (121). Ч. 2. С. 7 – 9.
2. Бобровский И.Н., Варфоломеева Т.В. Ценностное отношение к здоровью студентов медицинского ВУЗа // Международный научно-исследовательский журнал, 2020. № 12 (102). Ч. 2. С. 113 – 118.
3. Гапанович-Кайдалов Н.В. Социально-психологические аспекты отношения к здоровью студентов медицинского университета // Общественное здоровье и здравоохранение, гигиена. 2020. № 3 (65). С. 101 – 108.
4. Горелова Е.Р. Психологические особенности профессиональной направленности личности будущего учителя начальных классов: автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 1988. 16 с.
5. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82 – 93.
6. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2022. 476 с.
7. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.
8. Люкшина Д.С., Черемискина И.И., Асриян О.Б., Капустина Т.В. Отношение к здоровью студентов медицинского ВУЗа на старшем курсе обучения // Современные наукоемкие технологии, 2016. № 5. С. 570 – 574.
9. Мазанкина Е.В., Захарова Е.В. Методика диагностики установок в отношении здоровья: технология разработки, психометрические характеристики // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 11 (213). С. 666 – 674.
10. Меньшикова Т.И. Формирование культуры профессионального здоровья в медицинском ВУЗе: подход «равный равному» // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 2. С. 139 – 151.

References

1. Antonova A.A., Yamanova G.A. Healthy lifestyle and health of modern students. International Research Journal. 2022. No. 7 (121). Part 2. P. 7 – 9.
2. Bobrovsky I.N., Varfolomeeva T.V. Value-based attitude towards the health of medical university students. International Research Journal, 2020. No. 12 (102). Part 2. P. 113 – 118.
3. Gapanovich-Kaidalov N.V. Social and psychological aspects of the attitude towards the health of medical university students. Public Health and Healthcare, Hygiene. 2020. No. 3 (65). P. 101 – 108.
4. Gorelova E.R. Psychological Features of the Professional Orientation of the Personality of Future Primary School Teachers: Abstract of the Dissertation ... Cand. of Psychological Sciences. Moscow, 1988. 16 p.

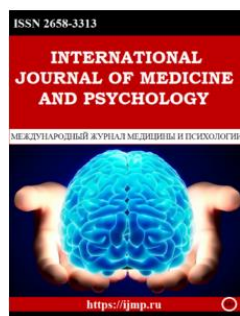
5. Zhukovskaya L.V., Troshikhina E.G. The Riff Scale of Psychological Well-Being. Psychological Journal. 2011. Vol. 32. No. 2. P. 82 – 93.
6. Kryukova T.L. Psychology of Coping Behavior in Different Periods of Life. Kostroma: KSU named after N.A. Nekrasov, 2022. 476 p.
7. Leontiev D.A. Methodology for Studying Value Orientations. Moscow: Smysl, 1992. 17 p.
8. Lyukshina D.S., Cheremiskina I.I., Asriyan O.B., Kapustina T.V. Attitudes towards health of senior medical students. Modern science-intensive technologies, 2016. No. 5. P. 570 – 574.
9. Mazankina E.V., Zakharova E.V. Methodology for diagnosing attitudes towards health: development technology, psychometric characteristics. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 11 (213). P. 666 – 674.
10. Menshikova T.I. Formation of a culture of professional health in a medical university: a peer-to-peer approach. Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 2. P. 139 – 151.

Информация об авторах

Ольшевская Д.А., кандидат педагогических наук, ассистент, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, d.a.olshevskaya@samsmu.ru

Киреева Т.И., кандидат медицинских наук, доцент, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, t.i.kireeva@samsmu.ru

© Ольшевская Д.А., Киреева Т.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-223-227

¹ Беловол Е.В.,

¹ Сенчило М.А.,

¹ Московская международная академия

Страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами как предиктор избегающего поведения пациентов

Аннотация: в статье рассматривается проблема влияния страха перед инвазивными медицинскими вмешательствами на формирование избегающего поведения пациентов. Актуальность исследования обусловлена широким применением инвазивных диагностических и лечебных процедур в современной клинической практике и значительной долей пациентов, испытывающих выраженное эмоциональное напряжение перед их проведением.

Целью работы является анализ взаимосвязи между уровнем страха перед инвазивными медицинскими вмешательствами и склонностью пациентов к избегающим поведенческим стратегиям.

В исследовании использовался анкетный метод, включающий оценку выраженности страха (страх боли, осложнений, потери контроля, неизвестности) и поведенческих реакций пациентов (откладывание, отказ от процедур, поиск альтернатив).

Установлено, что страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами является значимым предиктором избегающего поведения. Наиболее сильное влияние на поведенческие реакции оказывают страх боли и страх возможных осложнений.

Полученные результаты подтверждают необходимость учета психологических факторов в клинической практике и разработки мер, направленных на снижение уровня предпроцедурной тревожности пациентов.

Ключевые слова: страх, инвазивные медицинские вмешательства, избегающее поведение, медицинская тревожность, пациентское поведение, комплаентность

Для цитирования: Беловол Е.В., Сенчило М.А. Страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами как предиктор избегающего поведения пациентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 223 – 227. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-223-227

Поступила в редакцию: 24 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Belovol E.V.,

¹ Senchilo M.A.,

¹ Moscow International Academy

Fear of invasive medical interventions as a predictor of patients' avoidance behavior

Abstract: the article examines the problem of the influence of fear of invasive medical procedures on the development of patients' avoidant behavior. The relevance of the study is determined by the widespread use of invasive diagnostic and therapeutic procedures in modern clinical practice and by the significant proportion of patients experiencing pronounced emotional distress prior to their performance.

The aim of the study is to analyze the relationship between the level of fear of invasive medical procedures and patients' tendency toward avoidant behavioral strategies.

The study employed a questionnaire method, which included the assessment of fear intensity (fear of pain, complications, loss of control, and uncertainty) and patients' behavioral responses (postponement, refusal of procedures, and search for alternative options).

It was found that fear of invasive medical procedures is a significant predictor of avoidant behavior. The strongest influence on behavioral responses is exerted by fear of pain and fear of possible complications.

The obtained results confirm the necessity of considering psychological factors in clinical practice and developing interventions aimed at reducing patients' pre-procedural anxiety.

Keywords: fear, invasive medical procedures, avoidant behavior, medical anxiety, patient behavior, adherence

For citation: Belovol E.V., Senchilo M.A. Fear of invasive medical procedures as a predictor of patients' avoidant behavior. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 223 – 227. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-223-227

The article was submitted: February 24, 2026; Approved after reviewing: April 22, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Инвазивные медицинские вмешательства занимают важное место в современной клинической практике и широко используются как в диагностических, так и в лечебных целях. К числу наиболее распространённых относятся венепункция, внутримышечные и внутривенные инъекции, катетеризация, эндоскопические исследования, биопсия и другие манипуляции, связанные с нарушением естественных барьеров организма.

Несмотря на высокую диагностическую и терапевтическую значимость подобных процедур, для значительной части пациентов они являются источником выраженного эмоционального напряжения. Современные исследования показывают, что ожидание инвазивного вмешательства само по себе способно вызывать повышение тревожности, усиление субъективного дистресса и ухудшение общего психологического состояния пациента ещё до начала процедуры [3; 4; 5].

Одним из наиболее значимых факторов тревожного реагирования является страх боли. В исследованиях, посвящённых стоматологическим вмешательствам, установлено, что наибольшую тревогу у пациентов вызывают инъекционные манипуляции, визуальный контакт с иглой, ожидание прокола тканей и предшествующий негативный опыт лечения [1; 9].

Отдельное место занимает иглофобия, которая в последние годы рассматривается как самостоятельный фактор нарушения медицинской приверженности. По данным современных исследований, страх игл нередко сопровождается не только выраженной эмоциональной реакцией, но и поведенческими последствиями – отказом от инъекций, уклонением от анализов крови, переносом диагностических процедур и избеганием повторных обращений за медицинской помощью [2; 7].

В клинической психологии подобная реакция рассматривается как форма избегающего поведения. Избегание представляет собой поведенческую стратегию, направленную на снижение субъективно воспринимаемой угрозы. Однако в медицинском контексте подобное поведение может приводить к отсрочке диагностики, нарушению лечебного процесса и ухудшению прогноза заболевания [8].

Таким образом, страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами выступает не только эмоциональным состоянием, но и важным предиктором поведенческих решений пациента. Это определяет актуальность изучения взаимосвязи между уровнем страха и формированием избегающих форм поведения.

Целью настоящего исследования является анализ влияния страха перед инвазивными медицинскими вмешательствами на формирование избегающего поведения пациентов.

Материалы и методы исследований

Исследование носило аналитико-эмпирический характер и проводилось на основе анкетного опроса пациентов, обратившихся за амбулаторной медицинской помощью.

В исследовании приняли участие 126 пациентов в возрасте от 19 до 67 лет. Среди респондентов было 74 женщины и 52 мужчины. Критерием включения являлось наличие опыта прохождения хотя бы одного инвазивного медицинского вмешательства в течение последних двух лет.

В качестве исследуемых процедур рассматривались:

- венепункция;
- внутримышечные и внутривенные инъекции;

- катетеризация;
- эндоскопические процедуры;
- биопсийные вмешательства.

Для получения эмпирических данных использовалась структурированная анкета, включавшая три смысловых блока.

Первый блок содержал социально-демографические сведения: возраст, пол, наличие хронических заболеваний, частоту обращения за медицинской помощью.

Второй блок был направлен на оценку выраженности страха перед инвазивными вмешательствами. Респондентам предлагалось оценить степень выраженности следующих переживаний:

- страх боли;
- страх осложнений;
- страх неизвестности;
- страх потери контроля;
- эмоциональное напряжение перед процедурой.

Конструкция данного блока опиралась на современные исследования, посвящённые тревоге перед коронарной ангиографией, инвазивной диагностикой и иглофобией, где именно указанные компоненты рассматривались как ключевые предикторы дистресса [2; 3; 4; 5].

Третий блок анкеты был посвящён оценке избегающего поведения. Фиксировались следующие поведенческие реакции:

- откладывание процедуры;
- отказ от вмешательства;
- поиск менее инвазивных альтернатив;
- уклонение от повторных консультаций;
- формальное согласие на процедуру при выраженной внутренней тревожности.

Подобные формы поведенческого реагирования описываются в современной литературе как типичные последствия медицинского страха и инъекционной фобии [2; 7; 8].

Обработка результатов проводилась с использованием методов описательной статистики и корреляционного анализа.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования показали, что страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами является широко распространённым психологическим феноменом среди пациентов.

Высокий уровень выраженности страха был выявлен у 38,1% респондентов, умеренный – у 44,4%, низкий – у 17,5%.

Наиболее значимыми источниками страха оказались:

- ожидание боли – 71,4%;
- страх осложнений – 63,5%;
- страх неизвестности – 58,7%;
- негативный предшествующий опыт – 42,9%.

Полученные данные согласуются с результатами современных исследований, где именно ожидание боли, инъекционный компонент процедуры и субъективная неопределённость рассматриваются как ведущие психологические детерминанты тревоги перед медицинским вмешательством [1; 3; 5; 9].

Анализ поведенческих реакций показал, что:

- 46,8% пациентов хотя бы один раз откладывали прохождение инвазивной процедуры;
- 21,4% сообщали о случаях отказа от рекомендованного вмешательства;
- 39,7% стремились найти менее инвазивную альтернативу;
- 28,6% избегали повторного обращения к врачу после назначения процедуры.

Наиболее выраженные формы избегания наблюдались у пациентов с высоким уровнем страха. Аналогичные данные представлены в современных исследованиях иглофобии, где установлено, что пациенты с выраженным страхом чаще избегают инъекций, анализа крови и иных инвазивных медицинских процедур [2; 7].

Корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную связь между уровнем страха и выраженностью избегающего поведения. По мере усиления страха возрастала вероятность откладывания процедуры, отказа от вмешательства и поиска альтернативных решений.

Особенно выраженная связь наблюдалась между страхом боли и откладыванием процедуры, а также между страхом осложнений и отказом от вмешательства.

Полученные результаты соответствуют данным современных исследований, посвящённых предоперационной и процедурной тревожности. Установлено, что повышенный уровень тревоги перед инвазивным вмешательством связан с более выраженным эмоциональным дистрессом, снижением чувства контроля и формированием избегающих поведенческих стратегий [4; 5; 8].

Практическое значение результатов состоит в том, что снижение уровня тревожности способно повысить приверженность пациентов диагностическим и лечебным мероприятиям. Согласно современным данным, эффективными мерами являются предварительное информирование пациента, подробное разъяснение этапов процедуры, формирование доверительного контакта с медицинским персоналом, а также применение психологически поддерживающих интервенций, направленных на снижение тревоги перед процедурой [3; 6].

Таким образом, страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами следует рассматривать как значимый психологический предиктор избегающего поведения пациентов.

Выводы

Проведённое исследование позволило установить, что страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами является значимым психологическим фактором, влияющим на формирование избегающего поведения пациентов. Полученные данные подтверждают наличие устойчивой взаимосвязи между уровнем выраженности страха и частотой проявления поведенческих стратегий избегания, включая откладывание медицинских процедур, отказ от рекомендованных вмешательств и поиск альтернативных, менее инвазивных методов диагностики и лечения.

Наиболее выраженное влияние на поведенческие реакции пациентов оказывают страх боли, страх возможных осложнений и ощущение потери контроля над ситуацией. Указанные компоненты страха формируют устойчивое эмоциональное напряжение, которое становится основой для принятия решений, направленных на минимизацию субъективно воспринимаемой угрозы, даже в ущерб медицинской целесообразности.

Таким образом, страх перед инвазивными медицинскими вмешательствами следует рассматривать как один из ключевых предикторов нарушений медицинской приверженности и формирования избегающего поведения. Это подчеркивает необходимость учета психологических факторов в клинической практике при планировании диагностических и лечебных мероприятий.

Практическая значимость полученных результатов заключается в необходимости разработки и внедрения психологически ориентированных подходов к взаимодействию с пациентами, включающих предварительное информирование, снижение неопределённости, формирование доверительного контакта между медицинским персоналом и пациентом, а также применение методов психологической поддержки в предпроцедурный период.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным изучением индивидуально-личностных факторов, усиливающих или, напротив, снижающих влияние страха на поведение пациента, а также с разработкой эффективных стратегий его коррекции в условиях медицинской практики.

Список источников

1. Aksit-Bicak D., Hussein T.O., Kumar G. Pediatric dentists' approaches to dental treatment of children with dental fear and anxiety // Cyprus Journal of Medical Sciences. 2024. Vol. 9. No. 6. P. 403 – 410.
2. Alwafi H., Alshahrani A.M., Alghamdi A.A. et al. Prevalence, factors associated and management of needle phobia among adults: a cross-sectional study // Journal of Multidisciplinary Healthcare. 2024. Vol. 17. P. 2167 – 2178.
3. Safaei M., Mahdavi A., Mehdipour-Rabori R. Designing and evaluating a mobile app to assist patients undergoing coronary angiography and assessing its impact on anxiety, stress levels, and self-care // BMC Medical Informatics and Decision Making. 2024. Vol. 24. Article number 292.
4. Breunissen E.H.W., Groenveld T.D., Garms L. et al. Virtual reality to reduce periprocedural anxiety during invasive coronary angiography: rationale and design of the VR InCard trial // Open Heart. 2024. Vol. 11. No. 1. Article number e002628.
5. Soysal G.E., Demir Erbaş Ş. Factors influencing pain, anxiety, and comfort in patients undergoing coronary angiography: a prospective observational study // Saudi Medical Journal. 2025. Vol. 46. No. 6. P. 679 – 687.

6. Abu Suilik H., AlSamhori J.F., Abuelazm M. et al. The effect of acupressure on pain and anxiety in patients undergoing coronary angiography: a meta-analysis of randomized controlled trials // *International Journal of Nursing Practice*. 2025. Vol. 31. No. 2. Article number e70006.
7. Caltabiano A., Lofaro D., Caruso M. et al. Virtual reality delivered exposure for fear of needles // *Frontiers in Psychiatry*. 2025. Vol. 16. Article number 1642988.
8. Chapman L.K., DeLapp R.C.T. Nine session treatment of a blood-injection-injury phobia with manualized cognitive behavioral therapy: an adult case example // *Clinical Case Studies*. 2013. Vol. 13. No. 3. P. 1 – 14.
9. Yılmaz A., Çetin M., Demir H. Influence of visual objects and music on anxiety levels and imaging process in patients undergoing coronary CT angiography // *European Radiology*. 2025. Vol. 35. P. 6323 – 6335.

References

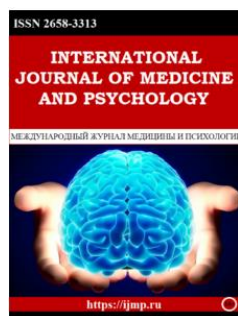
1. Aksit-Bicak D., Hussein T.O., Kumar G. Pediatric dentists' approaches to dental treatment of children with dental fear and anxiety. *Cyprus Journal of Medical Sciences*. 2024. Vol. 9. No. 6. P. 403 – 410.
2. Alwafi H., Alshahrani A.M., Alghamdi A.A. et al. Prevalence, factors associated and management of needle phobia among adults: a cross-sectional study. *Journal of Multidisciplinary Healthcare*. 2024. Vol. 17. P. 2167 – 2178.
3. Safaei M., Mahdavi A., Mehdipour-Rabori R. Designing and evaluating a mobile app to assist patients undergoing coronary angiography and assessing its impact on anxiety, stress levels, and self-care. *BMC Medical Informatics and Decision Making*. 2024. Vol. 24. Article number 292.
4. Breunissen E.H.W., Groenveld T.D., Garms L. et al. Virtual reality to reduce periprocedural anxiety during invasive coronary angiography: rationale and design of the VR InCard trial. *Open Heart*. 2024. Vol. 11. No. 1. Article number e002628.
5. Soysal G.E., Demir Erbaş Ş. Factors influencing pain, anxiety, and comfort in patients undergoing coronary angiography: a prospective observational study. *Saudi Medical Journal*. 2025. Vol. 46. No. 6. P. 679 – 687.
6. Abu Suilik H., AlSamhori J.F., Abuelazm M. et al. The effect of acupressure on pain and anxiety in patients undergoing coronary angiography: a meta-analysis of randomized controlled trials. *International Journal of Nursing Practice*. 2025. Vol. 31. No. 2. Article number e70006.
7. Caltabiano A., Lofaro D., Caruso M. et al. Virtual reality delivered exposure for fear of needles. *Frontiers in Psychiatry*. 2025. Vol. 16. Article number 1642988.
8. Chapman L.K., DeLapp R.C.T. Nine session treatment of a blood-injection-injury phobia with manualized cognitive behavioral therapy: an adult case example. *Clinical Case Studies*. 2013. Vol. 13. No. 3. P. 1 – 14.
9. Yılmaz A., Çetin M., Demir H. Influence of visual objects and music on anxiety levels and imaging process in patients undergoing coronary CT angiography. *European Radiology*. 2025. Vol. 35. P. 6323 – 6335.

Информация об авторах

Беловол Е.В., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0285-159X>, Московская международная академия, belovol@mail.ru

Сенчило М.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6615-8561>, Московская международная академия, mr.rinsent@gmail.com

© Сенчило М.А., Беловол Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 378.12

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-228-235

¹ Шверина В.М.,

¹ Тверской государственный университет

Профессионально-ценностные ориентации и их взаимосвязь с удовлетворенностью профессиональной деятельностью преподавателя высшей школы

Аннотация: целью работы явилось изучение профессионально-ценностных ориентаций и их влияния на удовлетворенность профессиональной деятельностью преподавателя высшей школы. Задачи исследования заключались в определении системы профессиональных ценностей и их взаимосвязи с удовлетворенностью профессиональной деятельностью субъекта научно-педагогического труда – преподавателя вуза. По результатам эмпирического исследования выявлены возрастные особенности профессионально-ценностных ориентаций у преподавателей вуза и показаны положительные взаимосвязи профессиональных ценностей с удовлетворенностью научно-педагогическим трудом. У большинства респондентов определен высокий уровень сформированности профессиональных ценностей, которые на протяжении всей трудовой деятельности преподавателя высшей школы сохраняют относительную стабильность. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке программ ценностно-смыслового сопровождения преподавателя вуза на протяжении его профессиональной деятельности.

Ключевые слова: преподаватель высшей школы, профессиональная деятельность, профессиональные ценности, компоненты профессионально-ценностных ориентаций, субъект научно-педагогического труда, удовлетворенность трудом

Для цитирования: Шверина В.М. Профессионально-ценностные ориентации и их взаимосвязь с удовлетворенностью профессиональной деятельностью преподавателя высшей школы // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 228 – 235. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-228-235

Поступила в редакцию: 25 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Shverina V.M.,

¹ Tver State University

Professional value orientations and their relationship with satisfaction with the professional activities of higher education teachers

Abstract: the aim of this study was to examine professional value orientations and their impact on satisfaction with the professional activities of higher education teachers. The objectives of the study were to identify the system of professional values and their relationship with satisfaction with the professional activities of university teachers. The empirical study revealed age-related differences in professional value orientations among university teachers and demonstrated positive relationships between professional values and satisfaction with their professional activities. Most respondents demonstrated a high level of professional value development, which remained relatively stable throughout their careers as higher education teachers. The practical significance of the study lies in the fact that the results can be used in developing programs to support university teachers in their value-based thinking throughout their careers.

Keywords: higher education teacher, professional activity, professional values, components of professional value orientations, subject of scientific and pedagogical work, job satisfaction

For citation: Shverina V.M. Professional value orientations and their relationship with satisfaction with the professional activities of higher education teachers. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 228 – 235. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-228-235

The article was submitted: February 25, 2026; Approved after reviewing: April 22, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В настоящее время в психологии труда большое внимание уделяется исследованию ценностно-смысловой сферы субъекта труда и его удовлетворенности профессиональной деятельностью в связи с быстро меняющимися условиями рынка и социальноэкономическим положением России. Особенно это важно в тех сферах профессиональной деятельности, где применяются современные высокие технологии: в IT-сфере [11, 12, 18], у операторов различных систем [1] у руководителей [10], педагогов [6] и обучающихся [16], у преподавателей высшей школы (ПВШ) [3, 4]. По мнению Б.Г. Ананьева, В.А. Ядова и др. ценностные ориентации представляют динамическую психологическую систему личности, которая отражает самые важные ценности и способы их реализации в профессиональной деятельности личности. Являясь по своей сути динамическим образованием, профессиональные ценности трансформируются вместе с меняющимися условиями производственной среды, для ПВШ это образовательная среда. Высшее образование в настоящее время претерпевает серьезные изменения, обусловленные внедрением в учебный процесс высоких технологий: цифровизации, искусственного интеллекта и переходом на специалитет, что означает новый качественный уровень подготовки высококвалифицированных субъектов труда. В связи с этим, исследование профессиональных ценностей современного преподавателя высшей школы является актуальной проблемой, так как они определяют смысл научно-педагогического труда, взаимосвязаны с мотивацией профессиональной деятельности и оказывают влияние на удовлетворенность трудом преподавателя вуза.

Цель исследования – изучить профессиональные ценности и определить их взаимосвязь с удовлетворенностью трудом преподавателя высшей школы.

Задачи исследования:

- эмпирически исследовать профессионально-ценностные ориентации и удовлетворенность трудом преподавателя высшей школы;
- выявить возрастные особенности профессионально-ценностных ориентаций их динамику на протяжении всей научно-педагогической деятельности преподавателя вуза;
- определить взаимосвязь профессионально-ценностных ориентаций с удовлетворенностью профессиональной деятельностью преподавателя вуза [16].

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» и ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет». Выборку составили 105 человек: 52 преподавателя Тверского государственного медицинского университета и 53 преподавателя Тверского государственного университета в возрасте от 25 лет до 81 года.

Все респонденты были распределены на три возрастные группы: 1-я группа – молодые преподаватели от 25 до 35 лет – 24 человека; 2-я группа средняя возрастная – от 36 до 60 лет – 55 человек; 3-я группа – старший возраст от 61 года и более – 26 человек.

Для изучения профессиональных ценностей ПВШ была использована методика Н.А. Самойлик «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» [11]. Методика содержит 96 вопросов, которые группируются в 6 диагностических шкал. Данные шкалы составляют три компонента профессионально-ценностных ориентаций личности: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Когнитивный компонент включает ценности-отношения и ценности-знания, к эмоциональному компоненту относятся ценности-цели и ценности-результат, в поведенческий компонент профессионально-ценностных ориентаций входят ценности-качества и ценности-умения [13, 16]. Для изучения удовлетворенности трудом (УТ) применялся Миннесотский опросник удовлетворенности сотрудников [2]. Опросник содержит 20 вопросов-утверждений, максимальное количество баллов равно 100. Респонденты, набравшие от 0-30 баллов, имеет

низкий уровень УТ, от 31-60 баллов средний уровень УТ и от 61 балла и выше – преподаватели с высоким уровнем УТ.

Для статистической обработки полученных данных использовался корреляционный анализ (коэффициент Спирмена).

Результаты и обсуждения

Результаты статистической обработки эмпирических данных профессионально-ценностных ориентаций у респондентов трех возрастных групп представлены в табл. 1.

Таблица 1

Таблица показателей профессионально-ценностных ориентаций у преподавателей высшей школы (в стенах).

Table 1

Table of indicators of professional value orientations of higher education teachers (within the walls).

Компонент профессионально-ценностных ориентаций		Группа	1-я группа 24 человека	2-я группа 55 человек	3-я группа 26 человек	Всего: 105 человек
		Возраст	25-35 лет	36-60 лет	61 год и более	Средний СТЕН
Стаж			от 1 года до 10 лет	от 7 до 37 лет	от 30 до 59 лет	
Когнитивный компонент:	ценности-отношения	Средний СТЕН	6,25	6,4	6,1	6,25
	-ценности-знания	Min/max СТЕН	4-8	5-8	4-8	-
Эмоциональный компонент:	ценности-цели;	Средний СТЕН	6,6	6,6	6,4	6,53
	ценности-результат	Min/max СТЕН	1-8	3-8	3-8	-
Поведенческий компонент:	ценности-качества;	Средний СТЕН	7,1	6,8	7	6,96 п
	ценности-умения	Min/max СТЕН	5-8	4-8	5-8	-

В табл. 1 видно, что значения всех трех компонентов профессионально-ценностных ориентаций находятся на уровне выше среднего (средний стень 5-5,5), а наиболее лучшие значения отмечаются у поведенческого компонента профессионально-ценностных ориентаций преподавателя вуза. Полученные данные свидетельствуют о достаточно устойчивой положительной выраженности профессионально-ценностных ориентаций у субъектов научно-педагогического труда. Согласно Н.А. Самойлик, получение почти одинакового количества стенов по всем трем компонентам свидетельствует о наличии у ПВШ универсального вида профессионально-ценностных ориентаций [13]. Данные результаты согласуются с тем, что профессионально-ценностные ориентации занимают важное место в ценностно-смысловой сфере преподавателя вуза [4] и представляют сложное психологическое образование, включающее когнитивные, эмоциональные и поведенческие психологические конструкты субъекта труда. Универсальный вид профессионально-ценностных ориентаций является более предпочтительным в научно-педагогической деятельности преподавателя вуза, так как в нем представлены все компоненты, входящие в систему профессионально-ценностных ориентаций [15].

Когнитивный компонент профессионально-ценностных ориентаций (средний стень – 6,25) включает ценности-отношения, которые показывают значимость отношений с коллегами и ценности-знания, которые определяют важность знаний в профессиональной деятельности ПВШ. Самый высокий стень (6,4) отмечается у преподавателей второй группы (36-60 лет). У этих же респондентов самый маленький разброс в значениях стенов: от среднего 5 стень до высокого 8 стень. Это означает, что выраженность когнитивного компонен-

та профессионально-ценностных ориентаций у большинства респондентов среднего возраста находится почти на одном достаточно высоком уровне.

Эмоциональный компонент профессионально-ценностных ориентаций (средний стень – 6,53) включает такие шкалы, как: ценности-цели, которые определяют понимание важности в достижении профессиональных результатов, и ценности-результат, которые диагностируют особенности профессиональной самореализации ПВШ. Данный компонент выражен незначительно сильнее по сравнению с когнитивным компонентом у преподавателей всех возрастных групп. При этом следует отметить, что показатели эмоционального компонента практически одинаковые во всех трех группах ПВШ. Особенно следует отметить, что у молодых преподавателей первой группы минимальный стень равен 1, а максимальный – 8, то есть в данной группе есть отдельные преподаватели, имеющие низкий уровень сформированности таких показателей, как ценности-цели и ценности-результат. Поведенческий компонент профессионально-ценностных ориентаций включает ценности-качества, которые характеризуют личностно-профессиональные особенности ПВШ, и ценности-умения, определяющие психологические и практические способы действий в профессиональной деятельности. Поведенческий компонент имеет самый высокий средний стень (6,96). Данный результат свидетельствует о том, что ценности-качества и ценности-умения преподаватели всех трех групп считают наиболее важными в своей профессиональной деятельности. Средний стень данного компонента профессионально-ценностных ориентаций показывает, что у преподавателей сложился определенный стереотип способов реализации научно-педагогического труда, который применяется постоянно, независимо от сложившейся ситуации в образовательной среде.

При сравнении профессионально-ценностных ориентаций у преподавателей трех возрастных групп можно констатировать следующее. У молодых преподавателей первой группы когнитивный компонент выражен слабее по сравнению со второй группой (6,25 и 6,4 стень соответственно) и сильнее по сравнению со старшей группой (6,25 и 6,1 стень соответственно). Эмоциональный компонент у респондентов первой и второй групп выражен в равной степени (6,6 стень в обеих группах). У преподавателей старшей возрастной группы этот показатель ниже (6,4). Показатели поведенческого компонента у молодых преподавателей и старшей возрастной группы практически одинаковые (7,1 и 7,0 стень соответственно), а у преподавателей второй группы немного ниже (6,8 стень). Несмотря на то, что средние показатели всех трех компонентов профессионально-ценностных ориентаций в разных возрастных группах отличаются незначительно, прослеживается тенденция к разной степени выраженности профессионально-ценностных ориентаций в зависимости от возраста ПВШ. У молодых преподавателей преобладает поведенческий компонент, а у преподавателей старшей возрастной группы в меньшей степени представлены когнитивный и эмоциональный компоненты по сравнению с преподавателями двух других групп.

Таким образом, обобщенные результаты, характеризующие профессионально-ценностные ориентации ПВШ, выглядят следующим образом. Все компоненты системы профессионально-ценностных ориентаций: когнитивный, эмоциональный и поведенческий имеют значения стень выше средних, при этом различия между ними не существенные, что свидетельствует о позитивной профессиональной позиции ПВШ [9, 12]. Преподаватель видит смысл своей профессиональной деятельности, которая в большей степени мотивируется такими ценностями, как: ценности-цели и ценности-результат. Возраст субъекта научно-педагогического труда играет определенную роль в формировании профессиональных ценностей, так как на отдельных этапах профессионального развития ПВШ прослеживается разная степень выраженности отдельных компонентов в системе профессионально-ценностных ориентаций.

Удовлетворенность трудом во многом зависит от личных качеств работника, что отражено в многочисленных научных работах, в которых данный феномен рассматривается как совокупность социально-фиксированных установок, включающих в себя когнитивные, эмоциональные и поведенческие характеристики субъекта труда [3, 5, 7, 17, 19]. В данных работах трудовая мотивация, ценности, смыслы, удовлетворенность трудом представлены как единые структурные образования. Данный факт дает основание для исследования взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и удовлетворенности трудом у преподавателей вуза.

Результаты исследования удовлетворенности трудом ПВШ показали, что только у 16 (15,2%) респондентов отмечался низкий уровень УТ. У основной массы респондентов (76 человек или 72,4% выборки) наблюдался уровень удовлетворенности трудом в диапазоне между средним и высоким. У 13 преподавателей (12,4%) обнаружен самый высокий уровень УТ по сравнению с другими респондентами. Таким образом, можно констатировать, что ПВШ имеют разные уровни УТ, от очень высокого значения (в среднем 83,42 балла) до очень низкого (в среднем 9,13).

Для выявления взаимосвязи между профессионально-ценностными ориентациями и удовлетворенностью трудом был проведен корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), по результатам которого установлены следующие достоверные взаимосвязи: слабая положительная взаимосвязь удовлетворенности трудом с когнитивным компонентом профессионально-ценностных ориентаций ($r = 0,248$, при $p < 0,01$), с эмоциональным компонентом профессионально-ценностных ориентаций ($r = 0,245$, при $p < 0,01$), с поведенческим компонентом профессионально-ценностных ориентаций ($r = 0,212$, при $p < 0,01$), с ценностями-знания ($r = 0,253$, при $p < 0,01$) и ценностями-результата ($r = 0,366$, при $p < 0,01$). Результаты корреляционного анализа показали положительную, но слабую взаимосвязь всех трех компонентов профессионально-ценностных ориентаций с удовлетворенностью трудом ПВШ. Самые высокие значения взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и УТ отмечены по таким показателям, как ценности-знания и ценности-результат, что свидетельствует о более значительном влиянии этих профессионально-ценностных ориентаций на УТ. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций с удовлетворенностью трудом представлены на рис. 1.

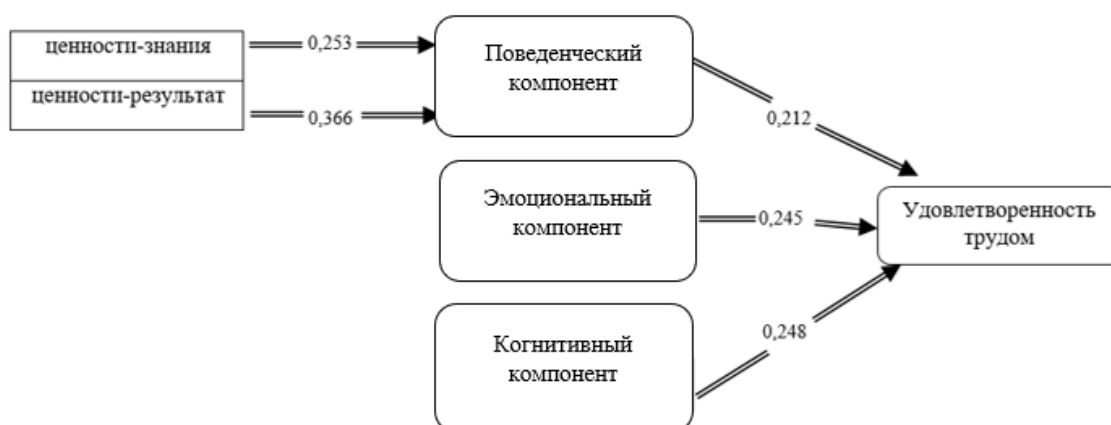

Рис. 1. Взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и удовлетворенности трудом преподавателей высшей школы.

Fig. 1. The relationship between professional value orientations and job satisfaction of higher education teachers.

Полученные результаты являются доказательством того, что профессионально-ценностные ориентации оказывают влияние на УТ ПВШ, но являются не единственным фактором, определяющим удовлетворенность профессиональной деятельностью ПВШ. Данное утверждение не противоречит результатам других научных исследований, в которых показаны различные факторы, влияющие на удовлетворённость трудом сотрудников вуза [8].

Проведенное исследование носит прикладной характер, так как полученные результаты могут быть использованы при разработке программы психологического сопровождения субъекта научно-педагогического труда с целью развития профессионально-ценностных ориентаций и повышения уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью у преподавателей с низким уровнем удовлетворенности трудом. Данную программу можно реализовывать в рамках повышения квалификации субъекта научно-педагогического труда в организациях высшего образования.

Выводы

1. У преподавателей высшей школы система профессионально-ценностных ориентаций имеет высокий уровень сформированности по всем компонентам: когнитивному, эмоциональному и поведенческому, что свидетельствует об активной профессиональной позиции субъекта научно-педагогического труда – преподавателя высшей школы.
2. Имеются незначительные возрастные особенности профессионально-ценностных ориентаций, выраженность которых остается на высоком уровне у преподавателей старшей группы.
3. Между профессионально-ценностными ориентациями и удовлетворенностью трудом существует слабо выраженная положительная взаимосвязь, что свидетельствует об определенной роли профессионально-ценностных ориентаций преподавателя вуза в общей структуре удовлетворенности профессиональной деятельностью.

Список источников

1. Алдашева А.А., Первачева О.А. Ценностно-смысловые регуляторы и личностные особенности операторов ГБУ «Система 112» с различным стажем работы // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 4 (16). С. 143 – 162.
2. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения: метод. пособ. / предисл. Т. Барлас. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Березин Феликс Борисович», 2011. 320 с.
3. Величковская С.Б. Исследование ценностно-мотивационных установок и удовлетворенности трудом у преподавателей иностранных языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2025. Вып. 1 (854). С. 82 – 90.
4. Демиденко Н.Н. Мотивационно-компетентностный подход к профессионализму научно-педагогического труда преподавателя высшей школы: дис. ... д-ра психол. наук. Тверь, 2020. 869 с.
5. Денисова Е.Г., Сылка Н.В. Удовлетворенность трудом и мотивация профессиональной деятельности женщин-работников сферы образования // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10. № 1. С. 83 – 93.
6. Долинина И.Г., Мехоношин И.А., Шапорев А.А. Ценностно-смысловые ориентации в профессиональной педагогике: от теории к практике // Ценности и смыслы. 2024. № 1 (89). С. 112 – 126.
7. Еремичкая И.А. Психологические особенности удовлетворенности трудом работников университета // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-udovletvorennosti-trudom-rabotnikov-universiteta> (дата обращения: 20.01.2026)
8. Efimova G.Z., Latyshev A.S. "Job Satisfaction Among Employees of a Higher Educational Institution." Voprosy Obrazovaniya // Educational Studies Moscow. 2023. No. 1. P. 72 – 108.
9. Канайкина Н.А. Динамика формирования профессиональной идентичности у курсантов ведомственного образовательного учреждения // Ценностная самоидентификация будущего профессионала в цифровой образовательной среде: Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, Кемерово, 29-30 мая 2025 года. Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2025. С. 29 – 31.
10. Мальцева Т.В. Психологические особенности удовлетворённости трудом руководителей органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 250 – 257.
11. Петровская Т.Ю. Системно-психологический анализ взаимосвязи эмоционального выгорания и мотивационно-ценностных характеристик специалистов сферы информационных технологий // Системная психология и социология. 2025. № 3 (55). С. 87 – 100.
12. Сайт DisserCat. Режим доступа <https://togudv.ru/media/disser/samoilok-06062023.pdf> (дата обращения 28.03.2026)
13. Самойлик Н.А. Формирование системы профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России: дис. ... канд. психол. наук. 2023. 586 с.
14. Самойлик Н.А. Индивидуально-психологические различия в структуре профессионально-ценностных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. № 2 (2). С. 97 – 103.
15. Самойлик Н.А. Типология и психологическая диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 193 – 196.
16. Сигал И.М., Сидоришин Ф.А. Мотивация и ценностные ориентации студентов психологов, получающих первое или второе высшее образование // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. Т. 3. № 6 (87). С. 1563 – 1573.
17. Смелова Д.В., Чернобровкина С.В. Мотивация труда и удовлетворенность трудом, как факторы копинг-стратегий сотрудников в ситуациях организационного стресса: актуальность проблемы исследования // Молодежь третьего тысячелетия: сб. науч. ст. XLIX регион. студенч. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2025. С. 469 – 471.
18. Туганова М.И. Особенности стрессоустойчивости и мотивации сотрудников ИТ-компаний с разной степенью удовлетворенности трудом // Форум молодых ученых. 2024. № 1 (89). С. 129 – 138.
19. Царева Н.А., Мельникова А.А. Мотивация труда персонала: удовлетворенность трудом и командная работа // Вестник Академии знаний. 2022. № 53 (6). С. 486 – 490.

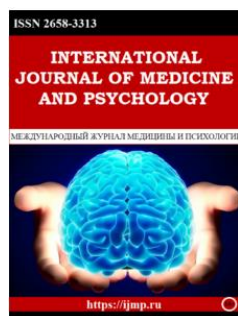
References

1. Aldasheva A.A., Pervacheva O.A. Value-semantic regulators and personality traits of operators of the State Budgetary Institution "System 112" with different lengths of service. *Theoretical and Experimental Psychology*. 2023. No. 4 (16). P. 143 – 162.
2. Berezina F.B., Miroshnikov M.P., Sokolova E.D. Methodology of a multifaceted personality study. Structure, principles of interpretation, some areas of application: method. Manual. preface by T. Barlas. 3rd ed., corrected and enlarged. Moscow: Felix Borisovich Berezina Publishing House, 2011. 320 p.
3. Velichkovskaya S.B. Study of value-motivational attitudes and job satisfaction of foreign language teachers. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*. 2025. Issue 1 (854). P. 82 – 90.
4. Demidenko N.N. Motivation-Competence Approach to the Professionalism of Scientific and Pedagogical Work of a Higher Education Teacher: Diss. ... Doctor of Psychology. Tver, 2020. 869 p.
5. Denisova E.G., Sylka N.V. Job Satisfaction and Motivation of Professional Activity of Female Education Workers. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 83 – 93.
6. Dolinina I.G., Mekhonoshin I.A., Shaporev A.A. Value-semantic orientations in professional pedagogy: from theory to practice. *Values and meanings*. 2024. No. 1 (89). P. 112 – 126.
7. Eremit'skaya I.A. Psychological features of job satisfaction of university employees. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2016. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-udovletvorennosti-trudom-rabotnikov-universiteta> (date of access: 01.20.2026)
8. Efimova G.Z., Latyshev A.S. "Job Satisfaction Among Employees of a Higher Educational Institution." *Voprosy Obrazovaniya. Educational Studies Moscow*. 2023. No. 1. P. 72 – 108.
9. Kanaykina N.A. Dynamics of Formation of Professional Identity among Cadets of a Departmental Educational Institution. *Value Self-Identification of a Future Professional in a Digital Educational Environment: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the International Scientific Conference, Kemerovo, May 29-30, 2025*. Kemerovo: Kuzbass Regional Institute for the Development of Professional Education, 2025. P. 29 – 31.
10. Maltseva T.V. Psychological Features of Job Satisfaction of Heads of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 3 (99). P. 250 – 257.
11. Petrovskaya T.Yu. A Systemic Psychological Analysis of the Relationship between Emotional Burnout and Motivational-Value Characteristics of Information Technology Specialists. *Systems Psychology and Sociology*. 2025. No. 3 (55). P. 87 – 100.
12. DisserCat website. Access mode: <https://togudv.ru/media/disser/samoilok-06062023.pdf> (date of access: 03.28.2026)
13. Samoilik N.A. Formation of a System of Professional-Value Orientations of Cadets of Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: Diss. ... Cand. of Psychological Sciences. 2023. 586 p.
14. Samoilik N.A. Individual psychological differences in the structure of professional and value orientations of penal system employees. *Theory and practice of scientific research: psychology, pedagogy, economics and management*. 2018. No. 2 (2). P. 97 – 103.
15. Samoylik N.A. Typology and psychological diagnostics of professional and value orientations of an individual. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2016. Vol. 5. No. 1 (14). P. 193 – 196.
16. Sigal I.M., Sidoryshin F.A. Motivation and value orientations of psychology students receiving their first or second higher education. *International scientific journal "Bulletin of Science"*. 2025. Vol. 3. No. 6 (87). P. 1563 – 1573.
17. Smelova D.V., Chernobrovkina S.V. Labor motivation and job satisfaction as factors in employees' coping strategies in situations of organizational stress: relevance of the research problem. *Youth of the Third Millennium: Coll. sci. Art. XLIX regional student's scientific and practical conference: in 3 parts*. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2025. P. 469 – 471.
18. Tuganova M.I. Features of stress resistance and motivation of IT companies' employees with different degrees of job satisfaction. *Forum of young scientists*. 2024. No. 1 (89). P. 129 – 138.
19. Tsareva N.A., Melnikova A.A. Motivation of personnel: job satisfaction and teamwork. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022. No. 53 (6). P. 486 – 490.

Информация об авторе

Шверина В.М., аспирант, Тверской государственный университет, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, lerus-ik_shverina@mail.ru

© Шверина В.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-236-241

¹ Яковлев И.А.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивные и метакогнитивные факторы временной организации мобильной профессиональной деятельности: пилотное исследование цифровых следов

Аннотация: цифровизация труда переводит значительную часть профессиональных операций в смешанный формат, где пользователь действует в физической среде, но получает инструкцию, фиксирует результат и оставляет цифровой след через мобильную информационную систему. Цель исследования – проверить на пилотных данных возможность использования временных и порядковых характеристик цифровых следов складской отборки как косвенных поведенческих индикаторов, сопоставимых с показателями метакогнитивной регуляции и когнитивного контроля. В исследовании использованы данные 35 работников: 420 файлов рабочих эпизодов, после технической проверки в анализ включено 18 027 событий отбора и 17 609 положительных межсобытийных интервалов. Дополнительно использованы методики MAI-short и ЛаКоста, а также когнитивные тесты Go/No-Go, N-back и Stroop. Обработка включала объединение временных рядов, расчет межсобытийных интервалов, маркировку длинных задержек и корреляционный анализ Спирмена на уровне работника. Медиана межсобытийного интервала составила 25 секунд; порог длинной задержки, определенный по 95-му процентилю, составил 115 секунд. Выявлены связи между пропусками в Go/No-Go и динамикой медианного времени по эпизодам ($p=0,464$; $p=0,005$), между коррекцией по ЛаКоста и стабилизацией темпа ($p=0,361$; $p=0,033$), между мониторингом по MAI и долей длинных задержек ($p=-0,343$; $p=0,043$). Результаты не позволяют трактовать цифровые следы как прямое измерение метакогнитивных процессов, но подтверждают применимость подхода для дальнейшего исследования мониторинга обучения и регуляции действий операторов в мобильных профессиональных системах.

Ключевые слова: когнитивная эргономика, психология труда, мобильные информационные системы, цифровые следы, метакогнитивная регуляция, когнитивный контроль, складская отборка, временные ряды

Для цитирования: Яковлев И.А. Когнитивные и метакогнитивные факторы временной организации мобильной профессиональной деятельности: пилотное исследование цифровых следов // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 236 – 241. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-236-241

Поступила в редакцию: 25 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Yakovlev I.A.,**
¹ St. Petersburg State University

Cognitive and metacognitive factors of temporal organization of mobile professional activity: a pilot study of digital traces

Abstract: digitalization of work transfers many professional operations into a mixed format in which the user acts in a physical environment but receives instructions, records outcomes and leaves digital traces through a mobile information system. The aim of this pilot study was to test whether temporal and sequential characteristics of warehouse order-picking traces can be used as indirect behavioral indicators comparable with measures of metacognitive regulation and cognitive control. The study used data from 35 workers: 420 Excel files of work episodes; after technical verification, 18,027 picking events and 17,609 positive inter-event intervals were included in the analysis. The MAI-short and LaCosta questionnaires, as well as Go/No-Go, N-back and Stroop tests, were used. Data processing included merging time series, calculating inter-event intervals, marking long delays and Spearman correlation analysis at the worker level. The median inter-event interval was 25 seconds; the 95th percentile threshold for long delays was 115 seconds. Pilot associations were found between Go/No-Go omissions and the dynamics of median episode time ($p=0.464$; $p=0.005$), between LaCosta correction and tempo stabilization ($p=0.361$; $p=0.033$), and between MAI monitoring and the share of long delays ($p=-0.343$; $p=0.043$). Digital traces should not be interpreted as a direct measurement of metacognition. They can be considered indirect behavioral correlates of temporal organization and regulation of professional action.

Keywords: cognitive ergonomics, occupational psychology, mobile information systems, digital traces, metacognitive regulation, cognitive control, warehouse order picking, time series

For citation: Yakovlev I.A. Cognitive and metacognitive factors of temporal organization of mobile professional activity: a pilot study of digital traces. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 236 – 241. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-236-241

The article was submitted: February 25, 2026; Approved after reviewing: April 22, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Распространение цифровых и мобильных технологий изменяет структуру профессиональной деятельности в логистике, производстве, здравоохранении, спасательных работах, оборонных технологиях, инспекционной деятельности и сервисе. Во многих случаях мобильное устройство перестает быть вспомогательным средством связи и становится операциональным интерфейсом деятельности: через него работник получает инструкцию, соотносит ее с физической средой, фиксирует выполненное действие и переходит к следующему шагу.

Для психологии труда и когнитивной эргономики такая ситуация существенна по двум причинам. Во-первых, выполнение профессиональной процедуры зависит не только от квалификации и физической доступности объекта, но и от внимания, рабочей памяти, тормозного контроля, пространственной ориентировки, ситуационной осведомленности и устойчивости к сбоям в интерфейсе [6, 10, 11]. Отдельное значение имеют ситуационная осведомленность и распределение когнитивной нагрузки между цифровой инструкцией, физической средой и подтверждением действия [7, 8]. Во-вторых, в мобильной цифровой среде остаются временные и порядковые следы действия, которые позволяют анализировать не только итоговую продуктивность, но и динамику освоения, паузы, задержки, возвраты, ошибки и коррекции [12, 13, 16].

Метакогнитивная регуляция традиционно рассматривается как система знаний, мониторинга и контроля собственных познавательных действий [3, 4, 5]. В отечественной традиции метакогнитивные процессы и стратегии также рассматриваются как регуляторные образования, связанные с организацией, контролем, коррекцией и оценкой познавательной деятельности [1, 2]. Однако цифровой след не является прямой записью метакогнитивного процесса. Он фиксирует внешнюю временную и порядковую организацию действия. Поэтому корректно рассматривать его как косвенный поведенческий индикатор, потенциально связанный с когнитивной и метакогнитивной регуляцией.

Складская отборка представляет удобный модельный случай такой деятельности [9, 10]. Работник получает адрес и номенклатурную позицию на мобильном терминале, перемещается в пространстве склада, соотносит цифровую инструкцию с адресной структурой, выполняет отбор, сканирует или подтверждает по-

зицию и переходит к следующему действию. Межсобытийный интервал между двумя действиями включает как операционные и пространственные компоненты, так и дополнительные задержки, которые могут быть связаны с поиском, проверкой, сомнением, исправлением или восстановлением ориентировки.

Цель исследования – проверить на пилотных данных возможность использования временных и порядковых характеристик цифровых следов профессиональной мобильной деятельности как косвенных поведенческих индикаторов, сопоставимых с показателями метакогнитивной регуляции и когнитивного контроля.

Материалы и методы исследований

Дизайн исследования – пилотное эмпирическое исследование, объединяющее анализ цифровых следов, психодиагностические методики и когнитивные тесты. Пилотный статус работы определяет осторожную интерпретацию: результаты используются для проверки процедуры обработки данных, операционализации показателей и оценки перспектив дальнейшего исследования.

Выборку составили 35 работников, выполнявших складскую отборку с использованием профессионального мобильного терминала. Исходный массив включал 420 файлов рабочих эпизодов, по 12 эпизодов на каждого работника. Два эпизода не содержали валидных временных меток и были исключены из расчетов временной динамики. После проверки в анализ вошли 18 027 событий отбора с временными метками и 17 609 положительных межсобытийных интервалов.

Единицами анализа выступали: событие отбора, переход между соседними событиями, рабочий эпизод и работник. Для каждого эпизода события упорядочивались по времени. Межсобытийный интервал рассчитывался как разность временных меток двух соседних событий. Отрицательные и нулевые интервалы в валидной части массива не выявлены; интервалы с отсутствующими временными метками маркировались как нерасчетные. Длинной задержкой считался интервал выше 95-го перцентиля распределения положительных интервалов; экстремальной задержкой – интервал выше 99-го перцентиля. Такие интервалы не трактовались как самостоятельный психологический показатель, а рассматривались только как поведенческие маркеры возможного затруднения.

Психодиагностический блок включал краткую версию Metacognitive Awareness Inventory (MAI-short) с показателями планирования, мониторинга, оценки и общего уровня метакогнитивной осведомленности, а также шкалу самооценки метакогнитивного поведения ЛаКоста с показателями планирования, мониторинга, контроля, коррекции и общей. Когнитивный блок включал тест Go/No-Go, как показатель тормозного контроля, N-back как показатель рабочей памяти и Stroop как показатель интерференционной устойчивости.

Статистическая обработка выполнена на языке Python. Рассчитывались описательные статистики, доля длинных задержек, коэффициент вариации обычных интервалов, показатель динамики медианного времени по эпизодам и индекс стабилизации. Связи между психологическими и поведенческими переменными проверялись с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Учитывая малый объем выборки и множественность проверок, результаты рассматриваются как пилотные тенденции.

Результаты и обсуждения

Техническая проверка подтвердила возможность устойчивого извлечения временных показателей из пилотного массива. Расхождение между исходными 420 файлами и 418 расчетными эпизодами связано с тем, что два эпизода содержали строки отбора, но не содержали валидных временных меток. Поэтому для содержательного анализа временной организации использовались 418 эпизодов и 18 027 событий с временем отборки.

Таблица 1

Структура пилотного массива и извлеченные показатели цифровых следов.

Table 1

Structure of the pilot dataset and extracted digital trace indicators.

Показатель	Значение
Число работников	35
Excel-файлы рабочих эпизодов	420
Расчетные эпизоды с валидным временем	418
События отбора всего	18 123
События отбора с временными метками	18 027
Положительные межсобытийные интервалы	17 609
Отрицательные / нулевые интервалы	0 / 0

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Медиана интервала	25 с
Q1–Q3 интервала	14–43 с
Порог длинной задержки (P95)	115 с
Доля длинных задержек	5,0%
Порог экстремальной задержки (P99)	1196,5 с
Доля экстремальных задержек	1,0%

Обычная временная организация отборки характеризовалась асимметричным распределением: большинство переходов укладывалось в десятки секунд, тогда как небольшая часть интервалов формировала длинный правый хвост распределения. Поэтому для описания темпа использовалась медиана, а длинные интервалы маркировались отдельно. Такой подход снижает риск смещения обычного темпа работы с задержками, вызванными поиском, организационными паузами, ошибками фиксации или изменением порядка выполнения.

Таблица 2

Наиболее содержательные связи психологических показателей с параметрами временной организации.

Table 2

The most meaningful relationships between psychological indicators and parameters of temporary organization.

Психологический показатель	Параметр цифрового следа	n	ρ Спир-мена	p
Go/No-Go: ошибки пропуска	Динамика медианного времени по эпизодам	35	0,464	0,005
ЛаКоста: коррекция	Динамика медианного времени по эпизодам	35	-0,406	0,016
ЛаКоста: планирование	Динамика медианного времени по эпизодам	35	-0,380	0,024
ЛаКоста: коррекция	Индекс стабилизации темпа	35	0,361	0,033
ЛаКоста: мониторинг	Доля проблемных эпизодов	35	0,348	0,040
MAI: мониторинг	Доля длинных задержек	35	-0,343	0,043
N-back: точность	Доля длинных задержек	35	-0,334	0,050

Наиболее выраженная связь получена между числом ошибок пропуска в Go/No-Go и динамикой медианного времени по эпизодам. Положительный знак корреляции означает, что большее число пропусков связано с менее благоприятной динамикой темпа: медианное время выполнения эпизодов чаще не снижалось, а возрастало или оставалось нестабильным. Это согласуется с представлением о роли тормозного контроля и устойчивого реагирования в операциональной деятельности, где пользователь должен быстро переходить от одной инструкции к другой и подавлять нерелевантные действия.

Показатели опросника ЛаКоста, особенно коррекция и планирование, оказались связаны с динамическими характеристиками темпа. Более высокая выраженность коррекции была связана с отрицательным коэффициентом динамики медианного времени и положительным индексом стабилизации. Это позволяет рассматривать коррекцию не как прямую причину ускорения, а как возможный регуляторный ресурс, который помогает работнику перестраивать действие и стабилизировать выполнение по мере прохождения серии эпизодов.

Связь мониторинга по MAI с меньшей долей длинных задержек указывает на возможную роль самонаблюдения и оценки хода действия в предотвращении затяжных пауз. Одновременно положительная связь мониторинга по опроснику ЛаКоста с долей проблемных эпизодов показывает, что самоотчетные метакогнитивные показатели могут отражать не только эффективность регуляции, но и субъективную чувствительность к затруднениям. В пилотном исследовании этот результат не должен интерпретироваться однозначно.

Сравнение групп с более высокими и более низкими общими показателями MAI и ЛаКоста по медианному разделению не выявило устойчивых различий по основным параметрам цифровых следов. Это подтверждает, что на малой пилотной выборке более корректной является осторожная корреляционная интерпретация, а не построение жестких типологий работников.

В целом пилотное исследование показало, что цифровые следы позволяют выделять устойчивые показатели временной организации действия: медианный темп, вариативность, долю длинных задержек, динами-

ку эпизодов и проблемные эпизоды. Эти показатели содержательно согласуются с задачами когнитивной эргономики, но требуют учета структуры адресного перехода, интерфейса, физической среды и организационного контекста.

Выводы

1. На пилотном массиве удалось извлечь устойчивые временные показатели цифровых следов мобильной профессиональной деятельности: медиану межсобытийного интервала, вариативность темпа, долю длинных задержек и показатели динамики по эпизодам.
2. Валидная часть пилотного массива включает 35 работников, 418 рабочих эпизодов, 18 027 событий отбора с временными метками и 17 609 положительных межсобытийных интервалов. Два эпизода исключены из временного анализа из-за отсутствия валидных временных меток.
3. Наиболее перспективными поведенческими индикаторами оказались доля длинных задержек, динамика медианного времени по эпизодам и индекс стабилизации темпа.
4. Показатели метакогнитивного мониторинга, планирования и коррекции, а также показатели когнитивного контроля и рабочей памяти демонстрируют связи с параметрами временной организации, но эти связи имеют пилотный характер и требуют проверки на большей независимой выборке.
5. Цифровые следы не являются прямым измерением метакогнитивности. Их корректная интерпретация возможна только как анализ косвенных поведенческих коррелятов регуляции действия с учетом адресной структуры, интерфейса и организационного контекста.
6. Подход перспективен для мониторинга обучения операторов в логистике, здравоохранении, спасательных, оборонных и других мобильных профессиональных системах, где важно отслеживать не только результат, но и процесс формирования устойчивого действия.

Список источников

1. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. Москва: Институт психологии РАН, 2005. 344 с. ISBN 5-9527-0055-1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_928886/
2. Перикова Е.И., Ловягина А.Е., Бызова В.М. Психология метапознания: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2020. 150 с. ISBN 978-5-98620-461-1. URL: [https://pureportal.spbu.ru/publications/-\(b09b0474-7968-4773-b2c4-8446f35f1075\).html](https://pureportal.spbu.ru/publications/-(b09b0474-7968-4773-b2c4-8446f35f1075).html)
3. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*. 1979. Vol. 34. No. 10. P. 906 – 911. doi: 10.1037/0003-066X.34.10.906
4. Nelson T.O., Narens L. Metamemory: A theoretical framework and new findings. *Psychology of Learning and Motivation*. 1990. Vol. 26. P. 125 – 173. doi: 10.1016/S0079-7421(08)60053-5
5. Schraw G., Dennison R.S. Assessing metacognitive awareness. *Contemporary Educational Psychology*. 1994. Vol. 19. No. 4. P. 460 – 475. doi: 10.1006/ceps.1994.1033
6. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T.D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks. *Cognitive Psychology*. 2000. Vol. 41. No. 1. P. 49 – 100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734
7. Endsley M.R. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems. *Human Factors*. 1995. Vol. 37. No. 1. P. 32 – 64. doi: 10.1518/001872095779049543
8. Wickens C.D. Multiple resources and mental workload. *Human Factors*. 2008. Vol. 50. No. 3. P. 449 – 455. doi: 10.1518/001872008X288394
9. De Koster R., Le-Duc T., Roodbergen K.J. Design and control of warehouse order picking: A literature review. *European Journal of Operational Research*. 2007. Vol. 182. No. 2. P. 481 – 501. doi: 10.1016/j.ejor.2006.07.009
10. Grosse E.H., Glock C.H., Jaber M.Y., Neumann W.P. Incorporating human factors in order picking planning models: Framework and research opportunities. *International Journal of Production Research*. 2015. Vol. 53. No. 3. P. 695 – 717. doi: 10.1080/00207543.2014.919424
11. Cannon A.B., Strawderman L., Burch R. Evaluating change in user error when using ruggedized handheld devices. *Applied Ergonomics*. 2015. Vol. 51. P. 273 – 280. doi: 10.1016/j.apergo.2015.05.001
12. Ericson J.D., Albert W.S. Evidence for shifting cognitive strategies when icons appear in unexpected locations. *Human Factors*. 2024. Vol. 66. No. 3. P. 891 – 903. doi: 10.1177/00187208221144875

13. van der Aalst W.M.P. Process Mining: Data Science in Action. 2nd ed. Berlin; Heidelberg: Springer, 2016. 467 p. doi: 10.1007/978-3-662-49851-4
14. Torous J., Onnela J.P., Keshavan M. New dimensions and new tools to realize the potential of RDoC: Digital phenotyping via smartphones and connected devices. Translational Psychiatry. 2017. Vol. 7. Article e1053. doi: 10.1038/tp.2017.25

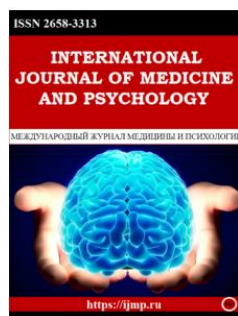
References

1. Karpov A.V., Skityaeva I.M. Psychology of Metacognitive Processes of Personality. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2005. 344 p. ISBN 5-9527-0055-1. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_928886/
2. Perikova E.I., Lovyagina A.E., Byzova V.M. Psychology of Metacognition: A Study Guide. St. Petersburg: Skifia-Print, 2020. 150 p. ISBN 978-5-98620-461-1. URL: [https://pureportal.spbu.ru/ru/publications/-\(b09b0474-7968-4773-b2c4-8446f35f1075\).html](https://pureportal.spbu.ru/ru/publications/-(b09b0474-7968-4773-b2c4-8446f35f1075).html)
3. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. American Psychologist. 1979. Vol. 34.No. 10. P. 906 – 911. doi: 10.1037/0003-066X.34.10.906
4. Nelson T.O., Narens L. Metamemory: A theoretical framework and new findings. Psychology of Learning and Motivation. 1990. Vol. 26. P. 125 – 173. doi: 10.1016/S0079-7421(08)60053-5
5. Schraw G., Dennison R.S. Assessing metacognitive awareness. Contemporary Educational Psychology. 1994. Vol. 19.No. 4. P. 460 – 475. doi: 10.1006/ceps.1994.1033
6. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T.D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks. Cognitive Psychology. 2000. Vol. 41.No. 1. P. 49 – 100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734
7. Endsley M.R. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems. Human Factors. 1995. Vol. 37.No. 1. P. 32 – 64. doi: 10.1518/001872095779049543
8. Wickens C.D. Multiple resources and mental workload. Human Factors. 2008. Vol. 50.No. 3. P. 449 – 455. doi: 10.1518/001872008X288394
9. De Koster R., Le-Duc T., Roodbergen K.J. Design and control of warehouse order picking: A literature review. European Journal of Operational Research. 2007. Vol. 182.No. 2. P. 481 – 501. doi: 10.1016/j.ejor.2006.07.009
10. Grosse E.H., Glock C.H., Jaber M.Y., Neumann W.P. Incorporating human factors in order picking planning models: Framework and research opportunities. International Journal of Production Research. 2015. Vol. 53.No. 3. P. 695 – 717. doi: 10.1080/00207543.2014.919424
11. Cannon A.B., Strawderman L., Burch R. Evaluating change in user error when using ruggedized handheld devices. Applied Ergonomics. 2015. Vol. 51. P. 273 – 280. doi: 10.1016/j.apergo.2015.05.001
12. Ericson J.D., Albert W.S. Evidence for shifting cognitive strategies when icons appear in unexpected locations. Human Factors. 2024. Vol. 66.No. 3. P. 891 – 903. doi: 10.1177/00187208221144875
13. van der Aalst W.M.P. Process Mining: Data Science in Action. 2nd ed. Berlin; Heidelberg: Springer, 2016. 467 p. doi: 10.1007/978-3-662-49851-4
14. Torous J., Onnela J.P., Keshavan M. New dimensions and new tools to realize the potential of RDoC: Digital phenotyping via smartphones and connected devices. Translational Psychiatry. 2017. Vol. 7. Article e1053. doi: 10.1038/tp.2017.25

Информация об авторе

Яковлев И.А., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, st041957@student.spbu.ru

© Яковлев И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-242-251

¹ Ковалева Д.П.,

¹ Тверской государственный университет

Психологические особенности профессиональной деятельности женщин, занятых дистанционным трудом в области SMM-маркетинга, с выраженным внутриличностным конфликтом

Аннотация: статья посвящена раскрытию вопросов психологических особенностей профессиональной деятельности женщин, работающих дистанционно в SMM-маркетинге. Особое внимание уделено взаимосвязи психологических и социальных характеристик дистанционной занятости у женщин-SMM специалистов и нуждающихся в психологической поддержке для эффективного выполнения трудовых задач и карьерного роста. На основе результатов анкетирования возможно в дальнейшем определить основные компоненты, которые необходимы для составления программы психологического сопровождения женщин – SMM-маркетологов с выраженным внутриличностным конфликтом, работающих дистанционно в рамках написания кандидатской диссертации. Нами проведен ретроспективный анализ 100 респондентов с целью выявления психологических особенностей профессиональной деятельности женщин в области SMM-маркетинга, работающих дистанционно, и сделаны выводы о необходимости психологического сопровождения для эффективного выполнения трудовых задач и карьерного роста женщин – SMM-маркетологов, работающими дистанционно.

Ключевые слова: дистанционный труд, женщины – SMM-маркетологи, психологические особенности профессиональной деятельности

Для цитирования: Ковалева Д.П. Психологические особенности профессиональной деятельности женщин, занятых дистанционным трудом в области SMM-маркетинга, с выраженным внутриличностным конфликтом // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 242 – 251. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-242-251

Поступила в редакцию: 26 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Kovaleva D.P.,

¹ Tver State University

Psychological features of professional activity of women engaged in remote work in the field of SMM marketing, with pronounced intrapersonal conflict

Abstract: the article is devoted to the disclosure of issues of psychological characteristics of professional activity of women working remotely in SMM marketing. Particular attention is paid to the relationship between psychological and social characteristics of remote employment of women SMM specialists and those in need of psychological support for the effective performance of work tasks and career growth. Based on the survey results, it is possible to identify further the main professional deficiencies and risk areas, components that are necessary for further development of a program of psychological support for women – SMM – marketers with pronounced intrapersonal conflict, working remotely. We conducted a retrospective analysis of 100 respondents in order to identify the psychological characteristics of the professional activity of women in the field of SMM marketing,

working remotely, and concluded that psychological support is needed for the effective performance of work tasks and career growth of women – SMM marketers working remotely.

Keywords: remote work, women – SMM marketers, psychological features of professional activity

For citation: Kovaleva D.P. Psychological features of professional activity of women engaged in remote work in the field of SMM marketing, with pronounced intrapersonal conflict. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 242 – 251. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-242-251

The article was submitted: February 26, 2026; Approved after reviewing: April 23, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В психологии труда в достаточной степени разработаны вопросы, связанные с динамическими процессами во внутреннем мире личности и развитием субъекта труда. Рассматривая личность работника как активного субъекта трудового процесса, чьи внутренние качества и психологическое состояние существенно влияют на качество выполняемой работы и профессиональное развитие в целом, открываются новые перспективы для изучения механизмов формирования и развития профессионально значимых качеств, способствующих разработке эффективных методов мотивации и профессиональной деятельности. Познавательные стремления человека, мировоззренческие установки, ценностные ориентации, его желание осознавать собственный потенциал и ответственность на современном этапе становятся центральными элементами и выходят на первый план в субъектно-деятельностном подходе к профессиональному труду [2]. Опираясь на исследования Е.А. Климова, профессии в сфере интернет-маркетинга можно рассматривать как профессиональную деятельность в эргатической системе [5; 6].

Дистанционная работа подразумевает работу с техникой (человек-техника); интернет-маркетологи через социальные сети и платформы активно взаимодействуют с широкой аудиторией (человек-общество); к важным навыкам интернет-маркетолога относят коммуникационные, этические и социальные (взаимодействие с командой, постоянная коммуникация с руководителями), что в свою очередь позволяют отнести профессии интернет-маркетинга также к типу человек-человек.

В свете стремительного расширения границ цифровой трансформации особую значимость приобретает изучение психологической составляющей и организационной структуры. В сентябре 2024 г. были обнародованы научные данные комплексного исследования, которое проводило Научно-исследовательское подразделение Центра трудовых исследований Высшей школы экономики [12]. Результаты исследования свидетельствуют о наличии одного миллиона российских граждан, занятых дистанционной формой трудовой деятельности. Это обстоятельство детерминировано отраслевой специфичностью отечественной экономики и степенью адаптации предприятий к новой модели организации бизнес-процессов. Секторная сегментация размещения профессионалов, работающих дистанционно отличается выраженной неоднородностью: максимальная распространённость данной формы занятости фиксируется в секторах ИТ-технологий, научно-технических разработок и профессиональных консультационных услуг. Значимость ИТ-области подтверждена Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина № 83 от 02.03.2022 года, ориентированным на ускорение темпов роста информационно-технологической инфраструктуры страны [11].

Согласно официальной статистике, женская составляющая населения страны оценивается примерно в 54%, подчеркивая доминирующую позицию женщин в демографическом аспекте государства [13]. Кроме того, доля женщин среди лиц, имеющих высшее образование, составляет около 55%. Наблюдается тенденция профессиональной сегрегации, при которой значительная часть женщин сосредотачивается преимущественно в сферах здравоохранения, образования и социальной защиты, традиционно ассоциируемых с низкой оплатой труда. Также широкое распространение дистанционной работы, которое открыло перед женщинами новые возможности для сочетания профессиональной деятельности с семейными обязанностями, способствовало возникновению определённых психологических трудностей, в том числе, преодоление внутриличностных конфликтов. Таким образом, в частности женщина, работающая дистанционно в сфере SMM-маркетинга, осуществляет сложную профессиональную деятельность, совмещающую в себе задачи различных профессий.

Цель исследования – выявить психологические особенности организации труда женщин в области SMM-маркетинга, работающих дистанционно, испытывающих внутренние конфликты и нуждающихся в психологической поддержке для эффективного выполнения трудовых задач и карьерного роста.

Материалы и методы исследований

При разработке процедуры анкетирования для проведения опроса с целью выявления психологических особенностей организации труда женщин в области SMM-маркетинга, работающих дистанционно, методологическую основу составили работы Е.А. Климова, В.А. Толочек, Э.Ф. Зеера (теории профессионализма и профессионального становления личности) [6; 10; 4]; А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, А.В. Карпова (системный подход к анализу профессиональной деятельности) [9]; Т.А. Жалагиной (понимание сущности профессиональных деформаций субъекта труда и профилактики) [3]. Характеристики взаимосвязи феномена гендерного ролевого конфликта и личностных особенностей у современных женщин описаны в трудах С.А. Апкаевой [1]. В исследовании А.В. Морозова выделена важность психологического сопровождения работников в условиях удалённого режима труда [7]. Психологические и социальные характеристики дистанционной занятости рассматриваются как важные факторы, влияющие на профессиональную адаптацию и удовлетворённость трудом. Методологической основой исследования являются: принцип научной обоснованности применяемых методик, учет современных условий труда в сфере интернет-маркетинга, системность и комплексность анализа, этичность и добровольность участия респондентов.

В исследовании приняли участие женщины в возрасте 23-45 лет, работающие дистанционно не менее 1 года. Выборка формировалась по принципу добровольного участия, обеспечивающего соблюдение этических норм проведения психологического исследования. Из проведенного дистанционного опроса 100 женщин SMM-маркетологов нами были выделены аспекты, характеризующие психологические особенности организации труда женщин, и выявлена необходимость их психологического сопровождения.

В анкетировании были предложены вопросы с закрытой и открытой формой ответов. Вопросы анкеты с закрытой формой ответов предполагали наличие альтернативных вариантов ответа, достоинство таких вопросов в том, что их интерпретация однозначна. Также были предложены открытые вопросы, которые в анкете давали возможность респонденту выразить в полном объёме своё мнение по вопросу. Анкетирование проводилось онлайн (дистанционно), посредством Яндекс форм. Разработанная и предложенная нами анкета состояла из двух частей, в первой части были собраны вопросы про общие сведения о респонденте: профессия; стаж работы в сфере SMM-маркетинга; тип занятости; время, уделяемое работе в день и другие. Во второй части анкеты, на основе предложенных вопросов с возможным выбором ответа, были выявлены психологические особенности организации труда в сфере SMM-маркетинга у женщин, а именно:

- степень удовлетворенности работой в дистанционном формате;
- выявление одиночества или недостатка общения, работая удалённо;
- значимость поддержания баланса между личной жизнью и работой;
- эмоции и чувства возникающие при длительном выполнении однотипных задач;
- наличие регулярных периодов творческого кризиса или снижения трудовой мотивация;
- необходимость общения со специалистами-психологами;
- комфорт в общении онлайн с клиентами и коллегами и есть ли ощущения изоляции или недостатка социализации среди коллег;
- предпочтения индивидуальной работы или командной деятельности;
- возникающие сомнения относительно правильности выбранного пути (траектории) развития карьеры;
- получение конструктивной обратной связи о своей профессиональной деятельности;
- значимость наличия корпоративной культуры и атмосферы команды для профессионального роста.

Были заданы вопросы относительно методов управления стрессом, предпочитаемых самими респондентами и применяемых ими непосредственно в рабочих процессах. Исследование было направлено на выявление психологических особенностей дистанционной профессиональной деятельности, включая переживание недостаточной квалификации, связанное с «синдромом самозванца», а также личностные качества, способствующие успешному выполнению трудовых задач. Отдельное внимание уделялось соотношению профессиональной и семейной сфер – возможности уделять время близким, распределению временных ресурсов, сохранению баланса между работой и личной жизнью, а также наличию внутренних противоречий между профессиональными обязанностями, личными интересами и семейной ответственностью. Дополнительно анализировались проявления тревожности и неопределённости, связанные с карьерными перспективами, стабильностью дохода и соответствием профессиональных задач имеющимся компетенциям. Исследовались возможные причины подобного состояния и факторы, способные усилить либо ослабить тревогу относительно будущей карьеры.

Результаты и обсуждения

Далее рассмотрим некоторые аспекты полученных результатов анкетирования.

Из числа опрошенных женщин (100 человек), работающих дистанционно, большинство (41 %) указали профессию SMM специалиста, второй по значениям пункт (33 %) – СММ- маркетологи (на выявление психологических особенностей профессиональной деятельности данной категории и было направлено основное исследование), 13 % среди опрошенных занимают должность проджект-менеджера, 9 % – менеджеры маркетплейсов, 3 % – представители иных профессий и 1% –руководители онлайн школ (рис. 1).

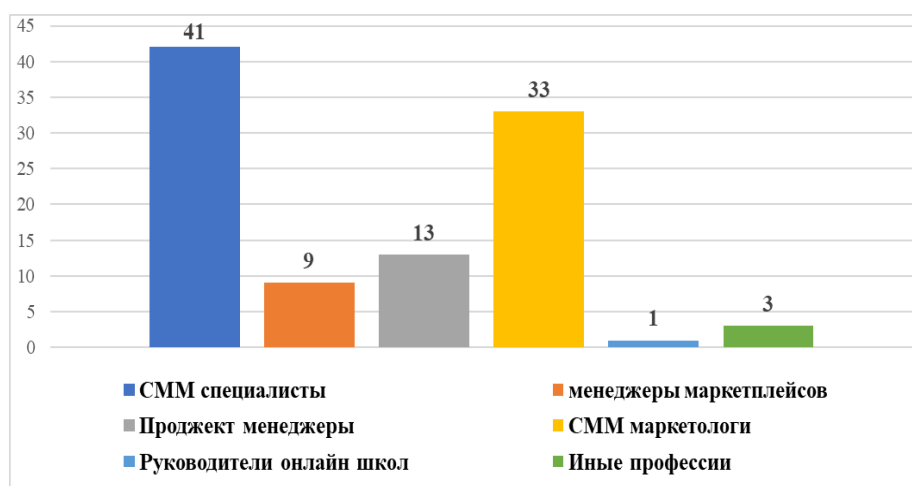

Рис. 1. Профессии опрошенных респондентов, работающих удаленно.

Fig. 1. Professions of the surveyed respondents who work remotely.

Выбор профессии SMM-маркетолога у данных респондентов обусловлен рядом различных факторов: ростом значимости соцсетей в бизнесе, развитием digital-рынка и быстрым внедрением новых инструментов продвижения. Современные потребители проводят значительную часть времени в интернете, и эффективная маркетинговая коммуникация через соцсети стала очень значимой для привлечения клиентов различных компаний. Профессиональные знания и навыки SMM-маркетологов высоко оцениваются работодателями, поскольку грамотная стратегия способна увеличить продажи и укрепить бренд. Порог входа в профессию достаточно низкий, необходимо освоить базовые инструменты, пройдя специализированные курсы или самообучение. Важную роль играет высокий заработок топовых специалистов, привлекающий выбор данного направления профессии. Помимо финансовой мотивации, эта профессия интересна и творческим людям: создание качественного контента, разработка стратегии коммуникаций и прямое общение с аудиторией требуют нестандартного подхода и постоянного творчества. Дополнительным плюсом выступает свобода организации рабочего времени и возможность удаленной работы, позволяющая совмещать трудовую деятельность с путешествиями и свободным стилем жизни.

Детализация ключевых обязанностей SMM-маркетолога позволяет точнее раскрыть содержание и специфику данной профессиональной деятельности: от анализа текущих показателей эффективности (KPI) до разработки стратегий коммуникации с аудиторией. В условиях дистанционной занятости такая многокомпонентность труда особенно актуализирует потребность женщин – SMM-маркетологов в развитии дополнительных профессиональных компетенций, необходимых для эффективного выполнения рабочих задач и устойчивого профессионального функционирования.

Электронная самозанятость (фриланс) представляет собой современную форму профессиональной активности, выходящую за рамки традиционных трудовых отношений. Её отличают гибкость рабочего времени, свобода выбора задач и заказчиков, а также отсутствие привязки к одному работодателю. Развитие фриланса связано с цифровизацией и глобализацией рынка труда и способствует формированию индивидуальных карьерных траекторий, позволяющих специалисту соотносить профессиональную деятельность с личными интересами, ресурсами и жизненными обстоятельствами.

Для большинства женщин, работающих дистанционно, как специалистов в области социального медиа маркетинга (SMM), наиболее предпочтительный вид трудоустройства – самозанятость или удаленный формат, что подтвердили 64 % опрошенных респондентов, 27 % – работают по договору, оффлайн работают 5% среди опрошенных (рис. 2).

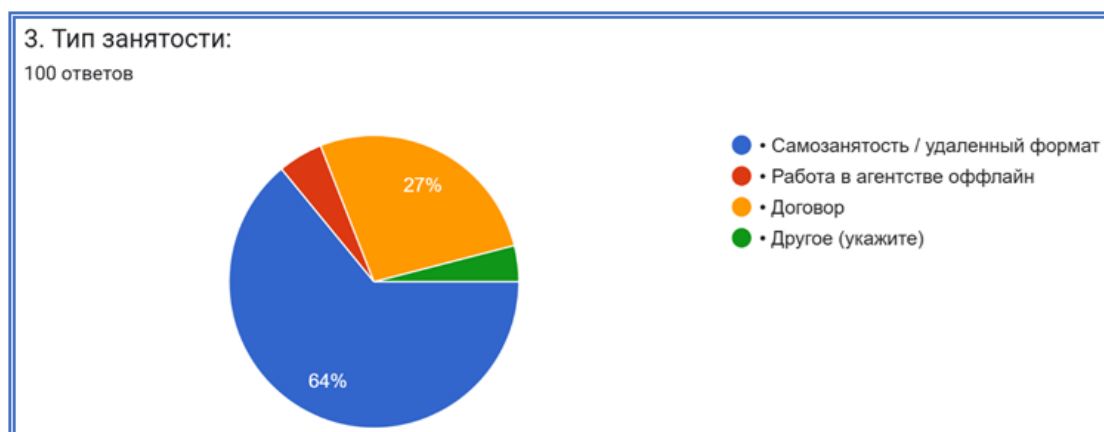

Рис. 2. Тип занятости женщин – СММ-маркетологов.
Fig. 2. Type of employment of women – SMM marketers.

Гибкий формат работы предоставляет женщинам значительные преимущества. Возможность самостоятельно планировать рабочее расписание с учетом своих интересов, отсутствие привязки к конкретному рабочему месту позволяет распределять личные ресурсы и существенно сократить расходы.

Полученные ответы женщин, проходивших анкетирование подтверждают, что большинство из них, работая дистанционно уделяет работе от 4 до 6 часов времени (52 % респондентов) и от 2-4 часов работы в день уделяют 25 % женщин, работающих удаленно в сфере SMM-маркетинга (рис. 3).

Рис. 3. Количество времени, которое уделяют работе женщины СММ-маркетологи.
Fig. 3. The amount of time female SMM marketers devote to work.

Дистанционно работающие специалисты подвержены высокому уровню стрессовых состояний и профессиональному выгоранию. Это в свою очередь приводит к различным психологическим проявлениям внутриличностного конфликта и необходимости использования современных информационно-коммуникационных технологий для дистанционного психологического сопровождения. Данный подход позволяет разрабатывать и применять эффективные методы психологической помощи, доступные независимо от географического положения клиента.

Среди ключевых факторов значимости психологической поддержки субъектов труда выделяются следующие – важность и необходимость профессиональной психологической поддержки выразили 64% опрошенных женщин (рис. 4).

Рис. 4. Необходимость профессиональной психологической поддержки для женщин, работающих в СММ маркетинге.

Fig. 4. The need for professional psychological support for women working in SMM marketing.

Далее изучалось количество проектов, которые специалисты ведут одновременно. Так, 2% женщин отметили, что видут более 6 проектов одновременно, 32% – от 4 до 6 проектов одновременно и до 3 проектов ведут 66 % опрошенных респондентов (рис. 5).

Рис. 5. Количество проектов, которые ведут одновременно СММ-маркетологи.

Fig. 5. The number of projects that SMM marketers are simultaneously running.

При выполнении однотипных задач 35 % опрошенных отмечали усталость и выгорание, отсутствие каких-либо эмоций было выявлено у 40 %, и лишь у 25 % данный вид деятельности вызывает мотивацию и интерес (рис. 6).

Рис. 6. Эмоции и чувства которые возникают чаще всего при длительном выполнении однотипных задач у СММ маркетологов.

Fig. 6. Emotions and feelings that arise most often during long-term performance of the same type of tasks by SMM marketers.

Нарушение разделения сфер рабочей деятельности и личного пространства, ведущее к увеличению рабочего времени, выходящего за оговоренные рамки договора, выявилось у большинства опрошенных специалистов (76 %) и у 12% – выход за рамки рабочего времени происходит довольно часто (рис. 7).

Рис. 7. Нарушение оговоренных временных рамок рабочей деятельности.
Fig. 7. Violation of agreed time frames for work activities.

Такие факторы как увеличение информационной нагрузки из-за необходимости постоянно взаимодействовать с электронными коммуникациями, обработка большого объёма данных, затруднение восстановления ресурсов организма, эмоциональное перенапряжение влияют на повышение уровня стресса у респондентов. Так, 30 % опрошенных применяют физическую активность как метод снятия стресса, 26 % женщин отметили положительный эффект от кофеина или сладкого, есть и те, кто ничего не делает со стрессовым состоянием, их 32 % среди респондентов (рис. 8).

Рис. 8. Предпочтение в методах снятия стресса.
Fig. 8. Preference in stress relief methods.

Стремление поддерживать высокие показатели профессиональной продуктивности создаёт дополнительное давление и увеличивает риск переутомления подтверждается ответами на вопросы анкеты, где 60 % опрошенных респондентов сталкиваются с чувством неуверенности в своих компетенциях, и у 47% бывают периоды творческого кризиса и снижения трудовой мотивации, а у 7% женщин кризис ярко выражен.

Из большинства ответов респондентов можно отметить, что тревожное состояние связано с такими профессиональными аспектами как: высокая ответственность («ответственность за результат», «много проектов»); конкуренция («быстро все меняется», «новые законы», «качество и сроки», «недостаточно финансов»); не владение навыками тайм-менеджмента («могу не успеть», «срочность работы», «сроки выполнения», «дедлайны» и другие); мало опыта («не дам результат», «могу сделать лучше», «отсутствие знаний и навыков»).

Из ответов респондентов на вопросы о степени удовлетворенности дистанционным форматом работы и возможного чувства одиночества или недостатка в общении, работая удалённо, можно сказать, что 64 % женщин практически не испытывают чувство одиночества и недостатка в общении, но 36 % женщин оказались в зоне необходимости психологической поддержки. Что касается степени удовлетворенности работой в удаленном формате, 30 % респондентов выразили полную удовлетворенность и объясняли это крайней важностью поддерживать баланс между личной жизнью и работой (46%). Тем не менее, 43% респондентам сложно поддерживать баланс между личной жизнью и работой, а 11% выбрали траекторию выстраивания успешной карьеры (рис. 9).

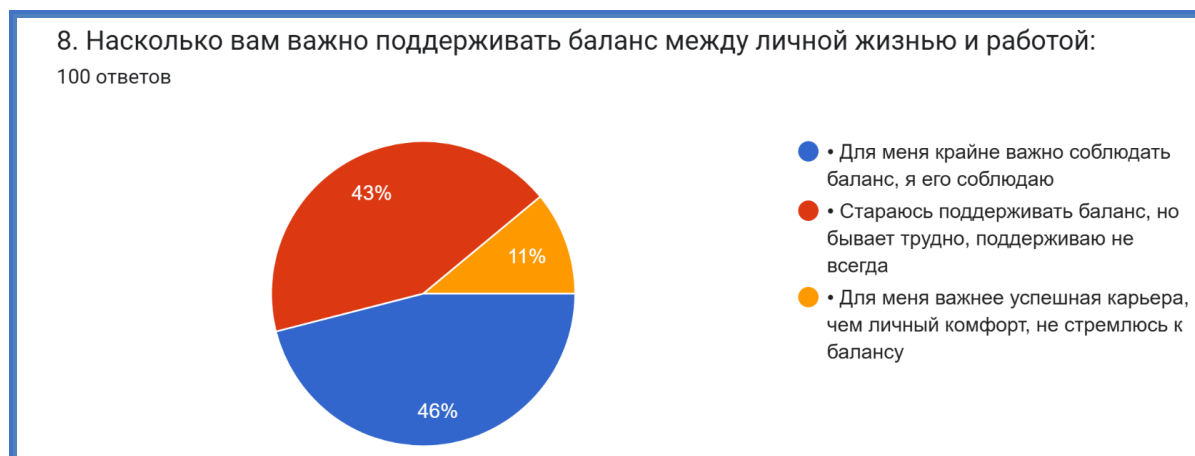

Рис. 9. Значимость баланса между личной жизнью и дистанционной работой.

Fig. 9. The importance of balance between personal life and remote work.

Можно отметить, что у респондентов также были выявлены проблемы с тайм-менеджментом и переключением между «рабочим» и «домашним» режимами жизни. В исследовании «Стратегии баланса работа-жизнь и благополучие персонала Академии мозга (Руангуру): тематический анализ оптимизации равновесия», Й. Йети отмечает эффективность мер, направленных на психологическое благополучие сотрудников, предпринимаемых компаниями. Среди ключевых организационных мер были выделены регулярные виртуальные сессии командного взаимодействия, предоставление дистанционной психологической поддержки и внедрение гибкого графика работы. Реализация данных инициатив способствовала укреплению командной сплочённости, развитию корпоративной идентичности и повышению психологического благополучия сотрудников [16]. Данные мероприятия должны быть направлены на формирование навыков эффективного тайм-менеджмента, рациональное распределение профессиональных задач и создание комфортной рабочей среды, снижающей влияние неблагоприятных внешних факторов. Их внедрение позволит минимизировать негативные последствия дистанционной занятости и повысить удовлетворённость работников профессиональной деятельностью [15]. Для снижения профессионального истощения А.В. Морозов выделяет ряд рекомендаций, направленных на развитие у сотрудников навыков эффективного тайм-менеджмента, рационального распределения рабочей нагрузки, переключения внимания, а также повышения стрессоустойчивости и эмоциональной гибкости [7].

Анализ результатов анкетирования позволил выявить значимые психологические особенности профессиональной деятельности женщин, работающих дистанционно в сфере SMM-маркетинга. Выбор данной профессии обусловлен ростом роли социальных сетей в бизнес-коммуникации, относительной доступностью входа в профессию, невысокими требованиями к первоначальной подготовке и возможностью получения высокого дохода при достижении профессиональной квалификации. Вместе с тем данная группа специалистов сталкивается с рядом психологических рисков, среди которых наиболее значимыми выступают хроническое стрессовое напряжение, переутомление и переживание недостаточной профессиональной компетентности, проявляющееся в феномене «синдрома самозванца».

Исследование показало, что для значительной части женщин, работающих дистанционно в сфере SMM-маркетинга, характерны трудности поддержания баланса между профессиональной и личной жизнью, переживание социальной изолированности, а также потребность в комфортной организации рабочего пространства, развитии навыков саморегуляции, повышении квалификации и получении психологической поддержки.

Выявленные признаки профессионального выгорания и повышенной тревожности обосновывают необходимость внедрения программ психологического сопровождения, направленных на профилактику профессиональных деформаций, снижение внутриличностной конфликтности и повышение эффективности профессиональной деятельности. В связи с этим дальнейшее изучение психологического сопровождения женщин – SMM-маркетологов сохраняет высокую научную и практическую значимость.

Список источников

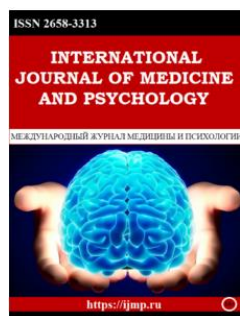
1. Апкаева С.А., Побоккин П.А. Взаимосвязь феномена внутриличностного гендерного ролевого конфликта и личностных особенностей у современных женщин // Психическое здоровье. 2022. Т. 17. № 7. С. 54 – 60.
2. Евдокимова В.В., Наумлюк А.Г. Внутриличностный конфликт, генезис и последствия // XII Международная студенческая научная конференция Студенческий научный форум. 2020. С. 125 – 129.
3. Жалагина Т.А. Психолого-социальное сопровождение управления трудовым процессом – залог успешности профессиональной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 185 – 200.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2006. 240 с.
5. Иванова Е.М. Субъектно-деятельностная концепция профессионального труда Е.А. Климова и ее научно-практическая ценность // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2010. № 2. С. 15 – 22.
6. Климов Е.А. Конфликтующие реальности в работе с людьми (психологический аспект). М.; Воронеж, 2006. 208 с.
7. Морозов А.В. Психологическое сопровождение работников в условиях удалённого режима труда // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 1 (45). С. 188 – 195.
8. Профстандарт. 06.043. Специалист по интернет-маркетингу. Справочник кодов общероссийских классификаторов // КлассИнформ. Электронный ресурс. URL: <https://classinform.ru/> (дата обращения 23.04.25)
9. Психология сегодня: теория, образование и практика / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, А.В. Карпова. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2009. 688 с.
10. Толочек В.А. Профессиональное становление субъекта: способности и профессионально важные качества, компетенции и компетентность // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 3 – 30.
11. Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47593> (дата обращения: 20.05.2025)
12. Центр трудовых исследований. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Электронный ресурс. URL: <https://clms.hse.ru/> (дата обращения: 22.05.2025)
13. Экономисты Высшей школы экономики описали портрет российского удаленщика и платформенного сотрудника. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. Электронный ресурс. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/1013986682.html> (дата обращения: 07.06.2025)
14. Patil M.R., Kumawat M.A. Work life balance: a study of physical & mental well being of employees in the banking sector. URL: https://www.researchgate.net/publication/378242031_worklife_balance_a_study_of_physical_mental_wellbeing_of_employees_in_the_banking_sector (дата обращения: 07.06.2025)
15. Singh, Bhupinder & Kaunert, Christian & Vig, Komal. (2024). Harmonizing Productivity of Employees via Work-Life Balance in Remote Working: Projecting Sound Sleep, Health, and Well-Being for Boosting Organizational Performance. URL: https://www.researchgate.net/publication/379951318_Harmonizing_Productivity_of_Employees_via_WorkLife_Balance_in_Remote_Working_Projecting_Sound_Sleep_Health_and_Well-Being_for_Boosting_Organizational_Performance (дата обращения: 17.07.2025)
16. Yeti Y. Optimizing WorkLife Equilibrium: A Case Study of WorkLife Balance Strategies and Employee WellBeing at Brain Academy (Ruangguru). Management Studies and Business Journal (PRODUCTIVITY). 2024. Vol. 1. № 2. P. 198 – 210. URL – <https://ppipbr.com/index.php/productivity/article/view/110> (дата обращения: 07.06.2025)

References

1. Apkaeva S.A., Pobokin P.A. The Relationship between the Phenomenon of Intrapersonal Gender Role Conflict and Personality Traits in Modern Women. *Mental Health*. 2022. Vol. 17. No. 7. P. 54 – 60.
2. Evdokimova V.V., Naumlyuk A.G. Intrapersonal Conflict, Genesis and Consequences. XII International Student Scientific Conference Student Scientific Forum. 2020. P. 125 – 129.
3. Zhalagina T.A. Psychological and Social Support of Labor Process Management – the Key to Successful Professional Activity. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. *Organizational Psychology and Labor Psychology*. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 185 – 200.
4. Zeer E.F. *Psychology of Professional Development*. Moscow: Academy, 2006. 240 p.
5. Ivanova E.M. Subject-activity concept of professional work of E.A. Klimova and its scientific and practical value. *Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology*. 2010. No. 2. P. 15 – 22.
6. Klimov E.A. *Conflicting realities in working with people (psychological aspect)*. Moscow; Voronezh, 2006. 208 p.
7. Morozov A.V. Psychological support of employees in remote work conditions. *Human factor: Social psychologist*. 2023. No. 1 (45). P. 188 – 195.
8. Professional standard. 06.043. Internet Marketing Specialist. Handbook of All-Russian Classifier Codes. ClassInform. Electronic resource. URL: <https://classinform.ru/> (date of access: 23.04.25)
9. *Psychology Today: Theory, Education, and Practice*. Ed. by A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, A.V. Karpov. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2009. 688 p.
10. Tolochek V.A. Professional Development of the Subject: Abilities and Professionally Important Qualities, Competencies, and Expertise. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. *Organizational Psychology and Labor Psychology*. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 3 – 30.
11. Decree of the President of the Russian Federation of March 2, 2022, No. 83 "On Measures to Ensure Accelerated Development of the Information Technology Industry in the Russian Federation." Electronic resource. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47593> (date of access: 20.05.2025).
12. Center for Labor Market Studies. National Research University Higher School of Economics. Electronic resource. URL: <https://clms.hse.ru/> (date of access: 22.05.2025)
13. Economists from the Higher School of Economics describe the profile of a Russian remote worker and platform employee. National Research University Higher School of Economics. Electronic resource. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/1013986682.html> (date of access: 07.06.2025)
14. Patil M. R., Kumawat M. A. Work life balance: a study of physical & mental well being of employees in the banking sector. URL: https://www.researchgate.net/publication/378242031_worklife_balance_a_study_of_physical_mental_wellbeing_of_employees_in_the_banking_sector (date of access: 07.06.2025)
15. Singh, Bhupinder & Kaunert, Christian & Vig, Komal. (2024). Harmonizing Productivity of Employees via Work-Life Balance in Remote Working: Projecting Sound Sleep, Health, and Well-Being for Boosting Organizational Performance. URL: https://www.researchgate.net/publication/379951318_Harmonizing_Productivity_of_Employees_via_WorkLife_Balance_in_Remote_Working_Projecting_Sound_Sleep_Health_and_Well-Being_for_Boosting_Organizational_Performance (date of access: 17.07.2025)
16. Yeti Y. Optimizing WorkLife Equilibrium: A Case Study of WorkLife Balance Strategies and Employee Well-Being at Brain Academy (Ruangguru). *Management Studies and Business Journal (PRODUCTIVITY)*. 2024. Vol. 1. No. 2. P. 198 – 210. URL – <https://ppipbr.com/index.php/productivity/article/view/110> (date of access: 07.06.2025)

Информация об авторе

Ковалева Д.П., педагог-психолог, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-8606-5954>, Тверской государственный университет, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, dina.kovalevaizperu@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9:37.015.3

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-252-255

¹ Лукашенко Д.В.,

¹ Научно-исследовательский институт ФСИИ России

Психологические механизмы адаптации обучающихся к цифровым образовательным средам: анализ мотивационно-эмоциональной регуляции и условия педагогической поддержки

Аннотация: исследование направлено на выявление психологических механизмов адаптации обучающихся разных возрастных групп к цифровым образовательным средам в постпандемийный период. Задачи включали оценку прямого и опосредованного влияния уровня цифровизации на удовлетворенность жизнью, определение медиаторной роли интереса к обучению и тревожности, а также формулирование подходов к психодиагностике и педагогической поддержке.

Теоретическая база опирается на деятельностный подход, модель принятия технологий (ТАМ) и концепцию потока. Эмпирическая часть объединяет вторичный анализ данных PISA 2022, результаты опросов более 500 российских обучающихся (2023-2025 гг.) и статистическое моделирование (регрессионный анализ, SEM, медиационный анализ). Результаты подтверждают значимое прямое положительное влияние цифровизации на удовлетворенность жизнью ($\beta = 0.032$, $p < 0.001$) с цепным медиационным эффектом через интерес и снижение тревожности ($\beta = 0.009$, $p < 0.001$). Выявлены отчетливые возрастные и гендерные различия.

Практическое значение заключается в обосновании регулярной психодиагностики адаптивности, разработке программ цифровой компетентности и эмоциональной саморегуляции. Полученные выводы способствуют формированию ЦОС, ориентированных на сохранение психологического благополучия наряду с передачей знаний.

Ключевые слова: педагогическая психология, цифровая образовательная среда, адаптация обучающихся, психодиагностика, мотивация, тревожность

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Психологические механизмы адаптации обучающихся к цифровым образовательным средам: анализ мотивационно-эмоциональной регуляции и условия педагогической поддержки // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 252 – 255. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-252-255

Поступила в редакцию: 26 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Lukashenko D.V.,**

¹ *Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*

Psychological mechanisms of students' adaptation to digital educational environments: analysis of motivational and emotional regulation and conditions of pedagogical support

Abstract: the study aims to identify the psychological mechanisms of adaptation of students of different age groups to digital educational environments in the post-pandemic period. The objectives included assessing the direct and mediated impact of the level of digitalization on life satisfaction, determining the mediating role of interest in learning and anxiety, and formulating approaches to psychodiagnostics and pedagogical support.

The theoretical framework relies on activity theory, the Technology Acceptance Model (TAM), and flow theory. The empirical part combines secondary analysis of PISA 2022 data, results of surveys of more than 500 Russian students (2023-2025), and statistical modeling (regression analysis, SEM, mediation analysis). The results confirm a significant direct positive effect of digitalization on life satisfaction ($\beta = 0.032$, $p < 0.001$) with a chain mediating effect through interest and reduced anxiety ($\beta = 0.009$, $p < 0.001$). Distinct age and gender differences were identified.

The practical value lies in substantiating regular psychodiagnostic screening of adaptability, developing programs for digital competence and emotional self-regulation. The findings contribute to the formation of digital educational environments focused on maintaining psychological well-being along with knowledge transfer.

Keywords: pedagogical psychology, digital educational environment, student adaptation, psychodiagnostics, motivation, anxiety

For citation: Lukashenko D.V. Psychological mechanisms of students' adaptation to digital educational environments: analysis of motivational and emotional regulation and conditions of pedagogical support. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 252 – 255. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-252-255

The article was submitted: February 26, 2026; Approved after reviewing: April 23, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В современном образовательном пространстве цифровизация глубоко затрагивает психологическую структуру учебной деятельности. Переход к цифровым образовательным средам (ЦОС), резко ускорившийся в 2020-2022 годах, раскрыл противоречивые эффекты: расширение доступа к ресурсам и возможности персонализации сочетаются с рисками перегрузки, тревожности и ослабления мотивации. Данные крупных международных исследований, в частности PISA 2022, фиксируют положительную связь уровня цифровизации с показателями удовлетворенности жизнью, при этом механизмы такого влияния опосредуются интересом к обучению и динамикой тревожности [1].

Развитие цифровых технологий создает условия для индивидуализации траекторий обучения, однако одновременно усиливает проблемы информационной перегрузки и нарушения социальных связей. В рамках педагогической психологии требуется системное раскрытие этих процессов с опорой на эмпирические данные и разработку обоснованных моделей поддержки [2, 3].

Цифровая трансформация образования выдвинула перед педагогической психологией задачу глубокого понимания взаимодействия технологий с мотивационно-эмоциональной сферой. Если до пандемии цифровизация преимущественно оценивалась через призму доступности ресурсов, то после 2022 года на первый план вышли долгосрочные психологические последствия. Международные данные указывают на неоднозначность эффектов: позитивные возможности соседствуют с ростом рисков эмоционального истощения и снижения вовлеченности [2, 4].

Особую актуальность приобретает анализ медирующих факторов. Интерес к обучению способен усиливать благоприятные влияния, тогда как устойчивая тревожность – ослаблять их. Настоящая работа прослеживает эти взаимосвязи на основе доступных эмпирических массивов и предлагает направления педагогической поддержки [1, 5].

Материалы и методы исследований

Исследование сочетало теоретический обзор и эмпирический анализ. Теоретическая часть опиралась на положения Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития в опосредованной среде, идеи А.Н. Леонтьева о

структуре деятельности, а также зарубежные модели – ТАМ Ф. Дэвиса и концепцию потока М. Чиксентмихайи [6].

Эмпирическая составляющая включала:

- Вторичный анализ показателей PISA 2022, относящихся к индексам цифровизации, интереса к обучению, тревожности и удовлетворенности жизнью [1, 2].
- Собственный опрос 520 обучающихся (возраст 13-22 года, школьники 7-11 классов и студенты 1-3 курсов вузов, 2023-2025 гг.). Инструментарий: Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS), опросник академической мотивации (AMS), шкала тревожности Спилбергера, авторская анкета адаптации к ЦОС ($\alpha = 0,87$) [7].
- Статистическую обработку: множественную регрессию, структурное уравнительное моделирование (SEM), медиационный анализ с bootstrapping.

Этические требования (информированное согласие, анонимность) соблюдались на всех этапах [8].

Результаты и обсуждения

Анализ данных подтвердил значимое прямое положительное влияние уровня образовательной цифровизации на удовлетворенность жизнью: $\beta = 0.032$, $t = 23.067$, $p < 0.001$. «Интерес к обучению выступает важным медиатором ($\beta = 0.012$, $p < 0.001$), а цепной эффект цифровизация $\rightarrow$ интерес $\rightarrow$ снижение тревожности $\rightarrow$ удовлетворенность жизнью статистически значим ($\beta = 0.009$, $t = 17.048$, $p < 0.001$)» [1].

В российской выборке около 68 % участников отметили повышение мотивации при использовании интерактивных платформ. В то же время 42 % старшеклассников указали на рост тревожности вследствие информационной перегрузки и постоянного онлайн-присутствия. Пассивное экранное время для досуга отрицательно коррелировало с адаптивностью ($r = -0,45$, $p < 0,01$) [7].

Возрастные различия проявились четко. У подростков 13-15 лет эффект цифровизации на мотивацию был выражен сильнее благодаря новизне и gamification-элементам. У старших обучающихся положительное влияние ослаблялось академическим стрессом. Гендерные особенности касались большей чувствительности девушек к социальному сравнению в цифровой среде, что усиливало тревожность [1, 4].

Полученные результаты согласуются с выводами Fang и Mo (2026): «When students develop a strong interest in digital technology, they enter a positive emotional state... This high level of immersion effectively blocks excessive focus and rumination on learning stressors» [1].

Взаимосвязи носят системный характер. Мотивационная сфера влияет на эмоциональную регуляцию, которая, в свою очередь, определяет когнитивную вовлеченность.

Отсутствие целенаправленной поддержки повышает риски, особенно при неконтролируемом росте экранного времени. Практически это требует регулярного мониторинга (не реже двух раз в год) и внедрения программ, объединяющих развитие цифровых навыков с тренингами саморегуляции [3, 5, 9].

Выводы

Уровень цифровизации образовательной среды преимущественно позитивно сказывается на психологическом благополучии обучающихся при условии сформированной цифровой грамотности и сбалансированного применения технологий. Ключевыми механизмами выступают интерес к обучению и снижение тревожности, формирующие цепной медиационный путь [1].

Возрастные и индивидуальные различия обуславливают необходимость персонализированных подходов в диагностике и поддержке.

Целесообразно развивать отечественные инструменты мониторинга адаптации и готовить педагогов к психологическому сопровождению в цифровой среде.

Перспективным направлением дальнейших исследований является лонгитюдное изучение влияния генеративного искусственного интеллекта на мотивацию и когнитивное развитие [2, 10].

Список источников

1. Fang X., Mo Z. The impact of educational digitalization on life satisfaction: an empirical analysis based on PISA 2022 // *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Art. 1740535. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1740535 (дата обращения: 13.02.2026)
2. OECD. PISA 2022 Results (Volume I): The State of Learning and Equity in Education. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI: 10.1787/53f23881-en
3. OECD. PISA 2022 Results (Volume V): Learning in the Digital World. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/c2e44201-en

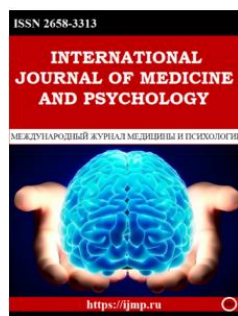
4. Berger W. Students' Well-Being in Digital Learning Environments // Education Sciences. 2025. Vol. 15. No. 8. Art. 1034. DOI: 10.3390/educsci15081034
5. Arruda E. P. Education Practices Mediated by Digital Technologies // Education Sciences. 2024. Vol. 14. No. 8. Art. 838. DOI: 10.3390/educsci14080838
6. Мезенцева Ю.С. Исследование влияния использования цифровой образовательной среды на мотивацию и интерес учащихся к изучению математики и физики // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 1. С. 165 – 174. DOI: 10.34670/AR.2023.11.32.022
7. Li J. Students' subjective well-being, school bullying, and digital learning // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. DOI: 10.1057/s41599-024-04340-3
8. Imran M. Digital learning transformation: A study of teachers' post-pandemic experiences // Social Sciences & Humanities Open. 2025. DOI: 10.1016/j.ssaho.2024.101234
9. Norabuena-Figueroa R. P. Digital Teaching Practices and Student Academic Stress in the Era of Digitalization in Higher Education // Applied Sciences. 2025. Vol. 15. No. 3. Art. 1487. DOI: 10.3390/app15031487
10. Deng Z. Exploring the impact of online education on student engagement in the post-pandemic era // Frontiers in Psychology. 2025. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1574886
11. Tong B. Subjective well-being and educational performance in PISA // International Journal of Educational Research Open. 2025. DOI: 10.1016/j.ijedro.2025.100214
12. Makhmetov A. A person-centered analysis of student well-being and academic achievement using PISA 2022 data from Kazakhstan // Discover Education. 2026. DOI: 10.1007/s44217-026-01119-3

References

1. Fang X., Mo Z. The impact of educational digitalization on life satisfaction: an empirical analysis based on PISA 2022. Frontiers in Psychology. 2026. Vol. 17. Art. 1740535. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1740535 (date of access: 13.02.2026)
2. OECD. PISA 2022 Results (Volume I): The State of Learning and Equity in Education. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI: 10.1787/53f23881-en.
3. OECD. PISA 2022 Results (Volume V): Learning in the Digital World. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/c2e44201-en.
4. Berger W. Students' Well-Being in Digital Learning Environments. Education Sciences. 2025. Vol. 15. No. 8. Art. 1034. DOI: 10.3390/educsci15081034
5. Arruda E. P. Education Practices Mediated by Digital Technologies. Education Sciences. 2024. Vol. 14. No. 8. Art. 838. DOI: 10.3390/educsci14080838
6. Mezentseva Yu.S. A Study of the Impact of Using a Digital Educational Environment on Students' Motivation and Interest in Studying Mathematics and Physics. Psychology. Historical and Critical Reviews and Current Research. 2023. Vol. 12. No. 1. P. 165 – 174. DOI: 10.34670/AR.2023.11.32.022
7. Li J. Students' subjective well-being, school bullying, and digital learning. Humanities and Social Sciences Communications. 2025. DOI: 10.1057/s41599-024-04340-3
8. Imran M. Digital learning transformation: A study of teachers' post-pandemic experiences. Social Sciences & Humanities Open. 2025. DOI: 10.1016/j.ssaho.2024.101234
9. Norabuena-Figueroa R.P. Digital Teaching Practices and Student Academic Stress in the Era of Digitalization in Higher Education. Applied Sciences. 2025. Vol. 15.No. 3. Art. 1487. DOI: 10.3390/app15031487
10. Deng Z. Exploring the impact of online education on student engagement in the post-pandemic era. Frontiers in Psychology. 2025. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1574886
11. Tong B. Subjective well-being and educational performance in PISA. International Journal of Educational Research Open. 2025. DOI: 10.1016/j.ijedro.2025.100214
12. Makhmetov A. A person-centered analysis of student well-being and academic achievement using PISA 2022 data from Kazakhstan. Discover Education. 2026. DOI: 10.1007/s44217-026-01119-3

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России, dim-mail-ru@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-256-261

¹ Якиманская И.С.,

¹ Оренбургский государственный медицинский университет Минздрава России

Динамика эмоционального восприятия ребенка первородящими женщинами в связи со стилем переживания беременности

Аннотация: в статье представлены результаты пилотного лонгитюдного исследования эмоционального восприятия ребёнка у 30 первородящих женщин (20-25 лет) на 20-23 и 30-35 неделях беременности. С помощью рисуночного теста «Я и мой ребёнок» и личностного дифференциала (факторы Оценка, Сила, Активность) описаны качественные тенденции изменений в зависимости от стиля переживания беременности (по Г.Г. Филипповой). Однако статистический анализ с применением Т-критерия Вилкоксона не выявил значимых различий между триместрами ($p > 0,05$ по всем факторам). Таким образом, гипотеза о статистически значимой динамике на текущей выборке не подтвердилась. Все описанные тенденции носят сугубо предварительный, описательный характер и не могут быть распространены на генеральную совокупность. Для получения статистически обоснованных выводов требуется увеличение выборки (расчётная мощность $n \geq 100$). В статье подробно обсуждаются ограничения исследования, этические аспекты и даются рекомендации для будущих работ, включая обязательное использование стандартизированных шкал (например, STAI, EPDS). Результаты не могут служить основанием для практических рекомендаций.

Ключевые слова: беременность, стиль переживания беременности, эмоциональное восприятие ребёнка, первородящие женщины, динамика, Т-критерий Вилкоксона, ограничения исследования, пилотное исследование

Для цитирования: Якиманская И.С. Динамика эмоционального восприятия ребенка первородящими женщинами в связи со стилем переживания беременности // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 256 – 261. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-256-261

Поступила в редакцию: 18 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Yakimanskaya I.S.,

¹ Orenburg State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation

Dynamics of emotional perception of the child in first-time mothers in connection with pregnancy experience style

Abstract: this article presents the results of a pilot longitudinal study of the emotional perception of the child in 30 first-time mothers (20-25 years old) at 20-23 and 30-35 weeks of pregnancy. Using the "Me and My Child" picture test and a personality differential (factors: Evaluation, Strength, and Activity), qualitative trends in changes depending on pregnancy experience style (according to G.G. Filippova) are described. However, statistical analysis using the Wilcoxon t-test revealed no significant differences between trimesters ($p > 0.05$ for all factors). Therefore, the hypothesis of statistically significant changes in the current sample was not confirmed. All described trends are purely preliminary and descriptive in nature and cannot be generalized to the general population. To obtain statistically valid conclusions, a larger sample is required (estimated power $n \geq 100$). The article thoroughly discusses the

limitations of the study, ethical aspects, and provides recommendations for future work, including the mandatory use of standardized scales (e.g., STAI, EPDS). The results cannot be used as a basis for practical recommendations.

Keywords: pregnancy, pregnancy style, child emotional perception, primiparous women, dynamics, Wilcoxon t-test, study limitations, pilot study

For citation: Yakimanskaya I.S. Dynamics of emotional perception of the child in first-time mothers in connection with pregnancy experience style. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 256 – 261. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-256-261

The article was submitted: February 18, 2026; Approved after reviewing: April 15, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Изучение психологии материнства остаётся одной из малоразработанных, но крайне востребованных областей отечественной науки. Актуальность психологического анализа материнства продиктована демографическими проблемами, ростом числа распадающихся семей, увеличением количества детей-сирот при живых родителях и случаями жестокого обращения с детьми на фоне недостаточной разработанности программ психологической помощи семье, особенно женщине [1; 2; 3].

Материнство рассматривается не только как биологическая предпосылка, но и как социальная женская роль, содержание и проявление которой определяются общественными нормами и ценностями. В этой связи особое значение приобретает целостное представление о материнстве, его структуре, содержании и онтогенетическом развитии. На сегодняшний день отсутствует детальный анализ стадий индивидуального развития материнства, что затрудняет дифференцированную диагностику нарушений материнской сферы и разработку методов их коррекции и профилактики [4; 5; 6; 7].

Девиантное материнство, включающее не только открытый отказ от ребёнка, но и различные формы нарушения материнско-детских отношений, становится одной из наиболее острых областей психологических исследований. В связи с этим большое значение приобретает изучение факторов, влияющих на формирование эмоционального отношения матери к ребёнку уже на этапе беременности [8; 9; 10].

Цель исследования – изучение особенностей и динамики восприятия женщиной своего ребёнка в период беременности в связи со стилем переживания беременности.

Предмет – динамика эмоционального восприятия матерью своего ребёнка на втором и третьем триместрах.

Объект – эмоциональное восприятие матерью своего ребёнка.

Для анализа использована классификация стилей переживания беременности Г.Г. Филипповой: адекватный, эйфорический, амбивалентный, отвергающий и тревожный [11].

Гипотеза исследования заключалась в предположении о существовании статистически значимых различий в эмоциональном восприятии матерью своего ребёнка на разных триместрах беременности, которые имеют определённые особенности в зависимости от стиля переживания беременности.

Материалы и методы исследований

Выборка. Экспериментальную группу составили 30 первородящих беременных женщин в возрасте 20–25 лет (средний возраст $22,4 \pm 1,5$ года), наблюдавшихся в женской консультации. Выбор первородящих позволил минимизировать влияние предыдущего опыта материнства. 98% женщин состояли в зарегистрированном или незарегистрированном браке. Уровень образования: 70% – высшее (незаконченное высшее), 30% – среднее профессиональное. Материальное положение – среднее (по самоотчёту). Критерии исключения: тяжёлые соматические или психические заболевания, многоплодная беременность, возраст до 18 лет.

Дизайн. Обследование проводилось дважды: на втором (20-23 недели) и третьем (30-35 недель) триместрах.

Методики:

1. Анкета для выявления стиля переживания беременности (на основе критериев Г.Г. Филипповой): 8 вопросов (7 закрытых, 1 открытый).

2. Рисуночный тест «Я и мой ребёнок» с контент-анализом по шести категориям (степень заполнения листа, качество линий, детализация, штриховка, изображения фигур, цвет). Интерпретация по Р. Бэнсу, С. Кауфману, С.Р. Рейнольдсу, Г. Хоментаскусу.

3. Личностный дифференциал (ЛД) для оценки понятия «МОЙ РЕБЁНОК» по факторам: Оценка (принятие), Сила (ответственность/уверенность), Активность (вовлечённость). Классы значений: высокие (60–68), средние (51–59), низкие (43–50).

Контроль смешивающих переменных. Анализировались уровень образования, семейное положение, материальное положение (по самоотчёту). Статистически значимых различий между группами по этим переменным не выявлено (критерий χ^2 , $p > 0,05$), что позволяет рассматривать стиль переживания беременности как независимый фактор.

Этические аспекты. Получено одобрение статьи бюро Локального этического комитета ФГБОУ Оренбургского государственного медицинского университета Минздрава России. Все участницы подписали информированное согласие, гарантирована анонимность и право отказа на любом этапе исследования.

Статистика. Первичный анализ (средние, мода, размах). Для сопоставления показателей на разных триместрах использован непараметрический Т-критерий Вилкоксона (уровень значимости $p \leq 0,05$). Обработка выполнена в SPSS 26.0.

Результаты и обсуждения

1. Распределение стилей переживания беременности:

- Адекватный стиль – 27% (8 чел.)
- Эйфорический – 21% (6 чел.)
- Амбивалентный – 21% (6 чел.)
- Отвергающий – 14% (4 чел.)
- Тревожный – 17% (5 чел.)

80% женщин оценили беременность как ожидаемую и желанную, 20% – как незапланированную.

2. Качественный анализ динамики по рисуночному тесту.

В связи с отсутствием статистически значимых различий, ниже приведены лишь описательные тенденции, замеченные на качественном уровне. Наиболее заметные изменения наблюдались в группах с адекватным и эйфорическим стилями. В группе с адекватным стилем на третьем триместре увеличилось число рисунков с заполнением всего листа, изображения смещались вверх, снизилась штриховка, во всех рисунках присутствовали мать и ребёнок без барьеров. В группе с эйфорическим стилем отмечено увеличение адекватной детализации, исчезли изображения только ребёнка, усилилось использование красного цвета, отсутствовали барьеры. В группах с амбивалентным и тревожным стилями выраженных качественных изменений не зафиксировано. В группе с отвергающим стилем к третьему триместру исчезли барьеры между матерью и ребёнком, изображения сместились в левую часть листа. Подчеркнём, что все перечисленные наблюдения не получили статистического подтверждения.

3. Качественный анализ динамики по личностному дифференциалу.

Второй триместр:

- Адекватный стиль: баланс средних значений ($O=55,87$; $A=54$; $C=56,75$).
- Эйфорический: преобладание высоких значений по Оценке (66,7%) при средних по Активности и Силе.

- Амбивалентный: по 50% средних и низких значений по Оценке.

- Отвергающий: 100% низких значений по Оценке, средние по Активности.

- Тревожный: 100% высоких значений по Активности при средних по Оценке и Силе.

Третий триместр (описательные тенденции):

- Адекватный: снижение доли высоких значений, появление низких по Оценке и Силе.

- Эйфорический: снижение доли высоких значений по Оценке и Силе, появление низких по Оценке.

- Амбивалентный: исчезновение низких значений по всем факторам, рост высоких по Оценке и Активности.

- Отвергающий: снижение доли низких значений, увеличение доли средних по Оценке и Силе.

- Тревожный: снижение доли высоких значений по Активности, отсутствие низких по Оценке.

4. Статистическая проверка гипотезы.

Применение Т-критерия Вилкоксона не выявило статистически значимых различий между вторым и третьим триместрами ни по одному из факторов личностного дифференциала ($p > 0,05$ для всех сравнений). Таким образом, гипотеза о статистически значимой динамике эмоционального восприятия ребёнка на данной выборке ($n=30$) не подтвердилась.

Описанные выше качественные изменения носят характер предварительных наблюдений и могут быть обусловлены случайной вариацией. Согласно post-hoc power analysis, для обнаружения статистически значимых эффектов при сохраняющемся размере эффекта необходим объем выборки не менее 100 участниц.

Ввиду отсутствия статистически значимых различий ($p > 0,05$), все полученные данные интерпретируются исключительно как предварительные и не могут быть генерализованы. Любые формулировки о «выявленных изменениях» в данной статье относятся лишь к описательным тенденциям на уровне качественного анализа и не подтверждены статистически.

На качественном уровне можно отметить следующие наблюдения: в группах с изначально проблемными стилями (эйфорический, амбивалентный, отвергающий, тревожный) к третьему триместру намечаются позитивные сдвиги (тенденция к стабилизации отношения, снижению неадекватно завышенной оценки, некоторое повышение принятия). В группе с адекватным стилем фиксируется тенденция к снижению позитивных оценок, что может, предположительно, отражать рост тревоги перед родами. Однако все эти соображения носят гипотетический характер и требуют проверки на значительно большей выборке с применением валидизированных количественных методик.

Ограничения исследования:

1. Малый объем выборки ($n=30$) и её гомогенность (возраст 20–25 лет, 98% в браке) критически ограничивают возможность распространения выводов.
2. Отсутствие статистически значимых различий ($p > 0,05$) означает, что все выводы о динамике носят исключительно качественный, описательный характер.
3. Не использовались стандартизированные шкалы тревоги и депрессии (например, STAI, EPDS), что снижает возможность контроля эмоционального состояния.
4. Отсутствует послеродовое наблюдение, что не позволяет судить об устойчивости описанных тенденций.
5. Существует риск ошибки II типа (ложноотрицательный результат) из-за малой мощности исследования.

Важное предупреждение: В текущем виде результаты исследования являются сугубо предварительными и не могут служить основанием для каких-либо практических рекомендаций в области консультирования, диагностики или психологических вмешательств. Их применение в практической работе до проведения повторных исследований на расширенной выборке с использованием стандартизированных шкал недопустимо.

Выводы

1. Статистически значимой динамики эмоционального восприятия ребёнка между вторым и третьим триместрами беременности на выборке из 30 первородящих женщин не выявлено (Т-критерий Вилкоксона, $p > 0,05$). Гипотеза исследования не подтвердилась.
2. На качественном, описательном уровне зафиксированы некоторые тенденции в рисуночном тесте и распределении классов личностного дифференциала, однако все они не получили статистического подтверждения и требуют проверки на большей выборке (расчётный минимум – 100 участниц).
3. Базовые типологические различия между стилями переживания беременности, описанные в теоретической модели Г.Г. Филипповой, сохраняются на протяжении беременности, что согласуется с концепцией, однако на данном объёме данных это наблюдение носит иллюстративный характер.
4. Настоящее исследование представляет собой пилотный этап, результаты которого не могут быть использованы в практической работе без дополнительных исследований с увеличенной выборкой и валидизированными количественными методиками.

Рекомендации для будущих исследований:

- Увеличение выборки до 100 и более участниц для достижения необходимой статистической мощности.
- Включение женщин разных возрастов, семейного положения и уровней образования для повышения репрезентативности.
- Обязательное добавление стандартизированных шкал тревоги (STAI) и депрессии (EPDS).
- Проведение послеродового лонгитюдного наблюдения (через 3, 6, 12 месяцев).
- Обязательное указание статистической значимости (или её отсутствия) в аннотации и выводах для предотвращения неверной интерпретации.

Список источников

1. Souto S.P. et al. Women's fear of childbirth during pregnancy: A concept analysis // International journal of nursing knowledge. 2025. Vol. 36. № 1. P. 16 – 28.
2. Черемискина И.И., Андреева О.В. Восприятие родов собственного ребенка у женщин с ненадежными типами привязанности к матери // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12. № 1 (42). С. 178 – 182.
3. Лупенко Н.Н., Станоева Ю.П. Взаимосвязь типа привязанности женщины к матери и ее отношения к своему ребенку // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-4. С. 380 – 383.
4. Carpinelli L., Savarese G. Negative/positive emotions, perceived self-efficacy and transition to motherhood during pregnancy: A monitoring study // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19. № 23. P. 15818.
5. Золотова И.А. Субъективное восприятие женщиной ситуации неопределенности, связанной с рождением ребенка с заболеванием // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2024. Т. 24. № 1. С. 49 – 58.
6. Корнюшина В.А. Динамика эмоциональных состояний женщины в период беременности // Молодой ученый. 2022. № 51 (446). С. 262 – 266.
7. Taubman-Ben-Ari O. et al. Personal growth in early pregnancy: The role of perceived stress and emotion regulation // Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2022. Vol. 40. № 6. P. 550 – 562.
8. Feryani C. et al. Emotional dynamics of first-time pregnant women in hawkins' consciousness approach: qualitative study // TPM-Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2025. Vol. 32. № 3. P. 912 – 919.
9. Болзан Н.А. Взаимосвязь психологического благополучия с личностными особенностями у женщин на разных сроках беременности // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7. № 5. С. 143 – 153.
10. Хадикова Р.А., Ильченко В.В. Индивидуально-психологические особенности женщин с разным типом отношения к беременности // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13. № 2-2. С. 116 – 120.
11. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.

References

1. Souto S.P. et al. Women's fear of childbirth during pregnancy: A concept analysis. International journal of nursing knowledge. 2025. Vol. 36. No. 1. P. 16 – 28.
2. Cheremiskina I.I., Andreeva O.V. Perception of the birth of one's own child in women with insecure types of attachment to the mother. Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2023. Vol. 12. No. 1 (42). P. 178 – 182.
3. Lupenko N.N., Stanoeva Yu.P. The relationship between the type of attachment of a woman to the mother and her attitude towards her child. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-4. P. 380–383.
4. Carpinelli L., Savarese G. Negative/positive emotions, perceived self-efficacy, and transition to motherhood during pregnancy: A monitoring study. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19. No. 23. P. 15818.
5. Zolotova I.A. Subjective perception of a woman's uncertainty associated with the birth of a child with a disease. Issues of mental health of children and adolescents. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 49 – 58.
6. Korniyushina V.A. Dynamics of a woman's emotional states during pregnancy. Young scientist. 2022. No. 51 (446). P. 262 – 266.
7. Taubman-Ben-Ari O. et al. Personal growth in early pregnancy: The role of perceived stress and emotion regulation. Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2022. Vol. 40. No. 6. P. 550 – 562.
8. Feryani C. et al. Emotional dynamics of first-time pregnant women in hawkins' consciousness approach: a qualitative study. TPM-Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2025. Vol. 32. No. 3. P. 912 – 919.
9. Bolzan N.A. The relationship between psychological well-being and personality traits in women at different stages of pregnancy. International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 143 – 153.

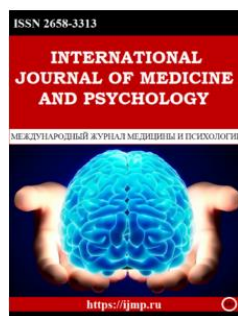
10. Khadikova R.A., Ilchenko V.V. Individual psychological characteristics of women with different types of attitudes toward pregnancy. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2022. Vol. 13. No. 2-2. P. 116 – 120.

11. Filippova G.G. *Psychology of motherhood: a tutorial*. Moscow: Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2002. 240 p.

Информация об авторе

Якиманская И.С., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7503-9848>, SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=8243471400>, Researcher ID: HJZ-2236-2023, Author ID: 235276, SPIN: 9555-7088, Оренбургский государственный медицинский университет Минздрава России, yakimanskay@yandex.ru

© Якиманская И.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923.2

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-262-269

¹ **Богдан М.С.,**

¹ *Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко*

Типы отношения к жизни интернет-активной молодежи с разным уровнем жизнестойкости

Аннотация: статья направлена на изучение типов отношения к жизни у молодежи с разным уровнем жизнестойкости в условиях активного использования интернет. Охарактеризованы различные теоретические концепции отношения к жизни как психологической черты личности. Анализируются взаимосвязи отношения к жизни, жизнестойкости, интернет-активности и модулирующего влияния внешних факторов. На примере молодежи 18-30 лет рассмотрены основные цифровые, личностные и средовые детерминанты отношения к жизни. Методом кластерного анализа выделены пять типов отношения к жизни: перспективно-ориентированный (позитивный и негативный), ситуативно-адаптивный (неопределенный), рефлексивно-консервирующий (позитивный и негативный). Рассмотрены психологические особенности каждого типа, выявлены их связи с жизнестойкостью, интернет-активностью и способами совладания с трудностями жизни. Полученные данные могут послужить фундаментом для разработки программ психологической помощи молодым людям в период социальных потрясений и роста цифровизации.

Ключевые слова: отношение к жизни, жизнестойкость, интернет-активность, молодежь, цифровая среда, кластерный анализ, психологические типы, резилентность

Для цитирования: Богдан М.С. Типы отношения к жизни интернет-активной молодежи с разным уровнем жизнестойкости // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 262 – 269. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-262-269

Поступила в редакцию: 27 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Bogdan M.S.,**

¹ *Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko*

Types of attitudes towards the life of internet-active youth with different levels of resilience

Abstract: the article aims to study the types of attitude towards life among young people with different levels of resilience in the context of active internet use. Various theoretical concepts of attitude towards life as a psychological trait are described. The article analyzes the relationships between attitude towards life, resilience, internet activity, and the modulating influence of external factors. Using the example of young people aged 18-30, the article examines the main digital, personal, and environmental determinants of attitude towards life. Using cluster analysis, five types of attitude towards life were identified: prospective-oriented (positive and negative), situational-adaptive (uncertain), and reflexive-conservative (positive and negative). The psychological characteristics of each type were examined, and their connections with resilience, internet activity, and coping strategies were identified. These findings can serve as a foundation for developing psychological support programs for young people during times of social upheaval and the growth of digitalization.

Keywords: attitude to life, resilience, internet activity, youth, digital environment, cluster analysis, psychological types, resistance

For citation: Bogdan M.S. Types of attitude to life of internet-active youth with different levels of resilience. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 262 – 269. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-262-269

The article was submitted: February 27, 2026; Approved after reviewing: April 24, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Современная социальная действительность отличается большой неопределенностью, активной цифровизацией, возрастающей ролью виртуального пространства в процессах социализации молодежи. Именно молодые люди чаще других формируют свою жизненную стратегию не только в реальности, но и в цифровом мире, что напрямую сказывается на их представлениях о будущем, смысле жизни, ценностях и ресурсах для преодоления кризисов. В этих условиях особое значение приобретает анализ отношения к жизни как интегральной психологической особенности человека.

Актуальность проблемы отношения к жизни молодежи усиливается в условиях социальных трансформаций, кризисных ситуаций и нестабильности. Молодежь, находящаяся под влиянием потоков информации нуждается в психологических ресурсах устойчивости личности и адаптации. Одним из таких ресурсов является жизнестойкость.

Жизнестойкость в современной психологической науке определяется как система убеждений, отражающая отношение человека к себе, миру и своему влиянию на жизнь. Люди с высоким уровнем жизнестойкости склонны позитивно оценивать жизненные трудности, сохранять психологическое благополучие и эффективно справляться со стрессом. В свою очередь низкая жизнестойкость может приводить к формированию дезадаптивных стратегий совладания, росту тревожности, снижению качества жизни и усилению пессимистических установок.

Цифровизация жизни молодежи сопровождается фундаментальными изменениями. Социальные сети перестают быть лишь инструментом связи, трансформируясь в пространство самопознания, самовыражения и поиска поддержки. При этом виртуальная среда становится одновременно ресурсом личностного развития и фактором психологической уязвимости.

Хотя изучение жизнестойкости и психологического благополучия ведутся, взаимосвязь между отношением к жизни, активностью в интернете и жизнестойкостью у молодых людей исследована фрагментарно. Научная новизна работы заключается в выявлении типов отношения к жизни у активных пользователей интернета среди молодежи и описании их психологических характеристик.

Цель данного исследования – теоретически и эмпирически обосновать типы отношения к жизни интернет-активной молодежи с разной жизнестойкостью.

Проблема смысловой организации жизненного опыта личности занимает центральное место в отечественной и зарубежной психологии. Её изучение включает анализ смысловых ориентаций личности, субъективного смысла прожитого жизненного пути, жизненных стратегий и адаптационных механизмов в различных жизненных ситуациях.

Теоретическую основу исследования отношения к жизни составляет концепция В.Н. Мясищева, согласно которой отношение – это система осознанных и избирательных связей личности с объектами окружающей действительности. В рамках данной теории отношение к жизни рассматривается как многокомпонентное явление, включающее когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты [12].

Б.С. Братусь рассматривал отношение к жизни как систему личностных смыслов и нравственных установок человека. В его понимании отношение к жизни характеризует степень зрелости личности и задаёт вектор её жизненной активности [5].

Важные идеи о жизненном пути высказывали Б.Г. Ананьев и К.А. Абульханова-Славская. Б.Г. Ананьев видел в нем целостный процесс становления личности, систему отношений человека к миру, деятельности, самому себе [2]. К.А. Абульханова-Славская акцентировала субъектную природу жизненного пути, роль личности как активного субъекта собственной жизни [1].

Работы Н.Н. Толстых, Е.Ю. Мандриковой, А.Г. Сырцовой также подчеркивают значимость временной перспективы и жизненных ориентиров в отношении к жизни [11, 16, 17].

В гуманистической и экзистенциальной психологии вопрос смысла жизни и отношения к ней тоже изучается. В. Франкл считал, что искать смысл очень важно для психического здоровья. Он говорил, что если человек умеет находить смысл даже в сложных ситуациях жизни, то он может сохранять свою внутреннюю стабильность и не терять себя как личность [18].

К. Роджерс рассматривал отношение к жизни через призму самоактуализации личности. Ученый акцентировал внимание на субъективном переживании индивидом, самореализации и личностном росте [13].

Особое место в современной психологии занимает изучение удовлетворенности жизнью как аспекта жизненной ориентации. М. Селигман определял психологическое благополучие личности через позитивное отношение человека к своей жизни, оптимизм и умение испытывать радость [23]. К. Рифф рассматривала компоненты психологического благополучия: автономию, личностный рост, положительные отношения с другими людьми и наличие целей в жизни [22].

Ключевой конструкт отношения к жизни в современной науке – жизнестойкость. Идею жизнестойкости предложил С. Мадди, а развитие концепции жизнестойкости представили Д.А. Леонтьев и Е.И. Рассказова.

С. Мадди описывал жизнестойкость как «комплекс убеждений личности», состоящий из трех компонентов: вовлеченность, контроль и принятие риска. Вовлеченность – это то, насколько человек активен в жизни и чувствует свою причастность к тому, что происходит. Контроль – уверенность человека, что он может повлиять на события своей жизни. Принятие риска – готовность принимать изменения и неопределенность как возможность для роста [21].

Д.А. Леонтьев определяет жизнестойкость как ресурс личности, который помогает справляться со стрессами и оставаться психологически здоровым. Он связывает жизнестойкость с ценностной системой человека и его умением осмысленно выстраивать свою жизнь [9].

Особое внимание в изучении жизнестойкости уделяется работам А. Бандуры о самоэффективности личности. Самооценка своих возможностей успешно справляться с жизненными трудностями, по мнению А. Бандуры, – ключевой компонент психологической устойчивости человека [19].

Дж. Роттер связывал конструкт жизнестойкости с локусом контроля личности. Люди с внутренним локусом контроля, как правило, видят себя в роли активных агентов собственной жизни и обладают большей психологической устойчивостью [6].

М. Селигман выдвинул теорию выученного оптимизма, согласно которой жизнестойкость – это умение личности конструировать позитивную оценку происходящих в жизни событий и справляться с отрицательными переживаниями [23].

В последние десятилетия исследователи все чаще обращаются к вопросу о том, как цифровая среда влияет на психологическую устойчивость. Г. Флетт рассматривает эту проблему через призму социальной поддержки и онлайн-общения – он подчеркивает противоречивую роль соцсетей: с одной стороны, они могут быть ресурсом устойчивости, с другой – источником эмоциональной нестабильности. Nguyen разработал модель цифровой резилентности – способности человека гармонично существовать и действовать в цифровом мире. По его мнению, это ключевой компонент психологической адаптации к современным реалиям. К цифровому резилентному стилю относятся умение конструктивно использовать интернет, регулировать свои эмоции в онлайн и критически оценивать поступающую информацию [8].

Теория социальных сетей М. Гранноветтера также находит применение в изучении отношения к жизни молодежи. В контексте этой теории слабые связи, возникающие онлайн, способны играть роль ресурса социальной поддержки и фактора повышения жизнестойкости личности [7].

Как подчеркивают Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, А.Е. Войскунский и А.И. Лучинкина, цифровая среда играет значимую роль в становлении личности молодежи: интернет-активность влияет на систему ценностей, способы коммуникации, самооценку и жизненные стратегии [10, 14, 15].

В отечественной психологии экологическая парадигма изучения жизнестойкости также имеет свои корни. Л.И. Анцыферова выделяла роль социальной среды в развитии адаптивных ресурсов личности [3], а У. Бронфенбреннер подчеркивал, что развитие личности происходит в контексте многоуровневой социальной системы [20].

Современные исследования показывают, что отношение к жизни представляет собой сложную систему, включающую цифровую, личностную и средовую составляющие. Цифровая составляющая отражает уровень интернет-активности, вовлеченность в виртуальное пространство и особенности взаимодействия с цифровой средой. Личностная составляющая включает когнитивные стили, эмоциональную регуляцию, удовлетворенность жизнью, смысловые ориентации и поведенческие стратегии. Средовая составляющая связана с ощущением безопасности, стабильности и социальной поддержки.

Таким образом, отношение к жизни можно определить как интегральную психологическую характеристику личности, отражающую систему представлений человека о собственной жизни, ее смысле, перспективах и возможностях самореализации. Центральным системообразующим фактором отношения к жизни выступает жизнестойкость, обеспечивающая способность личности к конструктивному преодолению жизненных трудностей и сохранению психологического благополучия.

Материалы и методы исследований

Эмпирическая часть исследования проводилась в ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко». Респонденты 458 обучающихся в возрасте 18-30 лет.

Для изучения отношения к жизни молодежи использовали комплекс психодиагностических методик. В их перечень входят: авторский опросник «Определение уровня интернет-активности личности» [4], опросник «Личность в интернет-пространстве» (А.И. Лучинкина), тест жизнестойкости Мадди (Personal Views Survey, PVS III-R) (Maddi, D. Khoshaba), адаптация: Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова), опросник «Антивитаальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалаковой и Д.В. Трубецкова), методика «Толерантность к неопределенности» (Т.В. Корнилова), методика «Диагностика когнитивного стиля ТСОВ-4 В» (В.В. Селиванов, К.А. Осокина), методика «Краткая шкала стрессоустойчивости» (КШСУ) (Е.В. Распопин), методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления (И.Г. Сизова, С.И. Филиппченкова), методика «Тест диагностики удовлетворенности жизнью (ТДУЖ)» (А.Б. Белоусова), тест на определение эмоционального интеллекта (Н. Холл), авторский исследовательский опросник «Средовые факторы и механизмы жизнестойкости».

На основе данных диагностики были сформированы три кластера респондентов: группа с высоким уровнем жизнестойкости – 28,6% респондентов; группа со средним уровнем жизнестойкости – 29,3%; группа с низким уровнем жизнестойкости – 42,1%.

Анализ цифровой составляющей жизнестойкости выявил статистически значимые различия между группами по интенсивности использования интернета. Респонденты с высокой жизнестойкостью характеризуются высоким уровнем технической, коммуникативной и поведенческой активности в сети. Для них интернет-пространство является средой самореализации, информационного поиска и социального взаимодействия.

Молодежь со средним уровнем жизнестойкости демонстрирует преимущественно средний уровень интернет-активности. Цифровая среда для данной группы выступает как ресурс ситуативной адаптации и повседневного взаимодействия. Респонденты с низкой жизнестойкостью – низкая или средняя активность в интернете. У них компенсаторный тип использования цифровой среды: уход от реальных проблем и поиск эмоциональной поддержки. Анализ полученных данных свидетельствует о взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и более активным, конструктивным использованием цифрового пространства.

Результаты и обсуждения

Анализ личностных особенностей жизненной позиции выявил значимые различия между выборками по когнитивным, эмоциональным, мотивационным и поведенческим компонентам.

Высоко жизнестойкие люди проявляют когнитивную гибкость, толерантность к неопределенности, оптимистичный взгляд на будущее и выраженное стремление к достижению целей. Также для них характерна эмоциональная стабильность, уверенность в себе и удовлетворенность жизнью. Молодежь с низкой жизнестойкостью хорошо приспосабливается к новым условиям, однако их жизненные ориентиры часто размыты. Эмоциональная саморегуляция у них не сформирована. Отношение к жизни – неустойчивое, оно может меняться от хорошего к плохому. Люди с низкой жизнестойкостью, как правило, более тревожны, имеют фиксированные установки, низкую удовлетворенность жизнью и используют непродуктивные стратегии совладания.

Особый интерес вызвало изучение факторов жизнестойкости. Установлено, что для молодежи с высокой жизнестойкостью характерно стремление к контролю над ситуацией, психологическая стабильность и ощущение безопасности. Подростки с умеренным уровнем жизнестойкости в большей степени нуждаются в стабильности. Нестабильность для них становится стрессором и фактором тревоги. Люди с низкой жизнестойкостью в большей степени нуждаются в психологической и социальной поддержке.

Изучение факторов жизнестойкости выявило, что для молодежи ключевую роль играют когнитивные ресурсы и мотивационная сфера. Они более склонны к позитивной интерпретации стрессора, поиску смысла, постановке целей и вере в свои силы. Респонденты со средним уровнем жизнестойкости преимущественно используют поведенческие и мотивационные механизмы адаптации. У людей с низкой жизнестойкостью преобладают эмоциональные механизмы. Они могут искать эмоциональную поддержку, чувство принадлежности к группе.

Кластерный анализ позволил выделить типы отношения к жизни у интернет-активной молодежи. В качестве факторов кластеризации были взяты показатели цифровой активности, личностные особенности, контекстуальные условия и механизмы жизнестойкости. Анализ показал пять типов отношения к жизни:

перспективно-ориентированный (позитивный и негативный), ситуативно-адаптивный (неопределенный), рефлексивно-консервирующий (позитивный и негативный).

Позитивный перспективно-проективный тип. Такой тип был определен у 62 человек (13,5% респондентов). Он отличается развитой жизнестойкостью, активностью жизненной позиции и конструктивным отношением к трудностям жизни. Молодежь этого типа видит жизнь как сцену для самореализации, развития и творчества. У них ярко выражены жизненные ориентиры, умение планировать на перспективу и высокая субъектная активность. Респонденты данной группы отличаются высокой активностью в сети и воспринимают цифровую среду прежде всего как пространство для развития, профессионального роста и общения. Интернет-пространство становится для них инструментом расширения жизненных горизонтов.

Для позитивного перспективно-проективного типа характерны: высокая когнитивная гибкость, толерантность к неопределенности, способность к позитивной переоценке жизненных ситуаций; восприятие трудностей как задач, требующих решения, а не как непреодолимых препятствий. Эмоциональная сфера характеризуется стабильностью, устойчивой самооценкой и минимальной тревожностью. Молодежь этой группы имеет высокую субъективную удовлетворенность жизнью и психологическим благополучием. Ключевыми ресурсами жизнестойкости являются когнитивная переоценка, ситуационная адаптивность, поиск альтернативных смыслов и оптимизм. Средовым фактором, ключевым для данной группы является безопасность. Представители этого типа хотят управлять жизненными ситуациями и не сталкиваться с мировыми угрозами.

Негативный перспективно-проективный тип выявлен у 55 человек (12%). Люди этого типа склонны к рефлексивному и критическому осмыслению жизни, анализируют социальные и экзистенциальные проблемы. Молодые люди этой группы имеют высокий или средний уровень жизнестойкости, но низкий – удовлетворенности жизнью. Высокая аналитическая направленность позволяет им глубоко осмысливать происходящее, но при этом они более склонны фокусироваться на негативных сторонах жизни.

Уровень активности данной группы в интернете варьируется от высокого до среднего. Интернет для них – это ресурс поиска информации, возможность высказаться и обсудить важные социальные вопросы.

Этот тип характеризуется высокими когнитивными функциями, способностью к поиску смыслов и постановке задач. Но эмоциональная жизнь такого типа – тревожная и неудовлетворенная. Для данной группы определяющим средовым фактором является ориентация на стабильность и предсказуемость существования. Им свойственны надежность и уверенность в среде. Волевая саморегуляция в поведении выражена ярко, что помогает сохранять активность даже при возникновении эмоциональных трудностей.

Неопределенный адаптивно-ситуативный тип (143 респондента, 31,2%) – наиболее распространенный. Для людей этого типа характерен низкий уровень сформированности жизненной позиции, выраженная неопределенность в системе жизненных целей. Их отношение к жизни зависит от внешних факторов и обстоятельств. Уровень жизнестойкости у этой группы средний или низкий. Активность в интернете – тоже в основном средняя.

Представители адаптивно-ситуативного типа стараются избегать больших затрат энергии при решении жизненных проблем и ориентируются на ситуативную адаптацию. Данная молодежь имеет средний уровень когнитивной гибкости и толерантности к неопределенности. Могут придумывать варианты, но при этом избегать активного решения.

Они мало рискованно себя ведут, предпочитают безопасность и поддерживают окружающих. Ключевые поведенческие механизмы – идентификация с «выигравшими», гипероценка ситуации и ситуативная пластичность. Среди средовых факторов – стабильность и психологическая поддержка.

Позитивный рефлексивно-консервирующий тип. Выявлен у 95 респондентов (20,7%). Люди с оптимистичным взглядом на жизнь за счет избегания конфликтов и преуменьшения проблем. Когорта характеризуется средней устойчивостью и умеренной активностью в цифровом пространстве. В условиях стресса представители данного типа демонстрируют адаптивные поведенческие реакции и эмоциональную устойчивость (психологические защитные механизмы). Они отличаются поверхностностью эмоциональных переживаний, высокой внушаемостью и ситуативными тревожно-обидчивыми реакциями. Цели и планы на будущее размыты. Позитивные установки не трансформируются в конкретные шаги и стратегии развития.

Виртуальная среда частично подменяет собой реальные формы коммуникации. Интернет служит прежде всего эмоциональной разрядкой и способом ухода от реальности проблем. Стабильность является важным средовым условием, а ведущими механизмами жизнестойкости являются мотивационные – ориентация на цели и развитие.

Негативный рефлексивно-консервирующий тип выявлен у 98 респондентов (21,4%) – наиболее дезадаптивный вариант отношения к жизни. Представители данного профиля отличаются низкой жизнестойко-

стью, неудовлетворенностью жизнью и эмоциональной нестабильностью. Члены группы имеют низкий/средний уровень активности в интернете с отрицательной тенденцией. Активность на техническом уровне – низкая, цифровые решения применяются ограниченно.

Представители данной группы в условиях стресса демонстрируют дезадаптивные механизмы совладания (эмоциональный срыв, избегание, отрицание ответственности). Отмечается повышенная тревожность, отчуждённость и подозрительность к действительности. В когнитивной сфере – застойность мышления, негибкость в условиях неопределённости. Несмотря на готовность к принятию риска, представители этой группы плохо прогнозируют последствия своего поведения.

Лидирующим средовым фактором является стабильность, а среди механизмов жизнестойкости лидируют эмоциональные – поиск эмоциональной поддержки и потребности в принадлежности. Для этой группы свойственна большая восприимчивость к социальному заражению и к общественному мнению.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что система отношения к жизни интернет-активной молодежи является многокомпонентной и включает в себя цифровые, личностные и средовые элементы.

Жизнестойкость является важнейшим конструктом, который определяет мировоззрение и стиль адаптации человека к жизненным ситуациям, цифровому пространству и социальным условиям и выступает интегративной характеристикой личности.

Выявлена связь высокого уровня жизнестойкости с конструктивным стилем жизни, высокой интернет-активностью, когнитивной гибкостью, позитивным будущим и развитой способностью к целеполаганию.

Низкий уровень жизнестойкости сопровождается неудовлетворенностью жизнью, эмоциональной лабильностью и применением неадаптивных стратегий совладания.

В результате проведенного кластерного анализа получены пять типов отношения к жизни интернет-активной молодежи: позитивный перспективно-проективный; негативный перспективно-проективный; неопределенный адаптивно-ситуативный; позитивный рефлексивно-консервирующий; негативный рефлексивно-консервирующий. Каждый из них характеризуется уникальным набором цифровых, личностных и средовых характеристик, а также способами адаптации к цифровой среде.

Таким образом, виртуальное пространство оказывает влияние на социализацию молодого поколения. Исследования показывают, что цифровая среда формирует мировоззрение, ценности и психологическое состояние молодежи. Проведенное исследование и выведенная типология позволят разработать эффективные программы адресной психологической помощи молодежи с деструктивным отношением к жизни.

Список источников

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Москва: Мысль, 1991. 299 с.
2. Андреева Т.В. Идеи Б.Г. Ананьева и эмпирическое исследование жизненного пути личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 1. С. 52 – 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-b-g-ananieva-i-empiricheskoe-issledovanie-zhiznennogo-puti-lichnosti> (дата обращения: 12.02.2026)
3. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3 – 18.
4. Богдан М.С., Бура Л.В. Опросник «Уровень активности личности» // Системная психология и социология. 2025. № 4 (56). С. 5 – 14. doi:10.24412/2223-6872-2025-456-5-14
5. Братусь Б. Мы живем, а смерть нас сторожит... // Развитие личности. 2013. № 4. С. 131 – 146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/my-zhivem-a-smert-nas-storozhit> (дата обращения: 12.01.2026)
6. Вишнякова Н.Н., Логинова И.О., Малюткина Е.П. Сравнительный анализ показателей жизнестойкости в зависимости от типа локуса контроля у студентов-медиков // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. № 4. С. 473 – 492. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pokazateley-zhiznestoykosti-v-zavisimosti-ot-tipa-lokusa-kontrolya-u-studentov-medikov> (дата обращения: 12.02.2026)
7. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. № 4. С. 31 – 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabyh-svyazey> (дата обращения: 12.02.2026)
8. Жигалов В.М. Цифровая устойчивость как фактор стратегической устойчивости предприятий в современных условиях // Шестая международная конференция «Управление бизнесом в цифровой экономике»: Сборник тезисов выступлений, Санкт-Петербург, 23-24 марта 2023 года. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 2023. С. 58 – 61.

9. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 178 – 210.
10. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 1. С. 59 – 69. doi:10.18413/2313-8971-2019-5-1-0-5
11. Мандрикова Е.Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2006. 195 с.
12. Мясищев В.Н. Психология отношений: избр. психол. тр. Москва: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995. 356 с.
13. Потокин Н.С. Эволюция понятия самоактуализации в работах Карла Роджерса // Молодой ученый. 2024. № 9 (508). С. 153 – 155. URL: <https://moluch.ru/archive/508/111702>
14. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 431 – 450. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kognitivnaya-kontseptsiya-tsifrovoy-sotsializatsii-novaya-ekosistema-i-sotsialnaya-evolyutsiya-psihiki> (дата обращения: 12.02.2026)
15. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. М., 2022. 356 с.
16. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Москва, 2008. 317 с.
17. Толстых Н.Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13. Москва, 2010. 545 с.
18. Франкл В. О смысле жизни. Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. 161 с.
19. Bandura A. Self-efficacy: The Exercise of Control. New York: W.H. Freeman and Company, 1997. 604 p.
20. Bronfenbrenner U. Ecological systems theory // Annals of Child Development. 1989. № 6. P. 227.
21. Maddi S.R. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. 2013. 88 p.
22. Ryff C.D., Singer B. The contours of positive human health // Psychological Inquiry. 1998. Vol. 9. P. 1 – 28.
23. Seligman M.E., Csikszentmihalyi M. Positive psychology // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 1. P. 5 – 14.

References

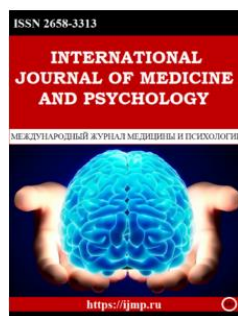
1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Life Strategy. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
2. Andreeva T.V. B.G. Ananyev's Ideas and an Empirical Study of a Person's Life Journey. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2008. No. 1. P. 52 – 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-b-g-ananieva-i-empiricheskoe-issledovanie-zhiznennogo-puti-lichnosti> (date of access: 12.02.2026)
3. Antsyferova L.I. Personality in Difficult Life Conditions: Rethinking, Transforming Situations, and Psychological Defense. Psychological Journal. 1994. Vol. 15. No. 1. P. 3 – 18.
4. Bogdan M.S., Bura L.V. Questionnaire “Level of Personal Activity”. Systemic Psychology and Sociology. 2025. No. 4 (56). P. 5 – 14. doi:10.24412/2223-6872-2025-456-5-14
5. Bratus B. We Live, and Death Watches Over Us... Personality Development. 2013. No. 4. P. 131 – 146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/my-zhivem-a-smert-nas-storozhit> (date of access: 12.02.2026)
6. Vishnyakova N.N., Loginova I.O., Malyutkina E.P. Comparative analysis of resilience indicators depending on the type of locus of control in medical students. Russian Journal of Education and Psychology. 2025. No. 4. P. 473 – 492. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pokazateley-zhiznestroykosti-v-zavisimosti-ot-tipa-lokusa-kontrolya-u-studentov-medikov> (date of access: 12.02.2026)
7. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. Economic Sociology. 2009. No. 4. P. 31 – 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabyh-svyazey> (date of access: 12.02.2026)
8. Zhigalov V.M. Digital Resilience as a Factor in Strategic Sustainability of Enterprises in Modern Conditions. Sixth International Conference "Business Management in the Digital Economy": Collection of Abstracts, St. Petersburg, March 23-24, 2023. St. Petersburg: SPbGUPTD, 2023. P. 58 – 61.
9. Leontyev D.A., Rasskazova E.I. Resilience as a Component of Personal Potential. Personal Potential: Structure and Diagnostics. Moscow: Smysl, 2011. P. 178 – 210.
10. Luchinkina A.I. Specifics of the Internet as an Institution of Socialization. Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 59 – 69. doi:10.18413/2313-8971-2019-5-1-0-5
11. Mandrikova E.Yu. Types of personal choice and their individual psychological prerequisites: Cand. of Psychology diss. Moscow, 2006. 195 p.

12. Myasishchev V. N. Psychology of relationships: selected psychological works. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: MODEK, 1995. 356 p.
13. Potokin N. S. Evolution of the concept of self-actualization in the works of Carl Rogers. Young scientist. 2024. No. 9 (508). P. 153–155. URL: <https://moluch.ru/archive/508/111702>
14. Soldatova G.U., Voiskunsky A.E. Social-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche. Psychology. HSE Journal. 2021. No. 3. P. 431 – 450. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kognitivnaya-kontseptsiya-tsifrovoy-sotsializatsii-novaya-ekosistema-i-sotsialnaya-evolyutsiya-psihihi> (date of access: 12.02.2026)
15. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Teslavskaya O.I., Chigarkova S.V. Born Digital: Family Context and Cognitive Development. Moscow, 2022. 356 p.
16. Syrtsova A. Age Dynamics of Personality's Temporal Perspective: Cand. Sci. (Psychology) Dissertation: 19.00.13. Moscow, 2008. 317 p.
17. Tolstykh N.N. Development of Personality's Temporal Perspective: A Cultural-Historical Approach: Doctor of Psychology Dissertation: 19.00.13. Moscow, 2010. 545 p.
18. Frankl V. On the Meaning of Life. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2023. 161 p.
19. Bandura A. Self-efficacy: The Exercise of Control. New York: W.H. Freeman and Company, 1997. 604 p.
20. Bronfenbrenner U. Ecological systems theory. Annals of Child Development. 1989. No. 6. P. 227.
21. Maddi S.R. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. 2013. 88 p.
22. Ryff C.D., Singer B. The contours of positive human health. Psychological Inquiry. 1998. Vol. 9. P. 1 – 28.
23. Seligman M.E., Csikszentmihalyi M. Positive psychology. American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 5 – 14.

Информация об авторе

Богдан М.С., старший преподаватель, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко, Запорожская область, г. Бердянск, psihologmarina@yandex.ru

© Богдан М.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9:378

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-270-276

¹ Трунин Д.М.,

¹ Молодцова Н.Г.,

¹ Московский психолого-социальный университет

Анализ особенностей образовательных технологий и методов в долгосрочной и краткосрочной системе переподготовки будущих психологов

Аннотация: в статье представлен теоретический анализ проблемы особенностей образовательных технологий и методов в долгосрочной и краткосрочной системе переподготовки будущих психологов. В условиях современного общества и постоянно меняющегося рынка труда особую актуальность приобретает обучение и переобучение профессионалов в сфере психологии. Образование представляется как непрерывный, развивающийся процесс, отвечающий на изменяющиеся нужды общества. Движущей силой этой трансформации служат новаторские педагогические подходы и инструменты, применяемые как в общем обучении, так и при повышении квалификации специалистов, особенно в сфере психологии. Психологическая область требует постоянного обогащения теоретической базы и совершенствования практических умений, что обеспечивается программами краткосрочного и длительного профессионального становления. Данная работа посвящена детальному рассмотрению этих направлений, их роли в формировании становления психологов и передовых методик для достижения высоких профессиональных результатов.

Ключевые слова: образовательные технологии, программы профессионального развития, новаторские методики преподавания, психологические аспекты образовательных технологий

Для цитирования: Трунин Д.М., Молодцова Н.Г. Анализ особенностей образовательных технологий и методов в долгосрочной и краткосрочной системе переподготовки будущих психологов // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 270 – 276. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-270-276

Поступила в редакцию: 27 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Trunin D.M.,

¹ Molodtsova N.G.,

¹ Moscow Psychological and Social University

Analysis of the features of educational technologies and methods in the long-term and short-term retraining system for future psychologists

Abstract: the article presents a theoretical analysis of the problem of the features of educational technologies and methods in the long-term and short-term system of retraining future psychologists. In the conditions of modern society and the constantly changing labor market, the training and retraining of professionals in the field of psychology is of particular relevance. Education is presented as a continuous, evolving process responding to the changing needs of society. The driving force behind this transformation is innovative pedagogical approaches and tools used both in general education and in professional development, especially in the field of psychology. The psychological field requires constant enrichment of the theoretical base and improvement of practical skills, which is provided by short-term and long-term professional development programs. This work is devoted to a detailed examination of these areas, their role in shaping the development of psychologists and advanced techniques for

achieving high professional results.

Keywords: educational technologies, professional development programs, innovative teaching methods, psychological aspects of educational technologies

For citation: Trunin D.M., Molodtsova N.G. Analysis of the features of educational technologies and methods in the long-term and short-term retraining system for future psychologists. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 270 – 276. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-270-276

The article was submitted: February 27, 2026; Approved after reviewing: April 25, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Современная система подготовки психологов характеризуется наличием одновременно действующих, но противоположных тенденций. С одной стороны, наблюдается устойчивый рост спроса на квалифицированных профессионалов, способных оказывать психологическую помощь в самых разнообразных сферах жизни общества, включая образование, здравоохранение, бизнес и социальное обслуживание. С другой стороны, стремительные изменения в требованиях к профессиональной деятельности, расширение спектра используемых методик и инструментов психологического воздействия (в том числе и в цифровом формате), а также возрастающий уровень стресса предъявляют более высокие требования к качеству образования.

При исследовании образовательных технологий в психологии важно уяснить их сущность. Под образовательными технологиями понимаются различные методы, приемы и инструменты обучения, нацеленные на решение определенных учебных задач. Применительно к подготовке психологов, это подразумевает как освоение теоретических концепций, так и формирование практических компетенций, необходимых для результативной профессиональной деятельности [19].

В данной работе сосредоточено внимание на теоретических основах педагогических подходов, используемых при краткосрочном и долгосрочном переобучении будущих специалистов-психологов. Целью статьи является выявление ключевых детерминант, определяющих развитие этих методик, и разработка научно обоснованных концепций для формирования образовательных программ.

Материалы и методы исследований

Методика исследования основана на анализе теоретических положений, анализе эмпирических данных, опросе в виде анкетирования. Теоретической основой послужили теории и концепции, посвященные особенностям образовательных технологий и методов в долгосрочной и краткосрочной системе переподготовки будущих психологов профориентационной деятельности, включающие в себя как традиционные, так и современные взгляды на эту тему.

Результаты и обсуждения

Интенсивное профессиональное развитие – это комплексные образовательные программы, требующие от участников глубокого погружения в разнообразные области психологии. Как правило, такие курсы отличаются длительностью и сочетают теоретическую подготовку с практической деятельностью. Современные образовательные технологии активно интегрируются в эти программы, включая:

— Гибридное обучение: эта модель объединяет очные занятия в аудитории с онлайн-обучением, предоставляя будущим психологам гибкость в процессе обучения и доступ к материалам в удобное время.

— Проектное обучение: такой подход позволяет студентам решать реальные задачи, развивая практические навыки и понимая применение теоретических знаний в жизненных ситуациях.

— Метод анализа конкретных сценариев (кейс): изучение и разрешение реальных кейсов помогает студентам «оттачивать» критическое мышление и аналитические способности, что является основой для работы психолога [16].

В.И. Носова считает, что ключевым достоинством программ углубленной профессиональной подготовки выступает передача обширного и систематизированного багажа знаний [12].

Студенты многое узнают о разных сторонах психологии: от того, как она работает в целом и как меняется у человека с возрастом, до влияния общества на нашу психику. А еще они учатся, как распознавать и помогать при разных проблемах в психическом развитии. Такой всесторонний подход помогает им получить все необходимые знания, чтобы потом хорошо справляться со своими профессиональными задачами. Очень много внимания уделяют практике.

Длительные курсы обычно включают стажировки и практические занятия. Это дает возможность будущим специалистам улучшить свои навыки общения, научиться разным методам диагностики и использовать теорию в настоящих ситуациях. Еще для развития практических умений студенты занимаются научно-исследовательскими проектами. Это помогает им думать критически и учит работать с научной литературой.

И третий важный плюс – это возможность завести полезные профессиональные знакомства. Когда учишься, знакомишься не только с однокурсниками, но и с преподавателями, психологами-практиками и другими специалистами в схожих сферах. Эти знакомства потом здорово выручают в работе – можно «строить» разнообразные проекты, делиться опытом и продвигаться по карьерной лестнице.

Но, как говорят С.С. Малиновский и Е.Ю. Шибанова, у долгих учебных программ есть не только плюсы, но и минусы. Самый главный минус – это, конечно, время. На бакалавриат, магистратуру или аспирантуру может уйти от двух до пяти лет. Из-за этого многие выпускники не сразу идут работать, а знания, которые они получили, могут успеть устареть [10].

Еще один минус долгого обучения – это его цена. За долгие годы обучения приходится немало платить. Это становится преградой для многих, кто хотел бы учиться, и в итоге меньше людей могут получить хорошее образование, а значит, и конкуренция среди поступающих падает.

Третий минус – это вероятность устаревания полученных знаний. В эпоху быстрого прогресса в науке и технологиях, информация, освоенная за годы обучения, может утратить свою релевантность спустя некоторое время. Это, в свою очередь, затруднит быструю адаптацию выпускников к постоянно меняющимся условиям.

Е.С. Романова говорит, что, в отличие от обычного долгого обучения, интенсивные курсы переподготовки помогают быстро получить основные знания и нужные практические навыки в какой-то одной области психологии. Такие программы короткие, хорошо продуманы и очень насыщенные по графику. Вот главные особенности этих курсов:

— Упор на практику: часто всё внимание уделяется тому, что можно сразу применять, например, в психотерапии или когда консультируешь людей. Это помогает выпускникам быстрее начать работать по специальности.

— Материал всегда свежий: в такие программы быстро добавляют всё самое новое, что появилось в психологии, и новые методы, так студенты получают самую актуальную информацию.

— Это удобно: подобные курсы очень хорошо подходят тем, кто хочет быстро поменять профессию или улучшить то, что уже умеет [15].

Короткие программы переподготовки имеют много явных плюсов. Во-первых, это скорость, с которой можно получить нужные навыки. Люди быстро учатся всему, что нужно, и это открывает им новые двери в работе. Такое особенно важно для тех, кто только начинает или хочет сменить сферу деятельности.

По сравнению с долгосрочными программами обучения, краткосрочные программы, как правило, значительно дешевле. Поэтому они обеспечивают большую доступность для людей, стремящихся к переподготовке. Таким образом, повышается уровень профессионального развития.

В настоящее время существует большой спрос на краткосрочные курсы повышения квалификации в интернете, что позволяет многим людям совмещать учебу с работой и личной жизнью.

Хотя у таких быстрых курсов есть свои плюсы, они не обходятся и без минусов. Главная беда – это то, что знания часто остаются поверхностными. Из-за того, что времени на учебу мало, студенты обычно не могут как следует вникнуть в тему и получают только базовые навыки, которых иногда не хватает для хорошей работы.

К тому же, на таких экспресс-курсах часто не хватает практики. Даже если там есть практические занятия, они обычно короче и не такие глубокие, как в обычных, долгих программах.

В конечном итоге, работодатели не всегда признают истинную ценность краткосрочных обучающих программ. Часто предпочтение отдается выпускникам стандартных учебных заведений, чьи дипломы воспринимаются как более весомое свидетельство профессиональной квалификации [3].

Ю.М. Амелина отмечает, что современная образовательная сфера активно интегрирует цифровые новации, что коренным образом трансформирует методики преподавания и форматы взаимодействия между преподавателями и студентами. Пересмотр образовательных методик, как на ближайшее, так и на отдаленное будущее, создает отличные возможности для применения новейших технологий [2].

Инновационные обучающие системы – отличное подтверждение этому. В предлагаемых курсах, представленных на образовательных платформах, можно выделить такие элементы, как: проверка заданий с помощью автоматических систем; место для обсуждения; а также виртуальное пространство для взаимодей-

ствия. Такие факторы способствуют эффективному и быстрому обмену информацией, а также формированию активных учебных групп. Кроме того, обучающиеся на таких интернет-площадках также помогают друг другу [18].

Многочисленные новейшие цифровые разработки создают новые перспективы для построения персонализированных программ обучения, которые способны трансформировать весь образовательный процесс. Множество новых цифровых технологий открывают крутые возможности для создания учебных программ, сделанных под каждого человека. Это может полностью изменить процесс образования. Важно, когда составляешь план обучения, использовать такие современные цифровые штуки, которые учтут все особенности каждого студента и помогут выстроить для него самый подходящий процесс учёбы [2].

Если говорить о подготовке будущих психологов, то плюсы от использования виртуальной реальности практически безграничны. Виртуальная реальность позволяет студентам оттачивать свои практические умения в специально созданной, безопасной и полностью контролируемой обстановке. Такая тренировка здорово помогает им почувствовать себя намного увереннее, ещё до того, как они начнут работать с реальными людьми [17].

Онлайн-обучение стало очень важной частью для психологов, которые постоянно хотят развиваться. Такой способ даёт возможность проходить качественные курсы, где бы специалист ни был. Можно активно общаться и быстро получать ответы на свои вопросы, и это делает весь процесс обучения намного живее, интереснее и увлекательнее. Так студенты могут выбирать программы от самых лучших преподавателей и получать знания на известных платформах, например, Coursera, edX, или прямо на сайтах самих университетов.

Д.Р. Мурзалиева считает, что игровые элементы очень хорошо помогают в подготовке психологов и дают заметные результаты. Когда студенты проигрывают реальные клинические ситуации, это позволяет им оттачивать практические навыки в безопасных и понятных условиях, без всякого риска. Студенты не только будут продолжать быть вовлеченными, но и будут развивать аналитическое мышление и способность справляться с различными неожиданными ситуациями [11].

В процессе обучения геймификация является эффективным способом обогащения учебного процесса за счет повышения эмоциональной вовлеченности обучающихся. В результате студентам становится интереснее учиться профессии, и они лучше запоминают материал [13].

А.С. Волков отмечает, что сегодня новые подходы к обучению сталкиваются с некоторыми проблемами. И главная из них в том, что у обучающихся и преподавателей не всегда хватает нужных цифровых навыков, из-за чего им трудно быстро привыкать к новым онлайн-платформам и программам [5, 22].

Среди других проблем стоит выделить ухудшение живого общения между студентами и преподавателями. Хотя у онлайн-обучения много плюсов, некоторым студентам бывает сложно налаживать контакты с другими людьми [6, 23].

Но когда учишься онлайн, одна из сложностей в том, что информации очень много. Поэтому студентам очень нужно научиться критически оценивать то, что они видят, и отличать правдивые источники. Для этого придется больше учиться и развивать критическое мышление.

При использовании образовательных технологий необходимо учитывать все психологические факторы, влияющие на процесс обучения студентов. Различные методы использования технологий по-разному влияют на психологическое благополучие, мотивацию и вовлеченность студента [21, 24].

А.С. Веремчук считает, что самое главное для успеха – это чтобы студенты сами хотели учиться. Создавая для них хорошие, глубокие курсы, можно по-настоящему заинтересовать студентов, особенно когда они видят, чего можно реально добиться и куда потом можно пойти работать. Учёные говорят, что если учить активно – например, давать работать в команде или использовать новые цифровые штуки – студенты намного больше вовлекаются в учёбу [4, 25].

То, как учат, тоже очень важно, чтобы будущие психологи понимали, кто они в профессии. Короткие, но насыщенные курсы, где дают конкретные практические навыки, помогают им почувствовать себя увереннее и быть готовыми к работе. А вот долгое обучение помогает по-настоящему вникнуть в профессию, увидеть больше разных сторон и заложить хороший фундамент для будущей карьеры [7].

Исследователи А.М. Кондаков и И.С. Сергеев отмечают, что по мере того, как психологические трудности становятся все более распространенными и комплексными, люди все чаще обращаются к образовательным курсам, объединяющим знания из разных дисциплин, включая медицину, социологию, педагогику и смежные направления. По их мнению, такой междисциплинарный подход позволяет готовить экспертов, которые могут успешно применять свои компетенции в широком спектре ситуаций, находя взвешенные решения [8].

Сегодня в образовательной среде широко обсуждается актуальность соблюдения психологами профессиональной этики и глубокого понимания их социальной роли. Это обусловлено возрастающим запросом на специалистов, которые не только обладают навыками диагностики и оказания помощи, но и разбираются в общественных и культурных процессах, влияющих на их работу.

Курсы повышения квалификации для психологов, которые уже работают, изменились. Теперь там больше внимания уделяют новым идеям, которые помогают улучшить работу во многих сферах. Например, учат, как создавать свой личный бренд, как заводить полезные знакомства в интернете и как использовать современные технологии, чтобы продвигать свои услуги.

Данные результаты исследования могут быть полезными при разработке образовательных технологий и методов в долгосрочной и краткосрочной системе переподготовки будущих психологов.

Выводы

Обучать хороших психологов – дело непростое, и тут много всяких нюансов. Для этого нужно очень много разных методик и подходов. Будущие психологи могут учиться по-разному: есть и долгие программы, и короткие курсы. У каждого варианта свои плюсы и минусы. Долгие программы дают хорошую базу, потому что там много теории и практики, но зато на них уходит куча времени и денег. Курсы же позволяют быстро начать работать, но работодатели могут сомневаться в качестве такой подготовки.

Сегодняшнее образование предлагает много нового, но нужно уметь быстро подстраиваться под постоянные изменения. Выбирать между этими двумя путями стоит, исходя из того, что нужно конкретному человеку. Надо помнить, что работа психотерапевта зависит не только от того, насколько хорошо он учился.

Важно уметь применять свои знания в любых, даже непростых ситуациях. К тому же, чтобы быть настоящим профессионалом, нужно постоянно учиться чему-то новому и приспосабливаться к меняющемуся миру. Если совместить новые методики обучения с хорошей работой преподавателей, это сильно улучшит образование и подготовку студентов. Тогда мы получим специалистов, которые смогут конкурировать, и они очень нужны сейчас на рынке труда.

Список источников

1. Авдеева Н.Н., Егорова М.А., Кочетова Ю.А. Психологическое просвещение как воспитательный ресурс современной системы образования // Психолого-педагогические исследования. 2021. № 13 (4). С. 73 – 93.
2. Амелина Ю.М. Оптимизация образовательного процесса: интеграция цифровых образовательных технологий с применением научно обоснованных методов преподавания // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2023): сб. статей IV Международной научно-практической конференции. 16-17 ноября 2023 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 616 – 632.
3. Болховский А.Л., Шиховцова Н.Н. Философско-педагогические и мировоззренческие аспекты освоения знаний // Педагогика. 2024. № 4. С. 22 – 33.
4. Веремчук А.С. О мотивации студентов как необходимом условии повышения качества обучения // Научное обозрение. Педагогические науки. 2020. № 2. С. 34 – 38.
5. Волков А.С. Цифровизация образовательного процесса: новые подходы и модели внедрения технологий в работу педагогов // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 5 (86). С. 781 – 794.
6. Дорофеева А.Р. Коммуникация «студент-преподаватель» в системе дистанционного обучения: особенности и проблемы (Научно-теоретический обзор) // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 10 (5). С. 54 – 64.
7. Казакова А.Ю. Формирование профессиональных компетенций у будущих педагогов-психологов // Молодой ученый. 2020. № 11 (301). С. 251 – 253.
8. Кондаков А.М., Сергеев И.С. Образование в конвергентной среде: постановка проблемы // Педагогика. 2020. № 12. С. 5 – 22.
9. Кошечеева Е.С., Матвеева Е.П. Развитие критического мышления у бакалавров с использованием информационных технологий // Педагогическое образование в России. 2018. № 7 С. 79 – 87.
10. Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 78 с.
11. Мурзалиева Д.Р. Развитие профессиональной рефлексии студентов будущих педагогов-психологов посредством имитационной игры // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-2. С. 98 – 102.

12. Носова В.И. Проектное обучение: плюсы и минусы // Молодой ученый. 2023. № 49 (496). С. 192 – 193.
13. Перфильева П.А. Геймификация в образовании: мотивационные аспекты и эффективность // Молодой ученый. 2025. № 7 (558). С. 114 – 116.
14. Галушина П.С., Ильясов О.Р., Лопаева Н.Л., Неверова О.П., Ражина Е.В. Практико-ориентированный подход в современном высшем образовании // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 272 – 276.
15. Романова Е.С. Актуальные вопросы внедрения психолого-педагогических программ и технологий в образовательную среду // Вестник практической психологии образования. 2024. № 21 (1). С. 27 – 33.
16. Рудинский И.Д., Давыдов А.В. Гибридные образовательные технологии: анализ возможностей и перспективы применения // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2021. Т. 7. № 1. С. 44 – 52.
17. Свиридова М.К., Ершова Р.В. Применение технологий виртуальной реальности в практической психологии: российский и зарубежный опыт // Психолог. 2025. № 4. С. 35 – 51.
18. Такиуллин Т.Р. Влияние цифровизации на систему образования // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 5 – 8.
19. Тюгаева Н.А. Методы обучения и психолого-педагогические технологии: сущность, тенденции развития // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1-4). № 3. С. 366 – 379.
20. Филоненко Н.В., Швачун О.А. Психологическое консультирование в России: профессиональная переподготовка, состояние, проблемы, способы решения // Путеводитель предпринимателя. 2025. Т. 18. № 4. С. 89 – 100.
21. American College Health Association. American College Health Association-National College Health Assessment II: Undergraduate Student Executive Summary Fall. (2018). Silver Spring, MD.
22. Hobbs C., Armitage J., Hood B., Jelbert S. A systematic review of the effect of university positive psychology courses on student psychological wellbeing // Frontiers in Psychology. 2022a. № 13. P. 1023140. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1023140>
23. Lewis J., Bolton P. (2023). Student mental health in England: Statistics, policy and guidance. Research Briefing. House of Commons Library. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8593/CBP-8593.pdf> accessed Dec 18th. 2025.
24. Pereira S., Reay K., Bottell J., Walker L., Dzikiti, C., Platt C. et al. (2018). University Student Mental Health Survey 2018. Available: [https://uploads-ssl.webflow.com/561110743bc7e45e78292140/5c7d4b5d314d163fecdc3706_Mental Health Report 2018.pdf](https://uploads-ssl.webflow.com/561110743bc7e45e78292140/5c7d4b5d314d163fecdc3706_Mental%20Health%20Report%202018.pdf)
25. Schoeps K., de la Barrera U., Montoya-Castilla I. Impact of emotional development intervention program on subjective well-being of university students // Higher Education. 2020. № 79. P. 711 – 729. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00433-0>

References

1. Avdeeva N.N., Egorova M.A., Kochetova Yu.A. Psychological education as an educational resource of the modern education system. Psychological and pedagogical research. 2021. No. 13 (4). P. 73 – 93.
2. Amelina Yu.M. Optimization of the educational process: integration of digital educational technologies with the use of scientifically based teaching methods. Digital humanities and technologies in education (DHTE 2023): collection of articles from the IV International scientific and practical conference. November 16-17, 2023. Ed. by V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. M.: FGBOU VO MGPPU, 2023. P. 616 – 632.
3. Bolkhovsky A.L., Shikhovtsova N.N. Philosophical, pedagogical, and ideological aspects of knowledge acquisition. Pedagogy. 2024. No. 4. P. 22 – 33.
4. Veremchuk A.S. On student motivation as a necessary condition for improving the quality of education. Scientific review. Pedagogical sciences. 2020. No. 2. P. 34 – 38.
5. Volkov A.S. Digitalization of the educational process: new approaches and models of introducing technologies into the work of teachers. Science Bulletin. 2025. Vol. 2. No. 5 (86). P. 781 – 794.
6. Dorofeeva A.R. Student-Teacher Communication in the Distance Learning System: Features and Challenges (Scientific and Theoretical Review). Scientific Notes of Young Researchers. 2022. No. 10 (5). P. 54 – 64.
7. Kazakova A.Yu. Formation of Professional Competencies in Future Educational Psychologists. Young Scientist. 2020. No. 11 (301). P. 251 – 253.
8. Kondakov A.M., Sergeev I.S. Education in a Convergent Environment: Problem Statement. Pedagogy. 2020. No. 12. P. 5 – 22.
9. Koshcheeva E.S., Matveeva E.P. Development of Critical Thinking in Bachelors Using Information Technology. Pedagogical Education in Russia. 2018. No. 7. P. 79 – 87.

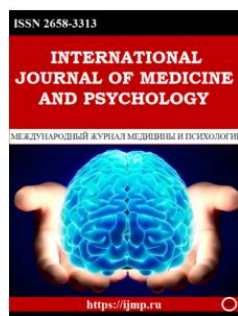
10. Malinovsky S.S., Shibanova E.Yu. Accessibility of Higher Education in Russia: How to Turn Expansion into Equality. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2022. 78 p.
11. Murzalieva D.R. Developing Professional Reflection of Future Educational Psychologists through a Simulation Game. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 3-2. P. 98 – 102.
12. Nosova V.I. Project-Based Learning: Pros and Cons. Young Scientist. 2023. No. 49 (496). P. 192 – 193.
13. Perfil'eva P.A. Gamification in Education: Motivational Aspects and Efficiency. Young Scientist. 2025. No. 7 (558). P. 114 – 116.
14. Galushina P.S., Ilyasov O.R., Lopayeva N.L., Neverova O.P., Razhina E.V. Practice-oriented approach in modern higher education. Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 272 – 276.
15. Romanova E.S. Current issues of implementation of psychological and pedagogical programs and technologies in the educational environment. Bulletin of practical psychology of education. 2024. No. 21 (1). P. 27 – 33.
16. Rudinsky I.D., Davydov A.V. Hybrid educational technologies: analysis of possibilities and application prospects. Bulletin of science and education of North-West Russia. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 44 – 52.
17. Sviridova M.K., Ershova R.V. Application of Virtual Reality Technologies in Practical Psychology: Russian and Foreign Experience. Psychologist. 2025. No. 4. Pp. 35–51.
18. Takiullin T.R. The Impact of Digitalization on the Education System. Young Scientist. 2021. No. 47 (389). P. 5 – 8.
19. Tyugaeva N.A. Teaching Methods and Psychological and Pedagogical Technologies: Essence and Development Trends. Man: Crime and Punishment. 2019. Vol. 27 (1-4). No. 3. P. 366 – 379.
20. Filonenko N.V., Shvachun O.A. Psychological counseling in Russia: professional retraining, status, problems, and solutions. Entrepreneur's Guide. 2025. Vol. 18. No. 4. P. 89 – 100.
21. American College Health Association. American College Health Association-National College Health Assessment II: Undergraduate Student Executive Summary Fall. (2018). Silver Spring, MD.
22. Hobbs C., Armitage J., Hood B., Jelbert S. A systematic review of the effect of university positive psychology courses on student psychological wellbeing. Frontiers in Psychology. 2022a. No. 13. P. 1023140. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1023140>
23. Lewis J., Bolton P. (2023). Student mental health in England: Statistics, policy, and guidance. Research Briefing. House of Commons Library. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8593/CBP-8593.pdf> accessed Dec 18th. 2025.
24. Pereira S., Reay K., Bottell J., Walker L., Dziki C., Platt C et al. (2018). University Student Mental Health Survey 2018. Available: [https://uploads-ssl.webflow.com/561110743bc7e45e78292140/5c7d4b5d314d163fecdc3706_Mental Health Report 2018.pdf](https://uploads-ssl.webflow.com/561110743bc7e45e78292140/5c7d4b5d314d163fecdc3706_Mental%20Health%20Report%202018.pdf)
25. Schoeps K., de la Barrera U., Montoya-Castilla I. Impact of emotional development intervention program on subjective well-being of university students. Higher Education. 2020. No. 79. P. 711 – 729. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00433-0>

Информация об авторах

Трунин Д.М., аспирант, Московский психолого-социальный университет, 5119765@mail.ru

Молодцова Н.Г., кандидат психологических наук, доцент, Московский психолого-социальный университет, N201270@mail.ru

© Трунин Д.М., Молодцова Н.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-277-284

¹ **Шомахова А.М.,**

^{2,3} **Бонкало Т.И.,**

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,

² Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы,

³ Кубанский государственный университет

Психологическое обеспечение коммуникативно-деонтологической подготовки врача для современной ценностно-ориентированной системы здравоохранения

Аннотация: статья посвящена проблеме формирования у будущих врачей профессионально важных качеств, соответствующих требованиям современной системы здравоохранения. На основе эмпирического исследования субъективных представлений 198 врачей, находящихся на разных этапах профессионализации (по 66 человек – студенты выпускных курсов медицинских вузов, врачи-терапевты со стажем профессиональной деятельности от 5 до 10 лет и более 15 лет), об идеальной модели взаимодействия врача и пациента, выделены четыре типа коммуникативно-деонтологической культуры врача: эмпатический, диалогический, рационально-рефлексивный и формально-этический. Выявлено, что большинство будущих врачей характеризуются стремлением к достижению эмпатической коммуникативно-деонтологической культуры; большинство врачей со стажем профессиональной деятельности более 20 лет придерживаются мнения о необходимости обладания врачом формально-этической культурой, а врачи со стажем профессиональной деятельности от 5 до 10 лет считают, что либо диалогическая, либо рационально-рефлексивная коммуникативно-деонтологическая культура может гарантировать успешное решение профессиональных врачебных задач в современной медицинской практике. При опросе 33 экспертов в области психологии труда и организации здравоохранения выявлено, что для реализации идей ценностно-ориентированной парадигмы здравоохранения в практику врачебной деятельности современный врач должен обладать профессионально важными качествами личности, которые соответствуют рационально-рефлексивному типу коммуникативно-деонтологической культуры. В соответствии с этим, разработана модель психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки современного врача, раскрывающая методологические основания психологического сопровождения, его цель, содержание, технологии и способы оценки результата. Делается вывод о необходимости, возможности и целесообразности внедрения модели в общую практику профессиональной подготовки будущих врачей на современном этапе развития медицины.

Ключевые слова: коммуникативно-деонтологическая культура врача, парадигма здравоохранения, ценностно-ориентированное здравоохранение, типы коммуникативно-деонтологической культуры врача, модель психологического обеспечения, врачи-терапевты, студенты

Для цитирования: Шомахова А.М., Бонкало Т.И. Психологическое обеспечение коммуникативно-деонтологической подготовки врача для современной ценностно-ориентированной системы здравоохранения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 277 – 284. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-277-284

Поступила в редакцию: 28 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Shomakhova A.M.,**

^{2,3} **Bonkalo T.I.,**

¹ *Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,*

² *Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management,
Moscow City Department of Healthcare,*

³ *Kuban State University*

Psychological support for physicians' communication and deontological training for a modern value-oriented healthcare system

Abstract: the article is devoted to the problem of developing professionally important qualities in future doctors that meet the requirements of the modern healthcare system. Based on an empirical study of the subjective perceptions of 198 doctors at different stages of professional development (66 people each - final-year medical students, general practitioners with professional experience from 5 to 10 years and more than 15 years), about the ideal model of interaction between doctor and patient, four types of communicative-deontological culture of a doctor are identified: empathic, dialogic, rational-reflexive and formal-ethical. It was revealed that the majority of future doctors are characterized by a desire to achieve an empathic communicative-deontological culture; Most physicians with over 20 years of professional experience believe that a formal ethical culture is essential, while those with 5 to 10 years of professional experience believe that either a dialogic or a rational-reflexive communicative-deontological culture can guarantee the successful resolution of professional medical tasks in modern medical practice. A survey of 33 experts in the field of occupational psychology and healthcare organization revealed that, to implement the ideas of a value-oriented healthcare paradigm in medical practice, modern physicians must possess professionally important personal qualities that correspond to a rational-reflexive communicative-deontological culture. Accordingly, a model for psychological support of communicative-deontological training for modern physicians has been developed, revealing the methodological foundations of psychological support, its purpose, content, technologies, and methods for evaluating results. A conclusion is drawn regarding the necessity, feasibility, and advisability of implementing this model into the general practice of professional training for future physicians at the current stage of medical development.

Keywords: physician communicative-deontological culture, healthcare paradigm, value-based healthcare, types of physician communicative-deontological culture, psychological support model, general practitioners, students

For citation: Shomakhova A.M., Bonkalo T.I. Psychological support for physicians' communication and deontological training for a modern value-oriented healthcare system. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2026. 9 (4). P. 277 – 284. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-277-284

The article was submitted: February 28, 2026; Approved after reviewing: April 26, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

С конца XX и начала XXI веков началось реформирование систем здравоохранения во всем мире, что связано с необходимостью ее совершенствования, повышения качества и доступности медицинской помощи.

Современное здравоохранение переходит от модели, ориентированной на объем оказанных услуг, к модели, ориентированной на ценность для пациента, ее учета, формирования и развития [1]. В этой модели основными показателями эффективности медицинской помощи становятся не только результаты лечения и клинические показатели, но и качество жизни пациента, его удовлетворенность, в том числе и удовлетворенность жизнью, безопасность и персонализированный подход [2].

Изменения парадигмы здравоохранения диктует необходимость пересмотра основных ценностей врача, содержания его коммуникативно-деонтологической культуры.

1. Традиционная медицинская деонтология, в основе которой лежат принципы «Не навреди!», «Соблюдай врачебную тайну», носит, скорее, запретительный характер, обуславливая построение патерналистской модели взаимодействия врача и пациента [3], что требовало от врача проявления таких профессионально важных качеств личности, как эмпатия, авторитет, способность к убеждению и доминированию в коммуникативном взаимодействии с пациентами. Современная ценностно-ориентированная парадигма здравоохранения опирается на принципиально иные принципы

профессионального взаимодействия [4]. Ценностно-ориентированная система требует от врача информирования и учета субъективных ценностей пациента [5]. Существующая модель коммуникативной и деонтологической подготовки врачей не может гарантировать возможность эффективной реализации новых идей и ценностно-ориентированной парадигмы в здравоохранении. На современном этапе его развития коммуникативная компетентность перестает быть «мягким навыком», дополняющим профессионально-важные качества личности врача, и становится, скорее, «стратегическим ресурсом эффективности лечения» [6].

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что большинство жалоб пациентов и судебных исков в медицине связаны не с реальными врачебными ошибками, а с дефицитом информации [7], некорректным общением врача [8] и нарушением им этических норм, в субъективном восприятии пациентов [9].

2. Врач, прошедший традиционную профессиональную, и в том числе коммуникативно-деонтологическую подготовку, ориентированную на решение медицинских проблем пациентов и зачастую «за пациентов», становится неспособным и не готовым к общению с разными категориями пациентов, их родственниками в трудных ситуациях, к аргументированию выбора лечения с учетом их финансового положения. Врачи, нацеленные на оказание помощи, имеющие как альтруистическую направленность, как и направленность на равноправный диалог с пациентом, не готовы к работе в новых условиях и в новой ценностно-ориентированной системе здравоохранения [10].

Помимо этого, интенсивное развитие цифровых технологий и внедрение их в систему здравоохранения, телемедицина, электронные карты, маркетплейсы медицинских услуг, цифровая обратная связь, включающая в себя отзывы о врачах, рейтинги, меняют характер общения в системе «Врач – пациент», что порождает множество вопросов: как соблюдать деонтологические принципы при дистанционном общении? Как строить коммуникацию, когда пациент приходит со своим мнением о лечении и болезни, сформированным на основе прочитанной им информации из интернета и социальных сетей? Где граница между помощью и «навязыванием медицинских услуг» в коммерческой медицине? Как опираться на ценности пациента, для которого здоровье не входит в систему его личностных смыслов?

Современный врач должен быть готов к решению этих вопросов на практике – в противном случае декларируемая «пациентоцентрированность» и ценностная ориентированность здравоохранения, закрепленная в нормативных документах, так и останутся нереализованными, в связи с неготовностью врача к новым взаимоотношениям с пациентами.

Таким образом, актуальность построения в медицинских вузах процесса психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки врача продиктована отставанием традиционной профессиональной подготовки, основанной на авторитарной деонтологии и развитии у врача узкоклинического мышления, от требований ценностно-ориентированной и цифровой системы здравоохранения. Разработка и реализация модели психологического обеспечения формирования у будущих врачей определенного типа коммуникативно-деонтологической культуры, соответствующего требованиям современной ценностно-ориентированной парадигмы здравоохранения, является необходимым условием достижения безопасности, эффективности и гуманизации современной медицины.

Цель исследования – разработка модели психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки врача для ценностно-ориентированной системы здравоохранения.

Материалы и методы исследований

Достижение поставленной цели осуществлялось на основе теоретического анализа и результатов эмпирического исследования, направленного на выявление существующих и предпочитаемых типов коммуникативно-деонтологической культуры врача. Был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 198 врачей-терапевтов, находящихся на разных этапах профессионализации: 66 студентов выпускных курсов медицинского вуза; 66 врачей-терапевтов со стажем профессиональной деятельности от 5 до 10 лет, и 66 врачей-терапевтов со стажем профессиональной деятельности от 20 лет. Испытуемым, давшим информационное согласие, было предложено выбрать из списка прилагательных те профессионально важные качества, которые, по их мнению составляют психологический портрет идеального врача во взаимодействии с пациентом. Обработка результатов такого эксперимента осуществлялась с помощью кластерного анализа методом Уорда (по типу семантического сходства). В результате кластерного анализа были выделены четыре типа представлений современных врачей о коммуникативно-деонтологической культуре.

На втором этапе исследования с помощью метода экспертных оценок были соотнесены выявленные типы коммуникативно-деонтологической культуры врача с современными требованиями к оказанию медицинской помощи, декларируемыми в нормативных документах перспектив развития системы здравоохра-

нения. В качестве экспертов выступили доктора психологических наук по специальности «Психология труда», специализирующиеся на проблемах профессионального развития медицинских работников, в количестве пяти человек, и доктора медицинских наук по специальности «Организация здравоохранения» в количестве 28 человек. Таким образом, результаты экспертной оценки позволили судить о приоритетности существующих типов коммуникативно-деонтологической культуры врача в соответствии с требованиями новой ценностно-ориентированной парадигмы здравоохранения. Были учтены среднегрупповые экспертные оценки, которые и рассматривались в качестве результатов соответствия определенного типа коммуникативно-деонтологической культуры врача определенной модели взаимодействия врача и пациента (коэффициент согласованности мнений экспертов определялся с помощью критерия ICC).

Статистическими методами, таким образом, являлись кластерный анализ, процентное распределение, расчет средних арифметических, стандартных отклонений и коэффициентов корреляций оценочных суждений экспертов.

С учетом результатов двух этапов эмпирического исследования, а также теоретического анализа, была разработана модель психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки будущих врачей для реализации идей ценностно-ориентированного здравоохранения в практике медицинской деятельности.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного ассоциативного эксперимента и последующего кластерного анализа были выделены четыре кластера, каждый из которых включал в себя такие характеристики врача, которыми, по мнению опрошенных респондентов, должен обладать современный (идеальный) врач. Первый кластер включал в себя такие характеристики, как развитая эмпатия, альтруизм, способность входить в эмоциональное состояние других людей, учитывая его болезненное, а, значит, измененное состояние, стремление всем помогать и оказывать помощь, сострадание, милосердие, гуманизм как любовь к людям. Исходя из содержания данного кластера, он получил название «Эмпатический тип коммуникативно-деонтологической культуры врача».

Во второй кластер вошли такие профессионально важные качества врача, как коммуникабельность, направленность на диалог, совместное с пациентом обсуждение его проблем и принятие решения, правдивость, искренность, информативность, диалогичность. Такой кластер отражает содержание диалогического типа коммуникативно-деонтологической культуры врача.

Третий кластер объединил такие профессионально важные качества, отражающие коммуникативную сферу личности врача, как развитая рефлексивность, способность понимать пациента и его интересы, адекватно оценивать свое поведение, рационально подходить к профессиональному взаимодействию, используя рефлексивные техники, учитывать ценности и интересы каждого пациента, готовность в коммуникативном взаимодействии распознавать и формировать ценностные ориентации клиента. Данный кластер характеризует рационально-рефлексивную коммуникативно-деонтологическую культуру врача.

Четвертый кластер содержит представления об идеальном враче как о профессионале, не проявляющем эмоциональной вовлеченности в состояние пациента, при этом, вежлив, тактичен, но отстранен от проблем пациента, строго следует предписаниям и не проявляет личностной заинтересованности – это формально-этический тип коммуникативно-деонтологической культуры.

Выявлено, что ориентация на эмпатическую коммуникативно-деонтологическую культуру в большей степени характерна для студентов, как будущих врачей (72,72 %), и в меньшей степени – для врачей со стажем профессиональной деятельности более 20 лет (9,09 %). В группе же врачей, проработавших в медицинских организациях от 5 до 10 лет, процентное распределение по типам коммуникативно-деонтологической культуры почти равномерное (рис. 1).

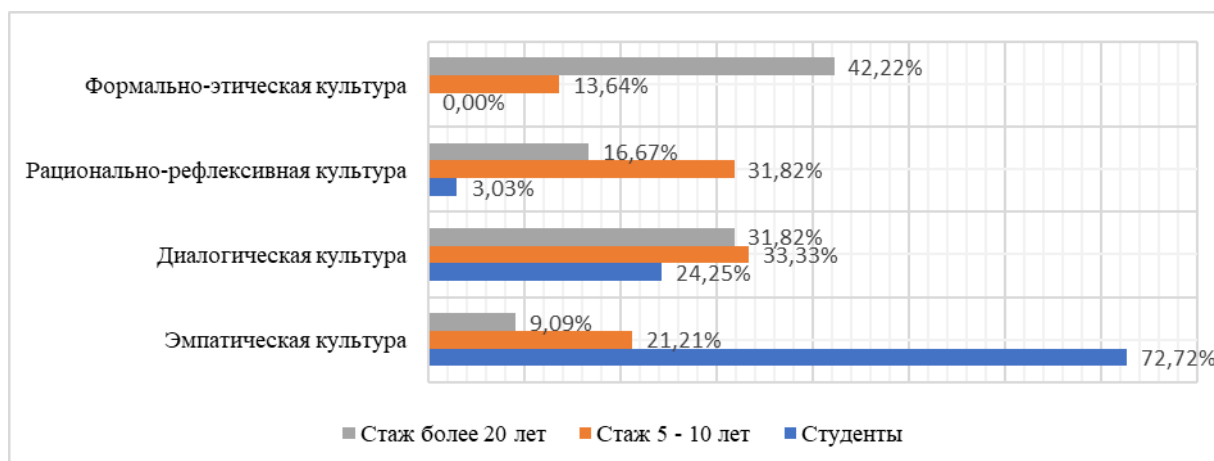

Рис. 1. Процентное распределение испытуемых по предпочитаемым типам коммуникативно-деонтологической культуры врачей.

Fig. 1. Percentage distribution of subjects according to preferred types of communicative-deontological culture of doctors.

В процессе второго этапа эмпирического исследования выявлено, что большинство экспертов, оценивающих соответствие типа коммуникативно-деонтологической культуры врачей определенным парадигмам здравоохранения, рационально-рефлексивная культура врача может обеспечить решение важных проблем в развитии новой ценностно-ориентированной системы современного здравоохранения (рис. 2).

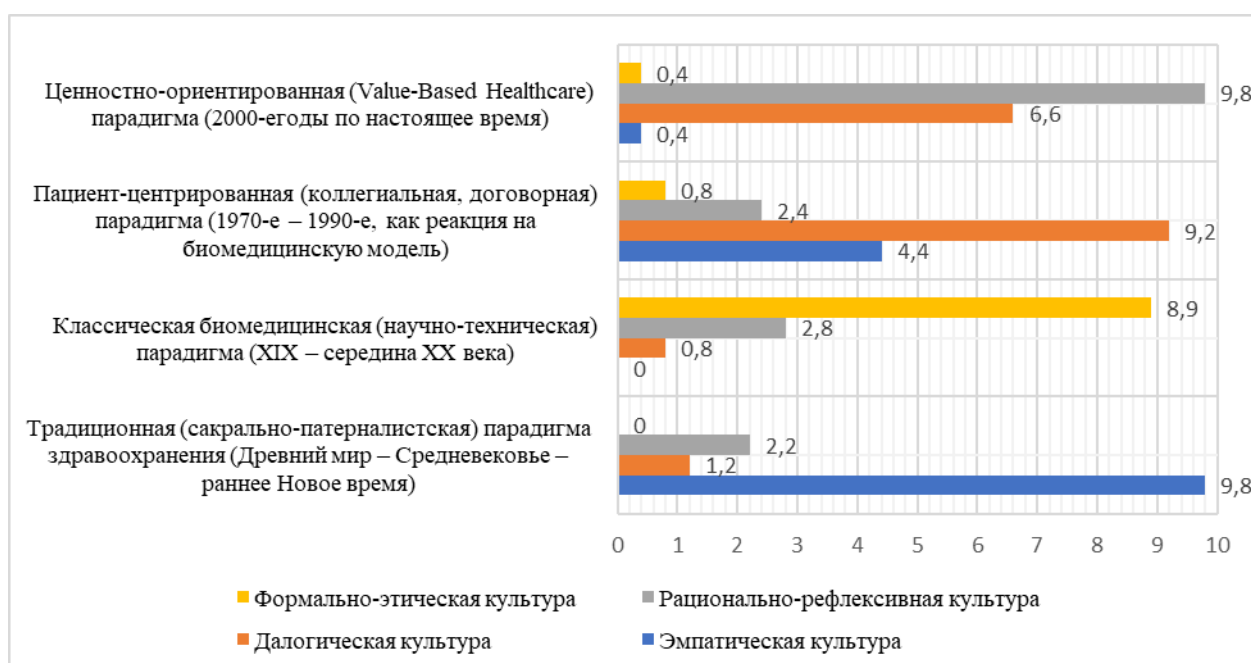

Рис. 2. Оценка экспертами возможности определенного типа коммуникативно-деонтологической культуры врача реализовать разные парадигмы здравоохранения, известные в истории медицины.

Fig. 2. Experts' assessment of the possibility of a certain type of communicative-deontological culture of a physician to implement various healthcare paradigms known in the history of medicine.

Большинство экспертов считают, что для реализации ценностно-ориентированной парадигмы здравоохранения приоритетной и перспективной является рационально-рефлексивная коммуникативно-деонтологическая культура.

На основании проведенного исследования была построена модель психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки современного врача для реализации ценностно-ориентированной парадигмы здравоохранения. Основной целью такой модели и организации в вузе систе-

мы психологического обеспечения является формирование у будущих врачей рационально-рефлексивной коммуникативно-деонтологической культуры.

Модель включает в себя пять взаимосвязанных компонента: методологический, целевой, содержательный, процессуально-технологический и оценочно-рефлексивный.

Методологический компонент модели отражает методологическую основу для построения всего процесса психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки будущих врачей в медицинском вузе. Модель предусматривает интеграцию трех подходов: аксиологического, деятельностно-рефлексивного и контекстного (табл. 1).

Таблица 1

Методологические подходы к построению процесса психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки будущих врачей для реализации ценностно-ориентированной парадигмы здравоохранения.

Table 1

Methodological approaches to constructing the process of psychological support for the communicative and deontological training of future doctors for the implementation of a value-oriented healthcare paradigm.

Подход	Основная идея подхода	Как реализован в модели
Ценностно-ориентированный (аксиологический)	Коммуникативно-деонтологическая подготовка – это, по сути, процесс приобщения к профессиональным ценностям и их рефлексивное присвоение	Ценности врачебной этики не декларируются, а проблематизируются в кейсовых технологиях
Деятельностно-рефлексивный	Рационально-рефлексивный тип коммуникативно-деонтологической культуры формируется через действие и последующий анализ его оснований	Каждое коммуникативное действие сопровождается этапом рефлексии (письменной, групповой, супервизорской)
Контекстно-компетентностный	Обучение максимально приближено к профессиональным и этически сложным ситуациям	Используются клинические казусы, ролевые игры, симуляции «плохих новостей», разбор реальных жалоб пациентов

Целевой компонент модели отражает идеальный результат ее реализации в медицинских вузах – сформированность рационально-рефлексивной коммуникативно-деонтологической культуры врача как интегративного профессионально важного качества его личности. Критериями достижения результата выступают когнитивный (знает типы этических аргументов, алгоритмы рефлексии и рефлексивного анализа ситуаций профессионального взаимодействия), деятельностный (умеет построить диалог в ситуации ценностного конфликта) и личностный (демонстрирует установку на рефлексии, принимает ответственность за этический выбор) критерии.

Содержательный компонент разработанной модели включает в себя описание основных программ психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки, к которым относятся:

— Программа «Аксиология медицины» – это программа, направленная на формирование у будущих врачей базовых медицинских ценностей и осознание необходимости их иерархии в разных ситуациях медицинской практики; освоение данной программы ориентировано на формирование основ для ценностной рефлексии;

— Программа «Типология коммуникативно-деонтологических культур» реализуется в процессе освоения содержания специальной учебной дисциплины, в рамках которой будущие врачи обучаются распознавать разные типы культур и их историческое развитие в истории деонтологии медицины;

— Программа «Ценностно-ориентированная коммуникация» – это программа, интегрирующая содержание как соответствующих профессиональных дисциплин, так и внеаудиторной деятельности студентов, и главных образом, их участие в профессиональных коммуникативных тренингах, направленных на развитие навыков коммуникативного взаимодействия с пациентом в системе ценностно-ориентированного здравоохранения;

— Программа специального тренинга «Рефлексивные техники в медицине» – реализация которой осуществляется в процессе психологического сопровождения профессионального образования будущих медицинских работников; студентам в качестве домашних заданий после тренинговых занятий предлагается вести «дневник этических дилемм», анализировать коммуникативные неудачи в практической деятельности врача через психолого-деонтологическую супервизию;

— «Клиническая казуистика» — это подпрограмма, органически взаимосвязанная с предыдущей программой, но реализуется она в процессе психологического сопровождения практик студентов: на тренинге разбираются реальные случаи коммуникаций между врачом, пациентом, его родственниками, администрацией медицинской организации, организуется тренинг коммуникативного и ценностного выбора.

Процессуально-технологический компонент модели содержит описание основных форм, методов и технологий реализации разработанных программ в реальном учебно-воспитательном процессе медицинского вуза. Используются проблемные лекции, включающие в себя так называемые «этические казусы», когда студентам не дается готовое решение проблемной ситуации, а демонстрируется логика ценностного выбора; техники «морального казуса», состоящие в анализе сложных ситуаций, выработки ее решений от имени врачей, обладающих разными типами коммуникативно-деонтологических культур, рефлексия каждого решения; симуляционные тренинги, имеющие сложные коммуникативные задачи, например, сообщить о смерти, объяснить пациенту отказ от дорогостоящего лечения, убедить пациента с низкой приверженностью лечению; психолого-деонтологические супервизии в малых группах как разбор реальных коммуникативных эпизодов из клинической практики студента с опорными вопросами о том, какие ценности были затронуты, какая коммуникативно-деонтологическая культура проявилась в эпизоде фактически, как мог бы измениться результат коммуникативного акта, если бы использовать стратегии рационально-рефлексивного типа культуры врача.

Оценочно-рефлексивный компонент модели раскрывает показатели уровня сформированности у будущих врачей рационально-рефлексивной коммуникативно-деонтологической культуры.

Выводы

Представленная модель основывается на принципах субъектности и развития, которые заключаются в переходе от усвоения внешних норм коммуникативно-деонтологического поведения к рефлексивному присвоению ценностей и ответственному действию в разных ситуациях решения профессиональных задач. Рационально-рефлексивный тип коммуникативно-деонтологической культуры рассматривается не как еще один из вариантов эмпатической культуры, а как операционально-действенный ресурс, позволяющий врачу сохранять профессиональное «Я» в условиях множественных и часто противоречивых ценностей современного здравоохранения. Без внедрения такой модели, без организации в вузе системы психологического обеспечения коммуникативно-деонтологической подготовки будущего врача ценностно-ориентированное здравоохранение остается декларируемым в нормативных актах ожиданием, не воплощенным в реальные профессиональные действия работающего здесь и сейчас врача.

Для оценки эффективности представленной модели необходимы экспериментальные данные о тех изменениях в коммуникативно-деонтологических характеристиках врача, которые позволили бы судить о целесообразности и возможности ее внедрения в практику его профессиональной подготовки.

Список источников

1. Аксенова Е.И., Камынина Н.Н. Ценностно-ориентированное здравоохранение: новая парадигма развития // Москвоская медицина. 2022. Вып. 5 (51). С. 4 – 10.
2. Зуенкова Ю.А. Ценностно-ориентированный подход: анализ руководства Европейского института инноваций и технологий // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2021. Т. 43. № 1. С. 28 – 35.
3. Деонтология в медицине: в 2-х т. / Под ред. Б.В. Петровского. Москва: Медицина, 1988. Т. 1. 352 с.
4. Введенская Е.В. Трансформация взаимоотношений врача и пациента: от биоэтики к робоэтике // Человек. 2023. Т. 34. Вып. 6. С. 65 – 83. DOI10.31857/S023620070029305-2
5. Бонкало Т.И. Деонтологические проблемы в деятельности специалистов государственных учреждений медико-социальной экспертизы // Труд и социальные отношения. 2024. Т. 35. № 5. С. 168 – 179. DOI: 10.20410/2073-7815-2024-35-5-168-179
6. Психологическая диагностика коммуникативного потенциала личности методические рекомендации для студентов / сост. Н.А. Зимина. Н. Новгород: ННГАСУ, 2015. 42 с.
7. Никерина Т.А., Фирсова Н.В., Баширина Е.Н. Моральный вред: проблемы теории и судебной практики // Colloquium-journal. 2020. № 3 (55). Ч. 10. С. 37 – 40.
8. Храмов Д.С., Смирнова Т.В. Роль врачебной ошибки в медицинской практике // Материалы V Международной (75 Всероссийской) научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения». Екатеринбург, 2020. С. 1014 – 1019.

9. Лесниченко А.М. Врачебная ошибка // Вопросы науки и образования. 2018. № 13 (25). С. 18 – 25.
10. Зорин К.В. Этико-деонтологическое воспитание и профессиональное развитие студентов-медиков: аспекты проблемы // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 11. № 3. С. 187 – 192. DOI: 10.24411/2220-8453-2020-13016

References

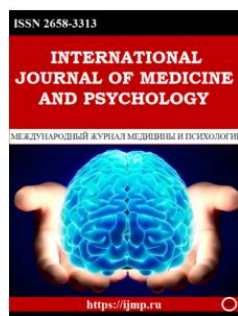
1. Aksenova E.I., Kamynina N.N. Value-oriented healthcare: a new development paradigm. Moscow Medicine. 2022. Issue 5 (51). P. 4 – 10.
2. Zuyenkova Yu.A. Value-oriented approach: analysis of the guidelines of the European Institute for Innovation and Technology. Medical Technologies. Assessment and Choice. 2021. Vol. 43. No. 1. P. 28 – 35.
3. Deontology in medicine: in 2 volumes. Ed. by B.V. Petrovsky. Moscow: Meditsina, 1988. Vol. 1. 352 p.
4. Vvedenskaya E.V. Transformation of doctor-patient relationships: from bioethics to roboethics. Chelovek. 2023. Vol. 34. Issue. 6. P. 65 – 83. DOI10.31857/S023620070029305-2
5. Bonkalo T.I. Deontological problems in the activities of specialists of state institutions of medical and social expertise. Labor and social relations. 2024. Vol. 35. No. 5. P. 168 – 179. DOI: 10.20410/2073-7815-2024-35-5-168-179
6. Psychological diagnostics of the communicative potential of the individual: methodological recommendations for students. compiled by N.A. Zimina. N. Novgorod: NNGASU, 2015. 42 p.
7. Nikerina T.A., Firsova N.V., Bashirina E.N. Moral Damage: Theoretical and Judicial Issues. Colloquium-journal. 2020. No. 3 (55). Part 10. P. 37 – 40.
8. Khramov D.S., Smirnova T.V. The Role of Medical Error in Medical Practice. Proceedings of the V International (75th All-Russian) Scientific and Practical Conference "Topical Issues of Modern Medical Science and Healthcare". Yekaterinburg, 2020. P. 1014 – 1019.
9. Lesnichenko A.M. Medical Error. Issues of Science and Education. 2018. No. 13 (25). P. 18 – 25.
10. Zorin K.V. Ethical and Deontological Education and Professional Development of Medical Students: Aspects of the Problem. Medical Education and Professional Development. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 187 – 192. DOI: 10.24411/2220-8453-2020-13016

Информация об авторах

Шомахова А.М., старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Бонкало Т.И., доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы; профессор, Кубанский государственный университет

© Шомахова А.М., Бонкало Т.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923.2:159.944.4-053.81

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-285-293

¹ **Авдеева О.В.,**

¹ **Бычков Р.В.,**

¹ *Московский институт технологий и управления*

Взаимосвязь субъективного возраста с тревогой и стрессом в молодом взрослом возрасте: пилотажное исследование

Аннотация: в статье рассматривается феномен субъективного возраста в контексте переживания тревоги и стрессовой нагрузки в период молодого взрослого возраста (18-25 лет). На основе анализа литературы субъективный возраст описывается как компонент возрастной идентичности, включающий биологический, эмоциональный, социальный и интеллектуальный аспекты и связанный с показателями здоровья и психологического благополучия. Обсуждаются социально культурные условия формирования субъективного возраста у молодых взрослых, включая влияние учебно профессиональной нагрузки, цифровой среды и социальных сравнений.

Представлены результаты пилотажного эмпирического исследования на выборке из 32 молодых взрослых, в котором с помощью авторского опросника оценивались уровни тревоги, стрессовой нагрузки и субъективного «психологического старения», а также индекс разрыва между паспортным и ощущаемым возрастом. Показано, что в среднем респонденты ощущают себя примерно на три года старше своего хронологического возраста; более высокие уровни тревоги и стресса сочетаются с тенденцией к повышению субъективного возраста и чувству «преждевременного старения». Обсуждается возможность использования показателей субъективного возраста как дополнительного индикатора психологического состояния молодых взрослых. Отмечаются ограничения пилотажного исследования и обозначаются перспективы дальнейших работ.

Ключевые слова: субъективный возраст, возрастная идентичность, молодой взрослый возраст, тревога, стресс, эмоциональное благополучие

Для цитирования: Авдеева О.В., Бычков Р.В. Взаимосвязь субъективного возраста с тревогой и стрессом в молодом взрослом возрасте: пилотажное исследование // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 285 – 293. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-285-293

Поступила в редакцию: 28 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Avdeeva O.V.,**

¹ **Bychkov R.V.,**

¹ *Moscow Institute of Technology and Management*

The relationship between subjective age, anxiety, and stress in young adulthood: a pilot study

Abstract: this article examines the phenomenon of subjective age within the context of experiencing anxiety and stress during young adulthood (ages 18-25). Based on a literature review, subjective age is described as a component of age identity that encompasses biological, emotional, social, and intellectual aspects, and is linked to indicators of health and psychological well-being. The sociocultural conditions influencing the formation of

subjective age in young adults are discussed, including the impact of academic and professional workloads, the digital environment, and social comparisons.

The article presents the results of a pilot empirical study involving a sample of 32 young adults. Using a proprietary questionnaire, the study assessed levels of anxiety, stress, and subjective "psychological aging," as well as the discrepancy between chronological and felt age. The findings indicate that, on average, respondents perceive themselves to be approximately three years older than their chronological age; higher levels of anxiety and stress are associated with a tendency toward an elevated subjective age and a sense of "premature aging." The potential utility of subjective age indicators as an additional measure of the psychological state of young adults is discussed. The limitations of this pilot study are noted, and avenues for future research are outlined.

Keywords: subjective age, age identity, young adulthood, anxiety, stress, emotional distress

For citation: Avdeeva O.V., Bychkov R.V. The relationship between subjective age, anxiety, and stress in young adulthood: a pilot study. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 285 – 293. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-285-293

The article was submitted: February 28, 2026; Approved after reviewing: April 26, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Феномен субъективного возраста в последние десятилетия активно изучается преимущественно в контексте взрослости и старения. Показано, что внутреннее ощущение человеком «своего» возраста связано не только с текущим самочувствием и уровнем активности, но и с риском неблагоприятных исходов по здоровью и особенностями жизненного планирования. При этом возрастной интервал 18-25 лет – период молодого взрослого возраста – в сравнении с более поздними этапами жизненного пути остаётся относительно мало разработанным [1; 6; 8].

В этот период человек завершает школьный этап социализации, осваивает новые социальные роли, принимает первые самостоятельные решения, определяющие профессиональную и личную траектории. Высокая степень неопределённости и ответственность за будущее делают данный этап особенно напряжённым [2; 9].

В консультативной практике нередко фиксируются высказывания молодых людей о «раннем выгорании», «усталости не по возрасту», «чувстве, что стал старше своих ровесников». Это актуализирует вопрос о том, каким образом субъективный возраст соотносится с уровнем тревоги и стрессовой нагрузки в молодом взрослом возрасте.

Объектом исследования выступают психологические особенности молодых взрослых в возрасте от 18 до 25 лет.

Предмет исследования – связь субъективного возраста с уровнем тревоги и стрессом у молодых людей этого возрастного диапазона.

Цель статьи – выявить особенности связи субъективного возраста с уровнем тревоги и стрессом у молодых взрослых 18-25 лет на основе теоретического анализа и пилотажного эмпирического исследования.

В соответствии с поставленной целью решались следующие задачи:

1. Описать теоретические подходы к изучению субъективного возраста, тревоги и стресса в молодом взрослом возрасте.
2. Провести эмпирическое исследование взаимосвязи между субъективным возрастом, уровнем тревоги и стресса у молодых взрослых 18-25 лет.
3. Выявить особенности лиц с различным субъективным возрастом – тех, кто ощущает себя моложе паспортного возраста, примерно на свой возраст или заметно старше его, – и обозначить направления психопрофилактической работы.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что у молодых взрослых 18-25 лет более высокий уровень тревоги и стресса связан с «ускоренным» субъективным старением, то есть с ощущением себя старше своего хронологического возраста.

Научная новизна работы состоит в том, что:

1. Описываются клинико-психологические и социально-психологические особенности лиц молодого взрослого возраста с различным субъективным возрастом: одни ощущают себя моложе паспортного возраста, другие – примерно на свой возраст, третьи – старше него;

2. Показывается роль тревоги и переживаемого стресса в формировании расхождения между субъективным и хронологическим возрастом у молодых взрослых;

3. Обозначаются направления профилактической и коррекционной работы с молодыми взрослыми с учётом особенностей их субъективного возраста и уровня тревоги и стресса.

Под субъективным возрастом обычно понимают внутреннее представление человека о собственном возрасте и своём месте в жизненном цикле. Это не только числовой ответ на вопрос «на сколько лет я себя чувствую», но и образ себя в определённом жизненном периоде – с соответствующими ожиданиями, опытом, степенью усталости или ресурса [1; 8].

В структуре возрастной идентичности выделяют биологический, эмоциональный, социальный и интеллектуальный субъективный возраст: ощущение состояния тела и выносливости, эмоциональной зрелости, набора социальных ролей и обязанностей, когнитивных возможностей и интереса к новому. Эти компоненты могут совпадать с паспортным возрастом, а могут существенно от него отличаться.

Работы по среднему и позднему возрасту показывают, что многие люди ощущают себя моложе хронологического возраста, особенно в плане интересов и социальной активности. Такой «субъективный омолаживающий сдвиг» рассматривается как один из механизмов адаптации к старению и возрастным стереотипам. В то же время описывается и противоположный феномен – субъективное «ускоренное старение», связанное с потерей интересов, переживанием «опоздания» и нередко сопровождающееся хронической усталостью [6; 7; 8].

Субъективный возраст включён в более широкий контекст «Я-концепции»: человек не только фиксирует текущий возраст «по ощущениям», но и соотносит его с тем, как он чувствовал себя раньше и как представляет себя в будущем. Это влияет на горизонты жизненного планирования и воспринимаемые ограничения или ресурсы.

Наиболее распространённый способ количественной оценки субъективного возраста – прямой вопрос «На сколько лет вы себя ощущаете?» с последующим сравнением этого значения с фактическим возрастом. Разность между ними интерпретируется как индекс разрыва возраста: положительные значения отражают субъективное «старение», отрицательные – субъективное «омоложение» [6; 8].

Этого, однако, недостаточно для понимания особенностей того, как человек воспринимает свой возраст, поэтому используются многомерные шкалы, включающие высказывания об усталости, ответственности «не по возрасту», сравнении себя с ровесниками по энергии и активности, переживании «преждевременной взрослости».

Показано, что субъективное ощущение себя моложе паспортного возраста ассоциируется с более высокой активностью и лучшими оценками здоровья, а также с благоприятными долгосрочными исходами по здоровью. Напротив, субъективное «старение» связано с более низкой удовлетворённостью жизнью, большим числом жалоб и снижением социальной активности. В этом смысле субъективный возраст рассматривается как чувствительный индикатор общего жизненного тонуса и ресурса [6; 7].

Молодой взрослый возраст (примерно 18-25 лет) описывается как особый этап, промежуточный между подростничества и устойчивой взрослостью, характеризующийся исследованием различных жизненных возможностей, нестабильностью и высокой изменчивостью контекстов. В это время формируются профессиональные и партнёрские выборы, происходит отделение от родительской семьи, складывается образ себя как взрослого [2; 9].

Современные социально-экономические реалии усиливают нагрузку на молодых взрослых: сочетание учёбы и работы, конкуренция на рынке труда, необходимость постоянного освоения новых компетенций. Информационная среда и социальные сети, транслирующие образы «раннего успеха», усиливают социальные сравнения и могут формировать ощущение отставания или несоответствия ожиданиям.

В таких условиях субъективный возраст отражает не только календарный возраст, но и восприятие объёма ответственности, накопленного опыта и степени усталости. Ощущение себя «старше своих лет» может быть связано с переживанием перерасхода ресурсов, разочарованием в ожиданиях, ранним опытом эмоционального истощения. С другой стороны, субъективное «омоложение» может поддерживать ощущение открытого будущего и готовность к изменениям, если при этом не игнорируются реальные задачи взрослой жизни [3; 4].

Тревога и стресс выступают ключевыми эмоциональными состояниями молодого взрослого возраста [3; 5]. Тревога проявляется как внутреннее напряжение, ожидание неблагоприятных исходов, трудности расслабления; при хроническом характере она ассоциируется с нарушениями сна, снижением концентрации и ухудшением общего самочувствия. Стресс, понимаемый как состояние повышенного психофизиологиче-

ского напряжения в ответ на требования, при длительном несоответствии ресурсов и предъявляемых задач приводит к состоянию хронической перегруженности и симптомам эмоционального выгорания [3; 10].

С точки зрения клинической психологии повышенная тревожность и хроническая стрессовая нагрузка в молодом возрасте рассматриваются как значимые факторы риска развития невротических, депрессивных и психосоматических расстройств. Они способствуют формированию устойчивых состояний, которые сопровождаются хронической усталостью, тревогой и сниженным настроением, ухудшают субъективное качество жизни и могут приводить к раннему обращению за психологической или психиатрической помощью. В таких случаях субъективное ощущение «ускоренного старения» и «усталости не по возрасту» может выступать одним из ранних маркеров эмоционального неблагополучия [3; 4; 10].

В описании своего состояния молодые люди нередко используют возрастные метафоры («устал не по возрасту», «постарел от этой учёбы/работы»), что позволяет рассматривать субъективный возраст как язык, на котором описывается накопленное напряжение. Можно предположить, что чем выше и продолжительнее тревога и стресс, тем больше вероятность субъективного «ускоренного старения».

В то же время субъективное «омоложение» может выполнять защитную функцию, поддерживая установку «я ещё достаточно молод, чтобы что-то изменить» и готовность к обучению и перестройке жизненных стратегий. Взаимосвязь тревоги, стресса и субъективного возраста, таким образом, имеет значение как для теоретического анализа, так и для практики психологической помощи молодым взрослым.

Материалы и методы исследований

Исследование носило пилотажный характер. В нём приняли участие 32 человека в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19,84$ года), 11 мужчин и 21 женщина. Большинство участников являлись студентами; часть совмещала учёбу и работу или относилась к категории работающих молодых взрослых.

Анкетирование проводилось анонимно в бумажном и онлайн-форматах. Участникам сообщались цели и задачи исследования, подчёркивались добровольность участия и конфиденциальность.

Использовался авторский опросник, включавший три блока.

1. Шкала тревоги оценивала внутреннее напряжение, частоту тревожных мыслей, телесные проявления тревоги и влияние тревоги на концентрацию. Ответы давались по пятибалльной шкале от 1 до 5. Суммарный балл по пунктам с первого по десятый интерпретировался как интегральный показатель выраженности тревоги. По своему содержанию шкала отражает субклинические тревожные проявления, близкие к тем, которые в клинико-психологической практике рассматриваются как ранние признаки тревожных расстройств.

2. Шкала стрессовой нагрузки была направлена на оценку переживания избыточности требований, неуспевания, эмоционального истощения, состояния «на пределе», дефицита времени и сил на восстановление и влияния стресса на качество выполнения задач. В расчёт суммарного показателя включались пункты с одиннадцатого по двадцатый. Описываемые в шкале состояния соотносятся с типичными жалобами на хронический стресс и начальные проявления эмоционального выгорания, что делает её полезной для клинико-психологического скрининга [3; 4; 10].

3. Шкала субъективного возраста и «психологического старения» описывала ощущение себя «старше своих лет» по уровню ответственности и обязанностей, субъективную усталость по сравнению с большинством знакомых, переживание «преждевременного старения» и сохранность внутреннего ресурса. В её состав входили пункты с двадцать первого по двадцать пятый, один из пунктов имел обратное кодирование. Суммарный балл по шкале интерпретировался как индекс субъективного «психологического старения». Повышенные значения этого индекса можно рассматривать как отражение астенических и дистимических переживаний, которые в клинико-психологической практике нередко сопровождают длительный стресс и тревожность [5].

Авторский опросник разрабатывался как прикладной инструмент для исследования переживания молодого взрослого возраста в условиях повышенной учебной и профессиональной нагрузки. При конструировании шкал учитывались распространённые в психологической практике описания тревожности, стресса и субъективного «психологического старения» (чувство усталости «не по возрасту», преждевременной взрослости, возросшей ответственности и обязанностей). Формулировки утверждений подбирались таким образом, чтобы быть понятными для студентов и молодых работающих взрослых, избегая излишне специализированной терминологии.

Черновой вариант опросника был предварительно апробирован на небольшой группе молодых взрослых и обсуждён с преподавателями кафедры психологии. По результатам обсуждения отдельные формулировки были уточнены, а часть пунктов исключена как дублирующая или недостаточно однозначная. В рамках пи-

лотажного этапа была проведена предварительная оценка внутренней согласованности шкал авторского опросника. Показатели надёжности по α Кронбаха продемонстрировали удовлетворительные значения для исследовательских целей: для шкалы тревоги – $\alpha = 0,77$, для шкалы стрессовой нагрузки – $\alpha = 0,82$, для шкалы субъективного «психологического старения» – $\alpha = 0,69$. Это позволяет рассматривать полученные по данным шкалам результаты как достаточно устойчивые в контексте пилотажного исследования.

Дополнительно фиксировались фактический возраст, возраст «по ощущениям» и пол. На основе фактического и ощущаемого возрастов вычислялся индекс разрыва возраста (ощущаемый возраст минус фактический).

Рассчитывались средние значения по шкалам тревоги, стресса, субъективного «старения» и разрыва возраста. Участники описательно распределялись по группам в зависимости от величины разрыва возраста (ощущают себя явно моложе, примерно на свой возраст, старше паспортного возраста). Для оценки связей между показателями тревоги, стрессовой нагрузки, субъективного «психологического старения» и индексом разрыва возраста были рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона. С учётом пилотажного характера работы и объёма выборки полученные статистические показатели интерпретировались как ориентировочные и требующие подтверждения в последующих исследованиях.

Результаты и обсуждения

Средний показатель по шкале тревоги составил 31,28 балла (из 50 возможных), что соответствует умеренному уровню тревоги. В выборке присутствовали как участники с относительно низкими значениями тревоги (18-23 балла), так и респонденты с высокими показателями (37 и более баллов).

Средний балл по шкале стрессовой нагрузки равнялся 32,31 и также укладывался в диапазон умеренного уровня стресса. Значительная часть респондентов сообщала о переживании избыточности требований, дефиците времени и сил на восстановление, влиянии стресса на концентрацию и качество выполнения задач.

Средний индекс субъективного «психологического старения» составил 14,06 балла (при возможном диапазоне 5-25), что соответствует среднему уровню выраженности чувства усталости и «взросления» при сохранении определённого внутреннего ресурса.

Сопоставление фактического возраста и возраста «по ощущениям» показало, что субъективный возраст в среднем превышает паспортный. Средний фактический возраст участников – 19,84 года, средний возраст «по ощущениям» – 22,72 года. Средний индекс разрыва возраста (ощущаемый возраст минус фактический) равен +3,06 года. Это означает, что в исследуемой группе молодые взрослые в среднем ощущают себя несколько старше своего паспортного возраста, что созвучно описываемым в литературе феноменам «ускоренного взросления» и «усталости не по возрасту» [1; 6; 8].

Важно отметить, что разрыв возраста характеризуется существенной индивидуальной вариативностью: часть респондентов сообщает об ощущении себя примерно на свой хронологический возраст, тогда как другие субъективно добавляют к нему 5-8 лет. Подобные различия создают основу для дальнейшего сопоставления эмоционального состояния и особенностей восприятия собственного возраста.

Дополнительный анализ распределения показателей показал, что в выборке представлены как участники с относительно благополучным эмоциональным фоном, так и молодые взрослые с сочетанием высоких значений тревоги, стресса и выраженного субъективного «старения». У части респондентов одновременно отмечаются высокий уровень тревожности, значительная стрессовая нагрузка и разрыв возраста в сторону «старше» на 5-8 лет, тогда как другая часть демонстрирует умеренные показатели по всем шкалам и минимальный разрыв возраста. Это подчёркивает неоднородность эмоционального состояния молодых взрослых и необходимость дифференцированного подхода к интерпретации их субъективного возраста.

Для наглядности в табл. 1 приведены индивидуальные показатели участников по основным шкалам опросника, а также значения субъективного возраста и индекса разрыва возраста.

Таблица 1

Индивидуальные показатели участников по основным шкалам опросника.

Table 1

Individual scores of participants on the main scales of the questionnaire.

№/Шкала	Возраст	Пол	Тревога	Стресс	Суб. Возраст	Ощ. Возраст	Разрыв
1	18	М	32	33	16	20	2
2	18	М	28	21	8	18	0
3	18	Ж	24	29	11	18	0
4	18	Ж	36	35	17	22	4
5	18	Ж	38	40	20	25	7
6	18	Ж	41	44	21	24	6
7	18	Ж	43	38	18	20	2
8	18	Ж	35	29	15	20	2
9	18	Ж	21	24	13	18	0
10	19	М	28	30	9	19	0
11	19	М	37	41	19	25	6
12	19	Ж	21	27	13	19	0
13	19	Ж	44	48	18	25	6
14	19	Ж	37	39	16	24	5
15	19	Ж	39	42	18	23	4
16	19	Ж	21	23	6	20	1
17	19	Ж	19	28	7	20	1
18	20	М	34	39	16	28	8
19	20	М	21	17	8	20	0
20	20	Ж	44	39	17	26	6
21	20	Ж	38	38	14	25	5
22	20	Ж	21	18	10	24	4
23	20	Ж	40	39	21	27	7
24	21	М	34	37	18	24	3
25	21	Ж	42	45	21	26	5
26	21	Ж	34	29	11	21	0
27	21	Ж	27	30	8	18	3
28	22	М	19	23	7	26	4
29	23	Ж	23	19	12	23	0
30	23	Ж	39	43	20	30	7
31	24	Ж	18	21	13	24	0
32	25	М	23	26	9	25	0
Ср. значение	19,84		31,28	32,3125	14,06	22,72	3,06

Фактический возраст, показатели тревоги, стресса, субъективного «психологического старения», субъективный возраст и разрыв возраста у участников исследования.

Actual age, indicators of anxiety, stress, subjective "psychological aging", subjective age and age gap in study participants.

Анализ индивидуальных профилей показал, что более высокие уровни тревоги и стрессовой нагрузки, как правило, сочетаются с более выраженным субъективным «психологическим старением» и большим положительным разрывом между ощущаемым и паспортным возрастом. У респондентов с высокими показателями тревоги (37 баллов и выше) и стресса (около 39-48 баллов) часто отмечались высокие значения по шкале субъективного старения (18-21 балл) и разрыв возраста в сторону «старше» на 5-8 лет.

Напротив, у участников с более низкими и умеренными показателями тревоги и стресса чаще наблюдались низкие или средние значения по шкале субъективного «старения» и минимальный разрыв возраста (0-2 года), то есть ощущение себя примерно на свой хронологический возраст.

Корреляционный анализ подтвердил наличие положительных связей между эмоциональными показателями и субъективным возрастом. Показатель тревоги положительно коррелировал с индексом разрыва возраста: коэффициент корреляции составил 0,64 при уровне значимости $p < 0,001$. Сходная по силе связь была обнаружена между тревогой и шкалой субъективного «психологического старения» ($r = 0,73$; $p < 0,001$).

Уровень стрессовой нагрузки также оказался связан с большим положительным разрывом между ощущаемым и хронологическим возрастом ($r = 0,60$; $p < 0,001$) и более высокими значениями субъективного «старения» ($r = 0,74$; $p < 0,001$). В совокупности эти результаты показывают, что усиление тревоги и стресса сопровождается увеличением субъективного возраста по сравнению с паспортным и более выраженным ощущением «психологического старения».

Дополнительный описательный анализ был проведён с учётом величины разрыва возраста. Участники со значением разрыва от 0 до 2 лет рассматривались как группа, субъективно ощущающая себя примерно на свой хронологический возраст, тогда как респонденты с разрывом +3 года и более относились к группе, субъективно ощущающей себя «старше своих лет». Во второй группе средний уровень тревоги был существенно выше (в среднем около 38 баллов против 27 баллов в группе с минимальным разрывом), аналогичная тенденция наблюдалась по шкале стрессовой нагрузки (примерно 41 балл против 27 баллов). Индекс субъективного «психологического старения» также оказался заметно выше у молодых взрослых, воспринимающих себя старше паспортного возраста (в среднем около 18 баллов против 11 баллов в группе с разрывом 0–2 года). Это согласуется с результатами корреляционного анализа и указывает на то, что повышенные тревога и стресс ассоциированы не только с увеличением разрыва возраста как непрерывного показателя, но и с качественным переходом в категорию субъективного «ускоренного старения».

Предварительный анализ групп по величине разрыва возраста показал, что респонденты, субъективно относящие себя к категории «старше своих лет», в среднем демонстрируют более высокие показатели тревоги и стрессовой нагрузки по сравнению с теми, чей субъективный возраст примерно соответствует паспортному. Вместе с тем, учитывая небольшой объём выборки и пилотажный характер исследования, выявленные связи следует интерпретировать с осторожностью и рассматривать как предварительные, требующие подтверждения на более представительных выборках.

Результаты пилотажного исследования в целом согласуются с гипотезой о том, что у молодых взрослых более высокий уровень тревоги и стрессовой нагрузки связан с субъективным ощущением себя старше хронологического возраста. Средний разрыв возраста в сторону «старше» более чем на три года при умеренных, местами приближающихся к высоким, уровнях тревоги и стресса позволяет говорить о тенденции к субъективному «ускоренному взрослению» в данной выборке.

Выявленные закономерности соотносятся с данными исследований, демонстрирующих связь субъективного возраста с показателями здоровья, активности и удовлетворённости жизнью у взрослых и пожилых людей. В настоящей работе аналогичные тенденции обнаруживаются уже в интервале 18–25 лет: участники с более выраженной тревогой и стрессом чаще воспринимают себя «старше своих лет», сообщают о хронической усталости и высокой ответственности. [6; 7; 8]

Полученные данные имеют значение для клинической психологии, так как сочетание повышенной тревожности, хронического стресса и субъективного «ускоренного старения» может отражать формирование устойчивых астенических и депрессивных переживаний. Для части молодых взрослых подобный комплекс симптомов потенциально свидетельствует о нахождении в группе риска по развитию тревожных и аффективных расстройств, а также психосоматических нарушений, что требует более пристального клинико-психологического внимания.

Сопоставление групп молодых взрослых, различающихся по величине разрыва возраста, показало, что субъективное отнесение себя к категории «старше своих лет» сопровождается более высокой тревожностью, большей стрессовой нагрузкой и выраженным ощущением «психологического старения». Таким образом, не только количественная величина разрыва, но и качественная принадлежность к группе субъективного «ускоренного старения» оказывается значимой для понимания эмоционального состояния молодых взрослых.

Практически это подчёркивает целесообразность включения вопросов о возрасте «по ощущениям», переживании собственной «взрослости» и усталости в диагностические процедуры, ориентированные на молодую взрослую аудиторию. Идентификация группы молодых людей, субъективно ощущающих себя заметно старше паспортного возраста на фоне повышенной тревоги и стресса, может способствовать более раннему выявлению риска эмоционального неблагополучия и выстраиванию адресной психопрофилактической работы.

Ограничениями исследования являются малый объём выборки, её преимущественно студенческий состав и пилотажный характер авторского опросника. Несмотря на то, что предварительные расчёты внутренней согласованности, α Кронбаха, для трёх шкал авторского опросника показали в целом удовлетворительные значения и подтверждают их содержательную пригодность, необходима дальнейшая психометрическая проверка инструмента (включая расширенный анализ надёжности и валидности) и его сопоставле-

ние со стандартизированными методиками. Это диктует необходимость последующих исследований с более репрезентативными выборками и применением расширенного набора статистических процедур.

Выводы

1. Субъективный возраст является значимым компонентом возрастной идентичности и связан с показателями здоровья и психологического благополучия. В молодом взрослом возрасте он формируется под влиянием объёма ответственности, учебно-профессиональной нагрузки и социальных сравнений [1; 6; 7].
2. В исследуемой группе молодых взрослых средние показатели тревоги и стрессовой нагрузки соответствуют умеренному уровню, а субъективный возраст в среднем превышает паспортный на три года, что свидетельствует о тенденции к субъективному «ускоренному взрослению».
3. Описательный анализ данных указывает на то, что более высокие уровни тревоги и стресса сочетаются с более выраженным субъективным «психологическим старением» и большим положительным разрывом между ощущаемым и фактическим возрастом; минимальный разрыв возраста чаще сопровождается менее напряжённым эмоциональным фоном.
4. Субъективный возраст может рассматриваться как простой в оценке и информативный индикатор психологического состояния молодых взрослых. Его включение в диагностические и профилактические программы представляется перспективным направлением работы с данной возрастной группой [6; 7; 8].
5. Для дальнейшего углубления темы необходимы исследования с расширением и дифференциацией выборок, уточнением критериев выделения групп по субъективному возрасту и расчётом статистических показателей связей между тревогой, стрессом и субъективным возрастом, а также разработкой и обоснованием программ психологической помощи молодым взрослым, относящимся к группе риска.

Список источников

1. Сергиенко Е.А. Субъективный возраст в самоопределении человека на временной дистанции его жизнедеятельности // Мир психологии. 2011. № 3 (67). С. 104 – 119.
2. Немов Р.С. Психология развития личности: возрастные и индивидуальные особенности. М.: Владос, 2010. 95 с.
3. Леонова А.Б. Психология профессионального стресса. М.: Академический проект, 2007. 13 с.
4. Бочарова Е.Е. Эмоциональное выгорание у студентов: факторы риска и ресурсы преодоления // Психология образования в XXI веке. 2014. № 2. С. 45 – 53.
5. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б. Интеграция семейной системной и когнитивно-бихевиоральной психотерапии в лечении больных с хронифицированными формами тревожных расстройств // Современная терапия психических расстройств. 2013. № 1. С. 34 – 39.
6. Westerhof G.J., Wurm S. Longitudinal research on subjective aging, health, and longevity: Current evidence and new directions // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. Vol. 35. P. 145 – 165.
7. Kornadt A.E., Voss P., Rothermund K. Subjective age across the life span: A differentiated, longitudinal approach // Developmental Psychology. 2013. Vol. 49 (6). P. 1133 – 1145.
8. Montepare J.M. Subjective age: Toward a guiding lifespan framework // International Journal of Behavioral Development. 2009. Vol. 33 (1). P. 42 – 46.
9. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55 (5). P. 469 – 480.
10. Schaufeli W.B., Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi sample study // Journal of Organizational Behavior. 2004. Vol. 25 (3). P. 293 – 315.

References

1. Sergienko E.A. Subjective Age in Human Self-Determination over the Temporal Distance of His Life Activity. The World of Psychology. 2011. No. 3 (67). P. 104 – 119.
2. Nemov R.S. Psychology of Personality Development: Age and Individual Characteristics. Moscow: Vlados, 2010. 95 p.
3. Leonova A.B. Psychology of Professional Stress. Moscow: Academicheskyy Proekt, 2007. 13 p.
4. Bocharova E.E. Emotional Burnout in Students: Risk Factors and Coping Resources. Psychology of Education in the 21st Century. 2014. No. 2. P. 45 – 53.
5. Garanyan N.G., Kholmogorova A.B. Integration of family systems and cognitive-behavioral psychotherapy in the treatment of patients with chronic forms of anxiety disorders. Modern therapy of mental disorders. 2013. No. 1. P. 34 – 39.

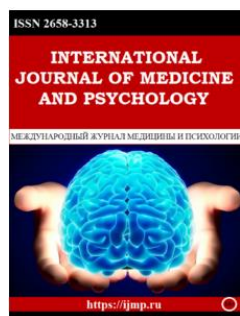
6. Westerhof G.J., Wurm S. Longitudinal research on subjective aging, health, and longevity: Current evidence and new directions. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*. 2015. Vol. 35. P. 145 – 165.
7. Kornadt A.E., Voss P., Rothermund K. Subjective age across the life span: A differentiated, longitudinal approach. *Developmental Psychology*. 2013. Vol. 49 (6). P. 1133 – 1145.
8. Montepare J.M. Subjective age: Toward a guiding lifespan framework. *International Journal of Behavioral Development*. 2009. Vol. 33(1). P. 42 – 46.
9. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 (5). P. 469 – 480.
10. Schaufeli W.B., Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi sample study. *Journal of Organizational Behavior*. 2004. Vol. 25 (3). P. 293 – 315.

Информация об авторах

Авдеева О.В., кандидат психологических наук, заведующая кафедрой общегуманитарных дисциплин и психологии, Московский институт технологий и управления

Бычков Р.В., Московский институт технологий и управления

© Авдеева О.В., Бычков Р.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-294-302

¹ Галиева Т.В.,

¹ Костина Л.Н.,

¹Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Методолого-теоретические подходы к исследованию гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России

Аннотация: статья посвящена проблеме выявления теоретико-методологических основ исследования гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России. В ней содержатся результаты теоретического анализа особенностей и специфики профессионально-служебной деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России, основных подходов к рассмотрению сущности стрессоустойчивости, соотносённости данного психологического феномена с другими смежными психологическими конструктами. Проведен анализ современных исследований, посвященных проблеме проявления стрессоустойчивости у сотрудников оперативных подразделений МВД России, обоснована актуальность исследования влияния гендерной идентичности на стрессоустойчивость сотрудников мужского и женского пола. В результате теоретического анализа выявлены функциональный, когнитивный, ресурсный, регуляторный, а также системный и субъектно-деятельностный подходы к исследованию стрессоустойчивости, уточнена психологическая сущность стрессоустойчивости сотрудника оперативного подразделения МВД России, представленная как интегративное качество его личности, обеспечивающее способность выполнять свои профессионально-трудовые функции в условиях риска и потенциальной угрозы. Выявлена структура стрессоустойчивости, включающая в себя когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационный, операционально-поведенческий и ресурсно-восстановительный компоненты, отражающие способность сохранять эффективность решения профессионально-оперативных задач в условиях действия стресс-факторов. Определены основные направления дальнейших исследований гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, методологические подходы, сущность и структура стрессоустойчивости, гендерная идентичность, полоролевые различия, сотрудники оперативных подразделений МВД России

Для цитирования: Галиева Т.В., Костина Л.Н. Методолого-теоретические подходы к исследованию гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 294 – 302. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-294-302

Поступила в редакцию: 21 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Galieva T.V.,

¹ Kostina L.N.,

¹ Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Methodological and theoretical approaches to the study of gender characteristics of stress resistance of employees of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: this article explores the theoretical and methodological foundations for studying gender-specific stress resistance in the officers of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It presents the results of a theoretical analysis of the characteristics and specifics of the professional activities of officers of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the main approaches to considering the essence of stress resistance, and the correlation of this psychological phenomenon with other related psychological constructs. An analysis of current research on the manifestation of stress resistance in officers of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia is provided, and the relevance of studying the influence of gender identity on the stress resistance of male and female officers is substantiated. The theoretical analysis revealed functional, cognitive, resource, regulatory, as well as systemic and subject-activity approaches to the study of stress resistance. The psychological essence of stress resistance in officers of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia is clarified, presented as an integrative personality trait that ensures the ability to perform their professional and labor functions in conditions of risk and potential threat. The structure of stress resilience was identified, including cognitive, emotional-volitional, motivational, operational-behavioral, and resource-restorative components, reflecting the ability to effectively solve professional and operational problems under stressful conditions. Key areas for further research on the gender characteristics of stress resilience among employees of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia are identified.

Keywords: stress resilience, methodological approaches, nature and structure of stress resilience, gender identity, gender role differences, employees of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Galieva T.V., Kostina L.N. Methodological and theoretical approaches to the study of gender characteristics of stress resistance of employees of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2026. 9 (4). P. 294 – 302. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-294-302

The article was submitted: February 21, 2026; Approved after reviewing: April 27, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Проблема стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России характеризуется в настоящее время непреходящей значимостью и актуальностью, что связано не только с особенностями современного общества, но и со спецификой их профессиональной служебной деятельности. Сотрудники оперативных служб работают в условиях высокого уровня неопределенности и дефицита времени [1, с. 331], прямой угрозы их жизни и здоровью [2, с. 24], вынужденного общения и взаимодействия с деструктивными категориями граждан [3, с. 111-112]. В последние годы, в связи с геополитической ситуацией, увеличилось количество дополнительных стрессоров, связанных и со специальной военной операцией на Украине, ростом киберпреступности и других видов правонарушений. Исследователи отмечают, что недостаточно высокий уровень стрессоустойчивости обуславливает актуализацию риска ошибок в профессионально-служебной деятельности, которые могут проявляться в ошибочных тактических решениях, превышении служебных полномочий, нарушении законности [4].

Стрессогенный характер профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России диктует необходимость совершенствования системы психологического отбора кадров, постоянного пересмотра программ их психологической подготовки [5, с. 196]. В Приказе № 500 МВД России от 27.08.2024 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» раскрываются способы организации психологической работы, одной из задач которой, согласно п.п. 3.5, 78.2, является формирование стрессоустойчивости сотрудников органов внутренних дел, их «способности сохранять функциональную эффективность» при воздействии психотравмирующих факторов. Согласно Приказу № 660 МВД России от 2 сентября 2013 г. «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внут-

ренных дел Российской Федерации», повышение эффективности оперативно-служебной деятельности во многом зависит от уровня стрессоустойчивости сотрудников, что обуславливает необходимость развития у них навыков саморегуляции в нестандартных ситуациях. Для реализации поставленных задач необходимы научно обоснованные сведения о сущности и содержании стрессоустойчивости и об особенностях ее проявления у сотрудников мужского и женского пола, так как в настоящее время профессии, связанные с оперативно-розыскной деятельностью, перестали быть «мужскими профессиями»: по свидетельству исследователей, за последние годы отмечается рост числа женщин, выбирающих данные профессии [6].

Цель теоретического анализа – определить методолого-теоретические основания исследованию гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России.

Материалы и методы исследований

Основным методом исследования стал теоретический анализ научной и научно-методической литературы, посвященной как проблеме стрессоустойчивости, так и гендерных особенностей совладания со стрессом сотрудников МВД России. Теоретические методы исследования, систематизация, обобщение, абстрагирование и моделирование позволили выявить сущность и структуру стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений, определить способы его изучения в дальнейшей научно-исследовательской работе.

Результаты и обсуждения

Основные теории и концепции стрессоустойчивости

В психологии феномен стрессоустойчивости изучается с различных теоретических позиций, и единого подхода к его пониманию пока не существует [7]. В науке представлен широкий спектр концепций, анализ которых позволяет выделить несколько направлений исследования конструкта стрессоустойчивости. Во-первых, это классические теории стресса и стрессоустойчивости, выступающие методологическим фундаментом исследований: теория гомеостаза У. Кеннона, разработанная в 20-е годы прошлого столетия и описывающая универсальную реакцию на угрозу – механизм мобилизации ресурсов в стрессовых ситуациях; концепция общего адаптационного синдрома Г. Селье, в которой выделены три стадии стресса и два его вида – разрушающий и развивающий. Среди современных концепций, разработанных в рамках этого направления, можно выделить концепцию динамического психобиологического гомеостаза и полиморфизма стрессоустойчивости, в которой В.Э. Цейликман и В.А. Глухова различают два типа стрессоустойчивости: «инженерную», рассматриваемую как способность возвращаться к исходному состоянию после стресса, и «экологическую», представленную как способность личности или субъекта труда переходить в новое, альтернативное состояние, меняя свои характеристики для адаптации к изменившимся условиям [8]. Это открывает новые перспективы для понимания того, как люди по-разному реагируют на хронический стресс, в том числе на профессиональный стресс. Во-вторых, теории и концепции, в которых решающая роль в преодолении стресса отводится когнитивной оценке ее угрозы и восприятию стрессогенных ситуаций как стандартных и нестандартных (когнитивный подход) – это концепции, построенные на трансакционной теории стресса и копинга Р. Лазаруса, разработанной в сотрудничестве с С. Фолкман в 80-е годы XIX века, в 1984 году. В-третьих, ресурсный подход, согласно которому стрессоустойчивость рассматривается как ресурс личности. Согласно теории сохранения ресурсов С. Хобфолла, люди стремятся сохранять, защищать и преумножать ценные для них ресурсы (материальные, социальные, личностные, энергетические). Стресс возникает, когда существует угроза потери ресурсов, их реальная потеря. Стессоустойчивость здесь трактуется как способность эффективно управлять своим ресурсным балансом, минимизируя потери и получая новые приобретения [9]. В рамках этого подхода, изучается совокупность личностных и социальных ресурсов (например, оптимизм, самоэффективность, социальная поддержка), которые способствуют успешному совладанию со стрессом [10]. В-четвертых, функциональный подход, в рамках которого стрессоустойчивость связывается с функциональным состоянием субъекта труда и понимается как его способность сохранять оптимальное функциональное состояние и работоспособность в условиях воздействия стрессоров. Основное отличие такого подхода от других методологических подходов заключается в рассмотрении процессуальной стороны стрессоустойчивости, то есть большое внимание здесь уделено поиску ответа на вопрос, как человек справляется со стрессом во время работы. В-пятых, регуляторный подход, с позиций которого основой стрессоустойчивости признается психическая саморегуляция деятельности. Под стрессоустойчивостью здесь понимается способность личности осознанно управлять своей деятельностью и психической активностью. В-шестых, личностный подход, с позиций которого стрессоустойчивость предстает как определенная, относительно устойчивая черта личности, позволяющая ей справляться со стрессовыми ситуациями в конкретной деятельности и жизнедеятельности в целом [4].

Необходимо отметить, что четкого разграничения методологических подходов на функциональный, когнитивный, ресурсный, регуляторный, личностный нет, так как объединяющим для всех направлений современных исследований стрессоустойчивости является системный подход и принцип системности, означающий исследование стрессоустойчивости в системе «человек – среда». Именно этот подход в исследовании стрессоустойчивости способствовал разработке многих известных теорий и концепций:

— теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, в рамках которой стрессоустойчивость рассматривается как сложное интегральное образование, проявляющееся и формирующееся на разных уровнях: от нейродинамических и психофизиологических свойств до социально-психологических характеристик личности; на основе этой теории разработана концепция С.В. Субботина, в которой стрессоустойчивость представлена как индивидуально-психологическая особенность, заключающаяся в специфической взаимосвязи разноуровневых свойств интегральной индивидуальности, обеспечивающей взаимодействие человека со средой;

— концепции, в которых интегрируются разные методологические подходы: например, системно-деятельностная концепция Л.Г. Дикой, согласно которой стрессоустойчивость выступает в качестве компонента саморегуляции функциональных состояний субъекта труда, при этом, стрессоустойчивость не сводится к выносливости или стойкости, а рассматривается как динамический процесс, связанный с адаптацией к нагрузкам в деятельности, что предполагает учет значения активности самого субъекта (субъектно-деятельностный подход); концепция стрессоустойчивости В.А. Бодрова, рассматривающего стрессоустойчивость как интегративное свойство человека, которое характеризует степень его адаптации к определенным условиям деятельности и определяется уровнем профессиональной надежности, которая понимается исследователем как безотказность, безошибочность и своевременность действий субъекта труда по достижению конкретных целей в заданных условиях – концепция также опирается на субъектно-деятельностный подход; концепция А.Б. Леоновой, в которой на основе структурно-интегративного подхода раскрываются механизмы стрессоустойчивости, связанные с регуляцией функциональных состояний в стрессовых ситуациях.

За последние 10 лет исследования стрессоустойчивости в профессиональной сфере активно развивались в нескольких направлениях, включая изучение как сущности и структуры обозначенного конструкта, так и факторов стресса, механизмов адаптации, методов профилактики и роли организационной среды, технологий формирования стрессоустойчивости. При этом, основополагающим подходом к рассмотрению сущности стрессоустойчивости и ее исследованию является комплексный подход как интеграция системного подхода с другими парадигмами: под стрессоустойчивостью понимается характеристика личности, комплекс качеств личности, личностное качество, профессионально важное качество, особенность личности.

При всем многообразии трактовок стрессоустойчивости, можно выделить схожие мнения исследователей о ее сущности и содержании: во-первых, в современной психологии признается, что стрессоустойчивость – это не статическое, то есть устойчивое явление, а динамическое; во-вторых, относительно профессиональной деятельности стрессоустойчивость выступает профессионально важным качеством личности, обеспечивающим эффективность выполнения профессиональных задач в особых стрессогенных условиях; в-третьих, структура стрессоустойчивости отражает взаимосвязь тех ее компонентов, которые соотносятся со спецификой самой профессиональной деятельности.

*Сущность, содержание и структура стрессоустойчивости
сотрудников оперативных подразделений МВД России*

В отношении сотрудников оперативных подразделений МВД России, со всей спецификой их профессиональной служебной деятельности и содержания стресс-факторов, целесообразно говорить о стрессоустойчивости как о профессионально важном качестве их личности.

С позиций системного и комплексного подходов, опираясь на сходство мнений исследователей о сущности стрессоустойчивости, учитывая специфику профессий экстремального профиля и особенности профессиональной служебной деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД, стрессоустойчивость может быть представлена как такое профессионально важное качество их личности, которое заключается не столько в отсутствии стресса или оценки ситуации как стрессовой, сколько в способности сохранять работоспособность и профессиональную надежность как безошибочность действий, адекватность поведения и эффективность оперативно-служебной деятельности в условиях объективно высокого уровня психогенных воздействий, воздействий стресс-факторов, характерных для оперативной работы. Такое системное профессионально важное качество личности сотрудников оперативных подразделений МВД России позволяет им не снижать качество выполняемых профессиональных функций и решения профессиональных оперативных задач при стрессогенных воздействиях, связанных с дефицитом времени, угрозой

жизни, давлением криминальной среды и другими стресс-факторами, быстро восстанавливаться после экстремальных событий, использовать стресс как ресурс для саморазвития и самосовершенствования в выбранной сфере профессиональной деятельности.

Основное отличие стрессоустойчивости сотрудника оперативного подразделения МВД России от стрессоустойчивости как личностного качества субъекта иного труда – это не столько сохранение уравновешенности и эмоционального баланса, проявление спокойствия в экстремальной ситуации, сколько способность добиваться объективной результативности в условиях неопределенности и риска. Сотрудник может внутренне переживать страх, гнев, тревогу, то есть негативные эмоциональные состояния, актуализируемые стрессовыми ситуациями, но его профессиональные действия при развитой стрессоустойчивости должны оставаться безошибочными.

Исходя из особенностей профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России, выявленных как на основе теоретического анализа научной литературы, так и собственных многолетних наблюдений, в структуре их стрессоустойчивости можно выделить когнитивный эмоционально-волевой, мотивационный, операционально-поведенческий и ресурсно-восстановительный компоненты. Когнитивный компонент соотносится с необходимостью адекватной оценки ситуации, уровня ее опасности и угрозы, с гибкостью мышления при необходимости смены тактики действий, с возможностью прогнозировать действия противника (преступника) и своих коллег, в связи с чем содержание когнитивного компонента составляют знания о специфике профессиональной оперативной деятельности, ее рисках и потенциальных стрессорах, гибкость и скорость мышления, способность к рациональной оценке ситуации, прогнозированию ее возможного развития. Эмоционально-волевой компонент отражает способность сотрудника контролировать свои негативные эмоции, возникающие при воздействии специфических для оперативной работы стресс-факторов, умения мобилизовать личностные ресурсы при утомлении, толерантность к фрустрирующим обстоятельствам и событиям, позволяющую исключить возможность эмоционального срыва. Мотивационный компонент стрессоустойчивости – это совокупность мотивов, установок и ценностей, которые побуждают сотрудника справляться со стрессовыми ситуациями, в связи с чем его содержание составляют внутренние мотивы профессиональной служебной деятельности, широкие социальные и коллективистские мотивы. Операционально-поведенческий компонент включает в себя владение приемами саморегуляции, продуктивные копинг-стратегии в сочетании с развитыми профессиональными навыками решения оперативных задач. Ресурсно-восстановительный компонент стрессоустойчивости отражает способность сотрудника быстро восстанавливаться после экстремальных событий, что обусловлено его верой в себя, оптимизмом, осмысленностью жизни и профессиональных планов.

Степень разработанности проблемы гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников МВД России в современном научном дискурсе

Анализ литературы, релевантной проблеме гендерных особенностей стрессоустойчивости, показал, что обозначенная проблема в отношении сотрудников оперативных подразделений МВД России еще не стала предметом отдельного системного исследования.

Однако существуют парциальные работы, так или иначе касающиеся интересующего нас вопроса, но и их результаты во многом противоречивы.

Так, в исследованиях Н.И. Гончаровой [11], а также нашей совместной работе [12], выполненной ранее, поднимается вопрос о различиях в уровне тревожности и эмоционального истощения между мужчинами и женщинами – сотрудниками органов внутренних дел. На основании проведенного исследования, Н.И. Гончаровой делается вывод о том, что, при нормативном уровне нервно-психической устойчивости, зафиксированном как в мужской, так и женской выборках, женщины-полицейские характеризуются более высокими показателями стрессоустойчивости, чем их коллеги мужского пола, обладая ресурсами сохранения стабильности профессиональной деятельности в ситуации стресса [11].

К схожему мнению приходят и Н.Е. Лысенко с А.Н. Харичевой [13], исследование которых посвящено выявлению динамики стресс-реагирования у сотрудников спецслужб мужского и женского пола. Исследователями выявлено, что выраженность стресс-реагирования выше у мужчин, чем у женщин, и что женщины, работающие в спецслужбах, проявляют высокий уровень восстановительных процессов, несмотря на то, что испытывают большее внимание к стресс-факторам [13].

Однако М.С. Московская и В.Г. Булыгина, проведя обзор зарубежных исследований влияния гендерных особенностей на стрессоустойчивость полицейских и позволяя тем самым сравнить российские реалии с мировыми тенденциями [14], отмечают, что зарубежные данные свидетельствуют о более высоком уровне стрессоустойчивости именно мужчин-полицейских, чем женщин-полицейских, в связи с тем, что женщи-

ны-офицеры могут сталкиваться с двойным стрессом: как от самой работы, так и от необходимости преодолевать гендерные стереотипы в коллективе [14].

Д.М. Горнастаев [15] и В.А. Кислова, а также В.А. Кислова, С.Р. Зенина, В.С. Клемес [16] прямо указывают на наличие гендерных особенностей мотивации сотрудников полиции, влияющей на их способность справляться со стрессом. Они отмечают, что для женщин могут быть более значимы факторы социальной защищенности, стабильности, помощи людям, обуславливающие противодействие стресс-факторам, в то время как для мужчин – карьерный рост, власть и возможность применения физической силы, что, напротив, может усиливать их реакцию на стресс [16].

На основании анализа исследований, проведенных другими авторами, мы ранее пришли к заключению о том, что в экстремальных ситуациях субъекты оперативно-служебной деятельности не подвержены гендерным стереотипам и действуют, согласно инструкциям и предписаниям, что может по-разному влиять на их стрессоустойчивость [6].

Несмотря на различия в теоретических и эмпирических исследованиях, исследователи сходятся во мнении о том, что, в связи с признанием гендерной идентичности в качестве одного из видов социальной идентичности [17], гендер является значимым фактором, влияющим на восприятие стрессоров, выбор копинг-стратегий и общее поведение в стрессовой ситуации.

Для нашего исследования интересными и значимыми являются также работы, посвященные проблемам работы женщин в правоохранительных органах, так как исследование гендерных особенностей стрессоустойчивости так или иначе связано с вопросами участия женщин в так называемых «не женских» профессиях. В этой связи интересными представляются исследования Е.Д. Чеманковой, акцентирующей свое внимание на процессе выбора женщинами профессии полицейского [18]. Ее работа важна для понимания того, как меняется социальный портрет женщины-полицейского и какие факторы (в том числе романтизация профессии или прагматичный расчет) влияют на приход девушек на службу и их стрессоустойчивость [18].

Т.В. Филиппова и В.В. Ермолаев выходят на уровень Я-концепции. Исследование «гендерной трансформации Я-образа» показывает, как под влиянием профессии меняется самоощущение женщины, что важно для понимания долгосрочных последствий службы для идентичности и для ее стрессоустойчивости как необходимого и профессионально важного качества субъекта профессиональной служебной деятельности представителей органов внутренних дел [19].

Краткий литературный обзор показывает, во-первых, возрастающий интерес к проблеме выявления гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников органов внутренних дел и главным образом их оперативных подразделений, в связи с недостаточной представленностью научно-обоснованных и эмпирически-подтвержденных сведений по данному вопросу, а во-вторых, отсутствие исследований, где гендерные особенности стрессоустойчивости представителей профессии экстремального профиля были бы исследованы не на основе сравнительных анализов в мужской и женской выборках соответствующих показателей, а в соответствии с выявленными взаимосвязями таких показателей с особенностями именно гендерной идентичности. Большинство работ основаны все-таки на сравнении стрессоустойчивости в мужской и женской выборках, что во многом подменяет понятия гендера и пола.

Помимо этого, факторные структуры стрессоустойчивости женщин могут включать ролевые конфликты (между семьей и работой, между «мужской» профессией и традиционной женственностью), профессиональную деформацию по мужскому типу и проблемы адаптации.

Выводы

Проведенный теоретический анализ позволяет говорить о том, что исследование гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений МВД России должно опираться на уточненное определение сущности стрессоустойчивости, отражающее специфику их профессиональной служебной деятельности. Основное отличие стрессоустойчивости сотрудника оперативного подразделения МВД России от стрессоустойчивости как личностного качества субъекта иного труда – это не только и не столько сохранение уравновешенности и эмоционального баланса, проявление спокойствия в экстремальной ситуации, но и способность добиваться объективной результативности профессионально-розыскной деятельности в условиях риска. В связи с этим, стрессоустойчивость сотрудника оперативного подразделения МВД России может быть представлена как системное профессионально важное качество его личности, отражающее способность к интегративной саморегуляции, обеспечивающее эффективность действий как в процессе каждодневной оперативной работы, так и в ситуации острой, даже боевой ситуации.

Содержание стрессоустойчивости включает в себя когнитивные, эмоционально-волевые, мотивационные и операционально-поведенческий и ресурсно-восстановительный компоненты. Важным и перспективным направлением исследования гендерных особенностей стрессоустойчивости сотрудников оперативных подразделений СВД России является изучение причинно-следственных связей между каждым выделенным компонентом стрессоустойчивости и гендерной идентичности, а также факторов, ее обуславливающих.

Список источников

1. Баринаева М.Г., Зуева Е.Г., Ершова С.К. Стрессоустойчивость как основа профессионального и психического здоровья сотрудников правоохранительных органов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 12 (190). С. 330 – 334. DOI: 10.34835/issn.2308-1961. 2020.12
2. Богданов А.В., Хазов Е.Н., Комахин Б.Н. Проблемы организации и взаимодействия кафедры оперативно-розыскной деятельности и оперативных подразделений МВД РФ в области обеспечения практической направленности обучения курсантов и слушателей Московского университета МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 23 – 27.
3. Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проницева М.М. Механизмы стресс-совладающего поведения у оперуполномоченных сотрудников полиции в ситуации ЧС // Психология и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 109 – 123. DOI 10.17759/psylaw.2021110308
4. Морозова М.И., Купчик К.В., Яшнева М.Ю. Эмоционально-личностные особенности стрессоустойчивости сотрудников органов внутренних дел // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. № 2 (3). С. 48 – 65. DOI: 10.17759/epps.2025020303
5. Човдырова Г.С. Психологические профессионально важные качества оперативных сотрудников различных направлений деятельности системы МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 197 – 204.
6. Галиева Г.И. Психологические проблемы женщин – сотрудников правоохранительных органов // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 4. URL: <https://human.snauka.ru/2017/04/23440>
7. Бовин Б.Г., Бовина И.Б. Стресс: социально-психологическая тема с вариациями // Современная зарубежная психология. 2025. № 14 (2). С. 64 – 73. DOI: 10.17759/jmfp.2025140207
8. Цейлиман В.Э., Глухова В.А. Концепция динамического психобиологического гомеостаза и полиморфизм стрессоустойчивости как новый взгляд в психологии стресса // Психология и психофизиология. 2019. Т. 12. № 1. С. 92 – 96. DOI: 10.14529/psy190109
9. Моросанова В.И., Фомина Т.Г. Хронический стресс и его влияние на психологическое благополучие современных студентов: ресурсная роль осознанной саморегуляции и оптимизма // Психологическая наука и образование. 2026. № 31(1). С. 20 – 35. DOI: 10.17759/pse.2026310101
10. Зинатуллина А.М. Психологическая безопасность в условиях профессионального стресса // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14 (2). С. 8 – 17. DOI: 10.17759/jmfp.2025140201
11. Гончарова Н.А. Гендерные особенности стрессоустойчивости сотрудников полиции // Человеческий капитал. 2022. № 3 (159). С. 146 – 152. DOI: 10.25629/HC.2022.03.16
12. Кобышева Т.В., Костина Л.Н. Теоретико-прикладные аспекты гендерных различий стрессоустойчивости сотрудников органов внутренних дел // Прикладная психология и педагогика. 2021. Т. 6. № 3. С. 15 – 29. DOI: 10.12737/2500-0543-2021-6-3-15-29
13. Лысенко Н.Е., Харичева А.Н. Гендерные различия и динамика стресс-реагирования у сотрудников спецслужб // Психология и право. 2025. № 15 (1). С. 44 – 56. DOI: 10.17759/psylaw.2025150104
14. Московская М.С., Булыгина В.Г. Влияние гендерных различий на особенности восприятия стресса сотрудниками полиции (обзор зарубежных исследований) // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 76 – 83.
15. Горнастаев Д.М. Гендерные особенности и их влияние на профессиональную мотивацию сотрудников полиции в России // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 140 – 143. URL: <https://moluch.ru/archive/416/92116>
16. Кислова В.А., Зенина С.Р., Клемес В.С. Гендерные особенности мотивации профессиональной деятельности сотрудников полиции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1971 – 1975. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970721.ht>
17. Костина С.Н., Бритвина И.Б. Теоретические подходы и современные направления исследований феномена гендерной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24 (3). С. 193 – 215. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.9

18. Чеманкова Е.Д. Женщины-полицейские: как происходит выбор профессии // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 126 – 132.

19. Филиппова Т.В., Ермолаев В.В. Женщины – сотрудники органов внутренних дел: к вопросу гендерной трансформации Я-образа // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 2А. С. 107 – 117. DOI: 10.34670/AR.2020.80. 42.012

References

1. Barinova M.G., Zueva E.G., Ershova S.K. Stress Resistance as the Basis for Professional and Mental Health of Law Enforcement Officers. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2020. No. 12 (190). P. 330 – 334. DOI: 10.34835/issn.2308-1961. 2020.12

2. Bogdanov A.V., Khazov E.N., Komakhin B.N. Problems of Organization and Interaction between the Department of Operational-Investigative Activities and Operational Units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Ensuring the Practical Focus of Training Cadets and Students of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 5. P. 23 – 27.

3. Dubinsky A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M. Mechanisms of stress-coping behavior in police detectives in emergency situations. Psychology and Law. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 109 – 123. DOI 10.17759/psylaw.2021110308

4. Morozova M.I., Kupchik K.V., Yashneva M.Yu. Emotional and personal characteristics of stress resistance of internal affairs officers. Extreme Psychology and Personal Safety. 2025. No. 2 (3). P. 48 – 65. DOI: 10.17759/epps.2025020303

5. Chovdyrova G.S. Psychological professionally important qualities of operational employees of various areas of activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 6. P. 197 – 204.

6. Galieva G.I. Psychological problems of women – law enforcement officers. Humanitarian scientific research. 2017. No. 4. URL: <https://human.snauka.ru/2017/04/23440>

7. Bovin B.G., Bovina I.B. Stress: a socio-psychological theme with variations. Modern foreign psychology. 2025. No. 14 (2). P. 64 – 73. DOI: 10.17759/jmfp.2025140207

8. Tseilikman V.E., Glukhova V.A. The concept of dynamic psychobiological homeostasis and polymorphism of stress resistance as a new look in the psychology of stress. Psychology and psychophysiology. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 92 – 96. DOI: 10.14529/psy190109

9. Morosanova V.I., Fomina T.G. Chronic stress and its impact on the psychological well-being of modern students: the resource role of conscious self-regulation and optimism. Psychological science and education. 2026. No. 31(1). P. 20 – 35. DOI: 10.17759/pse.2026310101

10. Zinatullina A. M. Psychological Safety in Conditions of Professional Stress. Modern Foreign Psychology. 2025. Vol. 14 (2). P. 8 – 17. DOI: 10.17759/jmfp.2025140201

11. Goncharova N. A. Gender Features of Stress Resistance of Police Officers. Human Capital. 2022. No. 3 (159). P. 146 – 152. DOI: 10.25629/HC.2022.03.16

12. Kobysheva T.V., Kostina L.N. Theoretical and Applied Aspects of Gender Differences in Stress Resistance of Employees of Internal Affairs Bodies. Applied Psychology and Pedagogy. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 15 – 29. DOI: 10.12737/2500-0543-2021-6-3-15-29

13. Lysenko N.E., Kharicheva A.N. Gender Differences and the Dynamics of Stress Response in Special Services Employees. Psychology and Law. 2025. No. 15 (1). P. 44 – 56. DOI: 10.17759/psylaw.2025150104

14. Moskovskaya M.S., Bulygina V.G. The Impact of Gender Differences on the Peculiarities of Stress Perception by Police Officers (a Review of Foreign Studies). Applied Legal Psychology. 2017. No. 3. P. 76 – 83.

15. Gornastaev D.M. Gender Features and Their Impact on Professional Motivation of Police Officers in Russia. Young Scientist. 2022. No. 21 (416). P. 140 – 143. URL: <https://moluch.ru/archive/416/92116>

16. Kislova V.A., Zenina S.R., Klemes V.S. Gender Features of Motivation of Professional Activities of Police Officers. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2017. Vol. 39. P. 1971 – 1975. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970721.ht>

17. Kostina S.N., Britvina I.B. Theoretical Approaches and Modern Directions in Research on the Phenomenon of Gender Identity. Journal of Sociology and Social Anthropology. 2021. No. 24 (3). P. 193 – 215. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.9

18. Chemankova E.D. Policewomen: How the Choice of Profession Occurs. Sociological Studies. 2019. No. 4. P. 126 – 132.

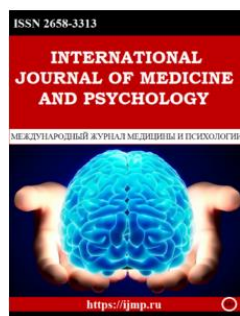
19. Filippova T.V., Ermolaev V.V. Women – Employees of Internal Affairs Bodies: On the Issue of Gender Transformation of the Self-Image. Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2020. Vol. 9. No. 2A. P. 107 – 117. DOI: 10.34670/AR.2020.80.42.012

Информация об авторах

Галиева Т.В., старший оперуполномоченный Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Карачаево-Черкесской Республике, майор полиции, соискатель, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Костина Л.Н., доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

© Галиева Т.В., Костина Л.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-303-310

¹ Лобанова О.Б.,

¹ Шмутьская Л.С.,

¹ Казанцев Е.М.,

² Железнова Е.Н.,

¹ Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета,

² Институт физической культуры, спорта и туризма, Сибирский федеральный университет

Социально-психологические установки и мотивация участия населения Красноярского края в реализации комплекса «Готов к труду и обороне» (1980-е годы)

Аннотация: целью данного исследования является анализ социально-психологических установок и мотивационных механизмов, обеспечивших вовлечение населения Красноярского края в физкультурно-спортивное движение и сдачу норм комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) в 1980-е годы. В задачи работы входит выявление факторов социально-психологической интеграции, роли коллективных форм спортивной активности, анализ системы внешних и внутренних стимулов, формировавших устойчивый интерес к физической культуре. Методологическую базу составил междисциплинарный подход, включающий анализ статей и заметок региональной периодики, что позволило реконструировать психологический климат эпохи и повседневные практики участия в движении ГТО. В результате исследования установлено, что комплекс ГТО в рассматриваемый период выступал не только как система нормативов, но и как эффективный инструмент социального сплочения, формирования коллективной идентичности и повышения трудовой активности в условиях интенсивного промышленного освоения региона. Выявлена ключевая роль таких социально-психологических феноменов, как социальная фасилитация и межгрупповая конкуренция в достижении высоких показателей массовости.

Ключевые слова: социально-психологические установки, мотивация, комплекс ГТО, Красноярский край, физическая культура и спорт, спортивные соревнования, здоровый образ жизни

Для цитирования: Лобанова О.Б., Шмутьская Л.С., Казанцев Е.М., Железнова Е.Н. Социально-психологические установки и мотивация участия населения Красноярского края в реализации комплекса «Готов к труду и обороне» (1980-е годы) // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 303 – 310. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-303-310

Поступила в редакцию: 19 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Lobanova O.B.,
¹ Shmulskaya L.S.,
¹ Kazantsev E.M.,
² Zhelezнова E.N.,

¹ Lesosibirsk Pedagogical Institute, branch of Siberian Federal University,
² Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Siberian Federal University

Social and psychological attitudes and motivation of the population of the Krasnoyarsk Region to participate in the implementation of the Ready for Labor and Defense complex (1980s)

Abstract: the purpose of this study is to analyze the socio-psychological attitudes and motivational mechanisms that ensured the involvement of the population of the Krasnoyarsk Region in the physical culture and sports movement and the passing of the Ready for Labor and Defense of the USSR (GTO) standards in the 1980s. The objectives of the study include identifying the factors of socio-psychological integration, the role of collective forms of sports activity, and analyzing the system of external and internal incentives that fostered a sustained interest in physical culture. The methodological basis was an interdisciplinary approach, including the analysis of articles and notes from regional periodicals, which allowed us to reconstruct the psychological climate of the era and the everyday practices of participation in the GTO movement. The study found that the GTO complex during the period under review was not only a system of standards, but also an effective tool for social cohesion, the formation of collective identity, and increased labor activity in an intensive industrial environment of the region. The key role of such socio-psychological phenomena as social facilitation and intergroup competition in achieving high mass participation is revealed.

Keywords: socio-psychological attitudes, motivation, GTO complex, Krasnoyarsk Territory, physical culture and sports, sports competitions, healthy lifestyle

For citation: Lobanova O.B., Shmulskaya L.S., Kazantsev E.M., Zhelezнова E.N. Social and psychological attitudes and motivation of the population of the Krasnoyarsk Region to participate in the implementation of the Ready for Labor and Defense complex (1980s). International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 303 – 310. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-303-310

The article was submitted: February 19, 2026; Approved after reviewing: April 27, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Изучение исторического опыта развития массовой физической культуры и реализации комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) приобретает особую значимость в контексте современных дискуссий о формировании здорового образа жизни и социальной интеграции. Если экономические и организационные аспекты функционирования ГТО получили достаточное освещение в литературе, то психологическая составляющая этого феномена – мотивация участия, механизмы вовлечения, ценностное отношение к труду и здоровью, а также психологический климат в коллективах – до сих пор остается малоизученной. Отметим, что в научном пространстве имеются публикации, в которых анализируются психолого-педагогические аспекты развития мотивации к занятиям физической культурой и сдачи норм ГТО (М.А. Антонов [1], М.С. Богданов [2], С.А. Власюк [4], В.Н. Дворак [6], М.Г. Магомедов [19], О.А. Сбитнева [23] и др.). В настоящем исследовании будет показано, что обращение к психологическим механизмам советской физкультурно-массовой работы позволяет понять природу высокой социальной активности населения в тот период, когда физическая культура воспринималась не просто как досуг, а как элемент трудовой биографии и гражданской ответственности. Массовые соревнования, лозунг «Физическую культуру и спорт – в каждую семью» выполняли важную функцию социально-психологической интеграции; формировали у жителей промышленных центров и отдаленных районов чувство принадлежности к единому сообществу, объединенному общей целью. Изучение этих механизмов сегодня может дать ключ к пониманию того, как преодолевать социальную апатию и атомизацию в современном обществе. Опыт Красноярского края, где массовый спорт развивался в условиях ударныхстроек и сурового сибирского климата, позволяет исследовать психологическую устойчивость и адаптационный потенциал человека. Анализ того, как физкультура помогала сибирякам справляться с высокими производственными нагрузками, способствует пониманию психологических ресурсов стрессоустойчивости и механизмов восстановления.

В связи с этим актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного, междисциплинарного анализа истории ГТО, где психологический подход выступает ключом к пониманию успехов массового физкультурного движения в СССР.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели была использована комплексная методика, сочетающая психологические (психологическая интерпретация, идиографический подход, ретроспективный анализ мотивации), исторические (источниковый, сравнительный), социологические (контент-анализ) методы. Такой подход был выбран в связи с тем, что исследование носит междисциплинарный характер и открывает возможности для комплексного анализа феномена ГТО. Фактологическую основу исследования составили материалы районных и городских газет Красноярского края 1980-х гг. (более 100 статей и заметок районных газет). Именно региональная периодика является фактографичным, объективным и информативным источником отражения малоизвестных фактов микроистории.

Результаты и обсуждения

Среди работ, отражающих развитие комплекса ГТО и физкультурно-массового движения в целом в Красноярском крае выделим труды О.Б. Завьяловой [8], В.И. Колмакова [14], Е.А. Николаева [21], М.А. Новожиловой [22] и др. В настоящей статье акцент сделан на развитии массовой физкультурно-спортивной работы в регионе в 1980-е годы. В это десятилетие в крае, как и во всей стране в целом, шло укрепление материально-технической базы и целенаправленная работа с кадрами. В стране имелись 3 433 стадиона, 71 323 спортивных зала, 27 283 стрелковых тира, 1 637 плавательных бассейнов, свыше 600 тысяч спортивных площадок. Увеличивался штат физкультурных работников, из которых большинство имели высшее и среднее специальное образование. Вовлечению широких слоев населения в регулярные занятия физической культурой и спортом, повышению качества работы по подготовке значкистов ГТО послужило проведение Всесоюзного смотра-конкурса «От значка ГТО – к олимпийской медали» [15, с. 1]. С января 1985 г. введен усовершенствованный комплекс «Готов к труду и обороне СССР», что было обусловлено возросшими возможностями физкультурных организаций, проведением разнообразных форм физкультурно-массовой и оздоровительной работы [5]. Комплекс нового образца состоял из двух частей: «Будь готов к труду и обороне СССР» (БГТО) для школьников 6-15 лет; «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) для учащейся молодежи и трудящихся 16-60 лет [16, с. 53]. Анализ этой редакции демонстрирует продуманную педагогическую структуру, где каждая ступень БГТО решала конкретные возрастные задачи: от приучения к движению через игру до формирования осознанного спортсмена, готового перейти к взрослым нормативам. Здесь был не просто набор нормативов, а возрастная стратификация, привязанная к социальным функциям человека. От юноши требовались «сила и мужество» для армии, от взрослого – «совершенство» для труда, а от пожилого – «движения» для здоровья.

В 1980-е годы на территории Красноярского края происходило активное становление крупных территориально-производственных комплексов, промышленных узлов и районов. Нарастали темпы капитального строительства и объемы сельскохозяйственного производства. Функционирование всесоюзных ударных комсомольско-молодежныхстроек придавало региону особое значение. В этой связи физическая культура и спорт рассматривались как важный ресурс, призванный содействовать решению масштабных государственных задач по освоению Сибири. Впервые совместными постановлениями бюро Красноярского краевого комитета КПСС, исполкома краевого Совета народных депутатов с коллежиями Спорткомитетов СССР и РСФСР, а также с президиумом центрального совета спортобщества «Динамо» утверждены принципиально новые комплексные программы развития физической культуры и спорта в Красноярском крае на период 1981-1985 годов и до 1990 года [24, с. 3]. В десятой пятилетке (1976-1980 гг.) в Красноярском крае была проделана масштабная работа по развитию спортивной инфраструктуры. Было введено в строй 240 спортивных залов, 7 крытых плавательных бассейнов и около 300 стрелковых тиров. Особое внимание уделялось созданию условий для зимних видов спорта: появилось два крытых стадиона с искусственным льдом. В итоге регулярные занятия физкультурой охватили более 900 тысяч жителей края, а свыше 360 тысяч человек успешно сдали нормативы комплекса ГТО [17, с. 130].

Ежегодно в крае сдавали и подтверждали нормы комплекса свыше 300 000 человек, более 30% населения активно занимается физкультурой. Штабы ГТО, созданные в городах и районах, стали боевыми, оперативными центрами борьбы за здоровье и долголетие трудящихся. Например, в финальных состязаниях по зимнему многоборью ГТО в сезоне 1980-1981 гг. участвовали 44 команды из районов и городов края, а на старты по летнему многоборью ГТО только в Красноярске вышло 200 000 человек. Цифры вовлеченности

свидетельствовали о действии механизмов социальной фасилитации и нормативного влияния. Срабатывал и феномен «заражения»: массовые старты и соревнования создавали особый эмоциональный подъем. Стоит отметить выстроенную мотивационную структуру: система ГТО строилась на мощном сочетании внешних и внутренних стимулов. Внешняя мотивация выстраивалась через звание «Значкист ГТО». Это был не просто значок, а символ социального признания. Разделение на простых участников, значкистов и спортсменов-разрядников создавало «лестницу достижений». С позиции психологии это удовлетворяло потребность в признании и самоактуализации, позволяя человеку видеть свой прогресс. Кроме того, спорт воспринимался не как индивидуальное достижение, а как вклад в общее дело, а социалистическое соревнование между коллективами и районами активизировало механизмы социального сравнения. Система мотивации обеспечивали высокую вовлеченность населения в занятия физической культурой и спортом. В региональной прессе отмечалось, что в 1981 г. по итогам социалистического соревнования краевая физкультурная организация в третий раз завоевала переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР за лучшую постановку работы по комплексу ГТО среди краев и областей Сибири и Дальнего Востока. Однако Красноярский край еще отставал от установленных норм и нормативов обеспечения населения спортивными и спортивными сооружениями. Так, стадионами обеспечены: города на 26%, сельские районы на 42 %; спортивными залами соответственно на 74% и на 14%. В среднем по краю стадионы с загружены лишь наполовину, закрытые плавательные бассейны - на 78%, спортивные залы на 81% [13]. Развитию материально-технической базы физической культуры и спорта в Красноярском крае способствовало проведение спортивных соревнований всесоюзного уровня. В 1982 г. Бюро Красноярского краевого комитета КПСС рассмотрело и утвердило мероприятия по подготовке спортивных сооружений к всесоюзным и республиканским соревнованиям по зимним видам спорта в 1982-1983 гг. «Горнолыжные комплексы, трамплины, биатлонное стрельбище, лыжный городок, санная трасса, конькобежный стадион в Дивногорске, на которых проходили состязания V зимней Спартакиады народов СССР, вновь примут ведущих спортсменов страны. Сибиряки с нетерпением ждут зимы» [10, с. 3]. К 1985 г. в краевом центре было оборудовано более 50 лыжных баз, которые одновременно могли обслужить 20 тысяч лыжников, имелся лыжный стадион в черте города, где каждую зиму прокладываются трассы, отвечающие международным стандартам. К зимней Спартакиаде-86 было начато строительство современного лыжного стадиона, шло обновление «биатлонного стрельбища на динамовской базе», функционировал дворец спорта «Енисей» на искусственном льду [20, с. 2]. В 1986 г. постановлением Спорткомитета СССР об итогах Всесоюзного социалистического соревнования Красноярский край в числе группы спорткомитетов был награжден Почетной грамотой Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР за большую работу по выполнению плана развития массовой физической культуры и внедрению комплекса ГТО [12, с. 3].

В 1980-е гг., как и предыдущие десятилетия шло активное вовлечение в разноплановую физкультурно-массовую работу на предприятиях и в организациях. Анализ многочисленных статей и заметок региональной периодики Красноярского края свидетельствует о том, что география соревнований была представлена как крупными промышленными центрами (Красноярск, Лесосибирск, Енисейск), так и районными поселками (Богучаны, Козулька, Чечеул). Это говорило о повсеместном характере движения – оно охватывало и города, и сельскую местность. Участие в сдаче норм ГТО и проведении соответствующих соревнований фиксировалось в самых разных типах учреждений и предприятий: образовательные учреждения (вузы, средние профессионально-технические училища), где ГТО выступало элементом подготовки будущих специалистов во всех сферах общественной жизни; промышленные предприятия (лесопромышленные комплексы (ЛДК-2, ЛДК-1), алюминиевый завод, целлюлозно-бумажный комбинат, авиапредприятия), что демонстрировало включенность рабочих в физкультурно-спортивную жизнь.

Факты свидетельствуют о том, что соревнования по многоборью ГТО (зимнему и летнему) были самым распространенным видом соревнований. Они проводились как самостоятельные первенства, так и в рамках спартакиад, посвященных знаменательным датам (50-летие образования СССР, 60-летие СССР, 40-летие разгрома фашистов под Москвой, годовщина ВЛКСМ, День Воздушного флота, День работников леса). Это подчеркивает идеологическую нагрузку: спорт служил инструментом патриотического воспитания; был не просто набором нормативов, а реально работающей системой вовлечения населения в регулярные занятия физической культурой. На местном уровне она опиралась на широкую сеть коллективов физической культуры на предприятиях и в учебных заведениях; активную роль профсоюзов и комсомольских организаций; разнообразие форм (от массовых кроссов до многоборья и спартакиад). В это десятилетие Красноярский край был одним из лидеров физкультурного движения в Сибири.

Все большую популярность завоевывало и такое движение, как «Всей бригадой на стадион». Только в Красноярске насчитывалось около 700 бригад, включившихся в это движение. «Всей школой на старт»,

«Стартуют все» (для ребят из ПТУ), «Красноярская миля», «Сибиряк значит лыжник», «Приз первокурсника», спортивные праздники улиц, спартакиады рабочих общежитий становятся все более массовыми. В Эвенкийском, Таймырском автономных округах, Хакаской автономной области большое развитие получают национальные виды спорта. В программу соревнований были включены метание топора, стрельба из лука, гонка на оленях. Спортивный национальный праздник в Хакасии «Тун-Пайрам» собирает до 1000 человек из самых отдаленных поселков и улусов [24, с. 3].

В 1980-е гг. для привлечения к занятиям физической культурой и спортом предприятия и организации создавали для своих работников базы и дома отдыха, которые давали возможность восстановиться после трудовых будней, провести активный досуг. Красноярский алюминиевый завод построил заводскую базу отдыха на реке Бузим. В 1983 г. на базе отдохнули около двадцати тысяч рабочих. На базе организовывались массовые соревнования по лыжным гонкам, многоборью ГТО, спортивному ориентированию [9, с. 3]. Еще одним примером может служить дом отдыха Красноярского ЦБК «Беркут», где «проложена лыжная трасса» [18, с. 4]. «Цехом здоровья называют труженики Красноярского целлюлозно-бумажного комбината свою спортивно-оздоровительную базу», которая была одной из лучших в Красноярском крае. Спортивно-оздоровительная работа на комбинате была обширной: в 12 секциях занимались свыше 570 человек – почти каждый четвертый рабочий или член его семьи. Только в 1980 г. было подготовлено 560 значкистов ГТО, свыше трехсот спортсменов массовых разрядов. Кроме «Беркута» в цех здоровья комбината входили стадион с хоккейной коробкой и беговой дорожкой, стрелковый тир, две лыжные базы, летняя спортивная база «Нептун» [11, с. 3].

Для организации работы по сдаче норм ГТО в организациях и на предприятиях создавались специальные комиссии ГТО, которые составляли список спортсменов, осуществляли подготовку лыжных трасс, судейства, награждения и т.д. Комиссия учитывала посменность работы сдающих и устанавливала определенный день недели для сдачи норм ГТО [7, с. 4]. Подобного рода комиссии были организованы в связи с тем, что стоял вопрос: «Что нужно сделать, чтобы занятия спортом стали массовыми и регулярными».

Для привлечения к движению ГТО рабочего и сельского населения Красноярского края в 1982 г. впервые в г. Красноярске проводились спортивные соревнования под девизом «Союз серпа и молота». Организаторами их были краевые спортивные общества ДСО «Труд» и «Урожай». В этих соревнованиях принимали участия предприятия края и их подшефные колхозы и совхозы. Соревнования проводились по программе летнего многоборья ГТО [17, с. 139]. Первые совместные краевые соревнования под девизом «Союз серпа и молота» состоялись летом 1982 г. Лучшие базы Красноярска были отданы собравшимся физкультурникам. Спортивные делегации Норильского Горно металлургического комбината, Красноярского целлюлозно - бумажного комбината, Алюминиевого завода, треста «Промхимстрой», Сибирского завода тяжелого машиностроения, объединения «Экскаватортяжстрой», Комбайнового завода встречали гостей из подшефных совхозов «Березовского», «Большемуртинского». «Норильского», «Ирбейского», «Горского». Состязания проводились по многоборью ГТО, где в составе сборных команд выступали физкультурники из подшефных совхозов и шефствующих над ними предприятий [9, с. 3].

В это десятилетие популярность приобретает спортивный туризм, который был включен в комплекс ГТО. В 1982 г. Красноярский краевой комитет комсомола, крайком ДОСААФ, Краевой спорткомитет организовали туристско-спортивную экспедицию по Енисею «Енисейский меридиан-82»: «Участники проплыли по великой сибирской реке свыше четырех тысяч километров» [10, с. 4]. В рамках экспедиции проходили встречи участников с молодежью геологических партий, базирующихся на Енисее, жителями городов и поселков, с бойцами студенческих строительных отрядов [10, с. 4]. Это способствовало расширению социального опыта: взаимодействие с разными группами людей (профессионалы-геологи, сельские жители, стройотрядовцы) позволяло молодым участникам лучше понять социальную структуру общества, увидеть реальную жизнь за пределами города; встречи формировали у участников чувство сопричастности к освоению Сибири, к общему делу развития региона и страны.

Выводы

Проведенное исследование развития массовой физической культуры и реализации комплекса ГТО в Красноярском крае в 1980-е годы позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, выходящих за рамки простой фиксации исторических фактов и акцентирующих внимание на психологических механизмах и закономерностях изучаемого процесса. Комплекс ГТО можно рассматривать как фактор социально-психологической интеграции и формирования коллективной идентичности. Материалы исследования убедительно доказывают, что в 1980-е годы физическая культура и спорт в Красноярском крае выполняли важнейшую функцию не только оздоровления, но и социального сплочения. В условиях интенсивного про-

мышленного освоения Сибири спорт становился универсальным языком общения и механизмом интеграции. Движения «Всей бригадой на стадион», «Союз серпа и молота» (объединявший город и деревню), спартакиады по месту жительства и работы формировали мощное поле коллективных переживаний и общей цели. Участие в соревнованиях и сдаче норм ГТО способствовало формированию позитивной социальной идентичности («мы – сибиряки», «мы – строители», «мы – значкисты ГТО»), что являлось мощным психологическим ресурсом, повышающим удовлетворенность трудом и жизнью в суровых условиях.

Исторический опыт Красноярского края 1980-х годов показывает, что успех массового спортивного движения зависит не только от материальной базы (стадионов, залов), но и от грамотного управления мотивацией. Формирование устойчивого интереса к физической культуре возможно лишь при сочетании коллективных форм работы (чувство принадлежности) и учета индивидуальных психологических особенностей (возраст, интересы). Кроме того, опыт 1980-х годов напоминает о необходимости бережного отношения к национальным, исторически сложившимся традициям физического воспитания, адаптируя их к меняющимся условиям. Таким образом, психологический анализ развития ГТО в Красноярском крае в 1980-е годы позволяет рассматривать этот период как уникальную модель взаимодействия государственной политики, общественных настроений и индивидуальной мотивации, изучение которой имеет непреходящее значение для понимания закономерностей формирования здорового образа жизни.

Список источников

1. Антонов М.А., Речкалов А.В. Важные психофизические аспекты при подготовке студентов к выполнению ВФСК ГТО в вузе // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы АПК и инновационные пути их решения». Курган: Изд-во Курганской ГСХА, 2021. С. 611 – 614.
2. Богданов М.С., Герасимовская А. Психологическая готовность обучающихся общеобразовательной организации к сдаче норм ГТО // Материалы VII Всероссийской научной конференции «Омские научные чтения». Ч. 2. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2025. С. 372 – 377.
3. В спорткомитете СССР // Советский спорт. 1986. № 99. С. 4.
4. Власюк С.А., Брыкина В.А., Переузник А.З. Проблема популяризации комплекса ГТО среди взрослого населения // Наука-2020. 2023. № 4 (65). С. 121 – 131.
5. Гоголев Ф.В., Уваров В.А. Тверже шаг, товарищ ГТО. М.: Физкультура и спорт, 1986. 80 с.
6. Дворак В.Н. психолого-педагогические аспекты развития мотивации обучающихся к решению задач нового физкультурно-спортивного комплекса ГТО // Психология обучения. 2016. № 7. С. 14 – 22.
7. Евсеенко А., Полухинских В. Чтобы спорт стал массовым // Енисейская правда. 1981. № 33. С. 4.
8. Завьялова О.Б., Жаткина А.Ю. История становления и развития физической культуры и спорта в Красноярском крае // Материалы XVI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма». Уфа: УГАТУ, 2022. С. 5 – 8.
9. Касаткин А. «Бюзим» – база спортивная // Советский спорт. 1984. № 43. С. 3.
10. Касаткин А. «Енисейский меридиан – 82» // Советский спорт. 1982. № 167. С. 4.
11. Касаткин А. Друзья «Беркута» // Советский спорт. 1981. № 90. С. 3.
12. Касаткин А. Портфель с амбициями // Советский спорт. 1987. № 52. С. 3.
13. Касаткин А.М., Степанов К.Н. Красноярск – столица спортивной зимы. Красноярск: Кн. изд-во 1981. 80 с.
14. Колмаков В.И. История развития студенческого спорта в Красноярском крае // Всемирные студенческие игры: история, современность и тенденции развития: сб.статей. Ч. 1. Красноярск, 2022. С. 213 – 219.
15. Красные знамена – правофланговым // Советский спорт. 1980. № 100. С. 1.
16. Кудрявцев В.Г., Кудрявцева Ж.В. Спорт: события и судьбы: Кн. для учащихся 5-10 кл. сред. шк. М.: Просвещение, 1986. 367 с.
17. Лобанова О.Б., Шмутьская Л.С., Мамаева С.В. «Готов к труду и обороне» в контексте развития физкультурно-массового движения в Красноярском крае: социокультурный аспект. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025. 216 с.
18. Любимов А. Главная трасса – на Енисее // За технический прогресс. 1985. № 19. С. 4.
19. Магомедов М.Г., Исмаилов Ш.О. Роль ГТО В мотивации студентов вуза к занятиям физической культурой и спортом // Культура физическая и здоровье. 2023. № 4 (88). С. 81 – 86.
20. Нестерова В. Зима не за горами // Советский спорт. 1985. № 221. С. 2.

21. Николаев Е.А. Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне» как феномен развития массовой физической культуры и спорта в СССР // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Исторические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 107 – 120.
22. Новожилова М.А. Студенческий подводный спорт: история, развитие и современное состояние в Красноярском крае // Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма». Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. С. 52 – 55.
23. Сбитнева О.А. Мотивация студентов к сдаче нормативов ВФСК ГТО как важный фактор формирования активной и здоровой молодежи // Управление развитием образования. 2025. № 4 (36). С. 135 – 141.
24. Семенов В. От массового – к всенародному! // Советский спорт. 1983. № 233. С. 3.

References

1. Antonov M.A., Rechkalov A.V. Important psychophysical aspects in preparing students to perform the GTO (Ready for Labor and Defense) physical culture and sport event at a university. Collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference "Current problems of the agro-industrial complex and innovative ways to solve them". Kurgan: Publishing house of Kurgan State Agricultural Academy, 2021. P. 611 – 614.
2. Bogdanov M.S., Gerasimovskaya A. Psychological readiness of students of a general education organization to pass the GTO standards. Materials of the VII All-Russian scientific conference "Omsk scientific readings". Part 2. Omsk: Publishing house of Omsk State University, 2025. P. 372 – 377.
3. In the USSR Sports Committee. Sovetsky Sport. 1986. No. 99. P. 4.
4. Vlasyuk S.A., Brykina V.A., Pereuznik A.Z. The Problem of Popularizing the GTO Complex Among the Adult Population. Science-2020. 2023. No. 4 (65). P. 121 – 131.
5. Gogolev F.V., Uvarov V.A. Tougher Step, Comrade GTO. Moscow: Physical Education and Sport, 1986. 80 p.
6. Dvorak V.N. Psychological and Pedagogical Aspects of Developing Students' Motivation to Solve the Problems of the New GTO Physical Culture and Sports Complex. Psychology of Learning. 2016. No. 7. P. 14 – 22.
7. Evseenko A., Polukhinskikh V. To Make Sports Massive. Yeniseiskaya Pravda. 1981. No. 33. P. 4.
8. Zavyalova O.B., Zhatkina A.Yu. History of the Formation and Development of Physical Culture and Sports in Krasnoyarsk Krai. Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Physical Culture, Sports and Tourism". Ufa: USATU, 2022. P. 5 – 8.
9. Kasatkin A. "Buzim" – a sports base. Sovetsky Sport. 1984. No. 43. P. 3.
10. Kasatkin A. "Yenisei Meridian – 82". Sovetsky Sport. 1982. No. 167. P. 4.
11. Kasatkin A. Friends of "Berkut". Sovetsky Sport. 1981. No. 90. P. 3.
12. Kasatkin A. Portfolio with Ambitions. Sovetsky Sport. 1987. No. 52. P. 3.
13. Kasatkin A.M., Stepanov K.N. Krasnoyarsk – the Capital of the Sports Winter. Krasnoyarsk: Book Publishing House of 1981. 80 p.
14. Kolmakov V.I. History of the Development of Student Sports in Krasnoyarsk Krai. World Student Games: History, Modernity, and Development Trends: A Collection of Articles. Part 1. Krasnoyarsk, 2022. P. 213 – 219.
15. Red Banners – to the Right Flanks. Sovetsky Sport. 1980. No. 100. P. 1.
16. Kudryavtsev V.G., Kudryavtseva Zh.V. Sport: Events and Fates: A Book for Students in Grades 5-10 of Secondary Schools. Moscow: Prosveshchenie, 1986. 367 p.
17. Lobanova O.B., Shmulskaya L.S., Mamaeva S.V. "Ready for Labor and Defense" Complex in the Context of the Development of the Mass Physical Culture Movement in Krasnoyarsk Krai: A Sociocultural Aspect. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2025. 216 p.
18. Lyubimov A. The Main Route is on the Yenisei River. For Technical Progress. 1985. No. 19. P. 4.
19. Magomedov M.G., Ismailov Sh.O. The Role of the GTO (Ready for Labor and Defense) in Motivating University Students to Engage in Physical Culture and Sports. Physical Culture and Health. 2023. No. 4 (88). P. 81 – 86.
20. Nesterova V. Winter is just around the corner. Sovetsky Sport. 1985. No. 221. P. 2.
21. Nikolaev E.A. All-Union Physical Culture Complex "Ready for Labor and Defense" as a Phenomenon of the Development of Mass Physical Culture and Sports in the USSR. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Historical Sciences. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 107 – 120.
22. Novozhilova M.A. Student Underwater Sports: History, Development, and Current State in Krasnoyarsk Krai. Collection of Articles from the XVIII International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Physical Culture, Sports, and Tourism". Ufa: RIC UUNiT, 2024. P. 52 – 55.

23. Sbitneva O.A. Motivating Students to Pass the All-Russian Physical Culture and Sports Complex GTO Standards as an Important Factor in Developing Active and Healthy Youth. Education Development Management. 2025. No. 4 (36). P. 135 – 141.

24. V. Semenov. From Mass to National! Sovetsky Sport. 1983. No. 233. P. 3.

Информация об авторах

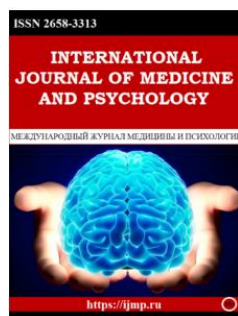
Лобанова О.Б., кандидат педагогических наук, доцент, Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск, ул. Победы, 42, olg197109@yandex.ru

Шмульская Л.С., кандидат филологических наук, доцент, Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск, ул. Победы, 42, lsshmulskaia@sfu-kras.ru

Казанцев Е.М., старший преподаватель, Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск, ул. Победы, 42, emkazantsev@sfu-kras.ru

Железнова Е.Н., старший преподаватель, Институт физической культуры, спорта и туризма, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, ул. Борисова, 6к, zheleznovae@mail.ru

© Лобанова О.Б., Шмульская Л.С., Казанцев Е.М., Железнова Е.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.3

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-311-318

¹ **Озикова К.О.,**

¹ *Высшая школа психологии,*

Тихоокеанский государственный университет

Педагогический оптимизм учителя: теоретическая модель формирования и развития в контексте профессиональной деятельности

Аннотация: в статье представлена теоретическая модель формирования педагогического оптимизма учителя. На основе сравнительного анализа зарубежных (трёхфакторная модель академического оптимизма У. Хоя, психологический капитал PsyCap) и отечественных концепций (рационально-деятельный оптимизм Ю.В. Андреевой, гуманистическая педагогика, модель З.А. Арскиева) обоснована интегративная структура педагогического оптимизма, включающая когнитивно-аффективный, поведенческий и результативный уровни. Описаны системообразующие факторы (организационные, социально-психологические, личностные, семейные) и механизм позитивного ресурсного цикла. Модель может быть использована для диагностики и целенаправленного формирования педагогического оптимизма как ресурса профессионального благополучия учителя.

Ключевые слова: педагогический оптимизм, академический оптимизм, психологический капитал, профессиональное благополучие учителя, теоретическая модель формирования

Для цитирования: Озикова К.О. Педагогический оптимизм учителя: теоретическая модель формирования и развития в контексте профессиональной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 311 – 318. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-311-318

Поступила в редакцию: 18 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Ozikova K.O.,**

¹ *Higher School of Psychology,
Pacific National University*

Teacher's pedagogical optimism: a theoretical model of formation and development in the context of professional activity

Abstract: the article presents a theoretical model for the formation of teacher's pedagogical optimism. Based on a comparative analysis of foreign concepts (W. Hoy's three-factor model of academic optimism, psychological capital PsyCap) and Russian approaches (rational-activity optimism by Yu.V. Andreeva, humanistic pedagogy, Z.A. Arskiyeva's model), an integrative structure of pedagogical optimism is substantiated, comprising cognitive-affective, behavioral, and outcome levels. System-forming factors (organizational, socio-psychological, personal, family) and the mechanism of a positive resource cycle are described. The model can be used for the diagnostic assessment and targeted development of pedagogical optimism as a resource for teacher professional well-being.

Keywords: pedagogical optimism, academic optimism, psychological capital, teacher professional well-being, theoretical model of formation

For citation: Ozikova K.O. Teacher's pedagogical optimism: a theoretical model of formation and development in the context of professional activity. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 311 – 318. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-311-318

The article was submitted: February 18, 2026; Approved after reviewing: April 27, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Профессиональная деятельность учителя сопряжена с высоким риском эмоционального выгорания из-за интенсивных коммуникаций, эмоциональной нагрузки и требований к результатам обучения. В поиске ресурсов, поддерживающих благополучие педагога, исследователи обращаются к феномену педагогического оптимизма. Цель статьи – представить интегративную теоретическую модель формирования педагогического оптимизма учителя, синтезирующую зарубежные и отечественные подходы.

Педагогический оптимизм – интегративное личностное качество, устойчивое предрасположение учителя видеть в педагогической деятельности позитивные возможности, верить в потенциал развития каждого учащегося и сохранять веру в смысл своей профессии, несмотря на трудности.

Структурно педагогический оптимизм включает пять взаимосвязанных компонентов:

- когнитивный (М. Селигман) – оптимистический стиль объяснения событий;
- эмотивный (Ш.А. Амонашвили, З.А. Арскиева, А.И. Белкин, А.С. Макаренко, К. Роджерс, В.А. Сухомлинский) – преобладание позитивных чувств, эмоциональная устойчивость;
- конативный (К.С. Бёрд, У. Хой, Дж. Тартер, А.В. Хой) – инициативность, активность, готовность к нововведениям;
- мотивационный (Ш.А. Амонашвили, Ю.В. Андреева, З.А. Арскиева, А. Бандура и др.) – стремление к профессиональному развитию, помощь учащимся в раскрытии потенциала;
- смысловой (Ш.А. Амонашвили, З.А. Арскиева, О.В. Коротких, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский и др.) – переживание глубокого смысла педагогической деятельности, соответствие личных ценностей профессиональному поведению.

Теоретическими основаниями структуры выступают: теория оптимизма М. Селигмана (объяснительный стиль), теория расширения и построения Б. Фредриксона (позитивные эмоции), субъектно-деятельностный подход, смысловой подход А.А. Леонтьева и теория самоопределения Э. Деси и Р. Райана. Эти концепции интегрируют когнитивные, аффективные, поведенческие, мотивационные и смысловые механизмы педагогического оптимизма.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в русле теоретической психологии и педагогической психологии. Основным методом выступил теоретический анализ и синтез научной литературы по проблеме педагогического оптимизма (зарубежные и отечественные источники за период 1985-2025 гг.). Дополнительно применялся метод моделирования – построение интегративной теоретической модели формирования педагогического оптимизма учителя.

Результаты и обсуждения

Зарубежные модели педагогического оптимизма Трёхфакторная модель академического оптимизма

Наиболее влиятельной зарубежной моделью является трёхфакторная структура академического оптимизма учителя (Teacher Academic Optimism, TAO), предложенная У. Хоем и его коллегами [11]. TAO – скрытая переменная, включающая три измерения:

1. Самоэффективность («Я могу») – вера учителя в свою способность обучать и вовлекать даже сложных учеников.
2. Доверие («Мы – команда») – убеждённость в честности и способности к развитию учеников, поддержке их родителей.
3. Академический акцент («Мы должны стремиться к высоким результатам») – настойчивость в достижении высоких стандартов.

Модель подтверждена в разных культурах, мета-анализ выявил сильную связь TAO с успеваемостью учеников [10]. Успехи и неудачи самого педагога – значимый предиктор его академического оптимизма [17].

Модель психологического капитала (PsyCap)

Другой подход рассматривает оптимизм как часть более широкого ресурса – психологического капитала (PsyCap) с четырёхкомпонентной структурой «HERO»: Hope (надежда), Efficacy (самоэффективность), Resilience (жизнестойкость), Optimism (оптимизм) [18]. Совокупный уровень психологического капитала – значимый предиктор профессионального благополучия педагогов. В российской психологии есть более широкое понятие – «личностный потенциал» (Д.А. Леонтьев) – способность к самоопределению и преодолению трудностей; оба понятия дополняют друг друга [5].

Эмпирические данные. Мета-анализ 2024 г. (173 работы, 89 876 учителей) показал: психологический капитал – один из четырёх сильнейших позитивных предикторов благополучия педагога, выгорание и вовлечённость – сильнейшие корреляты [23]. Скоринг-обзор (376 источников, 32 статьи) выявил значимые положительные связи психологического капитала с благополучием учителей во всех работах. Кросс-культурная валидность модели HERO подтверждена на выборках из 15 стран [14].

Связь с выгоранием и стрессом. Психологический капитал отрицательно коррелирует с выгоранием; наибольший защитный эффект даёт самоэффективность, затем жизнестойкость и надежда [23]. Исследование 2025 г. (496 учителей, Китай) выявило: психологический капитал частично опосредует связь удовлетворённости трудом и выгорания, а физическая активность смягчает этот эффект [16]. Нарративный обзор 2025 г. подтверждает, что сочетание позитивного психологического капитала и эффективной эмоциональной регуляции – более действенная стратегия снижения выгорания [21]. Психологический капитал также опосредует связь между восприятием организационной политики и эмоциональным истощением. Учителя с высоким психологическим капиталом активнее используют проактивные копинг-стратегии, ослабляя влияние стрессоров [19].

Диспозиционная модель и модель объяснительного стиля

Диспозиционная модель оптимизма [22] трактует оптимизм как генерализованное ожидание благоприятных исходов. Модель объяснительного (атрибутивного) стиля М. Селигмана рассматривает оптимизм через призму атрибуции причин событий: оптимисты объясняют неудачи внешними, временными и частными причинами, а успехи – внутренними, устойчивыми, глобальными. Эта модель легла в основу когнитивного компонента педагогического оптимизма [6].

3. Отечественные концепции педагогического оптимизма: гуманистическая традиция

В российской науке педагогический оптимизм понимают, как профессионально-личностное качество, формируемое на гуманистических ценностях и акцентирующее веру в ученика, а не только в собственную эффективность.

Концепция «рационально-деятельного оптимизма» (Ю.В. Андреева)

Педагогический оптимизм здесь – качество, подтверждаемое реальными достижениями учеников. Центральный механизм – создание ситуации успеха. Абстрактная вера без объективных оснований не служит базой оптимизма; уверенность учителя должна опираться на конкретные результаты учащихся. Оптимизм выступает приобретаемым навыком и продуктом профессионального мастерства [2, 3].

Источники концепции: педагогика сотрудничества (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили), теория выученного оптимизма М. Селигмана, гуманистическая психология К. Роджерса, технология создания ситуации успеха А.С. Белкина. Важно, что ситуация успеха работает как двусторонний процесс: успех ученика укрепляет оптимизм учителя, даёт надежде доказательную базу и подстёгивает мотивацию. Конкретные приёмы – похвала, снятие страха, авансирование доверием, свобода выбора, «вычёрпывание плюсов», совместное творчество [2].

Идеи педагогики сотрудничества

Отечественная традиция укореняет педагогический оптимизм в следующих положениях: «зона ближайшего развития» (Л.С. Выготский), «завтрашняя радость» (А.С. Макаренко), «радость познания» (В.А. Сухомлинский), обучение без принуждения (Ш.А. Амонашвили), принцип педагогического оптимизма в специальной педагогике – установка на обучаемость каждого ребёнка.

Модель формирования педагогического оптимизма у будущих учителей (З.А. Арскиева)

Модель ориентирована на целенаправленное формирование оптимизма у бакалавров в процессе вузовской подготовки. Педагогический оптимизм не врождённая черта, он формируется средствами внешних подкреплений и поощрений познавательной активности. Структура модели включает блоки:

Целеполагающий – система целей от ФГОС до конкретных задач (развитие веры в ученика, эмпатии, коммуникации, юмора).

Организационно-стимулирующий – поощрения (одобрение, похвала, благодарность, награды).

Содержательно-технологический – техники когнитивной психологии (дневник самонаблюдения, «переписанная автобиография»), тренинги, творческие проекты.

Структурно-критериальный – четыре компонента оптимизма: коммуникативный, гуманистический, эмпатический, чувство юмора.

Итогово-результативный – диагностика (методики М.В. Шакуровой, И.М. Юсупова, Е.А. Тарасова) и уровни (высокий, средний, низкий).

Модель З.А. Арскиевой – технологически проработанный инструмент формирования оптимизма в вузе [4].

Педагогический оптимизм как профессионально-личностная установка (В.А. Сластёнин, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов)

Педагогический оптимизм рассматривается как компонент профессиональной направленности личности учителя, обеспечивающий конструктивное отношение к неудачам и устойчивость к профессиональным деформациям [7].

Эмпирические подтверждения связи педагогического оптимизма с благополучием учителя

Исследования подтверждают, что педагогический оптимизм выступает значимым ресурсом противодействия выгоранию. Согласно мета-анализу [23], психологический капитал входит в число сильнейших позитивных предикторов благополучия педагога. Учителя с высоким уровнем психологического капитала чаще применяют проактивные копинг-стратегии [19]. В российской традиции показано, что технология создания ситуации успеха укрепляет самоэффективность педагога, снижает тревожность и предотвращает выученную беспомощность [2]. Связь педагогического оптимизма и благополучия носит двунаправленный характер, формируя позитивный ресурсный цикл.

Теоретическая модель формирования педагогического оптимизма учителя

Предлагаемая модель (рис. 1) описывает формирование педагогического оптимизма как многоуровневую динамическую систему, реализуемую через четыре взаимосвязанных компонента (целевой, содержательный, процессуальный, оценочно-результативный) под влиянием внешних и внутренних факторов.

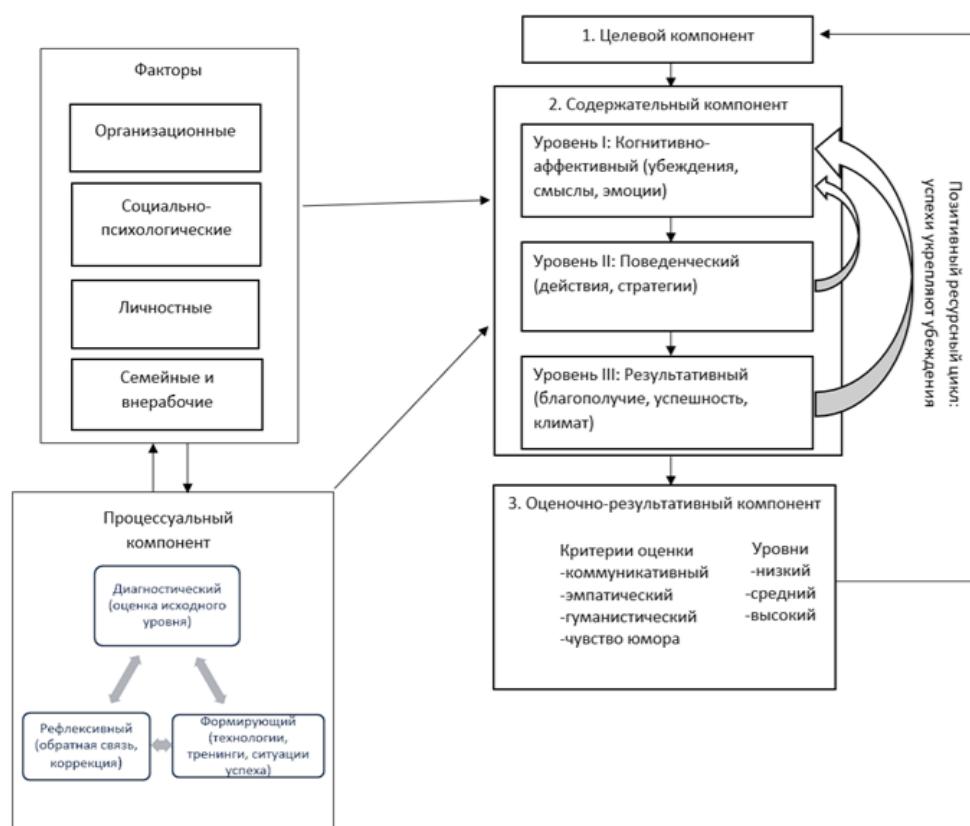

Рис. 1. Теоретическая модель формирования педагогического оптимизма учителя.

Fig. 1. Theoretical model of the formation of pedagogical optimism of a teacher.

Целевой компонент задаёт направленность: развитие устойчивой оптимистической профессиональной позиции, обеспечивающей субъективное благополучие и педагогическую эффективность. Цель конкретизируется в задачах по формированию когнитивных, эмоциональных, поведенческих и рефлексивных качеств.

Содержательный компонент – центральный элемент, включающий три иерархических уровня.

Уровень I (когнитивно-аффективный) – базовая основа: оптимистический стиль атрибуции (успехи – внутренними, стабильными причинами, неудачи – внешними, временными), убеждение в пластичности интеллекта, внутренний локус контроля, осознанный смысл деятельности, преобладание позитивных эмоций (радость, надежда, энтузиазм).

Уровень II (поведенческий) – воплощение убеждений в действиях: инициатива, конструктивная реакция на неудачи, создание ситуаций успеха, сотрудничество, саморазвитие.

Уровень III (результативный) – итоговые изменения: субъективное профессиональное благополучие (удовлетворённость трудом, переживание значимости), устойчивость к выгоранию, академическая успешность учащихся, позитивный климат в классе.

Обратные связи превращают линейную последовательность в самоподдерживающийся цикл. Первая – от результативного уровня к когнитивно-аффективному: успехи учеников подтверждают убеждения учителя, усиливая оптимистическую атрибуцию и позитивный аффект. Вторая – от поведенческого уровня к когнитивно-аффективному: эффективные стратегии (например, создание ситуации успеха) сами по себе укрепляют надежду и позитивный аффект. Модель описывает непрерывный циклический процесс, где каждый новый успех подкрепляет исходные убеждения.

Процессуальный компонент определяет этапность: диагностический (оценка исходного уровня), формирующий (внедрение технологий, тренингов, создание ситуаций успеха) и рефлексивный (закрепление, коррекция).

Оценочно-результативный компонент оценивает уровень сформированности педагогического оптимизма (критерии – коммуникативный, гуманистический, эмпатический, чувство юмора [4]) и служит основой для коррекции процесса.

Факторы формирования педагогического оптимизма. На всех этапах действуют четыре группы факторов:

Организационные – поддержка администрации, согласованность руководящей команды, гибкая структура школы [13];

Социально-психологические – поддержка коллег, доверие с учениками, разделение ценностей школы [20];

Личностные – жизнестойкость, саморегуляция, рефлексия [8];

Семейные и внерабочие – баланс работы и личной жизни, семейная поддержка, физическая активность [12; 9].

Все группы действуют системно: ослабление одной тормозит формирование оптимизма даже при сильных остальных.

Практическое применение. Модель может использоваться для диагностики (оценка актуального состояния педагогического оптимизма) и для формирования (разработка программ развития, воздействующих на каждый уровень содержательного компонента). Модель работает как саморегулирующаяся система: факторы создают условия, целевой компонент задаёт направление, содержательный обеспечивает поэтапное формирование качеств, процессуальный организует последовательность действий, оценочно-результативный фиксирует достигнутое и даёт сигнал для обратной связи, замыкающей цикл в устойчивый ресурсный процесс.

Выводы

Зарубежные модели (трёхфакторная модель академического оптимизма У. Хоя, модель психологического капитала PsyCap) предлагают операционализированную, эмпирически подтверждённую структуру, удобную для массовой диагностики. Отечественные концепции (рационально-деятельный оптимизм Ю.В. Андреевой, педагогика сотрудничества, модель формирования оптимизма у будущих учителей З.А. Арскиевой) дают ценностно-ориентированное понимание оптимизма и технологическую основу его развития. Предложенная интегративная модель объединяет эти подходы, описывая педагогический оптимизм как многоуровневую систему с позитивным ресурсным циклом.

Предлагаемая теоретическая модель формирования педагогического оптимизма учителя включает четыре структурных компонента (целевой, содержательный, процессуальный, оценочно-результативный) и три

иерархических уровня (когнитивно-аффективный, поведенческий, результативный). Модель предусматривает обратные связи, превращающие линейную последовательность в самоподдерживающийся ресурсный цикл.

Выявлены основные группы факторов, влияющих на формирование педагогического оптимизма: организационные, социально-психологические, личностные, семейные и внерабочие. Их системное действие определяет успешность реализации модели.

Ограничения модели: высокая сложность (обилие переменных затрудняет эмпирическую верификацию); культурная специфичность (требует проверки в других контекстах); индивидуальный фокус (организационные факторы представлены менее детально); недостаточная проработка временной динамики.

Перспективы дальнейших исследований включают: эмпирическую валидизацию модели (разработка диагностического инструментария для измерения когнитивно-аффективного, поведенческого и результативного уровней); создание программ повышения квалификации и тренингов для практикующих учителей на основе предлагаемой модели; анализ организационных факторов (школьный климат, стиль управления, наставничество), усиливающих ресурсный цикл оптимизма.

Список источников

1. Андреева Ю.В. Дидактика оптимизма // Образовательные технологии и общество. 2018. Т. 21. № 2. С. 357 – 365.
2. Андреева Ю.В. Педагогические основы развития оптимизма у будущего учителя: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. 164 с.
3. Андреева Ю.В. Педагогический оптимизм: от способности мыслить позитивно к созданию ситуации успеха // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2012. № 26 (285). Вып. 17. С. 61 – 65.
4. Арскиева З.А. Формирование у бакалавра педагогического оптимизма как профессионально-личностного качества средствами познавательной активности монография. Чебоксары: Среда, 2020. 119 с.
5. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: оптика психологии // Образовательная политика. 2023. № 2 (94). С. 20 – 31.
6. Селигман М.П. Как научиться оптимизму: измените взгляд на мир и свою жизнь / Мартин Селигман: перевод с английского. 3-е изд. Москва: Альпина Паблишер, 2017. 435 с.
7. Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / под ред. В.А. Слостенина. Москва: Академия, 2002. 576 с.
8. Фадеева О.В., Царева Е.В. Исследование взаимосвязи показателей психологического капитала с видами успеха будущих педагогов-психологов // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 3. Порядковый номер: 32. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/31PSMN321.pdf> (date of access: 19.02.2026)
9. Ain Q.U., Farah N., Khan Role of Mental Health, Social Capital, and Psychological Capital in Shaping Work-Life Balance Among Rural School I.A. Teachers: A Structural Equation Modeling Approach // TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2025. Vol. 32, special issue 5. P. 1902 – 1910.
10. Ateş, A., Ünal A. The Relationship between Teacher Academic Optimism and Student Academic Achievement: A Meta-Analysis. Psycho-Educational Research Reviews. 2010. Vol. 10. P. 284 – 297.
11. Beard K.S., Hoy W.K., Hoy A.W. Academic optimism of individual teachers: Confirming a new construct // Teaching and Teacher Education. 2010. Vol. 26. No 5. P. 1136 – 1144.
12. Davis J.K., Juergensen M., Chang M.-L., Elue C. The Relationship between Teacher Burnout and Physical Activity among High School Teachers // International Journal of Teacher Leadership. 2025. Vol. 14. № 1. P. 98 – 125.
13. Doğuş Y., Doğan E., Çevik M. S. How does leadership team coherence affect collaborative learning and academic optimism in a centralized education system? // Educational Management Administration and Leadership. 2025. Article 17411432251339711
14. Donaldson S.I. et al. The generalizability of HERO across 15 nations: Positive psychological capital (PsyCap) beyond the US and other WEIRD countries // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17. No. 24. Article 9432
15. Hoy W.K., Tarter C.J., Hoy A.W. Academic optimism of schools: A force for student achievement. 2007. Vol. 43. No. 3. P. 425 – 446.
16. Jiang Y., Yuan Q. How job satisfaction affects teachers' occupational burnout: The mediating role of psychological capital moderated by physical exercise // Acta Psychologica. 2025. Vol. 260. Article 105594.

17. Lelieur R., Vanhoof J., Clycq N. Explaining academic optimism in schools: The impact of performance leadership and alignment between teachers, students, and parents // *International Journal of Educational Research*. 2024. Vol. 128. Article 102477
18. Luthans F., Youssef C.M., Avolio B.J. *Psychological Capital: Developing the Human Competitive Edge*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 246 p.
19. Mikus K., Teoh K.R.H. Psychological capital, future-oriented coping, and the well-being of secondary school teachers in Germany // *Educational Psychology*. 2022. Vol. 42. No. 3. P. 334 – 353.
20. Mitchell R.M., Tarter C.J. A path analysis of the effects of principal professional orientation towards leadership, professional teacher behavior, and school academic optimism on school reading achievement // *Societies*. 2016. Vol. 6. No 1. Article 5.
21. Qiu S., Qiu J., Xu J., Wang L. Effective emotion regulation and positive psychological capital as coping strategies to alleviate teacher burnout: a narrative review // *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. Article 1639037.
22. Scheier M.F., Carver C.S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies // *Health psychology*. 1985. Vol. 4. No. 3. Article 219.
23. Zhou S., Slemp G.R., Vella-Brodrick D.A. Factors associated with teacher wellbeing: A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. 2024. Vol. 36. No. 2. Article 63.

References

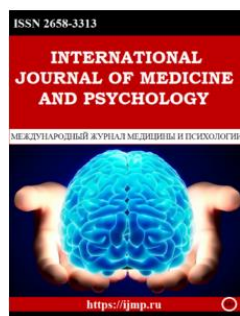
1. Andreeva Yu.V. Didactics of Optimism. *Educational Technologies and Society*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 357 – 365.
2. Andreeva Yu.V. *Pedagogical Foundations for Developing Optimism in Future Teachers: Monograph*. Krasnoyarsk: Research and Innovation Center, 2019. 164 p.
3. Andreeva Yu.V. *Pedagogical Optimism: From the Ability to Think Positively to Creating a Situation of Success*. Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences. 2012. No. 26 (285). Issue 17. P. 61 – 65.
4. Arskieva Z.A. *Formation of Pedagogical Optimism in Bachelor's Students as a Professional and Personal Quality through Cognitive Activity: Monograph*. Cheboksary: Sreda, 2020. 119 p.
5. Leontiev D.A. Personal Potential: The Optics of Psychology. *Educational Policy*. 2023. No. 2 (94). P. 20 – 31.
6. Seligman M.P. *How to Learn Optimism: Change Your View of the World and Your Life*. Martin Seligman: translated from English. 3rd ed. Moscow: Alpina Publisher, 2017. 435 p.
7. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyanov E.N. *Pedagogy: A Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions*. edited by V.A. Slastenin. Moscow: Academy, 2002. 576 p.
8. Fadeeva O.V., Tsareva E.V. A Study of the Relationship between Psychological Capital Indicators and Types of Success of Future Educational Psychologists. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2021. Vol. 9. No. 3. Serial Number: 32. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/31PSMN321.pdf> (date of access: 19.02.2026)
9. Ain Q.U., Farah N., Khan Role of Mental Health, Social Capital, and Psychological Capital in Shaping Work-Life Balance Among Rural School I.A. Teachers: A Structural Equation Modeling Approach. *TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. 2025. Vol. 32, special issue 5. P. 1902 – 1910.
10. Ateş, A., Ünal A. The Relationship between Teacher Academic Optimism and Student Academic Achievement: A Meta-Analysis. *Psycho-Educational Research Reviews*. 2010. Vol. 10. P. 284 – 297.
11. Beard K.S., Hoy W.K., Hoy A.W. Academic optimism of individual teachers: Confirming a new construct. *Teaching and Teacher Education*. 2010. Vol. 26. No. 5. P. 1136 – 1144.
12. Davis J.K., Juergensen M., Chang M.-L., Elue C. The Relationship between Teacher Burnout and Physical Activity among High School Teachers. *International Journal of Teacher Leadership*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 98 – 125.
13. Doğuş Y., Doğan E., Çevik M.S. How does leadership team coherence affect collaborative learning and academic optimism in a centralized education system? *Educational Management Administration and Leadership*. 2025. Article 17411432251339711
14. Donaldson S.I. et al. The generalizability of HERO across 15 nations: Positive psychological capital (PsyCap) beyond the US and other WEIRD countries. *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17. No. 24. Article 9432
15. Hoy W.K., Tarter C.J., Hoy A.W. Academic optimism of schools: A force for student achievement. 2007. Vol. 43. No. 3. P. 425 – 446.

16. Jiang Y., Yuan Q. How job satisfaction affects teachers' occupational burnout: The mediating role of psychological capital moderated by physical exercise. *Acta Psychologica*. 2025. Vol. 260. Article 105594.
17. Lelieur R., Vanhoof J., Clycq N. Explaining academic optimism in schools: The impact of performance leadership and alignment between teachers, students, and parents. *International Journal of Educational Research*. 2024. Vol. 128. Article 102477
18. Luthans F., Youssef C.M., Avolio B.J. *Psychological Capital: Developing the Human Competitive Edge*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 246 p.
19. Mikus K., Teoh K.R.H. Psychological capital, future-oriented coping, and the well-being of secondary school teachers in Germany. *Educational Psychology*. 2022. Vol. 42. No. 3. P. 334 – 353.
20. Mitchell R.M., Tarter C.J. A path analysis of the effects of principal professional orientation towards leadership, professional teacher behavior, and school academic optimism on school reading achievement. *Societies*. 2016. Vol. 6. No. 1. Article 5.
21. Qiu S., Qiu J., Xu J., Wang L. Effective emotion regulation and positive psychological capital as coping strategies to alleviate teacher burnout: a narrative review. *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. Article 1639037.
22. Scheier M.F., Carver C.S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectations. *Health psychology*. 1985. Vol. 4. No. 3. Article 219.
23. Zhou S., Slemp G.R., Vella-Brodrick D.A. Factors associated with teacher wellbeing: A meta-analysis. *Educational Psychology Review*. 2024. Vol. 36. No. 2. Article 63.

Информация об авторе

Озикова К.О., ассистент, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет, kseniya.ozikova.97@mail.ru

© Озикова К.О., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-319-324

¹ Романова И.В.,

¹ Борисова А.Г.,

¹ Уральский государственный педагогический университет

Новый взгляд на изучение феномена социальной агрессии у подростков в образовательной среде

Аннотация: данная статья посвящена изучению проблемы социальной агрессии среди подростков в образовательной среде с точки зрения отечественной и зарубежной психологии. Исследуются факторы, влияющие на развитие агрессии, также дает описание разных типов подростков, проявляющих агрессию. Особо подчеркивается важность разработки профилактических программ, способствующих формированию психологического здоровья молодого поколения. Особое внимание уделяется микро-, мезо- и макрофакторам, провоцирующим агрессию: дисфункциональным стилям семейного воспитания, влиянию подросткового коллектива и цифровой среды, включая феномен кибербуллинга. В статье представлена типология агрессивных подростков (по Л.М. Семенюк), а также подчеркивается роль психофизиологических изменений и кризисного чувства взрослости в формировании деструктивных поведенческих паттернов. Автор приходит к выводу, что эффективная профилактика и коррекция агрессивного поведения возможны при условии трансформации семейных отношений, создания психологически безопасной образовательной среды и включения подростков в социально одобряемую, значимую для них деятельность, способствующую развитию критического самовосприятия и эмоциональной устойчивости.

Ключевые слова: подросток, социальная агрессия, профилактика агрессивного поведения

Для цитирования: Романова И.В., Борисова А.Г. Новый взгляд на изучение феномена социальной агрессии у подростков в образовательной среде // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 319 – 324. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-319-324

Поступила в редакцию: 13 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 28 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Romanova I.V.,

¹ Borisova A.G.,

¹ Ural State Pedagogical University

A new perspective on the study of the phenomenon of social aggression among adolescents in an educational environment

Abstract: this article focuses on the study of suicidal behavior among young people as a multifaceted psychological phenomenon through the lens of social and psychological personality maladjustment. The author emphasizes the need for the development of preventive programs that promote the psychological health of the younger generation. Special attention is paid to micro, meso, and macro factors that provoke aggression: dysfunctional family parenting styles, the influence of the adolescent community and the digital environment, including the phenomenon of cyberbullying. The article presents the typology of aggressive adolescents (according to L.M. Semenyuk), and also highlights the role of psychophysiological changes and crisis feelings of adulthood in the formation of destructive behavioral patterns. The author concludes that effective prevention and correction of aggressive behavior is

possible if family relationships are transformed, a psychologically safe educational environment is created, and adolescents are involved in socially acceptable, meaningful activities that promote the development of critical self-perception and emotional stability.

Keywords: teenagers, social aggression, prevention of aggressive behavior

For citation: Romanova I.V., Borisova A.G. A new perspective on the study of the phenomenon of social aggression among adolescents in an educational environment. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 319 – 324. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-319-324

The article was submitted: February 13, 2026; Approved after reviewing: April 28, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Феномен агрессивности в образовательных учреждениях выходит в ранг значимых проблем психологической современной науки и требует комплексного подхода. Интерес к данной теме продиктован не только ростом тревожных инцидентов, но и глубоким системным влиянием агрессии на все компоненты педагогического процесса. Агрессивные проявления, будучи сложным социально-психологическим феноменом, нарушают психологическую безопасность микросоциума образовательного учреждения, препятствуя достижению ключевых образовательных целей – формирования эмоционально устойчивой и социально-компетентной личности. Особую тревогу вызывает распространенность данного явления в подростковой среде, где отсутствие своевременной коррекции ведёт к закреплению деструктивных паттернов поведения. Агрессия, как мотивированное деструктивная поведенческая форма, снижает продуктивный потенциал индивида, сужает возможности для полноценного становления как личностной единицы социума и напрямую находит взаимосвязь с ростом правонарушений среди несовершеннолетних.

Материалы и методы исследований

Предмет изучения поведения подростков с точки зрения социальной агрессии представляется центральным аспектом в психологических исследованиях ученых во многих странах мира. Детскую агрессивность и конфликтность описывали в своих работах К. Бютнер и И.А. Фурманов, Л.М. Семенюк предложила планы коррекции деструктивного поведения, Ю.Б. Можгинским были представлены науке диагностические методические разработки и лечение расстройств асоциального и зависимого поведения. А.А. Реан сделал акцент на необходимости превентивных и коррекционных мероприятий отклоняющегося поведения. Основываясь на научные изыскания российских психологов и педагогов традиционной научной мыслью об акте агрессии демонстрируется итог специфического поведения, имеющий отрицательные правовые, нравственные, эмоциональные стороны. Агрессивность преподносится в качестве личностной черты человека, а состояние агрессии определяет ее эмоциональную грань.

В иностранной психологии научный интерес к данной тематике проявили А. Басс, Л. Берковиц, Р. Бэрн, К. Бютнер, Д. Доллард, К. Лорэнц, Д. Ричардсон и др. Вопросы, которые напрямую связаны с людской агрессией, описанные наукой, указывали на тенденцию формирования поведенческих актов агрессии. Начиная проведение профилактической программы еще на этапе начального общения в детском и пубертатном возрасте, можно рассчитывать на максимальный позитивный результат в поведении ребенка.

Понятия агрессии и агрессивности необходимо разделять. Е.И. Роговым доказано [11], что негативные тенденции прослеживаются в мотивационном и инструментальном видах агрессии. Для Р.С. Немова агрессия есть враждебное поведение, основа которого строится использовании разрушительных поведенческих приемов в отношении других людей [8]. А. Басс (А. Buss) говорит о враждебности с точки зрения отрицательной когнитивной и эмоциональной реакции, а сама агрессия имеет отношение к поведенческому акту. Важно отметить контексте пубертатного возраста внутренние факторы проявления агрессии. А.М. Прихожан указывала на тесную взаимосвязь тревожности и реактивной агрессии у молодежи, как результат недостаточно развитой рефлексии и понимания реакций собеседника [10]. Е.П. Ильин, А.А. Реан, К.Д. Хломов и другие современные авторы [3] подчеркивают, что напряженность эмоционального фона и выказывание агрессивных действий затрудняют взаимодействие с обществом, приводят к деструктивным отношениям и дезадаптивным поведенческим реакциям.

Результаты и обсуждения

Согласно Д. Майерсу агрессия – это акт словесного или физического поведения, цель которого нанесение кому-либо вреда, Н.Д. Левитов же считал агрессию вредоносным поведением, проявляющимся начиная от негативно настроенных мыслей до преступных действий.

Юность является непростым кризисным переходом к взрослой жизни, где отчетливо пересекаются неоднозначные моменты формирования личности [9, с. 298]. В этот период возникают физические, гормональные, физиологические, психологические, а также изменения эмоционально-волевой сферы, формирование критического мышления в жесткой форме дает развитие максимализму, эгоизму, конфликтам с окружающими, подростки не желают следовать установленным инструкциям, огрызаются и хулиганят [9, с. 299].

Молодежь в состоянии агрессии трудно поддаются контролю, раздражительны, эмоционально неустойчивы, конфликтны, проявляют грубость и злость. Отмечено, что агрессивность в период пубертатного кризиса является вполне естественным явлением, но при условии, что не переходит определенных рамок и не причиняет никому серьезного ущерба.

Предпосылки для выплеска негативных эмоций и актов агрессии молодым поколением разные. Чаще всего это является манифестом личностного дисбаланса, внутренней перестройкой эмоционально-волевой сферы [12, с. 101].

Российские психологи не проводят различий между обычным ребенком и ребенком с агрессивным поведением. Наоборот, учитывая сложности в окружающей подростка среде, во избежание упущений и ошибок подчеркивается важность грамотной воспитательной работы. Воспитательные действия должны соответствовать данному возрастному периоду, в противном случае это может спровоцировать сопротивление, негативный сценарий формирования личности подростка [4, с. 646]. Важным также считается становление взрослости у подростка, развитие таких качеств как ответственность, умение отстаивать свое мнение, адекватность самооценки и критично подходить к оценке отрицательных поступков. Актуальным также является создание возможностей самореализации и формировании жизненной позиции. Рассматривая наиболее значимые предпосылки формирования агрессивного поведения, необходимо отметить личностные особенности ребенка и социально-психологические предикторы агрессии у молодого поколения. В качестве микрофакторов выступает семья подростка; мезофакторов – подростковый коллектив; макрофакторов – цифровая среда [12, с. 103].

Т.М. Трапезникова и Ю.Б. Гиппенрейтер выявили взаимосвязь между стилями воспитания в семье и проявлениями агрессивности у детей. Авторитарность в воспитании способствует развитию агрессивности у ребенка, что может мешать, не может мешать налаживанию контакта в социуме. Частые акты агрессии в семье провоцируют манифест агрессивного поведения подростка в обществе, проявляющийся в особой жестокости и психологическом насилии.

Психологическая травма становится результатом, если родители не проявляют теплых чувств по отношению ребенку, запугивают, оскорбляют, позволяют себе грубое отношение и резкую критику в адрес ребенка. Если у детей имеются плохие взаимоотношения в семье, нет чувство нужности и родительской поддержки, велика вероятность, оказаться привлеченными в деятельность преступных сообществ.

Подростковый коллектив – главный фактор формирования поведения. Все многообразие агрессивного поведения впитывается ребенком в контакте со сверстниками. Буйные игры, в которых приходится применять оскорбления и физическую силу считаются самыми безвредными формами развития агрессивности [6, с. 121].

Цифровая среда имеет прямое воздействие на формирование социальной агрессии среди подростков, у которых уже имеются скрытые агрессивные идеи, склонности и потребности. Л. Берковиц в своих исследованиях подверг анализу давление цифровой среды и влияние сцен насилия. Им были проанализированы факторы, влияющие на становление агрессивности: то, что было увидено кажется подростку проявлением агрессии; подросток может представлять себя в роли агрессора; подросток может ассоциировать себя с жертвой агрессии в фильме. Независимо от временного пространства, агрессивные наклонности в поведении и спровоцированные идеи имеют возможность в дальнейшем активации, находясь под влиянием идентичных условий и обстоятельств. Принимая как базу сценарий агрессивного поведения, подросткам кажется, что действия насильственного характера – вполне разумный способ решения проблем в социуме. Педагогам, родителям важно помочь справиться с постоянным потоком негативной информации с целью ослабления вредных последствий массового зомбирования, которое исходит интернета и СМИ. Направленность, продолжительность и интенсивность агрессивности обусловлены рядом психофизиологических критериев [12, с. 105].

Весьма значимую ценность для предпосылок развития агрессивного поведения, несомненно, играют биологические критерии и индивидуальные особенности подростка. Так, например, тип пищевого рациона может указывать на определенные особенности в конституции человека, что напрямую влияет на его темперамент и характер. В истоках любой агрессии лежит противостояние бессознательное и осознанное.

Чувство взрослости является центральным новообразованием пубертатного возраста. В этот период возникают частые конфликты из-за необходимости следовать правилам. Подростки проявляют интерес к своему внутреннему миру, самопознанию мира в целом, через которое происходит постепенное усложнение и углубление самопознания [9, с. 297].

Необходимо также понимать, что агрессивные реакции относятся к способам самореализации и самоутверждения подростка в социуме. Выбирая формы коммуникации, ребенок пытается решить психологические вопросы адаптации. Очень важно, чтобы агрессивные поведенческие реакции не привели к дисбалансу адаптации, что может спровоцировать нежелательные последствия, выражающиеся в задержке психического развития. Диагностам важно учитывать уровень психологического развития и специфику агрессивных поведенческих актов [5, с. 86].

Психологами-современниками В.К. Андриенко, Ю.В. Гербеевым, И.А. Невским, основываясь на теории психосоциального развития, были определены группы подростков с различной степенью психопедагогической запущенности. Л.М. Семенюк, продолжил психологическую мысль и предложил следующие группы:

- Подростки, имеющие комплекс аномальных, аморальных, примитивных потребностей, искаженное восприятием смыслов и прагматизмом. Как правило это – дерзкие эгоисты, неугодные, злые, циничные, грубые. Агрессивные поведенческие реакции физического характера.
- Подростки с извращенными потребностями и смыслами, неким пулом интересов. Их отличает острый индивидуализм, потребность иметь лучшие позиции, притесняя младших и слабых. Применяют грубость и физическую силу в отношении к слабым.
- Подростки, отличающиеся лживостью, притворством и приспособленчеством. Как правило высказывают вербальную и косвенную агрессию.
- Подростки, стремящиеся угождать старшим и сильным подросткам. Им характерна словесные агрессивные действия, свойственно постоянное негативное чувство [7, с. 49].

Подводя итоги, нужно отметить агрессивное поведение в пубертатном возрасте – это явление противостояния подростка против недопонимания взрослых, несостоятельности личным статусом в социуме. Добавок влияние психофизиологических особенностей бесспорно. Находясь в состоянии фрустрации подросток с подобной психической структурой, демонстрируя, порой, грубое отношение к окружающим на улице, дома, в школе.

Этап обучения в пубертатном возрасте является сензитивным для развития самосознания. В условиях цифровой социализации традиционные формы агрессии дополняются новыми, виртуальными формами буллинга (травли), что усиливает нагрузку на психику обучающихся (Hästbacka et al., 2025) [13]. Отдельно выделяют феномен кибербуллинга. По данным Wolke и Lereya (2015) [15], кибербуллинг схож с обычной травлей по мотивам и последствиям, но имеет специфические черты: неизвестность агрессора, неограниченный круг зрителей и возможность круглосуточного преследования жертвы (Kasturiratna et al., 2025) [14].

В российской психологии проблема буллинга изучается в русле теории Л.С. Выготского (Волкова, 2019) [2] и концепции психологически безопасной образовательной среды И.А. Баженовой (2024). Согласно данному подходу, психологически безопасной считается та обстановка и окружение, в которых нет психологического и физического насилия, где обучающийся подросток имеет ощущение защищенности и принятия [1].

Выводы

Подводя итоги, подростковая агрессия – это сложный феномен, обусловленный внутренними психологическими факторами и внешними социальными условиями. Социальная агрессия – это проявление силы или желание навредить, а также способ справиться с внутренними тревогами и страхами. В пубертатном возрасте страхи усиливаются за счет гормональной перестройки. Через перенос агрессии на учителей или других «замещающих» фигур молодежь пытается компенсировать личную неуверенность. Важно понимать, что решить проблему возможно трансформируя семейные отношения в здоровых границах и психоэмоциональной поддержке. Приоритетным акцентом психокоррекционных мероприятий является активное привлечение подростков в общественно полезную деятельность с целью критического самовосприятия, что несомненно задаст верный курс для гармоничного полноценного становления личности подрастающего поколения.

Список источников

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. Санкт-Петербург: СОЮЗ, 2002. 271 с. ISBN 5-94033-023-4.
2. Волкова Е.Н. Проблема травли в образовательной среде в контексте культурно-исторической теории // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 45 – 54.
3. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. Санкт-Петербург: Питер, 2014. 368 с. ISBN 978-5-496-00983-0.
4. Кузнецова Л.Э., Сомова Ю.С. Отношение подростков к проявлению вербальной агрессии как разновидности агрессивного поведения // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 646 – 648.
5. Кузнецова С.О. Психологические особенности агрессивности в подростковом возрасте // Вестник славянских культур. 2011. № 4. С. 84 – 90.
6. Ласкин А.А. Причины детской агрессии и особенности семейного воспитания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 119 – 124.
7. Манова М.В. К вопросу о социально-психологических особенностях и проблемах подросткового возраста // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2011. № 1. С. 47 – 53.
8. Немов Р.С. Психология: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений: в 3 кн. Кн. 2. Психология образования. 2-е изд. Москва: Просвещение: ВЛАДОС, 1995. 496 с. ISBN 5-09-007389-2.
9. Поликаркина М.С. К проблеме специфики проявления агрессивности и становления «Образа Я» в подростковом возрасте // Вестник ОрГУ. 2011. № 2. С. 296 – 301.
10. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 192 с. ISBN 978-5-469-01499-9.
11. Рогов Е.И. Психология общения: учебное пособие. Москва: Владос, 2018. 336 с. ISBN 978-5-691-02345-6.
12. Сербина Л.Ф. Особенности агрессивного поведения подростков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 5. № 4. С. 98 – 106.
13. Hästbacka M., Nygård M., Nyqvist F. Social exclusion and non-verbal isolation as forms of bullying // Child Indicators Research. 2025. Vol. 18. No. 2. P. 567 – 584. DOI: 10.1007/s12187-024-10123-4
14. Kasturiratna K.T.A.S., Hartanto A., Chen L. Co-occurrence of traditional and cyber bullying // Aggression and Violent Behavior. 2025. Vol. 72. P. 101856. DOI: 10.1016/j.avb.2024.101856
15. Wolke D., Lereya S.T. Cyberbullying: a review of the literature // Current Opinion in Psychology. 2015. Vol. 4. P. 37 – 42. DOI: 10.1016/j.copsy.2015.01.010

References

1. Baeva I.A. Psychological Safety in Education: Monograph. St. Petersburg: SOYUZ, 2002. 271 p. ISBN 5-94033-023-4.
2. Volkova E.N. The Problem of Bullying in the Educational Environment in the Context of Cultural-Historical Theory. Issues of Psychology. 2019. No. 3. P. 45 – 54.
3. Ilyin E.P. Psychology of Aggressive Behavior. St. Petersburg: Piter, 2014. 368 p. ISBN 978-5-496-00983-0.
4. Kuznetsova L.E., Somov Yu.S. Adolescents' Attitudes Toward Verbal Aggression as a Type of Aggressive Behavior. Molodoy Scientist. 2016. No. 1. P. 646 – 648.
5. Kuznetsova S.O. Psychological Features of Aggression in Adolescence. Bulletin of Slavic Cultures. 2011. No. 4. P. 84 – 90.
6. Laskin A.A. Causes of Childhood Aggression and Features of Family Education. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2014. No. 6 (62). P. 119 – 124.
7. Manova M.V. On the Issue of Social and Psychological Features and Problems of Adolescence. Bulletin of the Tomsk State University Humanitarian Institute. 2011. No. 1. P. 47 – 53.
8. Nemov R.S. Psychology: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions: in 3 books. Book 2. Psychology of Education. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie: VLADOS, 1995. 496 p. ISBN 5-09-007389-2.
9. Polikarkina M.S. On the Problem of the Specificity of Aggression Manifestation and the Formation of the "Self-Image" in Adolescence. Bulletin of Orsk State University. 2011. No. 2. P. 296 – 301.
10. Prikhodzhan A.M. Psychology of Anxiety: Preschool and School Age. St. Petersburg: Piter, 2007. 192 p. ISBN 978-5-469-01499-9.
11. Rogov E.I. Psychology of Communication: A Study Guide. Moscow: Vlados, 2018. 336 p. ISBN 978-5-691-02345-6.

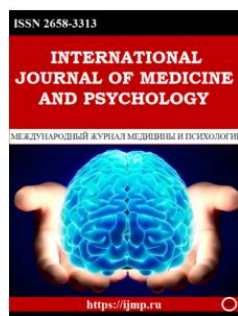
12. Serbina L.F. Features of aggressive behavior of adolescents. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2011. Vol. 5. No. 4. P. 98 – 106.
13. Hästbacka M., Nygård M., Nyqvist F. Social exclusion and non-verbal isolation as forms of bullying. Child Indicators Research. 2025. Vol. 18. No. 2. P. 567 – 584. DOI: 10.1007/s12187-024-10123-4
14. Kasturiratna K.T.A.S., Hartanto A., Chen L. Co-occurrence of traditional and cyber bullying. Aggression and Violent Behavior. 2025. Vol. 72. P. 101856. DOI: 10.1016/j.avb.2024.101856
15. Wolke D., Lereya S.T. Cyberbullying: a review of the literature. Current Opinion in Psychology. 2015. Vol. 4. P. 37 – 42. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.01.010

Информация об авторах

Романова И.В., кандидат биологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, vir-futurum@mail.ru

Борисова А.Г., Уральский государственный педагогический университет, bagemma@mail.ru

© Романова И.В., Борисова А.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072.433

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-325-331

¹ **Самотесов Н.М.,**

¹ Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России

Интенциональные особенности личности при анозогнозии химической зависимости

Аннотация: в статье рассматривается анализ интенциональных особенностей личности при анозогнозии химической зависимости. Анозогнозия анализируется как устойчивое нарушение осознания заболевания, сопровождающееся искажением жизненных ориентиров и снижением субъектной позиции по отношению к собственному жизненному пути. Базу эмпирического исследования составили 32 человека с опытом химической зависимости, находящиеся на различных этапах реабилитации и формирования ремиссии. Использована методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» за авторством Фанталовой Е.Б., направленная на диагностику ценностной структуры личности и выявление расхождения между значениями «Ценности» и «Доступности». Полученные данные свидетельствуют о выраженном внутриличностном конфликте в сферах, связанных с долгосрочной самореализацией и межличностными отношениями. Выявленные особенности указывают на деформацию ценностно-смысловой структуры личности и указывают на необходимость переосмысления подхода к коррекции ценностно-смысловой организации личности в условиях реабилитации и формирования устойчивой ремиссии.

Ключевые слова: химическая зависимость, анозогнозия, ценностно-смысловая сфера, интенциональность, внутриличностный конфликт, ценностные диспозиции, личностная направленность, реабилитация

Для цитирования: Самотесов Н.М. Интенциональные особенности личности при анозогнозии химической зависимости // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 325 – 331. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-325-331

Поступила в редакцию: 21 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Samotesov N.M.,**

¹ Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky
of the Ministry of Health of the Russian Federation

Intentional personality traits in the case of anosognosia for chemical addiction

Abstract: the article examines an analysis of the intentional characteristics of personality in the context of anosognosia associated with chemical addiction. Anosognosia is analyzed as a persistent impairment in awareness of one's illness, accompanied by a distortion of life orientations and a diminished agentic stance toward one's own life path. The empirical study included 32 individuals with a history of chemical dependency, who were at various stages of rehabilitation and remission development. The research employed the technique "The Level of Correlation between Value and Availability in Various Life Spheres," developed by E.B. Fantalova, which is designed to assess the value structure of personality and identify discrepancies between the ratings of "Value" and "Availability." The obtained data indicate a pronounced intrapersonal conflict in domains related to long-term self-realization and interpersonal relationships. The identified features point to a deformation of the value-meaning

structure of personality and underscore the necessity of rethinking approaches to correcting the value-meaning organization of personality within rehabilitation settings and in fostering sustainable remission.

Keywords: chemical addiction, anosognosia, value-meaning sphere, intentionality, intrapersonal conflict, value dispositions, personal orientation; rehabilitation

For citation: Samotesov N.M. Intentional personality traits in the case of anosognosia for chemical addiction. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 325 – 331. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-325-331

The article was submitted: February 21, 2026; Approved after reviewing: April 29, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В современных клинико-психологических и медицинско-психологических исследованиях проблема химической зависимости рассматривается как комплексное явление, включающее не только поведенческие и клинические проявления, но и существенные изменения субъективной реальности личности. Одним из ключевых феноменов, сопровождающих течение зависимости, является анозогнозия, выражающаяся в частичном или полном отрицании заболевания, снижении критичности к собственному состоянию и утрате осознания жизненных последствий употребления психоактивных веществ [2]. Учитывая хронический и прогрессирующий характер химической зависимости, анозогнозия выступает устойчивым психологическим механизмом, существенно осложняющим процессы лечения, реабилитации и формирования ремиссии.

Анализ современных исследований показывает, что анозогнозия не может быть сведена исключительно к когнитивному дефициту или защитной реакции личности [3, 7, 10]. Всё большее внимание уделяется рассмотрению данного феномена в контексте целостной организации жизненного мира человека, в частности, его ценностно-смысловых и интенциональных характеристик. В центре внимания оказывается направленность личности, её жизненные приоритеты, система целей и устойчивые способы соотношения себя с будущим.

Химическая зависимость сопровождается изменением интенциональной структуры личности. В условиях употребления психоактивных веществ происходит сужение жизненной направленности, смещение приоритетов в сторону немедленного удовлетворения и снижение устойчивости долгосрочных целей. Жизненные устремления становятся фрагментарными, а ценностные ориентиры нестабильными, что ограничивает способность личности выстраивать целостную жизненную стратегию и соотносить своё поведение с отдалёнными последствиями [9].

Дополнительное влияние на интенциональную организацию личности оказывают такие факторы, как абстинентный синдром и условия реабилитационной среды. Состояние абстиненции сопровождается эмоциональной напряжённостью и фиксацией на актуальных переживаниях, что усиливает сужение направленности [6]. Реабилитационная среда, характеризующаяся регламентированностью и ограничением привычных социальных связей, также влияет на перестройку системы приоритетов и жизненных целей [1]. В совокупности эти факторы способствуют трансформации интенциональной организации личности.

Изменения интенциональности тесно связаны с нарушением ценностно-смысловой сферы личности. Ценности, выступающие основанием жизненного выбора и целеполагания, при анозогнозии утрачивают согласованность и устойчивость, что проявляется в рассогласовании между субъективной значимостью жизненных ориентиров и воспринимаемой возможностью их реализации. Именно степень этого рассогласования отражает характер интенциональной направленности личности, показывая, насколько притязания субъекта соотносятся с его субъективным опытом жизненной реализуемости [5]. Подобные конфигурации ценностной структуры могут поддерживать анозогнозию, препятствуя формированию критической позиции по отношению к собственной зависимости.

С учётом обозначенной логики представляется методологически обоснованным обращение к исследованию ценностных диспозиций как операциональных показателей интенциональной организации личности. Универсальная шкала ценностных диспозиций (УСЦД) Фанталовой Е.Б. позволяет количественно зафиксировать соотношение значимости и доступности базовых ценностей и тем самым выявить степень внутренней согласованности ценностной структуры. Анализ показателя «значимость – доступность» даёт возможность интерпретировать полученные данные как проявление интенциональных особенностей личности при анозогнозии химической зависимости.

Таким образом, обращение к проблеме интенциональной организации личности при анозогнозии химической зависимости позволяет расширить понимание психологических механизмов устойчивости зависимого поведения и уточнить роль ценностно-смысловой направленности в процессах реабилитации и формирования ремиссии.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие 32 человека с опытом химической зависимости, находившиеся на различных этапах реабилитации и формирования ремиссии. Возраст испытуемых варьировал от 21 до 45 лет. Все участники исследования являлись мужчинами, что обусловлено спецификой реабилитационной программы, в рамках которой осуществлялся сбор эмпирических данных.

Для исследования ценностно-смысловой организации личности как операционального показателя интенциональной организации личности была использована универсальная шкала ценностных диспозиций (УСЦД) Е.Б. Фанталовой. Методика позволяет оценить субъективную значимость базовых жизненных ценностей и степень их воспринимаемой доступности. Включённые в опросник 12 ценностей отражают ключевые сферы жизнедеятельности личности (здоровье, активная жизнь, любовь, семейные отношения, самореализация, свобода, творчество и др.), тем самым задавая структуру возможной жизненной направленности субъекта.

Оценка каждой ценности осуществлялась по двум параметрам: значимости и доступности. Соотношение этих показателей рассматривалось не только как индикатор внутриличностного конфликта, но и как характеристика специфики интенциональной организации личности. Конфигурация, при которой значимость существенно превышает доступность, отражает направленность на ценности, переживаемые как дефицитарные и труднодостижимые; обратное соотношение (преобладание доступности при низкой значимости) свидетельствует о смещении направленности в сторону сфер, не обладающих выраженной личностной ценностью. Таким образом, показатель «значимость – доступность» интерпретировался как количественное выражение согласованности или несогласованности ценностной структуры и, соответственно, особенностей личностной направленности.

Анализ полученных данных носил описательно-аналитический характер и был направлен на выявление типичных конфигураций ценностных диспозиций, уровней внутриличностного конфликта и особенностей интенциональной организации личности у лиц с химической зависимостью при анозогнозии.

Результаты и обсуждения

Анализ результатов, полученных с использованием универсальной шкалы ценностных диспозиций (Фанталова Е.Б.), выявил выраженные особенности ценностно-смысловой и интенциональной организации личности у обследованных лиц с химической зависимостью при анозогнозии. Распределение по уровням внутриличностного конфликта показало, что умеренные и выраженные формы рассогласования между значимостью и доступностью жизненных ценностей преобладают и в совокупности составляют 84,4 % выборки, тогда как низкий уровень конфликта зафиксирован у 15,6 % обследованных (рис. 1). Полученные данные указывают на системный характер несогласованности ценностной структуры у большинства участников.

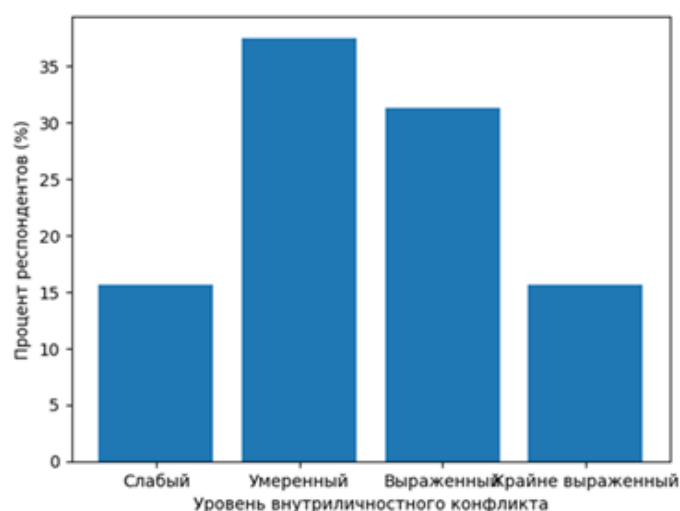

Рис. 1. Распределение уровней внутриличностного конфликта.

Fig. 1. Distribution of levels of intrapersonal conflict.

Вместе с тем для интерпретации интенциональных особенностей принципиальное значение имеет не только выраженность конфликта, но и характер соотношения показателей значимости и доступности. В выборке были выявлены две типологически различающиеся конфигурации ценностных диспозиций.

У 24 обследуемых (75 %) зафиксирована структура, при которой субъективная значимость базовых жизненных ценностей существенно превышала их воспринимаемую доступность (рис. 2). Наиболее выраженный разрыв отмечался в отношении ценностей здоровья, семейных отношений, уверенности в себе, интересной работы и творчества. Данная модель была характерна преимущественно для лиц, находящихся на этапе активной реабилитации, включая период постабстинентной стабилизации. В этих случаях сохранялась высокая ценность восстановления здоровья, возвращения к семейной системе и профессиональной реализации, однако их достижимость оценивалась как ограниченная текущим жизненным положением. Такая конфигурация отражает направленность личности на значимые жизненные ориентиры при одновременном переживании их дефицитарности и труднодостижимости.

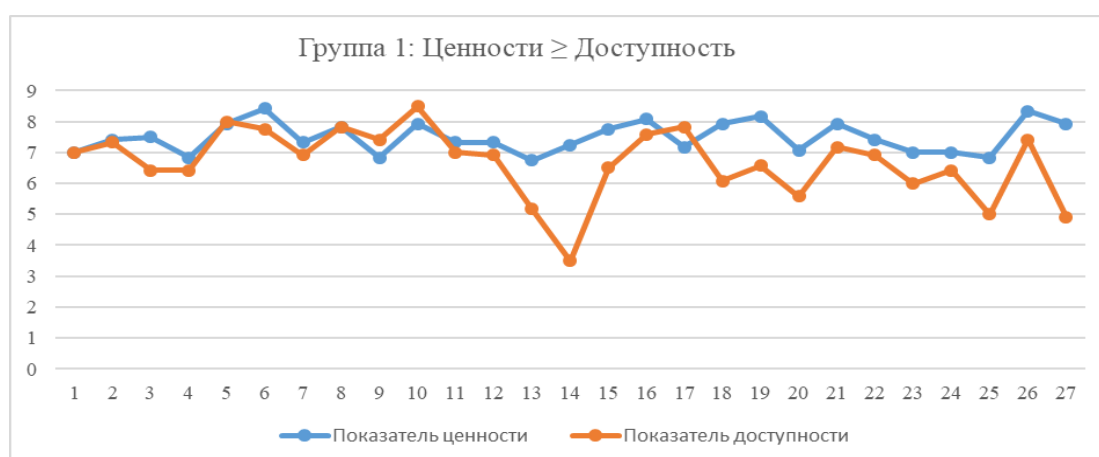

Рис. 2. Соотношение ценности и доступности у лиц, находящихся на этапе активной реабилитации.
Fig. 2. The value-to-cost ratio for individuals in the active rehabilitation phase.

У 8 испытуемых (25 %) выявлена противоположная конфигурация, при которой показатели доступности отдельных жизненных сфер превышали либо приближались к показателям их значимости (рис. 3). Подобная структура чаще фиксировалась в отношении ценностей свободы, материальной обеспеченности и познания. В данной группе наблюдалось снижение субъективной ценностной насыщенности жизненных ориентиров при формальной сохранности их достижимости. Такая модель чаще встречалась у лиц с более длительным стажем зависимости и выраженной анозогнозией, для которых характерно частичное обесценивание ранее значимых жизненных оснований и смещение направленности в сторону адаптации к текущему статусу без чёткой проекции дальнейшей жизненной стратегии.

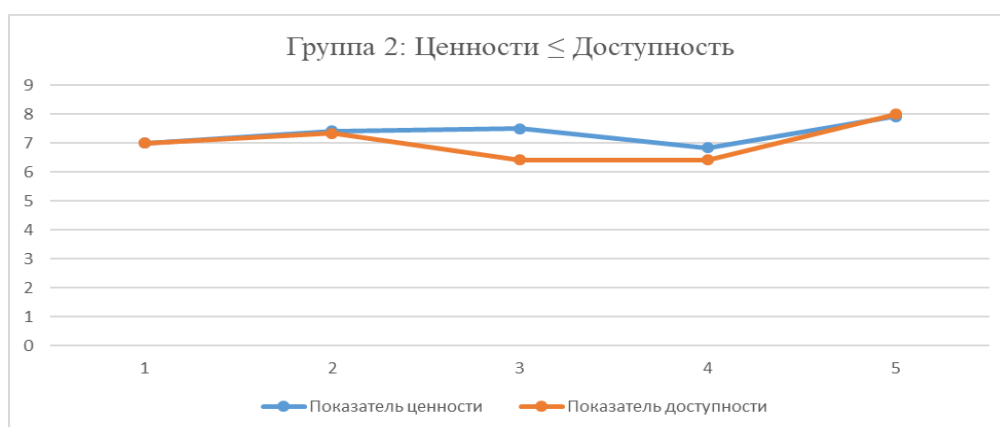

Рис. 3. Соотношение ценности и доступности у лиц с более длительным стажем зависимости и выраженной анозогнозией.
Fig. 3. The relationship between value and availability in individuals with a longer history of addiction and pronounced anosognosia.

Таким образом, в выборке представлены две различные модели интенциональной организации личности: модель сохранённых притязаний в отношении ценностей при ограниченной доступности жизненных сфер и модель снижения ценностной значимости при относительной доступности жизненных сфер. Обе конфигурации сопровождаются внутренним рассогласованием и могут рассматриваться как психологические механизмы, поддерживающие анозогнозию: в первом случае – через переживание бесперспективности реализации значимых целей, во втором – через обесценивание тех ценностей, которые могли бы стать мотивационной основой для выхода из зависимости.

Полученные результаты позволяют рассматривать выявленные изменения ценностных диспозиций не только как проявление внутриличностного конфликта, но и как отражение специфики интенциональной организации личности у лиц с химической зависимостью при анозогнозии. Преобладание умеренных и выраженных форм рассогласования (84,4 % выборки) указывает на системную несогласованность ценностной структуры, однако содержательный анализ показал, что данная несогласованность носит неоднородный характер.

Наиболее конфликтогенными оказались ценности, связанные с самореализацией, межличностными отношениями и личностной устойчивостью, что отражает проблематичность их интеграции в актуальную структуру личностной направленности в условиях зависимости и реабилитации. Одновременно выявленные случаи мнимой доступности отдельных ценностей могут рассматриваться как компенсаторный механизм, поддерживающий субъективное ощущение контроля при сохраняющемся внутреннем противоречии.

Для понимания интенциональных особенностей личности при анозогнозии химической зависимости обратимся к результатам других авторов в данной области.

В работах Р.Д. Илюка и соавторов [8], а также Е.А. Грановской [4], анозогнозия рассматривается как основной фактор, затрудняющий формирование мотивации к терапии химической зависимости. Оба автора выделяют связь анозогнозии с низким уровнем критичности к своему состоянию и отсутствием готовности к трезвому образу жизни. Однако в исследовании Е.А. Грановской дополнительно выявлены социодемографические и клинические факторы, влияющие на выраженность анозогнозии (например, возраст, стаж зависимости, тяжесть сопутствующих расстройств), что расширяет понимание механизмов этого феномена.

Полученные сведения о структуре ценностных диспозиций людей с химической зависимостью при анозогнозии находятся в согласованности с современными клиническими и психологическими представлениями о многоуровненности данного явления. Так, например, установленная нами выраженностью рассогласования между значимостью и доступностью ценностей (84,4% обследуемых) соответствует результатам исследования Р.Д. Илюка (2020), указывающих на фрагментацию компонентов анозогнозии: при наименее выраженном показателе «непризнание заболевания» (9,4%), наиболее – «эмоциональное неприятие заболевания» (15,1%), а также «неприятие трезвости» (15,1%), из чего следует, что, признавая в той или иной мере наличие наркотической зависимости у себя, больные не демонстрируют озабоченности этим фактом и не принимают решение оставаться трезвыми [1].

Обозначенная нами во второй группе модель интенациональной организации (снижение ценностной значимости при относительной доступности), характерной для лиц с выраженным стажем зависимости (15,6% обследуемых), соотносится с исследованием Грановской Е.А., где указывается, что значения фактора «неприятия трезвости» повышаются при следующих характеристиках: возраст ($B1 = 0,11$); «Контроль» (Шкала семейного окружения) ($B2 = 0,92$); хорошее материальное положение семьи ($B3 = -2,52$); хорошие семейные отношения ($B4 = -2,37$); отсутствие взаимоотношений с родителями ($B5 = 4,68$); «Преморбид» (Индекс тяжести зависимости) ($B6 = 0,40$); «Преморбид» (Реабилитационный потенциал) ($B7 = -0,09$) [2].

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать вывод о наличии выраженных особенностей ценностных диспозиций и интенциональной организации личности у лиц с химической зависимостью при анозогнозии. Высокая распространённость внутриличностного конфликта между субъективной значимостью и воспринимаемой доступностью жизненных ценностей свидетельствует о несогласованности ценностной структуры и затруднениях в реализации значимых жизненных притязаний. Преобладание умеренных и выраженных форм рассогласования указывает на системный характер выявленных интенциональных нарушений.

Использование универсальной шкалы ценностных диспозиций Фанталовой Е.Б. подтвердило её методологическую применимость для анализа интенциональных особенностей личности при химической зависимости. Показатель соотношения значимости и доступности позволяет количественно фиксировать тип кон-

фигурации ценностной структуры и интерпретировать её как выражение направленности личности в условиях анозогнозии.

В целом, результаты исследования подтверждают продуктивность рассмотрения химической зависимости в контексте интенциональной организации личности. Установленные модели ценностной направленности могут быть учтены при разработке реабилитационных программ, ориентированных либо на поддержание и конкретизацию сохранённых притязаний, либо на восстановление утраченной ценностной значимости жизненных ориентиров.

Список источников

1. Великанов Л.П., Кравцова Т.В. К вопросу о роли психологической компоненты в лечебно-реабилитационном процессе // Прикаспийский вестник медицины и фармации. 2024. Т. 5. № 1. С. 6 – 13. doi: 10.17021/2712-8164-2024-1-6-13
2. Голованова Н.А., Саутина Т.В. Наркологическая анозогнозия в психиатрическом стационаре принудительного лечения специализированного типа: актуальность проблемы и перспективы работы // Омский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 12 – 16.
3. Грановская Е.А. Особенности анозогнозии у мужчин с зависимостью от синтетических катинонов (в период реабилитации): дис. ... канд. психол. наук / Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева. Санкт-Петербург, 2025. 212 с.
4. Грановская Е.А. Факторы, определяющие выраженность анозогнозии у пациентов с зависимостью от синтетических катинонов, на примере шкалы «Непринятие трезвости» [Электронный ресурс] // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. Режим доступа: <https://humjournal.rzgmu.ru/art&id=611> (дата обращения: 13.02.2026)
5. Иванова А.В. Ценностно-смысловая парадигма как основа психологического сопровождения лиц с наркологическими расстройствами на этапе реабилитации // СибСкрипт. 2020. № 4 (84). С. 1000 – 1007. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1000-1007
6. Илюк Р.Д., Громыко Д.И., Берно-Беллекур И.В. Характеристика эмоциональных расстройств у зависимых от психоактивных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2011. № 2. С. 155 – 163.
7. Илюк Р.Д., Грановская Е.А., Бочаров В.В., Громыко Д.И., Нечаева А.И., Пушина В.В., Вукс А.Я., Крупицкий Е.М. Опросник «Опиоидная анозогнозия» – новый тестовый инструмент для оценки анозогнозии у больных с опиоидной зависимостью // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2025. № 59 (1). С. 53 – 66. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-1-949>
8. Илюк Р.Д., Рыбакова Ю.В., Пушина В.В., Громыко Д.И., Лукин В.А., Вукс А.Я., Крупицкий Е.М. Исследование анозогнозии при опиоидной зависимости. Результаты применения опросника для комплексной оценки анозогнозии у больных с синдромом зависимости от опиоидов // Наркология. 2020. № 19 (11). С. 23 – 35.
9. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркомании и алкоголизма. 3-е изд. Москва: Академия, 2009. 198 с.
10. Узлов Н.Д. Анозогнозия как защитный механизм и способ совладания с болезнью [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. № 6 (23). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 13.02.2026)

References

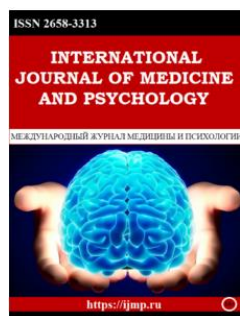
1. Velikanov L.P., Kravtsova T.V. On the role of the psychological component in the treatment and rehabilitation process. Caspian Bulletin of Medicine and Pharmacy. 2024. Vol. 5. No. 1. P. 6 – 13. doi: 10.17021/2712-8164-2024-1-6-13
2. Golovanova N.A., Sautina T.V. Narcological anosognosia in a specialized compulsory treatment psychiatric hospital: relevance of the problem and work prospects. Omsk Psychiatric Journal. 2020. No. 2. P. 12 – 16.
3. Granovskaya E.A. Features of anosognosia in men with dependence on synthetic cathinones (during the rehabilitation period): diss. ... Cand. Psychol. Sciences. National Medical Research Center of Psychiatry and Neurology named after V.M. Bekhterev. St. Petersburg, 2025. 212 p.
4. Granovskaya E.A. Factors Determining the Severity of Anosognosia in Patients with Synthetic Cathinone Addiction, Using the "Rejection of Sobriety" Scale as an Example [Electronic Resource]. Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development. Access Mode: <https://humjournal.rzgmu.ru/art&id=611> (date accessed: 13.02.2026)

5. Ivanova A.V. Value-Semantic Paradigm as the Basis for Psychological Support of Individuals with Drug-Using Disorders at the Rehabilitation Stage. SibScript. 2020. No. 4 (84). P. 1000 – 1007. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1000-1007
6. Ilyuk R.D., Gromiko D.I., Berno-Bellecourt I.V. Characteristics of emotional disorders in substance abusers. Bulletin of St. Petersburg University. Medicine. 2011. No. 2. P. 155 – 163.
7. Ilyuk R.D., Granovskaya E.A., Bocharov V.V., Gromiko D.I., Nechaeva A.I., Pushina V.V., Vuks A.Ya., Krupitsky E.M. The Opioid Anosognosia Questionnaire – a New Test Instrument for Assessing Anosognosia in Patients with Opioid Dependence. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology. 2025. No. 59 (1). P. 53 – 66. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-1-949>
8. Ilyuk R.D., Rybakova Yu.V., Pushina V.V., Gromiko D.I., Lukin V.A., Vuks A.Ya., Krupitsky E.M. A Study of Anosognosia in Opioid Dependence. Results of Using the Questionnaire for a Comprehensive Assessment of Anosognosia in Patients with Opioid Dependence Syndrome. Narcology. 2020. No. 19 (11). P. 23 – 35.
9. Sirota N.A., Yaltonsky V.M. Prevention of Drug Abuse and Alcoholism. 3rd ed. Moscow: Academy, 2009. 198 p.
10. Uzlov N.D. Anosognosia as a Defense Mechanism and a Way of Coping with Illness [Electronic resource]. Medical Psychology in Russia: Electronic Scientific Journal. 2013. No. 6 (23). URL: <http://mprj.ru> (accessed: 13.02.2026)

Информация об авторе

Самотесов Н.М., аспирант, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России, samotesov95@mail.ru

© Самотесов Н.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-332-339

¹ **Степанова К.С.,**

¹ **Рвачева О.В.,**

¹ Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

Особенности самоорганизации деятельности студентов-первокурсников с разными стратегиями сетевой коммуникации

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме – самоорганизации деятельности обучающихся, активных пользователей социальных сетей и Интернета. Основная проблема исследования заключается в эффективности распределения временного ресурса студентами-первокурсниками, которые сталкиваются в вузе с большим количеством перерабатываемой информации и большой учебной нагрузкой. Поскольку студенты-первокурсники – это вчерашние старше школьники, погруженные в виртуальную среду, то возникает закономерный вопрос – как систематическое и длительное использование цифровых технологий влияет на самоорганизацию деятельности студентов и как самоорганизация деятельности влияет на выбор стратегий поведения в цифровой среде, в том числе в Интернете. В исследовании приняли участие 133 студента высшего учебного заведения «Южный федеральный университет», основную выборку составили студенты педагогических и психологических специальностей.

Результаты. В результате исследования были выявлены значимые особенности самоорганизации деятельности студентов с разными стратегиями сетевой коммуникации. В частности определено, что показатели по шкале «самоорганизация» и «индекс самоорганизации деятельности» имеют отрицательную корреляционную связь с показателями по шкале интернет-зависимости. Показатели по шкале «настойчивость» имеют положительную корреляционную связь с показателями шкалы поведения в Интернете «активность в действии».

Заключение. В заключении стоит отметить, что самоорганизация является одним из ключевых факторов успешности обучения в Вузе, представляет возможности для саморазвития, самосовершенствования и самореализации личности, а также позволяет мобилизовать активность личности тем самым повышая результативность деятельности. Исследование показывает, что навыки самоорганизации и планирования необходимо развивать на всем протяжении становления личности.

Ключевые слова: самоорганизация деятельности, стратегии сетевой коммуникации, сетевая коммуникация, студенты-первокурсники

Для цитирования: Степанова К.С., Рвачева О.В. Особенности самоорганизации деятельности студентов-первокурсников с разными стратегиями сетевой коммуникации // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 332 – 339. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-332-339

Поступила в редакцию: 25 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Stepanova K.S.,

¹ Rvacheva O.V.,

¹ Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Peculiarities of self-organization of activity in first-year students with different strategies of network communication

Abstract: this article addresses a pressing issue: self-organization among students active in social media and the internet. The primary concern is the effective allocation of time by first-year students, who are faced with a large amount of information to process and a heavy academic workload at university. Since first-year students are former high school students immersed in a virtual environment, a logical question arises: how does the systematic and prolonged use of digital technologies influence students' self-organization and how does self-organization influence their choice of behavioral strategies in the digital environment, including the internet? A total of 133 students from Southern Federal University participated in the study, with the main sample consisting of students majoring in pedagogy and psychology.

Results. The study revealed significant characteristics of students' self-organization with different online communication strategies. It was found that students with high self-organization scores use their time online more effectively. Specifically, it was determined that the "self-organization" and "index of self-organization of activity" scale scores correlate negatively with the internet addiction scale scores. The "persistence" scale scores correlate positively with the "activity in action" internet behavior scale scores.

Conclusion. In conclusion, it is worth noting that self-organization is one of the key factors for successful academic performance at a university and provides opportunities for self-development, self-improvement, and personal fulfillment. The study demonstrates that self-organization and planning skills need to be developed throughout the developmental process.

Keywords: self-organization of activities, communication strategies, network communication, first-year students

For citation: Stepanova K.S., Rvacheva O.V. Peculiarities of self-organization of activity in first-year students with different strategies of network communication. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 332 – 339. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-332-339

The article was submitted: February 25, 2026; Approved after reviewing: April 29, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Самоорганизация как фактор эффективности деятельности, в том числе профессиональной является актуальной проблемой современной психологической науки, поскольку получение профессионального образования подразумевает взаимодействие студента с большим объемом информации. Этой проблеме посвящены работы современников, в частности Е.А. Борисенко в корне процесса самоорганизации ключевое условие учебного успеха студентов [5], другие считают, что итогом самоорганизации должно быть эффективное саморазвитие [3], третьи – субъективное благополучие [2]. Ряд ученых видят в структуре самоорганизации элементы оценивания своих перспективных мотивов, которые помогают в саморегуляции [12].

Студентам необходимо быть многозадачным – успешно осваивать образовательную программу, одновременно с этим уделять много времени самостоятельной работе (подготовка проектных работ, подготовка к зачетам и экзаменам, углубленное погружение в профессиональную деятельность), ко всему быть обучающимся вуза – постоянно быть задействованным во многих других сферах для успешного вхождения в профессию – в научной, проектной деятельности, быть социально активным. Студентам-первокурсникам такой объем активности совмещать довольно трудно, поскольку у них не развиты навыки планирования деятельности.

Информационные и цифровые технологии являются неотъемлемой частью студенческой жизни, в частности сеть Интернет предоставляет большие возможности проявления и коммуникации современной молодежи. По данным на 2025 год процент людей, пользующихся интернет-ресурсами, составляет 73,2% [5]. В особенности, наиболее вовлеченными в интернет-среду, являются представители юношеского возраста (17-23 лет), который охватывает большую часть студенческой молодежи. В силу особенностей организации современного образования студентам по долгу обучения необходимо быть включенным в цифровую среду.

В этом случае студенты еще не обладают эффективным распределением своего времени. Часто нагрузка в учебном заведении достаточно велика, студенты испытывают усталость и в качестве снятия напряжения и разрядки используют скроллинг социальных сетей. Но противоречивость такого рода отдыха заключена в возможном уходе от реалистичных отношений и событий реальности. Так, С.В. Олейников отмечает активную включенность молодежи в киберпространственные отношения, использование нейросетевых технологий и пишет: «В XXI веке технологии должны служили интересам общества, помогать в создании достоверного и качественного контента, а не становиться инструментом манипуляций или распространения фейков. В конечном счете, от того, как журналисты и редакторы смогут интегрировать ИИ в свою работу с сохранением профессиональной этики, зависит устойчивость и авторитет... » [10, с. 190]. Но вместе с тем происходящая киберсоциализация молодого человека незаметно приводит к трансформации образов и понятий [1]. Просмотр коротких видеороликов, как правило, затягивает, теряется само ощущение течения времени. Поэтому большая часть времени проводится бесцельно. Для того, чтобы это время проходило с пользой для студентов, необходимо формировать у них навыки самоорганизации и эффективные стратегии сетевой коммуникации.

Студенчество представляет этап активного вхождения в профессиональную деятельность. И.А. Зимняя отмечает, что студенчество – это объединение людей, целенаправленно, систематически овладевающих знаниями и профессиональными умениями, отличающихся наиболее высоким образовательным уровнем, наиболее активным потреблением культуры и высоким уровнем познавательной мотивации [7]. Большая часть студентов, получающих базовое (бакалавриат, специалитет) высшее образование, приходится на юношеский возраст. Соответственно центральным новообразованием данного возраста является личностное и профессиональное становление – готовность к построению своего будущего и планирование жизненного пути. Трансформация современной системы образования, внедрение информационных и цифровых ресурсов в процесс обучения бросают определенные вызовы современной молодежи. Как уже отмечалось, студенты сталкиваются обилием информации, с которой им приходится работать, это, в свою очередь, требует от них хороших навыков самоорганизации и планирования деятельности, в том числе учебной.

Студенты-первокурсники в этом смысле являются наиболее уязвимой частью студенческой молодежи. Переходя из школьной системы в вузовскую, первокурсники испытывают трудности, вызванные сменой привычного режима и нагрузки, адаптируясь к новым условиям, требованиям образовательного учреждения. В этом смысле студентам требуется проявить навыки самоорганизации для выстраивания эффективной жизнедеятельности.

Проблема самоорганизации личности представлена в работах отечественных авторов Е.Ю. Мандриковой, Н.А. Афанасьевой и др.

Е.Ю. Мандрикова рассматривает самоорганизацию как «структурирование личного времени, тактическое планирование и стратегическое целеполагание» [9]. Автор акцентирует внимание на том, что самоорганизация является очень важным навыком для современного человека как в вопросах определенных сфер жизнедеятельности, так и в контексте целой жизни. Ведь человек с высокими навыками самоорганизации умеет планомерно организовывать свою жизнь, ставить цели, достигать их, выстраивая цельную пошаговую стратегию, способен структурировать свою деятельность, обладает волей и настойчивостью в достижении высоких результатов этой деятельности [4]. Используя опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой, Н.Н. Иноземцева доказала рабочую гипотезу: «при наличии проблем в системе тайм-менеджмента в проектной деятельности можно проследить негативные тенденции, влияющие на уровень планирования и организации личного времени, на уровень стресса и выгорания сотрудников проектной деятельности.» [8, с.111].

Дефиниция понятия «самоорганизация» в работах Н.А. Афанасьевой имеет очень емкое содержание – «совокупность целей и мотивов саморазвития, навыков самоконтроля и саморегуляции психических состояний, способностей к самоанализу и адекватной самооценке». По мнению автора самоорганизация является ключевым фактором достижения высоких результатов деятельности, в том числе учебной [4].

Современные студенты активно пользуются интернет-ресурсами, в том числе для конструирования образовательного пространства и коммуникации в целях эффективности взаимодействия между участниками образовательного процесса. Несмотря на то, что интернет-ресурсы – это удобное средство общения, существует риск неконструктивного использования таких ресурсов, вплоть до интернет-зависимости. «Социальные сети, видеоигры и стриминговые платформы спроектированы так, чтобы удерживать внимание максимально долго. Они эксплуатируют базовые потребности человека в одобрении, принадлежности к группе и немедленном вознаграждении. Наблюдение в течение 6 месяцев за двумя группами людей показало, что и у взрослых, и у детей сформировался устойчивый ритуал: первое и последнее действие дня – погрузиться в

виртуальный мир», – пишет С.С. Хачатурова [11, с. 42]. В исследовании А.Е. Жичкиной отмечено, что личность, погруженная в виртуальное пространство, с целью общения в большей степени подвержена интернет-зависимости [6]. Целеполагание и планирование помогает индивиду правильно организовать свое личное время и деятельность и снижает риски интернет-зависимости.

Самоорганизация помогает не только организовать деятельность, но и является частью личностного потенциала личности, позволяющего ей самосовершенствоваться, что, несомненно, является важной характеристикой будущего современного специалиста.

Материалы и методы исследований

Основной целью данного исследования является изучение особенностей самоорганизации деятельности студентов-первокурсников с разными стратегиями сетевой коммуникации.

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики: опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е.Ю. Мандриковой; опросник поведения в Интернете А.Е. Жичкиной. Исследование проводилось дистанционно с помощью пакета программ Microsoft (MS Forms, Excel). Результаты эмпирического исследования были обработаны в программе Statistica 20.0. Для статистической обработки данных применялся г-критерий Спирмена.

В исследовании приняли участие 133 студента Южного федерального университета г. Ростова-на-Дону, преимущественно психолого-педагогического и педагогического направлений. Средний возраст респондентов 19 лет.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного с помощью опросника самоорганизации деятельности (ОСД) Е.Ю. Мандриковой [9] эмпирического исследования самоорганизации деятельности студентов-первокурсников, были получены следующие данные, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Уровневое распределение по показателям самоорганизации студентов, количество респондентов и процентное распределение.

Table 1

Level-based distribution of students by self-organization indicators, number of respondents and percentage distribution.

	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Планомерность	34 (25,6%)	86 (64,7%)	13 (9,8%)
Целеустремленность	116 (87,2%)	17 (12,8%)	0 (0%)
Настойчивость	21 (15,8%)	87 (65,4%)	25 (18,8%)
Фиксация	12 (9%)	88 (66,2%)	33 (24,8%)
Самоорганизация	13 (9,8%)	105 (78,9%)	15 (11,3%)
Ориентация на настоящее	26 (19,5%)	68 (51,1%)	39 (29,3%)
Индекс самоорганизации	38 (28,6%)	90 (67,7%)	5 (3,8%)

Проведенный анализ позволил выявить уровневое распределение по показателям самоорганизации студентов и по индексу самоорганизации в целом. Показатели планомерности, настойчивости, фиксации, самоорганизации и ориентации на настоящее преимущественно находятся на среднем уровне. Общий индекс самоорганизации также преимущественно средний, однако 28,6% респондентов обладают низким уровнем самоорганизации, что может выражаться в трудностях с распределением времени, низким уровне навыков самоконтроля и структурирования жизни. Следует отметить результаты, полученные по шкале «целеустремленность», где 87,2% показателей находятся на низком уровне, что может свидетельствовать об отсутствии четких целей (цели могут формулироваться формально, но привязка к конкретным действиям отсутствует), стремлений и усилий по их достижению. Такие результаты могут возникнуть вследствие резкого перехода от школьной системы с постоянным контролем со стороны взрослых к вузовской автономии, которая требует развитых навыков самоорганизации, что часто оказывается сложным для первокурсников и приводит к кризису самоорганизации.

На следующем этапе исследования была проанализированы данные, полученные в результате заполнения опросника поведения в Интернете А.Е. Жичкиной [6].

Таблица 2

Уровневое распределение по показателям поведения в Интернете, количество респондентов и процентное распределение.

Table 2

Level-based distribution of students by Internet behavior indicators, number of respondents and percentage distribution.

	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Активность в восприятии альтернатив	59 (44,4%)	69 (51,9%)	5 (3,8%)
Активность в действии	76 (57,1%)	52 (39,1%)	5 (3,8%)
Интернет-зависимость	59 (44,4%)	66 (49,6%)	8 (6%)

Проведенный анализ позволил выявить уровневое распределение показателей поведения в Интернете. Большинство респондентов (51,9%) продемонстрировали средний уровень активности в восприятии альтернатив, 44,4% - низкий, что может указывать на дефицит интереса или его низкий уровень к разнообразию позиций участников коммуникации, способов общения и существующих платформ. Восприятие альтернатив в данном случае может быть существенно затруднено. Показатели шкалы «активность в действии» преимущественно находятся на низком уровне (57,1% респондентов). Показатели данной шкалы отражают собственно действие, которое может быть логическим продолжением поиска альтернатив, однако у респондентов с низкими показателями данный процесс часто может оставаться только на этапе размышления. Особую обеспокоенность вызывают показатели шкалы «интернет-зависимость». Несмотря на то, что средний уровень, выявленный у 49,6% участников исследования, свидетельствует не о наличии зависимости в общепринятом смысле, а указывает на склонность к интернет-зависимому поведению, данная группа респондентов тем не менее нуждается в дальнейшем наблюдении и организации профилактической работы.

Далее в соответствии с задачами исследования нами была проведена статистическая проверка гипотезы с помощью г-критерия Спирмена для изучения взаимосвязей между показателями самоорганизации студентов и показателями поведения в Интернете. Полученные данные представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа показателей самоорганизации студентов и поведения в Интернете.

Table 3

Correlation analysis results: student self-organization indicators and Internet behavior.

Показатели самоорганизации студентов	Показатели поведения в Интернете		
	Активность в восприятии альтернатив	Активность в действии	Интернет-зависимость
Планомерность	-0,048	-0,052	-0,064
Целеустремленность	-0,066	0,056	-0,035
Настойчивость	0,011	0,233**	0,076
Фиксация	-0,092	0,062	0,098
Самоорганизация	-0,020	0,161	-0,230**
Ориентация на настоящее	-0,056	0,085	0,098
Индекс самоорганизации деятельности	-0,045	0,132	-0,173*
Уровень значимости: *p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001.			

Выявленные статистически достоверные корреляционные связи отражены на рис. 1.

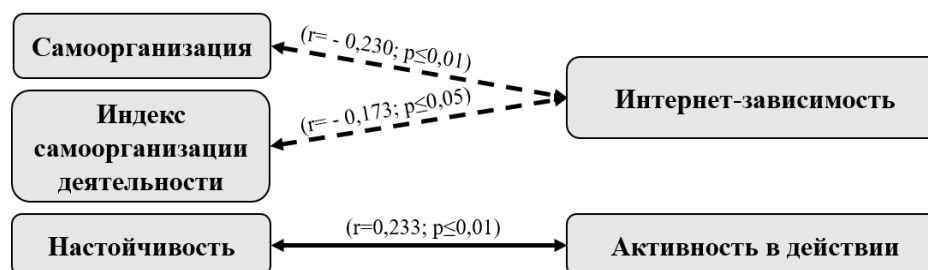

Рис 1. Результаты корреляционного анализа показателей самоорганизации студентов и показателей поведения в Интернете.

Fig. 1. Correlation analysis results: student self-organization indicators and Internet behavior.

Исходя из полученных данных, выявлено, что показатели по шкале «самоорганизация» и «индекс самоорганизации деятельности» имеют отрицательную корреляционную связь с показателями по шкале интернет-зависимости ($r = -0,230$; $p \leq 0,01$; $r = -0,173$; $p \leq 0,05$). Данные результаты свидетельствуют о том, что студенты с более развитыми навыками самоорганизации реже проявляют признаки интернет-зависимости, и наоборот. Недостаточный уровень самоорганизации может способствовать формированию потребности в чрезмерном использовании интернета как одного из способов ухода от необходимости организовывать свою деятельность и выполнять сложные задачи.

Показатели по шкале «настойчивость» имеют положительную корреляционную связь с показателями шкалы поведения в Интернете «активность в действии» ($r = 0,233$; $p \leq 0,01$). Получившиеся результаты отражают амбивалентную суть этой взаимосвязи, с одной стороны, они свидетельствуют о тенденции доводить действия в интернете до логического завершения, а не просто планировать и искать информацию, с другой – такое активное поведение в сети может способствовать повышению общего уровня интернет-зависимости.

Выводы

Подводя итог, отметим, что планирование личного времени является важным фактором жизнедеятельности современных студентов, определяющим успешность деятельности и личную эффективность. Самоорганизация – одна из ключевых способностей и личностных характеристик успешного человека.

Большинство студентов активно пользуются цифровыми ресурсами, не только для организации учебной деятельности, но и в личных целях. Выбор стратегий коммуникации в сети Интернет свидетельствует об эффективности проведенного там времени. Говоря о факторах развития самоорганизации студенческой молодежи, можно отметить, что четкое и грамотное планирование личного времени повышает академическую мобильность и эффективность и помогает студентам управлять процессом обучения.

По результатам исследования самоорганизации студентов было выявлено, что показатели планомерности, настойчивости, фиксации, самоорганизации и ориентации на настоящее преимущественно находятся на среднем уровне. Общий индекс самоорганизации также преимущественно средний, однако 28,6% респондентов обладают низким уровнем самоорганизации. Следует отметить результаты, полученные по шкале «целеустремленность», где 87,2% показателей находятся на низком уровне.

Проведенный анализ показателей поведения в Интернете позволил констатировать средний уровень активности в восприятии альтернатив у 51,9% респондентов, у 44,4% был выявлен низкий уровень. Показатели шкалы «активность в действии» преимущественно находятся на низком уровне (57,1% респондентов). Показатели шкалы «интернет-зависимость» находятся на среднем уровне у 49,6% участников исследования, что указывает на склонность к интернет-зависимому поведению, данная группа респондентов нуждается в дальнейшем наблюдении и организации профилактической работы.

Исходя из полученных данных, выявлено, что показатели по шкале «самоорганизация» и «индекс самоорганизации деятельности» имеют отрицательную корреляционную связь с показателями по шкале интернет-зависимости ($r = -0,230$; $p \leq 0,01$; $r = -0,173$; $p \leq 0,05$). Показатели по шкале «настойчивость» имеют положительную корреляционную связь с показателями шкалы поведения в Интернете «активность в действии» ($r = 0,233$; $p \leq 0,01$). Таким образом, самоорганизация является важной составляющей эффективности жизнедеятельности современных студентов.

Список источников

1. Алиева З.А. Трансформация психологии личности под влиянием киберсоциализации // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6. № 7. С. 194 – 201.
2. Алиева З.А., Цахаева А.А. Копинг-стратегии как фактор формирования субъективного благополучия в профессиональном образовании // Вестник педагогических наук. 2026. № 1. С. 61 – 68.
3. Аминова Д.К., Цахаева А.А. Психология саморазвития личности: материал к самостоятельной работе магистранта направления подготовки 44.04.02 – психолого-педагогическое образование. Махачкала, 2023.
4. Афанасьева Н.А. Самоорганизация – фактор успешности учебной деятельности // Фундаментальные исследования. 2008. № 2. С. 60 – 61.
5. Борисенко Е.А. Особенности самоорганизации студентов медицинского колледжа // В сборнике: Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2026. С. 195 – 198.
6. Жичкина А.Е. Опросник поведения в Интернете [Электронный ресурс] // Cyberpsy. 2020. URL: <https://cyberpsy.ru/tests/oprosnik-povedeniya-v-internete-zhichkinoy/> (дата обращения: 20.11.2025)
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд. второе, доп., испр. и перераб. М.: Университетская книга; Логос, 2009. 384 с.
8. Иноземцева Н.Н. Самоорганизация личности и управление проектами // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2024. № 1 (48). С. 110 – 117.
9. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87 – 111.
10. Олейников С.В. Искусственный интеллект в медиасреде: теория и практика: монография. Тирасполь, 2026. 208 с.
11. Хачатурова С.С. Зависимость от виртуального мира // Обзор педагогических исследований. 2026. Т. 8. № 1. С. 41 – 45.
12. Ярычев Н.У. Формирующее оценивание как фактор учебной мотивации и саморегуляции // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 6 (115). С. 71 – 73.

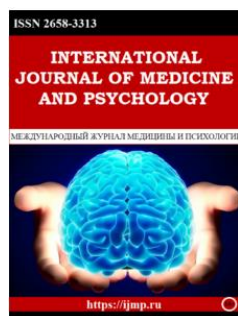
References

1. Alieva Z.A. Transformation of personality psychology under the influence of cybersocialization. International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Vol. 6. No. 7. P. 194 – 201.
2. Alieva Z.A., Tsakhaeva A.A. Coping strategies as a factor in the formation of subjective well-being in professional education. Bulletin of pedagogical sciences. 2026. No. 1. P. 61 – 68.
3. Aminova D.K., Tsakhaeva A.A. Psychology of personality self-development: material for independent work of a master's student in the field of training 44.04.02 – psychological and pedagogical education. Makhachkala, 2023.
4. Afanasyeva N.A. Self-organization as a factor in the success of educational activities. Fundamental research. 2008. No. 2. P. 60 – 61.
5. Borisenko E.A. Features of Self-Organization of Medical College Students. In the collection: Current Issues in the Humanities and Social Sciences. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Cheboksary, 2026. P. 195 – 198.
6. Zhichkina A.E. Internet Behavior Questionnaire [Electronic resource]. Cyberpsy. 2020. URL: <https://cyberpsy.ru/tests/oprosnik-povedeniya-v-internete-zhichkinoy/> (date of access: 20.11.2025)
7. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology: Textbook for Universities. 2nd ed., second, supplemented, corrected and revised. Moscow: University Book; Logos, 2009. 384 p.
8. Inozemtseva N.N. Self-organization of the individual and project management. Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1, Economics and Management. 2024. No. 1 (48). P. 110 – 117.
9. Mandrikova E.Yu. Development of the questionnaire of self-organization of activity (OSA). Psychological diagnostics. 2010. No. 2. P. 87 – 111.
10. Oleynikov S.V. Artificial intelligence in the media environment: theory and practice: monograph. Tiraspol, 2026. 208 p.
11. Khachaturova S.S. Dependence on the virtual world. Review of pedagogical research. 2026. Vol. 8. No. 1. P. 41 – 45.
12. Yarychev N.U. Formative assessment as a factor of educational motivation and self-regulation. World of science, culture, education. 2025. No. 6 (115). P. 71 – 73.

Информация об авторах

Степанова К.С., преподаватель, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет
Рвачева О.В., преподаватель, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

© Степанова К.С., Рвачева О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.018.43

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-340-344

¹ *Шереметьев С.А.,*

¹ *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского*

Влияние цифровой усталости и информационной перегрузки на мотивацию к изучению английского языка в условиях дистанционного обучения

Аннотация: теоретическое обоснование и концептуализация влияния цифровой усталости и информационной перегрузки на мотивацию к изучению английского языка в условиях дистанционного обучения; разработка концептуальной модели взаимосвязей. Систематический анализ актуальной научной литературы, критический синтез теоретических подходов (теория самодетерминации, теория когнитивной нагрузки), разработка концептуальной модели, формулирование научных гипотез. Выявлены ключевые психологические механизмы негативного воздействия цифровой усталости и информационной перегрузки на мотивационные компоненты (самоэффективность, чувство автономии, когнитивные ресурсы). Предложена концептуальная модель, иллюстрирующая эти взаимосвязи. Цифровая усталость и информационная перегрузка являются значимыми демотивирующими факторами в дистанционном изучении английского языка. Разработанная модель и вытекающие из нее практические рекомендации способствуют оптимизации образовательного процесса.

Ключевые слова: цифровая усталость, информационная перегрузка, мотивация, изучение английского языка, дистанционное обучение, онлайн-обучение, академическая мотивация, самоэффективность, когнитивная нагрузка, цифровая педагогика

Для цитирования: Шереметьев С.А. Влияние цифровой усталости и информационной перегрузки на мотивацию к изучению английского языка в условиях дистанционного обучения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 340 – 344. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-340-344

Поступила в редакцию: 2 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ *Sheremetyev S.A.,*

¹ *Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky*

The influence of digital fatigue and information overload on English language learning motivation in the context of distance learning

Abstract: to theoretically substantiate and conceptualize the impact of digital fatigue and information overload on English language learning motivation in distance learning environments; to develop a conceptual model of their interrelationships. Systematic analysis of current scientific literature, critical synthesis of theoretical approaches, development of a conceptual model, and formulation of scientific hypotheses. Key psychological mechanisms of the negative impact of digital fatigue and information overload on motivational components (self-efficacy, sense of autonomy, cognitive resources) were identified. A conceptual model illustrating these relationships was developed. Digital fatigue and information overload are significant demotivating factors in distance English language learning. The developed model and the practical recommendations derived from it contribute to the optimization of the educational process.

Keywords: digital fatigue, information overload, motivation, English language learning, distance learning, online learning, academic motivation, self-efficacy, cognitive load, digital pedagogy

For citation: Sheremetyev S.A. The influence of digital fatigue and information overload on English language learning motivation in the context of distance learning. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 340 – 344. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-340-344

The article was submitted: February 2, 2026; Approved after reviewing: April 1, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Дистанционное обучение, ставшее повсеместным, открыло новые возможности, но одновременно обострило проблемы цифровой усталости и информационной перегрузки. Эти явления существенно влияют на когнитивные функции, эмоциональное состояние и учебную мотивацию студентов. Изучение английского языка, ключевое для академической и профессиональной мобильности, особенно подвержено этому влиянию в цифровой среде. Как отмечает Нил Селвин, “быстрая интеграция цифровых технологий в образование представляет как новые возможности, так и значительные вызовы, требуя тонкого понимания того, как обучающиеся адаптируются и сохраняют мотивацию” [1, с. 45]. Несмотря на исследования отдельных аспектов, комплексное осмысление взаимосвязи цифровой усталости, информационной перегрузки и мотивации к изучению английского языка в дистанционном формате остается недостаточно проработанным.

Цель настоящей статьи – теоретически обосновать и концептуализировать влияние цифровой усталости и информационной перегрузки на мотивацию к изучению английского языка в дистанционном обучении. Задачи: проанализировать актуальную литературу, выявить психологические механизмы влияния, разработать концептуальную модель и сформулировать гипотезы для дальнейших эмпирических исследований.

Материалы и методы исследований

В настоящем теоретическом исследовании был проведен систематический обзор и критический синтез актуальной научной литературы. Приоритетное внимание уделялось публикациям, освещающим вопросы цифровой усталости, информационной перегрузки, академической мотивации и специфику дистанционного обучения. Анализ литературы позволил выявить ключевые концепции, изучить теоретические подходы, в частности, теорию самодетерминации (SDT) [9, 10], теорию когнитивной нагрузки (CLT) [6, 11] и общие теории мотивации [8], а также установить механизмы влияния этих факторов на мотивацию для последующей разработки концептуальной модели.

Результаты и обсуждения

Цифровая усталость (digital fatigue) определяется как состояние физического, эмоционального и ментального истощения от чрезмерного взаимодействия с технологиями [3, с. 18]. В образовании она проявляется как снижение концентрации, раздражительность и опустошенность после длительных онлайн-сессий [2, с. 61], усугубляясь сенсорной и когнитивной перегрузкой от экрана и многозадачности [2, с. 63]. Информационная перегрузка (information overload) возникает, когда объем информации превышает когнитивные возможности ее обработки [3, с. 1]. В дистанционном обучении изобилие цифровых ресурсов создает хаос, дезориентацию и снижает эффективность [3, с. 3], вызывая стресс и демотивацию [5, с. 1].

Мотивация к изучению английского языка в дистанционном формате анализируется сквозь призму ведущих теорий. Теория самодетерминации (SDT) подчеркивает важность удовлетворения потребностей в автономии, компетентности и связанности для внутренней мотивации [9, с. 70]. Дистанционное обучение может фрустрировать эти потребности [10, с. 71]. Теория когнитивной нагрузки (CLT) объясняет, как ограничения рабочей памяти и плохо структурированная информация в цифровой среде затрудняют усвоение материала [6, с. 2], что критично для языка [11, с. 7]. Современные исследования указывают на связь избыточного использования технологий с падением вовлеченности, ростом прокрастинации и снижением самооэффективности [5, с. 1; 8, с. 65]. Однако, комплексное исследование влияния цифровой усталости и информационной перегрузки на мотивацию к изучению английского языка в дистанционном формате требует дальнейшего теоретического осмысления.

Проведенный анализ современной научной литературы позволил разработать концептуальную модель, которая наглядно иллюстрирует, как различные аспекты дистанционного обучения влияют на мотивацию

студентов при изучении английского языка, опосредованно через определенные психологические состояния. К исходным факторам, лежащим в основе дистанционного формата, относятся: интенсивность использования цифровых платформ [2, с. 63; 2, с. 65], длительное экранное время [2, с. 61], значительный объем и сложность учебной информации [3, с. 2; 3, с. 3], необходимость одновременной обработки множества задач [3, с. 2], а также ограниченность прямых социальных контактов [9, с. 70].

Эти условия способствуют формированию двух ключевых психологических состояний, опосредующих данное влияние: во-первых, это цифровая усталость, проявляющаяся в когнитивном, эмоциональном и физическом истощении, а также в снижении концентрации [2, с. 61; 3, с. 2]; во-вторых, информационная перегрузка, которая вызывает когнитивный стресс, дезориентацию и затрудняет обработку и интеграцию поступающих данных [3, с. 2; 3, с. 3].

Эти состояния, в свою очередь, негативно воздействуют на мотивационные компоненты обучающегося через ряд психологических механизмов. К ним относятся: снижение самооффективности, проявляющееся в неуверенности студента в собственной способности справиться с материалом [9, с. 71]; фрустрация потребности в автономии, связанная со снижением контроля и свободы выбора [9, с. 70; 9, с. 73]; истощение когнитивных ресурсов, обусловленное перегрузкой рабочей памяти и дефицитом внимания [6, с. 257; 11, с. 11]; а также снижение воспринимаемой ценности обучения, когда процесс кажется чрезмерно обременительным.

В результате этих процессов происходит снижение общей учебной мотивации, проявляющееся в ослаблении внутренней мотивации [9, с. 71; 8, с. 65], преобладании внешней мотивации или ее отсутствии [9, с. 70; 4, с. 3556]. Это, в конечном итоге, сказывается на учебном поведении: наблюдается снижение вовлеченности и активности, рост прокрастинации [2, с. 64; 5, с. 1] и, как следствие, возможное прекращение обучения [1, с. 77].

На основе представленной модели сформулированы следующие гипотезы:

H1: Высокий уровень цифровой усталости прямо коррелирует с пониженным уровнем внутренней мотивации к изучению английского языка у студентов, обучающихся в дистанционном формате.

H2: Значительная информационная перегрузка снижает воспринимаемую самооффективность в освоении английского языка.

H3: Фрустрация потребности в автономии, обусловленная спецификой дистанционного обучения, усиливает негативное влияние цифровой усталости на мотивацию к изучению английского языка.

Полученные результаты теоретического анализа убедительно демонстрируют, что цифровая усталость и информационная перегрузка представляют собой существенные демотивирующие факторы в процессе дистанционного изучения английского языка. Выявленные механизмы – снижение самооффективности, фрустрация потребности в автономии и истощение когнитивных ресурсов – наглядно показывают, каким образом цифровая среда может ослаблять фундаментальные психологические потребности, лежащие в основе поддержания устойчивой мотивации [9, с. 75]. В этом контексте особенно значимы предостережения Нила Селвина о необходимости критического осмысления, поскольку, по его мнению, “вопрос, ‘что сделает новая технология?’, не более важен, чем вопрос, ‘что новая технология отменит?’” [1, с. 4]. Его призыв к осторожности приобретает особую актуальность при оценке влияния технологий на мотивацию и общее благополучие студентов. Критически оценивая “пустые и восторженные излишества ‘техно-болтовни’”, Селвин подчеркивает необходимость “критически взаимодействовать с дискурсом” [1, с. 9], чтобы избежать распространения неосведомленных суждений и сохранить вовлеченность участников образовательного процесса. Рецензент отмечает, что Селвин использует дихотомию “хорошо/плохо” как “удобный издательский прием – грубый, но немедленный способ поколебать уютные предположения о технологиях и образовании” [1, с. 135]. Хотя он поднимает важные вопросы о роли “Silicon Valley model of technology development” [1, с. 44] и о том, как “цифровое образование должно рассматриваться с позиции множества уязвимых групп” [1, с. 143], критик указывает на недостаточный анализ “педагогических, организационных, культурных и других факторов” [1, с. 44], влияющих на успех интеграции технологий. Изучение влияния информационного перегрузки на критическое оценивание цифрового контента также подчеркивает важность таких навыков, как цифровая грамотность [3, с. 1], и необходимость развития когнитивных стратегий для управления информацией [3, с. 3].

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций:

1. Оптимизация контента и практик: Структурирование материалов, чередование форматов, снижение когнитивной нагрузки, четкая обратная связь для повышения самооффективности [6, с. 3; 11, с. 10].

2. Развитие навыков саморегуляции: Обучение студентов тайм-менеджменту, цифровой гигиене, распознаванию усталости [9, с. 71; 5, с. 1517].

3. Содействие автономии и связанности: Предоставление выбора студентам, использование интерактивных форм групповой работы [9, с. 70; 9, с. 69].

Ограничением является теоретический характер работы. Модель и гипотезы требуют эмпирической верификации. Перспективные направления: изучение влияния усталости на мотивацию в разных группах; разработка и апробация педагогических интервенций; исследование роли преподавателя в цифровой среде.

Выводы

Цифровая усталость и информационная перегрузка представляют собой серьезные препятствия для эффективного изучения английского языка в дистанционном формате. Теоретическая работа систематизировала научные данные, выявила ключевые психологические механизмы и разработала концептуальную модель, иллюстрирующую, как эти факторы влияют на мотивацию через снижение самоэффективности, фрустрацию автономии и истощение когнитивных ресурсов. Сформулированные гипотезы открывают пути для эмпирических исследований, а практические рекомендации способствуют оптимизации дистанционного образования.

Список источников

1. Ribeiro J. A Review of: Is Technology Good for Education? by Dr. Neil Selwyn // Canadian Journal of Educational Administration and Policy. 2016. № 182. P. 42 – 45.
2. Carter M.A., Goldie D. Educational Media: Potential Impacts on Tertiary Students' Mental Health // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2017. Vol. 3. № 3. P. 61 – 88.
3. Drisya K.K. The Impact of Online Information Overload on College Students' Ability to Critically Evaluate Digital Content // International Journal for Multidisciplinary Research. 2025. Vol. 7. № 2. P. 1 – 13.
4. Lin M.-H., Chen H.-C., Liu K.-S. A Study of the Effects of Digital Learning on Learning Motivation and Learning Outcome // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2017. Vol. 13. № 7. P. 3553 – 3564. DOI: 10.12973/eurasia.2017.00744a
5. Singh N., Barmola K.C. Internet Addiction, Mental Health and Academic Performance of School Students/Adolescents // The International Journal of Indian Psychology. 2015. Vol. 2. № 3. P. 98 – 108. DOI: 10.25215/0203.053
6. Sweller J. Cognitive Load During Problem Solving: Effects on Learning // Cognitive Science. 1988. Vol. 12. № 2. P. 257 – 285. DOI: 10.1207/s15516709cog1202_4
7. Xu X., Maniam M. Factors Influencing Learning Engagement in Blended Learning Environments: A Review and Strategic Framework // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2026. Vol. 16. № 2. P. 283 – 290. DOI: 10.6007/IJARBS/v16-i2/27673
8. Motevalli S., Perveen A., Michael M.T.A. Motivating Students to Learn: An Overview of Literature in Educational Psychology // International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development. 2020. Vol. 9. № 3. P. 63 – 74. DOI: 10.6007/IJARPED/v9-i3/7779.
9. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 1. P. 68 – 78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68
10. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York: Guilford Press, 2017. 756 с.
11. Sweller J. Cognitive Load Theory and Educational Technology // Educational Technology Research and Development. 2020. Vol. 68. № 1. P. 1 – 16. DOI: 10.1007/s11423-019-09701-3
12. Diener C.I., Dweck C.S. An Analysis of Learned Helplessness: Continuous Changes in Performance, Strategy, and Achievement Cognitions Following Failure // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. Vol. 36. № 5. P. 451 – 462. DOI: 10.1037/0022-3514.36.5.451

References

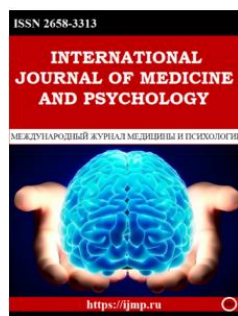
1. Ribeiro J. A Review of: Is Technology Good for Education? by Dr. Neil Selwyn. Canadian Journal of Educational Administration and Policy. 2016. No. 182. P. 42 – 45.
2. Carter M.A., Goldie D. Educational Media: Potential Impacts on Tertiary Students' Mental Health. International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2017. Vol. 3. No. 3. P. 61 – 88.
3. Drisya K.K. The Impact of Online Information Overload on College Students' Ability to Critically Evaluate Digital Content. International Journal for Multidisciplinary Research. 2025. Vol. 7. No. 2. P. 1 – 13.

4. Lin M.-H., Chen H.-C., Liu K.-S. A Study of the Effects of Digital Learning on Learning Motivation and Learning Outcome. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2017. Vol. 13. No. 7. P. 3553 – 3564. DOI: 10.12973/eurasia.2017.00744a
5. Singh N., Barmola K.C. Internet Addiction, Mental Health and Academic Performance of School Students/Adolescents. *The International Journal of Indian Psychology*. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 98 – 108. DOI: 10.25215/0203.053
6. Sweller J. Cognitive Load During Problem Solving: Effects on Learning. *Cognitive Science*. 1988. Vol. 12. No. 2. P. 257 – 285. DOI: 10.1207/s15516709cog1202_4
7. Xu X., Maniam M. Factors of Influencing Learning Engagement in Blended Learning Environments: A Review and Strategic Framework. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2026. Vol. 16. No. 2. P. 283 – 290. DOI: 10.6007/IJARBSS/v16-i2/27673
8. Motevalli S., Perveen A., Michael M.T.A. Motivating Students to Learn: An Overview of Literature in Educational Psychology. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. 2020. Vol. 9. No. 3. P. 63 – 74. DOI: 10.6007/IJARPED/v9-i3/7779.
9. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68 – 78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68
10. Ryan R.M., Deci E.L. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York: Guilford Press, 2017. 756 pp.
11. Sweller J. Cognitive Load Theory and Educational Technology. *Educational Technology Research and Development*. 2020. Vol. 68. No. 1. P. 1 – 16. DOI: 10.1007/s11423-019-09701-3
12. Diener C.I., Dweck C.S. An Analysis of Learned Helplessness: Continuous Changes in Performance, Strategy, and Achievement Cognitions Following Failure. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1978. Vol. 36. No. 5. P. 451 – 462. DOI: 10.1037/0022-3514.36.5.451

Информация об авторе

Шереметьев С.А., Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

© Шереметьев С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9:37.015.3:37.091.26

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-345-354

¹ **Анюхина И.А.,**

¹ **Кропотова Н.В.**

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Психолого-педагогические предпосылки введения курса «Школьное инициативное бюджетирование» в образовательную программу школы

Аннотация: авторами рассмотрена возможность использования практического опыта работы в программе школьного инициативного бюджетирования (далее – ШКИБ) и включение разработанной программы по данному курсу в программу формирования универсальных учебных действий у обучающихся в основной и средней школе. ФГОС предлагает оценивать освоение выпускниками 9-х и 11-х классов метапредметных универсальных учебных действий (УУД) путём создания ими индивидуального итогового проекта (ИИП). На практике ИИП учащиеся пишут под руководством педагога-куратора или иного лица, выполняющего роль куратора. При этом возникает ряд вопросов:

- 1) действительно ли и насколько качественно такая форма работы выявляет развитие УУД;
- 2) возможна ли реализация проекта, ее значимость и необходимость как для самой школы, так и для ученика и его наставника;
- 3) как создание ИИП учитывает ведущую деятельность подростков -общение со сверстниками, если взамен предлагается общение с куратором.

Цели статьи:

– оценить целесообразность введения в школьную программу проектов школьного инициативного бюджетирования (далее – ШКИБ) путем сравнения психологических и педагогических результатов деятельности обучающихся в рамках реализации индивидуального итогового проекта (далее – ИИП) и проектов ШКИБ, сравнения степени удовлетворенности от реализации ИИП и от реализации проектов ШКИБ при помощи разработанной авторами анкеты всех участников учебно-воспитательного процесса (обучающихся, родителей, педагогов) .

Актуальность статьи заключается в изучении процесса формирования метапредметных практических УУД не только при создании проекта, но и в отслеживании этих результатов на каждом из этапов проекта: от его создания и защиты до фактической реализации и получения отзывов о проекте со стороны лиц, пользующихся плодами реализованного проекта. Авторы обращают внимание на положительные аспекты работы над проектом ШКИБ для всех участников учебно-воспитательного процесса, а не только обучающихся.

Ключевые слова: проектная деятельность, мотивация, ценности, функциональная грамотность, метапредметные результаты, психолого-педагогические предпосылки, образовательная программа, Школьное инициативное бюджетирование

Для цитирования: Анюхина И.А., Кропотова Н.В. Психолого-педагогические предпосылки введения курса «Школьное инициативное бюджетирование» в образовательную программу школы // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 345 – 354. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-345-354

Поступила в редакцию: 3 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Anyukhina I.A.,

¹ Kropotova N.V.,

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Psychological and pedagogical prerequisites for introducing the School Initiative Budgeting course into the school's educational program

Abstract: the authors have considered the possibility of using practical experience in the School Initiative Budgeting program (hereinafter referred to as ShIB) and incorporating the developed program for this course into the program for the formation of universal educational actions among students in primary and secondary schools. The Federal State Educational Standard suggests evaluating the mastery of meta-subject universal educational actions (UEA) by 9th and 11th grade graduates through the creation of an individual final project (IFP). In practice, students create an IFP under the guidance of a teacher-curator or another person acting as a curator. However, several questions arise:

- 1) whether and to what extent this form of work reveals the development of universal educational actions;
- 2) whether the implementation of the project is possible, its significance and necessity both for the school itself, for the student and his mentor;
- 3) how the creation of IFP takes into account the leading activity of teenagers – communication with peers, if in exchange communication with a curator is offered.

The article aims:

– to assess the expediency of introducing school initiative budgeting projects (hereinafter referred to as SIBP) into the school curriculum by comparing the psychological and pedagogical results of students' activities within the framework of the individual final project (hereinafter referred to as IFP) and SIBP projects, comparing the degree of satisfaction with the implementation of IFP and from the implementation of SIBP projects using a questionnaire developed by the authors of all participants in the educational process (students, parents, teachers).

The relevance of the article lies in studying the process of forming metasubject practical management systems not only when creating a project, but also in tracking these results at each stage of the project: from its creation and protection to actual implementation and receiving feedback about the project from those who enjoy the benefits of the implemented project. The authors draw attention to the positive aspects of working on the SIBP project for all participants in the educational process, not just students.

Keywords: project activities, motivation, socialization, values, functional literacy, metasubject results, psychological and pedagogical prerequisites, educational program, School Initiative Budgeting

For citation: Anyukhina I.A., Kropotova N.V. Psychological and pedagogical prerequisites for introducing the School Initiative Budgeting course into the school's educational program. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 345 – 354. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-345-354

The article was submitted: February 3, 2026; Approved after reviewing: April 2, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) третьего поколения основными задачами образования являются: всестороннее раскрытие способностей и склонностей обучающихся, выявление и развитие творческих способностей личности каждого обучающегося и превращение их в устойчивые социально-ценностные творческие характеристики.

Творческий процесс в образовании предполагает наличие возможности у любого обучающегося на любом уровне образования совершенствовать свой творческий потенциал, ведь именно творчество приводит к потребности в самопознании и саморазвитии.

На практике наблюдается противоречие между социальным заказом на работников, умеющих творчески и нестандартно мыслить, и недостаточной разработанностью теоретико-методологических основ формирования творческого мышления и воображения в процессе обучения.

Современные подростки все чаще в систему ценностных ориентиров включают не только наличие отличного аттестата, получение высоких баллов ЕГЭ, поступление в ВУЗ, но и успешную деятельность, приносящую достойный доход, возможность финансовой свободы, удовлетворение своих потребностей без оглядки на родителей [15]. Это означает, что только получения знаний уже недостаточно. Необходимы изменения в обучении приемам усвоения таких навыков, которые не входят в процесс обучения прямо: срав-

нение различных решений одной задачи, оценка их с точки зрения успешности; понимание разнородности социума и уважительное отношение к личности другого человека; анализ последствий принимаемых решений в творческих заданиях; принятие противоположного взгляда на решение задания и т.п. Как помочь подросткам в данном процессе? Ответ очевиден – сделать процесс обучения, познания интересным, творческим с точки зрения подростка, а это означает:

- приблизить учебные задания к реалиям жизни;
- дать возможность самостоятельно искать и находить различные варианты решений;
- выбирать из найденных вариантов решений такие, которые наиболее соответствуют не только условиям задания, а и предполагаемой концепции их использования;
- дать возможность осознать урок, связанный с неправильным выбором;
- дать возможность осознать важность правильного выбора;
- самостоятельно определять меру своей ответственности в принятии решения, затрагивающего интересы близких, знакомых, других социальных групп;
- интерпретировать результаты предложенного задания с тем, чтобы получить более значимый результат.

В 21 веке любому специалисту необходимо владеть такими навыками, как умение общаться, мыслить творчески, работать в команде, брать на себя ответственность за своё и за общее дело, эффективно распределять время, быстро адаптироваться в новых ситуациях. Список наиболее востребованных навыков к 2020 году был представлен на Всемирном экономическом форуме в Давосе (2016): решение сложных задач, критическое мышление, креативность, работа в команде, эмоциональный интеллект. Известен предложенный некоммерческой организацией «Партнёрство для навыков XXI» (“Partnership for 21st century skills”, США) набор из четырёх «К»: креативность, кооперация (сотрудничество), коммуникация (общение), критическое мышление [6, с. 104-112].

В 2020 году «Закон об образовании в РФ» дополнен требованием обеспечить условия для самоопределения и социализации обучающихся, формирования функциональной, в частности – финансовой и бюджетной грамотности. Вводится в основную образовательную программу основного и среднего общего образования понятие «индивидуальный итоговый проект», который призван стать оценкой метапредметных результатов деятельности выпускников 9 и 11 классов. Практически одновременно с введением ИИП развивается программа школьного инициативного бюджетирования (ШкиБ), которая достаточно быстро охватывает практически все регионы страны [22]. Какие проблемы решает школа с учетом последних изменений в ООП ООО и ООП СОО, если курс школьного инициативного бюджетирования будет введен в программу вместо ИИП? Это решит проблемы, которые хорошо известны педагогам, работающим совместно с учащимися над индивидуальным итоговым проектом, а именно:

- отсутствие у педагога-куратора (наставника), выполняющего с учеником индивидуальный итоговый проект, реальных возможностей мотивировать обучающегося к созданию проекта, который не несет реальных изменений в жизни как самого подростка, так и образовательной организации;
- особенности пубертатного периода, как особого периода в жизни подростков, связанного со стремлением проявить взрослость и требованием эту взрослость признать. Создание ИИП, значение и важность которых не совсем понятны ни учащимся, ни их родителям, а отчасти – и педагогам, данную проблему не решает.

Материалы и методы исследований

Нами проведен мониторинг степени удовлетворённости участников образовательного процесса организации процесса, его проведения, защиты и реализации как в отношении ИИП, так и в отношении ШкиБ. Так как программа ШкиБ в Республике Крым пока эффективно реализуется в сельских школах, то и мониторинг в отношении ШкиБ охватил обучающихся сельских и поселковых школ, их родителей и педагогов. Данные мониторинга в отношении ИИП получены в основном на основе ответов обучающихся из сельских и городских школ, их родителей и педагогов. В качестве опросника была разработана краткая шкала удовлетворенности процессом ИИП в одном случае и процессов участия в ШкиБ в другом. Вопросы мониторинга охватили основные этапы проектов:

- подготовку к созданию проектов (ИИП и ШкиБ);
- процесс создания (ИИП и ШкиБ);
- процесс защиты (ИИП и ШкиБ);
- процесс реализации проектов (ИИП и ШкиБ)

В анкетировании удовлетворенности процессом ИИП приняли участие 78 учащихся, 26 родителей и 14 педагогов. По вопросу удовлетворенности процессом ШкиБ приняли участие в анкетировании 83 учащихся

ся, 29 родителей и 13 педагогов. Для получения сравнительных данных был рассчитан средний балл по каждому из вопросов у каждой группы анкетированных. Статистическая достоверность двух независимых (несвязных) выборок подтверждена при помощи расчетов Т-критерия Стьюдента.

Результаты и обсуждения

О том, что успешность процесса воспитания и обучения заключается не столько в воздействии, сколько во взаимодействии, писали еще В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, А.С. Макаренко. Это справедливо и доказано жизнью, исследованиями современных педагогов и ученых – Андреев В.И. [2, с. 17-29], Батурина Г.И. [4, с. 4-150], Божович Л.И. [4], Коротаева Е.В., Аракелова Т.Л., Безродных Т.В. [16], Карабанова О.А. [9, с. 11-12], Коротаева Е.В. [10] Ширяева Н.Е. [23, с. 289-291], Щуркова Н.Е. [24]. Если опираться на теорию деятельности, согласно которой «личность – это система социальной деятельности человека, представленной двумя составляющими: психической (сознание) и практической (поведение)» [11, с. 40-65], то человек (ученик) является носителем личности, суть которой определяется социумом, в котором она существует (рождается, растет и развивается).

Обучение и воспитание может носить подражательный характер, поисковый, созидательный, иногда – формально подражательный, то есть списывание и заучивание без осознания, без присвоения знаний. В любом случае, для большинства обучающихся окончательным результатом будет объем усвоенных, обретенных познаний, умений и навыков. И этот объем будет в значительной степени зависеть от уровня и вида мотивации обучения [5, с. 20-55].

В процессе обучения и воспитания важно учитывать особенности развития обучающихся на разных этапах онтогенеза, наличие кризисных возрастных периодов и смену ведущей деятельности, которая влечет за собой и изменения в способах усвоения знаний. Ряд отечественных психологов – Мухина В.С. [14], Хилько М.Е. [21], Авдулова Т.П. [1], Молчанов С.В. [13], Толстых Н.Н., Прихожан А.М. [20] – описывают подростковый возраст как возраст кризисного состояния, пубертатный период, который протекает одновременно в трех плоскостях:

- физиологической: происходят скачки роста, диспропорции тела, появляются вторичные половые признаки, наблюдается быстрая смена внешнего образа ученика, его эмоционального состояния, резкие всплески конфликтности, апатии, усталости, раздражительности;

- психологической: появляются новые интересы и увлечения, растет стремление занять более "взрослую" позицию в жизни, формируется и меняется мировоззрение, формируются процессы самосознания и самоопределения личностного и профессионального;

- социальной: происходит осознание подростком своего промежуточного положения между ребенком и взрослым; все чаще совершаются попытки принятия самостоятельных решений в личностном и деятельностном плане: с кем и как общаться, что и как делать.

В совокупности эти три группы изменений приводят к формированию Я- концепции, чувства взрослости, автономной морали, половой идентификации, развитию абстрактного мышления. Рассмотрим два основных периода:

1. Окончание 9 класса, получение первого аттестата об окончании основного общего образования, обязательного в РФ. В конце этого пятилетнего этапа ребят ждет своеобразный обряд инициации – прохождение государственной итоговой аттестации. Под **инициацией** [1, с. 48-53] понимается обряд посвящения, содержащий в себе некоторые испытания и направленный на признание обществом взрослости, изменения социального статуса члена общества, его обязанностей и возможностей [18, с. 120-121]. Смысл процесса инициации у современных подростков- личностные испытания, тревоги, переживания, бездействие или действия и поступки, которые позволяют подростку почувствовать себя равным среди взрослых, взрослым представителем общества, осознающим свои возможности, признающим свои обязанности. Условно к инициации можно отнести и защиту проекта.

2. Окончание средней школы и получение аттестата. У учащихся 10-11 класса кризис пубертатного возраста переходит в кризис самоопределения, усиливаемый приближением выпускных экзаменов и началом новой, неизвестной, а потому пугающей жизни. Растет эмоциональное напряжение, связанное с необходимостью получения высшего образования, резкой сменой привычного образа жизни, изменением круга общения, появлением новых видов деятельности.

При остром протекании кризисных состояний возникает тревожность, страх перед ошибкой в выборе, перед изменениями в жизни, возможными неудачами, обостренная ответственность перед близкими и собой. Более мягкому прохождению кризисов способствуют поддержка семьи, устойчивые основные ценностные ориентации, адекватная самооценка, устойчивая личностная направленность, уверенность в себе, сформированное мировоззрение, стойкие жизненные позиции, а также сформированные гибкие навыки-

ключевые (универсальные) компетенции XXI века. Но и школа, и другие образовательные учреждения занимают важнейшее место в жизни подростка, так как с их помощью происходит формирование вышеперечисленных качеств, осуществляется процесс социализации, а именно – усвоение принятых в обществе эталонов поведения, вольное или невольное усвоение новых социальных ролей, моральных норм и ценностей [6, с. 104-112].

Сравнивая формируемые в процессе обучения и социализации в школе гибкие навыки с требованиями федеральных государственных стандартов (ФГОС) основного и среднего общего образования в разрезе универсальных учебных действий (УУД) невозможно не заметить сходство этих требований с вышеперечисленными результатами деятельности в программе ШКИБ. Метапредметные УУД являются образовательными результатами, развитие которых у школьников должно обеспечить возможность учиться самостоятельно (ставить учебные цели, искать, выбирать и использовать необходимые средства и способы для их достижения, уметь контролировать и адекватно оценивать свою учебную деятельность и её результаты), успешно усваивать знания, умения и навыки, формировать реальную картину мира, осваивать необходимые компетентности в любой предметной области, сотрудничать со сверстниками и взрослыми. ШКИБ-программа, направленная на вовлечение старшеклассников в процесс расходования школьного бюджета с целью улучшения школьной среды: оборудования, инфраструктуры, проведение мероприятий и тому подобное.

Вовлечение обучающихся школ в активную общественную деятельность, в улучшение окружающей школьной среды, в деятельность, направленную на ее преобразование для обеспечения потребностей школьного сообщества, соответствуют принципам системно-деятельностного подхода, одного из важнейших принципов современного процесса образования. Школьное инициативное бюджетирование созвучно идеям «Педагогики общей заботы» (И.П. Иванов), педагогической технологии коллективной творческой деятельности (технология коллективной организации деятельности, «орлятская методика»). В русле этой социально-педагогической традиции осуществляется определение объектов общей заботы, коллективное целеполагание, коллективное планирование, коллективная подготовка и коллективный анализ [8].

Итоги анкетирования удовлетворенности ИИП и ШКИБ приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты анкетирования степени удовлетворенности организацией, созданием, защитой и реализацией индивидуальных итоговых проектов (ИИП) и проектов школьного инициативного бюджетирования (ШКИБ) старшеклассниками в Республике Крым.

Table 1

Results of a survey on the degree of satisfaction with the organization, creation, defense, and implementation of individual final projects (IFP) and school participatory budgeting (SPB) projects by high school students in the Republic of Crimea.

№ п/п	Вопросы	Ответы (средний балл)					
		Обучающиеся		Родители		Педагоги	
	Численность участников анкетирования	ИИП 78	ШКИБ 83	ИИП 26	ШКИБ 29	ИИП 14	ШКИБ 13
1	Насколько вы удовлетворены освещением процесса подготовки к созданию ИИП и ШКИБ (разъяснением правил оформления, сроков проведения, условиями оценивания, сроков защиты и т.д.)	2,6	3,8	2,7	3,6	3,2	3,8
2	Насколько вы удовлетворены освещением процесса создания ИИП и ШКИБ (разъяснением правил оформления, сроков создания, помощью куратора и так далее)	2,9	3,9	3,1	3,8	3,5	3,8
3	Насколько вы удовлетворены освещением процесса защиты ИИП и ШКИБ (объявлением сроков проведения, условиями оценивания, сроков защиты и т.д.)	3,0	3,7	3,1	3,9	3,4	3,9
4	Насколько вы удовлетворены освещением процесса реализации ИИП и ШКИБ (возможностью реализации, получением результата, достижением поставленных в проекте целей и т.д.)	2,5	3,9	2,7	3,9	2,9	3,9

Из представленных в табл. 1 данных видно, что по всем четырем выделенным авторами составляющим процесса создания проектов, баллы, поставленные обучающимися, родителями и педагогами проектам ШКИБ намного выше, чем баллы, выставленные проектам ИИП. Учащиеся, которые плохо понимают требования подготовки ИИП, процесса его создания и реализации, прекрасно усваивают правила проектов ШКИБ. Почему? Одна из гипотез – возможно, потому что ИИП создает учащийся под руководством взрослого, а проект ШКИБ – создает группа учащихся, а руководство взрослого достаточно формализовано? Отметим 4 пункт анкеты – удовлетворенность результатом, реализацией проекта, которая в ШКИБ проходит с участием самих обучающихся. Полученные по итогам анкетирования родителей и педагогов данные свидетельствуют о том, что они имеют достаточно информации и возможности видеть весь путь от принятия темы проекта до его реализации в рамках ШКИБ, в то время как при ИИП возникают сложности с реализацией, и не только с реализацией как таковой, а и с целесообразностью проекта.

Основные выводы, сделанные авторами:

1. Разработка проектов ШКИБ – не индивидуальная работа с наставником, а командная работа сверстников под руководством наставника. Это формирует и развивает навыки социализации, а также такие метапредметные универсальные учебные действия, как тайминг, сотрудничество, финансовые расчеты, планирование, умение обосновать собственное мнение и аргументировать, взаимодействовать со взрослыми на равных.

2. Выбор темы ИИП не столько желание подростка создать проект, связанное с его интересами, сколько желание как можно быстрее и проще написать проект, чтобы получить допуск к экзаменам.

3. Среди защищенных ИИП мало проектов, результаты которых интересны не только создавшему проект ученику, но и всему школьному сообществу. Проекты ШКИБ – отобранные подростками самостоятельно лучшие идеи, проекты, улучшающие жизнь всего школьного сообщества.

В качестве реального примера приведем результаты участия сельских школ Республики Крым в школьном инициативном бюджетировании за 3 года, так как ШКИБ в Крыму получило распространение только в 2023 году (табл. 2). По условиям конкурса, в соответствии нормативными региональными, районными и школьными документами (Положениями, приказами, локальными нормативными актами), денежные средства на 1 проект в Республике Крым ограничены суммой 350 000 руб. из бюджета республики, от 5 до 11% стоимости проекта – вклад районного бюджета. Часть работ могут выполнить спонсоры, что в Положении о ШКИБ предусматривается как неденежный вклад.

Таблица 2

Участие сельских школ Республики Крым в подготовке и реализации проектов школьного инициативного бюджетирования за 2023-2025 годы.

Table 2

Participation of rural schools in the Republic of Crimea in the preparation and implementation of school participatory budgeting projects for 2023-2025.

Год	Число сельских школ в регионе	Подано проектов на конкурс	Число проектов-победителей	В %	Реализовано проектов	Общая стоимость, млн руб.
2023	335	204	177	96,6	204	66,1
2024	335	286	220	76,9	286	77,0
2025	335	290	236	81,4	В стадии реализации	88,0
Итого	335	778	653	83,9		231,1

На основе данных, приведенных в табл. 3, видно, что сельские школы Крыма-участники проекта ШКИБ, получили дополнительно из регионального и местного бюджетов за три года 233, 1 млн руб. денежных средств кроме тех, что были запланированы ежегодными бюджетами Министерства образования республики. Среди предусмотренных «Положением о реализации проектов ШКИБ» направлений лидерами стали такие направления, как создание зон отдыха и радио-медиа-студий.

Для написания данной статьи важно было определить глобальное отличие двух данных направлений проектной деятельности. При обработке полученных результатов возник ряд важных вопросов, ответы на которые еще предстоит получить и проанализировать. Это такие вопросы, как:

1. Каковы реальные возможности школ для реализации всех (?) создаваемых выпускниками 9-х и 11-х классов проектов: материальные, трудовые и т.д.

2. Есть ли необходимость в реализации всех создаваемых ежегодно ИИП?

3. Есть ли вообще целесообразность и необходимость в ИИП в подростковом возрасте в предлагаемой Министерством образования форме?

4. Допустимо ли введение конкурсной системы отбора проектов в школе и реализация только проектов-победителей?

5. Может ли школа сама определять максимальное число проектов-победителей (с учетом своих финансовых и ресурсных возможностей)

Авторы оставляют эти вопросы научному сообществу для обсуждения.

Выводы

Анализ итогов проектной деятельности в рамках школьного инициативного бюджетирования в Республике Крым [3], лучших практик школьного инициативного бюджетирования в других регионах России и итогов проекта ШКИБ в целом позволяет возможным и правильным считать, что:

1. В рамках ШКИБ у старшеклассников формируются такие метапредметные действия, как:

- осознания реальных проблем школьной жизни;
- ранжирования проблем по важности решения;
- определения конкретных целей для решения проблем;
- расчета определенных шагов (этапов) решения;
- расчета необходимых ресурсов (средств, сил) для решения проблем;
- оформления и публичной презентации проекта (на конкурсной основе).

2. Школьное инициативное бюджетирование способствует формированию и дальнейшему развитию всех видов функциональной грамотности: понимание смысла проекта, его значение и перспективы, условий конкурса (читательская грамотность); выбор наиболее значимого проекта среди предложенных в рамках делового конструктивного диалога (коммуникативные навыки, языковая грамотность); создание видеороликов и презентаций проекта (креативность и компьютерная грамотность); составление плана реализации проекта и сметы проекта (математическая, финансовая грамотность); включение экологического фактора, его учет при создании и реализации проекта, применительно к территории создания (естественно-научная грамотность).

3. Учитывая опыт более 60 регионов Российской Федерации, принимающих участие в реализации проектов ШКИБ, можно с уверенностью говорить, что данная программа может быть успешно реализована как часть, так и самостоятельный курс в рамках программы формирования универсальных учебных действий у обучающихся как части основной образовательной программы ООО и СОО.

4. Опираясь на опыт введения школьного инициативного бюджетирования в учебных учреждениях образования Российской Федерации в целом и Республики Крым [16] в частности, отметим, что ученики - подростки 8-11 классов, участники ШКИБ - заинтересованы в данном формате создания индивидуального итогового проекта, поскольку получают определенную степень свободы в выборе цели и путей достижения этой цели.

5. Модель обучения созданию проектов, предлагаемая программой ШКИБ, является практикой ориентированной. Все проекты, создаваемые в рамках программы, могут быть реализованы и реализуются в учебных заведениях, улучшая условия обучения, как материальные, так и социально-психологические.

6. Эффективность обучения повышается за счет того, что команда подбирается самими учениками из числа единомышленников, принимающих и поддерживающих выдвинутую идею, готовых взаимодействовать для ее достижения с другими группами, защищать идею перед взрослыми, педагогами, родителями.

7. В реализацию проектов ШКИБ вовлечены и родители обучающихся, и педагоги, и администрация. Умение совместно работать в рамках проекта разрушает стереотипы участников в отношении друг к другу и способствует дальнейшему сотрудничеству.

8. Регионам и школам не нужно создавать какие-то особые документы или нормативные акты: они уже разработаны в рамках ШКИБ и их можно взять за основу, чтобы сделать данную программу частью школьной программы формирования универсальных учебных действий.

Включение теоретических и практических наработок всероссийского проекта ШКИБ в часть школьной программы может стать существенным прорывом в понимании проектной деятельности как педагогами, так и учениками и родителями. Чтобы получить подтверждение наших слов, достаточно зайти в любые мессенджеры, в которых есть школьные сообщества и убедиться, насколько запутана система работы над ИИП и насколько хорошо ориентированы все стороны учебно-воспитательного процесса, включая родительскую общественность, в работе над проектами ШКИБ.

Список источников

1. Авдулова Т.П. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 394 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-9916-9438-4 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/560490> (дата обращения: 17.03.2025)
2. Андреев В.И. Педагогическая эвристика для творческого саморазвития многомерного мышления и мудрости: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. 288 с. ISBN 978-5-93962-690-3
3. Анохина И.А. Школьное инициативное бюджетирование в Крыму: итоги 3-х лет/ Педагогический потенциал проектов школьного инициативного бюджетирования (ШКИБ) https://minfin.rk.gov.ru/uploads/minfin/container/2025/01/23/2025-01-23-18-12-42_АнохинаИ.А.pdf
4. Батурина Г.И., Кузина Т.Ф. Народная педагогика в современном учебно-воспитательном процессе: пособие для педагогов. М.: Школьная пресса, 2003. 144 с.
5. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 209 с.
6. Ермаков Д.С. Персонализированная модель образования: развитие гибких навыков // Образовательная политика. 2020. № 1 С. 104 – 112.
7. Ермаков Д.С. Гибкие навыки в школьном образовании // Народное образование. 2020 № 5. С. 165 – 172.
8. Иванов И.П. Созидание: теория и методика воспитания. СПб.: Аверс, 2003. 504 с.
9. Карабанова О.А. Что такое универсальные учебные действия и зачем они нужны // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2010. № 2. С. 11 – 12.
10. Коротаева Е.В. Педагогическое взаимодействие: опыт проблемного анализа: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 276 с.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 126 с.
12. Маслоу А. Мотивация и личность. Питер: Издание 3, 2014. 349 с.
13. Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возраста: учебник для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2023. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-16443-5 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/531072> (дата обращения: 03.09.2025). 352 с.
14. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: изд. центр «Академия», 2022. 456с.
15. Низовских Н.А. Психосоматическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 25 – 37.
16. Открытый бюджет Республики Крым/школьное инициативное бюджетирование: аналитика Актуальная ссылка: <https://shkib.budget.rk.ifinmon.ru/>
17. Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогика творчества. М., 1976. 304 с.
18. Психология. А-Я. Словарь-справочник: пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС. Майк Кордуэлл. 2000. 198 с.
19. Коротаева Е.В., Аракелова Т.Л., Безродных Т.В. и др. Теория и практика педагогических взаимодействий в современной системе образования: монография / под ред. Е.В. Коротаевой, Центр развития науч. сотрудничества. Новосибирск: ЦРНС, 2010. 168 с. ил., портр., табл.; 20. ISBN 978-5-94301-097-2.
20. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 446 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-20205-2 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/560427> (дата обращения: 17.03.2025)
21. Хилько М.Е. Возрастная психология: краткий курс лекций. М.: Изд-во Юрайт, 2012. 194 с.
22. Шевелев М.А. Теоретические основы школьного инициативного бюджетирования. https://nkalami-sh6.gosuslugi.ru/netcat_files/230/3116/Teoreticheskie_osnovy_Shkib.pdf
23. Ширяева Н.В. Роль современной школы в социализации личности: проблемы и противоречия // Вестник Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова Текст: журнал / М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО., 2007. № 2. С. 289 – 291.
24. Щуркова Н.Е. Воспитание: новый взгляд с позиции культуры. М., 1997. 78 с.

References

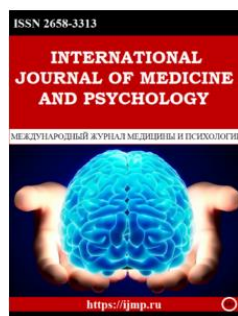
1. Avdulova T.P. Psychology of Adolescence: A Textbook and Workshop for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 394 p. (Higher Education). ISBN 978-5-9916-9438-4. Yurait Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/560490> (date of access: 17.03.2025)
2. Andreev V.I. Pedagogical Heuristics for Creative Self-Development of Multidimensional Thinking and Wisdom: A Monograph. Kazan: Center for Innovation Technologies, 2015. 288 p. ISBN 978-5-93962-690-3
3. Anyukhina, I.A. School Participatory Budgeting in Crimea: Results of Three Years. Pedagogical Potential of School Participatory Budgeting (ShkIB) Projects https://minfin.rk.gov.ru/uploads/minfin/container/2025/01/23/2025-01-23-18-12-42_АнюхинаИ.А.pdf
4. Baturina G.I., Kuzina T.F. Folk Pedagogy in the Modern Educational Process: A Handbook for Teachers. Moscow: Shkolnaya Pressa, 2003. 144 p.
5. Bozhovich L.I. Selected Psychological Works. Problems of Personality Formation. edited by D.I. Feldshtein. Moscow: International Pedagogical Academy, 1995. 209 p.
6. Ermakov D.S. Personalized Education Model: Developing Flexible Skills. Educational Policy. 2020. No. 1. P. 104 – 112.
7. Ermakov D.S. Flexible Skills in School Education. Public Education. 2020. No. 5. P. 165 – 172.
8. Ivanov I.P. Creation: Theory and Methodology of Education. St. Petersburg: Avers, 2003. 504 p.
9. Karabanova O.A. What Are Universal Learning Activities and Why Are They Needed. Municipal Education: Innovations and Experiments. 2010. No. 2. P. 11 – 12.
10. Korotaeva E.V. Pedagogical Interaction: An Experience of Problem Analysis: Monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2008. 276 p.
11. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1975. 126 p.
12. Maslow A. Motivation and Personality. Piter: 3rd Edition, 2014. 349 p.
13. Molchanov S.V. Psychology of Adolescence and Young Adulthood: A Textbook for the Academic Bachelor's Degree. Moscow: URAYT Publishing House, 2023. (Higher Education). ISBN 978-5-534-16443-5. URAYT Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/531072> (date of access: 03.09.2025). 352 p.
14. Mukhina V.S. Age Psychology: The Phenomenology of Development, Childhood, Adolescence. Moscow: Publishing Center "Academy", 2022. 456 p.
15. Nizovskikh N.A. A Psychosomatic Study of Value-Motivational Orientations of the Individual. Psychological Journal. 2005. No. 3. P. 25 – 37.
16. Open Budget of the Republic of Crimea/School Participatory Budgeting: Analytics. Current link: <https://shkib.budget.rk.ifinmon.ru/>
17. Ponomarev Ya. A. Psychology of Creativity and Pedagogy of Creativity. Moscow, 1976. 304 p.
18. Psychology. A-Z. Dictionary and Reference Book: translated from English by K.S. Tkachenko. Moscow: FAIR-PRESS. Mike Cordwell. 2000. 198 p.
19. Korotaeva E.V., Arakelova T.L., Bezrodnykh T.V., et al. Theory and Practice of Pedagogical Interactions in the Modern Education System: Monograph. ed. E.V. Korotaeva, Center for the Development of Scientific Cooperation. Novosibirsk: CRNS, 2010. 168 p. ill., port., table; 20. ISBN 978-5-94301-097-2.
20. Tolstykh N.N., Prikhozhan A.M. Psychology of Adolescence: Textbook and Workshop for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 446 p. (Higher Education). ISBN 978-5-534-20205-2. Yurait Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/560427> (date of access: 17.03.2025)
21. Khilko M.E. Age Psychology: A Short Course of Lectures. Moscow: Yurait Publishing House, 2012. 194 p.
22. Shevelev M.A. Theoretical Foundations of School Participatory Budgeting. https://nkalami-sh6.gosuslugi.ru/netcat_files/230/3116/Teoreticheskie_osnovy_Shkib.pdf
23. Shiryaeva N.V. The Role of Modern School in the Socialization of the Individual: Problems and Contradictions. Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov Text: journal. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, FGBOU HPE., 2007. No. 2. P. 289 – 291.
24. Shchurkova N.E. Education: A New Look from the Position of Culture. Moscow, 1997. 78 p.

Информация об авторах

Анюхина И.А., старший научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, SPIN-код: 2585-4717, anuy-anna@yandex.ru

Кропотова Н.В., кандидат филологических наук, начальник Центра изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, SPIN-код: 9863-6838, hilal@mail.ru

© Анюхина И.А., Кропотова Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.31

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-355-361

¹ Богославская К.Э.,

¹ Макарова Е.А.,

¹ Таганрогский институт управления и экономики

Актуальные проблемы формирования профессионально-ценностных ориентаций обучающихся юридического профиля и пути их решения

Аннотация: в работе рассматриваются актуальные проблемы формирования ценностных ориентаций обучающихся юридического профиля, включающих такие ключевые категории, как ответственность, справедливость, законность и социальная активность. Подчеркивается роль профессионально-ценностных ориентаций в профессиональном становлении будущих юристов, формировании их профессиональной идентичности и правовой культуры. Анализируются современные вызовы юридического образования, связанные с формализацией учебного процесса, несоответствием декларативных ценностей права реальной практике, а также влиянием цифровизации и социальных трансформаций на ценностные установки молодежи. Особое внимание уделяется педагогическим и организационным механизмам формирования ценностных ориентаций, таким, как совершенствованию содержания юридического образования с акцентом на аксиологические компоненты, применению активных и практико-ориентированных технологий (кейс-метод, юридические клиники, моделирование судебных процессов), развитию социальной активности через волонтерские и правозащитные проекты, роли наставника и преподавателя, интеграции цифровых образовательных платформ, а также мониторингу и оценке эффективности ценностного развития студентов. Выявляются перспективные направления дальнейшего развития системы юридического образования, включая междисциплинарный подход и взаимодействие вузов с профессиональным юридическим сообществом. Представленные выводы имеют теоретическую значимость для изучения ценностных ориентаций в юридическом образовании и практическую ценность для совершенствования образовательных программ и формирования профессионально-нравственных компетенций будущих юристов.

Ключевые слова: ценностные ориентации, юридическое образование, правовая культура, междисциплинарный подход

Для цитирования: Богославская К.Э., Макарова Е.А. Актуальные проблемы формирования профессионально-ценностных ориентаций обучающихся юридического профиля и пути их решения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 355 – 361. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-355-361

Поступила в редакцию: 4 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ *Bogoslavskaya K.E.,*

¹ *Makarova E.A.,*

¹ *Taganrog Institute of Management and Economics*

Current issues in the development of professional and value orientations of students majoring in law and ways to solve them

Abstract: this article examines current issues in developing value orientations in law students, including key categories such as responsibility, justice, legality, and social activism. The role of professional value orientations in the professional development of future lawyers, the formation of their professional identity and legal culture is emphasized. It analyzes contemporary challenges in legal education related to the formalization of the educational process, the discrepancy between declarative legal values and actual practice, and the impact of digitalization and social transformation on young people's value systems. Particular attention is paid to pedagogical and organizational mechanisms for developing value orientations: improving the content of legal education with an emphasis on axiological components, the use of active and practice-oriented technologies (case studies, legal clinics, trial simulations), the development of social activism through volunteer and human rights projects, the roles of mentors and teachers, the integration of digital educational platforms, and monitoring and evaluating the effectiveness of students' value development. Promising areas for the further development of the legal education system are identified, including an interdisciplinary approach and interaction between universities and the professional legal community. The findings presented have theoretical significance for the study of value orientations in legal education and practical value for improving educational programs and developing the professional and ethical competencies of future lawyers.

Keywords: value orientations, legal education, legal culture, interdisciplinary approach

For citation: Bogoslavskaya K.E., Makarova E.A. Current issues in the development of professional and value orientations of students majoring in law and ways to solve them. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2026. 9 (4). P. 355 – 361. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-355-361

The article was submitted: February 4, 2026; Approved after reviewing: April 2, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

К числу базовых профессиональных ценностей юриста относятся законность как безусловное признание верховенства права, справедливость как стремление к соразмерности и нравственной обоснованности правовых решений, ответственность как осознание последствий своей профессиональной деятельности и готовность отвечать за принятые решения, а также социальная активность, проявляющаяся в гражданской позиции и участии в правозащитной деятельности. Данные ценности формируют аксиологическое ядро профессиональной идентичности юриста и определяют его поведение в правоприменительной практике. Важной особенностью ценностных ориентаций юриста является их нормативно-этический характер. Профессиональные ценности закрепляются не только на уровне личных убеждений, но и в профессиональных кодексах, этических стандартах и правовых нормах, что усиливает их регулятивную функцию.

Практико-ориентированные формы обучения, такие, как юридические клиники, моделирование судебных процессов, анализ реальных правовых ситуаций, способствуют не только закреплению профессиональных навыков, но и формированию ценностей ответственности, справедливости и социальной активности. Включение студентов в решение социально значимых правовых задач позволяет им осознать последствия юридической деятельности и сформировать устойчивую мотивацию к служению обществу. Вместе с тем, современная система юридического образования сталкивается с рядом противоречий, связанных с доминированием формализованного подхода к обучению, ориентацией на тестирование и снижение роли воспитательной составляющей. В условиях стандартизации образовательного процесса существует риск подмены ценностного формирования формальным усвоением норм и правил, что может негативно отражаться на уровне профессионального правосознания выпускников.

Целью исследования является выявление эффективных методов формирования профессионально-ценностных ориентаций обучающихся юридического профиля.

Материалы и методы исследований

В данной работе используются теоретические методы анализа и синтеза научной литературы, методы индукции и дедукции.

Результаты и обсуждения

Современный этап развития юридического образования характеризуется усложнением социальных запросов к профессиональной деятельности юриста и одновременным усилением противоречий в системе его подготовки. С одной стороны, общество ожидает от выпускников юридических вузов высокого уровня правовой культуры, устойчивых ценностных ориентиров, способности к ответственному и справедливому правоприменению. С другой стороны, реальные условия образовательного процесса и социально-правовой практики нередко препятствуют полноценному формированию данных качеств, что обуславливает актуальность анализа ключевых проблем формирования ценностных ориентаций студентов юридического профиля.

Одной из ключевых проблем формирования ценностных ориентаций обучающихся юридического профиля является тенденция к формализации образовательного процесса, проявляющаяся в доминировании стандартизированных форм обучения, ориентации на количественные показатели успеваемости и снижении внимания к воспитательному аспекту профессиональной подготовки. В условиях реализации федеральных образовательных стандартов акцент зачастую смещается в сторону формального освоения компетенций, что ограничивает возможности целенаправленного формирования ценностно-нравственной сферы личности студента [2, с. 5]. Не менее значимой проблемой формирования ценностных ориентаций будущих юристов является противоречие между декларируемыми в образовательном процессе правовыми ценностями и реальной юридической практикой, с которой студенты сталкиваются в ходе обучения и профессиональной социализации. В рамках юридического образования транслируются идеалы законности, справедливости, равенства всех перед законом и приоритета прав человека, однако в реальной правоприменительной практике данные принципы нередко реализуются непоследовательно или формально. По мнению Ю.А. Тихомирова, возникает когнитивный и нравственный диссонанс между усваиваемыми в процессе обучения идеалами и наблюдаемой практикой, что может приводить к разочарованию в профессии, снижению мотивации к служению общественным интересам и формированию профессионального цинизма [5, с. 1169].

Одной из актуальных проблем формирования ценностных ориентаций студентов юридического профиля является недостаточный уровень их социальной активности и гражданской вовлеченности. Несмотря на то, что юридическая профессия по своей природе ориентирована на общественное служение и защиту публичных интересов, значительная часть студентов демонстрирует пассивную позицию по отношению к социально значимым и правозащитным инициативам. Результаты эмпирических исследований, проведенных в российских вузах, свидетельствуют о том, что участие студентов-юристов в волонтерской, правопросветительской и общественной деятельности носит эпизодический характер и чаще обусловлено внешними стимулами (учебные требования, зачетные мероприятия), нежели внутренней ценностной мотивацией [4, с. 117]. При этом, ценность социальной активности нередко уступает место прагматическим ориентациям, связанным с карьерным ростом и материальным благополучием. Недостаточная сформированность социальной активности негативно отражается на развитии таких профессионально значимых ценностей, как ответственность и справедливость.

Еще одной значимой проблемой является недостаточная интеграция этико-правовых и аксиологических компонентов в содержание образовательных программ юридического профиля. Несмотря на наличие дисциплин, связанных с профессиональной этикой и философией права, они зачастую рассматриваются студентами как второстепенные по отношению к «профильным» юридическим предметам [9, с. 87]. Эмпирические исследования К. Керригана и Л. Мюррея в сфере юридического образования [8, с. 49-51] указывают на то, что этические и ценностные вопросы редко интегрируются в изучение отраслевых дисциплин, что препятствует формированию целостного профессионального мировоззрения. В результате ценности справедливости и ответственности остаются абстрактными и не связываются студентами с конкретными правовыми ситуациями. Помимо этого, одной из наиболее тревожных тенденций в системе юридического образования является формирование элементов деформированного правового сознания и профессионального цинизма уже на этапе обучения в вузе. Данная проблема широко рассматривается в трудах отечественных правоведов и психологов [1, с. 5; 6, с. 287-289] которые связывают ее с совокупным воздействием формализованного образования, противоречивой правоприменительной практики и негативных профессиональных стереотипов. Профессиональный цинизм проявляется в утрате веры в ценности справедливости и законности, восприятии права исключительно как инструмента достижения личных или корпоративных интересов.

Особо актуализируется задача формирования цифровой педагогической культуры преподавателей юридических вузов, способных использовать цифровые платформы как средство ценностного развития, а не исключительно как инструмент трансляции информации. Как подчеркивают Е.А. Макарова и И.В. Гаркуша, данные навыки формируют цифровые компетенции педагогов, которые представляют собой цифровую грамотность педагогов, обеспечивающую продуманное, безопасное и гибкое улучшение процесса традиционного, онлайн- и гибридного обучения. Они во многом зависят от национальной образовательной политики и стратегий обучения, доступности технологий, инвестиций в образование, социально-экономических условий, профессионального развития учителей, культурных и общественных ценностей и многих других факторов [3, с. 20].

Анализ актуальных проблем формирования ценностных ориентаций студентов юридического профиля позволяет сделать вывод о необходимости перехода от констатации дефицитов к разработке и реализации системных педагогических решений. Формирование ценностей ответственности, справедливости, законности и социальной активности не может носить стихийный характер и требует целенаправленного педагогического воздействия, интегрированного в содержание, технологии и организацию юридического образования.

Эффективное формирование ценностных ориентаций студентов юридического профиля невозможно без использования активных и практико-ориентированных образовательных технологий, позволяющих включить обучающихся в ситуацию профессионального выбора и ответственности. Эмпирические исследования в области контекстного и деятельностного обучения [7, с. 44-45; 10, с. 155-157] подтверждают, что ценности формируются преимущественно в процессе личностно значимой деятельности, а не в ходе пассивного усвоения информации. Кейс-метод широко применяется в юридическом образовании как средство формирования профессионального мышления и ценностной рефлексии. Анализ конкретных правовых ситуаций, включающих морально-нравственные дилеммы, способствует осмыслению студентами принципов справедливости, законности и ответственности.

Юридические клиники рассматриваются как одна из наиболее эффективных форм практико-ориентированного обучения, обеспечивающая прямое включение студентов в социально значимую правовую деятельность. Эмпирические исследования [2, с. 118] свидетельствуют о том, что участие в работе юридических клиник способствует развитию социальной активности, гражданской ответственности и профессиональной эмпатии. Работа с реальными правовыми проблемами граждан позволяет студентам осознать социальные последствия юридической деятельности и сформировать ориентацию на служение обществу.

Моделирование судебных процессов («мут-корты») также обладает высоким воспитательным потенциалом. Данная технология позволяет студентам примерить на себя различные профессиональные роли, осмыслить принципы состязательности, равенства сторон и справедливости судебного разбирательства. Ю.А. Тихомиров отмечает, что участие в моделировании судебных процессов способствует развитию правовой культуры и укреплению ценности законности как основы профессиональной деятельности юриста [5, с. 1169].

В свою очередь, современные исследования в области педагогики высшего образования подчеркивают, что разрыв между обучением и воспитанием приводит к фрагментарности профессионального развития личности [4, с. 120]. По мнению М.А. Артемьевой, целенаправленная воспитательная работа, интегрированная в образовательный процесс, способствует формированию устойчивых ценностей ответственности, справедливости и социальной активности. Важную роль в данном процессе играет организация внеучебной деятельности студентов, включающей научные дискуссии, правозащитные проекты, волонтерскую деятельность и профессионально ориентированное наставничество [1, с. 8].

Особое значение имеет формирование в образовательной среде ВУЗа ценностно ориентированного профессионального сообщества, в рамках которого преподаватели выступают носителями и трансляторами профессионально-нравственных идеалов. Исследования показывают, что личностный пример преподавателя оказывает существенное влияние на формирование ценностных ориентаций студентов, усиливая воспитательный потенциал образовательного процесса.

Развитие социальной активности у студентов-юристов рассматривается в современной науке как значимый компонент формирования профессиональных ценностных ориентаций, в том числе ответственности и социальной справедливости. Волонтерские и правозащитные проекты способствуют трансформации абстрактных юридических знаний в реальные социально значимые действия, укрепляя гражданскую позицию и повышая правовую компетентность обучающихся. Законодательные инициативы в России, такие как федеральный проект «Социальная активность» (нацпроект «Образование»), создают системные условия для

вовлечения молодежи в общественно полезные проекты, включая волонтерские программы и поддержку студенческих инициатив.

Следующим перспективным направлением укрепления системы формирования ценностных ориентаций студентов юридического профиля является расширение взаимодействия образовательных организаций с профессиональным юридическим сообществом. Современные исследования подтверждают, что взаимодействие ВУЗа с профессиональными структурами – адвокатскими коллегиями, судами, правозащитными организациями, прокуратурой – способствует повышению качества юридического образования и развитию профессионально-нравственных ценностей у студентов. В российских реалиях примеры взаимодействия вузов с профессиональным сообществом включают совместные образовательные мероприятия, практические стажировки, участие студентов в экспертных группах и обсуждениях актуальных правоприменительных проблем.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть проблемы формирования ценностных ориентаций у студентов юридического профиля, выявить их актуальные деформации и разработать предложения по совершенствованию педагогических условий и механизмов формирования профессионально значимых ценностей. На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований, а также эмпирических данных, можно сделать ряд выводов, имеющих как научное, так и практическое значение.

Во-первых, ценностные ориентации студентов-юристов (ответственность, справедливость, законность и социальная активность) играют ключевую роль в формировании профессиональной идентичности, правовой культуры и нравственной устойчивости будущих специалистов. Недостаточная сформированность рассматриваемых ценностей приводит к снижению мотивации к соблюдению профессиональных и этических норм, формированию формализованного отношения к праву и уменьшению социальной активности студентов. В современных условиях, когда юридическая практика требует не только знаний, но и готовности принимать ответственные решения в сложных морально-правовых ситуациях, актуальность данной проблемы усиливается.

Во-вторых, анализ проблем формирования ценностных ориентиров выявил несколько системных факторов, оказывающих негативное воздействие: формализация образовательного процесса, низкая интеграция воспитательных и образовательных функций вузов, противоречие между декларативными ценностями права и реальной практикой, ограниченная вовлеченность студентов в социально-значимые проекты. Эти наблюдения подтверждаются как отечественными, так и зарубежными исследованиями, отражающими необходимость пересмотра традиционных моделей юридического образования и усиления аксиологической составляющей учебного процесса.

В-третьих, исследование показало, что эффективность формирования ценностных ориентиров существенно повышается при использовании комплексных педагогических механизмов. К ним относятся: совершенствование содержания юридического образования с включением ценностно-нормативных компонентов, активные и практико-ориентированные образовательные технологии (кейс-метод, юридические клиники, моделирование судебных процессов), интеграция воспитательной и образовательной функций в вузе, развитие социальной активности через волонтерские и правозащитные проекты, а также целенаправленная работа наставников и преподавателей как профессиональных ролевых моделей. Доказано, что внедрение цифровых образовательных платформ и рефлексивных практик способствует осознанному усвоению ценностей и формированию профессиональной идентичности.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что формирование ценностных ориентаций студентов юридического профиля требует комплексного системного подхода, объединяющего теоретические, практические и организационные меры. Эффективная реализация этих механизмов позволяет не только повысить качество профессиональной подготовки, но и укрепить нравственные и социальные основания деятельности будущих юристов, что напрямую влияет на правовую культуру общества и доверие граждан к правовым институтам.

В практическом аспекте результаты исследования могут быть использованы для совершенствования образовательных программ юридических вузов, разработки интерактивных и практико-ориентированных методик, цифровых платформ и программ наставничества, направленных на ценностное развитие студентов. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знаний о ценностных ориентирах юристов, выявлении механизмов их формирования и интеграции этих механизмов в современное юридическое образование.

В целом, исследование подтверждает необходимость перехода от формально-информационной модели подготовки к аксиологически ориентированной системе юридического образования, где ценности выступают фундаментальной основой профессиональной и личностной подготовки студентов, способных эффективно и ответственно выполнять социально значимые функции юриста в современном обществе.

Список источников

1. Артемьева М.А. Проблема профессионального воспитания будущих юристов в образовательном процессе вуза // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. № 6. С. 2 – 9.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки бакалавра и магистра «Психология» и психологическим специальностям. М.: Академия, 2021. 239 с.
3. Макарова Е.А., Гаркуша И.В. Цифровая коммуникация и цифровая грамотность педагогов и учащихся в XXI веке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2025. № 1 (353). С. 13 – 23.
4. Подлиняев О.Л., Кузьмин И.А. Личностно-профессиональное мировоззрение студентов юридических вузов: проблемы и перспективы развития // Образование и право. 2022. № 1. С. 115 – 122.
5. Тихомиров Ю.А. Правовое сознание в условиях социальной динамики // Вестник РАН. 2022. № 12 (90). С. 1164 – 1171.
6. Хуторской А.В. Современная дидактика. М.: Издательство Юрайт, 2026. 406 с.
7. Boon M., Whyte C. Interdisciplinary Legal Education: A Global Perspective on Training Lawyers for Social Justice // Journal of Legal Education. 2023. № 1 (72). P. 43 – 50.
8. Kerrigan K., Murray L. Virtual Law Clinics and Social Justice: Digital Transformation of Clinical Legal Education // International Journal of Clinical Legal Education. 2024. № 1 (31). P. 47 – 53.
9. Mintz K. Mentorship and Ethical Development: The Impact of Professional Engagement on Law Students' Values // Legal Ethics Journal. 2024. № 3 (15). P. 86 – 94.
10. Trevino L.K., Nelson K.A. Trevino, Nelson 2023. Managing Business Ethics: Straight Talk about How to Do It Right. 8th ed. Hoboken: Wiley, 2023. 480 p.

References

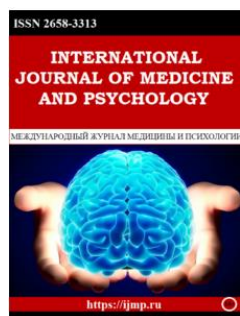
1. Artemyeva M.A. The Problem of Professional Education of Future Lawyers in the Educational Process of a University. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. No. 6. P. 2 – 9.
2. Zeer E.F. Psychology of Professional Development: A Textbook for Students of Higher Education Institutions Studying in the Bachelor's and Master's Degrees "Psychology" and Psychology Specialties. Moscow: Academy, 2021. 239 p.
3. Makarova E.A., Garkusha I.V. Digital Communication and Digital Literacy of Teachers and Students in the 21st Century. Bulletin of Adyghe State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2025. No. 1 (353). P. 13 – 23.
4. Podlinyaev O.L., Kuzmin I.A. Personal and Professional Worldview of Law Students: Problems and Development Prospects. Education and Law. 2022. No. 1. P. 115 – 122.
5. Tikhomirov Yu. A. Legal Consciousness in the Context of Social Dynamics. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 12 (90). P. 1164 – 1171.
6. Khutorskoy A. V. Modern Didactics. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 406 p.
7. Boon M., Whyte C. Interdisciplinary Legal Education: A Global Perspective on Training Lawyers for Social Justice. Journal of Legal Education. 2023. No. 1 (72). P. 43 – 50.
8. Kerrigan K., Murray L. Virtual Law Clinics and Social Justice: Digital Transformation of Clinical Legal Education. International Journal of Clinical Legal Education. 2024. No. 1 (31). P. 47 – 53.
9. Mintz K. Mentorship and Ethical Development: The Impact of Professional Engagement on Law Students' Values. Legal Ethics Journal. 2024. No. 3 (15). P. 86 – 94.
10. Trevino L.K., Nelson K.A. Trevino, Nelson 2023. Managing Business Ethics: Straight Talk about How to Do It Right. 8th ed. Hoboken: Wiley, 2023. 480 p.

Информация об авторах

Богославская К.Э., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7947-7786>, Таганрогский институт управления и экономики, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 45, bogoslavskaya.01@mail.ru

Макарова Е.А., доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, makarova.h@gmail.com

© Богославская К.Э., Макарова Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-362-367

¹ **Сокольникова Н.Р.,**

¹ **Елизарова Е.Б.,**

¹ *Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Аутоагрессия подростков как форма проявления виктимблейминга

Аннотация: в статье рассматривается проблема аутоагрессивного поведения подростков через призму интернализации виктимблейминга. Актуальность исследования обусловлена ростом аутоагрессивных проявлений в подростковой среде и недостаточной разработанностью механизмов их формирования. В исследовании приняли участие 37 подростков 15-17 лет. Использовались методика диагностики агрессивности (Л.Г. Почебут), методика исследования виктимного поведения (О. О. Андронниковой) и авторская анкета самовиктимблейминга. Применялись метод коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Выявлена сильная положительная связь между самовиктимблеймингом и аутоагрессией ($r_s = 0,83$; $p < 0,01$). Установлено, что самовиктимблейминг выступает значимым предиктором аутоагрессивного поведения. Показано, что он связан преимущественно с пассивно-деструктивными формами виктимности.

Полученные результаты позволяют рассматривать самовиктимблейминг как самостоятельный психологический конструкт, выступающий связующим звеном между виктимностью и аутоагрессией.

Ключевые слова: аутоагрессия, виктимность, виктимблейминг, самовиктимблейминг, подростки

Для цитирования: Сокольникова Н.Р., Елизарова Е.Б. Аутоагрессия подростков как форма проявления виктимблейминга // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 362 – 367. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-362-367

Поступила в редакцию: 6 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Sokolnikova N.R.,**

¹ **Elizarova E.B.,**

¹ *Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov*

Adolescent autoaggression as a form of victimblaming

Abstract: the article examines the problem of autoaggressive behavior of adolescents through the prism of internalization of victimblaming. The relevance of the study is due to the growth of autoaggressive manifestations in the adolescent environment and the lack of elaboration of the mechanisms of their formation. The study involved 37 adolescents aged 15-17 years. The method of aggression diagnosis (L.G. Pochebut), the method of victim behavior research (O.O. Andronnikova) and the author's self-victimization questionnaire were used. The method of the coefficient of rank correlation H. Spearman's was applied.

A strong positive association was found between self-victimization and autoaggression ($r_s = 0.83$; $p < 0.01$). It has been established that self-victimization is a significant predictor of autoaggressive behavior. It is shown that it is mainly associated with passive-destructive forms of victimization.

The results obtained allow us to consider self-victimization as an independent psychological construct acting as a link between victimization and autoaggression.

Keywords: autoaggression, victimhood, victimblaming, self-victimblaming, teenagers

For citation: Sokolnikova N.R., Elizarova E.B. Adolescent autoaggression as a form of victimblaming. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 362 – 367. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-362-367

The article was submitted: February 6, 2026; Approved after reviewing: April 3, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В последние годы проблема аутоагрессивного поведения подростков приобретает всё большую актуальность в связи с ростом распространённости самоповреждающих практик и повышенным вниманием к вопросам психического здоровья молодёжи. В рамках психологических исследований аутоагрессия традиционно рассматривается через призму индивидуальных и социальных факторов, включая особенности самоотношения, эмоциональной регуляции и условия социализации.

Одновременно с этим в научном дискурсе активно изучается феномен виктимблейминга, понимаемый как перенос ответственности за негативные события на пострадавшего [6]. Однако существующие исследования преимущественно фокусируются на его внешних проявлениях, рассматривая виктимблейминг как социально-психологическую практику, направленную на другого человека.

При этом значительно меньше внимания уделяется ситуации, в которой обвинительная установка направляется субъектом на самого себя. В подобных случаях человек, находясь в позиции жертвы, одновременно выступает и в роли обвиняющей стороны, приписывая себе ответственность за произошедшее. Несмотря на очевидную распространённость данного явления, в современной психологии отсутствует устоявшееся понятие, позволяющее описать этот процесс как целостный феномен.

Предполагается, что самовиктимблейминг выступает не только как форма самообвинения, но и как психологический механизм, связывающий виктимность и аутоагрессивное поведение. В этом случае виктимность задаёт предрасположенность к восприятию себя в роли жертвы, самовиктимблейминг – способ интерпретации этой позиции через призму самообвинения, а аутоагрессия – поведенческое выражение данного процесса.

Таким образом, возникает необходимость эмпирической проверки предположения о том, что самовиктимблейминг может рассматриваться как самостоятельный психологический конструкт, обладающий специфическими связями с аутоагрессией и виктимным поведением.

Цель исследования – определить роль самовиктимблейминга как психологического механизма, связанного с формированием аутоагрессивного поведения у подростков 15-17 лет.

Объект исследования – аутоагрессия как социально-психологическое явление, выражающееся в направленности агрессии подростка на самого себя.

Предмет исследования – взаимосвязь виктимности и аутоагрессии как специфической формы виктимблейминга у школьников старшего подросткового возраста.

Гипотеза исследования основывается на предположении о том, что существует связь между уровнем аутоагрессии подростков и уровнем их виктимности, что позволяет рассматривать аутоагрессию как форму проявления виктимблейминга (самовиктимблейминг).

Общий план и эмпирическая база исследования предусматривают диагностику уровня виктимности и аутоагрессии среди 37 учащихся МБОУ «СОШ №45» г. Владимира в возрасте 15-17 лет. Работа включает этапы теоретического анализа, диагностического обследования, обработки и интерпретации результатов, а также формулирование практических рекомендаций.

Научная новизна исследования заключается в обосновании и эмпирической проверке феномена самовиктимблейминга как самостоятельного психологического конструкта.

Предложено рассматривать виктимблейминг не только как внешнюю обвинительную практику, но и как процесс, имеющий внутренний вектор. По аналогии с дихотомией «агрессия – аутоагрессия» обосновано выделение самовиктимблейминга как направленного на себя виктимблейминга.

Показано, что самовиктимблейминг выступает связующим звеном между виктимностью и аутоагрессией и обладает специфическими связями с пассивно-деструктивными формами виктимного поведения.

К. Меннингер рассматривал аутоагрессию в широком смысле, включая в неё аскетизм, мученичество, алкогольную зависимость, антисоциальное поведение, самоповреждения и преднамеренные «несчастные случаи» [1]. А.А. Реан вводит понятие «аутоагрессивного паттерна личности», в который входят заниженная самооценка и сниженная способность к социальной адаптации; при этом аутоагрессия непосредственно связана с интроверсией, депрессивностью, педантичностью и невротичностью [1]. Среди социально-

психологических факторов формирования аутоагрессии у подростков на первом месте стоит семейная дезорганизация, на втором – школа. Косвенное аутодеструктивное поведение делится на активное (зависимости, экстремальные виды спорта) и пассивное (психосоматические проявления, бессознательный травматизм) [2]. Несуицидальное аутоагрессивное поведение охватывает различные формы самоповреждений. Согласно классификации, М. Стронга, выделяются значительные, стереотипные и поверхностные самоповреждения (порезы, вырывание волос, прижигания). К целям самоповреждающего поведения относятся снижение напряжения, устранение депрессии, самонаказание и призыв о помощи. Повторяющиеся самоповреждения закрепляются как поведенческая схема и могут приводить к непреднамеренной смерти [7].

В настоящем исследовании понятие виктимности используется не в криминологическом значении predisposedности становиться жертвой преступления, а в более широком социально-психологическом контексте – как устойчивая склонность личности оказываться в позиции потерпевшего в межличностных и средовых взаимодействиях, обусловленная совокупностью личностных, поведенческих и ситуационных факторов [8]. Мы рассматриваем виктимность как динамическую характеристику, проявляющуюся в трёх взаимосвязанных аспектах: когнитивном (убеждённость в собственной уязвимости и неспособности противостоять), эмоциональном (чувство беспомощности, стыда, страха) и поведенческом (пассивное принятие роли жертвы, отказ от самозащиты, а также – как показано в нашем исследовании – аутоагрессивные действия) [9]. Таким образом, для нас виктимность – это не пассивная характеристика, а активный психологический механизм, регулирующий восприятие и поведение подростка в ситуациях потенциальной или реальной угрозы.

Ключевым звеном, связывающим виктимность и аутоагрессию, выступает феномен интернализованного виктимблейминга. Классический (внешний) виктимблейминг – это проявление агрессии по отношению к жертве: обвинение, стигматизация, перенос ответственности [4]. Агрессивный импульс направлен на другого человека, пусть и находящегося в позиции страдающего. Однако, когда такие внешние обвинительные установки регулярно адресуются подростку из значимого окружения (семья, школа, сверстники) и усваиваются им, происходит их интериоризация. Внешняя агрессия превращается во внутреннюю: человек начинает применять к себе те же обвинения, которые раньше слышал от других. Возникает самовиктимблейминг – обвинение жертвой самой себя.

Поскольку исходный (внешний) виктимблейминг является формой агрессии (вербальной, моральной, социальной), его интернализованный вариант с неизбежностью становится аутоагрессией. Логика здесь прямая: если агрессия, направленная на жертву, есть виктимблейминг, то агрессия, направленная на себя в роли жертвы, есть самовиктимблейминг, который по определению является самоагрессией. Это позволяет утверждать, что за внешне схожими феноменами (самообвинение, чувство вины, самоповреждение) стоит единый психологический механизм: присвоение человеком агрессивных обвинительных установок, изначально исходивших от других, и обращение их против самого себя.

Материалы и методы исследований

В эмпирической части исследования изложены организация и методы исследования, направленного на проверку гипотезы о существовании связи между уровнем аутоагрессии и склонностью к самовиктимблеймингу у подростков старшего возраста. Эмпирическая база исследования – МБОУ «СОШ №45» г. Владимира. В исследовании приняли участие 37 подростков старшего возраста 15-17 лет. Целью эмпирического этапа является установление взаимосвязи между уровнем аутоагрессии и выраженностью склонности к самовиктимблеймингу у подростков, обучающихся в общеобразовательной школе. Для достижения этой цели был использован комплекс методов: теоретические (анализ, синтез, обобщение), эмпирические (стандартизованные тестовые методики и авторская анкета) и математико-статистические методы обработки данных (описательная статистика, коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена).

В качестве инструментов диагностики применялись:

1. Методика «Виды агрессивности» Л.Г. Почебут – стандартизированный опросник, направленный на диагностику различных форм агрессивного поведения личности, включая аутоагрессию. Опросник состоит из 40 утверждений, ответ «да»/«нет». Выделяются шкалы: вербальная агрессия, физическая агрессия, предметная агрессия, эмоциональная агрессия и самоагрессия (аутоагрессия) [5].

2. Методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой – опросник из 86 утверждений, позволяющий оценить выраженность типов виктимного поведения: реализованная виктимность, склонность к агрессивному виктимному поведению, склонность к самоповреждающему и саморазрушительному поведению, склонность к гиперсоциальному виктимному поведению, склонность к зависи-

мому и беспомощному поведению, склонность к некритичному поведению. В рамках исследования применялась, в частности, шкала самоповреждающего поведения [3].

3. Для диагностики склонности к самовиктимблеймингу была разработана и использована авторская анкета «Уровень склонности к самовиктимблеймингу». Анкета включает 12 описаний типичных для подростковой среды ситуаций (конфликты, изоляция, кражи, мошенничество, насилие). После каждой ситуации респондент оценивает степень согласия с утверждением «я во многом сам виноват в случившемся» по пятибалльной шкале Лайкерта. Инструмент позволяет количественно зафиксировать склонность к переносу ответственности на себя.

Важное терминологическое уточнение: в данной работе под «виктимблеймингом» в эмпирической части подразумевается именно самовиктимблейминг – склонность самого человека обвинять себя за негативные события, в которых он оказался в позиции жертвы. Классический внешний виктимблейминг не измерялся.

В ходе статистической обработки данных использован коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена (критическое значение $r_s=0,43$ для $p < 0,01$ при $N=37$).

Результаты и обсуждения

Результаты корреляционного анализа показали сильную положительную связь между самоагрессией и виктимблеймингом ($r_s = 0,83$, $p < 0,01$). Шкала самоагрессии (методика Л.Г. Почебут) фиксирует склонность направлять агрессию на себя: чувство вины, самообвинение, негативные самооценки. Авторская анкета самовиктимблейминга измеряет интернализированное самообвинение – устойчивое приписывание себе ответственности за негативные события. Коэффициент 0,83 означает, что чем сильнее подросток убежден в собственной виновности, тем более выражены у него аутоагрессивные тенденции, эти два феномена практически неразделимы.

Далее, самоагрессия продемонстрировала сильные и значимые корреляции с шкалой самоповреждающего поведения ($r_s = 0,864$), с зависимым поведением ($r_s = 0,802$) и с реализованной виктимностью ($r_s = 0,807$). Шкала самоповреждающего поведения (методика О.О. Андронниковой) диагностирует готовность к порезам, ожогам, ударам, а также рискованным действиям, угрожающим здоровью. Столь высокий коэффициент (0,864) показывает, что самоагрессия и самоповреждение практически сливаются – подросток, который говорит «я сам виноват» и режет себе руки, реализует одну психологическую логику самонаказания. Корреляция с зависимым поведением (беспомощность, неспособность противостоять, поиск «спасателя») – $r_s = 0,802$ – свидетельствует, что самообвинение и аутоагрессия значительно усиливают пассивно-зависимый паттерн. Корреляция с реализованной виктимностью (реальная частота попадания в ситуации жертвы) – $r_s = 0,807$ – означает, что интернализированная позиция действительно повышает объективный риск виктимизации: самообвинение снижает бдительность и самозащиту, а саморазрушающее поведение само создаёт травматичные ситуации.

В то же время связи самоагрессии с агрессивным виктимным поведением ($r_s = 0,166$), гиперсоциальным (инициативным) поведением ($r_s = 0,081$) и некритичным поведением ($r_s = 0,305$) оказались статистически незначимыми. Практически идентичная картина наблюдалась для виктимблейминга: сильные корреляции с самоповреждающим ($r_s = 0,874$), зависимым ($r_s = 0,76$) и реализованной виктимностью ($r_s = 0,764$) и отсутствие значимых связей с агрессивным ($r_s = 0,175$), гиперсоциальным ($r_s = 0,003$) и некритичным ($r_s = 0,166$) типами. Отсутствие значимых корреляций с агрессивным, гиперсоциальным и некритичным типами подчёркивает специфику изучаемого феномена: интернализированный виктимблейминг и аутоагрессия не связаны с агрессией на других, с демонстративным «спасением» или с простой наивностью. Проблема направлена строго внутрь личности.

Полученные результаты позволяют по-новому рассмотреть соотношение виктимблейминга, виктимности и аутоагрессии, сместив фокус анализа на феномен самовиктимблейминга как центральное звено данной системы. В отличие от традиционного подхода, в рамках которого виктимблейминг понимается исключительно как внешняя обвинительная практика, данные настоящего исследования указывают на существование его внутреннего, интернализированного варианта.

Выявленная высокая связь между склонностью к самообвинению и аутоагрессией свидетельствует о том, что самовиктимблейминг не сводится к отдельной когнитивной установке, а представляет собой более сложное образование, включающее как когнитивный, так и поведенческий компоненты. В этом контексте самообвинение выступает не только как способ интерпретации негативного опыта, но и как механизм, запускающий аутоагрессивные реакции, направленные на самонаказание.

С теоретической точки зрения, полученные данные позволяют провести структурную параллель между феноменами агрессии и виктимблейминга. Если агрессия может быть направлена как на другого, так и на

самого себя (аутоагрессия), то аналогичным образом виктимблейминг может иметь как внешний, так и внутренний вектор. В этом случае самовиктимблейминг можно определить, как направленный на себя виктимблейминг, при котором субъект одновременно занимает позицию жертвы и обвиняющей стороны.

Такая трактовка позволяет рассматривать самовиктимблейминг как связующее звено между виктимностью и аутоагрессией. Виктимность в данном случае выступает как предрасположенность к восприятию себя в роли жертвы, тогда как самовиктимблейминг задаёт способ интерпретации этой позиции через призму самообвинения. Аутоагрессия, в свою очередь, может рассматриваться как поведенческое выражение данного процесса, посредством которого интернализированные обвинительные установки реализуются в действиях, направленных на причинение вреда самому себе.

Дополнительным подтверждением данной логики является выявленная избирательность связей: самовиктимблейминг и аутоагрессия оказались тесно связаны именно с пассивно-деструктивными формами виктимного поведения (самоповреждение, зависимость, беспомощность) и не связаны с агрессивными или гиперсоциальными формами. Это указывает на существование специфического интрапсихического паттерна, в рамках которого деструктивные импульсы направляются не вовне, а внутрь личности.

Таким образом, самовиктимблейминг может быть рассмотрен не только как частный случай самообвинения, но как самостоятельный психологический конструкт, обладающий собственной структурой и функциями. Его ключевой особенностью является объединение когнитивного (самообвинение), эмоционального (чувство вины, стыда) и поведенческого (аутоагрессия) компонентов в единую систему, обеспечивающую воспроизводство виктимной позиции на внутреннем уровне.

Вместе с тем интерпретация полученных результатов требует учета ограничений исследования. Небольшой объем выборки и использование авторской анкеты предполагают необходимость дальнейшей проверки полученных закономерностей на более широких и репрезентативных выборках. Перспективным направлением дальнейших исследований является также уточнение структуры самовиктимблейминга и разработка валидных инструментов его диагностики.

Выводы

Полученные результаты полностью подтверждают исходную гипотезу исследования, согласно которой существует связь между уровнем аутоагрессии и уровнем виктимности, что позволяет рассматривать аутоагрессию как форму проявления виктимблейминга. При этом данные уточняют характер связи: речь идёт не о любой виктимности, а о вполне определённом, интровертированном, пассивно-деструктивном её варианте. Важно отметить, что сильная корреляция с реализованной виктимностью означает, что такая интернализированная позиция действительно повышает риск реального попадания человека в ситуации жертвы – будь то через прямое самоповреждающее поведение или через зависимую беспомощность, делающую человека лёгкой мишенью для окружающих.

Проведённое исследование показывает, что аутоагрессивное поведение подростков может быть понято через призму интернализации виктимблейминга. Самовиктимблейминг формирует устойчивую модель самообвинения, которая получает поведенческое выражение в форме аутоагрессии.

Тем самым он выступает не просто частным проявлением когнитивных искажений, а самостоятельным психологическим механизмом, объединяющим виктимность и аутоагрессию в единую систему.

Полученные результаты расширяют представления о природе деструктивного поведения подростков и открывают возможности для разработки профилактических программ, направленных на снижение самообвинения и развитие адаптивных способов переработки негативного опыта.

Список источников

1. Грязнова Я.О. Психологические аспекты саморазрушающего поведения у подростков: механизм аутоагрессии. 2025. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82350126> (дата обращения: 04.02.2026)
2. Косареvская Т.Е., Яцухно О.Н. Взаимосвязь аутоагрессии и эмоционального интеллекта в подростковом возрасте. Право. Экономика. Психология. 2023. № 4 (32). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=57835984> (дата обращения: 04.03.2026)
3. Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN425.pdf> (дата обращения: 04.02.2026)
4. Паращук К.В. Виктимблейминг с точки зрения виктимологии: может ли жертва быть виновней преступника? 2024. № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=66274614> (дата обращения: 04.02.2026)
5. Психология виктимного поведения: учебный материал / КиберПедия. URL: <https://cyberpedia.su/7x3700.html> (дата обращения: 04.02.2026)

6. Психология жертвы в ситуациях самообороны // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-zhertvy-v-situatsiyah-samooborony> (дата обращения: 04.02.2026)
7. Самоповреждающее поведение детей и подростков // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samopovrezhdayuschee-povedenie-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 04.02.2026)
8. Фомина И.А. Виктимность, ее роль и место в концепции определения и теоретического изучения жертвы преступления. 2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80305131> (дата обращения: 04.02.2026)
9. Фоминых Е.С. Психологические механизмы виктимности // Концепт. 2014. № 5 (май). ART 14132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-viktimnosti> (дата обращения: 04.02.2026)

References

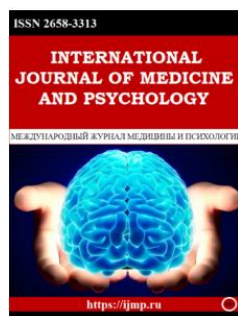
1. Gryaznova Ya. O. Psychological aspects of self-destructive behavior in adolescents: the mechanism of auto-aggression. 2025. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82350126> (date of access: 04.02.2026)
2. Kosarevskaya T.E., Yatsukhno O.N. The relationship between autoaggression and emotional intelligence in adolescenc. Law. Economics. Psychology. 2023. No. 4 (32). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=57835984> (date of access: 04.02.2026)
3. The world of science. Pedagogy and psychology. 2025. Vol. 13. No. 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN425.pdf> (date of access: 04.02.2026)
4. Parashchuk K.V. Victim blaming from the perspective of victimology: can the victim be more guilty than the perpetrator? 2024. No. 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=66274614> (date accessed: 04.02.2026)
5. Psychology of victim behavior: educational material. CyberPedia. URL: <https://cyberpedia.su/7x3700.html> (date of access: 04.02.2026)
6. Psychology of the victim in self-defense situations. CyberLeninka: scientific electronic library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-zhertvy-v-situatsiyah-samooborony> (date of access: 04.02.2026)
7. Self-harming behavior of children and adolescents. CyberLeninka: scientific electronic library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samopovrezhdayuschee-povedenie-detey-i-podrostkov> (date of access: 04.02.2026)
8. Fomina I.A. Victimization, its role and place in the concept of definition and theoretical study of the victim of crime. 2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80305131> (date of access: 04.02.2026)
9. Fominykh E.S. Psychological mechanisms of victimization. Concept. 2014. No. 5 (May). ART 14132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-viktimnosti> (date of access: 04.02.2026)

Информация об авторах

Сокольникова Н.Р., Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, nataliuk.son09@yandex.ru

Елизарова Е.Б., старший преподаватель, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, liza.elizarova2011@yandex.ru

© Сокольникова Н.Р., Елизарова Е.Б., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 004.8:153

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-368-376

¹ Якушина Ю.М.,

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук

Изменение когнитивных способностей при использовании чата GPT

Аннотация: в статье представлен обзор исследований о влиянии чат-бота Generative Pretrained Transformer (GPT) на когнитивные способности. Анализируется воздействие взаимодействия с ИИ-ассистентами на критическое мышление, память, креативность, решение задач и скорость обработки информации. Рассматриваются как позитивные эффекты (ускорение поиска решений, расширение информационного поля, поддержка обучения), так и негативные последствия (снижение самостоятельности мышления, зависимость от подсказок, ослабление навыков аргументации). Обобщены результаты зарубежных и отечественных исследований, выделены методологические подходы к измерению когнитивных изменений при использовании чат-ботов, обозначены пробелы и перспективные направления для дальнейшей работы. Особое внимание уделено возрастным различиям (школьники, студенты, взрослые профессионалы) и контексту использования (образовательный или рабочий), который влияет на итоговый когнитивный эффект. Статья формирует базу для эмпирических исследований взаимодействия человека и ИИ, а также может помочь разработчикам образовательных программ и цифровых инструментов.

Ключевые слова: когнитивные способности, Chat GPT, искусственный интеллект (ИИ), критическое мышление, память, креативность, когнитивная зависимость, обучение с ИИ, обработка информации, когнитивные изменения

Для цитирования: Якушина Ю.М. Изменение когнитивных способностей при использовании чата GPT // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 368 – 376. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-368-376

Поступила в редакцию: 5 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Yakushina Yu.M.,

¹ State Academic University for the Humanities

Changes in cognitive abilities when using the GPT chat

Abstract: the article provides an overview of research on the impact of the Generative Pretrained Transformer (GPT) chatbot on cognitive abilities. It analyses the effects of interaction with AI assistants on critical thinking, memory, creativity, problem-solving, and information processing speed. Both positive effects (accelerated solution finding, expanded information scope, learning support) and negative consequences (reduced independent thinking, reliance on prompts, weakened argumentation skills) are considered. The results of international and domestic studies are summarised, methodological approaches to measuring cognitive changes when using chatbots are identified, and research gaps and promising directions for further work are outlined. Particular attention is paid to age-related differences (schoolchildren, students, adult professionals) and the context of use (educational or professional), which affects the final cognitive outcome. The article establishes a foundation for empirical studies of human-AI interaction and may assist developers of educational programmes and digital tools.

Keywords: cognitive abilities; Chat GPT; artificial intelligence (AI); critical thinking; memory; creativity; cognitive dependence; AI-assisted learning; information processing; cognitive changes

For citation: Yakushina Yu.M. Changes in cognitive abilities when using the GPT chat. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 368 – 376. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-368-376

The article was submitted: February 5, 2026; Approved after reviewing: April 3, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В последние годы наблюдается стремительное развитие и распространение технологий искусственного интеллекта (ИИ), среди которых особое место занимают языковые модели и чат-боты, такие как Chat GPT. Их внедрение в повседневную жизнь, образование и профессиональную деятельность кардинально меняет способы получения и обработки информации, взаимодействия с контентом и решения когнитивных задач [5]. Это порождает важный научный вопрос: как регулярное использование подобных инструментов влияет на когнитивные способности человека?

Актуальность настоящего исследования определяется комплексом взаимосвязанных факторов, обусловленных широким распространением языковых моделей искусственного интеллекта, в частности Chat GPT и аналогичных сервисов, среди разнородной пользовательской аудитории, включающей обучающихся общеобразовательных учреждений, студентов высших учебных заведений, а также специалистов различных профессиональных сфер.

Значимость проблематики дополнительно усиливается нарастающей интеграцией чат-ботов в образовательный процесс. Данные технологии активно задействуются при подготовке учебно-методических материалов, написании эссе и решении академических задач, что актуализирует научный вопрос о характере их влияния на формирование навыков самостоятельного мышления у обучающихся.

Параллельно необходимо учитывать амбивалентность воздействия ИИ-ассистентов на когнитивные процессы, так как с одной стороны, подобные инструменты способны существенно расширять информационное поле пользователя и оптимизировать поиск решений за счет оперативной обработки больших объемов данных, с другой стороны существует риск формирования когнитивной зависимости от автоматизированных систем и сопутствующего снижения способности к критической оценке информации.

При этом, несмотря на увеличение числа научных публикаций, посвященных изучению взаимодействия человека с языковыми моделями ИИ, на текущий момент отсутствует целостная концептуальная модель, описывающая комплексное воздействие Chat GPT на когнитивные функции. Это обуславливает необходимость систематизации имеющихся эмпирических данных и их критического научного анализа для формирования обоснованных выводов, и выработки практических рекомендаций.

Цель данной статьи – провести обзор исследований, посвященных изучению изменения когнитивных способностей при использовании чат-бота Chat GPT, и систематизировать научные данные о его влиянии на ключевые когнитивные процессы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) Обобщить результаты зарубежных и отечественных исследований по теме.
- 2) Выделить основные когнитивные функции, затрагиваемые при взаимодействии с Chat GPT (критическое мышление, память, креативность, скорость обработки информации и др.).
- 3) Проанализировать позитивные и негативные эффекты использования чат-бота с точки зрения когнитивной психологии и нейронауки.
- 4) Рассмотреть методологические подходы к измерению когнитивных изменений при регулярном взаимодействии с ИИ-ассистентами.
- 5) Выявить пробелы в существующих исследованиях и определить перспективные направления для дальнейшей научной работы.

Объект исследования – когнитивные способности человека.

Предмет исследования – изменения когнитивных способностей, возникающие в результате регулярного использования чат-бота Chat GPT.

Научная новизна статьи заключается в обобщении данных о влиянии Chat GPT на когнитивную сферу, выявлении противоречий в существующих работах и формулировке гипотез для будущих эмпирических исследований.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования:

- для разработки рекомендаций по безопасному и эффективному применению ИИ-ассистентов в образовании;
- при проектировании образовательных программ с учетом когнитивных рисков и возможностей цифровых инструментов;

- в дальнейших научных исследованиях взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Структура статьи включает обзор теоретических подходов, анализ эмпирических данных, обсуждение ограничений текущих исследований и заключение с выводами и перспективами.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили положения когнитивной психологии, нейронауки, педагогической теории и исследований искусственного интеллекта. Для анализа влияния ChatGPT на когнитивные процессы были использованы следующие методы: теоретический анализ, систематизация эмпирических данных, сравнительный анализ методологических подходов, анализ источников информации.

Теоретические подходы к изучению влияния Chat GPT на когнитивные процессы и деятельность человека базируются на интеграции положений когнитивной психологии, нейронауки, педагогической теории и исследований искусственного интеллекта. В их основе лежит стремление объяснить, как взаимодействие с генеративными языковыми моделями трансформирует способы обработки информации, принятия решений и формирования знаний (табл. 1).

Таблица 1

Теоретические подходы к изучению влияния Chat GPT на когнитивные процессы.

Table 1

Theoretical approaches to studying the impact of Chat GPT on cognitive processes.

Теоретический подход	Суть подхода в контексте изучения влияния Chat GPT	Ключевые авторы и концепции
Теория когнитивной нагрузки (Cognitive Load Theory)	Анализирует, как использование Chat GPT перераспределяет когнитивные ресурсы: снижает внешнюю нагрузку за счет автоматизации рутинных операций, но при избыточном доверии к ИИ может ослаблять формирование устойчивых нейронных связей и консолидацию памяти	Джон Свеллер – автор теории когнитивной нагрузки; исследования в области образовательных технологий и дизайна обучения
Нейрокогнитивный подход	Изучает физиологические корреляты взаимодействия с Chat GPT: изменения активности в ключевых областях мозга (префронтальная кора, теменные доли), динамику ритмов мозга (альфа-, бета-, тета диапазоны), функциональную связность нейронных сетей. Используются методы нейровизуализации (ЭЭГ, фМРТ)	Исследования Массачусетского технологического института (MIT), группы нейрокогнитивных исследований; Маркус Райхл – концепция сети режима по умолчанию
Концепция «желательных трудностей» (Desirable Difficulties)	Объясняет негативные эффекты Chat GPT в обучении через устранение «когнитивного трения». Готовые ответы ускоряют выполнение задач, но снижают глубину понимания и запоминания материала, поскольку исчезают препятствия, способствующие долгосрочному усвоению знаний	Роберт Бьерк и Элизабет Бьерк – авторы концепции «желательных трудностей» в обучении
Теория распределенного познания (Distributed Cognition)	Рассматривает взаимодействие с Chat GPT как форму когнитивного партнерства, где ИИ выступает внешним инструментом. Анализируется делегирование функций (поиск, синтез, структурирование) и его влияние на автономность мышления	Эд Виннер – основоположник теории распределенного познания; исследования когнитивных систем и коллективной деятельности
Метакогнитивный подход	Акцентирует внимание на осознании и контроле познавательных процессов при работе с Chat GPT. Изучаются оценка достоверности сгенерированных текстов, планирование стратегии взаимодействия, мониторинг понимания, коррекция ошибок и рефлексия над когнитивными действиями	Джон Флейвелл – основоположник концепции метапознания; Энн Браун – исследования метакогнитивных стратегий обучения
Педагогическая психология (в т. ч. теория самодетерминации)	Анализирует влияние Chat GPT на учебные стратегии и мотивацию. Оценивается воздействие автоматизации на внутреннюю мотивацию, чувство компетентности и автономии учащихся	Эдвард Деси и Ричард Райан – авторы теории самодетерминации

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Социокультурный подход	Рассматривает Chat GPT как элемент культурно-исторической среды, изменяющей практики коммуникации и мышления. Изучается влияние чат-бота на формирование понятий, аргументацию и коллективное решение задач	Лев Семенович Выготский – основоположник социокультурного подхода в психологии; исследования развития высших психических функций и роли орудий (в т. ч. символических) в мышлении
Теория медиавоздействия (Media Effects Theory)	Анализирует Chat GPT как канал передачи информации с особыми свойствами (интерактивность, персонализация, скорость отклика).	Исследования в рамках медиапсихологии и теории медиавоздействия; Джордж Гербнер – теория культивации; Альберт Бандура – теория социального научения (в контексте медиавоздействия)

Согласно «теории когнитивной нагрузки», использование чат-бота перераспределяет когнитивные ресурсы, так как автоматизация рутинных операций (поиск информации, структурирование текста) снижает внешнюю нагрузку и потенциально расширяет возможности для глубокой обработки данных. Однако избыточное доверие к результатам работы ИИ может снижать умственную вовлеченность, ослабляя формирование устойчивых нейронных связей и консолидацию памяти [11].

Нейрокогнитивный подход с применением методов нейровизуализации (ЭЭГ, фМРТ) позволяет анализировать изменения активности в ключевых областях мозга (префронтальной коре, теменных долях, сетях режима по умолчанию) и динамику ритмов (альфа-, бета-, тета-диапазонов), связанных с вниманием, рабочей памятью и креативностью [12]. Это дает возможность оценить влияние чат-бота на функциональную связность нейронных сетей и распределение когнитивных ресурсов.

«Концепция желательных трудностей» (Р. Бьерк) объясняет негативные эффекты Chat GPT в обучении. Так, предоставляя готовые ответы, чат-бот устраняет умеренные когнитивные препятствия (самостоятельный поиск информации, генерация идей), которые необходимы для долгосрочного усвоения знаний [10]. Это ускоряет выполнение задач, но может снижать глубину понимания и запоминания материала.

В рамках «теории распределенного познания» взаимодействие с Chat GPT трактуется как когнитивное партнерство, где ИИ выступает внешним инструментом. Чат-бот расширяет возможности человека за счет доступа к обширным базам данных, однако делегирование ИИ части когнитивных функций (поиск, синтез, структурирование) способно менять структуру познавательных процессов и снижать автономность мышления [8].

Метакогнитивный подход акцентирует внимание на осознании и контроле собственных познавательных процессов при работе с Chat GPT. Исследуются такие аспекты, как оценка достоверности сгенерированных текстов, планирование стратегии взаимодействия с ИИ, мониторинг понимания и коррекция ошибок [18]. Ключевой вопрос – как использование чат-бота влияет на способность человека рефлексировать над своими когнитивными действиями и регулировать уровень доверия к внешним источникам информации.

С позиций педагогической психологии анализируется влияние Chat GPT на учебные стратегии и мотивацию. Например, теория самодетерминации позволяет оценить, как автоматизация когнитивных задач воздействует на внутреннюю мотивацию, чувство компетентности и автономии учащихся [14]. Исследования показывают, что чрезмерное использование чат-ботов может снижать стремление к самостоятельному поиску решений и углубленному изучению темы.

Социокультурный подход рассматривает Chat GPT как элемент культурно-исторической среды, изменяющей практики коммуникации и мышления [20]. Опираясь на идеи Л. С. Выготского о роли орудий (в т. ч. символических) в развитии высших психических функций, ученые изучают, как чат-бот влияет на формирование понятий, аргументацию и коллективное решение задач [1]. В этом контексте Chat GPT выступает не просто инструментом, а новым посредником в системе «человек – общество – знание».

Наконец, «теория медиавоздействия» позволяет анализировать Chat GPT как канал передачи информации, обладающий специфическими свойствами (интерактивность, персонализация, скорость отклика) [7]. Исследуется, как эти характеристики влияют на восприятие контента, критичность оценки и формирование убеждений. Особое внимание уделяется феномену алгоритмической предвзятости и ее воздействию на когнитивные схемы пользователей.

Таким образом, совокупность теоретических подходов создает многомерную модель изучения влияния Chat GPT, охватывающую нейрофизиологические, когнитивные, педагогические и социокультурные аспекты взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Это позволяет не только фиксировать наблюдаемые эффекты, но и прогнозировать долгосрочные изменения в структуре мышления и обучении в условиях цифровой трансформации.

Результаты и обсуждения

Эмпирические исследования влияния ChatGPT на когнитивные способности человека показывают неоднозначные результаты, но в целом указывают на риски снижения некоторых ключевых функций при чрезмерном использовании ИИ-ассистентов [9] (табл. 2).

Таблица 2

Основные эмпирические исследования по теме исследования.

Table 2

Main empirical studies on the research topic.

Исследование	Метод	Ключевые результаты
Эксперимент MIT (2025) [3]	54 участника писали эссе в трех группах: с ChatGPT, с использованием Google, без цифровых помощников. Активность мозга фиксировалась с помощью ЭЭГ.	У группы с ChatGPT наблюдалась самая низкая нейронная активность в областях, отвечающих за внимание, рабочую память и контроль. Снижалась связность между лобными и теменными участками мозга, а также активность в альфа- и бета-диапазонах. Участники хуже запоминали написанное: только 28% могли воспроизвести хотя бы одно предложение из своего эссе, тогда как в группе без ИИ этот показатель был вдвое выше. К концу эксперимента многие в группе с ChatGPT просто копировали сгенерированный текст без редактирования.
Исследование Андре Баркауи (2026) [4]	120 студентов бакалавриата готовили презентации с использованием ChatGPT или традиционных методов (конспекты, академические базы данных, поисковые системы). Через 45 дней проводился тест на знание материала.	Группа, использовавшая ChatGPT, показала худшие результаты: 57,5% правильных ответов против 68,5% у традиционной группы. Разрыв особенно увеличивался на технически сложных темах. При этом ChatGPT позволил студентам справиться с заданием значительно быстрее: группа с ИИ-ассистентом потратила на подготовку в среднем 3,2 часа, тогда как традиционная – 5,8 часа.
Эксперимент с мозговым штурмом (Пенсильванский университет) [13]	Участники предлагали идеи для создания игры с использованием кирпича и вентилятора. Группы: с ChatGPT, с обычным поиском в интернете, без цифровых помощников.	94% идей, предложенных группой с ChatGPT, оказались похожими. При этом группа, использовавшая обычный поиск, генерировала более разнообразные идеи, а третья группа (без цифровых помощников) предлагала абсолютно уникальные решения.
Исследование в НИУ ВШЭ (2024 год) [2]	Пилотный проект с использованием Яндекс GPT при написании дипломных работ. Студенты рассказывали, для каких задач использовали ИИ, и как проводили проверку на дезинформацию.	Эксперимент иллюстрирует положительное влияние ИИ на развитие критического мышления при осознанном использовании. Студенты активно работали с моделью, осмысливали и перерабатывали полученные данные.
Исследование Radu Bogdan Toma и Iraya Yáñez-Pérez (2024) [15]	31 студент использовал ChatGPT для выполнения академических заданий в течение 10 недель. Креативность оценивалась с помощью теста CREA-Creative Intelligence.	После 10-недельного вмешательства не было обнаружено значимого снижения креативности. Более половины участников даже показали улучшение. Однако 25% участников отметили снижение креативности.

Анализ эмпирических данных позволяет заключить, что регулярное использование Chat GPT сопряжено с рядом когнитивных эффектов, требующих детального обсуждения. В частности, фиксируется тенденция к снижению нейронной активности в ключевых областях мозга, ответственных за процессы внимания, памяти и когнитивного контроля. Подобная динамика подтверждается результатами ряда исследований и может быть объяснена феноменом «когнитивного долга», подразумевающим снижение уровня умственной вовле-

ченности субъекта в выполнение задач при взаимодействии с ИИ-ассистентами. Следствием этого выступает ослабление механизмов формирования устойчивых нейронных связей, играющих принципиальную роль в консолидации памяти и закреплении новых знаний.

Значительный интерес представляет вопрос воздействия Chat GPT на развитие критического мышления. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что пользователи зачастую воспринимают сгенерированные чат-ботом ответы как достоверные по умолчанию, минимизируя усилия по их критической оценке. Подобное поведение может быть обусловлено дефицитом временных ресурсов, недостаточной мотивацией либо ограниченной компетентностью в предметной области, особенно в случае сложных и многомерных задач. Вместе с тем имеются данные, демонстрирующие потенциал Chat GPT как инструмента развития аналитических навыков при условии осознанного взаимодействия с моделью. В частности, в рамках образовательного проекта НИУ ВШЭ было показано, что целенаправленная работа с чат-ботом, включающая осмысление и переработку полученных данных, способствует формированию у студентов навыков критического анализа информации.

Особого внимания заслуживают противоречивые результаты исследований, посвященных влиянию Chat GPT на креативность. В отдельных экспериментах использование чат-бота ассоциировалось с ограничением разнообразия генерируемых идей, что может свидетельствовать о снижении оригинальности мышления в условиях опоры на внешние когнитивные ресурсы. В то же время лонгитюдные наблюдения не выявили статистически значимого снижения показателей креативности после 10-недельного взаимодействия с моделью, а у части участников даже отмечалась положительная динамика. Такая неоднозначность результатов, вероятно, обусловлена вариативностью контекстов применения Chat GPT, а также индивидуальными особенностями пользователей, включая уровень подготовки, стиль мышления и степень вовлеченности в задачу.

Еще одним дискуссионным вопросом выступает соотношение скорости выполнения задач и качества усвоения материала. Данные исследований демонстрируют, что использование Chat GPT способно существенно ускорять решение когнитивных задач – например, согласно результатам работы 2023 года, прирост скорости достигал 37 %. Однако этот эффект нередко сопровождается снижением уровня когнитивного усилия.

Несмотря на рост числа исследований влияния Chat GPT на когнитивные функции, в данной области сохраняются существенные ограничения.

Прежде всего, преобладание краткосрочных экспериментов не позволяет оценить долгосрочные последствия длительного использования чат-ботов, которое, в свою очередь, может оказывать наиболее значимое влияние на формирование когнитивных привычек и нейронных связей [19].

Методологические ограничения усугубляют ситуацию: небольшие выборки снижают статистическую мощность и обобщаемость результатов (например, в эксперименте MIT участвовало 54 человека, а в исследовании Radu Bogdan Toma и Iraya Yáñez-Pérez – 31 студент), а проведение работ преимущественно в лабораторных условиях не воспроизводит реальное использование Chat GPT в повседневной жизни.

Кроме того, неоднородность измеряемых показателей – от нейронной активности (ЭЭГ) до результатов тестов памяти и креативности – затрудняет прямое сопоставление данных. В настоящее время отсутствует единая методологическая база для оценки когнитивных изменений, вызванных взаимодействием с ИИ [17].

Важным ограничением является и возрастной фактор. Большинство экспериментов сосредоточено на студентах вузов, тогда как влияние ChatGPT на когнитивные способности школьников, пожилых людей или специалистов разных профессий изучено слабо [6]. Это сужает понимание того, как ИИ-ассистенты воздействуют на различные возрастные и профессиональные группы.

Наконец, значительная часть исследований финансируется организациями, заинтересованными в продвижении ИИ-технологий, что потенциально может влиять на интерпретацию результатов. Необходима большая прозрачность в раскрытии источников финансирования и потенциальных конфликтов интересов [16].

Проведенный анализ показывает, что влияние ChatGPT на когнитивные способности неоднозначно и зависит от множества факторов: частоты использования, типа задач, уровня осознанности взаимодействия и индивидуальных особенностей пользователя. Текущие исследования выявляют как риски (снижение нейронной активности, ухудшение памяти), так и возможности (ускорение решения задач, развитие критического мышления при грамотном применении).

Однако ограничения методологии, краткосрочность наблюдений, неоднородность выборок и измеряемых показателей не позволяют пока сделать однозначных выводов о долгосрочных эффектах. Для более полного понимания необходимо проведение масштабных лонгитюдных исследований с участием разных

возрастных и профессиональных групп, а также разработка стандартизированных методик оценки когнитивных изменений. Это поможет выработать рекомендации по безопасному и эффективному использованию ChatGPT в образовании и профессиональной деятельности.

Выводы

Анализ эмпирических исследований влияния Chat GPT на когнитивные способности человека позволяет сформулировать ключевые выводы.

Установлено, что регулярное использование чат-бота может снижать нейронную активность в областях мозга, отвечающих за внимание, рабочую память и контроль. В эксперименте MIT у группы, применявшей Chat GPT для написания эссе, фиксировалась пониженная активность в альфа- и бета-диапазонах, а также сниженная связность между лобными и теменными участками мозга. При этом лишь 28 % участников смогли воспроизвести хотя бы одно предложение из написанного текста, тогда как в контрольной группе показатель достигал 56 %.

Влияние Chat GPT на креативность носит противоречивый характер. С одной стороны, в эксперименте Пенсильванского университета 94 % идей, предложенных группой с использованием чат-бота при мозговом штурме, оказались схожими, что свидетельствует об ограничении разнообразия мышления. С другой стороны, исследование Radu Bogdan Toma и Iraya Yáñez-Pérez не выявило значимого снижения креативности после 10-недельного использования Chat GPT: более половины участников даже продемонстрировали улучшение результатов по тесту CREA-Creative Intelligence. Это указывает на зависимость эффекта от контекста применения и индивидуальных особенностей пользователей.

Воздействие на критическое мышление также неоднозначно. Пассивное использование Chat GPT снижает частоту анализа результатов работы ИИ и может ослаблять навыки аргументации. В то же время проект НИУ ВШЭ показал, что осознанная работа с моделью способствует развитию аналитических навыков, поскольку студенты осмысливали и перерабатывали полученные данные, формируя критический подход.

Chat GPT существенно ускоряет выполнение задач. Так, в исследовании Андре Баркауи группа с ИИ-ассистентом потратила на подготовку презентации 3,2 часа против 5,8 часа у контрольной группы. Однако это сопровождалось снижением качества усвоения материала, где по результатам было 57,5 % правильных ответов в тесте на знание темы против 68,5 % у группы без ИИ. Данный результат подтверждает концепцию «желательных трудностей», где выявлено, что устранение когнитивного напряжения ускоряет процесс, но снижает глубину обучения.

Полученные данные подчеркивают необходимость продолжения научных исследований в этой области. Перспективными направлениями выступают:

- проведение лонгитюдных исследований для оценки долгосрочного влияния Chat GPT на когнитивные привычки и образовательные результаты;
- расширение выборок и демографического охвата (изучение воздействия чат-бота на школьников, пожилых людей, специалистов разных профессий);
- стандартизация методик оценки когнитивных изменений (нейровизуализация, тесты памяти, креативности, критического мышления);
- углубленное изучение механизмов взаимодействия с Chat GPT, включая динамику распределения когнитивной нагрузки и стратегии пользователей;
- разработка практических рекомендаций по осознанному использованию ИИ-ассистентов для образовательных учреждений и профессионалов;
- реализация междисциплинарных проектов с участием психологов, нейробиологов, педагогов и специалистов по ИИ для целостного понимания феномена.

Таким образом, несмотря на выявленные риски чрезмерного использования Chat GPT, исследования демонстрируют потенциал осознанного взаимодействия с ИИ для развития когнитивных навыков. Дальнейшие работы должны быть нацелены на поиск баланса между технологическими возможностями и сохранением самостоятельности человеческого мышления.

Список источников

1. Капустина Л.В., Ермакова Ю.Д., Калужная Т.В. ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Концепт. 2023. № 10. С. 119 – 132. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11099
2. Рахмонов А.Б. Применение теории когнитивной нагрузки для оптимизации обучения методике преподавания русского языка // Universum: психология и образование. 2024. Вып. 1. № 12 (126). С. 44 – 48. DOI: 10.32743/UNIPSY.2024.126.12.18783

3. Роль метакогнитивных способностей в эффективности усвоения учебного материала с применением чата GPT [Электронный ресурс]. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2024/contents/dhte2024_Krokoleva.pdf (дата обращения: 23.02.2026)
4. Левина Е.Ю., Балтыков Е.Ю., Баткаева Е.Ю. Когнитивная педагогика: практика и опыт реализации. Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2022. 228 с.
5. Конколь М.М., Слесарев М.А., Марьина Е.Д., Чёрная С.Н. Теоретико методологические основы проектирования образовательных инструментов на основе искусственного интеллекта // Современные наукоёмкие технологии. 2026. № 2. С. 161 – 171.
6. Tammets K., Ley T. Integrating AI tools in teacher professional learning: a conceptual model and illustrative case // Frontiers in Artificial Intelligence. 2023. Vol. 6. P. 1. DOI: 10.3389/frai.2023.1255089
7. Cukurova M., Kralj L., Hertz B., Saltidou E. Professional development for teachers in the age of AI. Brussels: European Schoolnet, 2024. 36 p. URL: <http://www.eun.org/documents/411753/11183389/EUNA-Thematic-Seminar-Report-V5.pdf/b16bf795-b147-43ac-9f58-4dd1249b5e48> (дата обращения: 01.02.2026)
8. Zhai X., Wibowo S. The effects of over reliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: a systematic review // Smart Learning Environments. 2024. Vol. 11. Issue 1. P. 36 – 46. DOI: 10.1186/s40561-024-00316-7
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. Санкт Петербург: Питер, 2019. 432 с.
10. Коньков К.А. Использование ChatGPT в развитии критического мышления // Психолог. 2025. № 2. С. 111 – 119. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.70717
11. ИИ пишет – мозг молчит: первое исследование с ЭЭГ от MIT доказало, что ChatGPT снижает активность мозга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/06/19/ii-pishet--mozg-molchit-pervoe-issledovanie-s-jejeg-ot-mit-dokazalo-cto-chatgpt-snizhaet-aktivnost-mozga.html> (дата обращения: 24.02.2026)
12. Использование ChatGPT ослабляет память, снижает креативность и критическое мышление, а также создаёт иллюзию компетентности [Электронный ресурс]. URL: <https://shazoo.ru/2026/04/01/181872/ispolzovanie-chatgpt-oslabliaet-pamiat-snizaet-kreativnost-i-kriticeskoe-myslenie-a-takze-sozdaet-illiuuziiu-kompetentnosti> (дата обращения: 21.02.2026)
13. Что ИИ делает с креативностью, памятью и вниманием человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mn.ru/smart/cto-ii-delaet-s-kreativnostyu-pamyatyu-i-vnimaniem-cheloveka> (дата обращения: 01.02.2026)
14. Загородникова П.И. Влияние ChatGPT на развитие критического мышления студентов // Science in Megapolis. 2025. № 5 (73). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-73/razvitie-i-vospitanie-lichnosti/vliyanie-chatgpt-na-razvitie-kriticheskogo-myshleniya-studentov.html> (дата обращения: 01.02.2026)
15. Effects of ChatGPT use on undergraduate students' creativity: a threat to creative thinking [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44163-024-00172-x> (дата обращения: 26.02.2026)
16. Конколь М.М. Концепция метацифровой компетентности студентов университета: подходы к формированию: дис. ... докт. педаг. наук. Москва, 2025. 466 с.
17. Конколь М.М., Марьина Е.Д. Методологические основания системы метацифровой компетентности (на примере языкового образования) // Образование и наука. 2025. Т. 27. № 9. С. 9 – 29. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-9-9-29
18. Mishra P., Warr M., Islam R. TPACK in the age of ChatGPT and generative AI. 2023. URL: <https://punyamishra.com/wp-content/uploads/2023/08/TPACK-in-the-age-of-ChatGPT-and-Generative-AI.pdf> (дата обращения: 25.02.2026)
19. Goldie J. Connectivism: a knowledge learning theory for the digital age? // Medical Teacher. 2016. Vol. 38. Issue 10. P. 1064 – 1069. DOI: 10.3109/0142159X.2016.1173661
20. Zaimoğlu S., Dağtaş A. Teacher cognition and practices in using generative AI tools to support student engagement in EFL higher education contexts // Behavioral Sciences. 2025. Vol. 15. Issue 9. P. 1202. DOI: 10.3390/bs15091202

References

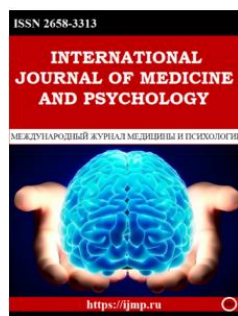
1. Kapustina L.V., Ermakova Yu.D., Kalyuzhnaya T.V. ChatGPT and education: eternal confrontation or possible cooperation? Concept. 2023. No. 10. P. 119 – 132. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11099
2. Rakhmonov A.B. Application of cognitive load theory to optimize teaching methods of the Russian language. Universum: psychology and education. 2024. Issue 1. No. 12 (126). P. 44 – 48. DOI: 10.32743/UNIPSY.2024.126.12.18783

3. The Role of Metacognitive Abilities in the Effectiveness of Learning Educational Material Using GPT Chat [Electronic resource]. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2024/contents/dhte2024_Krokoleva.pdf (date of access: 23.02.2026)
4. Levina E.Yu., Baltykov E.Yu., Batkaeva E.Yu. Cognitive Pedagogy: Practice and Implementation Experience. Kazan: Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, 2022. 228 p.
5. Konkol M.M., Slesarev M.A., Maryina E.D., Chernaya S.N. Theoretical and methodological foundations for designing educational tools based on artificial intelligence. Modern science-intensive technologies. 2026. No. 2. P. 161 – 171.
6. Tammets K., Ley T. Integrating AI tools in teacher professional learning: a conceptual model and illustrative case. Frontiers in Artificial Intelligence. 2023. Vol. 6. P. 1. DOI: 10.3389/frai.2023.1255089
7. Cukurova M., Kralj L., Hertz B., Saltidou E. Professional development for teachers in the age of AI. Brussels: European Schoolnet, 2024. 36 p. URL: <http://www.eun.org/documents/411753/11183389/EUNA-Thematic-Seminar-Report-V5.pdf/b16bf795-b147-43ac-9f58-4dd1249b5e48> (date of access: 01.02.2026)
8. Zhai X., Wibowo S. The effects of overreliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: a systematic review. Smart Learning Environments. 2024. Vol. 11. Issue 1. P. 36 – 46. DOI: 10.1186/s40561-024-00316-7
9. Vygotsky L.S. Thinking and Speech. St. Petersburg: Piter, 2019. 432 p.
10. Konkov K.A. Using ChatGPT to Develop Critical Thinking. Psychologist. 2025. No. 2. P. 111 – 119. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.70717
11. AI Writes – the Brain Is Silent: The First EEG Study from MIT Proved that ChatGPT Reduces Brain Activity [Electronic Resource]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/06/19/ii-pishet--mozg-molchit-pervoe-issledovanie-s-jegeg-ot-mit-dokazalo-chto-chatgpt-snizhaet-aktivnost-mozga.html> (date of access: 24.02.2026)
12. Using ChatGPT weakens memory, reduces creativity and critical thinking, and creates the illusion of competence [Electronic resource]. URL: <https://shazoo.ru/2026/04/01/181872/ispolzovanie-chatgpt-oslabliaet-pamiat-snizhaet-kreativnost-i-kriticheskoe-myslenie-a-takze-sozdaet-illuziiu-kompetentnosti> (date of access: 21.02.2026)
13. What AI does with human creativity, memory, and attention [Electronic resource]. URL: <https://www.mn.ru/smart/chto-ii-delaet-s-kreativnostyu-pamyatyu-i-vnimaniem-cheloveka> (date of access: 01.02.2026)
14. Zagorodnikova P.I. The Impact of ChatGPT on the Development of Students' Critical Thinking. Science in Megapolis. 2025. No. 5 (73). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-73/razvitie-i-vospitanie-lichnosti/vliyanie-chatgpt-na-razvitie-kriticheskogo-myshleniya-studentov.html> (date of access: 01.02.2026)
15. Effects of ChatGPT use on undergraduate students' creativity: a threat to creative thinking [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44163-024-00172-x> (date of access: 26.01.2026)
16. Konkol M.M. The concept of metadigital competence of university students: approaches to development: diss. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow, 2025. 466 p.
17. Konkol M.M., Maryina E.D. Methodological foundations of the metadigital competence system (using language education as an example). Education and Science. 2025. Vol. 27. No. 9. P. 9 – 29. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-9-9-29
18. Mishra P., Warr M., Islam R. TPACK in the age of ChatGPT and generative AI. 2023. URL: <https://punyamishra.com/wp-content/uploads/2023/08/TPACK-in-the-age-of-ChatGPT-and-Generative-AI.pdf> (accessed: 25.02.2026)
19. Goldie J. Connectivism: a knowledge learning theory for the digital age? Medical Teacher. 2016. Vol. 38. Issue 10. P. 1064 – 1069. DOI: 10.3109/0142159X.2016.1173661
20. Zaimoğlu S., Dağtaş A. Teacher cognition and practices in using generative AI tools to support student engagement in EFL higher education contexts. Behavioral Sciences. 2025. Vol. 15. Issue 9. P. 1202. DOI: 10.3390/bs15091202

Информация об авторе

Якушина Ю.М., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8305-7648>, Государственный академический университет гуманитарных наук, y.yakushina@yandex.ru

© Якушина Ю.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.922.7+159.923

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-377-384

¹ Секулич Е.А.,

¹ Славяно-греко-латинская академия

Разделение понятия эмоционального интеллекта на способности и личностный: история формирования и современные подходы в зарубежной и отечественной психологии

Аннотация: концептуальный плюрализм в понимании эмоционального интеллекта (ЭИ) остаётся одной из устойчивых методологических проблем современной психологии. Неопределённость конструкта сказывается на всей цепочке исследовательской работы: операционализация затруднена, инструментарий остаётся дискуссионным, интерпретация эмпирических данных – непоследовательной. Разрыв между декларируемой популярностью понятия и его концептуальной строгостью сохраняется. Обзорная статья посвящена критическому анализу разделения ЭИ на способности (ability EI) и личностный (trait EI). Реконструируется история формирования этой дихотомии – от классических моделей (модель способностей Дж. Мейера и П. Сэловея, смешанные модели Д. Гоулмана и Р. Бар-Она) до концептуального различения, предложенного К.В. Петридисом и А. Фёрнхемом. Параллельно систематизируются иные подходы к дифференциации конструкта, существующие в зарубежной и отечественной психологической науке. Среди зарубежных подходов рассматриваются трёхуровневая модель М. Миколайчак, различие компонентов основанных на знаниях и процессуальными М. Фиори и В. Майефер, концепция мета-эмоционального интеллекта и аттитудный подход – каждый из которых расширяет исходную дихотомию в разных направлениях. Отдельный аналитический блок посвящён отечественным исследованиям: двухкомпонентной модели Д.В. Люсина, кросс-культурному анализу латентных профилей личностного ЭИ в работах Т.В. Корниловой с коллегами и задачным методом диагностики, разрабатываемым Е.А. Сергиенко с коллегами. Обосновывается позиция, согласно которой терминологическое разведение понятий – не частный методический вопрос, а условие преодоления методологического кризиса в области.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, функциональный интеллект, личностный функциональный интеллект, смешанные модели, трехкомпонентная модель, метаэмоциональный интеллект, российские исследования эмоционального интеллекта, кросс-культурные исследования

Для цитирования: Секулич Е.А. Разделение понятия эмоционального интеллекта на способности и личностный: история формирования и современные подходы в зарубежной и отечественной психологии // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 377 – 384. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-377-384

Поступила в редакцию: 7 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Sekulich E.A.,**
¹ *Slavic-Greek-Latin Academy*

Distinguishing between ability emotional intelligence and trait emotional intelligence: history and contemporary approaches in foreign and Russian psychology

Abstract: conceptual pluralism in the understanding of emotional intelligence (EI) remains one of the persistent methodological problems in contemporary psychology. The ambiguity of the construct affects the entire research chain: operationalization is complicated, assessment tools remain contested, and the interpretation of empirical data stays inconsistent. The gap between the construct's declared popularity and its conceptual rigor has not closed. This review article offers a critical analysis of the distinction between ability EI and trait EI. The history of this dichotomy is reconstructed – from classical models (the ability model by J. Mayer and P. Salovey, the mixed models by D. Goleman and R. Bar-On) to the conceptual distinction proposed by K.V. Petrides and A. Furnham. Other approaches to differentiating the construct, developed in foreign and Russian psychological science, are systematized alongside. Among the foreign approaches examined are the three-level model by M. Mikolajczak, the distinction between knowledge-based and processual components by M. Fiori and V. Maillefer, the concept of meta-emotional intelligence, and the attitudinal approach – each extending the original dichotomy in a different direction. A separate analytical section is devoted to Russian research: the two-component model by D.V. Lyusin, the cross-cultural analysis of latent EI profiles in studies by T.V. Kornilova and colleagues, and the performance-based diagnostic methods developed by E.A. Sergienko and colleagues. The position substantiated throughout is that terminological differentiation is not a narrow methodological concern but a necessary condition for overcoming the ongoing conceptual crisis in the field.

Keywords: emotional intelligence, ability EI, trait EI, mixed models, three-component model, meta-emotional intelligence, Russian EI research, cross-cultural studies

For citation: Sekulich E.A. Distinguishing between ability emotional intelligence and trait emotional intelligence: history and contemporary approaches in foreign and Russian psychology. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2026. 9 (4). P. 377 – 384. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-377-384

The article was submitted: February 7, 2026; Approved after reviewing: April 5, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Более трёх десятилетий прошло с момента, когда П. Сэловеи и Дж. Майер ввели термин «эмоциональный интеллект» (далее – ЭИ) в строгий научный оборот. Путь конструкта оказался нетривиальным: из узкоспециальной гипотезы – в одно из самых популярных и коммерциализированных понятий современной психологии. Популярность, однако, дорого обошлась концептуальной строгости. Критики справедливо указывают: чем шире распространяется конструкт, тем менее отчётливыми становятся его границы [1]. Принципиально различные подходы к определению и измерению ЭИ – не частное разногласие, а устойчивый источник неопределённости, с которым наука не справилась до сих пор.

В центре дискуссий последних двух десятилетий – проблема разделения ЭИ на способности (ability EI) и личностный (trait EI). Различение, предложенное К.В. Петридисом и А. Фёрнхемом в начале 2000-х годов, стало подлинной методологической вехой: оно позволило структурировать исследовательское поле и объяснить многие противоречия в эмпирических данных. Способности и личностный ЭИ слабо коррелируют между собой, по-разному связаны с личностными чертами и общим интеллектом и, как недавно показало научное исследование, опираются на различные нейронные субстраты.

Вместе с тем исходная дихотомия не исчерпывает всего многообразия подходов. Наряду с разделением Петридиса – Фёрнхема в науке сложились и иные способы дифференциации конструкта, уточняющие и дополняющие первоначальное разграничение. Отдельного внимания заслуживает вклад отечественных исследователей, развивающих традиции культурно-исторической психологии и предлагающих оригинальные теоретические модели и диагностические инструменты.

Цель обзорной статьи – критический анализ проблемы разделения ЭИ на способности и личностный, реконструкция истории формирования этой дихотомии, а также систематизация иных подходов к дифференциации понятия в зарубежной и отечественной психологической науке. Рабочая гипотеза состоит в следующем: разделение на способности и личностный ЭИ является необходимым, но недостаточно полным

конструктом, это подтверждается тем, что современные исследования, зарубежные и отечественные, движутся в направлении более тонкой дифференциации компонентов и уровней конструкта.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую базу работы составляют системный подход к анализу психических явлений и принцип единства аффекта и интеллекта, разработанный в трудах Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна. Эмоции и мышление не существуют изолированно – между ними складывается динамическое единство, и именно этот тезис задаёт концептуальную рамку для понимания ЭИ как феномена, несводимого ни к чистой когниции, ни к аффективной диспозиции.

Результаты и обсуждения

Разделение ЭИ на способности и личностный имеет глубокие исторические корни. Как показывает анализ И.Н. Андреевой, уже в работах Ч. Дарвина об эмоциональной экспрессии, в концепции социального интеллекта Э. Торндайка (1920) и в описании неинтеллектуальных факторов интеллектуального поведения у Д. Векслера (1940) прослеживается общий смысл: когнитивные определения интеллекта принципиально неполны. Непосредственным концептуальным мостом к понятию «эмоциональный интеллект» стала теория множественного интеллекта Х. Гарднера (1983), выделившего внутриличностный и межличностный интеллекты, – и уже в 1990 году П. Сэловей и Дж. Майер ввели термин в строгий научный оборот [1].

Два направления, оформившихся в последующие десятилетия, задали принципиально различную логику понимания конструкта. Модель способностей Дж. Мейера, П. Сэловея и Д. Карузо определяет ЭИ как когнитивную способность к обработке эмоциональной информации, включающую четыре иерархически организованных компонента: восприятие эмоций, их использование для фасилитации мышления, понимание эмоций и управление ими. Измерение строится на тестах-задачах (MSCEIT), где фиксируется максимальная производительность – по аналогии с традиционными тестами интеллекта. Критики, однако, указывают на принципиальное затруднение: объективно правильных ответов здесь нет, оценка опирается на консенсус или экспертное суждение, а прогностическая валидность остаётся предметом споров.

Иначе устроены смешанные модели. Включая в состав ЭИ не только когнитивные способности, но и личностные черты, мотивационные характеристики и социальные компетенции, они существенно расширяют границы конструкта. Модель Д. Гоулмана объединяет самосознание, саморегуляцию, мотивацию, эмпатию и социальные навыки; модель Р. Бар-Она (эмоционально-социальный интеллект) – самооценку, ассертивность, эмпатию, стрессоустойчивость и благополучие. Измерение ведётся преимущественно опросниками самоотчёта, фиксирующими типичное поведение. Высокая корреляция с личностными опросниками и уязвимость к социальной желательности – устойчивые претензии к моделям этого типа.

Решающий концептуальный шаг был сделан К.В. Петридисом и А. Фёрнхемом: они предложили различие, в котором характер модели определяется не столько теорией, сколько методом измерения. ЭИ способностей относится к когнитивным способностям, измеряется тестами-задачами и рассматривается в контексте психологии интеллекта. Личностный ЭИ отражает эмоциональное восприятие и поведенческие диспозиции, измеряется опросниками самоотчёта и рассматривается в контексте психологии личности. Методологическое следствие прямое: оценивать личностный ЭИ тестами-задачами или ЭИ способностей опросниками – некорректно по определению. Д.В. Люсин формулирует это точно: «эти два типа методик измеряют либо вообще довольно разные конструкты, либо, в лучшем случае, разные стороны ЭИ» – он настоял на необходимости одновременного использования разных методических подходов при комплексной оценке [8, 9].

Эмпирическая картина согласуется с концептуальным разграничением. ЭИ способностей и личностный слабо коррелируют между собой и по-разному связаны с внешними критериями. Нейробиологическое измерение добавляет этой картине весомости: исследование С. Сюэ с коллегами (2024) впервые показало, что оба конструкта имеют диссоциируемые нейронные корреляты. Личностный ЭИ положительно коррелирует с активностью в билатеральной верхней височной извилине и отрицательно – с активностью в вентральной медиальной префронтальной коре; ЭИ способностей положительно коррелирует с активностью в инсуле. Различная природа двух форм ЭИ получила, таким образом, нейровизуализационное подтверждение [14].

Исходная дихотомия Петридиса – Фёрнхема структурировала поле, но не полностью описала его. В современной зарубежной психологии сложился ряд подходов, расширяющих и уточняющих первоначальное разделение – каждый с собственной аналитической логикой.

Наиболее влиятельным из них стала трёхуровневая модель М. Миколайчак с коллегами [4]. Модель разводит три уровня ЭИ, принципиально различающихся по предмету: уровень знаний фиксирует то, что че-

человек знает об эмоциях и способах совладания с эмоциональными ситуациями – декларативное знание в чистом виде; уровень способностей – то, что человек реально может сделать в конкретной эмоциональной ситуации; уровень черт – то, что человек делает на практике, его эмоциональные диспозиции и поведенческие предрасположенности. Ключевой аналитический тезис модели состоит в том, что связь между уровнями опосредована, а не прямая. Знания далеко не всегда трансформируются в способности, способности – в реальное поведение. Именно этим объясняется хорошо знакомый феномен: человек прекрасно знает, как справляться с гневом, – и при этом не справляется в реальной конфликтной ситуации [4].

Иной аналитический разрез предлагают М. Фиори, А. Весели Майефер и С. Удаяр, различающие в составе ЭИ два компонента с разной процессуальной природой. Компонент знания эмоций (Emotion Knowledge, ЕК) охватывает высшие формы рассуждения об эмоциях – декларативное знание, измеряемое традиционными тестами способностей типа MSCEIT. Компонент обработки эмоциональной информации (Emotion Information Processing, ЕІР) устроен иначе: речь идёт о более спонтанной и быстрой работе с эмоциональным материалом на допонятийном уровне – восприятие, кодирование, извлечение. Практический смысл разведения очевиден: введение ЕІР позволяет разграничить людей, успешно выполняющих тесты ЭИ за счёт алгоритмических стратегий, и тех, кто располагает реальными эмоциональными навыками [15]. Хорошие результаты по MSCEIT и подлинная эмоциональная компетентность – не одно и то же.

Концепция мета-эмоционального интеллекта (Meta-Emotional Intelligence, MEI), предложенная А. Д'Амико и А. Герачи в 2023 году, смещает акцент в сторону рефлексивного измерения. MEI – многомерный конструкт, включающий знания о собственных эмоциональных способностях, убеждения о природе эмоций и самооценку эффективности их использования. Центральная идея: не просто обладать способностями, но иметь адекватные метапредставления о них. «Гармоничный профиль» – совпадение реальных способностей и представлений о них – связан с лучшей эмоциональной регуляцией и более взвешенным принятием решений; расхождения между уровнями выступают предикторами эмоциональных и поведенческих затруднений. MEI рассматривается как более пластичный и поддающийся развитию конструкт, чем ЭИ в его классических формах [2].

Опираясь на традиции культурно-исторической психологии и деятельностного подхода, отечественная психология выстраивает собственную исследовательскую линию в изучении ЭИ – с методологическим плюрализмом, активной адаптацией зарубежного инструментария и развитием оригинальных теоретических моделей.

Наиболее концептуально самостоятельной из них остаётся двухкомпонентная модель Д.В. Люсина. Конструкт разделяется на внутриличностный компонент (понимание собственных эмоций и управление ими) и межличностный (понимание чужих эмоций и управление ими). Принципиальная особенность подхода – трактовка понимания и управления эмоциями как процессов когнитивной природы, неотделимых, однако, от личностных особенностей субъекта. Разработанный на основе модели опросник ЭИИ получил широкое распространение в российских исследованиях. Показательно, что модель Люсина не противостоит дихотомии способностей и личностного ЭИ, а предлагает содержательную структуру, допускающую операционализацию в обеих рамках: опросниковой (ЭИИ) и задачной – при разработке тестов способностей [8, 9].

Серия исследований под руководством Т.В. Корниловой задаёт иной масштаб анализа – кросс-культурный. В работе «Латентные профили эмоционального интеллекта: российская и китайская выборки» [6] на выборке 698 человек (386 россиян и 312 китайцев) исследовалась структура личностного ЭИ с использованием адаптированной русскоязычной версии опросника TEIQue. Латентные структуры в обеих культурах обнаружили больше сходств, чем различий: в российской выборке выделены два класса индивидов, расходящихся по всем четырём компонентам ЭИ (благополучие, эмоциональность, социальность, самоконтроль), в китайской – по трём. Специфика проявилась в ином: российские классы расходились по показателю «социальность» при различном уровне самоконтроля, тогда как в китайской выборке этот паттерн практически отсутствовал. Гендерные различия в структуре ЭИ не обнаружены у россиян, но зафиксированы у китайцев – именно по показателю «социальность». Полученные данные значимы не только для понимания кросс-культурной устойчивости конструкта личностного ЭИ, но и для разработки дифференцированных программ развития эмоциональных компетенций с учётом культурного контекста.

Иной аналитический ход сохраняется в совместной работе Т.В. Корниловой и В.А. Савельевой, где исследовался вклад критического мышления в черту эмоционального интеллекта [5]. Соотношение когнитивных и личностных компонентов в структуре ЭИ получило здесь дополнительное уточнение. Исследования Корниловой в целом развивают традицию О.К. Тихомирова о единстве аффекта и интеллекта и демонстрируют аналитический потенциал современных методов анализа латентных классов применительно к конструкту ЭИ.

Принципиально иную инструментальную стратегию реализует Е.А. Сергиенко с коллегами. Опираясь на психоэволюционную теорию эмоций Р. Плутчика, авторы разрабатывают задачные методы диагностики – Тест эмоционального интеллекта (ТЭИ), сближающий отечественный подход с международной традицией измерения способностей. Стимульный материал теста минимизирует влияние социальной желательности и самоотчётных искажений, а оценка строится на объективных показателях – что принципиально отличает ТЭИ от опросниковых инструментов [13].

Задачные методы диагностики требуют психометрически выверенного инструментария – и здесь без адаптации зарубежных методик не обойтись. В 2025 году Д.С. Дроздов, А.П. Корчагина и В.Ю. Костенко провели психометрический анализ русскоязычной версии краткой формы Ситуационного теста понимания эмоций (STEU-B) [3]. Конфирматорный факторный анализ подтвердил однофакторную структуру; анализ в рамках современной теории тестирования (IRT) дал приемлемые показатели надёжности. Инструмент пригоден.

Отдельного внимания заслуживает сама позиция, из которой ведётся работа по адаптации методик. Апробация TEIQue-SF зафиксировала: «различия в методологических подходах к пониманию конструкта ЭИ не препятствуют возможности его измерения как переменной интеллектуально-личностного потенциала человека», а полученные данные «не позволяют отрицать интерпретацию ЭИ как способности» [3]. Концептуальная граница между личностным ЭИ и ЭИ способностей сохраняется – но не работает как барьер между исследовательскими лагерями, а скорее приводит к диалогу ученых.

Концептуальное разграничение само по себе не устраняет методологических затруднений – оно их переформулирует. Гетерогенность определений сохраняется. Дефиниции ЭИ расходятся от предельно узких (когнитивная способность) до максимально широких (совокупность всех некогнитивных навыков), и этот разброс делает кумулятивное накопление знания в области систематически затруднённым: исследования нередко говорят о разных вещах под одним именем.

Проблема измерения устроена по-разному для каждой из форм ЭИ. Объективного эталона у тестов способностей нет – правильность ответа определяется экспертным консенсусом или согласием группы, что принципиально отличается от стандартов психометрии интеллекта. Личностный ЭИ уязвим иначе: опросники самоотчёта подвержены искажениям социальной желательности, высокая корреляция с личностными опросниками ставит под вопрос дискриминантную валидность. Каждый из инструментов не совершенен.

Острее всего стоит проблема инкрементной валидности. Мета-анализы фиксируют: связи ЭИ способностей с жизненно значимыми исходами скромны и воспроизводятся неустойчиво при контроле когнитивных способностей и личностных черт. Что именно измеряет ЭИ сверх того, что уже измеряют стандартные инструменты, – вопрос открытый. Самостоятельная ценность конструкта пока не получила убедительного эмпирического обоснования.

Трёхуровневая модель Миколайчук добавляет к этому ещё один нерешённый вопрос: как соотносятся знания, способности и реальное поведение? Связь между уровнями опосредована – это эмпирически установлено. Механизмы взаимодействия не изучены.

При всём этом разделение Петридиса – Фёрнхема доказало свою продуктивность. Поле структурировано, многие эмпирические противоречия получили объяснение, нейровизуализационные данные подкрепили различие на уровне нейронных субстратов – аргумент уже не теоретический.

Исходная дихотомия, однако, задала направление развития конструкта. Трёхуровневая модель Миколайчук показала, что декларативное знание об эмоциях и реальная способность применять его – не одно и то же. Работы Фиори и Весели Майефер обнажили различие между осознанной, контролируемой обработкой эмоциональной информации и спонтанными автоматическими процессами – различие, которое в рамках исходной дихотомии просто не видно. Концепция MEI Д'Амики и Герачи вводит рефлексивное измерение: не только эмоциональные способности, но и представления человека о них. Модель Люсина разводит понимание и управление своими и чужими эмоциями, как содержательно различные процессы. Кросс-культурные исследования Корниловой с коллегами фиксируют, что универсальные паттерны структуры ЭИ соседствуют с культурно-специфичными – и граница между ними подвижна.

Отечественные ученые проводят исследования, изучая конструкт ЭИ с разных сторон. Оригинальные теоретические модели, укоренённые в традиции культурно-исторической психологии, задают собственный курс развития исследований в области ЭИ. «Различия в методологических подходах не препятствуют возможности измерения ЭИ» [7] – и эта позиция, по всей видимости, продуктивнее, чем настаивание на непреодолимости границ между подходами.

Выводы

Разделение ЭИ на способности и личностный не было произвольным методологическим решением – за ним стояли две принципиально различные исследовательские традиции. Модель способностей Мейера – Сэловея – Карузо и смешанные модели Гоулмана и Бар-Она задавали несовместимые логики понимания конструкта, и именно это противоречие получило концептуальное оформление в работах К.В. Петридиса и А. Фёрнхема. Предложенное ими различие структурировало исследовательское поле и объяснило многие эмпирические противоречия. Нейровизуализационные данные последних лет придали этому разграничению дополнительную весомость: диссоциируемые нейронные субстраты двух форм ЭИ – уже не концептуальный аргумент, а эмпирически подтвержденный факт.

Исходная дихотомия, однако, оказалась отправной точкой, а не финальным ответом. Трёхуровневая модель Миколайчак разводит знания, способности и черты как самостоятельные уровни с опосредованными, а не прямыми связями между ними. Работы Фиори и Весели Майефер добавляют различие осознанной и автоматической обработки эмоциональной информации. Концепция MEI Д'Амико и Герачи вводит мета-эмоциональное измерение, невидимое в рамках исходного разграничения. Отечественная психология развивает эту логику на собственном материале: двухкомпонентная модель Люсина задаёт содержательную структуру конструкта, кросс-культурные исследования Корниловой с коллегами фиксируют одновременно универсальные и культурно-специфичные паттерны личностного ЭИ, а задачные методы диагностики Сергиенко с коллегами сближают отечественный подход с международной традицией измерения способностей.

Концептуальная строгость и признание многомерности феномена – не взаимоисключающие требования. Механизмы взаимодействия уровней и компонентов ЭИ в реальном поведении остаются мало изученными. Кросс-культурные данные накапливаются, но их интерпретация пока опережает диагностический инструментарий. Разрыв между тем, что измеряется, и тем, что реально происходит в эмоциональной регуляции, сохраняется.

Список источников

1. Андреева И.Н. О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 83 – 95.
2. Д'Амико А., Джерачи А. За пределами эмоционального интеллекта: новая концепция мета-эмоционального интеллекта. Границы в психологии. [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/369842752_Beyond_emotional_intelligence_The_new_construct_of_met-a-emotional_intelligence (дата обращения: 27.01.2026)
3. Дроздов Д.С., Корчагина А.П., Костенко В.Ю. Психометрический анализ русскоязычной версии краткой формы Ситуационного теста понимания эмоций (STEU-B) // Новые психологические исследования. 2025. № 2. С. 67 – 87.
4. Койдбах Ж., Миколайчак М., Лувена М.Х., Повышение эмоционального интеллекта: (как) это возможно? [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/222567859_Increasing_emotional_intelligence_How_is_it_possible (дата обращения: 27.01.2026)
5. Корнилова Т.В., Савельева В.А. Вклад критического мышления в эмоциональный интеллект // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 4. С. 10 – 18.
6. Корнилова Т.В., Цюци Ч., Савельева В.А. Латентные профили эмоционального интеллекта: российская и китайская выборки // Теоретическая и экспериментальная психология. 2025. Т. 18. № 2. С. 46 – 68.
7. Крюкова Е.А., Шестова М.А. Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue-SF) // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 18 – 30.
8. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. Т. 4. С. 3 – 22.
9. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. ДВ Люсина, ДВ Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29 – 36.
10. Панкратова А.А. Эмоциональный интеллект: о возможности усовершенствования модели и теста Мэйера-Сэловея-Карузо // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2010. № 3. С. 52 – 64.

11. Перес-Гонсалес Дж.-К., Саклофске Д.Х., Мавровели С. Редакционная статья: Черта эмоционального интеллекта: Основы, Оценка и образование // Границы в психологии. 2020. № 608. [Электронный ресурс]. URL:https://www.researchgate.net/publication/340688817_Editorial_Trait_Emotional_Intelligence_Foundations_Assessment_and_Education (дата обращения 27.01.2026)
12. Мэттьюс Д. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 3 – 26.
13. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Киселёва Т.С., Осипенко Е.И. и др. Эмоциональный интеллект: от истоков к перспективам // Институт психологии РАН. 2019. 253 с.
14. Сюэ С., Де Бикелер А., Конг Ф., Лю Дж. Диссоциативные нейронные корреляты эмоционального интеллекта: исследование ФМРТ в состоянии покоя // Экспериментальное исследование мозга. 2024. № 242 (5). С. 1061 – 1069.
15. Fiori M., Udayar S., Vesely Maillefer A. Emotion information processing as a new component of emotional intelligence: Theoretical framework and empirical evidence // European Journal of Personality. 2022. Vol. 36. № 2. P. 245 – 264.

References

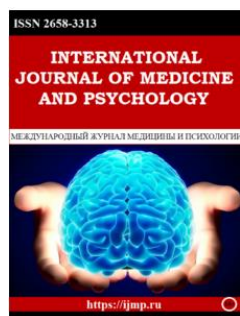
1. Andreeva I.N. On the Formation of the Concept of “Emotional Intelligence. Issues of Psychology. 2008. No. 5. P. 83 – 95.
2. D'Amico A., Geraci A. Beyond Emotional Intelligence: A New Concept of Meta-Emotional Intelligence. Frontiers in Psychology. [Electronic resource]. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/369842752_Beyond_emotional_intelligence_The_new_construct_of_met-a-emotional_intelligence (date of access: 27.01.2026)
3. Drozdov D.S., Korchagina A.P., Kostenko V.Yu. Psychometric Analysis of the Russian-Language Version of the Short Form of the Situational Test of Understanding Emotions (STEU-B). New Psychological Research. 2025. No. 2. P. 67 – 87.
4. Koydbach J., Mikolajczak M., Louvena M.H., Increasing Emotional Intelligence: (How) Is It Possible? [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/222567859_Increasing_emotional_intelligence_How_is_it_possible (date of access: 27.01.2026)
5. Kornilova T.V., Savelyeva V.A. The Contribution of Critical Thinking to Emotional Intelligence. Questions of Psychology. 2024. Vol. 70. No. 4. P. 10 – 18.
6. Kornilova T.V., Tsyuci Ch., Savelyeva V.A. Latent Profiles of Emotional Intelligence: Russian and Chinese Samples. Theoretical and Experimental Psychology. 2025. Vol. 18. No. 2. P. 46 – 68.
7. Kryukova E.A., Shestova M.A. Emotional Intelligence in the Structure of Human Intellectual and Personal Potential: Trait or Ability? (Adaptation of the Short Version of the TEIQue-SF Questionnaire). National Psychological Journal. 2020. No. 4 (40). P. 18 – 30.
8. Lyusin D.V. A New Method for Measuring Emotional Intelligence: the EmIn Questionnaire. Psychological Diagnostics. 2006. Vol. 4. P. 3 – 22.
9. Lyusin D.V. Modern Concepts of Emotional Intelligence. Social Intelligence: Theory, Measurement, Research. edited by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2004. P. 29 – 36.
10. Pankratova, A.A. Emotional Intelligence: On the Possibility of Improving the Mayer-Salovey-Caruso Model and Test. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2010. No. 3. P. 52 – 64.
11. Perez-Gonzalez J.-K., Saklofske D.Kh., Mavroveli S. Editorial Article: Emotional Intelligence Trait: Fundamentals, Assessment, and Education. Frontiers in Psychology. 2020. No. 608. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/340688817_Editorial_Trait_Emotional_Intelligence_Foundations_Assessment_and_Education (date of access: 27.01.2026)
12. Matthews, D. Emotional Intelligence: Theory, Measurement, and Application in Practice. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2004. Vol. 1. No. 4. P. 3 – 26.
13. Sergienko E.A., Khlevnaya E.A., Kiseleva T.S., Osipenko E.I. et al. Emotional Intelligence: From Origins to Prospects. Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. 2019. 253 p.

14. Xue S., De Bickelaer A., Kong F., Liu J. Dissociative neural correlates of emotional intelligence: A resting-state fMRI study. *Experimental Brain Research*. 2024. No. 242 (5). P. 1061 – 1069.
15. Fiori M., Udayar S., Vesely Maillefer A. Emotion information processing as a new component of emotional intelligence: Theoretical framework and empirical evidence. *European Journal of Personality*. 2022. Vol. 36. No. 2. P. 245 – 264.

Информация об авторе

Секулич Е.А., аспирант, Славяно-греко-латинская академия, ekaterina_s_96@mail.ru

© Секулич Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9:796.86

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-385-390

¹ **Сокольников И.К.,**

¹ *Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»*

Взаимосвязь психологических характеристик и эффективности технико-тактических действий квалифицированных фехтовальщиков

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь психологических характеристик и эффективности технико-тактических действий квалифицированных фехтовальщиков. Актуальность исследования обусловлена тем, что соревновательная деятельность в фехтовании протекает в условиях дефицита времени, высокой вариативности действий соперника, необходимости быстрого принятия решений и сохранения устойчивости двигательных и тактических действий при выраженном психоэмоциональном напряжении. В таких условиях результативность поединка определяется не только уровнем технической и физической подготовленности, но и состоянием психологических функций, обеспечивающих концентрацию внимания, прогнозирование действий соперника, контроль эмоционального состояния и регуляцию поведения. Цель исследования – выявить характер взаимосвязи между показателями тревожности, саморегуляции, внимания, антиципации и параметрами технико-тактической и соревновательной эффективности квалифицированных фехтовальщиков. В исследовании использован массив данных, включающий показатели 30 рапиристов в возрасте 18-21 года, имеющих спортивную квалификацию от первого спортивного разряда до кандидата в мастера спорта и стаж занятий фехтованием от 7 до 10 лет. Психологические характеристики оценивались по показателям ситуативной и личностной тревожности, саморегуляции, внимания и антиципации. Техничко-тактические показатели включали результативность атак, эффективность защитно-ответных действий, количество ошибочных действий и тактическую целесообразность. Соревновательные показатели включали процент выигранных поединков, результативность решающих уколов и эффективность действий при неблагоприятном счёте. Для статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Полученные данные показывают, что наиболее выраженные связи с эффективностью соревновательной деятельности имеют антиципация, внимание и саморегуляция. Ситуативная тревожность, напротив, положительно связана с количеством ошибочных действий и отрицательно связана с процентом выигранных поединков. Результаты позволяют рассматривать психологические характеристики как значимые факторы надёжности технико-тактических действий фехтовальщика в условиях соревновательного противостояния.

Ключевые слова: фехтование, тревожность, саморегуляция, внимание, антиципация, технико-тактические действия, соревновательная деятельность, психологическая надёжность

Для цитирования: Сокольников И.К. Взаимосвязь психологических характеристик и эффективности технико-тактических действий квалифицированных фехтовальщиков // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 385 – 390. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-385-390

Поступила в редакцию: 7 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ **Sokoltsov I.K.,**

¹ *Russian University of Sports "GTSOLIFK"*

The relationship between psychological characteristics and the effectiveness of technical and tactical actions of skilled fencers

Abstract: the article examines the relationship between psychological characteristics and the effectiveness of technical and tactical actions of skilled fencers. The relevance of the study is due to the fact that competitive fencing activities take place in conditions of time constraints, high variability of the opponent's actions, the need for rapid decision-making and maintaining the stability of motor and tactical actions under severe psycho-emotional stress. In such conditions, the effectiveness of a duel is determined not only by the level of technical and physical fitness, but also by the state of psychological functions that ensure concentration of attention, prediction of the opponent's actions, control of the emotional state and regulation of behavior. The purpose of the study is to identify the nature of the relationship between indicators of anxiety, self-regulation, attention, and anti-ticipation parameters of technical, tactical and competitive effectiveness of skilled fencers. The study used an array of data, including the indicators of 30 rapiers aged 18-21 years, who have sports qualifications from the first sports category to a candidate for master of sports and fencing experience from 7 to 10 years. Psychological characteristics were assessed by indicators of situational and personal anxiety, self-regulation, attention and anticipation. Technical and tactical indicators included the effectiveness of attacks, the effectiveness of defensive and retaliatory actions, the number of erroneous actions and tactical expediency. Competitive indicators included the percentage of fights won, the effectiveness of decisive shots, and the effectiveness of actions with an unfavorable score. Spearman's rank correlation coefficient was used for statistical processing. The data obtained show that anticipation, attention, and self-regulation have the most pronounced associations with the effectiveness of competitive activity. Situational anxiety, on the contrary, is positively related to the number of erroneous actions and negatively related to the percentage of fights won. The results allow us to consider psychological characteristics as significant factors for the reliability of technical and tactical actions of a fencer in a competitive confrontation.

Keywords: fencing, anxiety, self-regulation, attention, anticipation, technical and tactical actions, competitive activity, psychological reliability

For citation: Sokoltsov I.K. The relationship between psychological characteristics and the effectiveness of technical and tactical actions of skilled fencers. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2026. 9 (4). P. 385 – 390. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-385-390

The article was submitted: February 7, 2026; Approved after reviewing: April 5, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Фехтование относится к видам спорта, в которых результат соревновательной деятельности определяется не только уровнем технической, тактической и физической подготовленности, но и состоянием психологических функций спортсмена. Фехтовальный поединок характеризуется дефицитом времени, высокой скоростью смены ситуаций, постоянной неопределённостью намерений соперника и необходимостью мгновенного выбора двигательного ответа. В этих условиях психологические характеристики спортсмена приобретают прикладное значение, поскольку они непосредственно связаны с надёжностью реализации технико-тактических действий [3, 4, 5, 10].

Особую роль в соревновательной деятельности фехтовальщика играют тревожность, саморегуляция, внимание и антиципация. Повышенная ситуативная тревожность может нарушать точность восприятия, снижать устойчивость внимания и повышать вероятность ошибочных действий. Личностная тревожность отражает более устойчивую предрасположенность спортсмена к восприятию соревновательной ситуации как напряжённой или угрожающей [2, 6].

Саморегуляция обеспечивает способность спортсмена планировать действия, контролировать эмоциональное состояние, оценивать результат и своевременно корректировать тактическое поведение. В фехтовании это особенно важно, поскольку поединок требует постоянного перехода от атакующих действий к защитно-ответным, от инициативного ведения боя к действиям в условиях неблагоприятного счёта [5, 7].

Внимание выступает условием точного восприятия действий соперника, контроля дистанции, своевременного реагирования и предотвращения технических ошибок. Антиципация, в свою очередь, обеспечивает

прогнозирование намерений соперника и позволяет спортсмену действовать не только реактивно, но и опережающе [9, 11].

Однако изолированное изучение психологических характеристик не позволяет в полной мере объяснить их значение для спортивного результата. Методологически более обоснованным является сопоставление психологических показателей с конкретными параметрами технико-тактической и соревновательной эффективности. Такой подход позволяет определить, какие психологические характеристики действительно связаны с результативностью атак, эффективностью защитно-ответных действий, количеством ошибок, тактической целесообразностью и успешностью действий в критических ситуациях поединка.

Материалы и методы исследований

В исследовании использован массив данных, сформированный для статистической апробации взаимосвязей между психологическими и технико-тактическими показателями. Массив включал данные 30 рапиристов в возрасте от 18 до 21 года. Спортивная квалификация испытуемых соответствовала уровню от первого спортивного разряда до кандидата в мастера спорта. Стаж занятий фехтованием составлял от 7 до 10 лет.

Для оценки психологических характеристик использовались следующие показатели:

1. Ситуативная тревожность.
2. Личностная тревожность.
3. Общий уровень саморегуляции.
4. Концентрация и устойчивость внимания.
5. Антиципационная способность.

Оценка ситуативной и личностной тревожности проводилась на основе шкалы Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [6]. Саморегуляция оценивалась с опорой на положения концепции осознанной саморегуляции В.И. Моросановой [7]. Для оценки внимания использовались показатели корректурной пробы, позволяющие учитывать продуктивность, концентрацию и устойчивость внимания [8]. Антиципационная способность рассматривалась как способность спортсмена прогнозировать развитие соревновательной ситуации и вероятные действия соперника [9, 11].

Технико-тактические показатели определялись на основе педагогического наблюдения, экспертной оценки и анализа соревновательных поединков. В массив были включены следующие показатели:

1. Результативность атакующих действий, %.
2. Эффективность защитно-ответных действий, %.
3. Количество ошибочных действий.
4. Тактическая целесообразность действий, баллы.
5. Процент выигранных поединков, %.
6. Результативность решающих уколов, %.
7. Эффективность действий при неблагоприятном счёте, %.

Статистическая обработка проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 20.0, методов описательной статистики и коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Уровень статистической значимости принимался $p < 0,05$.

Результаты и обсуждения

На первом этапе были рассчитаны описательные статистические показатели по психологическим, технико-тактическим и соревновательным переменным. Полученные значения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные показатели психологических и соревновательных характеристик фехтовальщиков, n = 30.

Table 1

Descriptive indicators of psychological and competitive characteristics of fencers, n = 30.

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение
Ситуативная тревожность, баллы	45,8	8,7
Личностная тревожность, баллы	44,0	7,5
Саморегуляция, нормированные баллы	60,2	8,3
Внимание, нормированные баллы	65,8	9,7
Антиципация, нормированные баллы	64,9	12,0
Результативность атакующих действий, %	54,1	10,6
Эффективность защитно-ответных действий, %	51,4	10,0
Количество ошибочных действий	12,2	3,5
Тактическая целесообразность, баллы	6,1	1,1
Процент выигранных поединков, %	58,1	9,2
Результативность решающих уколов, %	50,7	9,7
Эффективность действий при неблагоприятном счёте, %	48,1	10,2

Наиболее вариативными оказались показатели антиципации, результативности атакующих действий и эффективности действий при неблагоприятном счёте. Это соответствует специфике фехтовальной соревновательной деятельности, в которой результат зависит не только от стабильности технических навыков, но и от способности спортсмена прогнозировать действия соперника, сохранять контроль ситуации и принимать решения в условиях дефицита времени [5, 10, 11].

На втором этапе был проведён корреляционный анализ между психологическими характеристиками и показателями технико-тактической и соревновательной эффективности. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Корреляционные связи между психологическими, технико-тактическими и соревновательными показателями фехтовальщиков.

Table 2

Correlations between psychological, technical-tactical, and competitive performance indicators of fencers.

Психологический показатель	Соревновательный показатель	rs	p
Ситуативная тревожность	Количество ошибочных действий	0,57	0,001
Ситуативная тревожность	Процент выигранных поединков	-0,65	<0,001
Ситуативная тревожность	Эффективность действий при неблагоприятном счёте	-0,41	0,025
Личностная тревожность	Количество ошибочных действий	0,42	0,022
Саморегуляция	Тактическая целесообразность	0,43	0,018
Саморегуляция	Эффективность защитно-ответных действий	0,50	0,005
Саморегуляция	Эффективность действий при неблагоприятном счёте	0,49	0,006
Внимание	Количество ошибочных действий	-0,55	0,002
Внимание	Эффективность защитно-ответных действий	0,49	0,006
Внимание	Результативность атакующих действий	0,54	0,002
Антиципация	Результативность атакующих действий	0,75	<0,001
Антиципация	Результативность решающих уколов	0,56	0,001
Антиципация	Эффективность действий при неблагоприятном счёте	0,65	<0,001
Антиципация	Тактическая целесообразность	0,70	<0,001

Проведённый корреляционный анализ позволил установить, что ситуативная тревожность статистически значимо связана с рядом показателей соревновательной деятельности. Выявлено, что ситуативная тревожность положительно коррелирует с количеством ошибочных действий ($r_s=0,57$; $p=0,001$), а также отрицательно коррелирует с процентом выигранных поединков ($r_s=-0,65$; $p<0,001$) и эффективностью двигательных действий при неблагоприятном счёте ($r_s=-0,41$; $p=0,025$).

Показатель личностной тревожности положительно коррелирует с количеством ошибочных двигательных действий ($r_s=0,42$; $p=0,022$). Однако, отметим, что данная связь менее выражена в сравнении с ситуативной тревожностью. Это объясняется тем, что ситуативная тревожность определяет текущее психоэмо-

циональное состояние спортсмена в конкретных условиях ведения борьбы, в то время как личная тревожность отражает устойчивую индивидуальную тенденцию к восприятию соревновательной обстановки как напряженной или трудной [6].

Показатели саморегуляции положительно коррелируют с параметрами, отражающими психологическую устойчивость и целесообразность тактического поведения фехтовальщиков, а именно: эффективностью защитных действий ($r_s=0,50$; $p=0,005$) и эффективностью действий при неблагоприятном счете ($r_s=0,49$; $p=0,006$). Что говорит о том, что фехтовальщики с более развитыми способностями планировать, программировать, контролировать и корректировать при необходимости свои действия демонстрируют более стабильное и рациональное соревновательное поведение в поединке [7].

По показателям внимания выявлена отрицательная корреляция с количеством ошибочных двигательных действий ($r_s=-0,55$; $p=0,002$) и положительная корреляция с эффективностью защитно-ответных действий ($r_s=0,49$; $p=0,006$) и эффективностью атакующих действий ($r_s=0,54$; $p=0,002$).

По показателю антиципации выявлена наибольшая корреляционная связь с различными параметрами соревновательной эффективности, а именно: с результативностью атакующих действий ($r_s=0,75$; $p<0,001$), тактической целесообразностью ($r_s=0,70$; $p<0,001$), эффективностью действий при неблагоприятном счете ($r_s=0,65$; $p<0,001$), а также результативностью решающих уколов ($r_s=0,56$; $p=0,001$). Это позволяет рассматривать антиципацию как один из ключевых психологических механизмов, обеспечивающих результативность технико-тактических действий в фехтовании. В соревновательном поединке спортсмену необходимо не только реагировать на уже реализуемые действия соперника, но и заблаговременно распознавать его намерения, формировать опережающее решение и своевременно перестраивать тактический замысел [9, 11].

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о том, что эффективность технико-тактических действий квалифицированных фехтовальщиков сопряжена с комплексом психологических характеристик. Наиболее существенное значение среди них имеют ситуативная тревожность, саморегуляция, внимание и антиципационная способность.

Ситуативная тревожность обнаруживает обратную связь с показателями соревновательной результативности и прямую связь с количеством ошибочных действий. Это позволяет рассматривать её как фактор, способный снижать надёжность выполнения технико-тактических действий в условиях эмоционального напряжения и соревновательного давления.

Саморегуляция и внимание связаны с тактической целесообразностью, эффективностью защитно-ответных действий и уменьшением числа ошибок. Данные характеристики обеспечивают контроль текущей соревновательной ситуации, своевременность реагирования, сохранение концентрации и возможность оперативной коррекции действий в ходе поединка.

Наиболее выраженные связи с показателями соревновательной эффективности выявлены у антиципации. Она соотносится с результативностью атакующих действий, тактической целесообразностью, эффективностью действий при неблагоприятном счете и успешностью решающих уколов. Следовательно, способность прогнозировать намерения соперника и развитие боевой ситуации может рассматриваться как один из ключевых психологических механизмов эффективности фехтовальщика.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что психологические характеристики целесообразно анализировать не изолированно, а во взаимосвязи с конкретными показателями соревновательной деятельности. Их практическая значимость проявляется через повышение надёжности, устойчивости и результативности технико-тактических действий в условиях фехтовального поединка.

Список источников

1. Байковский Ю.В., Сопов В.Ф., Габбазова А.Я., Ковалева А.В. и др. Диагностика и коррекция предстартовых состояний у спортсменов высокой квалификации: монография. Москва: ГЦОЛИФК, 2018. 240 с.
2. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 411 с.
3. Платонов В.Н. Периодизация спортивной тренировки. Общая теория и её практическое применение. Киев: Олимпийская литература, 2014. 624 с.
4. Рыжкова Л.Г., Петренко О.В., Пахомова Л.Э., Николаева Е.С. Сравнение степени психической напряжённости боевой деятельности на тренировочном занятии и на соревновании в фехтовальном единоборстве // Теория и практика физической культуры. 2023. № 5. С. 31 – 33.

5. Тышлер Д.А., Рыжкова Л.Г. Фехтование. Техничко-тактическая и функциональная тренировка. Москва: Академический Проект, 2010. 183 с.
6. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Ленинград: Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры, 1976. 18 с.
7. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека: дифференциальный подход. Москва: Институт психологии Российской академии наук, 2011. 572 с.
8. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2001. 672 с.
9. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. Санкт-Петербург: Речь, 2003. 352 с.
10. Roi G.S., Bianchedi D. The science of fencing: implications for performance and injury prevention // Sports Medicine. 2008. Vol. 38. № 6. P. 465 – 481. DOI: 10.2165/00007256-200838060-00003
11. Borysiuk Z., Konieczny M., Błaszczyszyn M., Błach W., Obmiński Z. The phenomenon of anticipation in fencing: an applicability approach // Frontiers in Sports and Active Living. 2024. Vol. 6. Article 1387013. P. 1 – 8. DOI: 10.3389/fspor.2024.1387013
12. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. Санкт-Петербург: Питер, 2013. 416 с.

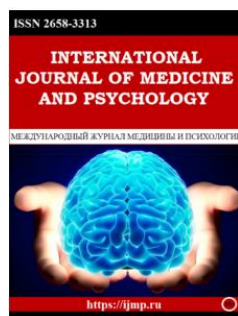
References

1. Baykovsky Yu.V., Sopov V.F., Gabbazova A.Ya., Kovaleva A.V., et al. Diagnostics and Correction of Pre-Start Conditions in Highly Qualified Athletes: Monograph. Moscow: GTsOLIFK, 2018. 240 p.
2. Ilyin E.P. Psychophysiology of Human States. St. Petersburg: Piter, 2005. 411 p.
3. Platonov V.N. Periodization of Sports Training. General Theory and Its Practical Application. Kyiv: Olympic Literature, 2014. 624 p.
4. Ryzhkova L.G., Petrenko O.V., Pakhomova L.E., Nikolaeva E.S. Comparison of the Degree of Mental Intensity of Combat Activity during a Training Session and a Competition in Fencing Combat. Theory and Practice of Physical Education. 2023. No. 5. P. 31 – 33.
5. Tyshler D.A., Ryzhkova L.G. Fencing. Technical, Tactical, and Functional Training. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2010. 183 p.
6. Khanin Yu.L. A Brief Guide to the Reactive and Personality Anxiety Scale by C. D. Spielberger. Leningrad: Leningrad Research Institute of Physical Culture, 1976. 18 p.
7. Morosanov V.I. Conscious Self-Regulation of Voluntary Human Activity: A Differential Approach. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2011. 572 p.
8. Practical Psychodiagnostics. Methods and Tests: A Study Guide. ed. and compiled by D. Ya. Raigorodsky. Samara: Bakhrakh-M Publishing House, 2001. 672 p.
9. Regush L.A. Psychology of Forecasting: Advances in Understanding the Future. St. Petersburg: Rech, 2003. 352 p.
10. Roi G.S., Bianchedi D. The Science of Fencing: Implications for Performance and Injury Prevention. Sports Medicine. 2008. Vol. 38. No. 6. P. 465 – 481. DOI: 10.2165/00007256-200838060-00003
11. Borysiuk Z., Konieczny M., Błaszczyszyn M., Błach W., Obmiński Z. The phenomenon of anticipation in fencing: an applicability approach. Frontiers in Sports and Active Living. 2024. Vol. 6. Article 1387013. P. 1 – 8. DOI: 10.3389/fspor.2024.1387013
12. Nasledov A.D. IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical analysis of data. St. Petersburg: Piter, 2013. 416 p.

Информация об авторе

Сокольников И.К., аспирант, Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», 105122, г. Москва, Сиреневый бульвар, д. 4, sokoltsovivan@mail.ru

© Сокольников И.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.95

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-391-396

¹ Шульгина М.С.,

¹ Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

Особенности смыслообразующей активности в пожилом возрасте

Аннотация: смысл жизни имеет фундаментальное значение для благополучия человека. С учетом старения населения современных обществ и объективных ограничений возможностей людей пожилого и особенно старческого возраста, актуальной проблемой становится понимание психологических особенностей смыслообразования в старших возрастных группах. В статье представлен обзор актуальных зарубежных исследований, посвященных смыслу жизни в пожилом возрасте. Анализ релевантных публикаций организован вокруг трех основных вопросов: об эффектах смысла жизни для пожилых людей, источниках смысла жизни, а также процессах и механизмах смыслообразования. Исследования показывают, что наличие субъективного чувства смысла жизни положительно влияет на показатели субъективного благополучия и здоровья, когнитивные функции, риски депрессии, однако относительно устойчивости и значимости этой связи на разных этапах старения данные противоречивы. Наиболее универсальным источником смысла жизни является позитивный социальный контекст; другими важными источниками являются вовлечение в деятельность и самотрансценденция, – причем последняя становится особенно важной в глубокой старости. Вопрос о конкретных механизмах смыслообразования остается малоизученным, хотя важную роль в старческом возрасте может играть смысловая рефлексивность. Психология смыслообразования в пожилом возрасте остаются малоизученной и опирается на разные концептуальные и теоретические подходы, что затрудняет сравнение результатов и выводов. Существование значимых индивидуальных и групповых различий требует более систематического и дифференцированного изучения источников и механизмов смыслообразования в пожилом возрасте.

Ключевые слова: смысл жизни, цели в жизни, психология смысла, смыслообразование, благополучие, старение, пожилые люди, рефлексивность

Для цитирования: Шульгина М.С. Особенности смыслообразующей активности в пожилом возрасте // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 391 – 396. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-391-396

Поступила в редакцию: 8 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Shulgina M.S.,

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Meaning-making in the old age

Abstract: the meaning of life is of fundamental importance for human well-being. Given the aging population of modern societies and the objective limitations of the capabilities of elderly people, understanding the psychological characteristics of meaning formation in older age groups is becoming a pressing issue. This article provides an overview of current foreign research on the meaning of life in old age. The analysis is organized around three main questions: the effects of the meaning of life on older people, the sources of the meaning of life, and the processes and mechanisms of meaning making. Studies show that having a subjective sense of meaning in life has a positive

effect on subjective well-being and health indicators, cognitive functions, and depression risks, but the data on the stability and significance of this connection at different stages of aging is contradictory. The most universal source of meaning in life is a positive social context; other important sources are involvement in activities and self-transcendence, the latter becoming particularly important in old age. The question of the specific mechanisms of meaning formation remains understudied, although meaningful reflection may play an important role in old age. The psychology of meaning-making in old age remains understudied and is based on different conceptual and theoretical approaches, which makes it difficult to compare results. The existence of significant individual and group differences requires a more systematic and differentiated study of the sources and mechanisms of meaning formation in old age.

Keywords: meaning of life, goals in life, psychology of meaning, meaning-making, well-being, ageing, old age, elderly, reflectivity

For citation: Shulgina M.S. Meaning-making in the old age. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 391 – 396. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-391-396

The article was submitted: February 8, 2026; Approved after reviewing: April 6, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

Хотя чувство осмысленности собственной жизни является фундаментальной потребностью человека и составляющей позитивного психологического функционирования, оно может быть особенно важным для людей пожилого возраста. Многие источники, из которых человек черпает смысл жизни, такие как продуктивная деятельность, социальные связи, забота о других, саморазвитие и др. [7] оказываются крайне затруднены или недоступны в пожилом возрасте, а утрата временного горизонта, особенно в старческом возрасте, приводит к невозможности ставить и достигать цели – что становится практически непреодолимой экзистенциальной проблемой [13]. В то же время с начала XXI века наблюдается значительный прогресс в психологических исследованиях смысла жизни; разработан ряд моделей и концепций, указывающих на сложную структуру смысла жизни, не сводящуюся к целедостижению, обосновывающих многообразие источников и механизмов смыслообразования. Это заложило основы роста интереса к проблеме смыслообразования в пожилом возрасте, и особенно в наиболее старших возрастных группах, – и поиска эффективных стратегий обретения или сохранения смысла жизни. Хотя классические психологические теории старения, такие как теория стадий жизни Э.Эриксона и теория геротрансценденции Л.Торнстема, указывали на увеличение важности утверждения значимости собственной жизни в пожилом возрасте, они не давали достаточно четкого представления о механизмах, факторах и эффектах смыслообразования, действующих в старшем возрасте с учетом фундаментальных ограничений в поддержании активности, участии в целенаправленной деятельности, сохранении старых и формировании новых социальных связей. Научная и практическая проблема заключается в выявлении конкретных источников смысла жизни, процессов и механизмов, обеспечивающих его формирование в пожилом/старческом возрасте, а также уточнении конкретных эффектов смысла жизни для благополучия человека в старости. Особую важность имеет вопрос о том, какие внутренние ресурсы и механизмы смыслообразования в старости могут обеспечивать чувство осмысленности жизни, и которые могут действовать даже в отсутствие благоприятной и поддерживающей внешней среды.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленной проблемы был проведен обзор актуальных научных публикаций. Проявлением растущего интереса к смыслообразованию в пожилом возрасте стала публикация специального выпуска журнала *Frontiers in Psychology* в 2021-2022 гг., посвященного источникам, механизмам образования и последствиям смысла (осмысленности) в поздний этап жизни. Настоящая статья представляет обзор актуальных зарубежных исследований смыслообразования в старости, представленных в этом выпуске, а также других публикациях последних лет.

Результаты и обсуждения

В вопросе об *эффектах* смысла жизни в пожилом возрасте исследования подтвердили его положительное влияние в нескольких аспектах благополучия. Лонгитюдное исследование, проведенное П. Бойль и ее коллегами, позволило установить, что высокие оценки смысла жизни связаны с более чем двукратным снижением риска болезни Альцгеймера у пожилых людей, а также меньшей скоростью ослабления когнитивных функций [2]. При этом исследование использовало шкалу благополучия К. Рифф,

в которой смысл жизни сводился к наличию целей в жизни – лишь одному из компонентов, признаваемых современными теориями. Аналогичную методику использовали Т. Виндзор и др., которые на большой выборке австралийских пожилых людей выявили значимую положительную связь смысла жизни с когнитивными функциями, субъективными показателями здоровья и продолжительностью жизни, и отрицательную – с симптомами депрессии и функциональными нарушениями [15]. В то же время вопрос об устойчивости позитивных эффектов целей в жизни в ходе возрастной динамики остается не вполне ясным. Исследование Н. Льюиса и П. Хилла показало, что они остаются фактором жизнестойкости и в глубокой старости [6], тогда как в других работах указывается на снижение их способности выполнять буферную функцию с увеличением возраста [15].

Другие исследования, использующие другие концептуальные и методические подходы, подтвердили положительные эффекты смысла жизни, но также выявили неоднородность этого эффекта. Так, в исследовании Я. Волкерта и др. было выявлено, что удовлетворенность в субъективно-значимых сферах жизни отрицательно связана с депрессией, но при этом в более старшей возрастной группе (80-84 года) риски депрессии оказались меньше, чем в менее старшей (65-69 лет) при одинаковом уровне смысла жизни [14]. Исследование португальских долгожителей также выявило, что даже в возрасте более 100 лет около трети сохраняют позитивные установки в отношении жизни [1]. Позитивная роль различных аспектов смысла жизни в показателях здоровья и благополучия пожилых людей подтверждается и в других работах (см., напр., [5]).

Второй ключевой вопрос касается основных *источников* смысла жизни в старости. Можно назвать несколько источников смысла жизни, роль которых в пожилом возрасте подтверждается исследованиями:

1. Социальные источники: позитивные социальные связи, поддержка семьи, групповые занятия [4, 8, 11]. Эти факторы имеют универсальное значение, однако особенно важны для наиболее уязвимых групп пожилых людей, в частности, живущих в условиях экстремальной бедности.

2. Вовлечение в деятельность: общественную работу, досуг, образование, созидание, заботу о здоровье, а в более старшем возрасте – участие в решении повседневных задач и забот [8, 9, 11].

3. Вертикальная самотрансценденция (религиозность, духовность) и личностный рост, то есть, внутренне-детерминированная активность, характеризующаяся отказом от материалистической направленности в сторону универсальных, трансцендентных ценностей [4, 9, 10, 14].

Есть также основания полагать, что разные источники играют неодинаковую роль в зависимости от стадии старения. Если на начальном этапе вовлечение в активность того или иного рода может быть эффективным способом поддержания смысла жизни, то в более поздний период эффективные стратегии смещаются в сторону внутренних источников.

Третий вопрос, касающийся собственно *процессов и механизмов*, посредством которых осуществляется смыслообразование в старости, относится к числу наименее изученных. В пионерской работе Л. Дьюитт и Дж. Дезуттер была предпринята одна из первых попыток описать конкретные механизмы, посредством которых жизнь обретает смысл у людей старше 75 лет [3]. В качестве такого механизма бельгийские исследовательницы назвали смысловую рефлексивность (meaning reflectivity), то есть, рефлексии относительно смысла жизни. Такую рефлексии следует отличать от *поиска* смысла жизни, который обозначает активные и конкретные усилия по нахождению и сохранению того, что дает ощущение смысла жизни. В своем исследовании они установили, что смысловая рефлексия, выражающаяся в частоте мыслей и разговоров о смысле жизни, является важным предиктором показателей собственно смысла жизни.

В других исследованиях демонстрируются другие подходы к пониманию процесса смыслообразования. Так, Дж. Спьяннари и Х. Ласелль указали на роль повседневных практик как проявления духовного поиска в формировании чувства смысла жизни [10], а Л. Туссен и др. – на значение особого типа прощения – прощения общего (негативного) хода событий [12]. М. Нильсен и др., используя модель смыслообразования К. Парк как адаптационного ответа на разрыв между глобальным и ситуационным смыслом, продемонстрировали действие таких копинг-стратегий обретения смысла у пожилых людей как отрицание, социальное сравнение, решение проблем, переоценка, восстановление ценности обыденных событий. В. ван ден Берг и др., признавая крайнюю сложность обретения смысла в условиях отсутствия будущего, в качестве, по сути, единственной работающей стратегии указывают на необходимость фокусироваться на настоящем [13]. С. Хупкенс и др., напротив, называют целый ряд потенциальных процессов, в которых пожилой человек может обрести смысл: понимание через реминисценцию, вовлечение в деятельность, обучение на опыте, адаптацию к трудностям, созерцательность [5], – однако этот перечень, по-видимому, смешивает источники и механизмы смыслообразования, а условия действия

каждой стратегии не конкретизируются. Эта проблема характерна и для ряда других указанных выше исследований.

Выводы

Несмотря на значительный рост интереса к проблеме смысла жизни в пожилом возрасте, многие ключевые вопросы остаются без однозначного ответа. Различные концептуализации и операционализации смысла жизни затрудняют достоверность любых выводов. Наличие субъективного ощущения значимости своей жизни оказывает положительное влияние на благополучие пожилых людей, однако относительно устойчивости этой связи в разные периоды старения данные противоречивы. То же самое касается роли различных источников смысла жизни и конкретных механизмов смыслообразования: есть основания полагать, что для разных групп пожилых людей эти источники и механизмы могут существенно различаться. В частности, если на раннем этапе старения и при наличии благоприятной внешней среды у человека есть много возможностей и стратегий смыслообразования, то для более уязвимых групп (старческий возраст, серьезные ограничения здоровья, экстремальная бедность, отсутствие социальной поддержки) репертуар доступных стратегий сокращается. Для таких групп особенно важными могут быть механизмы и процессы смыслообразования, основанные на внутренней, преимущественно рефлексивной активности.

Список источников

1. Araujo L., Teixeira L., Afonso R.M., Ribeiro O. To live or die: what to wish at 100 years and older // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 726621. 10 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.726621>
2. Boyle P.A., Buchman A.S., Barnes L.L., Bennett D.A. Effect of a purpose in life on risk of incident Alzheimer Disease and mild cognitive impairment in community-dwelling older persons // *Archives of general psychiatry*. 2010. Vol. 67. P. 304 – 310. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2009.208>
3. Dewitte L., Dezutter J. Meaning reflectivity in later life: the relationship between reflecting on meaning in life, presence and search for meaning, and depressive symptoms in older adults over the age of 75 // *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. Article 726150. 11 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.726150>
4. Dewitte L., Vandenbulcke M., Schellekens T., Dezutter J. Sources of well-being for older adults with and without dementia in residential care: relations to presence of meaning and life satisfaction // *Aging & mental health*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 170 – 178. <https://doi.org/10.1080/13607863.2019.1691144>
5. Hupkens S., Machiels A., Goumans M., Derckx P. Meaning in life of older persons: an integrative literature review // *Nursing Ethics*. 2018. Vol. 28. № 8. P. 973 – 991.
6. Lewis N.A., Hill P.L. Sense of purpose promotes resilience to cognitive deficits attributable to depressive symptoms // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 698109. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.698109>
7. Schnell T. The psychology of meaning in life: insights and applications. 2nd ed. New York: Routledge, 2025. 262 p.
8. Slettebø Å., Skaar R., Brodtkorb K. Social innovation toward a meaningful everyday life for nursing home residents: an ethnographic study // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 666079. 13 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.666079>
9. Sørensen T., Hestad K., Grov E.K. Relationships of sources of meaning and resilience with meaningfulness and satisfaction with life: A population-based study of Norwegians in late adulthood // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 685125. 9 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.685125>
10. Spännäri J., Laceulle H. Meaning making in a retirement migrant community: religion, spirituality, and social practices of daily lives // *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. Article 707060. 10 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.707060>
11. Tiilikainen E., Lisko I., Kekkonen E., Solomon A., Ngandu T., Kivipelto M., Kulmala J. Everyday life meaningfulness for the community-dwelling oldest old during the COVID-19 pandemic // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 716428. 13 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.716428>
12. Toussaint L., Cheadle A., Dezutter J., Williams D.R. Late adulthood, COVID-19-related stress perceptions, meaning in life, and forgiveness as predictors of mental health during the COVID-19 pandemic // *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. Article 731017. 11 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.731017>
13. Van den Berg V.E., Thölking T.W., Leget C.J.W., Hartog I.D., Zomers M.L., van Delden J.J., van Wijngaarden E.J. Questioning the value of present life: The lived experience of older people who see no future for themselves // *Aging & Mental Health*. 2023. Vol. 27. № 12. P. 2465 – 2473. <https://doi.org/10.1080/13607863.2023.2197850>

14. Volkert J., Härter M., Dehoust M.C., Ausín B., Canuto A., Da Ronch C., Suling A., Grassi L., Munoz M., Santos-Olmo A.B, Sehner S. The role of meaning in life in community-dwelling older adults with depression and relationship to other risk factors // *Aging & Mental Health*. 2019. Vol. 23. №. 1. P. 100 – 106. <https://doi.org/10.1080/13607863.2017.1396576>

15. Windsor T.D., Curtis R.G., Luszcz M.A. Sense of purpose as a psychological resource for aging well // *Developmental psychology*. 2015. Vol. 51. № 7. P. 975 – 986.

References

1. Araujo L., Teixeira L., Afonso R.M., Ribeiro O. To live or die: what to wish at 100 years and older. *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 726621. 10 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.726621>

2. Boyle P.A., Buchman A.S., Barnes L.L., Bennett D.A. Effect of a purpose in life on risk of incident Alzheimer Disease and mild cognitive impairment in community-dwelling older persons. *Archives of general psychiatry*. 2010. Vol. 67. P. 304 – 310. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2009.208>

3. Dewitte L., Dezutter J. Meaning reflectivity in later life: the relationship between reflecting on meaning in life, presence and search for meaning, and depressive symptoms in older adults over the age of 75. *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. Article 726150. 11 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.726150>

4. Dewitte L., Vandenbulcke M., Schellekens T., Dezutter J. Sources of well-being for older adults with and without dementia in residential care: relations to the presence of meaning and life satisfaction. *Aging & mental health*. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 170 – 178. <https://doi.org/10.1080/13607863.2019.1691144>

5. Hupkens S., Machielse A., Goumans M., Derkx P. Meaning in life of older persons: an integrative literary review. *Nursing Ethics*. 2018. Vol. 28. No. 8. P. 973 – 991.

6. Lewis N.A., Hill P.L. Sense of purpose promotes resilience to cognitive deficits attributable to depressive symptoms. *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 698109. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.698109>

7. Schnell T. The psychology of meaning in life: insights and applications. 2nd ed. New York: Routledge, 2025. 262 p.

8. Slettebø Å., Skaar R., Brodtkorb K. Social innovation toward a meaningful everyday life for nursing home residents: an ethnographic study. *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 666079. 13 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.666079>

9. Sørensen T., Hestad K., Grov E.K. Relationships of sources of meaning and resilience with meaning-fulness and satisfaction with life: A population-based study of Norwegians in late adulthood. *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 685125. 9 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.685125>

10. Spännäri J., Laceulle H. Meaning making in a retirement migrant community: religion, spirituality, and social practices of daily lives. *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. Article 707060. 10 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.707060>

11. Tiilikainen E., Lisko I., Kekkonen E., Solomon A., Ngandu T., Kivipelto M., Kulmala J. Everyday life meaningfulness for the community-dwelling oldest during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 716428. 13 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.716428>

12. Toussaint L., Cheadle A., Dezutter J., Williams D.R. Late adulthood, COVID-19-related stress perceptions, meaning in life, and forgiveness as predictors of mental health during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. Article 731017. 11 p. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.731017>

13. Van den Berg V.E., Thölking T.W., Leget C.J.W., Hartog I.D., Zomers M.L., van Delden J.J., van Wijngaarden E.J. Questioning the value of present life: The lived experience of older people who see no future for themselves. *Aging & Mental Health*. 2023. Vol. 27. No. 12. P. 2465 – 2473. <https://doi.org/10.1080/13607863.2023.2197850>

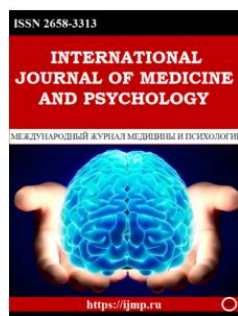
14. Volkert J., Härter M., Dehoust M.C., Ausín B., Canuto A., Da Ronch C., Suling A., Grassi L., Munoz M., Santos-Olmo A.B, Sehner S. The role of meaning in life in community-dwelling older adults with de-pression and relationship to other risk factors. *Aging & Mental Health*. 2019. Vol. 23. No. 1. P. 100 – 106. <https://doi.org/10.1080/13607863.2017.1396576>

15. Windsor T.D., Curtis R.G., Luszcz M.A. Sense of purpose as a psychological resource for aging well. *Developmental psychology*. 2015. Vol. 51. No. 7. P. 975 – 986.

Информация об авторе

Шульгина М.С., аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
Marusenka22@yandex.ru

© Шульгина М.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923

DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-397-408

¹ Зюзя Е.В.,

¹ Хабибуллин Т.Ф.,

¹ Национальный гуманитарный университет

Определение дефиниции ядра личности

Аннотация: авторы анализируют понятие «ядро личности» как теоретическую категорию, связанную с источниками мотивации, самостоятельности, внутренней активности, телесных реакций и психических процессов. В статье сопоставляют психоаналитические, гуманистические, интерперсональные, индивидуально-психологические, нарративные и когнитивные подходы к объяснению устойчивых оснований личности. Авторы рассматривают позиции З. Фрейда, Г. Мюррея, Э. Эриксона, Г. Салливана, О. Ранка, А. Ангяла, Д. Бакана, К. Роджерса, А. Маслоу, А. Адлера, М. Уайта, Г. Олпорта, Э. Фромма, Дж. Келли, Д. Макклелланда, Д. Фиска и С. Мадди. На основе сравнительного анализа выявлены ограничения концепций: размытость терминологии, трудность эмпирической проверки, редукция личности к отдельным мотивационным, когнитивным или социальным механизмам. Авторы предлагают дефиницию ядра личности как точки соединения ума, тела и психических процессов, задающей источник чувств, стремлений и направленности поведения. Обоснована потребность в расширении представлений о периферии ядра личности, поскольку типологические описания не раскрывают индивидуальную логику изменения реакций, переживаний и терапевтического результата. Выводы ориентированы на последующее уточнение диагностики, психологического сопровождения и дальнейшей коррекционной психологической практики.

Ключевые слова: ядро личности, мотивация, самость, самореализация, психические процессы, телесные реакции, личностная периферия, типология личности, психологическое здоровье, психотерапия

Для цитирования: Зюзя Е.В., Хабибуллин Т.Ф. Определение дефиниции ядра личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 4. С. 397 – 408. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-397-408

Поступила в редакцию: 9 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

¹ Zyuzya E.V.,

¹ Khabibullin T.F.,

¹ National Humanitarian University

Definition of the core personality

Abstract: the authors analyze the concept of "core personality" as a theoretical category associated with the sources of motivation, autonomy, internal activity, bodily reactions, and mental processes. The article compares psychoanalytic, humanistic, interpersonal, individual psychological, narrative, and cognitive approaches to explaining the stable foundations of personality. The authors examine the positions of Z. Freud, G. Murray, E. Erikson, G. Sullivan, O. Rank, A. Angyal, D. Bakan, K. Rogers, A. Maslow, A. Adler, M. White, G. Allport, E. Fromm, J. Kelly, D. McClelland, D. Fisk, and S. Maddi. Based on the comparative analysis, limitations of these concepts are identified: vague terminology, difficulty in empirical verification, and the reduction of personality to isolated motivational, cognitive, or social mechanisms. The authors propose a definition of the personality core as the junction

of mind, body, and mental processes, which determines the source of feelings, aspirations, and behavioral direction. They substantiate the need to expand understanding of the periphery of the personality core, as typological descriptions fail to reveal the individual logic behind changes in reactions, experiences, and therapeutic outcomes. The conclusions are aimed at further refinement of diagnostics, psychological support, and further corrective psychological practice.

Keywords: personality core, motivation, self, self-realization, mental processes, bodily reactions, personality periphery, personality typology, psychological health, psychotherapy

For citation: Zyuzya E.V., Khabibullin T.F. Definition of the core personality. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (4). P. 397 – 408. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-4-397-408

The article was submitted: February 9, 2026; Approved after reviewing: April 7, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026

Введение

В рамках исследовательской психологии устойчивое место занимает центральная структура личности, или иными словами, пласт, который формирует источники мотивации, автономии и внутренней мотивационной активности человека [1-3]. Тем не менее, до сих пор отсутствует общепринятое понимание, что именно представляет собой это ядро, какие факторы обуславливают его становление и каким образом оно может подвергаться искажениям и изменениям [1; 2; 8].

Различные теоретические концепции предлагают отдельное описание множества структур, объединяемых в представление о центральной структуре личности: в число таких элементов включают архетипические образы, субличности, тени и эго-состояния [1; 2]. Тем не менее ни одна из перечисленных моделей не в состоянии полностью объяснить, что именно сохраняется в личности и непосредственным образом влияет на поведение и результаты деятельности. Естественно, жизненные сценарии тоже рассматриваются в роли факторов, способных трансформировать мотивы. Однако что именно придает личности целостность? Что произойдет, если исключить эго, архетипические конструкции и субличности, а также устранить воздействие жизненных сценариев? Более того, если рассматривать центральную структуру личности в терапевтическом контексте, возможно ли говорить о восстановлении личности? На каком этапе личность пациента достигает выздоровления и вновь обретает способность к активной жизнедеятельности? Известно, что терапия завершается по ряду причин – завершением протоколов, окончанием отведенных часов, достижением клиентом целей, либо частичным удовлетворением запроса. Но когда именно терапия приводит к восстановлению личности?

В данной работе мы предлагаем рассматривать понятие «центральной структуры личности» как исходную точку, определяющую психическое благополучие либо неблагополучие личности, а также как фундаментальный источник ее мотиваций, эмоций и устремлений [3; 5; 6].

Материалы и методы исследований

Это исследование заслуживает оценки как глубокое и систематичное, поскольку оно раскрывает множество перспектив, подробно и скрупулезно анализирующих природу идентичности с разных ракурсов [2; 4; 5], причем эти ракурсы соотносятся между собой в сопоставительном и критическом ключе. Опора работы – широкий корпус классиков: Фрейд Салливан Роджерс и Мюррей включены в аналитическую базу; наряду с ними привлечены материалы менее узнаваемых авторов, таких как Ранк и Анял, предлагаемые для дополнительного рассмотрения. Более того, в качестве концептуального фундамента использованы положения Роджерса и Маслоу, которые подчеркивают центральные аспекты самоидентификации, тогда как периферийные элементы ядра освещаются через призму идей Эриксона и Макклелланда, что добавляет объема интерпретации.

Среди ранних трудов в данной сфере, заслуживающих внимания, стоит назвать работу Зигмунда Фрейда, в которой он выдвинул идею, что фундаментальная самооценка способствует повышению внутренней удовлетворенности и при этом снижает ощущение вины и наказания.

Фрейд выделял ид эго и суперэго как ключевые элементы базовой структуры личности. В его концепции ид состоит из инстинктивных импульсов – первичного содержания, которое он считал основой; это, по сути, и было обозначено как «человеческая психика» в этой ранней формулировке. При этом, в рамках человеческой психики Эго развивается постепенно по мере накопления опыта и под воздействием принципа реальности; Эго опирается на вторичные мыслительные процессы, которые регулируют поведение. Позже

из эго выделяется аспект психики, содержащий социально навязанные нормы и запреты (внушенные родителями ребенку) – суперэго.

Фрейд трактовал становление межличностного «я» через призму последовательных этапов формирования личности: орального, анального, фаллического, латентного и генитального. Ребенок испытывает замедление развития в социальной среде главным образом из-за так называемого «подавления» – физического ограничения, возникающего, когда родители усиливают стресс на любом из этапов взросления ребенка, либо чрезмерно подавляя, либо гиперреагируя.

По Фрейду, вокруг ядра «я» располагаются черты характера, которые отражают как повторяющиеся модели поведения, так и вариации, присущие различным фазам психологического роста, а также оборонительные механизмы, активизирующиеся в этих периодах.

Данная фундаментальная концепция личности не принимает во внимание уникальные биологические и психологические потребности индивида, равно как и внешние обстоятельства, оказывающие влияние на процесс формирования личности.

С этой точки зрения Мюррей выделял ключевую черту личности – утверждение о том, что поведенческая активность индивида не всегда продиктована лишь стремлением устранить противоречие между личностью и социумом.

Помимо этого, Мюррей изучал обширные компоненты строения личности. По его мнению, ид может содержать побуждения, соответствующие социальным нормам, а также те, которые общество отвергает; эго обеспечивает когнитивные функции, а нормы и запретительные установки супер-эго не обязаны оформляться исключительно в раннем детстве.

Мюррей, во многом следуя Фрейду, в рамках психосексуальной теории занимался анализом развития личности, однако расширил ее, введя еще две фазы: клаустральную – рассматриваемую как внутриутробный этап, и уретральную, которую он описывал как промежуточную фазу, локализуемую на стыке оральной и анальной стадиями.

В дополнение к своей основной теории личности Мюррей уделяет особое внимание идее потребностей, что имеет ключевое значение, поскольку именно в этой сфере возникают индивидуальные запросы, выходящие за рамки базовой сущности человека. Стоит отметить, что Мюррей рассматривает потребности как организующий принцип, формирующий восприятие, творческие представления, мыслительные процессы, волю и поведенческие реакции, переводя неудовлетворенные состояния в определенные жизненные ситуации.

Следует подчеркнуть, что в процессе своих изысканий Мюррей составил перечень из 40 различных потребностей, включающих, к примеру, стремления к успеху, власти и принадлежности.

Ключевой момент в подходе Мюррея к личности – его представление о том, что личность не статична, а представляет собой непрерывно меняющийся процесс, протекающий в течение всей жизни индивида.

В этой связи формулируется принципиальный вопрос: при постоянной трансформации идентичности – какие изменения претерпевает кажущееся неизменным ядром личности [7; 8]. Как изменения на периферии этого центра соотносятся с перестройкой его внутренних структур? Точнее, каким образом те перемены, возникающие на периферии, отражаются на внутренней организации ядра личности?

Значимой фигурой для дальнейшего анализа выступает Эрик Эриксон, который в ходе своих исследований подчеркнул следующее: основная задача индивидуальной активности не сводится лишь к предотвращению конфликтов личности с обществом.

Следуя Фрейду в вопросе изучения становления центральных структур личности, Эриксон, однако, в своей методологии утверждает, что именно необходимым сместить акцент от чистой биологической детерминации в пользу анализа психосоциальных противоречий; в частности тех, что проявляются между ребенком и родительской фигурой и влияют на траектории развития. Опираясь на фрейдистские источники, на стадиях психосексуального развития Эриксон рассматривает процессы, которые он соотносит и интерпретирует как связанные с характеристикам личности в рамках фрейдовой теории, расширяя тем самым понимание этапов.

Так, вербальный аспект проявляется как ощущение доверия либо его отсутствие, тогда как анальная сфера выражается в самостоятельности либо в чувстве стыда (сомнения), и далее по аналогии. Психолог Эриксон в трудах описал явление расплывчатости идентичности или ролевых позиций, которое возникает в пубертатный период и продолжается до окончания подросткового этапа [9]. Он также обозначил процессы, характерные для раннего этапа взрослой жизни – стремление к близости и тенденции к отчуждению. Кроме того, Эриксон акцентировал, что процессы интеграции и фрагментации проявляются в промежутке от среднего до позднего взрослого возраста.

Пределы периферии центральной структуры личности Эриксон не фиксирует; он, вместе с рядом исследователи считает что на рассматриваемом уровне проявляются разнообразные типы личности, и это заключение подтверждается рядом эмпирических наблюдений и теоретических интерпретаций.

Анализ данной теории выявил ряд противоречий и слабых мест – в частности неясность термина «личность» и чрезмерный акцент на подростковом возрасте [1; 8]. Кроме того мы считаем что нехватка единых методик, которая сохраняется в исследованиях, является одной из ключевых проблем и одновременно одним из перспективных направлений для дальнейшего развития теории.

Гарри Стэк Салливан, как один из заметных исследователей личности, предложил концепцию фундаментальных черт, которая существенно отличалась от Фрейда Мюррея и Эриксона В своей модели. В своих работах он подчеркивал и анализировал ключевые тенденции личности; исследователь нередко ссылался на категории, где фигурировали и «тенденции личности», и формулировки личности как аналитического объекта – личности как предмет наблюдения. Рассмотрение указанных тенденций осуществлялось посредством методологического противопоставления двух векторных направленностей – удовлетворения биологических потребностей и стремления к психологической защищенности – при этом в рамках аналитической схемы детальный разбор подавался через номинализацию процессов, в результате чего личность интерпретировалась как устойчивая система межличностных отношений, детерминируемая структурой самости, а система самости, формирующаяся через общение, выделялась как ключевой механизм дифференциации «хорошего» и «плохого» Я и как показатель базовой потребности в безопасности [2; 4; 5].

Выделение физиологических и психологических компонентов личности у Салливана осуществлялось через институционализированную дифференциацию склонности к доминированию и потребности в телесной близости, при этом склонность к доминированию фиксировалась как переживание превосходства и практика контроля, тогда как потребность в контакте интерпретировалась как тенденция к предотвращению состояния одиночества.

Результаты и обсуждения

На основе проведенных исследований была выдвинута концепция власти как устойчивой энергетической схемы, проявляющейся в процессах взаимодействия личности с окружающими и формирующей структуру межличностных отношений, при этом в аналитическом поле осуществлялся систематический анализ смещения смыслового содержания таких терминов, как «голод» и «удовольствие», под влиянием вербального воздействия, а также выполнялось изучение энергетического импульса влечения, соотносимого с сексуальными потребностями в контексте телесных откликов и психических представлений.

Предметом приоритетного теоретического внимания рассматривается динамика эго и совокупность бессознательных актов, ориентированных на собственное «я», при этом осуществление формирования указанных актов детерминируется интериоризацией опыта одобрения и опыта отторжения и влечет за собой выработку поведенческих стратегий, направленных на смягчение тревожного состояния, связанного с ощущением отвержения, а концептуализация «личностного мозга» у Салливана представлена как сочетание синдромов с комплексом признаков, которые, впрочем, обладают невысокой специфичностью; часть таких синдромов при этом не связана с отдельными этапами развития.

Ключевые симптомы, которые выделял Салливан:

- эгоцентрическая личность – отличается чертами, свойственными прототактическому мышлению при аутизме.

- отчаянная личность – склонна враждебно относиться ко всем, за исключением тех, кто также эгоцентричен.

- негативистская личность – проявляет склонность к самоповреждению, коренящуюся в отрицательном самоощущении.

- отстраненная или с выраженными психическими особенностями личность – проявляющаяся в эгоистичном поведении.

- врач – индивид, у которого особенности развития отражаются в использовании особенного стиля речи.

- амбициозная личность – проявляющая нехарактерное стремление к соперничеству.

Лица с антисоциальными чертами обычно характеризуются наличием устойчивой системы ценностей, в которую входит и ощущение собственной значимости.

Люди с ограниченными возможностями формируют свое самосознание через зависимость от взаимодействия с другими.

- Только люди с одинаковой гендерной идентичностью способны испытывать привязанность, обусловленную этой идентичностью.

– Неустанное стремление к совершенству характеризует вечную молодость, хотя она и не достигает желаемого идеала.

Теория личности, разработанная Салливаном, заметно отличается от иных концепций, однако мы отмечаем в ней определенные пробелы, требующие коррекции. В частности, данная теория уделяет основное внимание межличностным связям, при этом оставляя без должного рассмотрения внутренние, биологические и психические компоненты. В представлении Салливана личность предстает как «относительно устойчивый образец повторяющихся социальных взаимодействий».

Исследователь Отто Ранк, важная фигура в изучении ранних этапов становления личности, сосредоточивал внимание на травматических переживаниях, возникающих в момент рождения. В его подходе именно эти родовые переживания становятся истоком множества человеческих проблем, тревог, обусловленных разлукой, а также внутренних конфликтов. По его теории личностное развитие определяется взаимодействием Я и волевых начал, стремящихся уравновесить боязнь жизни – то есть опасение собственной сущности – и боязнь гибели, связанную с утратой собственного Я.

По определению Ранка, основные направленности личности состоят в стремлении одновременно снизить риск гибели и ослабить боязнь жизни.

В теоретическом подходе Ранка выделяются ключевые личностные особенности, включающие страх существования и боязнь исчезновения. По Ранку тревога, связанная с жизнью, коренится в ощущении раздробленности и неизбежности обособления личности, берущего начало при рождении и продолжающегося на всем протяжении жизни. Боязнь смерти, в свою очередь, вытекает из внутренней потребности в целостности, гармонии и взаимосвязи.

Ранк различает волю и эго, исходя из их изначальных характеристик. Согласно его исследованиям, эго появляется, когда индивид отделяется от окружающих после рождения. По мере осознания ребенком возможности утраты родителей, он начинает отвергать их наставления. Если же связь с родителями сохраняется, желания трансформируются в подлинные стремления. Ранк не разделяет развитие личности на отдельные этапы. Помимо базовых характеристик, он вводит дополнительные атрибуты, включая три особых свойства:

- Стилль художественного выражения, который складывается в благоприятной воспитательной среде, когда боязнь бытия и собственной смертности сведена к минимуму, а воля сильна.

- Невротический тип личности, проявляющийся тенденцией к отчуждению и нежеланию объединяться; при этом противоположная потребность возникает с еще большей интенсивностью.

- Преобладающая часть людей ощущает единство, одновременно отвергая распад на части.

По нашему мнению, подход Ранка обладает рядом недостатков, среди которых – игнорирование ключевых достижений в изучении личности и чрезмерное упрощение представлений о личности. По этой концепции разнообразные психологические проблемы объясняются одной и той же причиной.

Основная концепция личности, предложенная Андрашем Ангиелем, трактует эти характеристики как взаимосвязанные стремления к реализации автономности и проявлению альтруизма.

Ангил считает также важным исследование периферийных зон ядра. Жизненный процесс, рассматриваемый как конечный роман и совокупность черт, располагается вне центра личности.

- Подход, сочетающий активность и конструктивизм, выступающий в роли нового варианта финализма, предполагает стремление служить, а совокупность черт может быть охарактеризована как амбициозность или ориентация на достижение целей. Адлер, вероятно, считает этот стиль оптимальным.

- Конструктивный стиль с пассивной направленностью основывается на убеждении, что исходное произведение искусства завершено, а перечень характеристик выделяет обаяние, то есть склонность привлекать внимание не действиями личности, а ее сущностью. Такой подход тоже признан желательным.

- Подрывной подход рассматривается как модель поведенческих установок, детерминируемая отрицанием авторитета, направленностью на возмездие и требованием оставления в покое, при этом в составе типичных проявлений фиксируются клевета, очернение и ругательства.

- Деструктивный подход, характеризующийся пассивной направленностью и воображаемым завершением, интерпретируется как совокупность поведенческих реакций, в которой наблюдаются апатия, упрямство, скрытая агрессия и безысходность, при этом совокупность указанных признаков получает выражение в придании феномену фатального оттенка.

Выполняемый анализ демонстрирует применение Ангялом метафоры живых организмов, вследствие чего осуществляется смещение акцентуации интерпретационной парадигмы в рассматриваемой области, при сохранении исходной семантической направленности. Дискурсивная констелляция конструирует людей не как инертные объекты, но как активных агентов, вовлеченных во взаимодействие с биосферой,

что влечет за собой затруднение операционализации границ между внутренней идентичностью и внешними воздействиями и порождает соответствующие методологические сложности.

В трактовке Дэвида Бакана личность интерпретируется как интегрированная система, в контексте которой процессы интеграции и дифференциации выступают детерминантами самоактуализации и организации опыта переживания. Автором осуществляется выделение двух сопряженных тенденций, а именно волюнтаризма как стремления к самовыражению и коллективизма как фактора, способствующего формированию общности и ощущения принадлежности. Фиксация ведущих характеристик производится через феномен сопротивления обстоятельствам, который интерпретируется как проявление власти и одновременно как механизм укрепления социальной причастности.

В позиции Бакана демонстрация власти рассматривается как фактор, способствующий отчуждению от социальных взаимодействий и материальной среды, при этом получает выражение акцент на управлении и контроле. Признание же интерпретируется как процесс единения и установления связей с людьми, идеями или неодушевленными объектами, что характеризуется усилением сплоченности.

В условиях отсутствия формального определения положения личности относительно центра и периферии предметом теоретического и эмпирического внимания представляется обеспечение баланса между процедурами разграничения и процедурами объединения, а также поддержание чувства причастности. Психологические или соматические расстройства появляются тогда, когда развивается склонность к смещению, а стремление к принадлежности оказывается подавленным.

Основная проблема заключается в том что при нарушении равновесия указанных принципов существенно возрастает вероятность внутреннего противоречия; это, в свою очередь, может спровоцировать расстройство личности, проявляющееся как склонность к эгоцентризму агентизму или же как утрата «я» – социальной идентичности. По мнению Карла Роджерса, в основе личности лежит врожденный импульс к самореализации, который стимулирует индивида к личностному росту, автономии и раскрытию потенциала. При этом в теоретическом описании подчеркивается, что личность строится вокруг самоконцепции самообраза, устремленной на поддержание единства и согласованности между фактическим и пережитым опытом [2; 5; 9].

Роджерс отмечал, что базовый импульс личности – это Стремление к самореализации и руководящая потребность в реализации собственного внутреннего потенциала; подобные устремления ориентированы на сохранение и приумножение жизни не только ради одного человека но и ради человечества в целом. Поскольку в этих внутренних силах зачастую отсутствуют жесткие социальные регуляции, возникают потенциальные конфликты. Это стремление распространяется на живых существ У разных уровней организации; у человека же оно принимает более упорядоченную, целенаправленную форму и проявляется как устремленность к самореализации.

Высокая самооценка вместе с чувством личного достоинства и, более того, Потребность в позитивном внимании выступают как ключевые факторы, определяющие поиск самореализации и направленность этого поиска. Обе эти потребности, будучи взаимосвязанными, коренятся в стремлении к реализации индивидуального потенциала и служат мотивационной основой для поступков и выбора жизненных целей. Потребность во внимании окружающих обуславливает склонность человека остро реагировать на одобрение и критику; иногда реакция смещается и концентрируется на одобрении и на тех внешних проявлениях, что исходят со стороны общества Я самосознание, в свою очередь, понимается как осознание собственной сущности и значимости. Потребность в позитивной самооценке предполагает ощущение удовлетворения, которое возникает тогда, когда самовосприятие согласуется с реальным образом «я», укрепляя тем самым внутреннее чувство целостности личности.

Типы личности, представляющие собой совокупность различных черт, составляют фундамент индивидуальности. Роджерс дает им следующее определение:

- личность, функционирующая в полной мере, которую также называют идеальной, обрела полное принятие без условий. Вследствие этого она не подвержена ценностным ограничениям; при этом отсутствуют защитные реакции. Ее отличает гармония внутреннего «Я» и имеющихся возможностей.
- личность с дезадаптивным функционированием, получившая условное одобрение, в результате чего у нее сформировались ценностно обусловленные требования, появились разрывы в согласовании «Я» с его потенциальными возможностями и проявилась склонность к оборонительным реакциям.

Критической уязвимостью концепции Роджерса считается утверждение о том, что личность складывается через самосознание – осознание организма и «я» – и под влиянием ценностных условий. Среди ее недостатков – чрезмерно позитивная оценка природы человека, трудности с эмпирической проверкой положений и пренебрежение ролью подсознательных процессов. А. Маслоу выделял ключевые направления раз-

вития личности, понимая их как устремленность к раскрытию внутренних ресурсов и к удовлетворению потребностей, гарантирующих физиологическое и психическое существование организма. Потребность в самореализации повышает качество жизни (этот фактор принято называть мотивом роста), тогда как направленность, ограниченная поддержанием выживания, лишь сохраняет существование (ее определяют как мотив лишения).

Инстинкт сохранения жизни определяется системой базовых нужд: сначала – физиологическими потребностями (например, питьем и едой); затем идут потребностями в безопасности защита от угроз; далее следуют потребностями в принадлежности и любви, выражающимися в чувстве общности; и потребностями в признании, включающими самооценку и одобрение окружающих. Каждая из этих потребностей проявляет свою значимость лишь после того, как более фундаментальные нужды оказались удовлетворены.

В основе у Маслоу представления о личности лежит идея, что типы личности рассматриваются как сочетание индивидуальных черт и ценностных ориентиров.

Личность, достигшая самоактуализации и удовлетворившая свои фундаментальные потребности, проявляет реалистичное осознание собственного «я», окружающих и мира в целом, отличается готовностью принять и непринужденной непосредственностью, ориентирована на разрешение проблем и испытывает тягу к уединению, сохраняет самостоятельность, обладает внутренней духовной устойчивостью, налаженными межличностными и межконфессиональными связями, преданность демократическим принципам, четко разграничивает средства и цели и характеризуется тонким философским чувством юмора, творческим подходом и некоторой непоследовательностью.

К минусам данной теории относятся недостаток эмпирической базы, строгая иерархическая структура, пренебрежение культурными особенностями и сложность адаптации к атипичному поведению.

В числе ключевых направлений личности в адлеровской концепции выделяется тенденция к превосходству и самосовершенствованию, что отражает функционирование человека как индивидуального субъекта и в социальной роли. Отсюда возникает неизбежное противоречие между личностью и социальным окружением.

Побуждение к самосовершенствованию опирается на телесное ослабление (реальное снижение физических возможностей и наличие ограничений); оно затрагивает и внутренний план: в психическом состоянии независимо от состояния тела формируются побуждения и стратегии, а также работают механизмы, в которых заметны состояния и компенсации попытке преодолеть реальный или воображаемый спад жизненного тонуса. Ориентация таких компенсаторных усилий определяется характером спада и представлениями об идеале – идеализированными, воображаемыми целями. Адлер также выделяет особую, порой почти таинственную, функцию – творческое эго которое обеспечивает волевую способность личности вольно проявлять себя, что позволяет ей сознательно противостоять влияниям на ее развитие.

По мнению Адлера, образ жизни, объединяющий воображаемые цели и устоявшиеся привычки, представляет собой основополагающую характеристику личности. В его концепции выделяются такие типы:

- Стиль, ориентированный на активное и созидательное поведение
- Стиль, характеризующийся пассивным, но конструктивным подходом
- Стиль, предполагающий открытое разрушительное поведение
- Стиль, проявляющийся скрытой разрушительной направленностью

В теоретических построениях Майкла Уайта основные человеческие мотивы объясняются стремлением добиваться результатов посредством собственных действий (ориентация на эффективность) и желанием развивать профессиональные умения в определенной сфере – направленностью на освоение компетентности.

Положительное побуждение обусловлено потребностью нервного аппарата в поступлении данных либо внешних стимулов. Хотя стремление к компетентности коррелирует с реальным уровнем навыков и субъективным ощущением собственной квалификации, их место в личностной структуре до сих пор изучено недостаточно.

В тексте отсутствует упоминание о процессах формирования как основной идентичности, так и ее периферийных элементов.

Майкл Уайт основатель нарративной терапии подверг сомнению представления о я в традиционном психологическом ключе: личность, по его концепции, не сводится к неизменному набору поведенческих паттернов, а постоянно меняющийся процесс, сотканный из многочисленных рассказов.

Подход Уайта критикуют: он способен скрывать глубоко укоренившиеся внутренние противоречия и неосознанные механизмы которые не всегда поддаются переработке помощью нарратива поскольку рамка метода ограничена внешним дискурсом и социальным оформлением. Кроме того, возникает риск фрагмен-

тации без опоры на интегративное «ядро», в результате чего человека начинают воспринимать как набор отдельных эпизодов. Это осложняет работу с клиентами, особенно в случаях пограничное расстройство личности, когда необходима системная поддержка для восстановления чувства целостности.

По убеждению Гордону Олпорту, ключевые стремления личности – это, прежде всего, являются поиск собственного «я» и, наряду с тем, функция собственного я и удовлетворение биологических потребностей; последние он детально описывает как называемое оппортунистическое действие Оппортунистическое действие. Такое оппортунистическое действие диктуется базовыми потребностями – питанием, воде воздухе и прочими элементарными запросами; напротив, как функция собственного я включает в себя телесные ощущения, самосознание и самооценку, личностное развитие, способность к рациональным решением проблем, а также осознание себя и стремлением к личностному благополучию.

Теоретическая концепция Олпорта уделяет внимание индивидуальным особенностям, психическим механизмам и мотивам личностного роста. Базисная модель, предложенная Гордоном Олпортом, соотносит черты характера с когнитивными свойствами и подвергалась критике за недостаток эмпирических подтверждений (приближенность к философским построениям), неспособности раскрыть механизмы становления личности и упущения роли внешней среды. В ней недооценена динамика личностных трансформаций, а акцент сделан преимущественно на описательной характеристике вместо раскрытия причин.

В представлениях Эриха Фромма базовым стремлением человека считается проявление своего человеческого начала. По Фромму природа человека качественно иная по сравнению с животной. Тем не менее на практике эти начала нередко противопоставляются: во-первых, потому что животное начало имеет подчиненный статус, а во-вторых – из-за того, что оно сохраняет присущие ему инстинктивные особенности.

Личность человека определяется такими потребностями, как взаимоотношения с окружающими и внешней средой, трансцендентность – отстранение от мира и других, укорененность – осознание своего социального положения, идентичность – понимание собственной сущности, а также ориентиры – методы осмысления и восприятия окружающей действительности.

Связи в отношениях родителей и детей выделяют три основных типа: симбиотические (с выраженной зависимостью и неспособностью к самостоятельности), разрушающие и отчуждающие (проявляющиеся в отстраненности и равнодушии) и теплые, основанные на взаимном почтении, поддержке и принятии. Прогресс в развитии во многом определяется именно типом этих отношений, а не последовательностью этапов развития.

Личность базируется на установках (или типах), которые представляют собой совокупность характерных черт.

– Под воздействием поведенческих моделей с мазохистским характером формируется установка, ориентированная на восприятие; это проявляется, в частности, когда в отношениях с родителями ребенок занимает пассивную, тесно зависимую позицию.

– Установка, направленная на эксплуатацию, возникает под влиянием поведенческих моделей садистского характера, в результате чего ребенок выступает доминирующим звеном в тесно зависимых отношениях с родителями.

– Накопительный тип установки опирается на модели разрушительного поведения, которые ребенок перенимает в условиях отчуждения и разрыва взаимоотношений, как ответную реакцию на отчуждение со стороны родителей.

– Рыночная направленность формируется, прежде всего, на основе моделей отчуждающего поведения; эти модели, которые ребенок воспроизводит и демонстрирует, возникают как реакция и проявляются в ответ на нарушения со стороны родителей в условиях деструктивно-отчуждающей среды, а затем постепенно закрепляются в его практическом поведении.

Эффективный метод формируется на базе моделей поведения ребенка, в чьих взаимоотношениях с родителями доминирует любовь.

Теоретическое учение Эриха Фромма о человеческой личности, базирующееся на соотношении природных потребностей и влияния социальной среды, подвергалось критике за излишнюю абстрактность, недостаток строгих эмпирических доказательств и за избыточный упор на естественно-научные и социально-культурные детерминанты. Среди основных минусов отмечают пессимистический взгляд, трудности при эмпирическом изучении и неясность терминологии. В рамках персонологической модели Джорджа Келли центральное место занимает организационная система конструкторов, где ключевые («ядро») конструкторов обуславливают действия и восприятие самого себя.

У Келли в модели не рассматриваются процессы формирования первоначальной личности, кроме отдельных аспектов, связанных с конструированием событий и перестройками структур. Также отсутствует анализ значимости ключевых отношений как в детском возрасте, так и в зрелости.

В теории Келли отсутствует концепция фиксированных типов личности, привязанных к конструктивным системам или отдельным конструкциям. Вместе с тем он выделяет различные виды конструктов, помогающих объяснять индивидуальные различия между людьми. Конструкты различаются по уровню транзитивности – способности охватывать новые, не регистрировавшиеся раньше события – а также по интенсивности ожиданий, то есть по объему событий, не подпадающих под другие конструкции.

Кроме того, конструкции обладают характеристиками: они превербальны, поскольку не выражаются посредством четкой последовательности лексических элементов; разнообразны по охвату – могут быть обширными, включающими множество явлений, или узкоспециализированными; имеют сложную структуру, выступая как вторичные и подчиненные, то есть состоящие из других элементов, сохраняя при этом самостоятельность как отдельная единица.

Теоретическая модель конструкций личности, предложенная Джорджем Келли, сосредоточена на способах восприятия мира индивидом, однако имеет ряд ограничений. Среди основных проблем – избыточная когнитивная нагрузка, недостаточный акцент на эмоциональной отзывчивости и мотивационных аспектах, сложность в проведении диагностики, нехватка эмпирических подтверждений, пренебрежение биологическими влияниями, а также затруднения при практическом применении теории.

В теоретических разработках Дэвида Макклелланда субъектный диапазон личностных тенденций интерпретируется через призму регуляции расхождений между прогнозируемыми и фактическими состояниями, при этом в качестве организующих проявлений выделяются тенденции к сокращению существенно выраженных разрывов и к увеличению незначительных отклонений, что в совокупности характеризуется как стремление к поддержанию оптимального уровня стимульной неоднозначности. В указанном аспекте утверждается, что осуществление поиска неожиданностей выступает как средство предотвращения монотонности переживаний, тогда как избежание чрезмерных сюрпризов, вызывающих страх, рассматривается как механизм предохранения от интенсивной дезадаптации.

Ожидания рассматриваются как когнитивные структуры, регламентирующие содержательную и порядковую организацию предстоящих событий, при этом проявления реакций на существенные и несущественные несоответствия между ожиданиями и реальностью фиксируются в форме позитивных либо негативных аффективных состояний, а внутри личности наблюдается функционирование механизмов, обеспечивающих укрепление положительных эмоциональных состояний и снижение вероятности возникновения негативных, что в совокупности детерминирует направленность адаптивных поведенческих и эмоциональных ответов.

У Макклелланда осуществляется выделение мотивов, типичных черт и поведенческих схем в качестве периферийных свойств личности, при этом производится их концептуализация в виде мотивационно-структурных компонентов, рассматриваемых как элементы функциональной организации личностной системы. Мотив определяется как сильная эмоциональная связь, обусловленная ожиданием определенной реакции и выстраивающаяся на базе ранее установленных связей с благоприятными или неблагоприятными последствиями конкретных стимулов.

В подходе, предложенном Фиска и Сальвадора Мадри, склонности личности объясняются стремлением поддерживать некий оптимальный индивидуальный уровень активации, который индивид стремится удерживать в относительно стабильных пределах. В любой момент этот показатель может смещаться ниже или выше своего оптимума; такие отклонения обычно побуждают либо к поиску дополнительной стимуляции, либо к целенаправленным попыткам ее уменьшить, то есть к активным регуляторным действиям.

Выводы

С точки зрения возбуждения психического функционирования чаще всего трактуется как состояние активации или повышенного напряжения; а с физиологической как аспект рассматривается влияние на определенные области мозга. Типичный уровень возбуждения это величина, которую человек испытывает в течение суток и которая отражает среднюю степень активации. При этом сам типичный уровень возбуждения формируется под воздействием силы, значимости и многообразия стимулов, исходящих со стороны внутренних и внешних источников, поэтому он может заметно варьировать.

Итогом данного теоретического анализа служит формулировка следующих ключевых заключений.

Некоторые авторы полагают, что ключевые направляющие – ядра личности – выражаются через совокупность мотивов: стремление к наибольшему удовлетворению базовых инстинктов и потребностей при

одновременной экономии ресурсов (включая чувство вины, опасения наказания и ощущения уязвимости); снижение тревоги за жизнь, при этом смерти одновременная тревога также уменьшается; противоречивые, одновременно выражающиеся тенденции автономии и уступчивости и, наряду с этим, одновременное усиление автономии и чувства принадлежности; стремление к реализации собственных нужд; стремление к превосходству или самосовершенствованию; влечение к выражению Я, проприума и к удовлетворению биологических потребностей; стремление прогнозировать и контролировать собственную жизнь; и поддержание устойчивого уровня активации личности.

Некоторые ученые не анализировали возможные варианты и механизмы формирования ядра личности. В то же время иная группа исследователей связывает становление ядра личности с этапами психосексуального становления.

Специалисты, работающие с концепцией ядра личности, выделяют типы характеров как набор черт а также ряд синдромов которые представляют собой комплексы черт и типы личности; такие комплексы, фиксируемые в клинических и теоретических описаниях, проявляются в разнообразных сочетаниях.

Считается что взаимодействие центральных и периферийных компонентов личности осуществляется через развитие [6; 8]. На ранних этапах базовые направления и признаки ядра обнаруживаются в определенных условиях внешней среды Последующий опыт – включая поощрения, наказания и освоение знаний – способствует выработке конкретных периферийных черт и вариантов личности [4; 6]. Обычно предполагают, что на формирование того или иного тип личности существенно влияет семейная среда, в котором взрослеет индивид [4; 5; 9].

Любая теоретическая модель содержит определенные изъяны, которые существенно отражаются на ее внедрении и практического применения в академической и прикладной практике. К числу характерных проблем можно отнести: трудности эмпирической проверки игнорирование социального контекста и методологические ограничения; тенденцию к чрезмерному когнитивизму, исключая эмоциональные реакции, мотивацию и физиологические потребности; нечеткость терминов и понятий; недостаточную разработанность объяснений динамики личностных изменений, в том числе игнорирование возрастной периодизации в описаниях развития; в ряде случаев – сведение сложного социального поведения человека к упрощенным схемам, системных процессов недооценка которых очевидна; а также сниженное внимание к роли врожденных инстинктов и физиологических потребностей.

С учетом выявленных ограничений и текущих трендов в развитии концепций ядра личности мы предприняли попытку систематизировать имеющиеся теоретические сведения (имеющих теоретических оснований), относящиеся к проблеме, и выделить ключевые элементы ядра личности [1; 6; 8].

Учитывая изложенное, представляется значимым поставить вопрос о том, происходит с ядром личности. Каким образом при ее постоянной изменчивости сама перестройка – и как в результате этого трансформируется само ядро? Как именно изменения, возникающие во внешних слоях ядра личности, отражаются на структуре его внутренней организации и на взаимосвязях между составными элементами?

Таким образом, в ходе теоретического анализа, ориентированного на дальнейшее формирование методологии и построение теоретических основ центральной структуры личности, мы предложили свое определение понятия, обозначающего «ядро личности».

Под ядром личности, в традиционной формулировке, понимается та узловая точка пересечения когнитивных процессов, соматических реакций и психических проявлений; эти компоненты, которые могут быть генетически предопределенными либо сформированными в ходе жизни, образуют отправную основу для оценки психического и психологического состояния индивида [2; 3; 5; 6]. Ядро личности в таком ключе выступает как качественный генератор мотивации, эмоциональных переживаний и жизненных устремлений.

Все исследователи отмечают, что внешняя зона личностного ядра ориентируется на различные типы личности, при этом каждый из них предлагает собственные классификационные характеристики. Данный факт рассматривается как ограничение, требующее расширения пределов внешней области личностного ядра [1; 6; 8].

Каждый из подходов утверждает наличие некоего фиксированного перечня приемов (методов, техник, упражнений), применимых вне зависимости от состояния индивида, которые якобы обеспечивают конкретный результат, игнорируя при этом глубинное содержание личности и изменения, происходящие на ее периферии.

Это приводит к тому, что любой подход фактически стандартизирует психическую организацию индивида, его реактивность и прочие характеристики. Следовательно, двое людей с принципиально отличающимся внутренним содержанием, испытывая одинаковое чувство страха, получают идентичный набор ре-

комендаций из когнитивно-поведенческой терапии, гештальт-подхода и других методов – предполагая, что это приведет к схожему итогу, то есть избавлению от страха. Однако исследования показали, что одна и та же практика не обеспечивает сопоставимых эффектов [10]. Таким образом, универсального способа реабилитации личностной целостности не существует.

Список источников

1. Лебедев А.Н. Проблемы и перспективы развития психологии личности в современной России // Учёные записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 3 (5). С. 4 – 21.
2. McAdams D.P., Trzesniewski K., Lilgendahl J., Benet-Martínez V., Robins R. W. Self and identity in personality psychology // Personality Science. 2021. Vol. 2. Article e6035. DOI: 10.5964/ps.6035
3. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research / ed. by F. Maggino. Cham : Springer, 2022. P. 1 – 7. DOI: 10.1007/978-3-319-69909-7_2630-2
4. Басюк В.С., Николаев А.А. Идентификация и идентичность: теоретико-методологический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). С. 161 – 175. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-161
5. Гришина Н.В. Идентичность как проявление целостности личности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 12 – 24. DOI: 10.17759/sps.2024150402
6. Кононова А.И., Костромина С.Н. Теоретические основания процессуальной модели образа мира личности // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18. № 2 (50). С. 14 – 28. DOI: 10.11621/npj.2023.0202
7. Bleidorn W., Schwaba T., Zheng A., Hopwood C.J., Sosa S.S., Roberts B.W., Briley D.A. Personality stability and change: A meta-analysis of longitudinal studies // Psychological Bulletin. 2022. Vol. 148. № 7-8. P. 588 – 619. DOI: 10.1037/bul0000365
8. Bleidorn W. Toward a theory of lifespan personality trait development // Annual Review of Developmental Psychology. 2024. Vol. 6. P. 455 – 478. DOI: 10.1146/annurev-devpsych-010923-101709
9. Шаповаленко И.В., Кочетова Ю.А., Семья Г.В., Меркуль И.А., Радчиков А.С. Личностная идентичность современных подростков: результаты общероссийского исследования // Психологическая наука и образование. 2026. Т. 31. № 1. С. 141 – 157. DOI: 10.17759/pse.2026000005
10. Nye A., Delgadillo J., Barkham M. Efficacy of personalized psychological interventions: A systematic review and meta-analysis // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2023. Vol. 91. № 7. P. 389 – 397. DOI: 10.1037/ccp0000820

References

1. Lebedev A.N. Problems and Prospects of Development of Personality Psychology in Modern Russia. Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. No. 3 (5). P. 4 – 21.
2. McAdams D.P., Trzesniewski K., Lilgendahl J., Benet-Martínez V., Robins R.W. Self and Identity in Personality Psychology. Personality Science. 2021. Vol. 2. Article e6035. DOI: 10.5964/ps.6035
3. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory. Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. ed. by F. Maggino. Cham : Springer, 2022. P. 1 – 7. DOI: 10.1007/978-3-319-69909-7_2630-2
4. Basyuk V.S., Nikolaev A.A. Identification and Identity: Theoretical and Methodological Aspect. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2024. No. 3 (138). P. 161 – 175. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-161
5. Grishina N.V. Identity as a Manifestation of Personality Integrity. Social Psychology and Society. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 12 – 24. DOI: 10.17759/sps.2024150402
6. Kononova A.I., Kostromina S.N. Theoretical Foundations of the Process Model of the Personality's Worldview. National Psychological Journal. 2023. Vol. 18. No. 2 (50). P. 14 – 28. DOI: 10.11621/npj.2023.0202
7. Bleidorn W., Schwaba T., Zheng A., Hopwood C.J., Sosa S.S., Roberts B.W., Briley D.A. Personality Stability and Change: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies. Psychological Bulletin. 2022. Vol. 148. No. 7-8. P. 588 – 619. DOI: 10.1037/bul0000365
8. Bleidorn W. Toward a theory of lifespan personality trait development. Annual Review of Developmental Psychology. 2024. Vol. 6. P. 455 – 478. DOI: 10.1146/annurev-devpsych-010923-101709

9. Shapovalenko I.V., Kochetova Yu.A., Semya G.V., Merkul I.A., Radchikov A.S. Personal identity of modern adolescents: results of an all-Russian study. Psychological Science and Education. 2026. T. 31. No. 1. P. 141 – 157. DOI: 10.17759/pse.2026000005

10. Nye A., Delgadillo J., Barkham M. Efficacy of personalized psychological interventions: A systematic review and meta-analysis. Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2023. Vol. 91. No. 7. P. 389 – 397. DOI: 10.1037/ccp0000820

Информация об авторах

Зюзя Е.В., Национальный гуманитарный университет, ez2712@yandex.ru

Хабибуллин Т.Ф., Национальный гуманитарный университет, taro-online@inbox.ru

© Зюзя Е.В., Хабибуллин Т.Ф., 2026